

В. В. Марьина

Второй президент Чехословакии

ЭДВАРД БЕНЕШ:
ПОЛИТИК и ЧЕЛОВЕК

1884–1948

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В. В. Марьина

ВТОРОЙ
ПРЕЗИДЕНТ ЧЕХОСЛОВАКИИ

ЭДВАРД БЕНЕШ:
ПОЛИТИК и ЧЕЛОВЕК

1884–1948

МОСКВА «ИНДРИК» 2013

УДК 94(437)
М30

Рецензенты:

доктор исторических наук *Е.П. Серапионова*
кандидат исторических наук *Ю.А. Щербакова*

В. В. Марьяна

Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. — М.: Индрик, 2013. — 488 с.

ISBN 978-5-91674-243-5

Эдварда Бенеш, политик, ученый, дипломат, один из основателей Чехословацкого государства (1918 г.). В течение тридцати лет он представлял его интересы сначала в качестве бессменного министра иностранных дел (1918–1935 гг.), а затем — президента. После исчезновения Чехословакии с политической карты Европы Бенеш, эмигрировавший на Запад, возглавил борьбу за восстановление республики в домюнхенских границах. В послевоенной ЧСР он содействовал утверждению строя, именуемого им «социализированная демократия». Бенеш — политик не только чехословацкого, но и европейского масштаба. Он активно участвовал в деятельности Лиги Наций и избирался ее председателем, был сторонником политики коллективной безопасности в Европе. Дважды как глава государства он терпел поражение: отторжение Судетской области в результате Мюнхенского соглашения (1938 г.) и коммунистический переворот (февраль 1948 г.). Многие исследователи считают Бенеша трагической фигурой. Споры о личности Бенеша не утихают до сих пор. В России нет крупных работ, посвященных Бенешу. Настоящая книга — это взгляд российского историка-чехословакиста на Эдварда Бенеша, видного политика первой половины XX века. Особое внимание обращено на его отношение к России, Советскому Союзу. Имеется документальное приложение. Работа основана на материалах российских архивов, документах, опубликованных в России (СССР) и Чешской республике (Чехословакии), а также известной автору российской и чешской исторической литературе.

ISBN 978-5-91674-243-5

© Институт славяноведения РАН, 2013

© Издательство «Индрик», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Кто Вы, д-р Бенеш? (Вместо предисловия)	7–19
ГЛАВА 1. Детство. Юность. Поиск собственного «я»	20–29
ГЛАВА 2. Первая мировая война. Вступление в практическую политику	30–47
ГЛАВА 3. На посту министра иностранных дел. Начало	48–65
ГЛАВА 4. На родине: политические сторонники и противники	66–84
ГЛАВА 5. Главное – внешняя политика. Успехи и неудачи	85–98
ГЛАВА 6. Архитектор безопасности ЧСР	99–117
ГЛАВА 7. На пути к президентскому креслу	118–134
ГЛАВА 8. Первый год президентства	135–155
ГЛАВА 9. 1937 год: на подступах к Мюнхену	156–180
ГЛАВА 10. В преддверии Мюнхена	182–197
ГЛАВА 11. Мюнхенский кризис. Слово Э. Бенешу	198–218
ГЛАВА 12. Мюнхенское соглашение. Отставка Э. Бенеша	219–234

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 13. Мюнхен: международный контекст	235–257
ГЛАВА 14. Эмиграция. Начало заграничного Сопrotивления	258–279
ГЛАВА 15. Создание и начало деятельности Временного чехословацкого правительства в эмиграции	280–302
ГЛАВА 16. Восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом	303–324
ГЛАВА 17. Внешняя политика: «50% – на Запад, 50% – на Восток, а не 100% – на Запад	325–344
ГЛАВА 18. Визит в Москву. Международный фон и итоги (декабрь 1943 г.)	345–367
ГЛАВА 19. В Прагу через Москву и Кошице	368–389
ГЛАВА 20. «Социализация демократии»: представления и реалии	390–411
ГЛАВА 21. Февраль 1948 г.	412–430
ГЛАВА 22. Отставка. Кончина. Прощание	431–444
Послесловие-резюме	445–451
Документальное приложение	452–472
Список сокращений	473–474
Именной указатель	475–487

КТО ВЫ, Д-Р БЕНЕШ? (Вместо предисловия)

Историки, которые пытались, опираясь на архивные и опубликованные документы, воспоминания современников президента, существующую на этот счет литературу, создать портрет Бенеша как политического деятеля и человека, признают трудность выполнения поставленной задачи. «Когда я занимался его биографией, – пишет З. Земан, – мое отношение к Бенешу колебалось. Чрезвычайная похвала, которая раздавалась главным образом во время его нахождения у власти, загнала меня в ряды критиков Бенеша; в то же время острые нападки, которые появились преимущественно после 1989 г., вызвали во мне защитную реакцию. Как бы то ни было, писать о Бенеше как о политике, а, возможно, еще более как о человеке, решительно нелегкая задача. До тех пор пока чехи будут интересоваться своим прошлым, личность Бенеша останется предметом споров»¹.

О неоднозначности и сложности фигуры Бенеша, противоречивости и, подчас, необъяснимости на первый взгляд его политики, пишет и известный чешский историк Карел Каплан: «Э. Бенеш относится к тем немногим политикам, которые несколько раз оказывались в ситуации, когда решалась судьба государства, а в случае Бенеша – государства, одним из создателей и творцов которого он являлся. Его решения в сентябре 1938 г. и в феврале 1948 г. многие осуждают и считают Бенеша ответственным за трагическое развитие Чехословакии. Другие его защищают, поскольку эти судьбоносные решения президента понимают как неизбежные и как меньшее зло по сравнению с еще большей трагедией».

Ответ на вопрос о том, чем обуславливались позиции Бенеша на жизненно важных перекрестках республики, в большинстве случаев усматривается, как пишет Каплан, в «неправильной политической концепции, ошибочных предположениях, в излишних дипломатических калькуляциях, в личных особенностях и, не в последнюю

очередь, в его болезни». «При этом недооценивается, – по мнению Каплана, исследовавшего последний год жизни президента, – что политические шаги Бенеша отмечены и предопределены и самим положением малого, по сути, еще “нового” государства в центре Европы в период обостренной борьбы великих держав за овладение этим пространством». Тот же исследователь пишет: «Президент, который в 1938 г. покинул республику, утратив доверие большинства населения, в мае 1945 г. возвратился как политик, имеющий высокий авторитет, особенно в чешском народе. Всеобще признано, что он страдал мюнхенским комплексом. Из факта Мюнхена он сделал для внешней и внутренней политики некоторые выводы, которые стали составной частью его политического мышления, а затем и принципами его политической практики. С ними он возвратился снова на родину. Внешнеполитическая ориентация Бенеша на Советский Союз (следовало бы добавить: с одновременной ориентацией на Запад. – В. М.) была мотивирована, прежде всего, поведением западных союзников в 1938 г., а также ожиданием постоянной угрозы со стороны Германии»².

Личность Э. Бенеша, тридцать лет проведенного в политике и посвятившего ей всю свою сознательную жизнь, действительно трудно поддается объективной оценке. Для этого необходимо рассматривать его деятельность в контексте истории послеверсальской Европы, происходивших в ней политических процессов, менявшихся направлений внешней политики западных держав Англии и Франции, событий в Германии, оправившейся от поражения в Первой мировой войне и взявшей курс на фашизацию, внутривнутриполитического развития Советского Союза и его внешнеполитического курса; невозможно не учитывать интересы в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы всех упомянутых крупнейших «игроков» на европейской политической сцене, а также стремление руководителей молодого чехословацкого государства играть на ней достойную и значимую роль, не вступая, по возможности, в конфликты и осторожно ведя «чехословацкий корабль» меж рифов постоянно бурного европейского политического моря. А лоцманом этого «корабля» был Э. Бенеш, ученик и соратник первого президента ЧСР Т.Г. Масарика, который высоко оценивал его заслуги как в создании Чехословакии, так и в выработке ее внешнеполитической концепции. На протяжении 17 лет, с 1918 по 1935 г., Бенеш занимал пост министра иностранных дел в четырнадцати разных, сменявших за это время друг друга правительствах. Т.Г. Масарик видел в Бенеше своего преемника. В декабре 1935 г. он стал вторым президентом ЧСР, продолжая, по сути, руководить внешней полити-

кой государства. Были ли ошибки и просчеты в его деятельности на этих постах? Как и у всякого долгое время практикующего политика, несомненно, были, в чем Бенеш, кстати, в силу особенностей своего непростого характера, либо не любил признаваться, либо не признавался вообще. Как правило, особой критике подвергаются решения, принятые им во время мюнхенского кризиса 1938 г. и февральского кризиса 1948 г. Все десять лет после Мюнхена Бенеш пытался объяснить и оправдать свои действия (некоторые исследователи называют это «мюнхенским комплексом» или «мюнхенским синдромом» Бенеша), а также опровергнуть обвинения в предательстве, добровольной сдаче власти коммунистам в феврале 1948 г.

Ответ на вопрос о причинах принятых Бенешем судьбоносных решений следует искать в конкретно-политической обстановке того времени, и, прежде всего, во внешнеполитических факторах, обстановке сил на международной арене. На это обстоятельство также обратил особое внимание один из самых серьезных исследователей политики Бенеша в последние годы Йиндржих Деймек, подчеркнув минимальные возможности небольших государств, расположенных по соседству с тоталитарными (и, думается, вообще великими державами), отстаивать свою независимость, свою самостоятельную позицию, свои национальные интересы. Если рассматривать Мюнхен в свете великодержавной политики, считает Деймек, то он предстает «не только как крах чехословацкой государственной идеи или даже продукт личных ошибочных действий второго президента Чехословацкой республики, но гораздо более в виде общей проблемы существования небольших государств в Европе, как и на других континентах, если они (малые государства. – В. М.) становятся объектом своеволия более сильных соседей». Э. Бенеш, «как и большинство политических руководителей малых государств в Европе, временно отступил перед brutальным нажимом, однако благодаря своим систематическим дипломатическим усилиям в конце концов сумел добиться не только включения программы восстановления Чехословакии в планы Антигитлеровской коалиции, но, более того, [восстановления государства] в домюнхенских границах»³.

Важно отметить, что Бенеш являлся не только политиком, но и ученым. Он считал, что политика должна проводиться на научной основе. Очевидно, к нему можно было бы применить современный термин «политолог». Наукой Бенеш стал заниматься даже раньше, чем политикой, проявив при этом особый интерес к социалистическим учениям⁴. Находясь на высоких государственно-политических постах, он продолжал научную деятельность⁵.

Интерес к колоритной фигуре Э. Бенеша, политика не только чехословацкого, но и европейского уровня, был проявлен еще при его жизни. Благодаря своей политической и научной деятельности он стал популярен в стране, прежде всего, в чешских землях, и известен мировой общественности. Достаточно широко отмечались его пятидесятилетие (1934) и шестидесятилетие (Лондон, 1944). Появившиеся тогда работы носили преимущественно, как и все юбилейные труды, хвалебный характер. Впрочем, некоторое представление о Бенеше как о человеке и политике можно почерпнуть и из характеристик, данных ему современниками. Конечно, нельзя не учитывать их субъективность, но оценки хорошо знавших Бенеша людей добавляют живых красок в его политический портрет. Вот каким видел президента знавший его многие годы Яромир Смутный, сотрудник и единомышленник (в главном) Бенеша, в эмиграции выполнявший обязанности начальника его канцелярии. Это – дневниковая запись марта 1940 г., не рассчитанная на широкое читательское внимание, и тем более ценная: «Бенеш – это выдающийся стратег и тактик, величайший Макиавелли нашего времени, но ему не дано привлечь массы, передать им ощущение радости от труда, сознание единства, совместной борьбы, страданий и радостей. Он не вызывает доверия. Инстинктивно люди, которые к нему приближаются, испытывают постоянное ощущение некоей недоговоренности, ощущение, что Бенеш использует их в каких-то своих планах, о которых им прямо не говорит. Люди уходят от него убежденными, но не привлеченными на его сторону, получившими уверения, но не полюбившие его. Это судьба всех эгоистов: люди считаются с ними, признавая их достоинства, но не любят их. Эгоисты внушают страх и послушание, но когда им плохо, они остаются вдруг в абсолютном одиночестве. И это потому, что когда у них все было хорошо, они не смогли понять других; это – повсюду в моменты их поражения... Мы признаем Бенеша, поскольку он выделяется среди нас своей интеллигентностью, упорством, работоспособностью», но «в его характере отсутствует все человеческое. Это – машина для размышлений и работы, без человеческих эмоций, но с человеческими слабостями... Я не встречался с человеком, который был бы Бенешу по-человечески предан. Я не встречал человека, который мог бы с ним поговорить по-человечески, поговорить о том, что может кого-то огорчать, радовать. Бенеша никогда это не интересовало, и это по отношению к любому. Нет, нельзя сказать, чтобы он не помогал, наоборот, он стремился в этом случае или дать денег (иногда из своих), или похотатайствовать за кого-то». Но, по словам Смутного, «он бесчувствен-

нен по отношению к другим, как и по отношению к себе... У него нет личных потребностей, он скромнен, не пьет, не курит... Ничего в нем не вызывает волнения, я ни разу не наблюдал блеск удовольствия в его глазах, когда он видел красивую женщину. Он никак не проявляет, и, вероятно, особенно не ощущает удовольствия от хорошей еды или напитка. Не курит. Ему не интересно куда-то ездить. Он не любит быть в обществе, любит видеть вокруг себя людей, с которыми можно говорить о политике, дискутировать с ними, но не считает нужным собирать вокруг себя людей ради совместных развлечений. Политика для него – всё...». Я. Смутны отмечал, что, утратив человеческие контакты с людьми, Бенеш часто судит неверно, «когда у них играют роль иные, чем политические, мотивы»⁶.

Сравнение Бенеша с Макиавелли, видимо, справедливо лишь отчасти. Как и итальянский политический мыслитель начала XVI в., который хотел видеть Италию сильным, целостным государством, Бенеш стремился сначала к созданию, затем к сохранению, а позже к восстановлению единого Чехословацкого государства и видел в этом единстве (как теперь ясно, ошибочно) залог его прочного будущего. Но, если Макиавелли полагал, что для достижения поставленной цели допустимы любые средства («цель оправдывает средства») и в политике возможно пренебрежение нормами морали («макиавеллизм»), то Бенеш, будучи демократом, выступал, по крайней мере, на словах, против интриганства и лукавства в политике, хотя критики зачастую обвиняют его именно в склонности к интригам и сокрытию правды. Возможно, отчасти это и справедливо: ведь дипломатам и политикам свойственны подобные приемы и методы работы. Во всяком случае, как ученый и теоретик Бенеш отвергал априори политический макиавеллизм и иезуитство, цинизм и аморальность, выступал за тождество целей политики и этики. «В демократии не может быть спора между политикой и нравственностью, – писал Бенеш, – демократия не признает и не может признавать принцип, что скверное политическое деяние, политическое мошенничество и политическая ложь могут быть оправданы патриотизмом и интересами народа или партии»⁷. Конечно, это были декларации. Не всегда они могли стать руководством к действию, о чем свидетельствуют исследования деятельности Бенеша как политика.

Тем не менее некоторые современники Бенеша ценили в его взглядах именно проповедь этих ценностей. Вот что писал по этому поводу ученый Феликс Уэлч: «Тесная взаимосвязь политики и правды – типичный признак политической школы Масарика. Чрезвычайно показательным, что он в качестве своего девиза избрал [выражение]

“Правда побеждает”. Отношение Бенеша к правде такое же». И далее он цитирует Бенеша: «Успех, конечный успех может прийти лишь там, где господствует честность, уважительность, правдивость. Но это не означает, что правда побеждает сама. Девиз “Правда побеждает” означает, что ради нее мы должны трудиться, ей помогать, за нее всегда и без усталости бороться»⁸.

Современники Бенеша, английские и американские политики и ученые, как явствует из материалов книги, подготовленной к его шестидесятилетию (1944), особое внимание обращали на краеугольный камень внешнеполитической деятельности Бенеша – достижение соглашения между Востоком и Западом и на роль Чехословакии в этом деле. Чехословакия должна, писал А. Тейлор, «познакомить западный мир с миром советским и советский мир с миром западным»⁹. Г. Томсон вторил ему: «Чехословакии чувствовали и чувствуют, что их миссия – быть мостом, связующим Запад со славянским Востоком, что они нерушимо связаны с Востоком и Западом и не могут повернуться исключительно в какую-нибудь одну сторону». Бенеш, отмечал Томпсон, с начала своей политической деятельности неустанно подчеркивал необходимость того, чтобы в мировом общественном мнении была признана миссия Чехословакии – соединить Восток с Западом в единое, дееспособное целое. В этом его не всегда понимали как его соотечественники, так и западные державы. Бенеш, однако, ни в благоприятные, ни в неблагоприятные времена не переставал утверждать, что Европа не может жить, будучи разделенной на две взаимно подозревающие друг друга половины». Еще в 1924 г. Бенеш заявлял: «Мы хотим помочь русскому народу и привести Россию как можно скорее как политического деятеля опять в Европу, так как без России не будет в Европе мира»¹⁰. Не правда ли, как свежо и современно звучат эти слова, как они точно накладываются на нашу действительность, для которой характерно трудное налаживание диалога и сотрудничества между Россией и Западом?

Сетон Уотсон, называя Бенеша «великим европейцем», все же считал, что он, «как до него и Масарик, прежде всего, славянин, и поэтому восточник... Одновременно долголетняя традиция... связывает его с западными демократиями, с Францией, Великобританией и Америкой и укрепляет его в вере, что его народу суждено выполнить благородную миссию посредника и переводчика между обоими такими различными мирами, как славянский и англо-саксонский, которые, хотя иногда и ворчат друг на друга, но все же обречены на взаимопонимание, если хотят, чтобы Европа была защищена от немецкого тоталитаризма (имелся в виду гитлеровский режим. – В. М.)»¹¹.

О стремлении Бенеша сохранить равновесие между Востоком и Западом говорил и Брюс Локкарт, посол Англии в Чехословакии с 1919 по 1928 г., а затем – английский представитель при временном чехословацком правительстве в Лондоне (до лета 1941 г.). «Было бы большой ошибкой полагать, – считал он, – что, подписав договор с Россией (1943 г. – В. М.), он стал панславистом. Он умеет приспособлять свою тактику, но никогда не изменит своим принципам и сегодня, как и в 1918 г., обращает взгляд к Западной Европе и еще далее на Запад через Атлантический океан, чтобы найти соответствующее равновесие ради безопасности и самостоятельности своей родины»¹².

Чехословацкие коммунисты и во время, и в первые годы после войны, когда к власти пришло правительство Национального фронта чехов и словаков и началось строительство народно-демократического государства, находили общий язык с Бенешем, хотя их конечная цель была очевидна – раньше или позже установить свое монопольное господство в стране. Оно фактически и было установлено в феврале 1948 г. После смерти Бенеша, в разгар холодной войны и на пике международной напряженности появились резко критические и очернительные оценки Бенеша, грубо искажающие его деятельность. Вот как писал о нем чешский историк В. Крал: «Целью политики чешской буржуазии и ее агента Бенеша накануне Мюнхена было принесение Чехословакии в жертву гитлеровской агрессии, чтобы можно было уничтожить Советский Союз. Целью политики Бенеша была капитуляция перед Гитлером»¹³. Характеристика второго президента ЧСР, свойственная работам 1950-х гг., кратко сводилась к следующему: это государственный и политический деятель, проводивший антисоветскую и антинациональную политику, ориентировавшийся на сотрудничество с западными империалистическими державами, в годы войны действовавший в соответствии с планами Англии и США, а после освобождения Чехословакии поддерживавший реакционные силы и контрреволюцию в стране. Так характеризовался Бенеш и в СССР¹⁴. Историки, как советские, так и чехословацкие, смотрели тогда на него через призму классово-идеологического подхода, ставя при этом во главу угла отношение Бенеша к коммунизму, марксизму-ленинизму, идеям социализма в их сталинской интерпретации, советскому строю, который он не принимал как целое, но в котором, кстати говоря, усматривал и ценные, достойные для заимствования в процессе совершенствования западной демократической системы, элементы.

Грубое очернительство, присутствовавшее во взгляде на роль Бенеша в истории Чехословакии, в 60-е гг., когда страна шла по пути

подготовки «Пражской весны», сменилось попытками более объективно оценить эту роль. Определенными шагами в этом деле стали две объемные, основанные на огромном архивном материале книги Яна Кржана «В эмиграцию» и «В эмиграции», в которых много места отводится деятельности Бенеша в 1938–1940 гг. как центральной фигуры западной чехословацкой эмиграции. Я. Кржэну принадлежала и серьезная статья, анализирувавшая позиции Бенеша в годы Второй мировой войны¹⁵. Мария Лвова рассмотрела в своей книге политику президента в период Мюнхена¹⁶. Однако успешно начатая в 60-е гг. прошлого века разработка темы, касающейся места и роли Бенеша в истории Чехословакии, прекратилась после подавления «Пражской весны». Никак в ЧСР в 1984 г. не было отмечено и столетие со дня его рождения. Зато в декабре 1985 г. в Нью-Йорке состоялась научная конференция, посвященная этой дате. Ее материалы были напечатаны сначала в американском журнале «Космас»¹⁷, публиковавшем исследования по Чехословакии и странам Центральной Европы, а затем перепечатаны в 1988 г. нелегальным чехословацким изданием «Исторические исследования»¹⁸. В конце 1990 – 1991 г. чехословацкий военно-исторический журнал в рамках дискуссии о личности Бенеша познакомил и широкую научную общественность с этими материалами¹⁹. Как представляется, именно в ходе указанной дискуссии обозначились направления последующих исследований проблематики, связанной с именем Бенеша. Поэтому остановимся на дискуссии более подробно. Ее участники по-разному подходили к личности Бенеша, отмечая, как сильные, так и слабые стороны его деятельности. В основном положительно оценивалась роль Бенеша в создании Чехословацкого государства и его работа на посту министра иностранных дел; более сурово и пристрастно разбирались итоги последнего десятилетия политической деятельности президента и особенно его действия в период Мюнхена и в феврале 1948 г. Бенеша упрекали и критиковали за то, что сначала он не смог и не захотел воспротивиться агрессии гитлеровской Германии, предпочтя капитуляцию, а затем спасовал перед натиском коммунистов и Москвы, за то, что, будучи президентом, он дважды «не сумел защитить демократию и свободу от агрессивности великодержавного соседа»²⁰.

Особое внимание привлекла политика Бенеша в период мюнхенского кризиса. Следует отметить, что нападки на принятое им тогда решение начались фактически сразу после Мюнхена и продолжают по сей день. Причем осуждали действия Бенеша не только его враги – а таких было немало, – но и многие из его сторонников и сподвижников. На сторонников и противников Бенеша разделились

и участники указанной дискуссии. Каждая из сторон приводила уже неоднократно высказывавшиеся аргументы и контраргументы. Например: народ был един в своем стремлении защищать страну – единство народа в решимости начать войну преувеличено, существовали достаточно мощные социальные и политические силы, не желавшие этого; чехословацкая армия была оснащена новейшим вооружением и могла, как считало ее командование, противостоять гитлеровским войскам, опираясь на энтузиазм народных масс – среди генералитета не было единодушия в вопросе вооруженного отпора агрессору, среди 1,5 млн мобилизованных в армию было 300 тысяч немцев и 100 тысяч венгров, и неизвестно, как бы они повели себя во время войны, германские войска по своей ударной мощи превосходили чехословацкие вооруженные силы; в войне против Германии Чехословакия могла опереться на Советский Союз, который готов был оказать ей военную помощь – реальная советская помощь была проблематична: при отсутствии общих границ, нежелании Польши пропустить Красную Армию через свою территорию, физической невозможности переброски советских воинских частей через Румынию, наконец, вследствие слабости Красной Армии, обусловленной проводимыми в ней «чистками» и незавершенностью перевооружения, «только безграничный оптимист мог придавать какое-либо серьезное значение этим союзническим отношениям»²¹.

«Защитники» Бенеша полагали, что он был политиком-реалистом, безусловно, взвесившим все «за» и «против» вооруженного столкновения с агрессором. Кроме всего прочего, он учитывал, что не всегда делали его оппоненты, и сложившуюся международную ситуацию. Бенеш хорошо понимал, что вступление Чехословакии в военный конфликт с Германией означало бы начало войны и войны не локальной, а, по меньшей мере, европейской. Осознавая это, мог ли Бенеш пойти на такой шаг? Локализовать конфликт не удалось бы, и мир был бы втянут в войну, которой он так опасался и к которой не был готов. Английская и французская общественность ликовала, приветствуя мирное разрешение конфликта. Политика умиротворения агрессора, конечно, за счет других, прежде всего малых государств, казалась ей тогда меньшим злом, чем пожар новой мировой войны. Всего этого не мог не видеть и не учитывать Бенеш, принимая решение подчиниться «мюнхенскому диктату». Действия президента в сентябре 1938 г., как и в феврале 1948 г., писал А. Климек, нужно рассматривать в международном контексте, в их глобальной взаимосвязи и взаимообусловленности, следует видеть, что «самые настойчивые усилия Бенеша, главы относительно малого, располо-

женного в чреватом кризисами центре Европы государства, не могли принципиально изменить соотношение сил»²².

Как истинный демократ, всегда искавший и выбиравший пути мирного решения конфликтов, Бенеш предпочел, чтобы его страна принесла жертву на алтарь дела мира, но выиграла морально в глазах той же мировой общественности. Таков был его выбор. Это решение можно принимать или не принимать, одобрять или осуждать, но сам Бенеш никогда не каялся в содеянном, не считал сделанный шаг ошибочным. Самым страшным злом он считал кровопролитие (тем более напрасное), всегда старался избежать его, в том числе и в феврале 1948 г. Из двух зол, руководствуясь здравым смыслом и политическим чутьем, Бенеш выбирал меньшее. В конце концов, перед таким выбором оказывались и другие чехословацкие политики, попавшие в схожую ситуацию. Теорией «меньшего зла», здравым смыслом («плетью обуха не перешибешь») руководствовался, например, Людвик Свобода, когда отдавал приказ, чтобы чехословацкая армия не оказывала сопротивления войскам «союзников», вторгшимся в страну в августе 1968 г. для подавления свободомыслия в ЧСР. Эти же соображения двигали и рукой Александра Дубчека, подписывавшего так называемый «Московский протокол». Его объяснения своих действий аналогичны тем, которые в свое время звучали из уст Бенеша. И демократ Бенеш, и творец «социализма с человеческим лицом» Дубчек руководствовались одним стремлением: избежать напрасного кровопролития. В конце 1991 г., отвечая на нападки своих оппонентов, Дубчек говорил: «Проявлять героизм перед лицом мира без надежды на успех и ценной тысяч человеческих жизней я и сегодня считаю неприемлемым... Собственной жизнью распоряжаться просто, тяжелее решать вопрос о жизни и смерти других. Поверьте, здесь были бы десятки и тысячи людей, утопленных в крови. Сегодня я больше, чем в ту пору, убежден: выиграть мы могли только морально. Вооруженный отпор, за который ныне многие ратуют, был бы авантюрой и самоубийством»²³.

Так или примерно так мог рассуждать и Бенеш, принимая решение в трагические для Чехословакии «мюнхенские дни». И хотя президент был уверен в правильности решения, он шел к нему через большие душевные муки и колебания, понимая, что сделанный им шаг будет непопулярен. Подчинение «мюнхенскому диктату» шло вразрез с национально-государственными интересами страны, оскорбляло национально-патриотические чувства, порождало пессимизм и уныние в обществе. С решением Бенеша не согласились и многие его сторонники, оказавшиеся впоследствии в эмиграции. Так, например, Л. Рашин заявил: «Мы должны были защищаться.

Мы сами отступили... К чужой трусости мы добавили свою. Правда, что другие предали нас, но мы предали сами себя»²⁴. Необходимо, как полагал А. Климек, справедливая оценка личности Бенеша и его бесспорных огромных заслуг, однако, по его мнению, «медвежью услугу» при этом могла бы сыграть и его «слепая защита»²⁵.

Чехословацкая историография последнего двадцатилетия в оценке деятельности Бенеша так же противоречива, как и взгляды участников вышеуказанной дискуссии. Спор продолжается. Написаны десятки статей, проведено много научных конференций, в том числе и международных, опубликованы неизвестные ранее документы, касающиеся внешней политики Чехословакии, мемуары, монографии. К сожалению, не все эти материалы, в условиях затрудненного в последнее двадцатилетие книгообмена, доходят до российского читателя. В 90-е гг. прошлого века появились монографии о Бенеше, написанные как чешскими, так и английскими авторами²⁶. Внимание к его персоне не исчезло и в XXI в. Деятельности Бенеша в годы эмиграции посвятили свои книги Ян Куклик и Ян Немечек²⁷. Чрезвычайно критическим взглядом на политику президента в 1938–1945 гг. отмечена книга Томана Брода²⁸. Самая полная политическая биография Бенеша в двух книгах написана, пожалуй, Йиндржихом Деймеком²⁹. Опубликованы мемуары Бенеша³⁰, многие его выступления, связанные с деятельностью и личной жизнью президента документы, воспоминания о нем³¹. Впервые увидела свет (на английском языке) книга Бенеша «Падение и возрождение нации», написанная им в Лондоне в стремлении привлечь англо-американскую общественность к идее реконструкции Чехословакии. Тогда работа не была издана из-за возражений английского МИД и долгое время хранилась в архиве³². За два десятилетия существования Чешской республики состоялось несколько международных конференций, посвященных Бенешу. Например, в 110-ую годовщину со дня его рождения в Праге прошли конференции на темы: «Эдвард Бенеш – чехословацкий и европейский политик» и «Эдвард Бенеш и Центральная Европа»³³. В октябре 2011 г. чешские и немецкие ученые представили взгляд на Бенеша, существующий в политических, дипломатических и интеллектуальных кругах, в средствах массовой информации.

В России нет крупных работ, посвященных Бенешу, хотя о его деятельности непременно говорится во всех трудах, касающихся чехословацкой проблематики 1918–1948 гг. Настоящая книга – это взгляд российского историка-чехословакиста на Эдварда Бенеша, человека, определявшего внешнеполитический курс Чехословакии в течение тридцати лет. Особое внимание обращено на отношение

Бенеша к Советскому Союзу. Работа основана на материалах российских архивов, опубликованных в России (СССР) и Чешской республике (Чехословакии) документах, известной автору российской и чешской исторической литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 308.

² *Kaplan K.* Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce. 1948. Praha, 1993. S. 5.

³ *Dejmek J.* Edvard Beneš, Československo a Mnichov: reality a mýty okolo osudového rozhodování z konca září 1938 // Mnichovská dohoda. Cesta k destrukci demokracie v Evropě. Praha, 2004. S. 39–40.

⁴ См., например, работы Бенеша: Stručný nastin vývoje moderního socialismu, 1–4. Praha, 1910–1911; Stranictví. Praha, 1912.

⁵ См, например, работы Бенеша: Otázka národnosti – otázkou svobody. Praha, 1919; Válka a kultura. Praha, 1922; Smysl čs. revoluce. Praha, 1923; Diplomatický boj o čs. samostatnost. Praha, 1924; Nesnaze demokracie. Praha, 1924; Problemy nové Evropy a zahraniční politika Československa. Praha, 1926; Problem malých národů po světové válce. Praha, 1926; Světová válka a naše revoluce, 1–4. Praha, 1927; Boj o vyšší politickou kulturu národa. Praha, 1932; Demokraci dnes a zítra. Londýn, 1942.

⁶ Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943. Díl 1. Praha, 1966. S. 91–92.

⁷ *Beneš E.* Demokracie dnes a zítra. Londýn, 1942. S. 210.

⁸ *Beneš E.* Rozpravy a úvahy věnované prezidentu československé republiky dr. E. Benešovi jeho šedesátým narozeninám státníky a vědci anglo-amerického světa. Praha, 1947. S. 163–164.

⁹ *Ibid.* S. 209.

¹⁰ *Ibid.* S. 223–224.

¹¹ *Ibid.* S. 45.

¹² *Ibid.* S. 83.

¹³ *Král V.* O Masarykové a Benešové kontrarevoluční politice. Praha, 1953. S. 180.

¹⁴ Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1954. С. 169–170.

¹⁵ *Křen J.* Do emigraci. Buržoazní zahraniční odboj. 1938–1939. Praha, 1963; *Idem.* V emigraci. Západní zahraniční odboj. 1939–1940. Praha, 1969; *Idem.* Dr. Beneš za války // Československý časopis historický. 1965. N 6.

¹⁶ *Lvová M.* Mnichov a Edvard Beneš. Praha, 1968.

¹⁷ Kosmas, Journal of Czechoslovak and Central European Studies. Vol. 5. 1986. N 1.

¹⁸ Historické studie. Č. 23. Červen 1988.

¹⁹ Historie a vojenství. 1990. N 6; 1991. N 4.

²⁰ Klimek A. Edvard Beneš – postava v mlhách // Historie a vojenství. 1991. N 4. S. 146.

²¹ F. Gregori Campbell. Ztracené sny Edvarda Beneše // Historie a vojenství. 1990. N 6. S. 109.

²² Klimek A. Edvard Beneš – postava v mlhách // Historie a vojenství. 1991. N 4. S. 146.

²³ Правда. 3 декабря 1991.

²⁴ Fiala J. Ještě dr. Edvard Beneš a Mnichov // Historie a vojenství. 1991. N 4. S. 154.

²⁵ Klimek A. Edvard Beneš – postava v mlhách // Historie a vojenství. 1991. N 4. S. 146.

²⁶ Havlíček F. Edvard Beneš – člověk, sociolog, politik. Praha, 1991; Simmons M. Nesmělý prezident. Praha, 1993 (přeloženo z anglického, Londýn, 1991); Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce. 1948. Praha, 1993; Ort A. Dr. Edvard Beneš – evropský politik. Praha, 1993; Zeman Z., Klimeš A. The Life of Edvard Benes 1884–1948: Czechoslovakia in Peace and War. Oxford, 1997.

²⁷ Kuklík J. Mýty a realita tzv. Benešových dekretů: Dekrety prezidenta republiky 1940–1945. Praha, 2002; Kuklík J., Němeček J. Proti Benešovi!: Česká a slovenská protibenešovská opozice v Londýně 1939–1945. Praha, 2004.

²⁸ Brod T. Osudný omyl Edvarda Beneše: 1939–1948: Československá cesta do sovětského područí. 2. vyd. Praha, 2002.

²⁹ Dejmek J. Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Díl 1. Revolucionar a diplomat (1884–1935). Praha, 2006; Idem. Edvard Beneš: politická biografie českého demokrata. Díl 2. Prezident Republiky a veduce národního odboje (1936–1948). Praha, 2008.

³⁰ Beneš E. Paměti 1938–1945. Sv. 1–3. Praha, 2008.

³¹ Beneš E. Nezveřejnené projevy prezidenta Beneše: Rok 1946. 1–2. Praha, 1995; Beneš E. Odsun Němců z Československa. Výbor z Paměti, projevů a dokumentů 1940–1947. Praha, 1996; Beneš E. Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války. Praha, 1996; Pecháček J. Masaryk, Beneš, Hrad: Masarykovy dopisy Benešovi. Praha, 1996; Beneš E., Benešová H. Listy důvěrné: Vzájemná korespondence Hany a Edvarda Benešových. Praha, 1996; Beneš E. Živý odkaz T.G. Masaryka: Projevy 1937–1947. Praha, 1997; Depeše z padesáti zahraničních cest Beneše. 1919–1928 / Beneš Edvard. Praha, 2000; Cirkulární telegramy 1920–1935: Z dokumentů archivu Min. zahraničních věcí České Republiky / Beneš Edvard. Praha, 2002; Prezident Beneš v letech 1935–1938: studie a edice dokumentů. Praha, 2008; Smutný J. Svědectví prezidentova kancléře. Praha, 1996; Čapek K. O Edvardu Benešovi. Praha, 2000.

³² Benes E. The Fall and Rise of a Nation: Czechoslovakia 1938–1941 / Ed. Milan Hauner. New York Columbia University Press, 2004.

³³ Edvard Beneš – československý a evropský politik. Praha, 1994; Edvard Beneš a střední Evropa. Praha, 1994.

ДЕТСТВО. ЮНОСТЬ. ПОИСК СОБСТВЕННОГО «Я»

При крещении Бенеш получил имя Эдуард. Позднее он избрал другую форму своего имени и начал подписываться как «Эдвард». Почему? Объяснений на этот счет нет. Может быть, по тем же лингвистическим законам, по которым немецкое имя Карл преобразовалось в чешское имя Карел или в словацкое Карол? Или еще проще: случайно латинская буква «u» в имени Eduard была написана как латинская «v»? А может быть, имя Эдвард легче в произношении, чем Эдуард? А может быть, имя Эдвард просто больше нравилось его носителю? А может быть, так называли мальчика его сверстники? Гипотез много, но ответить на вопрос о причинах изменения формы имени пока невозможно, как неясно и то, когда Эдуард стал зваться Эдвардом.

Эдуард (Эдвард) Бенеш родился 28 мая 1884 г. в Кожланах (Кралоувицкий округ в Западной Чехии), в бедном сельскохозяйственном крае, население которого нередко в поисках заработка вынуждено было эмигрировать. Шесть поколений рода Бенешей жили в небольшом местечке Шловице, где родственные узы связывали один дом с другим, и обе его ветви, по мужской и женской линиям, именовались одинаково. Корни Бенеша теряются в XVII в., в сумятице Тридцатилетней войны. До революции 1848 г. его предки были крепостными, потом – крестьянами католического вероисповедания.

Отец Эдварда Матей был трудолюбивым, замкнутым человеком, который превратился по меркам своего времени в успешного торговца¹. При небольшом хозяйстве он наладил производство кирпича и его транспортировку; прикупал земельные угодья, надеясь при их обработке на свою многочисленную семью, которая всячески ему помогала. В начале 80-х гг. XIX в. Матей Бенеш имел пару лошадей и новое кирпичное строение для торговли различными товарами с годовым оборотом две-три тысячи австрийских крон. Его усердие было вознаграждено тем, что он стал членом административного со-

вета пивоварни, где уважаемые граждане принимали важные решения, касавшиеся качества местного пива. Он доверял, прежде всего, себе самому, а к начальству и властям испытывал общее уважение. Был умеренно набожен, как и большинство его соседей. Матей был самоучкой, поскольку во времена его детства посещение школы считалось не особенно важным; подписывался иногда «Benesch».

Жена Матей Анна, дочь соседа его родителей в Кожланах Яна Бенеша, была двоюродной сестрой Матей. Набожная и трудолюбивая женщина, на три года старше мужа, она могла в случае необходимости взять на себя управление хозяйством. Три дня спустя после рождения Эдуарда ей исполнилось 44 года. Он был десятым ребенком в семье, в которой двое детей умерли.

Каждодневная изнурительная работа от зари до зари приносила определенные материальные плоды, хотя успех Матей Бенеша никоим образом не сказался на семейной бережливости. Маленький Эдуард, которого звали Эдик, рано должен был привыкнуть к жесткой дисциплине, что диктовало необходимость повседневной экономии и отказа от собственных желаний. Бережливость сказывалась на всем быте семьи, начиная от преждевременного гашения керосиновых ламп и кончая необычайной умеренностью в питании. Сестры Эдика опекали брата с огромной ответственностью, а Анна Бенешова без колебаний прибегала к телесным наказаниям. При этом она часто пользовалась половником или тем, что попадалось на кухне под руку. Но при этом Анна не была злой, наоборот, обладала веселым характером, несмотря на то, что у ее работающего молчаливого мужа не оставалось времени для семьи и полного детьми дома.

Эдик был маленького роста и в раннем детстве несколько полноват. Поэтому он стал подходящей мишенью для непрерывных насмешек своих сверстников. Дома на его жалобы мало кто обращал внимание, и он начал сторониться ребят своего возраста. Постепенно он превратился в необщительного, замкнутого ребенка, что вовсе не способствовало росту его популярности среди одноклассников. Большую часть времени он проводил за учебой, иногда, но редко, отправлялся порыбачить, поскольку даже самый младший из детей семьи Бенеша не смел бездельничать. Надо было помогать в торговле, в кирпичном производстве, в поле. Успеваемость в школе была хорошей, поскольку за его успехами крылся упорный труд. Когда речь заходила об обучении детей, экономные родители Эдика, не колеблясь, выделяли на эти цели определенные, хотя и скромные средства. Старшие братья Эдика Вацлав и Войта стали учителями и слыли вольнодумцами и социалистами. Они не были согласны с планами матери относительно их младшего

брата, которые заключались в том, что он станет священником. Однако религиозное воспитание на мальчике никак не сказалось, и Эдик никогда не находил в вере утешения. В гимназии Бенеш считал себя «почти атеистом». В смене мировоззрения ему помог не только тогдашний исторический образ гуситского движения, но также его импульсивный брат Войта, который пытался выбить из маленького Эдика остатки еще сохранившейся в нем религиозности с помощью кнута.

В 1896 г. двенадцатилетний Эдуард переехал в Прагу, где был принят в Виноградскую гимназию. Старшие сыновья Матея Бенеша Вацлав и Войта, уже жившие в столице, должны были помочь Эдику приспособиться к новым условиям жизни. Он поселился в доме Вацлава на Вршовицах. Вацлав, старше Эдуарда на 12 лет, являлся тогда одним из лидеров чешского учительства, высоко ценимого в то время чешской общественностью. Помимо преподавания Вацлав занимался редактированием и изданием книг и стал таким образом членом круга реалистов, небольшой политической партии, основанной Т.Г. Масариком. Позднее Вацлав Бенеш перешел в социал-демократическую партию и несколько раз безуспешно выставлял свою кандидатуру на парламентских выборах.

Приехав к брату в Прагу, Эдуард быстро адаптировался к новой среде и нашел для себя новые увлечения. В доме Вацлава было много политических брошюр прогрессивной или социалистической направленности, и Эдуард мог ими свободно пользоваться. Вацлав, который предпочитал спартанское воспитание молодежи, имел опыт общения с младшими братьями. Войта, родившийся в 1878 г., прибыл в Прагу еще до Эдика. Несмотря на разные характеры, оба младших брата в доме Вацлава сблизились. Войта был романтичнее и эмоциональнее Эдика и имел склонность к литературе. Эдуард отличался собственными, рационально очерченными интересами, касавшимися главным образом политики. Войта, вскоре понявший, что Эдик необычный, обладавший пока скрытыми талантами мальчик, привык играть в отношениях с братом вторую скрипку.

К одноклассникам Эдуард относился с опаской, и, по-видимому, у него не было никаких действительно хороших друзей. На окружающих его людей он производил скорее впечатление аскета: не пил, не курил, не интересовался девушками. В Праге он вел пуританскую и замкнутую жизнь. В первые два года учебы в гимназии Бенеш числился одним из самых лучших учеников, но позже его успехи стали менее заметны. Он оживал во время каникул, когда возвращался домой в Кожланы. Играл в любительском театре, ходил на танцы, принимал участие в национальных празднествах и экскурсиях. Как гимназист читал в кожлан-

ском доме культуры лекции: о дарвинизме, о современном воспитании молодежи, о необходимости просвещения в вопросах половой жизни. Спустя годы Бенеш в частной беседе упомянул о том, с какой радостью он разговаривал с девушками и как он «постоянно был платонически влюблен». Но к этому он добавлял, что его отношение к девушкам оставалось «платонически чистым и прекрасным», а беседы с ними он якобы использовал для пропаганды своего прогрессивного мировоззрения. В молодости Эдуард был довольно категоричен: когда он впоследствии, уже находясь в Париже, попросил брата Войту прислать ему какие-нибудь красивые картины для стен его комнаты, то объяснил, что не хочет заполнять ее видами «этой французской наготы». Теории Зигмунда Фрейда, тогда широко распространенные среди европейских интеллектуалов, его вообще не занимали².

Во время учебы в Праге Эдуард постоянно вызывал недовольство своих учителей. Он слыл вздорным бунтарем, насмехающимся над консервативными взглядами старшего поколения. Отношение к Бенешу в школе ухудшилось, когда он сломал ногу, играя в юниорской команде «Славия»: школьное начальство в то время строго запрещало играть в футбол. Эдуард таким образом лишился стипендии и получил пониженную оценку по поведению. Кроме того, он еще оскорбил своего классного наставника при встрече на улице. Чтобы избежать неприятной встречи, Эдуард вскочил в трамвай. Преподаватель на следующий день сделал ему выговор, на что Бенеш реагировал только усмешкой. Поведение Бенеша было расценено как насмешка, и преподаватель сказал ему: «Вы грубиян, бросайте учебу, из вас никогда ничего путного не выйдет... Я вам советую идти в армию, дослужитесь через двенадцать лет до фельдфебеля, а затем в качестве младшего клерка займете место в какой-нибудь финансовой конторе, суде или на почте, там вам будет хорошо»³.

Э. Бенеш был хотя и вздорным, но вполне разумным юношей. Несмотря на запреты школьного начальства, он считал спорт необходимой составной частью современной жизни. В школе он был прилежен и целеустремлен, хотя обучение в гимназии, ограниченное традиционными рамками, наводило на него скуку. Как только его французский язык стал сносным, он начал переводить один из романов Э. Золя («Zabiják») и брать уроки французского в Академической гимназии. В этом Эдуарду помог профессор Масарик, который знал его брата Вацлава еще во время деятельности последнего в руководстве партии реалистов. Школьная успеваемость Эдуарда все ухудшалась, так что в его аттестате не было даже ни одной единички⁴. Однако он лелеял чрезвычайно амбициозные планы на будущее: хотел

получить квалификацию преподавателя-лингвиста еще до того, как станет профессором университета и начнет политическую деятельность. Осенью 1904 г. Бенеш стал студентом Философского факультета чешского Университета Карла-Фердинанда. Неформальная атмосфера высшей школы ему импонировала, интерес Бенеша к учебе возрос, и его успеваемость улучшилась.

В августе 1905 г. Э. Бенеш уехал в Париж. Как и его брат Войта, Эдуард разделял социал-демократические взгляды и стал сторонником социального дарвинизма⁵, что сыграло важную роль как в его характере, так и в жизни. Он считал общество равнодушным, если не прямо жестоким по отношению к его более слабым индивидам, отчаянно борющимся за выживание. В таком обществе, по его мнению, не было места ни дружбе, ни солидарности, и невелик был простор даже для проявления обычных дружеских чувств. В Париже Э. Бенеш посещал лекции в Сорбонне. Он провел там академический 1905/06 г., а затем еще семестр. В Праге он записался на летний семестр 1907 г., но, представив соответствующие объяснения, переписался на следующий семестр. Недолго обучался в Германии, и летний семестр 1908 г. рассматривался в Карловом Университете как семестр, который Бенеш провел, постигая науки, в Берлине; кроме того, во время каникул он дважды побывал в Англии. Свое обучение философии Бенеш завершил двумя семестрами в Праге. Осенью 1908 г. Масарик предложил Бенешу защитить работу по философии и социологии: оба тогда еще едва ли могли себе представить, какие тесные отношения свяжут их впоследствии. Еще в 1910 г., когда Масарик отмечал шестидесятилетие, 23-летний Бенеш написал, что из-за своего характера вынужден был «противиться взглядам и влиянию Масарика»⁶. Его взгляды Бенеш тогда считал чересчур религиозными и недостаточно социалистическими. В 1908 г. он получил диплом доктора философии, и стал подписываться «д-р Э. Бенеш» (Dr. E. Beneš).

Бенеш ценил время и не любил посещать лекции, содержавшие только информацию, которую легко можно было почерпнуть из книг. Во время пребывания за границей Бенеш старался расширить свои знания. С места на место он переезжал гораздо чаще, чем это было принято тогда у студентов, и на свои заграничные поездки должен был зарабатывать. Например, в 1907 г. социал-демократическая газета «Право лиду» и некоторые другие радикальные и антиклерикальные газеты опубликовали около ста статей Бенеша, за которые он получал соответствующие гонорары. Статьи Бенеша для газет и журналов, как правило, были длинными или печатались с продолжением. Они отражали его непосредственные, свежие впечатления, но без какого-либо умиления увиденным за границей. Бенеш

был склонен к морализированию и без обиняков осуждал чуждую ему среду. Но он писал для читателей, которым нравились его критические суждения; среди них было много фабричных рабочих, не имевших собственного опыта знакомства с зарубежными странами. Англия, Франция и Германия являлись для них далекими неизвестными странами, куда молодой Бенеш отправлялся, чтобы поделиться с ними своими впечатлениями. Редакторы газет и журналов, в которых Бенеш публиковался, были довольны его работой, и он сам по собственному желанию извездил большую часть Европы.

Германия не пришлась ему по душе, а Англия – просто разочаровала. «Ситуация тут ужасная, как и жизнь – здесь потребляют весьма крепкий алкоголь...», – писал он из Лондона⁷. Германию же он считал неприемлемой «империей насильственного принуждения», в которой немцы развивают свои природные стадные инстинкты. Лишь Франция стала его великой любовью. Особенно нравился Бенешу «город света» (světel) Париж, который, по его мнению, представлял собой «синтез современной цивилизации, носителем которой является Франция». Он восхищался этой страной, в которой видел прекрасный пример успешного национального государства. И это восхищение породило в нем чувство национальной неполноценности. После нескольких месяцев пребывания в Париже он написал брату Войте: «Ты ужаснулся бы, если бы знал, как тут смотрят на чехов – или, собственно, не смотрят – вообще никто, *нас вообще никто не знает, не знает о нас ничего*. А кто нас знает, знает нас лишь как несчастных, бедных обывателей». Эдуард хотел в ту пору посетить Россию. Это было время первой русской революции 1905 г., и в Париже было полно русских эмигрантов, с которыми он был знаком и которые рассказывали ему о России. Они говорили, как писал Бенеш, что и «проживающие в самых отдаленных местах русские о нас знают, знают, что мы живем в Австрии, что мы рьяные националисты... Они смотрят на нас, как на униженных людей – и, видимо, по праву»⁸.

Эдуард стал подумывать о карьере журналиста, хотя политические амбиции никогда его не оставляли. Бенеш принял решение просить университет в Дижоне, который толерантно относился к обучению на степень доктора, допустить его к учебе на юридическом факультете. В июне 1908 г. Бенеш представил свою дипломную работу о чешском вопросе в Австро-Венгрии (*Le probleme autrichien et la question tchèque. Etudes sur les luttes politiques des nationalités slaves en Autriche*), в которой утверждал, что это государственное образование могло бы выжить при условии его реформирования, т. е. децентрализации и демократизации, и, главное, при условии принятия во внимание существова-

ния отдельных населяющих его народов. Карлов Университет однако отказался признать иностранный диплом Бенеша. Он попытался изучать право сначала, в 1909 г., на чешском отделении Университета, а потом, в 1913–1914 гг., на его немецком отделении. Однако юридического образования ему не удалось завершить.

Хотя Бенеш был тесно связан со своей чешской средой, он никогда не отгораживался от внешних влияний, причем самым подходящим считал французское. Он полагал, что прогрессивное развитие, начатое Французской революцией, не остановится и постепенно затронет и угнетенные народы. Революция принесла свободу и демократию, фундаментом которой, по Бенешу, являлось равенство, возможно, даже более важное, чем свобода. Именно где-то в этом заключалась суть «чешства» Бенеша. Он принадлежал к развивающемуся среднему классу, который стремился найти и определить свое место в обществе. Общественное и национальное честолюбие сливались в единый бурный поток. Возникающий чешский средний класс ощущал твердую уверенность местных немцев в своем экономическом и политическом превосходстве, и поэтому борьба по меньшей мере за равноправие достигала такой интенсивности, что стала оказывать влияние на все стороны чешской жизни. Существовали чешские и немецкие театры и концертные залы. Пражские банки, которые проводили операции на международном рынке в Лондоне или Париже, также делились на чешские и немецкие. Некоторые из чешских интеллектуалов, в том числе и Томаш Гарриг Масарик, полагали, что чехи ушли бы гораздо дальше в своем развитии, если бы не должны были прилагать столько усилий, чтобы оставаться чехами.

Заботы о создании современного чешского среднего класса требовали немалых усилий. Если Бенеш хотел избавиться от своей провинциальности и хорошо узнать мир, он должен был выучиться иностранным языкам, что для многих чехов стало непреодолимым препятствием. Бенешу тоже никогда не удалось полностью овладеть ими.

Бенеш надеялся стать в Праге редактором «Права лиду», хотя в то время он уже отошел от социал-демократических позиций. Всю свою жизнь он считал себя социалистом, но социалистом «без догм». Тезис о классовой борьбе был ему не по душе, и в письме к брату Войте от 28 июля 1908 г. он писал, что намерен «пресекать именно эту классовую травлю, показать абсурдность всей этой тактики»⁹. Он не считал нужным заранее ставить специфические социалистические цели, поскольку полагал, что со временем они меняются. Более всего, как пишет З. Земан, Бенешу претил догматический подход «боевого стада», объединенного в немецкой социал-демократии. Он симпатизиро-

вал начавшимся в ней дискуссиям между Эдуардом Бернштейном и правоверными марксистами, которые означали важный шаг на пути к рождению не dogматической социалистической партии. Чешскую же социал-демократию отличала определенная враждебность в отношении «движения вольнодумцев». Поэтому Бенешу, вопреки его ожиданиям, не было предложено место редактора «Права лиду».

К тому же ему не удалось достичь даже скромной цели: получить аттестат преподавателя средней школы. Он не выдержал экзамена, о котором студенты говорили, что он более труден, чем экзамен на звание доктора, присуждаемое по окончании высшего учебного заведения. С осени 1909 г. до своей эмиграции в 1915 г. он как адъюнкт-профессор преподавал французский язык и экономику в пражской торговой академии, получая низкую зарплату. Министерство школ в Вене несколько раз продлеvalo специальное разрешение, дававшее возможность молодому Бенешу заниматься преподавательской деятельностью. Однако в марте 1911 г. он получил особое пособие министерства на поездку во Францию и Англию, и сосредоточился на изучении социологии и политологии. Следует добавить, что Бенеш принадлежал к поколению, очарованному расцветом естественных наук. Достижения ученых, особенно в области физики и химии, как в теории, так и на практике удивляли всех мыслящих людей. Английское слово «scientific» относилось тогда исключительно к естественным наукам, понятие «social scientific» англичанам до Первой мировой войны было неизвестно. Слово наука (немецкое «Wissenschaft», как и чешское «věda») толковалось широко, как научная методология, которой можно пользоваться при изучении различных сторон жизни. Бенеш относился к молодым интеллектуалам, убежденным, что научными методами можно пользоваться также и в политике. Он стал заниматься изучением основ современных политических процессов. На съезде прогрессивной молодежи в Пльзени в сентябре 1912 г. Бенеш заявил: «Научная политика, когда речь идет о той или иной реформе, изучает сиюминутную ситуацию, вытекающие из нее отношения и ее последствия, и идет, таким образом, не к ранее намеченной цели, а эмпирически в соответствии с требованиями и нуждами данных обстоятельств...»¹⁰.

С помощью своего брата Войты, который основал небольшое издательство, Бенеш начал публиковать серию книг академического характера. В 1910–1911 гг. вышел его «Краткий очерк развития современного социализма» («Stručný nástin vývoje moderního socialismu») в трех томах. Отличавшийся сложностью литературный стиль молодого Бенеша требовал от читателя немалого напряжения. Крупный чешский историк Фердинанд Пероутка, значившийся в числе почитателей Бенеша, много лет спустя, говоря о его литературном стиле, отмечал,

что, если бы Бенеш не был столь успешен в политике, то «посвятил бы свою жизнь написанию книг. Они были бы весьма хороши в плане методики, содержательны, аргументированы и увенчаны самодовольной концовкой: *quod erat demonstrandum*¹¹. Однако ни одна из его книг не вызвала бы у читателя огромного удовольствия и интереса»¹².

Одна из книг Бенеша – «Партийность» («Stranictví») – помогла Бенешу получить в 1913 г. право преподавать – *venia docendi* – на Философском факультете Карлова университета. Так он стал «частным доцентом», который выполнял свою работу бесплатно. Тогда политические воззрения Бенеша начали приближаться к программе возглавляемой Масариком Партии реалистов, хотя, согласно Бенешу, он находился по отношению к ней «в умеренной оппозиции». Бенеш общался главным образом с молодыми членами партии, которым разъяснял свой подход к политике, как к науке. По его мнению, реалистам был свойственен излишний романтизм; Бенеша же политические партии устраивали постольку, поскольку являлись абсолютно деловыми, совершенно трезвыми, аналитическими, чуждыми эмоций¹³.

В это время Эдвард уже был счастливо женат. Во время своей учебы в Париже он встретился с Анной Влчковой (которая сменила свое имя на Гану). Они поженились в ноябре 1909 г. после четырехлетнего знакомства и сватовства в мае 1906 г. Возможно, Бенеш и колебался, когда решался на такой жизненно важный шаг. Но он не ошибся. Примерно на год моложе него, Гана – она родилась 16 августа 1885 г. в Домаславицах в Теплицком крае – была красивой блондинкой, интеллигентной от природы, хотя и без высшего образования, целеустремленной женщиной и хорошей женой. Скорее всего, как пишет З. Земан, она стала единственным близким Бенешу человеком в его короткой и драматической жизни. Хотя у них не было детей, их брак был необыкновенно счастливым, без больших финансовых затруднений: Гана получила хорошее приданое. Супруги Бенеш купили перед войной с помощью банковского кредита два доходных дома на Вршовицах в Праге.

К началу Первой мировой войны Э. Бенеш, которому исполнилось тридцать лет, был уже сформировавшейся личностью, обладавшей фундаментальными знаниями в области философии и юриспруденции, к тому же имевшей бойкое журналистское перо. Он производил впечатление усердного, несколько чопорного и полагавшегося лишь на самого себя человека. Эти основные черты характера остались присущи ему до конца жизни. Он считал, что только разум способен сам по себе решать вопросы правды, в то время как решения, касающиеся морали, лежат на человеческой совести. К социальному дарвинизму, сторонником которого он являлся, прибавилось убеж-

дение, что человечество встало на путь всеобщего прогресса. Бенеш верил также в высшую, точнее им не определяемую силу, судьбу или PROVIDЕНИЕ. Эта высшая сила, по его представлениям, нуждалась на земле в помощниках, проводниках, и Бенеш, отличавшийся большим самомнением, считал свою кандидатуру подходящей для этого.

Летом 1914 г. спокойная жизнь была прервана военным конфликтом. «Война меня удивила и не удивила», – написал Бенеш в начале первого тома своих воспоминаний о Первой мировой войне. И затем добавил: «Свою революционную акцию я начал, сознавая, что вступаю в практическую политику как новичок. Я предчувствовал, что для меня эта работа будет нелегкой»¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Глава написана по материалам книги: *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis*. Praha, 2002. S. 9–18.

² *Ibid.* S. 12.

³ *Amerling K. Vzpomínky z gymnasia // 50 let Edvarda Beneše*. Praha, 1934. S. 38 (*Zeman Z. Edvard Beneš*. S. 12).

⁴ Единица – балл, соответствующий нашей пятерке.

⁵ Социальный дарвинизм (социал-дарвинизм) – идейное течение в обществоведении конца XIX – начала XX в., которому свойственно сведение закономерностей развития человеческого общества к закономерностям биологической эволюции и распространение принципов естественного отбора, выявленных Чарльзом Дарвиным в природе, на отношения между людьми.

⁶ *Beneš E. Několik slov o Masarikové vlivu na mládež // Česká mysl*. XI. Č. 2–3. 1910. S. 211 (*Zeman Z. Edvard Beneš*. S. 13).

⁷ *Reichmann J. Dr. Edvard Beneš. Ministr zahraničních záležitostí republiky československé. Jeho život a dílo*. Praha, 1919. S. 14 (*Zeman Z. Edvard Beneš*. S. 14).

⁸ *Ibid.* S. 14.

⁹ *Ibid.* S. 16.

¹⁰ *Ibid.* S. 17.

¹¹ «Что и требовалось доказать» – латинское выражение, обозначающее завершение доказательства теоремы.

¹² *Peroutka F. Budování státu*. Praha, 1934. Sv. 2. Č. 2. S. 1309 (*Zeman Z. Edvard Beneš*. S. 17).

¹³ *Fouštko B. Mladý dr. Brněš // 50 let Edvarda Brněše*. S. 52–53 (*Zeman Z. Edvard Beneš*. S. 17).

¹⁴ *Beneš E. Světová válka a naše revoluce*. Praha, 1927. Díl 1. S. 1, 14 (*Zeman Z. Edvard Beneš*. S. 18).

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. ВСТУПЛЕНИЕ В ПРАКТИЧЕСКУЮ ПОЛИТИКУ

28 июля 1914 г., месяц спустя после убийства в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги Австро-Венгрия объявила войну Сербии. В течение недели после этого в войну втянулись почти все великие державы Европы. Образовалось два воюющих блока: Центральные державы (Германия и Австро-Венгрия) и Антанта (Великобритания, Франция и Россия). Затем к первому из них примкнула Турция, ко второму – Сербия, Черногория, Италия и Япония. Военные действия достигли мировых масштабов. В судьбе чехов и словаков Первая мировая война имела особое значение. Она привела к распаду Австро-Венгрии и созданию независимого Чехословацкого государства¹. Но в начале войны европейские политические умы не предполагали крушения Австро-Венгерской монархии, считая ее стабилизирующим фактором на раздробленной национально территории между Россией и Германией². Надо сказать, что Т.Г. Масарик до войны не был сторонником распада империи. Например, планы славянской конфедерации, тайно вынашиваемые видным чешским политиком Карелом Крамаржем, для Масарика были совершенно неприемлемы. Он оставался лояльным подданным Габсбургов, которому даже не приходила мысль о какой-либо революции³. Поначалу чехи вообще не думали, что война может приобрести мировой характер, а империя Габсбургов, эта «тюрьма народов», как ее тогда называли, исчезнет с карты Европы. По словам Т.Г. Масарика: «В войну никто не верил. Для чехов она была неожиданностью»⁴. Молодого Бенеша, как он писал в своих воспоминаниях о Первой мировой войне, она «и удивила, и не удивила». Для него война означала начало вхождения в практическую политику⁵.

Со вступлением Австро-Венгрии в войну политическая и экономическая ситуация в Чешских землях значительно ухудшилась. По-

степенно сокращались гражданские права и свободы, ужесточалась национальная политика австрийских властей, закрывались чешские школы, запрещались чешские общественные организации, подверглись аресту некоторые видные политические деятели, со временем стала ощущаться нехватка продовольствия. В результате всеобщей мобилизации чехи обязаны были служить в австрийской армии, где их численность составляла около 13%. В Чешских землях, несмотря на строгости военного времени, усиливалось недовольство, хотя до открытых его проявлений сначала не доходило. Среди чешской политической элиты зрели идеи и разрабатывались планы решения национального вопроса в новой ситуации. Внешнеполитически часть ее ориентировалась на Россию (В. Клофач. К. Крамарж), другая рассчитывала на поддержку Запада. Однако в начале войны по-прежнему сильны были и проавстрийские настроения. На первый взгляд политическая жизнь в Чешских землях замерла, но нелегально политические деятели разных направлений продолжали общаться, обсуждая свои планы и обмениваясь взглядами на развитие ситуации. По словам российского тайного агента В.П. Сватковского, «Крамарж и Масарик являлись главными идеологами чешского будущего и посредниками между партиями», пытаясь объединить их лидеров⁶. Тогда небольшая и до войны маловлиятельная прогрессивная партия (реалистов) во главе с Масариком стала одним из центров антиавстрийского сопротивления в Чешских землях.

Начало войны застало Бенеша врасплох. Как и многие его современники, Бенеш выступал против милитаризма, однако последовательным пацифистом не стал. Он пришел к выводу, что война, насилие и революция являются оправданными средствами, если под угрозой находится духовная и материальная культура народа. Здесь уже зримо прорисовывался духовный поворот, который, в конце концов, привел молодого Бенеша в ряды противников Габсбургской империи. Он осознал, что союз Австро-Венгерской монархии с Германией и победа центральных держав в войне могли бы негативно сказаться на чехах, означали бы для них катастрофу и укрепление немецких позиций в Австрии. Поэтому, по убеждению Бенеша, чехи должны были изменить свой подход к войне и Австро-Венгрии.

Осенью 1914 г. Бенеш стал близким сотрудником Масарика, который знал его «как коллегу по университету. В начале войны он пришел в редакцию “Часа” как волонтер и заявил, что хочет работать в качестве журналиста; я (Масарик. – В. М.) видел, что он берется за вопрос с практического конца... Он сказал, что его гнетет мысль о том, что надо что-то делать. Я сказал ему: я уже делаю. Тогда я вер-

нулся из первой поездки в Голландию... Первой заботой были деньги, и он тотчас пообещал, что кое-что достанет. И достал»⁷. Так Бенеш стал ближайшим соратником Масарика в борьбе против австрийских властей и его идеологическим последователем. В начале войны Масарику нужен был молодой и пробивной сотрудник, который разделял бы его планы и помог бы в дальнейшем воплощать их в жизнь. Бенеш вложил в успех борьбы против Габсбургов небольшую сумму в 4000 крон. Но его основным вкладом были решительность и трудолюбие. Он, как и Масарик, верил, что борьба против Вены будет успешной. Бенеш начал посещать собрания, организованные Масариком и радикальными политиками, по их поручению ездил в Вену, чтобы получить необходимую информацию, привлекал к борьбе новых сторонников и постепенно стал для шестидесятичетырехлетнего Масарика, который не скрывал от молодого коллеги свои планы, незаменимым.

Бенеш не только поддерживал планы Масарика, но разделял и его философские воззрения. Из проповедуемых им идей проистекала и мысль о возможности создания чехословацкого государства. Томаш Масарик родился в 1850 г. на чешско-словацком пограничье и воспитывался в смешанной культурно-лингвистической среде. Отец его был словаком, а в роду матери имелись чехи и немцы. Томаш окончил университет в Вене и получил степень доктора философии. В 1877 г. его женой стала американка Шарлота Гарриг. Ее фамилию он присоединил к своей и стал именоваться Томаш Гарриг Масарик. Именно в это время он перешел к оппозиционной в Австро-Венгрии протестантской религии. В 1882 г. Масарик получил кафедру в Пражском университете и вплотную стал заниматься чешским вопросом, выдвинув оригинальную концепцию философии чешской истории. Этому был посвящен и его труд «Чешский вопрос». Его автор полагал, что главная роль в истории наций принадлежит Божественному провидению, начертавшему для каждой из них особый план (программу) существования и развития: «Я, как и Коллар, верю, что история народов не случайна, что в ней проявляется некий определенный план Провидения, и что поэтому целью историков и философов, целью каждой нации, является постижение этого всемирного плана; необходимо познать и определить свое место в нем и в соответствии с этим познанием с возможно более полным и ясным осознанием поступать при всей своей работе, включая **политическую** (выделено. – В. М.)»⁸. Применительно к чешской нации это, в частности, означало «ее встроенность в мировую цивилизацию, неотделимость от тенденций развития мира и Европы, необхо-

димось деятельного участия в этом развитии», логичное следование современной политической программы чешской нации «смыслу чешской истории». По мысли Масарика, через всю политическую и интеллектуальную жизнь чехов красной нитью проходят идеи гуманизма и стремления к правде. Квинтэссенция смысла чешской истории им определяется так: «Не насилием, но миром, не мечом, но плугом, не кровью, а примирением, не смертью, но жизнью... – вот ответ чешского духа, вот смысл нашей истории и наследство великих предков». Именно от этого Масарик исходил, формулируя свою политическую программу: «Гуманизм как цель и программа нашего народа должен последовательно определять и нашу национальную тактику». Сущность этой тактики – в постоянном этическом совершенствовании и работе по улучшению окружающего мира «малыми делами». «Гуманность, – по его словам, – это не сентиментальность, а работа и снова работа»⁹. Чешскую нацию Масарик рассматривал как часть западного культурного мира.

Несколько позже возникла его доктрина «чехословакизма», суть которой состояла в провозглашении чехов и словаков единой нацией. При этом Масарик, исходя и опираясь на историческое и естественное право, выдвинул идею объединения Чешских земель (Чехии, Моравии, Силезии) и Словакии в единое Чехословацкое государство. «Историческое право» – это в прошлом право Чешских земель на автономию в рамках Австро-Венгрии, а в новых условиях, условиях войны – на их независимость. «Естественное право» – это право на самоопределение для чехов и словаков, представляющих единую в языковом и культурном отношении нацию. «Чехословацкая нация», по мысли Масарика, имеет право на определение своей судьбы и видит ее в создании независимого Чехословацкого государства¹⁰.

Перед тем как 17 декабря 1914 г. уехать надолго за границу, Масарик назначил Бенеша своим заместителем и никогда не сожалел о своем решении. На Рождество 1915 г. Бенеш навесил Масарика в Швейцарии и привез с собой проект организации борьбы в Австрии. Ему удалось возбудить интерес К. Крамаржа и других политиков к акции сопротивления. Вскоре после встречи Бенеша и Масарика в Женеве в Праге начала создаваться тайная организация, которая позднее стала известна под названием «Маффия». В пятерку ее ведущих деятелей вошли П. Шамал, Э. Бенеш, Й. Шейнер, К. Крамарж и А. Рашин. Посредством курьеров «Маффия» поддерживала связь внутреннего и заграничного движения сопротивления, информировала союзников о положении в Чехии и Австро-Венгрии. Бенеш отвечал в этой тайной организации за связи с границей. Он закупал

в Германии прессу, которую нельзя было достать в Австрии, собирал информацию, которая, по его представлениям, могла быть полезной Масарику, и в зашифрованном виде переправлял за границу. Жена Бенеша Гана и его друзья, как могли, поддерживали тайную деятельность Бенеша. Однако Бенешу уже тогда трудно было помогать, поскольку он начал привыкать к своему собственному способу действия, который не позволял ему перекладывать ответственность на кого-либо другого. И даже выдачи секретных сведений он не опасался так, как возможных некачественных действий со стороны других; он был убежден, что никто не способен работать с такой отдачей, как он. Он работал лихорадочно и никому не доверял. Его решимость граничила с безрассудной неосмотрительностью. Карела Чапека поразил, например, случай, когда Бенеш предложил ему во время его поездки за границу ехать через Швейцарию и тайно провезти некоторые документы. «Подумайте, как их можно спрятать. И поймите, что за это вас могут повесить»¹¹. В пражской торговой академии, где Бенеш преподавал, о его заговоре против государства Габсбургов знали не только преподаватели и директор, но даже его студенты. Бенеш и его сотоварищи по «Маффии» не были профессиональными революционерами и «охраняли» заговор против Габсбургской монархии весьма небрежно. Однако неосмотрительность Бенеша имела и другую причину. Один из видных политиков того времени Лев Сыхрава позднее говорил о его почти «мистической вере в свое предназначение» и уверенности в том, что он «определенно избегнет любой опасности»¹². Бенеш, как полагал один из его приятелей, был разумным человеком, но уж если один раз решил, то без колебаний превращал решение в действие¹³.

В то время, весной и летом 1915 г., в венских правящих кругах между военными и гражданскими властями велась скрытая от взоров общественности борьба за подход к славянскому населению монархии. Верховное командование австро-венгерской армии полагало, что славяне, и особенно чехи, относятся к Габсбургской монархии в лучшем случае равнодушно, что поведение некоторых из них граничит с государственной изменой и что гражданские власти обращаются с ними чересчур бережно. Хотя армейские верхи спор не выиграли, их взгляд на славян как на ненадежный элемент в первые годы войны преобладал. Некоторые славянские политики пришли к убеждению, что командный корпус австро-венгерской армии попал в подчинение к германскому имперскому командованию, а Габсбургская монархия, согласно им, превратилась в простой инструмент германской гегемонии в Европе. Масарик и Бенеш позднее использо-

вали этот аргумент с большим успехом в своей политической работе в Париже и Лондоне.

Вершиной австрийского давления на чехов стал арест К. Крамаржа, Й. Шейнера и А. Рашина в мае 1915 г. Им был вынесен смертный приговор, и амнистированы они были только в 1917 г.¹⁴. Бенеш, который должен был нести воинскую повинность, пока избегал ее, симулируя хромоту. После арестов в Праге, он, однако, стал опасаться за свою свободу. Пришло решение эмигрировать. 2 сентября 1915 г. Бенеш пересек австро-венгерскую границу, направляясь в нейтральную Швейцарию. В поездке он выдавал себя за коммерсанта и имел паспорт на имя Мирослава Шиха. Руководству торговой академии он незадолго до отъезда заявил, что отправляется в отпуск на учебу; полицейские власти узнали о его заграничной деятельности уже позднее, когда в октябре был арестован один из курьеров Маффии. С Масариком Бенеш встретился в Женеве, и тот предложил ему обосноваться в Париже. Сам же он решил уехать в Лондон. О своей деятельности в Женеве Масарик позднее говорил К. Чапеку: «В Женеве я нашел нескольких чехов...; несколько студентов и чешский рабочий кружок; позже к нам присоединился депутат Дюрих. В Женеве сохранилась связь с Парижем... Штефаник¹⁵ развернул в Париже свою пропаганду в салонах и свете; он обладал совершенно особым даром светского апостольского красноречия, умел вдохновлять слушателей, чем вызывал к нам интерес и любовь. Дважды с докладами приезжал ко мне Бенеш». В 1915 г. в Женеве Масарик вместе с французским профессором-славянофилом Э. Дени открыто выступил против Австрии¹⁶.

Так осенью 1915 г. в Швейцарии началась политическая кампания, не имеющая аналога в европейской истории. Масарик и Бенеш сотоварищи взялись за дело сокрушения Австро-Венгрии, которую остальные державы хотели либо сохранить, либо, по крайней мере, тогда не имели ни доводов, ни плана, почему и как следует ее разрушить. Они стали представителями народа, который был почти не известен ни европейскому дипломатическому миру, ни тем более широкой европейской общественности. Начало заграничного сопротивления, по словам чешского историка Я. Валенты, «носило поистине авантюрный характер»¹⁷.

К своей антигабсбургской акции с конечной целью развала империи и создания самостоятельного Чехословацкого государства Масарику и Бенешу необходимо было привлечь словаков. Еще в конце января – начале февраля 1915 г. в Париже состоялось учредительное собрание Национального совета чешско-словацких общин, на котором было решено обратиться с посланием к Словакии. В нем

говорилось о желании чешского народа создать вместе со словацким народом независимое чехословацкое государство с полной автономией Словацкого края, с собственным словацким сеймом¹⁸. В заявлении Чешского заграничного комитета 14 ноября 1915 г. говорилось о стремлении к независимому чехословацкому государству. В 1916 г. комитет был переименован в Чехословацкий национальный совет (ЧНС). Его председателем стал Масарик, заместителем председателя – русофил Й. Дюрих, а секретарем – Бенеш. В этом же году в Совет вошел М.Р. Штефаник, а Дюрих отбыл в Россию для ведения там организационной и пропагандистской работы. Совет, где особую активность развили Бенеш и Штефаник, ставил перед собой следующие цели: 1) объединить под своим руководством национально-освободительное движение за рубежом; 2) создать собственные вооруженные силы, свое войско добровольцев из числа военнопленных; 3) убедить страны Антанты, что распад Австро-Венгрии отвечает их интересам и тем самым получить их добро на создание самостоятельного государства¹⁹. Организационным центром ЧНС стал Париж, а в Британии, Италии и Швейцарии имелись его канцелярии, занимавшиеся пропагандой.

Политическая деятельность в эмиграции требовала особых человеческих качеств, и прежде всего решительности и упорства, которыми обладали и зрелый политик Масарик, и молодой, но уверенный в себе доктор философии Бенеш. И тот, и другой считали себя демократами, но сколько-нибудь существенной демократической опоры среди своих сторонников на родине они не имели. Начинать политическую работу в эмиграции сначала по подрыву, а затем по развалу Габсбургской империи надо было практически с нуля. Поскольку связь с чехами и словаками на родине была слабой, они обратились за помощью к землякам во Франции, Швейцарии, России, Голландии и, прежде всего, в Америке, где в чрезвычайно разбросанных поселенческих центрах столкнулись с неожиданными трудностями. Здесь жили в основном бедные рабочие и ремесленники, часть огромной экономической эмиграции из Европы второй половины 19 века. Эти люди не сожалели о том, что покинули в прошлом свою родину, оказавшуюся для них мачехой, и многие из них потеряли интерес к ней. Земляческие союзы в России, кроме того, не устраивала западная ориентация Масарика и Бенеша, в Америке же словацким, преимущественно католическим, общинам не нравилась склонность Масарика к протестантизму.

Действуя во время войны в эмиграции, пишет З. Земан, Масарик и Бенеш превратились в революционеров особого типа. Они готовили

революцию не с помощью насильственного свержения существующей на родине власти, а пытаясь утвердить свои воззрения и влияние в редакциях иностранной печати, в канцеляриях министров иностранных дел и правительств держав Антанты. Это был трудный путь, полный препятствий и разочарований. Журналистская работа и все тогда доступные средства пропаганды, включая убеждение с помощью личных контактов, играли в деятельности Масарика и Бенеша гораздо большую роль, чем ударная сила формирующихся на Западе и Востоке чехословацких легионов²⁰. С мая 1915 г. в Париже под редакцией профессора Э. Дени начал выходить журнал «Чешская нация» («La Nation Tchèque»), а с августа еще двухнедельник (потом еженедельник) под редакцией Л. Сыхравы «Чехословацкая независимость» («Československá samostatnost»), которые знакомили французскую общественность с чехо-словацкими проблемами.

Бенеш еще со времени учебы в Париже хорошо знал город и после своего приезда сюда без труда вернулся к студенческому образу жизни. Он снял небольшую комнатку на улице Леопольда Роберта на левом берегу Сены, запасся хлебом, мармеладом и чаем для повседневного питания и время от времени ходил в дешевый ресторан, чтобы скромно поесть. Возвратившись в Париж, он совершенно забыл о своей комфортной жизни в Праге с женой Ганой; изысканная французская кухня его нисколько не привлекала. В 1916 г. денежное содержание Бенеша было увеличено, и его жизненный уровень несколько повысился. Земан полагает, что в необходимости репрезентативного имиджа во французской среде его убедил М.Р. Штефаник, который настаивал, чтобы Бенеш отказался от своего студенческого образа жизни. Бенеш переехал на лучшую квартиру по адресу ул. Бонапарта, 18, начал тщательно одеваться и улучшил питание. Позднее он научился играть в теннис. При этом он постоянно упрекал Штефаника за его транжирство, которое претило воспитанному в атмосфере постоянной экономии Бенешу²¹.

Во второй половине сентября 1915 г., перед своим отъездом в Лондон, куда он был приглашен читать лекции в университете, Масарик провел две недели с Бенешем в Париже. Был разработан подробный план действий. Бенеш сразу же принялся за работу, которая отнимала все его время. Он действовал в двух направлениях: во-первых, хотел познакомить общественность с чехословацким вопросом, то есть занимался пропагандистской работой; во-вторых, использовал полученную с родины тайную информацию для обеспечения доступа в кабинеты французских чиновников, которых такая информация интересовала. Бенеш быстро осознал, что знание о чехах, о чешском

вопросе у французов еще меньше, чем он сначала предполагал, и что пробудить их интерес к проблематике, которая его волновала, будет чрезвычайно трудно. Название одной из брошюр, изданных Бенешем в Париже, «Détruisez l'Autriche-Hongrie!» («Крушение Австро-Венгрии!»), стало его девизом. Логическим следствием ее распада должно было стать создание нового государства, Чехословакии. Публицистическая и организационная деятельность на первых порах явилась основой обеспечения успеха заграничной акции по реализации этого плана. Бенеш проявил себя прежде всего в нелегкой организационной работе, которая шла поначалу с большим трудом, поскольку его имя пока было не известно ни в Праге, ни в Париже. Бенеш не был столь ярок в личностном плане, как Масарик или Штефаник: он мало кого мог очаровать. Сознывая это, Бенеш начал строить собственное политическое будущее на иных своих качествах, на осторожных суждениях и взвешенном взгляде на события. В жизни Бенеш удивлял своей способностью принимать быстрые решения. К намеченной цели шел спокойно, обдуманно, не скрывая своего честолюбия. Завоеванные позиции умел твердо отстаивать и был безжалостен к своим соперникам. Во время войны его критиковали не только за его чрезвычайное честолюбие, но и за суровость, которая граничила с холодной жестокостью²².

Бенеш стремился любой ценой наладить единство разбросанных повсеместно земляческих союзов, опираясь при этом на авторитет Масарика, который относился к нему со все большим доверием и уважением. После войны тогда уже президент ЧСР Т.Г. Масарик вспоминал, как «легко и действительно было сотрудничество с Бенешем. Не надо было много говорить; он так хорошо разбирался в политике и истории, что достаточно было одного слова. Он разрабатывал детальные планы и проводил их, быстро и успешно мог действовать на свой страх и риск»²³. Второй молодой член Совета Штефаник был обаятельным, склонным к аристократизму, умеющим обвороживать женщин, но поддающимся настроению, вспыльчивым человеком. Он играл свою очень важную роль в зарубежном чехословацком сопротивлении: обеспечивал доступ Бенеша к парижским политическим кругам. Штефаник имел французский Орден почетного легиона; парижские дамы с радостью принимали его в своих великосветских салонах. Несмотря на разность характеров, Бенеш и Штефаник смогли объединить свои таланты для решения общей задачи. Им обоим удалось, действуя энергично и подчас бесцеремонно, наладить деятельность ЧСНС и закрепить в сознании западной общественности представления о необходимости решения чехословацкого вопроса.

Упомянутый выше Сватковский сообщал в МИД России летом 1916 г.: «Перемены в чешском и других национальных вопросах Средней Европы произошли и за пределами этих земель, особенно в западных странах согласия. Неустанная пропаганда чехов, южных славян, поляков и т.д. во Франции, Англии и отчасти Италии стала приносить плоды. Широкие общественные и политические круги Запада, ранее совершенно не имевшие ясного представления о существе этих вопросов, ныне восполнили эти пробелы своего политического образования, благодаря появившимся специальным изданиям, лекциям и особенно постоянным беседам заинтересованных национальных деятелей с виднейшими представителями политических, публицистических и общественных кругов». Сватковский уверял, что основные пожелания чешских и других национальных деятелей уже всесторонне рассмотрены и в главных чертах одобрены западными политиками²⁴. Скорее всего, это было некоторым преувеличением их настроений, но несомненен был интерес к судьбе славянских народов Австро-Венгрии. В конце же 1916 г., на мертвом пике войны, которая никому не принесла решающего военного успеха, ни западные союзники, ни Россия все еще не были убеждены в необходимости ликвидации Австро-Венгрии.

В это время стала набирать силу идея акцентировать политическое значение чехословацких воинских формирований как на западном, так и на восточном фронте. Заслугой Бенеша и Штефаника явилось то, что чехословацкие легионы (воинские части), составная часть союзных армий, оставались автономными и находились под контролем Национального совета. В конце войны это, несомненно, усилило его позиции. Создание и участие в боевых действиях на фронте чехословацких воинских частей – сначала из числа земляков, к которым присоединялись военнопленные – тогда казалось наиболее надежным способом привлечения внимания союзных правительств. Бенеш и Штефаник энергично взялись за это дело. Именно в организации воинских частей их сотрудничество оказалось особо оправданным. Летом 1916 г. Штефаник отправился в Россию, чтобы изучить здесь ситуацию и заняться отправкой чешских и словацких военнопленных во Францию. Но здесь он не встретил желанной помощи ни со стороны властей, ни со стороны Дюриха, который занимался тут при российской поддержке организацией «Чехословацкого национального совета». Некоторые представители российских верхов не без основания полагали, что парижскому ЧНС свойственна прозападная ориентация, и намеревались создать в противовес ему орган на российской территории²⁵. Позиция российского

МИД состояла в том, что «России необходимо взять чехо-словацкий вопрос в свои руки, не предпрешая той формы, в которой могло бы в конце концов создаться чехо-словацкое государство». России надлежало иметь «довлеющее значение» в решении чехословацкого вопроса при определении послевоенного устройства Центральной Европы на новых началах. Для этого предполагалось удерживать всех военнопленных чехов и словаков в России и передать дело образования чешско-словацких частей военному ведомству. Возглавить это дело должен был Дюрих и созданный в помощь ему организационный комитет, который в январе 1917 г. официально получил статус «Чешско-словацкого национального совета в России»²⁶.

Бенеш в это время оставался в Париже и в дополнение к своей организационной работе тоже пытался проникнуть в правительственные круги. И это удалось сделать зимой 1916–1917 гг., когда ни одна из воюющих сторон не могла заявить о своем военном перевесе на фронтах сражений и добиться надлежащих успехов. В этих условиях Центральные державы (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария) 12 декабря 1916 г выступили с предложением о мире, которое было отклонено странами Антанты. Надеявшиеся на победу союзники начали серьезно заниматься вопросами послевоенного мирного устройства, хотя они по-прежнему всерьез не думали о ликвидации Австро-Венгрии. Понимая это, Бенеш прилагал огромные усилия, чтобы вынашиваемые ЧСНС планы хотя бы не канули в Лету. Он будоражил политиков и журналистов, используя все имеющееся у него в Париже связи. Некоторая часть французского истеблишмента начала прислушиваться к аргументам Масарика и Бенеша, которые они настойчиво пропагандировали, а именно: безвольная Австро-Венгрия является лишь орудием немецкого империализма, ее так или иначе сметет революционный взрыв недовольства угнетенных народов, среди которых особое место занимают чехословаки. Мир, предложенный Центральными державами, по мнению представителей ЧСНС, был совершенно неприемлем, поскольку они понимали, что его принятие могло бы обратить в прах все планы чехословацкого заграничного Сопrotивления.

Дипломатическая нота держав согласия от 10 января 1917 г. хотя и содержала упоминание об Австро-Венгрии, указывала, что целями войны является «освобождение итальянцев, славян, румын и чехо-словаков от иностранного господства». Несмотря на то, что нота была ни к чему не обязывающей и о возможном распаде Австро-Венгрии не говорила, Масарик и Бенеш считали упоминание о «чехословаках» «большим успехом»: речь шла о важном факте, пригодном

для убеждения внутреннего фронта сопротивления в том, что планы союзников в отношении Австро-Венгрии рассматриваются со всей серьезностью. В Праге же на военные события смотрели под иным углом зрения, чем эмиграция в Париже: большая часть чешских политиков все еще считала планы Масарика и Бенеша нереальными. В конце января 1917 г. президиум Чешского союза депутатов в Вене отверг заявление союзников относительно освобождения «чехословаков» от чужеземного ярма. В принятом им заявлении, в частности, говорилось: «Чехи никогда ни под чьим игом не находились и не находятся. Они добровольно подчинились династии Габсбургов и уже 400 лет нерушимо хранят свою преданность этому дому. Борьба чехов за свои справедливые национальные требования, приобретаемая временами напряженный характер, никогда не носила характер борьбы против династии. Всякий чешский патриот уверен, что только под властью Габсбургов Чехии обеспечено дальнейшее процветание в национальном чешском духе»²⁷. Это верноподданническое заявление, свидетельствовавшее, что в среде чешских политиков на родине продолжается раскол в вопросе о будущем чешского народа, чрезвычайно огорчило и встревожило Бенеша. Еще 30 марта 1917 г. он в послании в Прагу советовал чешским политикам не делать «проавстрийских или продинастических заявлений. Это нам страшно вредит»²⁸.

Кроме того, Бенешу пока не удавалось решить вопрос о создании чехословацкой военной части во Франции, на что были направлены его усилия с конца лета 1916 г. Дело было, как в отсутствии поддержки со стороны французских военных властей, которые еще не имели никаких прямых указаний от правительства, так и в нехватке подготовленных новобранцев. Помимо небольшого числа прежних переселенцев, во Франции находилось около 4000 доставленных сюда из Сербии бывших военнопленных. Ситуация в Италии была более благоприятной, там имелось примерно 10 000 военнопленных чешского и словацкого происхождения. В январе 1917 г. Бенеш отправился в Рим, полагая, что там найдет большее понимание в отношении планов чехословацкого Национального совета. Но и там его ждала неудача. Римское правительство неохотно брало на себя обязательства в отношении австро-венгерских славян. В Америке попытка мобилизации соотечественников Национальным советом также окончилась безрезультатно, а после вступления США в войну в апреле 1917 г. большая их часть облачилась в американские мундиры²⁹.

Вопрос о транспортировке на западный фронт чехословацких военнопленных из России тоже пока не решался. Почву для формиро-

вания здесь чехословацких частей подготовила только Февральская революция 1917 г. Временное правительство лишило финансовой поддержки Совет, возглавляемый Дюрихом. Парижский ЧСНС был признан руководящим центром чехословацкого движения за границей. Масарик приветствовал Февральскую революцию, называя ее великой. Рассматривая и оценивая все мировые события того времени исключительно через призму чехословацких интересов, он писал: «Свободная Россия всегда была идеалом всех прогрессивно настроенных мыслителей и политиков... и является вернейшим условием справедливого разрешения всех славянских проблем, а также переустройств и организации Европы на новых началах... Чехи всегда были русофилами, и мы горим еще большей любовью к свободной России... Мы питаем лучшие надежды на будущее для нашей страны и нашей свободы»³⁰. Масарик уже давно был знаком с министром иностранных дел Временного правительства профессором П. Милюковым. В 1916 г., находясь в Лондоне, он встречался с Масариком и познакомился с Бенешем. В мае 1917 г. Масарик отправился в Россию, где находился примерно год³¹ до апреля 1918 г., содействуя созданию в составе русской армии отдельной чехословацкой группировки. Временное правительство дало на это согласие. Октябрьская революция 1917 г. привела к выходу России из войны. Находящиеся здесь чехословацкие воинские формирования были объявлены составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции. В марте 1918 г. был отдан приказ о транспортировке чехословацкого корпуса, насчитывавшего к тому времени 50 тыс. человек, во Францию через Владивосток. В мае 1918 г. вспыхнул вооруженный конфликт частей корпуса с большевиками³². Англия, Франция и США пытались использовать легионеров для свержения власти большевиков и возвращения России в стан союзников для продолжения войны. Масарик после некоторого колебания одобрил участие чехословацких легионеров в борьбе с советской властью³³. Их заслуги в антисоветской войне были признаны и союзниками.

Одновременно деятели Национального совета не прекращали дипломатических усилий, направленных на официальное признание ими права на создание самостоятельного чехословацкого государства. 10 и 11 мая 1918 г. Бенеш направил меморандум и письмо по этому вопросу в МИД Великобритании. В них излагалась фактическая история сопротивления чехов и словаков Австро-Венгрии, содержалась просьба признать их союзниками Антанты, а ЧСНС – верховным политическим органом. О своих действиях Бенеш оповестил

и французов³⁴. Летом 1918 г. двери, в которые так долго стучался Бенеш, наконец, открылись. Союзные правительства согласились с тем, что Австро-Венгрия, поддерживавшая экспансию Германии, не заслужила того, чтобы сохраниться как государство после войны. Бенеш выиграл свою дипломатическую битву.

МИД Франции 29 июня 1918 г. направил ему письмо о признании французским правительством ЧНС в Париже руководящим органом чехословацкого национально-освободительного движения. 9 августа аналогичное заявление последовало и со стороны Англии³⁵. Английское правительство признало «чехословаков» «воюющим на стороне союзников народом». Стоит упомянуть, что в английском заявлении еще не было речи о создании независимого чехословацкого государства. Заявления французского и английского правительств, несомненно, свидетельствовали, что усилия Масарика, Бенеша и Штефаника не были напрасными. Бенеш, который всё это время оставался в Париже, чтобы вести дела Национального совета, послал в Прагу радостное сообщение «о величайшем политическом успехе». Он хотел, чтобы и пражские политики признали Национальный совет как временно представляющий интересы Чехословакии. В противном случае, как пригрозил Бенеш, «мы должны были бы здесь все дело бросить и подать в отставку. Было бы катастрофично, если бы сегодня, когда мы имеем политически все, среди нас отсутствовало единство»³⁶.

Революция в России и вступление в войну США (апрель 1917 г.) явились ключевыми событиями, оказавшими влияние на международную ситуацию и политическое развитие в Габсбургской монархии. В ноябре 1916 г. умер император Франц Иосиф, и его наследник Карл начал проводить в отношении славянских народов более миролюбивую политику. Снова был созван парламент в Вене. 30 мая 1917 г. чешские депутаты венского рейхсрата огласили заявление, в котором говорилось о желании добиваться пока еще в рамках Австро-Венгрии «объединения всех ветвей чехословацкой нации в чешское демократическое государство, включая и словацкую ветвь нации»³⁷. 2 июля 1917 г. была объявлена амнистия политическим заключенным, которая касалась, в частности, Крамаржа, Клофаца и Рашина. Это содействовало радикализации чешской политики, хотя российская революция и падение династии Романовых уменьшили шансы чешских русофилов на освобождение с Востока. Настроения в чешском обществе менялись не в пользу Габсбургской монархии, которая с начала 1918 г. находилась в состоянии внутреннего кризиса³⁸.

Заявление МИД Англии вызвало панику в венских правительственных кругах, которые расценили его как смертный приговор

Австро-Венгерской монархии. 2 сентября к признанию чехословаков союзниками, а Национального совета как основы будущего чехословацкого правительства присоединился и Вашингтон. Опираясь на эти заявления, Масарик, который с апреля 1918 г. находился в США, передал американскому правительству так называемую Вашингтонскую декларацию. В ней, в частности, говорилось: «Мы отказываемся в какой-либо форме остаться частью Австро-Венгрии. Мы требуем для чехов права объединиться со своими славянскими братьями, населяющими Словакию». Будущее государство в декларации было объявлено республикой, которая проведет «существенные социальные и экономические реформы»³⁹. Еще ранее, 30 мая 1918 г. Масарик заключил со словаками, живущими в Америке, так называемое Питтсбургское соглашение⁴⁰, по которому словаки должны были получить в Чехословацком государстве автономию⁴¹. Согласно «Филадельфийскому соглашению», подписанному Масариком с представителями русинской диаспоры в Америке 26 октября 1918 г., Угорская Русь (нынешнее Закарпатье) в случае ее присоединения к Чехословакии получит автономию и справедливые границы⁴².

Бенеш в переписке с Масариком ставил вопрос о провозглашении Национального совета временным правительством, и 26 сентября он получил его согласие. Штефаник в этом правительстве должен был стать военным министром, а Бенеш – не только министром иностранных, но и внутренних дел. Ни Штефаник, ни Бенеш не сомневались, что во главе правительства, в котором им принадлежали три важнейших кресла, встанет Масарик. Бенеш, однако, ожидал подходящего момента, чтобы открыто заявить о составе нового правительства. Бенеш, пишет З. Земан, был молодым и упорным, но в некоторых вещах необыкновенно доверчивым и даже наивным. Он не сознавал, что подобно тому, как во время войны он пытался использовать западные державы в своих интересах, они сами использовали его в собственных целях, и что его успех зависел от того, насколько это было выгодно им⁴³.

Между тем, осенью 1918 г. политический кризис в Австро-Венгрии достиг своего апогея. События в Чешских землях приняли лавинообразный характер. Еще летом в Праге под председательством К. Крамаржа был создан Национальный комитет, который в обращении к чехословацкому народу высказался за право на самоопределение и создание самостоятельного демократического чехословацкого государства. Бенеш внимательно следил за ситуацией на родине. Он опасался создания в Праге правительства во главе с К. Крамаржем. Оно могло выступить против заграничного правительства, и

тогда планы Бенеша оказались бы под угрозой. 14 октября, в день, когда в Чешских землях началась генеральная забастовка, Бенеш спешно сообщил французскому министерству иностранных дел о создании временного чешско-словацкого правительства в составе трех человек. Масарик, именовавшийся президентом, объявлялся еще премьер-министром и министром финансов, в кабинет входили также Бенеш как министр иностранных и внутренних дел и Штефаник как военный министр. В ситуации, когда Бенеш не знал мнения политиков в Праге и расстановки там политических сил, он не хотел расширения заграничного правительства. Французское правительство приняло предложение Бенеша на следующий день без колебаний⁴⁴. 17 октября Бенеш послал в Прагу сообщение о создании временного чехословацкого правительства. Он заверил чешских политиков, что правительство за границей «действительно функционирует и всеми признано». К этому он добавил, что им «от имени чехословацкого правительства» подписаны «крайне обязывающие» международные соглашения, и поэтому «чрезвычайно важно, чтобы в Чехии не произошло ничего, что могло бы подорвать авторитет либо всего правительства, либо отдельных лиц». Бенеш считал также крайне нежелательным, чтобы другое, созданное в Праге, правительство начало в Вене или в Будапеште вести переговоры о федерализации австрийского государства: «Наше положение тем самым чрезвычайно осложнилось бы, в нашей армии возник бы кризис, и мы вынуждены были бы либо уйти в отставку, либо ликвидировать наше дело. В этом случае мы не гарантируем Вам ничего». Бенеш в действительности серьезно опасался того, чтобы какое-нибудь возникшее в Праге правительство не положило конец его планам, поэтому в своем послании он предложил компромиссное решение на случай, «если бы дело дошло до создания свободного правительства в Чехии». Президиум правительства и министерство финансов тогда функционировали бы в Праге, в то время как за границей остался бы лишь «отдел», т. е. часть министерства внутренних дел и финансов. Масарик в этом случае, согласно Бенешу, остался бы лишь «шефом» правительства; о своем министерстве иностранных дел Бенеш в этом дополнении не упомянул⁴⁵. В послании от 17 октября Бенеш пригласил чешских политиков в Женеву, чтобы совместно обсудить дальнейшие действия. Они приняли приглашение. Престиж руководителей заграничного сопротивления и лично Бенеша в Праге поднялся весьма высоко. Переговоры в Женеве начались 28 октября 1918 г., в день, когда в Праге было провозглашено создание независимого Чехословацкого государства. Заявление об этом было сделано На-

циональным комитетом, который объявлялся органом «единодушной воли народа, а также выразителем государственного суверенитета». В законе, утверждавшем создание чехословацкого государства де-юре, говорилось, что его форма будет определена Национальным собранием «по согласованию с Чехословацким национальным советом в Париже»⁴⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2 кн. Кн. 1. М., 2005. С. 15–31, 44–77.

² *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis.* Praha, 2002. S. 20.

³ Ibid.

⁴ Чехия и Словакия в XX веке С. 45.

⁵ *Beneš E. Světová válka a naše revoluce Díl 1.* Praha, 1927. S. 1 (цит. по: *Zeman Z. Edvard Beneš.* S. 20).

⁶ Чехия и Словакия в XX веке С. 52.

⁷ Цит. по: *Zeman Z. Edvard Beneš.* S. 21.

⁸ *Masaryk T.G. Česká otázka.* Praha, 1969. S. 7–8 (цит. по: *Бобраков-Тимошкин А. Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938).* М., 2008. С. 26).

⁹ Там же. С. 27–28, 30.

¹⁰ Подробнее о философии Т.Г. Масарика см.: *Философия – социология – политика. Избранные тексты.* М., 2003; *Масарик Т.Г. Россия и Европа. Эссе о духовных течениях в России.* Т. 1–3. СПб., 2001, 2004.

¹¹ *Zeman Z. Edvard Beneš.* S. 23.

¹² *Sychrava L. Benešova role v naší osvobozenécké revoluci // Dr. Edvard Beneš – spoluzakladatel nové svobody a tvůrce zahraniční politiky československé.* Praha, 1924. S. 66 (*Zeman Z. Edvard Beneš.* S. 23).

¹³ Ibid. S. 23.

¹⁴ *Серпионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы.* М., 2006. С. 241–261.

¹⁵ Штефаник Милан Ростислав – словак по национальности, гражданин Франции, ученый-астроном, с началом войны военный летчик (См. подробнее: Милан Ростислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001).

¹⁶ *Чанек К. Беседы с Т.Г. Масариком.* М., 2000. С. 113, 116–117.

¹⁷ *Valenta J. Vznik Československa.* In: *Edvard Beneš československý a evropský politik.* Praha, 1994. S. 51.

¹⁸ Чехия и Словакия в XX веке. С. 60.

¹⁹ *Серпионова Е.П. Указ. соч.* С. 267–268.

²⁰ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 24–25.*

²¹ *Ibid. S. 25.*

²² *Ibid. S. 26.*

²³ *Masaryk T.G. Světová revoluce. Praha, 1925. S. 38* (цит. по: *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 26–27*).

²⁴ *Серпионова Е.П. Указ. соч. С. 269–270.*

²⁵ Об отношении в России к чехословацкому вопросу и позициях Масарика см. подробнее: Там же. С. 271–272.

²⁶ Чехия и Словакия в XX веке. С. 65–66.

²⁷ Там же. С. 71.

²⁸ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 31.*

²⁹ *Ibid. S. 30–31.*

³⁰ *Серпионова Е.П. Крамарж и Россия. С. 273.*

³¹ Об отношении Масарика к Октябрьской революции и большевикам см.: *Серпионова Е.П. Критика Т.Г. Масариком большевизма // «Восточно-европейский социализм»: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992. С. 21–31.*

³² См. подробнее: *Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.*

³³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 1. М., 1973. С. 20–21, 28–29, 147; *Vznik Československa 1918. Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 1994. S. 135–136.*

³⁴ *Ibid. S. 91–99, 100–103, 115–117.*

³⁵ *Ibid. S. 142–143, 201–202.*

³⁶ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 32–33.*

³⁷ Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. 2. Минск, 1989. С. 261.

³⁸ См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. С. 78–81.

³⁹ *Кафка Ф. Чехословакия. Исторический очерк. Прага, 1968. С. 157.*

⁴⁰ См. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. С. 82–83.

⁴¹ О событиях и внутривнутриполитической жизни в Словакии в годы войны см. подробнее: *История Словакии (пер. со словацкого и английского). М., 2003. С. 292–298.*

⁴² Чехия и Словакия в XX веке. С. 98–99.

⁴³ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 36.*

⁴⁴ *Vznik Československa 1918. Dokumenty československé zahraniční politiky. S. 308–309.*

⁴⁵ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 37.*

⁴⁶ *Vznik Československa 1918. S. 332–333.*

НА ПОСТУ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЧСР. НАЧАЛО

Местом встречи делегации чешских политиков с представителями заграничного сопротивления во главе с Эдвардом Бенешем стал отель Бо-Риваж (Beau-Rivage) на берегу Женевского озера. Пражскую делегацию возглавлял Карел Крамарж, председатель Национального комитета, высшего политического органа на родине; тридцатичетырехлетний Бенеш тогда был уже две недели министром иностранных и внутренних дел существующего лишь на бумаге государства. Он-то и взял в свои руки инициативу на переговорах, которые продолжались с 28 по 31 октября. Бенеш по своему обыкновению был чрезвычайно оптимистичен. Он заявил, что теперь уже нет оснований опасаться чего бы то ни было со стороны Вены, Будапешта или Берлина, назвал чехословаков народом, вызывающим восхищение всего мира, любимцем Антанты, которая окажет ему быструю военную и экономическую помощь, заверил, что в вопросе границ все уже ясно и что чехословаки только должны решить, какие области они хотят включить в свое государство. Члены пражской делегации после небольшого колебания одобрили все действия и обязательства руководства заграничного сопротивления. Они согласились с республиканской формой правления нового государства, о провозглашении которого узнали, находясь в Женеве.

Итоги переговоров были зафиксированы в протоколе совместного заседания от 31 октября и состояли в следующем: 1) были признаны заслуги чехословацкого правительства в Париже и созданного им войска; 2) обсуждены условия возможного перемирия; 3) достигнута предварительная договоренность об образовании временного чехословацкого правительства в Праге во главе с Крамаржем, которое действовало бы до принятия конституции и формирования парламентского правительства, а также о занятии в нем Бенешем поста министра иностранных дел, а Штефаником – военного министра; 4)

рассмотрены экономические, финансовые и юридические вопросы перехода от австро-венгерской государственности к независимому чехословацкому государству. По предложению Крамаржа было решено, что президентом республики станет Т.Г. Масарик¹.

Делегация возвратилась в Прагу воодушевленная картиной, нарисованной перед ней Бенешем, и высоко оценила деятельность заграничного сопротивления и лично Бенеша. Лидер национальных социалистов В. Клофач на заседании Национального комитета заявил, что авторитет Масарика и Бенеша среди союзников «просто невероятен». Крамарж, по воспоминаниям Ф. Соукупа, превзошел Клофача в восхищении Бенешем: «Если бы вы видели нашего доктора Бенеша, то, с каким мастерством он справляется со всеми мировыми вопросами, каким чудом достиг того», что державы Антанты «обязались приложить все силы, чтобы мы получили чехословацкое государство... в желаемых нами границах, так вы сняли бы шляпы... Наши господа за границей сотворили просто чудо... Я не говорю уж о Масарике... Но подумайте, это тот Бенеш, который с рюкзачком за плечами прибыл в Швейцарию...»². На расширенном заседании Национального комитета 14 ноября Масарик по предложению Крамаржа единогласно был избран президентом Чехословацкой республики. Однако договоренность о составе пражского правительства не была реализована из-за противодействия видных политиков на родине во главе с Антонином Швеглой, исходивших из собственных партийных расчетов и внутренней ситуации в стране. 21 декабря 1918 г. Масарик вернулся на родину.

Бенеш же 1 ноября возвратился в Париж. Здесь он чувствовал себя в своей стихии и полагал, что именно во французской столице сможет быть более всего полезен родине.

С женой Ганой Бенеш не поддерживал связи с момента своего отъезда за границу в сентябре 1915 г. Первое письмо он написал ей только два дня спустя после окончания переговоров с пражской делегацией в Женеве, 2 ноября 1918 г. «Я часто и постоянно вспоминал о Тебе, обо всех Вас... До меня доходили слухи о том, сколько вы вытерпели, как [вам] было плохо, я чувствовал это. Когда возвращусь, ты обо всем мне расскажешь, все выложишь – сегодня ты ясно видишь, что всё это было не напрасно». А неделю спустя Бенеш писал Гане из Парижа на официальном бланке нового государства: «Можешь себе представить..., какой поразительный поворот во всем, что происходит сегодня и что еще произойдет! Я очень доволен [проделанной] работой. И я действительно рад, что, как теперь видно, все предпринятое нами приносит свои плоды и имеет огромные,

поразительные результаты. Сегодня такая ситуация в отношениях между французами, англичанами, итальянцами и американцами, что в интересах нашего чешского дела я должен находиться здесь до заключения мира... Я чрезвычайно доволен и счастлив, что всё так идет и так развивается. Всё это мало кто из нас ожидал – но как только я приехал сюда и ознакомился с ситуацией, мне стало ясно, что дело получит такое окончание... это результат того, что все мы принесли страшные жертвы и страдали... По правде я не ожидал того, что все произойдет так быстро, что будет такой полный триумф, что в результате событий я лично окажусь в таком положении»³.

Во время войны Гана провела девять месяцев в тюрьме, а после освобождения жила в деревне, в доме отчима. В своем письме от 16 ноября она писала о том, какая суматоха наступила в Праге после получения фотографий Бенеша и как она все их раздала: «Можешь ли ты, Эдичка, понять мои чувства, когда я иду по улице и всюду вижу почтовые открытки, витрины, и на улицах продают Твои изображения? Вчера я купила пять таких. Все это просто прекрасно, если бы не опасения, крадывающиеся в мою душу... Все полагают, что после установления правительства, и прежде всего в результате того, что в нем представлены социалисты, наступит успокоение... Д-р Рейхман был здесь неоднократно, работает над книгой о Тебе и собирает материал».

В ответном письме Бенеш называл жену «дорогой доченькой» и просил, чтобы избегала «людей, журналистов и репортеров», поскольку его коллеги начали бы завидовать его популярности и стали бы выискивать его слабости. В письме от 29 ноября Гана жаловалась, что «в Праге жить трудно – из-за продовольственного снабжения, а в Ренчове я эту зиму уже не хотела бы проводить... Не будет ли это противоречить Твоим расчетам, если я скоро приеду к тебе? В Париже можно приобрести более дешевую одежду, чем в Праге, где простой костюм стоит 1000–1200 [крон]». Хотя она писала, что имеет «костюм и одно вечернее платье», считала, что ее гардероб следует обновить, и в этом вопросе полностью полагалась на мужа: «Я слышала, Эдичка, как Ты элегантен, и в этом отношении я очень за Тебя рада». Накануне Рождества, 14 декабря 1918 г., Бенеш просил Гану, чтобы она была готова к тому, что будет «репрезентироваться: устраивать обеды и завтраки, ходить на обеды и завтраки к министрам, посланникам, президенту и т.д. и т.п. Это очень обременительно, но я должен это делать. Все дела, туалеты, приготовления и т.д. будут решаться только здесь». Гана приехала в Париж. Здесь она забеременела, но у нее случился выкидыш. Их брак оказался бездетным, хотя она долго не оставляла надежды на то, что сможет вылечиться от бесплодия,

для чего часто ездила во Франтишкове Лазне. И хотя Бенеш называл свою жену подчас «доченькой», но именно Гана своего постоянно загруженного работой мужа окружала материнской заботой⁴.

В конце 1918 г. и значительную часть 1919 г. Бенеш находился в Париже. Послевоенная Европа пребывала в хаосе, и он очутился в вихре международной политики, что ему полностью импонировало. Назревали важные события, касавшиеся послевоенного мирного урегулирования, и он должен был находиться в их гуще, чтобы не упустить чего-либо важного для дела, которому служил все годы войны. По прибытии в Париж Бенеш узнал, что союзники, вопреки предыдущим обещаниям, колеблются в приглашении чехословацкого делегата для участия в переговорах о перемирии с Австро-Венгрией. Используя свои прежние знакомства, Бенеш снова разыграл карту, на которую делал ставку и прежде, а именно: в Центральной Европе, находящейся под угрозой хаоса, Чехословакия является практически единственным стабилизирующим фактором. Она была и остается, согласно Бенешу, преградой против немецкой и венгерской экспансии, а также против распространения большевизма. При этом Бенеш под большевистской угрозой понимал скорее революционное движение в той или иной части Восточной Европы, чем экспансию российского большевистского режима. В этой области, дескать, большевизм могут остановить только чехи. Поэтому они должны быстро занять населенное немцами чешское пограничье и Словакию, что потребует проведения военной операции при поддержке армии Антанты. Так впоследствии Бенеш описывал свою аргументацию в книге «Мировая война и наша революция»⁵.

Антанта, особенно Франция, с пониманием отнеслась к доводам Бенеша: французское военное командование рассматривало тогда Чешские земли как возможный плацдарм для наступления против Германии. 3 ноября Австро-Венгрия подписала с Союзниками перемирие; день спустя Бенеш принял участие в совещании высших политических и военных представителей Антанты и был приглашен в Версаль. Бенеш испытывал огромное волнение, когда 4 ноября 1918 г. садился в автомобиль, на капоте которого красовался чехословацкий флажок. Он был единственным представителем государств-наследников Габсбургской империи, приглашенным на начало переговоров.

Надежды, возлагаемые Бенешем на Париж, в первое послевоенное время действительно оправдались. Именно Франция первой признала право Чехословакии занять чешское пограничье еще до заключения мирных договоров, несмотря на протесты проживавшего

там немецкого населения и венского правительства. Это произошло после локальных столкновений в конце 1918 г. Бенеш добился установления гораздо более выгодной, по сравнению с той, которую требовал в Будапеште представитель словаков Милан Годжа, пограничной линии Словакии с Венгрией. Проблемы вызвал спор с Польшей о Тешине. В этой распре между государствами-«победителями» чехи аргументировали историческим правом, а поляки – национальным правом. В январе 1919 г. по приказу пражских властей на спорную территорию, после войны занятую поляками, начали наступление чехословацкие войска. В то же время Бенеш, учитывая недовольство этим держав-победительниц, бомбардировал Прагу указаниями прекратить наступление, в чем, в конце концов, и преуспел. Большая часть спорной области была передана под управление Антанты, которая должна была этот спор решить: решение было принято летом 1920 г., и ЧСР благодаря Бенешу получила экономически важный угольный бассейн с железной дорогой.

Сложности возникли и в отношении Словакии. Венгрия отказалась признать выход словацких территорий из состава венгерского государства. В ноябре венгерские войска вторглись в Словакию. Чехословацкие власти действовали и дипломатическим, и военным путем. Бенеш вел переговоры в Париже, и в конце ноября венгерское правительство получило оттуда указание очистить территорию Словакии. Однако ситуация здесь оставалась напряженной. После коммунистического переворота в Будапеште весной 1919 г. венгерская Красная Армия перешла в наступление и заняла значительную часть восточной Словакии, где была создана просуществовавшая три недели Словацкая советская республика. Однако после ультиматума Антанты венгерские войска были отведены к демаркационной линии, а словацкая территория и Закарпатье заняты чехословацкими и румынскими войсками⁶.

В период принципиальной перестройки Центральной Европы Бенеш решил опереться прежде всего на Францию. И не только потому, что тогда шла речь, невзирая на все ее военные и экономические потери, о сильнейшей державе на европейском континенте. Возникновение Чехословакии было обусловлено не только распадом Габсбургской монархии, но также поражением и ослаблением Германии, и Бенеш правильно полагал, что французское руководство было заинтересовано в том, чтобы удерживать Германию в таком состоянии, чтобы она уже никогда не смогла представлять угрозу для Франции. Он считал, что интересы Франции и Чехословакии в Центральной Европе в целом аналогичны. «Франция нас будет во

всем и всегда поддерживать», – писал он пражскому Национальному комитету 9 ноября. «Наше положение в Центральной Европе придает нам чрезвычайное значение, во Франции это осознают..., и мы можем иметь от этого необычайно большие политические, дипломатические и экономические выгоды»⁷. Профранцузская ориентация Бенеша поддерживалась также опасениями, что англичане захотят создать в Центральной Европе как минимум экономически более крупные образования, подобные старой монархии. Американцы же, по представлениям Бенеша, являются фанатиками права народов на самоопределение, и он знал, что ради последовательного проведения этого принципа они могли бы финансировать и рождающееся государство.

Президент Масарик после возвращения в Прагу также понял значение союза ЧСР с Францией. Но Бенеш еще 9 ноября 1918 г. потребовал от пражских политиков согласия на переговоры о военном сотрудничестве с Францией. Они велись без уведомления об этом как остальных союзников, так и военного министра М.Р. Штефаника. Переговоры завершились подписанием военного договора 14 февраля 1919 г. Вслед за этим в Прагу прибыла французская военная миссия, глава которой стал – и вплоть до 1926 г. являлся – начальником Генерального штаба чехословацкой армии.

Действия Бенеша ухудшили уже и без того неважные его отношения со Штефаником. Штефаник подозревал Бенеша в том, что тот выступил с инициативой создания в пражском правительстве министерства национальной обороны. Оно должно было после подписания мирных договоров взять на себя все функции министерства Штефаника. Кроме того, между Бенешем и Штефаником возникли разногласия в вопросе внешнеполитической ориентации рождавшегося чехословацкого государства. Когда Штефаник, у которого в это время возникли проблемы со здоровьем, в апреле 1919 г. возвратился из России в Париж, он настаивал, чтобы ЧСР имела такие же тесные связи с Италией, как и с Францией. Бенеш, по словам Земана, опасался присущего Штефанику консерватизма, сопровождавшегося стремлением «любой ценой играть руководящую роль... в осуществлении наших дел». Ко всему прочему, Бенеш порицал личную жизнь Штефаника, в том числе и его связь с итальянкой по имени Джулиана Бензони. Он настаивал на том, что Штефаник не может быть членом чехословацкого правительства, поскольку он не отказался от французского гражданства. Бенеш упорно обращал внимание Масарика на то, что мирная конференция может провалиться и что даже может разгореться война «всех против всех», в которой

итальянцы могут оказаться на стороне коалиции немцев, венгров, румын, болгар и т.д., «а мы должны будем идти вместе с французами, поляками и югославами». Штефаник, учитывая его обручение с Бензони, считал Бенеш, «чрезмерно связан с итальянцами», и, вероятно, желал бы видеть Чехословакию в качестве королевства с итальянским принцем на троне. Штефаник, писал Бенеш Масарику 5 апреля 1919 г., «прибыл из Сибири физически и духовно почти сломленным». Французы настроены против него и полагают, что пришел конец его общественной и политической карьере: «Общественное мнение вознесло его... очень высоко. Это произошло с головокружительной скоростью... Это искусственно созданное и искусственно поддерживаемое [мнение] не соответствовало его личности». Французские деятели «говорили мне (Бенешу. – В. М.) сегодня, что его позиция “est impossible”, что его [про]итальянская политика неприемлема, концепция не выверена...»⁸.

Физически ослабленный, тяжело больной Штефаник написал президенту, которого называл отцом, очень мрачное общего плана письмо, отмеченное опасениями за будущее родины. Ссора между бывшими соратниками по общему делу закончилась разрывом. 5 апреля Бенеш написал Масарику, что их последняя встреча «завершилась грубой сценой и обвинением в присутствии других людей в том, что я бесчестный человек. Я не мог этого вынести, между нами все кончено». Политикам на родине министр иностранных дел позже сообщал, что не только не желает находиться в одном правительстве со Штефаником, но не видит для него места и в дипломатии. Масарик, который пытался погасить ссору, тем не менее встал на сторону Бенеша. Угроза публичного конфликта была предотвращена роковой случайностью. Самолет, которым Штефаник возвращался на родину, 4 мая 1919 г. потерпел катастрофу под Братиславой, генерал погиб. Заслуги Штефаника как одного из основателей Чехословацкой республики высоко оцениваются в современной Словакии⁹.

18 января 1919 г. в Версальском дворце начала работу Парижская мирная конференция. В ее задачи входило заключение мирных договоров, установление новых границ в Европе и создание механизмов недопущения новых военных конфликтов. Чехословакия оказалась в числе тех государств-победителей, голос которых принимался во внимание только при обсуждении непосредственно касавшихся их вопросов. Формально чехословацкую делегацию возглавлял премьер-министр Карел Крамарж. Однако в Париже он испытал горькое разочарование. Его представление о том, что он будет вести переговоры с лидерами великих держав как равный с рав-

ными и таким образом поможет России покончить с большевизмом и восстановить ее великодержавные позиции, не осуществилось. «Крамарж, – пишет Е.П. Серапионова, – привыкший к положению политика, представлявшего большое европейское государство – Австро-Венгрию, несколько (пожалуй, тут можно употребить слово «чересчур». – В. М.) переоценивал свой вес на конференции среди союзников, стремясь влиять на основные решения форума... Его претензии на роль равного среди основных победителей не могли оправдаться». Как не могли оправдаться и надежды Масарика на то, что он, будучи приглашен на конференцию, сможет «на равных» с представителями Англии, Франции, США и Италии решать обсуждавшиеся там вопросы¹⁰. Бенеш гораздо лучше разбирался в закулисных тонкостях европейской политики и знал, каким путем надо идти к цели и добиваться согласия лидеров великих держав, которые к тому же уже привыкли к нему. Он по опыту знал, что путь к успеху лежит в основном через повседневную будничную работу с секретарями этих заваленных делами, занятых сотнями вопросов властных лиц; именно секретари готовили для своих шефов ключевые обоснования и выводы, которые затем быстро проходили через различные комитеты конференции. Тактика Бенеша в конечном счете оказалась верной, а отношения с главой чехословацкой делегации Крамаржем, который более занимался «русским», чем чехословацким вопросом, постепенно начали обостряться.

На Парижской конференции не были представлены ни потерпевшие поражение страны, ни революционная Россия, однако вопрос о большевистском режиме оказывал влияние на все переговоры о мире. Суть разногласий между Бенешем и Крамаржем состояла в том, что первый искал ключ к решению чехословацких проблем на Западе, а второй – по-прежнему в России, которую следовало предварительно очистить от большевиков. Средство для этого он видел в чехословацком легионе, который тогда находился на территории Сибири и мог помочь Антанте покончить с большевистским режимом.

Спустя более чем год после октябрьского переворота 1917 г. легионеры все еще являлись единственной боеспособной силой западных союзников на советской территории. Это и объясняло приказ Масарика легионерам от 14 ноября 1918 г.: «Вы не можете возвратиться на родину так быстро, как вам хотелось бы. Тем не менее этой жертвой вы усилите позиции нашего народа на мирной конференции»¹¹. В начале 1919 г. легион получил приказ нести охранную службу на транссибирской магистрали. Легионеров, обессиленных тяжелыми боями и пребыванием в суровых условиях Сибири, более всего раздражало

напрасное ожидание обещанной со стороны Антанты помощи. Они стремились как можно быстрее вернуться домой, их моральное состояние и боеспособность быстро сходили на нет.

В Париже Крамарж настаивал на военной интервенции против большевиков с участием легионов, в то время как Штефаник, первоначально согласный с ним, не скрывал сомнений относительно успеха такого плана. Убедившись в почти бедственном состоянии чехословацких частей в Сибири, Штефаник на сей раз сошелся с Бенешем во мнении: «Или серьезная интервенция» против большевиков с участием войск Антанты, «или наших – на родину»¹². Между тем уже началась эвакуация легионеров из Владивостока на кораблях, армия адмирала Колчака и другие антибольшевистские силы в Сибири прекратили существование, и 7 февраля 1920 г. было заключено перемирие между чехословацкими легионами и Красной Армией.

Осознав, что вынашиваемые им планы ликвидации большевистского режима нереальны, Крамарж предложил другой вариант: концентрировать на чешской территории русских пленных и организовать из них армию под контролем чехословацкого правительства, используя ее впоследствии для борьбы против большевистской России. Бенеш, не высказавшись пока в поддержку этого плана, все же сообщал в Прагу, что Франция хотела бы поспособствовать его реализации, и что его одобряют и видные российские политики-эмигранты. По словам Бенеша, Крамарж полагал, что добровольческая чехословацкая армия вместе со сформированной из военнопленных русской армией могла бы выступить «в поход на Москву»¹³. Бенеш не разделял этих планов. Хотя напрямую он не говорил об этом ни Крамаржу, ни кому-либо другому, но писал Масарику: «Я абсолютно не верю в успех и возможность осуществления кампании в таком масштабе и такого характера, как намечено в этом плане». И подчеркивал: «Я осторожен. Учитывая обстановку среди русских и нашу будущую политику в отношении России, я не считаю также тактически верным априори отказывать им во всем и хотел бы занять следующую позицию: пусть они сначала сами покажут, что они способны организовать, а затем можно было бы думать о том, чтобы другие пришли им на помощь»¹⁴. Бенеш, подобно Крамаржу, тогда полагал, что большевистский режим в России долго не удержится. Крамарж даже разработал проект конституции Российского государства, основанного на демократических принципах¹⁵.

Отношение Бенеша к событиям в России и большевикам отличалось от позиции Крамаржа. Победу большевиков он расценивал как результат взрыва против реакции, против старого режима. Впо-

следствии, выступая в Национальном собрании в феврале 1920 г., он уверял, что чехословацкое руководство никогда не возлагало особых надежд ни на Колчака, ни на Деникина. Их режимы Бенеш оценивал как чисто военные, реакционные. Протестуя против большевистского террора и анархии, Бенеш заявлял, что интервенция при опоре на чехословацких легионеров, которым союзники не оказали обещанную помощь, не способна была решить русскую проблему¹⁶.

Итак, в 1919 г. среди ведущих чешских политиков уже только Крамарж заявлял о необходимости свержения большевистского режима при участии чехословацких вооруженных сил. К тому же в верхах союзников тоже не существовало единства в вопросе о военной интервенции в Россию¹⁷. В начале февраля 1919 г. Бенеш писал Масарику: Крамарж «просто невозможен», и его следует отозвать на родину, но так, чтобы он мог уйти с почетом. И в этом Бенеш был согласен с президентом; Масарик полагал, что место премьер-министра – на родине, хотя и не считал Крамаржа подходящим главой правительства. Тщеславный и амбициозный Бенеш, уверенный, что он сам лучше и без помощи других сможет «разрулить» чехословацкие проблемы в Париже, был бы рад остаться единственным здесь чехословацким представителем. Он не отвергал мысль о помощниках, знающих языки, но не обязательно сведущих в дипломатии, и писал Масарику: «Нет нужды ни в ком, только в представителе; специалисты сделают для меня всю подготовительную работу, об остальном же позабочусь я». При этом Бенеш подчеркивал, что пользуется особым доверием союзников: он указывал на свою незаменимость на мирных переговорах, где французы, англичане и американцы утверждали, «что я, дескать, единственный пользующийся доверием и что могу на конференции “получить все”»¹⁸. Однако, несмотря на всю самоуверенность, ему подчас с трудом верилось, что он мог достичь признания со стороны западных держав. В своих воспоминаниях Бенеш писал: «Я почти не мог всему этому поверить... три года назад я бежал... через границы Чехии, крадучись, скрываясь в кустах, чтобы избежать встречи с австрийскими и баварскими таможенниками..., а сегодня я сижу здесь с представителями Франции, Англии и Соединенных Штатов»¹⁹.

Но Крамарж, несмотря на давление Бенеша, остался на конференции и работал в ряде ее комиссий. Дискуссия между Бенешем и Масариком о том, как лучше поступить с ним, тем временем продолжалась. Бенеш полагал, что Крамарж слаб характером, поскольку он холерик и заботится только о собственной персоне. Масарик с Бенешем согласился и добавил, что в республике он «не смог бы ничего

создать; по натуре он – господин и в старом традиционном административном аппарате был бы на месте, но не в государстве, которое должно быть создано»²⁰. В начале июня 1919 г. Масарик предложил Бенешу возглавить правительство, оставаясь при этом министром иностранных дел, и настаивал, чтобы это произошло немедленно. Бенеш, который считал, что Крамарж для своего поста «решительно непригоден, ни по темпераменту, ни по воззрениям, ни по способу действий», предложение не отверг, однако высказал некоторые сомнения относительно преждевременности занятия кресла главы правительства «на основе случайно сложившейся расстановки политических сил». Они оба при этом были далеки от представлений чешских политических лидеров, поскольку назначение беспартийного Бенеша на пост главы правительства означало, собственно, шаг к созданию чиновничьего кабинета, сформированного президентом без учета партийного состава парламента.

Обмен мнениями между Масариком и Бенешем относительно неспособности Крамаржа возглавлять правительство и о будущем чехословацкого кабинета министров происходил на фоне сильных социальных потрясений в молодой республике, которые достигли пика в мае 1919 г. Тогда в связи с нехваткой продовольствия в стране, ростом цен и спекуляции состоялись мощные демонстрации, сопровождавшиеся разграблением магазинов и складов. Немного поразмыслив, Бенеш все же выразил желание встать во главе правительства, однако хотел, чтобы чешские политики знали, что он делает это не из-за стремления занять кресло премьера, а потому, что «я в этой комбинации считаю себя скорее жертвой, что я, как солдат, иду просто туда, куда требуют обстоятельства – и ничего более»²¹.

Состоявшиеся в середине июня 1919 г. в Чешских землях коммунальные выборы – первые чехословацкие выборы вообще – завершились победой социал-демократов и огромным поражением национальных демократов Крамаржа, а также бывшей партии Масарика, партии реалистов (ныне прогрессивной). Первое место на выборах заняли социал-демократы, второе – аграрники, третье – национальные социалисты. Бенеш из Парижа предлагал смелую, но во внутренних условиях неосуществимую редукцию партий до двух-трех блоков, изъявляя при этом готовность возглавить социалистический блок.

Результаты выборов означали конец исполнения Крамаржем функций премьера, но также лишили президента надежд на то, что председателем правительства станет Бенеш. «Красно-зеленое» правительственное большинство состояло из представителей социалисти-

ческих и аграрной партий. Лидеры решающих политических партий дали при этом Масарику понять, что хотя и уважают авторитет президента и его право назначать членов правительства, но ожидают, что он будет учитывать результаты выборов и предложения отдельных партий. Бенеш, который ближе всего стоял к национальным социалистам, не являлся членом ни одной партии и совершенно не имел опыта во внутренней политике. Таким образом, Масарик должен был написать Бенешу 26 июня 1919 г.: «Ваше премьерство. Многие говорят, что вы не знаете всех лиц и обстоятельств, и что лучше, чтобы вы (пока) им не были, оставив за собой свое министерство. Но главное – выборы и соотношение голосов меняют наши представления. Ваше влияние и контроль в правительстве сохраняются, и пока этого достаточно»²². 8 июля 1919 г. президент назначил правительство во главе с социал-демократом Властимилом Тусаром, хотя Бенеш и предупредил его о том, что в Париже восприняли бы происходящее в стране лучше, «если бы перевес социалистов в кабинете не был так заметен и если бы премьер не был социалистом». В кресле председателя правительства Бенеш предпочитал видеть лидера аграрников Антонина Швеглу.

Хотя Бенеш принадлежал к более радикальному крылу социалистов, чем Масарик, настроения в Париже вынуждали его пока делать за границей гораздо более осторожные заявления в этом плане. Президент, веря, что развитие всюду идет в направлении социализма, 5 июля 1919 г. отреагировал на его предупреждение словами: «господа в Париже и в других местах привыкнут к нашему социализму, тем более что будут иметь его по горло у себя дома»²³. Горькая пилюля для Крамаржа была несколько подслащена тем, что он и далее оставался формальным главой чехословацкой делегации на мирной конференции; заменить его социал-демократом все же никто не отважился. Однако Крамаржу отнюдь не могло понравиться, что в конце июня Национальное собрание в связи с успехами на мирной конференции направило поздравительную телеграмму, адресованную только Бенешу. В сентябре 1919 г. Крамарж и Бенеш вернулись в Прагу и выступили на заседании палаты депутатов Национального собрания с докладами о ходе и результатах мирной конференции в Париже. Их взгляды на политику в отношении России кардинально расходились, и Масарик поддержал в этом вопросе Бенеша. Тогда Крамарж прервал отношения с ними обоими.

Потерпев неудачу в реализации своего плана создания единой социалистической партии, Бенеш долго колебался в выборе партии, членом которой хотел бы стать, поскольку, как он считал, министр иностранных дел должен быть беспартийным. В республике же возобладал принцип, что министр одновременно должен быть и

депутатом: поэтому Бенеш в первом, неизбранном, Национальном собрании принял мандат депутата от неразделенных пока по партийному принципу словаков. Но еще в начале апреля 1919 г. Бенеш получил из Праги сообщение, что в парламентском клубе национальных социалистов его считают «нашим членом... и нашим будущим кандидатом в президенты»²⁴. На первых парламентских выборах в апреле 1920 г. национальные социалисты включили его в список своих кандидатов, хотя он и не являлся членом их партии.

Находившийся в Париже Бенеш стремился внедрить свои политические представления на родине, опираясь более на теорию, чем на знание обстановки дома. Самый подробный набросок своих планов он послал в Прагу 15 апреля 1919 г. Бенеш полагал, что «развитие современного общества... определяется коллективистскими тенденциями», и поэтому рекомендовал путем объединения всех левых партий создать «социалистический блок», который стал бы решающей политической силой и который он сам бы и возглавил. В программе блока, по мысли Бенеша, мог бы быть сохранен и принцип классово-борьбы, но лишь как «тактический и методический вопрос». Он высказывался «за практический социализм, за практическое осуществление социалистических реформ» и хотел разработать теорию «социалистического практицизма или активизма (или прагматизма, как кому нравится)». Бенеш полагал, что «социалистический эмпиризм» является по-настоящему единственным принципом, с помощью которого можно изменить общество. Он разработал и цели левого блока, в числе которых значились требования отделения церкви от государства и экспроприации крупных поместий и шахт. Наряду с социалистическим блоком, по мнению Бенеша, существовали бы и «другие общегосударственные партии», прежде всего аграрная и либеральная партии. От участия в правительстве, а тем самым и от влияния на государственно-политическое развитие, Бенеш хотел устранить «крайних революционеров и крайних реакционеров». Что касается левых революционных марксистов, к которым он относился толерантно, он считал, что «их фракция должна располагаться в самом заднем ряду левых и проводить действительно революционную политику. Это не было бы совершенно бесполезно». Крайними реакционерами он считал монархистов и представителей политического католицизма, которым, по мнению Бенеша, не должно было быть места в политике нового государства²⁵.

В то время, как уже говорилось, Чехословакия вела свою первую войну, войну с Венгрией из-за Словакии. Без ведома Бенеша и несмотря на возражение Высшего союзнического совета, которого страш-

но обеспокоило своевольное военное решение вопроса о границах в Центральной Европе, слабые чехословацкие части перешли демаркационную линию, что дало венграм повод к жесткому контрнаступлению. К июню 1919 г. они заняли большую часть словацкой территории, вплоть до польских границ. Бенеш в отчаянии писал из Парижа, что престиж Чехословакии потерян. В глазах союзников не только не подтвердился постоянно внушаемый им образ республики как острова мира и спокойствия, но, более того, была продемонстрирована ее военная слабость, причем, по мнению союзников, войну начали чехословаки, которые, как писал Бенеш Масарику, «были биты, а теперь кричат» и далее: «Если бы мы... выиграли и не просили о помощи, они ничего не сказали бы. Но просьба о помощи здесь у всех вызвала раздражение»²⁶.

В конце концов, вовсе не армия, а дипломатия Бенеша, несмотря на проигранную войну, унесшую более тысячи жизней, при поддержке Франции закрепила [за Чехословакией] территорию Словакии. 12 июня Союзники направили Будапешту ультиматум с требованием отвода венгерских войск за демаркационную линию. Дело в том, что во время конфликта с венгерской Красной Армией границы Чехословакии были уже в основном определены. Предложения об этом Бенеш передал Совету пяти, в который входили премьер Ллойд Джордж (Англия), Клемансо (Франция), Орландо (Италия), президент США Вильсон и японский представитель Макино, еще 6 февраля. В предложениях говорилось о претензиях на исторические границы Чешских земель с возможными исправлениями границ в пользу Чехословакии, об объединении со Словакией и о присоединении Подкарпатской Руси. Представители русин в Америке, заявлявшие о себе, как о выразителях мнения особого русинского народа, сразу после получения отказа в создании самостоятельного государства выдвинули требование о присоединении к ЧСР. Однако Бенеш в своих грандиозных проектах организации будущего государства и отвечавшего интересам Чехословакии устройства Центральной Европы шел еще дальше. Он, например, предлагал создание коридора между ЧСР и Королевством сербов, хорватов и словенцев (Югославией), причем допускалась возможность управления этой территорией проектируемой Лигой Наций. Бенеш считал также своевременным решение вопроса о лужицких сербах и о многочисленном чешском меньшинстве в Вене.

В Париже Бенеш опирался преимущественно на два разнородных принципа: на чешское историческое право и на право народа на самоопределение в отношении Словакии, которая не имела никаких истори-

ческих связей с чешским королевством. Аргументы, касавшиеся оправдавшего себя экономического единства Чешских земель и стратегически необходимой линии границ, пролегающей по верхам гор, встретили понимание в экспертных комиссиях и вышестоящих политических инстанциях. Один из участников конференции, английский профессор Диллон, усмотрел важную причину успехов Бенеша в следующем: «Этот политик сумел мастерски извлекать выгоды из своего глубокого знания континентальной политики и из необыкновенного таланта сочетать аспирации своей родины с постулатами прочного мира. Как настоящий ученый он знал, что должен основательно разбираться в своем деле. Свои умозаключения он избавил от всяческого упоминания о национальных интересах и исходил из всеобщих утверждений, признанных Олимпийцами [т. е. представителями держав-победительниц], чтобы затем своих слушателей постепенно подвести к выводам, к которым они должны были прийти на основе собственных рассуждений, но в соответствии с желаниями Бенеша. По праву от многих на конференции Бенеш получил прозвище “лисенок”»²⁷.

Окончательное решение о чехословацких границах конференция приняла 4 апреля. Французский премьер Клемансо отверг какие-либо поправки в предложении экспертов, исходивших преимущественно из грандиозных чехословацких требований, а остальные согласились с этим. Таким образом, все требования Бенеша были удовлетворены. Чехословакия получила Чешские земли в исторических границах, включая хебский и глучинский районы Германии. Другие меньшие территориальные ректификации были проведены в пользу Чехословакии главным образом из транспортных соображений, в том числе и на границах с Австрией в области Валтицка и Виторазска. Решение тешинского вопроса было отложено, так как касалось двух государств-победителей, Польши и Чехословакии. К республике была присоединена Словакия и как автономная часть Подкарпатская Русь. Отвергнуто было предложение о коридоре между Чехословакией и Югославией, изначально идея Масарика, согласно которой должна была быть устранена несправедливость, совершенная венграми в отношении славян в прошлом, когда в результате вторжения венгров в Центральную Европу западные славяне были отделены от южных. Вопросом о лужицких сербах конференция отказалась заниматься. Окончательно эти границы были подтверждены мирными договорами с Германией (28 июня 1919 г.), Австрией (10 сентября 1919 г.) и Венгрией (только 4 июня 1920 г.).

Независимая Чехословакия, пишет российский исследователь К.В. Шевченко, «была скорее результатом благоприятного для чешских политиков стечения внешнеполитических обстоятельств, прежде

всего поражения Германии и Австро-Венгрии в войне и благосклонности Антанты, чем итогом последовательной и целенаправленной национально-освободительной борьбы». Чехи были одними из самых лояльных народов империи Габсбургов. «Дилемма между чешскими национальными чувствами и служением Вене и габсбургской династии зачастую решалась чешским чиновничеством по формуле гашековского героя, поручика Лукаша: “Останемся чехами, но никто не должен об этом знать”»²⁸. Значение внешнеполитических обстоятельств подчеркивалось уже и чешским историком и публицистом Ф. Пероуткой в его многотомном труде «Строительство государства», изданном еще в середине 30-х гг. и переизданном в 1994 г. В роли «отца чехословацкой независимости» Пероутка усматривал «стремление народа к свободе, ранее выраженное за границей и позднее дома», а в роли матери – «распад австро-венгерской империи». Активное отцовское начало вплоть до последнего года войны «проявляло себя в основном за рубежом в дипломатической деятельности Масарика и Бенеша, в то время как в самой Чехии подавляющее большинство политиков занимало пассивно-выжидательную и предельно расчетливую позицию... Облик, характер и границы чехословацкого государства определялись в кабинетах министров государств Антанты и зависели как от их расположения, так и от дипломатических талантов и политической интуиции Масарика и его окружения и от их способности находить общий язык с западными лидерами, оказываясь в нужное время в нужном месте. Благодаря установлению эффективной коммуникации с руководством Антанты и дипломатическим талантам Масарика и Бенеша чехословацкое государство возникло сначала на бумаге и лишь существенно позднее – в реальности»²⁹.

Бенеш достиг на мирной конференции успехов в территориальных вопросах, но возвратился в Прагу с большими финансовыми обязательствами. Чехословакия не получила вознаграждения в виде репараций. Наоборот, 27 мая 1919 г. Бенеш сообщил Масарику, что «в вопросах финансовых нам предстоит здесь еще серьезное сражение». Чехословакия должна была платить репарации за бывшую Австро-Венгрию, и ее доля далеко превосходила части остальных государств-наследников. Репарации, названные «взносом за освобождение», стали долговременным дипломатическим и экономическим грузом, легшим на плечи молодого государства. Но, несмотря на это, Бенеш после своего возвращения мог заявить 29 сентября 1919 г. в Национальном собрании: «Мы уходим с мирной конференции как настоящие победители... Хотя мы и не достигли всего, чего хотели..., но в целом на мирной конференции было констатировано..., что наша

делегация была одной из тех, которые получили больше всего, которые смогли наиболее активно и ловко использовать ситуацию»³⁰.

Благодаря грандиозной концепции Масарика и упорному труду Бенеша Чехословакия оказалась среди победоносных государств-наследников Австро-Венгрии. Одним из иронических последствий только что окончившейся войны, которую Союзники по рекомендации американского президента Вильсона вели во имя самоопределения народов, пишет З. Земан, было то, что потерпевшие поражение Австрия и Венгрия гораздо больше соответствовали идеалу национального государства, чем новые государства-победители, в границах которых оказалось много национальных меньшинств.

Политические лидеры Чехословакии во главе с Масариком и Бенешем стремились создать свою республику как государство чехов и словаков. Успехи же Бенеша в решении вопроса о границах означали, что доля «чехословацкой нации»³¹ в общей численности населения составляла в 1921 г. только 65,5%. Несмотря на это, республика строилась как национальное государство. Оно должно было соответствовать западному образцу национального государства, олицетворением которого в основном являлись Франция и Великобритания. Не случайно основатели ЧСР надеялись, что победоносные державы Западной Европы обеспечат своего питомца надлежащей заботой³². Термин «чехословацкая нация» был зафиксирован и в преамбуле первой конституции молодого государства, принятой в 1920 г. «Чехословакизм» стал одной из его идейных основ, хотя республика возникла по сути как мультиэтническое государство. Термин «чехословаки» – а он вошел и в политический, и в дипломатический, и в повседневный лексикон – понимался и толковался по разному. С этнической точки зрения как две ветви единого народа, имеющего сходные, но все же различные языки: чешский и словацкий, а в политическом плане как «чехословацкая политическая нация», «государствообразующая» нация.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Серапионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 276–277.

² *Soukup F.* 28 říjen 1918. Praha, 1938. Díl II. S. 1091–1099 (цит. по: *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2007. S. 39–40).

³ Цит. по: *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. S. 62. (Переписка Бенеша с женой опубликована: *Čechura J., Šetřilová J.* Listy důvěrné. Vzájemná korespondence Hany a Edvarda Benešových. Praha, 1996.)

⁴ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 62–63.*

⁵ *Beneš E. Světová válka a naše revoluce. Vzpomínky a úvahy z bojů za svobodu národa. Díl I–III. Praha, 1927–1928. Díl III. Dok. 204. S. 487–493.*

⁶ О событиях в Тешинской Силезии, Словакии и Закарпатье см. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 96–99; История Словакии (пер. со словацкого и английского). М., 2003. С. 299–300; *Шевченко К.В. Русины и межвоенная Чехословакия. К истории этнокультурной инженерии. М., 2006. С. 92–113.*

⁷ *Beneš E. Světová válka... Díl III. Dok. 209. S. 500.*

⁸ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 42–43.*

⁹ См. подробнее: Милан Ростислав Штефанек. Новый взгляд. Мартин, 2001.

¹⁰ *Серпионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. С. 282.*

¹¹ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 44.*

¹² *Ibid. S. 45.*

¹³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 226.

¹⁴ Там же. С. 226–227.

¹⁵ См. подробнее: *Серпионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. С. 293–303.*

¹⁶ См. подробнее: Там же. С. 386–387.

¹⁷ См. подробнее: Там же. С. 285–286.

¹⁸ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 45–46.*

¹⁹ *Beneš E. Světová válka... Díl II. S. 450.*

²⁰ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 46.*

²¹ *Ibidem.*

²² *Ibid. S. 47.*

²³ *Ibidem.*

²⁴ *Ibid. S. 48.*

²⁵ *Ibid. S. 48.*

²⁶ *Ibid. S. 49* (З. Земан широко использует в своей книге опубликованную З. Шолле переписку Бенеша с Масариком в 1919 г. – *Šolle Z. Masaryk a Beneš ve svých dopisech z dob pařížských mírových jednání v roce 1919. Praha, 1994*).

²⁷ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 50.*

²⁸ *Шевченко К.В. Указ. соч. С. 92–93.*

²⁹ Там же. С. 94.

³⁰ *Těsnopisecké zprávy Národního shromáždění. Praha, 1919. Protokol č. 75 ze shůze č. 75 z 25.9.1919* (цит. по: *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 51*).

³¹ Термин «československý národ» в зависимости от контекста переводится на русский язык как «чехословацкая нация» или «чехословацкий народ», хотя в чешском языке для обозначения слова «народ» существует слово «lid».

³² *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 51.*

НА РОДИНЕ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТОРОННИКИ И ПРОТИВНИКИ

После окончания мирных переговоров в Париже Бенеш стал готовиться к отъезду в Прагу. 22 сентября 1919 г. он пересек границу Чехословакии, которая встретила его с почетом. В свои тридцать пять лет Бенеш был признан одним из основателей государства. Его радовало огромное уважение, успех удивил и его самого. Вскоре после приезда в Прагу он получил и признание «Национальной газеты» («Народни листы»), органа национально-демократической партии Крамаржа. В ее комментариях с благодарностью говорилось об успехах, явившихся результатом деятельности министра иностранных дел, и указывалось, что Бенеш будет необходим и при строительстве нового государства¹. Бенеш выделялся глубокими знаниями в области международной политики и прекрасными организаторскими способностями, проявленными им во время войны. Масарик, который после возвращения на родину чувствовал усталость и испытывал проблемы со здоровьем, видел в Бенеше своего возможного преемника. Президент сомневался в способности чешских политиков завершить строительство государства в соответствии с его замыслами, и был убежден, что именно Бенеш сумеет продолжить совместно начатое дело. Уже в начале 1919 г., еще задолго до того, как Бенеш вернулся на родину, Масарик начал убеждать чешских политиков в правильности своих намерений. При подготовке конституции в парламентских комитетах был снижен возраст кандидата в президенты с сорока пяти до тридцати пяти лет лишь для того, чтобы Бенеш мог претендовать на пост главы государства. Но когда утихла эйфория по поводу возникновения независимого государства, жесткая поддержка Масариком Бенеша повлияла на расстановку политических сил в стране и способствовала расколу политической власти.

Масарик, считавший необходимой многопартийность, однако, не хотел, чтобы в руках партийных лидеров сосредоточивалась вся

власть. Он полагал, что и в политике сознание индивида является решающим фактором. Хотя президент не уходил от споров с политиками, в целом он с ними ладил, а некоторых даже высоко ценил. Поведение же Бенеша, сохранявшего холодную сдержанность и самоуверенность, свидетельствовало, что пражских политиков он не уважал, не понимал их споров, которые часто казались ему мелочными. Для Бенеша единственным авторитетом оставался Масарик. Их взаимное доверие, как пишет З. Земан, являлось краеугольным камнем чехословацкого государства². Чтобы лучше узнать внутриполитическую жизнь в стране и убедить политических лидеров в своих необычайных способностях, по мнению президента, Бенеш должен был возглавить правительство. В конце концов, несмотря на внутреннее сопротивление, Масарику удалось «пробить» кандидатуру своего протеже на должность премьера: 26 сентября 1921 г. Бенеш возглавил чехословацкое правительство. К тому времени в Праге уже выкристаллизовались два центра власти. Один из них получил наименование «Град». Так назывался пражский Кремль, где находилась не только резиденция президента, но и министерство иностранных дел, возглавляемое Бенешем. Второй центр, вскоре получивший наименование «Пятерка», включал основные политические партии Чехословакии и их лидеров. Ни тот, ни другой центр конституционно не были оформлены.

Что же представляли собой эти властные группировки? Кого они объединяли и представляли? На вершине пирамиды «Града» находились президент Масарик и его «правая рука» Бенеш. Составной частью «Града» являлась также семья Масарика, особенно его сын Ян, который реализовал себя в министерстве Бенеша и стал известным дипломатом, и его старшая сестра Алиса, которая помимо своей активной благотворительности ведала хозяйственными делами Града. С ней весьма сблизилась жена Бенеша Гана, также занимавшаяся благотворительностью. Все они играли заметную, но негласную роль в политике этого центра. Дружественные связи между семьями Масарика и Бенеша являлись важной составляющей группировки «Града».

В первые годы после войны Масарик вместе с Бенешем стали закладывать основы нового государства и создавать традиции его управления. Тесные связи между ними и взаимное доверие являлись чрезвычайно важным элементом этой работы. Однако их личные взаимоотношения оставались формальными: они называли друг друга на «вы», а в переписке Масарик, как правило, приветствовал Бенеша как «Милого друга», в то время как Бенеш в ответ писал своему «Уважаемому другу». Эти два человека отличались не только

разницей в возрасте, но и психологическим складом: президента характеризовал философский склад ума, Бенеш был практиком, профессионалом в своем деле, хорошим организатором. В отличие от Масарика, гуманистические взгляды которого были обусловлены преимущественно религиозными идеями, Бенеш являлся убежденным социалистом и полагал, что либерализм как идеология обречен. Он был безусловным сторонником демократии, но такой, которая служила бы прежде всего социальному прогрессу. И Масарик, и Бенеш выдвигали на первый план роль личности в демократии. Бенеш гораздо тверже, чем Масарик, настаивал на необходимости научного понимания политики. Президент не являлся членом какой-либо политической партии и не опирался ни на одну из них. Бенеш вначале тоже пытался остаться беспартийным, но в 1923 г. вступил в партию национальных социалистов. Масарик, ставший легендарной, харизматической личностью, получал всеобщую любовь и восхищение, в то время как сдержанно-холодный Бенеш остался далек от людей. Его уважали, но в то же время – даже и его коллеги – плохо понимали. Эдварда обожествляла только жена, которая о нем всячески заботилась и помогала идти по избранному им жизненному пути.

Легендарная популярность Масарика давала ему возможность реализовывать свои воззрения и вопреки воле сильной оппозиции. Политическим центром «Града» была Канцелярия президента ЧСР. Она организовывала работу главы государства, следила за соблюдением протокола, официально контактировала с правительством и парламентом. Однако это была лишь «надводная часть айсберга». Канцелярия формировала сеть «информаторов», журналистов, политиков, сотрудников партийных секретариатов, тайно сообщавших о внутривнутрипартийных событиях и настроениях руководства. Этот орган сразу после возвращения Масарика представлял собой надежную административную базу президентской власти. Бенеш сумел эту власть поддержать не только с помощью вновь созданного министерства иностранных дел, но главным образом своей преданностью Масарику, которого он неизменно почитал своим учителем. «Град» являлся не только верхушечной организацией, но имел поддержку и внизу, в частности, во фракциях ряда видных политических партий, среди известных и популярных литераторов и журналистов, в редакциях газет и журналов. Например, большое влияние на формирование общественного мнения оказывала газета «Лидове новины» («Народная газета»), издававшаяся семьей близких к Масарику моравских предпринимателей и политиков Странских. Объективно информируя о новостях, она предоставляла трибуну представите-

лям различных политических взглядов. Главным «козырем» газеты были однако фельетоны и аналитические статьи близкого к Масарику писателя Карела Чапека. Писатели в ту пору воспринимались не только как моральные авторитеты, но часто становились активными участниками разворачивавшихся в обществе политических и интеллектуальных баталий. Масарик являлся также «крестным отцом» общественно-политического еженедельника «Пршитомность» («Настоящее»), главным редактором которого стал Фердинанд Пероутка. В еженедельнике сотрудничал и К. Чапек³. Задачей близких к «Граду» интеллектуалов являлось, с одной стороны, разъяснять общественности его политику, а с другой – информировать президента и Бенеша об изменениях в общественном мнении и взглядах. Они стали, таким образом, «глазами и ушами» «Града» и выполняли традиционную роль тех писателей и деятелей искусства, которые, находясь рядом с политической властью, призваны были следить за тем, чтобы сведения о власти предрержавших и их привычках не только доводились до сознания общественности, но и приукрашивались.

Властная группировка «Града» во времена президентства Масарика стала одним из опорных столпов чехословацкой демократии. Второй неконституционной структурой, возникшей как бы в противовес «Граду», являлась так называемая «Пятерка», своеобразный клуб лидеров чешских политических партий: социал-демократической, национально-социалистической, аграрной, народной и национально-демократической. Официально этот орган выступал как Объединенный исполнительный комитет их парламентских клубов. Лидерами партий в начале 20-х гг. являлись соответственно Рудольф Бехине, Йиржи Стршибрны, Антонин Швегла, который был наиболее влиятельной фигурой в этом органе, Ян Шрабек, Алоис Рашин, а после его смерти в 1923 г. – Карел Крамарж. «Пятерка» пыталась по существу достичь той же цели, что и «Град» – создать государство «чехословацкой нации». На заседаниях «Пятерки» обсуждались вносимые в парламент законопроекты, достигались компромиссы по ним, которые и представлялись затем парламенту как совместные предложения партий. «Пятерка», которая начала формироваться в начале 1921 г., во время болезни Масарика, сплотилась еще теснее в период правительства Бенеша, которое находилось у власти примерно год после его создания 26 сентября 1921 г. Она попыталась преодолеть разобщенность «государствообразующих» партий. Масарику нравилась «Пятерка», но лишь до тех пор, пока она вела себя в соответствии с его и Бенеша представлениями. Они предпочитали видеть в ней лишь посредника между парламентом и правительством, но

она стала присваивать себе полномочия как правительства, так и парламента. В парламентской практике это означало, что депутаты должны были голосовать согласно указанию своих партий, а не в соответствии со своими убеждениями; мандаты стали собственностью партий. «Град» и «Пятерка» в важнейших вопросах государственной жизни тесно сотрудничали, хотя между обоими властными центрами иногда разгорались споры и велась борьба за власть. При этом и та, и другая группировка использовали методы интриг и закулисной политики⁴. Однако в любом случае, считает З. Земан, они играли важную роль в консолидации послевоенной политической системы Чехословацкой республики⁵, которая характеризовалась наличием огромного количества политических партий. Для властных группировок тогда политическую угрозу представляли немецкие партии и коммунистическая партия, возникшая после раскола социал-демократии в 1921 г.

Новое чехословацкое государство получило в наследство от Габсбургской монархии не только чиновничий аппарат, но и большую часть офицерского корпуса армии. Масарик и Бенеш пытались исправить это положение, вливая в «старые мехи» новое чехословацкое содержание. Например, в армии быструю карьеру сделали некоторые легионеры. Бенеш укомплектовал министерство иностранных дел неопытным персоналом, поскольку чехи и словаки лишь очень редко занимали посты в австрийской дипломатической службе. Негативно относясь к остаткам Габсбургской системы, Масарик и Бенеш не жаловали политиков и их партии, которые старались эти остатки сохранить. Весной 1919 г., по настоянию Масарика, парламент внес такие исправления во временную конституцию, в соответствии с которыми президент мог назначать членов правительства. Это было полномочие, которое он всегда решительно отстаивал, и хотя он часто должен был подчиняться давлению партий и назначать их кандидатов, всегда настаивал на том, что сам будет выбирать из предложенных партиями кандидатур. Желание Масарика видеть Бенеша во главе правительства соседствовало с пониманием президентом того, что его протеже несколько не разбирается в партийном политиканстве. Масарик надеялся, что Бенеш будет настолько мудр, что сможет не показывать своего превосходства перед чешскими политиками, и, опираясь на свои успехи во внешней политике, завоеует их симпатии и поддержку. Бенеш также понимал, что после своего возвращения в Прагу должен будет переломить местные настроения и занять лидирующее положение среди политиков. К решению этой задачи он был подготовлен только своей работой за границей, и со-

знавал, что его успеху будет сопутствовать зависть. Он мог рассчитывать на помощь Масарика, но главным образом надеялся на себя.

Как и ожидалось, признание Бенеша ведущим политиком в стране встретило сопротивление со стороны национальной политической элиты. Одним из главных оппонентов Бенеша в этом плане выступал Крамарж. Спор между ними разгорелся в основном по двум вопросам: во-первых, какие факторы, внутренние или внешние, сыграли основную роль в создании Чехословацкой республики⁶; во-вторых, какую политику следует проводить в отношении большевистской России. Когда вскоре по приезду в Прагу, 30 сентября 1919 г., Бенеш в докладе временному Национальному собранию представил свою деятельность за границей, он попытался объяснить депутатам, что заслуги в деле создания чехословацкого государства принадлежат прежде всего заграничному Сопротивлению во главе с Масариком и им самим. Это утверждение встретило все более нарастающее несогласие так называемых «мужей 28 октября», К. Крамаржа, А. Рашина и других «политических вождей» нации. Разгорелась нешуточная полемика. Крамарж и его сторонники утверждали, что заслуги внутреннего антиавстрийского сопротивления гораздо более весомы, чем зарубежная деятельность Масарика и Бенеша, что именно находившиеся в Чехии политические вожди привели нацию к революции, а эмигранты лишь играли роль своего рода министерства иностранных дел республики, созданной восставшим народом.

Свою позицию в отношении большевистской России Бенеш изложил в заграничной комиссии Национального собрания в феврале 1920 г., подчеркнув при этом полную солидарность МИДа со взглядами Масарика на эту проблему. Бенеш утверждал, что различное отношение к России сложилось в Чехии еще в годы войны, когда одни верили в силу российского оружия и надеялись на освобождение чехов и словаков Россией, а другие, оказавшиеся правыми, делали ставку на Запад. Сторонников первого взгляда Бенеш считал романтиками, переоценившими освободительный потенциал России и ее мощь. Россия, по его мнению, не собиралась решать славянские проблемы и распалась потому, что была построена на средневековых, а не на демократических началах. Бенеш считал новые славянские страны – Польшу, Югославию и Чехословакию – более отсталыми по сравнению с Англией и Францией, и полагал, что им следует многому учиться у Запада. Современную политику он характеризовал как трудную повседневную демократическую работу⁷. Бенеш сомневался, что большевистский режим продержится долго, поскольку ему не удастся привлечь на свою сторону достаточное число интеллигентных способных

администраторов и организаторов, и полагал, что большевизм умрет «экономической смертью». При этом вразрез с позицией Крамаржа, Бенеш возражал против политики интервенции в отношении России. Указывая, что большевики действовали в чем-то лучше, чем их противники, он выступал за то, чтобы «практически» отклонять большевизм, критиковать его по существу при опоре на демократическую политику. Бенеш обратил внимание на изменение отношения Запада к большевикам: «Принципиальное соглашение союзников вступить в экономические сношения с русским народом⁸ доказывает отрешение их от интервенционной политики и первую попытку войти в соглашение с новой Россией». Политику интервенции он считал ошибочной и очень опасной для Чехословакии и заявил, что чехословацкая внешняя политика будет придерживаться своего современного направления, то есть сохранять нейтралитет ко всем отдельным внутренним проблемам России и вступать при полном согласии с западными союзниками в экономические отношения с отдельными ее частями. Занимаясь созданием консульств в отдельных городах России, считал Бенеш, чехословацкий МИД тем самым создавал основу будущих тесных экономических и политических отношений с русским народом.

Выступая в Комитете по иностранным делам палаты депутатов Национального собрания в конце января 1920 г., Бенеш заявил: «Если союзники придерживаются сейчас принципа экономических связей с русским народом, это значит, что они отказываются от интервенционистской политики, что является первым шагом на пути к попытке заключения соглашения с новой Россией»⁹. 25 февраля 1920 г. советское правительство предложило Чехословакии нормализовать отношения, однако Бенеш пока отказался от установления дипломатических отношений с большевистской Россией. Но осенью 1920 г. между обеими странами произошел обмен миссиями Красного Креста по вопросам репатриации, которые затем сменились торговыми миссиями и представительствами¹⁰. Полномочный представитель РСФСР в Чехословакии П.Н. Мостовенко сообщал народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину 4 августа 1921 г. на основании разговора с Бенешем, что «чехословацкое правительство упорно стоит на точке зрения полного невмешательства в русские дела»¹¹. Чехословацкая политика в отношении большевистской России, по Бенешу, должна согласовываться с западными державами. Придерживаясь политики невмешательства, ЧСР выступит лишь в случае, если сама подвергнется нападению.

Отклонив славянскую политику в том виде, в каком она существовала до войны, Бенеш тем не менее не отрицал ее важности вообще.

При аппликации этой проблемы на внутрочехословацкие условия он усматривал ее значение в решении задачи подъема экономического и социального благополучия словаков и русинов. В соответствии с доктриной «чехословакизма» среди славян, Бенеш отдавал первенство «чехословакам» как более развитым в культурном, социальном, политическом и экономическом плане. Во взаимоотношениях с поляками он ратовал за отказ от шовинизма с обеих сторон, а политику по отношению к югославянам характеризовал следующим образом: она «всегда была, есть и будет самой лучшей и сердечно-братской»¹². В то время, по Бенешу, для Чехословакии гораздо важнее было урегулировать отношения с соседями по Центральной Европе, так как Россия еще долго будет пребывать в состоянии хаоса.

Крамаржа крайне задевала оценка Бенешем прошлой славянской политики как романтической и мало опиравшейся на действительность. Он попытался опровергнуть эти утверждения и объявил, что будущность Чехословакии не может быть обеспечена, если в России не будет порядка: «Демократическая, свободная, славянская Россия является нашим единственным спасением». Крамарж не соглашался с Масариком и Бенешем в том, что большевизм может быть преодолен только внутренним развитием, и, наоборот, полагал, что одержать победу над большевиками можно главным образом военным путем. Политику невмешательства, проводимую Бенешем, Крамарж считал ошибочной: «Мы были обязаны идти против большевиков, не сделав этого, мы предали славянство, союзницу, продали Россию за деньги Германии»¹³. Он не одобрял политику нейтралитета и ограничение ее лишь экономическими отношениями, хотя и считал, что это может принести определенные выгоды Чехословакии. Подобную политику он характеризовал как циничный прагматизм, недопустимый в отношении братского славянского народа: «Югославы называют нас славянскими евреями. Если подобная политика будет продолжаться, то и в России присоединятся к этому мнению»¹⁴.

Полемика между Бенешем и Крамаржем по русскому вопросу, в которой Масарик поддержал первого, продолжалась. За ней внимательно наблюдали российские политические эмигранты, значительная часть которых сосредоточилась в Париже. В начале 1921 г. здесь было получено сообщение о речи Бенеша в чехословацком парламенте 27 января и реакции на нее Крамаржа. Он усматривал опасность для чехословацкого государства в сближении побежденной Германии с большевистской Россией и снова повторял, что только славянская Россия может обеспечить независимость Чехословакии. «Война не окончена, – считал он, – и окончательное разрешение среднеев-

ропейского вопроса немыслимо без предварительного разрешения вопроса русского». Poleмика между Бенешем и Крамаржем развернулась в печати, на страницах которой появились статьи с критикой внешней политики Бенеша. В выступлениях обоих чехословацких политиков, пишет Е.П. Серапионова, «были как трезвые идеи и разумные доводы, так и передержки, ошибочные суждения... Крамарж выступал с консервативных или либерально-консервативных, Бенеш – с либерально-реформистских позиций. Эти два политика как бы демонстрировали два полюса чешского национального характера – от сентиментализма и романтизма до деловитого, даже расчетливого практицизма»¹⁵.

Свои взгляды на линию внешней политики Чехословакии Бенеш представил депутатам Национального собрания в первых выступлениях перед ними в конце сентября и в октябре 1919 г. По его мнению, в Европе после войны возникло три крупных блока: победоносный блок союзников, к которому относилась и Чехословакия, потерпевший поражение германский блок и революционный российский блок. Бенеш считал, что хотя Германия и Россия были значительно ослаблены в результате войны, они по-прежнему будут играть в Европе важную роль. Он полагал, что хотя Чехословакия принадлежит к странам-победительницам, ее связывают с потерпевшей поражение Германией тесные экономические путы. При этом демократический западный блок оставался для Бенеша важнейшим, и он предполагал, «что единство западных союзников сохранится»¹⁶. Европу, скроенную в Париже, Бенеш считал неизменной; по его мнению, она должна была сохраниться любой ценой, а западные государства – остаться сильными и едиными.

В целом представления Бенеша о направлениях внешней политики Чехословакии выглядели следующим образом: он хотел продолжать союзнические отношения с Францией и намерен был поддерживать «корректные и лояльные» отношения с соседями ЧСР. Она, по мысли Бенеша, должна стать опорой союзных держав в Центральной Европе, поскольку они обеспокоены беспорядками в этом регионе и хотят создать здесь новую систему, в которой Чехословакия должна играть видную роль. Целью новой европейской системы Бенеш назвал обеспечение безопасности «против расширения Германии на восток» и создание спокойных условий для проведения «внутренней, экономической и финансовой, политики»¹⁷.

Бенеш постоянно убеждал западных союзников Чехословакии в том, что понимает их интересы и хочет их поддерживать, однако он, по мнению З. Земана, переоценивал их единство и желание при-

нимать в отношении Восточной Европы дипломатические обязательства. Он не понял, что для англичан усилия, направленные на поддержание баланса сил в Европе, являются второстепенными по сравнению со стремлением укрепить и сохранить британскую колониальную империю. И более, чем наказание Германии, британскую политику занимало восстановление порядка и стабильности на континенте. В этом плане английское правительство расходилось с французским уже во время конференции в Париже¹⁸.

Добрососедство, установление дружественных отношений с соседними государствами как один из принципов внешней политики ЧСР легче было провозгласить, чем реализовать на практике. Особенно это касалось Германии, Польши и Венгрии. Масарик заявил о необходимости «корректных» взаимоотношений с послевоенной Германией уже в своем обращении к Национальному собранию 22 декабря 1918 г. Потребность в этом, по его мнению, обуславливалась не только географическим положением Чехословакии, но ее историческим развитием, а также наличием в стране немецкого меньшинства. Подход Бенеша к Германии был гораздо жестче. Сторонник профранцузского внешнеполитического курса Чехословакии, он склонен был поддерживать и твердую политику Франции в отношении Германии как потерпевшего поражение государства. Хотя, по его мнению, «наша политика в отношении Германии должна быть лояльной и корректной», но «мы должны весьма энергично бороться против всяческого проявления пангерманистской политики». Считая Лигу Наций гарантом нового порядка в Европе, Бенеш верил, что отношения с Германией будут развиваться под защитой этой организации, в работе которой он принимал участие с осени 1920 г. «Славяне могут безоговорочно принять идею Лиги Наций и основывать на ней свои взаимоотношения с Германией»¹⁹, – полагал он. Однако экономические интересы молодого государства и его деловых кругов требовали укрепления связей с Германией. Во время продолжающейся со стороны союзников экономической блокады Германии Чехословакия уже в ноябре 1918 г. заключила торговый договор с Баварией и Саксонией, а в декабре – временный договор с Германией. Формальный торговый договор был затем подписан 29 июня 1920 г. и действовал два года. Чехословакия на пять лет в одностороннем порядке отказалась от преимуществ стран-победительниц, то есть, собственно, от конфискации немецкого имущества. Чешская промышленность еще более чем до 1914 г. зависела от Германии, поскольку только она давала ей возможность проникнуть на мировые рынки. Связи с Западной Европой шли также через Германию.

Из Германии импортировался максимум продукции машиностроительной и химической промышленности, в то время как в обратном направлении шли сырье и продовольствие, включая уголь, дерево и сахар. В середине 20-х гг. на торговлю с Германией приходилось около 40% чехословацкого импорта и 25% экспорта. Чехословацкие торговые связи с Германией, казалось, вступили в противоречие с принципами внешней политики Бенеша, особенно с его настойчивым желанием тесно сотрудничать с Парижем. Хотя он и попытался увеличить торговый оборот с Францией, успеха в этом не достиг.

Что касается Польши, то здесь, как говорилось выше, отношения осложнялись территориальными спорами. Во время советско-польской войны, вспыхнувшей в апреле 1920 г., Франция осуществляла нажим на Чехословакию с целью понудить ее выступить на стороне Польши. Однако ни Масарик, ни Бенеш не верили в возможность польской победы. К тому же внутривластная обстановка в Чехословакии, укрепление здесь левых сил и подъем революционного движения не позволяли ей открыто выступить в поддержку Польши против Советской России, хотя тайно через чехословацкую территорию шло снабжение поляков оружием. Ситуация же была использована Бенешем для решения союзниками спорного Тешинского вопроса. Раздел этой области был произведен на выгодных для Чехословакии условиях: к ней отошла часть польской этнической территории, почти весь Карвинский угольный бассейн и железнодорожная ветка. Польша негативно отреагировала на это решение, однако вынуждена была подчиниться ему. В августе 1920 г. Чехословакия объявила о своем нейтралитете в советско-польском конфликте²⁰.

Бенеш все же помогал французам в их антибольшевистской политике. Как показано выше, он делал это неохотно и неофициально во время советско-польской войны, но более активно в вопросе русской эмиграции. Многие социалисты-революционеры (эсэры), в том числе один из их лидеров, Борис Савинков, литератор и террорист, нашли на более или менее длительное время прибежище в Праге²¹. Но это вовсе не означало, что из поля зрения Бенеша, далекого от симпатий к большевикам политика-прагматика, выпали вопросы взаимоотношений с Советской Россией. Здесь в это время был положен конец военному коммунизму. В.И. Ленин провозгласил новую экономическую политику (НЭП), включавшую элементы частного предпринимательства, а также торговлю с западными странами, для которых российский рынок представлял чрезвычайный интерес. 16 марта 1921 г. англичане заключили с Советской Россией торговый договор. Бенеш также не желал упустить возможность для Чехос-

ловакии использовать обширный российский рынок. 1 июля Бенеш встретился в Лондоне с председателем российской торговой делегации Л.Б. Красиным, который сообщал об этих переговорах наркому иностранных дел Г.В. Чичерину следующее: «Немедленного начатия торговых сношений с Советской Россией Чехия весьма желает и готова допустить наших торговых представителей и консулов и предложить им для торговых сношений все необходимые права»²².

Новая экономическая политика Ленина с ее нацеленностью на «рекапитализацию» России Масарику и Бенешу нравилась. Они считали Россию хотя еще и несовершенной, но частью Европы, и европеизация России, по их мнению, могла помочь урегулировать ее трудности в отношениях с Западом. В статье Бенеша, опубликованной в «Prager Press» 25 декабря 1921 г., прямо говорилось, что Россия «должна открыться Европе» и что она может выйти из экономической катастрофы посредством установления связей с заграницей. В этом случае, по его мнению, Россия должна была бы признать обязательства царского правительства выплатить огромный долг и вернуть собственность иностранцам. «Рекапитализацию» России Бенеш рассматривал как капитуляцию революционного режима²³.

Особые усилия в 1920–1921 гг. Бенеш направил на формирование так называемой Малой Антанты – союза Чехословакии, Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (будущей Югославии). Все эти государства получили значительные части бывшего Венгерского королевства, и их союз изначально преследовал цель огородить себя от возможных территориальных притязаний со стороны Венгрии, от венгерского реваншизма. Что касается Чехословакии, то Венгрия по-прежнему претендовала на Словакию и Подкарпатскую Русь (Закарпатье) и летом 1920 г. попыталась, правда, безуспешно, возвратить себе часть этих территорий. В течение 1920–1921 гг. между указанными тремя государствами были подписаны политические соглашения (договоры), которые затем были дополнены экономическими. Бенеш стал председателем правительства именно во время усилий по предотвращению попыток реставрации Габсбургов в Венгрии²⁴. Отсюда понятно, почему это стало одной из внешнеполитических задач его кабинета. Чехословакия, игравшая ведущую роль в «тройственном союзе», и ее министр иностранных дел прилагали массу усилий к тому, чтобы во внешней политике государства Малой Антанты действовали согласованно, хотя добиться этого удавалось не всегда.

Помимо сложного маневрирования во внешней политике, Бенешу предстояло решать не менее сложные внутренние проблемы, в частности, связанные с восстановлением экономики в условиях на-

чавшегося в 1921 г. экономического кризиса, налаживанием работы государственно-административного аппарата, консолидацией политических сил для стабилизации внутреннего положения в стране, регулированием межнациональных и религиозных отношений и т.д. И здесь Бенеш, ратовавший за профессионализм в политике, оказался непрофессионалом. Опыта в решении вопросов внутренней жизни страны у него не было, как и помощников, которые практически могли бы взять на себя этот груз. Его деятельность на внутривнутриполитическом поприще непрерывно подвергалась нападкам и ожесточенной критике. Одним из вопросов, который постоянно находился в поле зрения оппонентов Бенеша, являлся вопрос об огромном внешнеполитическом долге Чехословакии. Дипломатический триумф Бенеша в Париже был оплачен огромными финансовыми обязательствами, взятыми на себя новым государством. Они включали оплату займов на вооружение, содержание и репатриацию чехословацких военных формирований, части долга бывшей Австро-Венгрии, так называемого «взноса на освобождение». Финансовые обязательства (в целом примерно 17 млрд крон) являлись огромным бременем для страны, и их детали никогда не были официально опубликованы. Ответственность получала только отрывочную информацию об огромном внешнем долге Чехословакии, и, хотя большая его часть не была выплачена, слухов и просочившихся в печать сведений оказалось достаточно, чтобы вопрос о внешнем долге стал одной из главных мишеней критики политики Бенеша²⁵.

Непрестанного внимания Бенеша в период его премьерства требовала внешняя политика. За рубежом у него было много дел: в Лондоне и Париже готовилась важная международная конференция, в которой впервые после войны должны были участвовать Германия и Советская Россия. Французы сначала предложили, чтобы конференция проходила в Праге, но Бенеш посчитал ее подготовку чересчур тонким делом и, кроме того, сомневался в возможностях Праги надлежащим образом технически обеспечить проведение такого важного международного форума. Во время подготовки конференции и в ее ходе Бенеш выступал в трех ипостасях: как посредник в переговорах Англии и Франции, между которыми обнаружились явные противоречия по ряду важных вопросов; как самый активный из организаторов Малой Антанты, претендующей на весомую роль в Центральной Европе; как глава чехословацкой делегации, представляющей интересы ЧСР. Результатом переговоров Бенеша в Париже и Лондоне явилась встреча Д. Ллойд Джорджа и Р. Пуанкаре 25 февраля 1922 г. в Булони, в ходе которой стороны пришли к соглашению. Одновремен-

но с этим Бенеш разрабатывал общую платформу Малой Антанты, к сотрудничеству с которой была привлечена Польша, на предстоящей конференции. Между этими четырьмя странами была достигнута договоренность о том, что мирные договоры должны быть сохранены и проведены в жизнь, что эти страны должны участвовать в восстановлении Европы, что по вопросу признания Советской России они займут на конференции выжидательную позицию²⁶.

В то время Масарик решил, что должен помочь Бенешу в подготовке к конференции в Генуе, но, несмотря на его добрые намерения, ему удалось лишь осложнить задачу Бенеша. Масарик хотел, чтобы чешские политики увидели Бенеша в действии на международном форуме, и поэтому обеспечил несколько мест для них в составе делегации в Геную. Опасаясь, что чешские политики не будут знать, как вести себя на международной конференции, Масарик выработал для них соответствующие указания: «Осторожность в суждениях – придерживаться единства во мнениях. Поведение: на улице – в трамвае – в театре – в обществе. Не кричать (не нарушать спокойствия), вести себя сдержанно, но любезно, не ахать (*netajtrlikovat*), благодарить за мелочи». Он рекомендовал делегатам всем вместе посещать театры, музеи, банки и университеты и ужинать вместе с Бенешем. Но «в кафешантаны и пр.» они должны были ходить поодиночке и вести себя скромно²⁷.

Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 г. В ней участвовали представители 29 государств. Делегацией Советской России руководил Г.В. Чичерин. Ей был вручен меморандум, в котором содержались требования возврата иностранным собственникам национализированных предприятий и уплаты всех долгов царского и Временного правительств. Советская делегация отказалась вести переговоры на таких условиях и в свою очередь выдвинула контрпретензии в связи с огромным ущербом, нанесенным интервенцией экономике России. Снова обострились противоречия в позициях ведущих западных держав, которые не могли прийти к единому мнению в вопросе о том, в чем и насколько можно уступить России. Бенеш был полон решимости убедить конференцию в том, что если Россия снова откроется для Европы, она станет более демократической. Чехословацкая делегация поэтому выступала за нормализацию отношений с Россией, включая оживление внешней торговли, но на жестких условиях западной стороны. Переговоры зашли в тупик. Ход конференции еще более осложнился из-за подписания 16 апреля в предместье Генуи Рапалло двустороннего договора между Советской Россией и Германией, о чем переговоры между этими

странами велись еще в преддверии конференции. Договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между Германией и Россией, развитие экономического сотрудничества и торговли между ними на основе наибольшего благоприятствования. Сам Бенеш никак не ожидал такого поворота дел.

19 апреля Бенеш писал Масарику, что заключение советско-германского договора «вызвало ужасное возмущение всех союзнических делегаций и большое недовольство нейтралов». Он отмечал, что «наиболее остро» договор осудил Ллойд Джордж, который считал, что союз Германии и России представляет серьезную угрозу для европейской безопасности. Представители некоторых делегаций, в частности, итальянской и польской, призывали британского премьера, по словам Бенеша, к умеренности. Сам он в основном поддержал предложение Ллойда Джорджа о направлении Германии ноты протеста и отстранении ее от участия в обсуждении соглашения с Россией. В целом Бенеш был заодно с союзниками в том, что «Германия, подписав свое собственное соглашение, не может больше участвовать в переговорах с Россией». 18 апреля вместе с представителями девяти государств он подписал ноту протеста Германии. Бенеш полагал, что договор «окажет влияние на всю конференцию и будет иметь далеко идущие последствия», что «атмосфера в Генуе напряжена и не улучшится до конца конференции». По его мнению, договор «будет непременно еще одним большим препятствием на пути мирного сотрудничества в Европе». Бенеш стремился не допустить укрепления российско-германского блока, старался предотвратить «насильственный разрыв между Россией и остальной Европой», «продвинуть вперед переговоры с Россией», избегая при этом ее признания де-юре²⁸.

Одновременно Бенеш прикладывал большие усилия, чтобы, с одной стороны, не допустить дальнейшего расхождения между Францией и Англией, а с другой, чтобы Чехословакия и ее союзники по Малой Антанте не оказались втянуты в конфликт. «Я того мнения, – писал он в Прагу 29 апреля, – что ситуация в Европе будет сильно осложнена, если после Генуи не будет сохранено францужско-английское согласие». Что касается германской проблемы, то Бенеш считал, что она урегулирована мирными договорами. Глава чехословацкой делегации проявил незаурядные дипломатические способности, чтобы содействовать успеху конференции, а также убедить западные державы в важной роли Малой Антанты. Он писал Масарику: «Я в этом вопросе осторожен. Иду то с англичанами, то с итальянцами, то с французами, стремясь все уравновесить, смягчить и не допустить самого худшего».

После подписания Рапалльского договора Бенеш стал проявлять большой интерес к развитию отношений с Германией и Россией, считая, что интересы безопасности ЧСР в условиях осложнения международной ситуации требуют расширения внешнеполитических связей. 1 мая Бенеш в Генуе встретился с Чичериным. Среди дипломатов сразу же распространились слухи, что Бенеш хочет заключить двусторонний договор с Россией, но пока речь об этом не шла. «Я знаю, что президент Масарик и Вы являетесь нашими решительными теоретическими противниками, – заявил, согласно записи Бенеша о беседе, Чичерин, – но ваша политика наиболее объективна и приемлема по сравнению с другими. Но Вам в Праге на Градчанах хорошо теоретизировать, в то время как мы внутри всего этого, а это гораздо тяжелее...». Чичерин надеялся на самое тесное сотрудничество с Прагой и стремился добиться дипломатического признания Советской России, что Бенеш отверг²⁹. 5 июня 1922 г. в Праге был заключен временный договор между РСФСР и ЧСР³⁰. В основном он касался экономического сотрудничества и развития торговли между двумя странами, но содержал и политические положения. Во введении, например, говорилось о необходимости соблюдения каждой из договаривающихся сторон нейтралитета в случае конфликта одной из них с третьей державой. Предусматривалось создание советского и чехословацкого представительств соответственно в ЧСР и РСФСР, однако указывалось, что вопрос о признании де-юре правительства другой стороны договором не предпринимается. На деле договор означал признание Чехословакией Советской России де-факто³¹.

На следующий день после встречи Бенеша с Чичериным, 2 мая, состоялась встреча Бенеша с министром иностранных дел Германии В. Ратенау. В ходе переговоров среди прочего речь шла о заключении в скором времени соглашения об экономическом сотрудничестве между обеими странами. Летом и осенью 1922 г. здесь наметились определенные сдвиги: был подписан ряд договоров и соглашений по конкретным вопросам чехословацко-германских отношений.

19 мая Генуэзская конференция была объявлена прерванной и фактически завершила свою работу. По мнению чехословацкого премьера, она закончилась «более или менее без каких-либо срывов, но и без положительного результата». Оптимистические надежды Бенеша на успех конференции были похоронены. В Чехословакии ее неудача вызвала новую волну критики в отношении франкофильской политики Бенеша, которая якобы завела страну в тупик. Хотя раздавались голоса о скором падении кабинета, но этого не произошло. 23 мая 1922 г. Бенеш выступил в Национальном собрании с оценкой итогов Генуэзской конференции, которая вызвала в парламенте

острые и длительные споры. Например, аграрий М. Годжа выразил полное одобрение деятельности чехословацкой делегации в Женеве. С крайне критической оценкой выступили К. Крамарж, лидер КПЧ Б. Шмераль и депутаты от всех судето-немецких партий³².

Пост главы правительства, отвечающего и за внутреннюю политику, был Бенешу в тягость. Он был убежден, что внешняя политика является основой политики вообще и собирался продолжать свою деятельность именно на этом поприще. Договоры, конференции, международные организации, встречи с зарубежными политиками – вообще вся дипломатическая игра – стали для Бенеша текущей и постоянной действительностью. В сентября 1922 г. Гана писала ему из Италии, что рада будет снова увидеть его с «душой не обремененной»; она напоминала ему о своем опасении, что его «желудочное заболевание снова даст о себе знать». Наконец, 1 октября Гана написала своему мужу: «Эдичка, я теперь верю, что Тебе сегодня пишу в последний раз как председателю правительства, и надеюсь, что Ты меня не обманешь»³³. В октябре 1922 г. аграрий Антонин Швегла сменил Бенеша на посту главы кабинета. После двух лет, в течение которых нападки на него в прессе аграрников не утихали, Бенеш писал Швегле, что мнения его, Бенеша, противников можно обобщить следующим образом: «а) Б[енеш] тщеславен; б) он рекламирует себя; в) делает это разными способами (с помощью денег, влияния на людей, окружая себя его восхваляющими людьми и т.д.); г) разными интригами. Обо всем этом я знаю очень хорошо. И поэтому обращаю на это внимание, держу под контролем и слежу, чтобы эти упреки не оказались правдой»³⁴. Таким образом Бенеш попытался оправдаться перед своим противником Швеглой, хотя и не мог особо рассчитывать на успех.

Бенеш никогда не научился поступаться своими полномочиями и доверять своим коллегам. Он должен был соблюдать напряженный трудовой ритм, поскольку не находил никого, кто мог бы взять на себя часть его ответственности. Это сказалось на здоровье Бенеша. Он пытался разнообразить свою жизнь некоторыми развлечениями, но на них у него оставалось мало времени. Пробудившийся в нем еще в детстве интерес к спорту никогда не покидал его. Он занимался по мере возможности теннисом, лыжным и конным спортом, превратился в завязанного фотографа-любителя. В середине сентября Бенеш вернулся в Женеву, где принял участие в заседании Лиги Наций. У него постоянно было много забот, и он все время находился в состоянии внутреннего напряжения, опасаясь смещения с поста не только главы правительства, но и министра иностранных дел. «Здесь сегодня, – писал он жене, – я много размышляю о будущем: в целом я вижу его достаточно ясно и хорошо чувствую также то, что ты мне в последний раз напи-

сала. Необходимо больше душевного спокойствия, больше всесторонней духовной работы на разных направлениях (философия – искусство), чтобы было еще больше сбалансированности и уверенности. Очень хорошо уже то, что мы это ясно понимаем и потихоньку будем выполнять»³⁵. Бенеш остался на посту министра иностранных дел и продолжал осуществлять свои функции вплоть до 1935 г., когда был избран президентом ЧСР. Но год премьерства дался ему тяжело и не мог не сказаться на его душевном и физическом состоянии.

Поскольку в начале 1924 г. Бенеш, по мнению Масарика, выглядел очень плохо, он послал его на поправку в Марианске Лазне. Свой распорядок дня Бенеш так описывал в письме Гане: «Во время последней поездки я очень похудел; сегодня это снова восполняется. Встаю рано, в 8 утра, в 9 завтракаю. Steedův lek принимаю регулярно. До 10 часов просматриваю полученную прессу, затем примерно час еще что-нибудь читаю, у меня здесь есть Ромен Роллан, Гобино (я купил), Буркхард, Мережковский, некоторые новинки я заказал; никакой политики, только философия и искусство. Это оказывает хорошее воздействие. Затем я отправляюсь на часовую прогулку, в полпервого обедаю, потом отдыхаю, и с 3 часов я опять на улице. Потом прихожу домой и читаю до 10 часов. Часто вспоминаю, да собственно постоянно, [Тебя]»³⁶. Бенеш поправился, но его жена не перестала опасаться за его здоровье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Národní listy 24 září 1919 (см.: *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis.* Praha, 2002. S. 56).

² Ibid. S. 53.

³ *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. С. 101–103, 108–109.

⁴ Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 119–120.

⁵ *Zeman Z. Edvard Beneš.* S. 55.

⁶ Следует отметить, что этот спор велся на протяжении всего существования межвоенной Чехословакии, а после войны возник с новой силой: тогда в марксистской историографии утвердился взгляд, согласно которому ЧСР возникла в результате подъема национально-освободительного движения чешского и словацкого народов под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в России, а Масарик и Бенеш являлись ставленниками западных империалистов.

⁷ *Серационова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 385–386.

⁸ Постановление Верховного совета Антанты от 16 января 1920 г. решало «обмен товарами между русским народом и союзными и нейтральными странами».

⁹ Чехия и Словакия в XX веке. С. 127.

¹⁰ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 309–310, 322–323, 357–358, 362–363, 406–410.

¹¹ Чехия и Словакия в XX веке. С. 128.

¹² *Серпионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. С. 387–388.

¹³ Имелось в виду снабжение большевиков немецкими деньгами.

¹⁴ *Серпионова Е.П.* Карел Крамарж и Россия. С. 390.

¹⁵ Там же. С. 392–395.

¹⁶ *Beneš E.* Problémy nové Evropy a zahraniční politika československá. Projevy a úvahy z r. 1918–1924. Praha, 1924. S. 89 (цит. по: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 70).

¹⁷ *Ibid.* S. 70.

¹⁸ *Ibid.* S. 70–71.

¹⁹ *Beneš E.* Problémy nové Evropy. S. 27–28 (Цит. по: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 71).

²⁰ Чехия и Словакия в XX веке. С. 129–130.

²¹ См. подробнее: *Серпионова Е.П.* Российская эмиграция в ЧСР (20–30-е годы). М., 1995; *Она же.* Т.Г. Масарик, К. Крамарж и русская эмиграция // *Славяноведение.* 2003. № 4.

²² Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1. С. 346.

²³ *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 76.

²⁴ 20 октября 1921 г. Карл Габсбургский временно захватил власть в Венгрии. Под угрозой вооруженного чехословацко-югославского вмешательства путч закончился провалом.

²⁵ *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 69.

²⁶ *Станков Н.Н.* Рапалльский договор 1922 года и Чехословакия // *Славяноведение.* 2006. № 3. С. 4.

²⁷ *Zeman Z.* Edvard Beneš. S.79.

²⁸ *Станков Н.Н.* Рапалльский договор 1922 года и Чехословакия. С. 6–8.

²⁹ *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 83–84.

³⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 441–446.

³¹ Чехия и Словакия в XX веке. С. 128.

³² *Станков Н.Н.* Рапалльский договор 1922 года и Чехословакия. С. 10–11.

³³ *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 64.

³⁴ *Ibid.* S. 61.

³⁵ *Ibid.* S. 65.

³⁶ *Ibidem.*

ГЛАВНОЕ – ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. УСПЕХИ И НЕУДАЧИ

После ухода с поста премьера Бенеш все свое внимание отдавал внешней политике. Он считал дипломатию, как и политику, наукой, а внешнюю политику – королевой всей политической деятельности. Круг вопросов, которыми министр занимался в 20-е гг., был чрезвычайно широк. По-прежнему он выступал в роли переговорщика, стремясь сгладить противоречия между Англией и Францией и сохранить Большую Антанту. Она, по Бенешу, являлась гарантом сконструированной ею Версальской мирной системы, и, следовательно, Чехословакии в ее существующих границах. Бенеш считал необходимым и в дальнейшем поддерживать союзнические отношения с Францией и Англией как двумя ведущими европейскими державами. По его мнению, это сотрудничество должно было стать «гарантом чехословацкой безопасности, целостности и независимости»¹. Много усилий Бенеш прилагал для стабилизации Малой Антанты и ЧСР как ее наиболее активного члена. Чехословакия, по мысли Бенеша, должна была стать опорой союзных держав в Центральной Европе. Большого внимания требовало урегулирование взаимоотношений с соседями: Германией, Польшей, Австрией, Венгрией, а также с Советским Союзом, о создании которого было объявлено в декабре 1922 г. Наконец, Бенеш активно участвовал в деятельности Лиги Наций, считая ее важной опорой Версальской мирной системы и решения общеевропейских проблем. Он являлся единственным министром иностранных дел в Европе, который занимал свой пост семнадцать лет и который и после избрания его президентом в декабре 1935 г. задавал тон во внешней политике. В министерстве иностранных дел Бенеш хотел быть полновластным и единственным хозяином. До 1932 г. министерство располагалось на Граде, в Чернинский дворец Бенеш и его ведомство перебрались только после приведения в порядок здания и близлежащей территории.

В своей работе министр иностранных дел предпочитал пользоваться методами, апробированными им еще во время войны. Он всячески оберегал свои полномочия и не любил передавать их своим сотрудникам. Работал Бенеш чрезвычайно напряженно и требовал этого от своих заместителей. При этом он видел в них лишь эффективных исполнителей указаний, а не советников по важным вопросам внешней политики. Чиновникам из своего ближайшего окружения, им же и подобранным, Бенеш доверял, поскольку они, как пишет З. Земан, «были незаметны, деликатны и всегда старались ему угодить»².

Генерал Алоис Элиаш, сотрудничавший с Бенешем во время многих переговоров в Женеве, вспоминал: «Его рабочий темп напоминал мне работу в штабе крупной воинской части во время проведения операции. Если министр Бенеш давал кому-либо из нас какое-либо задание, то радовался, когда получал результат как можно быстрее. Если это был устный доклад, то он должен был быть кратким, но содержательным. Если случалась какая-либо серьезная работа, то ночь превращалась в день, и работа шла, не зная на время... Министр Бенеш никогда не терял рассудительности. Я, как солдат, видел в нем разумного военачальника, который в критической ситуации, когда всё уже “трещало” мог сказать своему штабу: “Спокойно, все опять будет хорошо”. И при этом изо всех сил работал, чтобы этот поворот наступил. Его спокойствие и рассудительность это дар, которым должен обладать каждый государственный деятель»³. Среди сотрудников Бенеша был и З. Фирлингер, будущий полпред, а затем посол Чехословакии в СССР. Ценил министр только мнение и суждения Масарика, хотя это вовсе не означало, что он был простым проводником их в жизнь.

Бенеш предпочитал не брать в штат министерства людей, представлявших политические партии, и вообще сотрудников с четкими политическими убеждениями. Национальные меньшинства также не имели среди чиновников МИДа своих представителей. Однако на руководящих постах появилось несколько словаков, в том числе Штефан Осуски, будущий полпред ЧСР во Франции, и Владимир Гурбан, будущий чехословацкий посланник в США. Некоторые чиновники министерства заняли важные посты по рекомендации Масарика, например, профессор Карлова Университета историк Камил Крофта, который после избрания Бенеша президентом стал министром иностранных дел Чехословакии. Глава МИДа был достаточно обеспеченным человеком и не стремился к приобретению материальных благ. Пражская пресса характеризовала Бенеша как неподкупного человека, но критика в его адрес не прекращалась.

1923 г. ознаменовался так называемым Рурским кризисом: в ответ на отказ Германии выплатить очередной репарационный взнос Франция и Бельгия оккупировали ее промышленный центр Рур. Фактически это привело к распаду Большой Антанты, что всячески пытался предотвратить Бенеш. Баланс сил в Европе был нарушен, началась перегруппировка сил в области международной политики. Принятый летом 1924 г. так называемый «план Дауэса»⁴ предполагал восстановление в рамках Версальской системы экономически сильной и стабильной Германии, что означало победу англо-американской точки зрения над французской по германской проблеме⁵. Франция оказалась в изоляции, что осложнило франкофильско ориентированную внешнюю политику Чехословакии и сказалось на отношении к ее непосредственному руководителю Бенешу. Другим чрезвычайно важным фактором международной политики стало признание де-юре Советского Союза странами Запада. После заключения англо-советского торгового соглашения в 1921 г. лейбористское правительство Макдональда 2 февраля 1924 г. установило с правительством СССР дипломатические отношения. В феврале этого же года был подписан итало-советский торговый договор, Италия признала Советский Союз де-юре. В течение 1924 г. Норвегия, Австрия, Швеция, Греция и Дания установили дипломатические отношения с СССР. Этим же путем намеревалась идти и Франция, правящие круги которой на протяжении предшествующих лет проводили острую антисоветскую политику. Стремясь наладить отношения с СССР, Франция пыталась действовать через Чехословакию. 2 января 1924 г. советский полпред в Праге К.К. Юренев сообщал в НКИД, что Бенеш по просьбе правительства Франции сделал ему следующее заявление: «Франция готова вступить в договорные отношения с Россией, но выставляет ряд предварительных условий... Пуанкаре просит ответа от правительства СССР на следующие вопросы: 1) готово ли оно уважать международные договоры и 2) согласно ли в принципе признать довоенные долги (20 с лишним миллиардов франков)». Эти предварительные условия, как и в переговорах с Англией, были отвергнуты Москвой, о чем опять же через Юренева и, видимо, Бенеша было доведено до сведения французского правительства⁶. Дипломатические отношения между Францией и СССР были установлены в конце октября 1924 г., когда к власти пришло правительство левых сил во главе с Э. Эррио.

Все эти «подвижки» в международной политике не могли не сказаться на внешней политике Чехословакии и действиях ее куратора Бенеша, который, с одной стороны, не желал отказываться от фран-

кофильской ориентации ЧСР, а с другой, опасался осложнения отношений как с Англией, так и с соседней Германией, все более укреплявшей свои международные позиции. 25 января 1924 г. состоялось подписание чехословацко-французского договора о союзе и дружбе. В нем подчеркивалась заинтересованность обеих стран в сохранении Версальской системы и предусматривались взаимные консультации и совместные меры в случае угрозы их безопасности или нанесения ущерба порядку, установленному мирными договорами. Договор означал включение Чехословакии во французскую союзническую систему безопасности в Европе и был направлен против усиления влияния и возможной экспансии Германии⁷. Это была, как считает З. Земан, непродуманная система: Чехословакия с Францией не граничили, а послевоенная французская военная стратегия, кроме того, базировалась на оборонительной доктрине⁸.

В Чехословакии подписание договора было встречено неоднозначно. Масарик, который в целом поддерживал франкофильский внешнеполитический курс ЧСР, опасался, как бы эта ориентация не оказалась «оковами» для страны. В Праге особенно правые политические силы (аграрии, национальные демократы, католические партии) выражали озабоченность по поводу чрезмерной нацеленности внешней политики Бенеша на Францию. Критическую позицию заняла и часть военных кругов. В январе 1925 г. подал в отставку с поста в Генеральном штабе генерал В. Клецанда, не согласившийся с «бессмысленным перениманием французской военной оборонительной доктрины». Он утверждал, что в случае нападения Германии на Чехословакию Франция не придет ей на помощь⁹. Постепенно с весьма положительного на более критическое меняла свое отношение к Чехословакии английская дипломатия. В конце 1923 г. уже даже «друзья» Чехословакии в Форин Офис не могли далее закрывать глаза на политику Бенеша, которая вела к усилению французского влияния в Праге. Британский посланник в ЧСР Дж. Клерк, поддерживавший тесные отношения с «Градом», в конце концов признал, что Бенеш, как «цирковой наездник, стоит одной ногой на каждом из пары коней» (имелись в виду Франция и Британия) и что может сохранять равновесие только до тех пор, пока оба коня будут скакать вокруг манежа в гармонии¹⁰. Но гармонии не получилось: каждая из великих держав отстаивала на международной арене свои интересы. Французско-чехословацкий договор вызвал в Лондоне явное недовольство. Один из сотрудников центрально-европейского департамента Форин Офис сетовал, что Бенеш поставил свою страну на сторону государства, которое «милитаризирует Европу и толкает

ее к экономическому хаосу». Когда же Бенеш, стремясь исправить неблагоприятное впечатление от договора, посетил в начале 1924 г. Лондон, то прием, который ему оказал министр иностранных дел Дж.Н. Керзон, нельзя было считать теплым. Беседа длилась час, и Керзон потом назвал Чехословакию одним «из того круга подчиненных государств, которые более или менее впряжены во французскую коляску». Бенеш свою позицию защищал «энергичнее, чем обычно», однако его аргументация не произвела впечатления на Керзона. Стремясь исправить впечатление от преимущественной ориентации чехословацкой внешней политики на Францию, Бенеш пошел на подписание 5 июля 1924 г. чехословацко-итальянского договора о дружбе. Однако это не улучшило положение ЧСР на европейском политическом пространстве. При обсуждении в Форин Офис кандидатуры Бенеша на пост Генерального секретаря Лиги Наций новый министр иностранных дел консерватор О. Чемберлен решительно выступил против¹¹.

В Лиге Наций в это время разрабатывался проект общеевропейского гарантийного пакта, так называемый Женевский протокол, который должен был избавить мир от угрозы агрессии. Речь шла о том, чтобы каждый член Лиги Наций получил гарантии безопасности, а спорные вопросы решались путем международного арбитража. Бенеш в качестве председателя особого подкомитета напряженно работал над проектом этого документа¹². Женевский протокол был принят V Ассамблеей Лиги Наций 2 октября 1924 г. Его подписали сорок четыре государства, представители которых участвовали в заседании. Бенеш считал это событие триумфом чехословацкой дипломатии. Однако радоваться пришлось недолго: новое британское правительство консерваторов С. Болдуина и О. Чемберлена отказалось взять на себя обязательства по Женевскому протоколу. Оно не было уверено в прочности установленных Версальским договором границ и опасалось, что Англия может быть помимо своей воли вовлечена в международные конфликты на европейском континенте. Женевский протокол незаметно исчез из международного обращения, что страшно огорчило Бенеша. Вместе с тем британское правительство было заинтересовано в усилении безопасности западных соседей Германии. Поэтому О. Чемберлен предложил заменить Женевский протокол англо-франко-бельгийским пактом, который бы гарантировал границы Франции и Бельгии с Германией. Но этот проект был отклонен. В то же время Германия предложила Англии и Франции проект так называемого Рейнского гарантийного пакта. В нем предлагалось, чтобы державы, имеющие интересы на Рейне, прежде всего

Великобритания, Франция, Италия и Германия, обязались не вести друг против друга войну и заключили пакт, безоговорочно гарантирующий существующий на Рейне территориальный статус-кво¹³.

Стремление Берлина ограничиться гарантиями лишь западных границ встревожило Бенеша. Он решительно выступил против дифференциации западных и восточных границ и за распространение гарантийного пакта на Центральную Европу. Самым лучшим, по его мнению, было «иметь общий договор о взаимопомощи, включающий также восточную границу Германии и, таким образом, практически всю Европу». Однако О. Чемберлен считал, что Великобритания не может гарантировать восточные границы Германии. В этих условиях Бенеш выразил готовность к заключению арбитражного договора с ней и начал проводить зондаж в указанном направлении, пытаясь одновременно договориться с Польшей и укрепить чехословацко-польские отношения. Варшава не возражала. Но в переговорах с ней Бенеш проявлял чрезвычайную осторожность, опасаясь втягивания ЧСР в возможный германо-польский конфликт. 23 апреля 1925 г. во время визита Бенеша в Варшаву между Чехословакией и Польшей были подписаны договоры об урегулировании вопросов, связанных с разделом Тешинской области и Яворины, а также об арбитраже и торговле¹⁴.

Чехословацко-польские договоренности были расценены в Берлине как антигерманская демонстрация. К маю 1925 г. чехословацко-германские отношения стали достаточно напряженными. Помимо прочего, это было связано и с усилением на политической сцене Германии позиций правых сил и победой на президентских выборах их кандидата – фельдмаршала П. Гинденбурга. «Теперь Бенеш услышит со стороны Германии совершенно иной тон. Никаких шагов навстречу ему не будет более делаться»¹⁵, – таково было мнение германских дипломатов, сотрудников посольства в Праге. После прихода к власти правых сил в Германии все более открыто и настойчиво стали раздаваться голоса о необходимости пересмотра границ на востоке, прежде всего с Польшей, о защите соотечественников за рубежом, об аншлюсе Австрии. В Чехословакии, где немцы составляли одну треть населения, эти заявления воспринимались как угроза национальной безопасности страны.

В ЧСР приближались парламентские выборы, в преддверии которых обострилась внутривнутриполитическая борьба, в том числе и по вопросам внешней политики. Деятельность Бенеша подвергалась острой критике за его одностороннюю ориентацию на Францию. По возвращении из Женевы в конце сентября 1925 г. он оказался в весьма сложном положении и удержался в кресле министра иностран-

ных дел только благодаря заступничеству Масарика¹⁶. Оппоненты Бенеша, да и его сторонники, усматривали опасность проводимой им политики в возможной изоляции Чехословакии на международной арене. Бенеш всячески защищал свои позиции, отстаивая тезис о необходимости сохранения незыблемости Версальской мирной системы и достижения с помощью Франции того, что в данной конкретной обстановке могло обеспечить безопасность Чехословакии. Оппозиционная пресса ставила этот тезис под сомнение. 24 сентября 1925 г. орган аграрной партии газета «Venkov» («Венков») писала: «Для восточных государств, которым Англия отказывает в гарантиях безопасности, остается один выход – заключение арбитражных договоров, но этот выход таит в себе большую опасность. Кто будет назначать арбитра? Лига Наций или какая-либо из великих держав? Вероятно, на Западе будет взят курс на сотрудничество с Германией, это скажется на всех решениях о спорах Германии с соседями». В интервью 4 октября 1925 г. Бенеш рекомендовал в качестве выхода сближение Чехословакии с СССР. «Нам нужны такие же отношения с Россией, как с Францией», – заявил он¹⁷.

5 октября 1925 г. в швейцарском курортном городке Локарно начала работать конференция министров иностранных дел Бельгии, Великобритании, Германии, Италии и Франции. Польше и Чехословакии предложено было принять участие лишь в заседаниях, на которых должен был обсуждаться вопрос об их арбитражных соглашениях с Германией. Заседания конференции проходили при закрытых дверях. Ее председателем был О. Чемберлен. Германский министр иностранных дел Г. Штреземан всячески проталкивал мысль о необходимости вооружения Германии и уменьшения ее репараций. Во время беседы с Бенешем 11 октября он коснулся проблемы положения судетских немцев в ЧСР. Бенеш ответил, что это внутренняя проблема Чехословакии и поэтому она не может обсуждаться министрами иностранных дел. Штреземан, согласившись с этим, все же заметил, что этот вопрос не сходит со страниц германской печати.

Основным документом, подписанным на Локарнской конференции, был так называемый Рейнский гарантийный пакт. Германия, Франция и Бельгия признавали существующие между ними границы и обязывались не нарушать их силой. Гарантами соглашения являлись Великобритания и Италия. Таким образом, были гарантированы только западные границы Германии, а восточные подтверждены не были. 15 октября, когда началось обсуждение арбитражных договоров Германии с Францией и Бельгией, в заседании на основе предварительной договоренности Чемберлена и Штреземана об

этом приняли участие Бенеш и министр иностранных дел Польши А. Скршиньский. Впоследствии Штреземан так вспоминал о происшедшем: «Господа Бенеш и Скршиньский были вынуждены сидеть в соседней комнате, ожидая, когда мы разрешим им войти. Вот положение государств, которых до сих пор так сильно баловали и возвышали, потому что они были слугами других, и которым в одно мгновение отказали в поддержке, когда стало ясно, что с Германией можно достичь соглашения»¹⁸. В последний день работы конференции, 16 октября, были обсуждены и одобрены арбитражные договоры Германии с Польшей и Чехословакией. В основном тождественные германо-французскому и германо-бельгийскому арбитражным соглашениям, они вместе с тем не содержали ссылки на Рейнский гарантийный пакт, включавший обязательства сохранения территориального статус-кво. То есть Германия не принимала на себя никаких обязательств в территориальном вопросе, и система гарантий на восточные границы Германии не распространялась. В тот же день 16 октября министр иностранных дел Франции А. Бриан подписал гарантийные договоры с Чехословакией и Польшей. Стороны обязывались «немедленно оказывать друг другу помощь и поддержку» в случае невыполнения обязательств по арбитражным договорам между ними и Германией при условии неспровоцированной агрессии¹⁹. Итогом Локарнской конференции явилось возвращение Германии на великодержавные позиции и значительное улучшение ее положения на международной арене²⁰.

Хотя Рейнский гарантийный пакт не решил вопрос о восточных границах, Бенеш рассматривал Локарно как триумф чехословацкой внешней политики и рекомендовал пресс-службе МИД оценивать подписанные там договоры как имеющие большое значение не только для безопасности Франции, но и Чехословакии. Вместе с тем он понимал всю важность произошедших в Локарно перемен, означавших «политический перелом в Европе». Это явствовало из его выступления в постоянном комитете Национального собрания ЧСР 30 октября 1925 г. «Германия, – заявил Бенеш, – вновь вступает в европейскую политическую жизнь как полноправный и равноценный фактор, как новая великая держава. Это – событие огромного значения для Европы, для Германии и для нас самих, что мы должны отчетливо понимать. Это – создание новой европейской психологии, нового европейского равновесия, новых международных отношений вообще». Налаживание дружественных отношений с набиравшей политический вес Германией становилось чрезвычайно актуальной задачей внешней политики ЧСР. Бенеш полагал, что важный шаг

в этом направлении уже сделан в Локарно. Однако усиливавшейся Германии следовало искать противовес. И в этом плане он возлагал большие надежды на улучшение отношений Чехословакии с СССР. Советский полпред в ЧСР В.А. Антонов-Овсеенко писал в НКВД 29 октября 1925 г.: «Отношение к нам круто изменилось»²¹.

Однако это вовсе не означало, что все политические силы в ЧСР разделяли подобные взгляды. К. Крамарж, в частности, резко выступал против планов признания Советов, что, по его мнению, означало бы отказ от славянской идеи, единственной твердой гарантии самостоятельности чехословацкого государства. Задаваясь вопросом, почему «Град» хочет установить дипломатические отношения с СССР, Крамарж доказывал, что это вызвано признанием Советов со стороны других держав: Англии, Италии, Франции, которые вовсе не заинтересованы в сильной России. Особенно критически он относился к позиции в этом вопросе национальных социалистов, что не могло не задевать Бенеша как одного из руководителей этой партии²². Социалистический блок являлся основной опорой «Града», и Масарик поддерживал его, в том числе и в финансовом плане. Однако в это время консолидировались и правые силы. В новом правительстве так называемой «панской коалиции», сформированном 12 октября 1926 г. (его по-прежнему возглавлял А. Швегла), места для представителей социалистических партий не нашлось, и они перешли в оппозицию. Снова усилились нападки на Бенеша и стремление лишить его министерского поста. Отстоять его смог лишь Масарик, пригрозивший своей отставкой. 27 мая 1927 г. он в третий раз был избран президентом ЧСР. Но признания СССР де-юре из-за противодействия правых сил в конце 20-х гг. так и не произошло.

Однако Бенеш не оставлял попыток продолжить избранный им внешнеполитический курс, в том числе стремясь улучшить отношения с соседями ЧСР. Некоторые положительные сдвиги в чехословацко-польских отношениях, наметившиеся во время подготовки Локарнской конференции не имели последствий. Никаких военно-политических соглашений между ЧСР и Польшей достигнуто не было. А переворот Ю. Пилсудского в Польше в 1926 г. снова привел к осложнению отношений между обеими странами. В сентябре 1926 г. Германия была принята в Лигу Наций²³, и Берлин все чаще стал поднимать вопрос о неравноправном положении немецкого меньшинства в Чехословакии, стремясь привлечь к нему внимание международной общественности. Масло в огонь подливала и судето-немецкая партия, находившаяся в оппозиции к правительству. Попытки улучшить отношения с Германией в 1927–1928 гг. не

дали положительных результатов. Так же трудно складывались отношения с Венгрией, которая не отказывалась от своих притязаний на Словакию и Подкарпатскую Русь. Это, в свою очередь, определяло и отношение к ней Праги. Дж. Клерк писал по этому поводу: «Когда Бенеш говорит о Венгрии, всегда ясно, что, несмотря на официально им заявленное стремление к примирению, что-то внутри заставляет его при каждой возможности унижить Венгрию... Он всегда говорит, что длительный мир с Венгрией невозможен, что венгры никогда не будут удовлетворены, и произносит он это, кажется, с определенным наслаждением, как будто думая, что проник в самую суть дела»²⁴. Но Бенеш действительно полагал, что ревизионистские силы в Венгрии, активизировавшиеся после избрания Гинденбурга на пост президента Германии, не откажутся от своих намерений вернуть отошедшие к Чехословакии территории. Венгерский премьер-министр И. Бетлен 7 мая 1925 г. заявил, что венгерское правительство никогда не признавало справедливым Трианонский мирный договор и будет непрестанно добиваться его пересмотра²⁵. Бенеш опасался сближения Венгрии с Германией, что также накладывало отпечаток на и до того непростые чехословацко-венгерские отношения. Появление на германской политической сцене такой фигуры, как Гинденбург, имело следствием возобновление в Австрии пропаганды за аншлюс. Согласно сообщению советского полпреда в ЧСР В.А. Антонова-Овсеевко, австрийское правительство «старательно стимулировало через своих агентов в германской печати и среди германских политиков идею присоединения». Противостояние Чехословакии и Бенеша этой идее было очевидным, что вызывало яростную критику со стороны ее пропагандистов как в Австрии, так и в Германии. Если бы Австрия присоединилась к Германии, считал Бенеш, то давление на окружающие государства «стало бы совершенно невыносимым, особенно для Чехословакии, которая была бы в таком случае с трех сторон окружена Германией». В Берлине же полагали, что объединение Австрии и Германии является внутренним делом немецкого народа и Чехословакия не в праве в это дело вмешиваться. Позиция Бенеша вызывала все большее раздражение как в Вене, так и в Берлине, что сказывалось на отношениях ЧСР и с Австрией, и с Германией. Вместе с тем ЧСР не отказывалась от тесного экономического сотрудничества с Австрией. В этом Чехословакию поддерживали члены Малой Антанты, Румыния и Югославия, а также Италия, которая стремилась превратить Австрию в базу своего экономического и политического влияния в Центральной Европе²⁶. Но, вопреки всем трудностям, чехословацкой дипломатии удалось реализовать про-

ект «Среднеевропейского Локарно». В ноябре 1927 г. страны Малой Антанты, а также Польша, Венгрия и Австрия согласились на урегулирование споров с помощью процедуры арбитража²⁷. Внутренне весьма противоречивый, поскольку, кроме общих, каждая из стран его участниц имела собственные внешнеполитические интересы, этот блок в конце 20-х годов все еще сохранял свое стабилизирующее значение на восточном крыле Европы, а Чехословакия по-прежнему претендовала на роль его лидера.

Волна оптимизма, охватившая Западную Европу после Локарно, привела к тому, что министр иностранных дел Франции А. Бриан 6 апреля 1927 г., в день 10-ой годовщины вступления США в Первую мировую войну, обратился с призывом к США заключить двусторонний договор «о вечной дружбе, запрещающей обращение к войне, как к средству национальной политики». Госсекретарь США Ф. Келлог сообщил Бриану, что американское правительство с удовлетворением принимает французское предложение, но считает, что к подобного рода договору следует привлечь все великие державы. После длившихся в течение года переговоров пакт был подписан 27 августа 1928 г. в Париже. Вместе с Великобританией, Францией, США, Италией, Германией, Японией, Бельгией и Польшей его подписала и Чехословакия. В этот же день США направили ноту еще 48 странам с предложением присоединиться к договору²⁸. С определенными критическими замечаниями 31 августа к нему присоединился и Советский Союз. Всего же пакт подписали 65 государств, то есть почти все страны мира. В «Пакте Бриана-Келлога» или «Парижском пакте» декларировались осуждение и отказ от войны как орудия национальной политики для урегулирования международных споров и необходимость разрешения конфликтов только мирными средствами²⁹. Бенеш, который сначала не узрел в пакте ничего хорошего – его текст, как ему казалось, напоминал воскресную проповедь против грехов – затем стал одним из его горячих сторонников³⁰. Пакт «Бриана-Келлога» вступил в силу в 1929 г., как раз тогда, когда в мире разразился жестокий экономический кризис, который серьезно задел и Чехословакию.

В стране, как уже говорилось, Бенеш пользовался безусловной поддержкой Масарика, но отношение к нему партийного истеблишмента было чрезвычайно сдержанным, а подчас и враждебным. Он не завоевал всеобщих симпатий даже в собственной партии национальных социалистов. Структура государственного управления ЧСР оставалась прежней: группировка «Града», как и ранее, «держала позиции», а вот другая властная группировка «Пятерка» изменила

свою конфигурацию, превратившись в «Восьмерку». Масарик по-прежнему видел в качестве своего преемника на посту президента лишь Бенеша. Однако, осознав, что тот не получит поддержки большинства партийных лидеров, стал обдумывать другие, промежуточные, варианты и обратился к кандидатуре влиятельного политика, председателя аграрной партии А. Швеглы. Он являлся одним из организаторов переворота 28 октября 1918 г., первым министром внутренних дел и в 1922–1929 гг., с коротким перерывом в 1926 г., премьер-министром чехословацкого правительства. Аграрная партия под лозунгом «Деревня – одна семья» нашла опору в средних и мелких земельных собственниках и приобрела многочисленных сторонников среди горожан. Швегла умер сравнительно молодым в возрасте 60 лет в 1933 г., и Масарик считал его «государственным деятелем необыкновенно большого формата в наших условиях»³¹. Именно ему в середине 20-х гг. Масарик предложил стать президентом, считая, что Бенеш придет ему на смену. При этом сотрудничество Швеглы с Бенешем Масарик представлял следующим образом: первый будет курировать внутренние дела, а второй представлять Чехословакию за границей. Швегла отказался. И не только потому, что его не устраивала как бы «временность» положения главы государства и необходимость управлять им вместе с Бенешем, но он не был им очарован до такой степени, как Масарик. В 1927 г. Швегла решительно отверг предложение выставить свою кандидатуру в президенты наряду с Масариком, и, наоборот, содействовал его избранию на третий срок. Оно базировалось на постулате «пока Масарик жив, он останется главой государства»; конституция в этом случае допускала исключение, не ограничивая сроков его избрания на пост президента. Отношения же Швеглы с Бенешем в это время значительно ухудшались, и влиятельный политик мог возможную кандидатуру министра иностранных дел на пост президента с успехом завалить. После вынужденного ухода Швеглы из политики в 1928 г. – он страдал заболеванием сердца – ключевые позиции в аграрной партии заняли поддерживавшие «Град» политики во главе с Ф. Удржалом, который после Швеглы возглавил правительство. Шансы Бенеша на его поддержку со стороны аграрной партии на президентских выборах улучшились.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Feriancová A. (Ne)nadejná bezpečnosť. Československo, Nemecko a úpravy mezinárodného systému v Európe. 1922–1926. Nitra, 2010. S. 39* (www.forumhistoriae.sk/e_kniznica/feriancova.pdf).

² *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 67.*

³ www.ceskenarodnilisty.cz/clanky/jaroslav_werstadt_osobnost_edvarda_benese.html (Генерал А. Элиаш, после оккупации Чехии немцами вошедший в состав правительства протектората и поддерживавший связи с Бенешем, в 1941 г. был арестован гестапо и в 1942 г. казнен.)

⁴ «План Дауэса» принят в Лондоне комиссией экспертов по репарациям; назван по имени ее председателя, американского банкира, директора одного из банков группы Моргана, Ч. Дауэса, вице-президента США: немецкие репарации были снижены со 132 до 50 млрд марок, а срок их уплаты отнесен к сентябрю 1928 г. Было решено предоставить Германии высокий заем, чтобы помочь ей экономически оправиться от последствий поражения в войне.

⁵ Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 131–132.

⁶ История внешней политики СССР. Т. 1. 1917–1945 гг. М., 1976. С. 203–204.

⁷ Чехия и Словакия в XX веке. С. 132; см. также: *Ferenčuhová B. Rokovanie o francúzsko-československú zmluvu o spojeníctve a priateľstve (máj 1923 – január 1924) // Slovanské historické studie. 1997. N 23.*

⁸ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 85.*

⁹ *Ibid. S. 85–86.*

¹⁰ *Ibid. S. 98.*

¹¹ *Ibid. S. 99–100.*

¹² См. подробнее: *Feriancová A. (Ne)nadejná bezpečnosť. S. 91–107.*

¹³ См. подробнее: *Станков Н.Н. Дипломатические отношения Веймарской республики и Чехословакии. 1918–1924. Волгоград, 2007; Он же. Трудный путь в Локарно: дипломатия Э. Бенеша в 1925 году // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 51–52.*

¹⁴ *Feriancová A. (Ne)nadejná bezpečnosť. S. 128–140*

¹⁵ *Станков Н.Н. Трудный путь в Локарно. С. 61.*

¹⁶ Там же. С. 70.

¹⁷ http://www.diphis.ru/lokarnskaya_konferencya_i_ee_itogi-a612.html

¹⁸ Цит. по: *Станков Н.Н. Трудный путь в Локарно. С. 73.*

¹⁹ Там же. С. 74.

²⁰ *Feriancová A. (Ne)nadejná bezpečnosť. S. 173*

²¹ *Станков Н.Н. Трудный путь в Локарно. С. 75–76.*

²² *Серпионова Е.П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы. М., 2006. С. 406–407.*

²³ Об отношении Бенеша к этому факту см. подробнее: *Feriancová A.* (Ne) nadejná bezpečnosť. S. 183–242.

²⁴ *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 99.

²⁵ *Станков Н.Н.* Трудный путь в Локарно. С. 61–62.

²⁶ Там же. С. 62–63.

²⁷ Чехия и Словакия в XX веке. С. 153.

²⁸ Ф. Келлог за вклад в подготовку пакта был удостоен Нобелевской премии мира 1929 года.

²⁹ *Гусева А.Ю.* К 75-летию подписания пакта Бриана-Келлога // Дипломатический вестник. 2003. № 8 (http://www.mid.ru/dip_vest_nsf/).

³⁰ *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 87.

³¹ *Masaryk T.G.* Spolupráce so Švehlou. Venkov, 24.12.1933 (Švehlův nekrolog) (цит. по: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 105).

АРХИТЕКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ЧСР

Пакт «Бриана-Келлога», породивший представления о возможности раз и навсегда покончить с войной, поднял в Европе волну оптимизма. Появились идеалистические проекты создания федеративных объединений европейских народов. Так, Бриан в мае 1930 г. направил правительствам двадцати шести государств меморандум с предложением об организации Паневропейской унии, основанной на примирении Франции и Германии. Бенешу план Бриана не понравился: он считал его чересчур амбициозным и малореальным. В конце концов план так и остался на уровне проекта. Европе было не до него, первоочередной задачей стало преодоление углублявшегося экономического кризиса.

Мало кто тогда учитывал, что государства-наследники Габсбургской империи нуждаются в гарантиях коллективной безопасности больше, чем западные страны, хотя французы все еще считали, что локальная лагуна должна быть заполнена гарантией границ и на востоке Европы. Но набиравшая силу Германия не собиралась отказываться от реализации традиционных для нее интересов в центральной и восточной части континента. Здесь опять начала расцветать немецкая торговля. Хотя Берлин заявлял, что присоединение Австрии к Германии еще не актуально, однако ее МИД всячески препятствовал тому, чтобы Австрия вступила в союз с другими государствами.

Бенеш хорошо чувствовал эту ситуацию. Поэтому в конце 20-х гг. немецкая дипломатия внимательно следила за его инициативами, могущими привести к какому-либо сплочению подунайских государств. В 1932 г. Германия отвергла французский план создания Дунайской федерации. Но, как считает З. Земан, политика Бенеша, направленная на сохранение Малой Антанты и подгоняемая убеждением, что Прага в любом объединении подунайских государств

должна играть ведущую роль, по сути, была на руку Берлину: она помогла не допустить договоренности между всеми государствами-наследниками, которые остались разобщенными и слабыми¹.

Развитие экономического кризиса, падение цен и спроса особенно сильно задело сельскохозяйственные страны восточной части Европы, в частности, Румынию, Болгарию, Польшу. Чехословакию кризис охватил несколько позднее, но также с небывалой силой. В 1933 г. чехословацкий экспорт упал на 28% по сравнению с 1929 г., а промышленное производство – не менее чем на 40%. Экономический кризис привел к тяжелым социальным последствиям, а социальная напряженность в обществе содействовала обострению политической борьбы. Усиливались позиции лево- и праворадикальных партий, выступавших с критикой буржуазной демократии и требовавших установления режима «сильной руки». В Италии фашисты установили свою власть уже в 1922 г., в начале 1933 г. к руководству Германии пришли нацисты во главе с Гитлером, выступавшие с позиций агрессивного пангерманизма в духе «Майн Кампф» и требовавшие пересмотра Версальской системы. В своем выступлении 10 февраля 1933 г. во Дворце спорта Гитлер обещал собравшимся восстановить целостность Германии и окончательно покончить с марксизмом. В многонациональной Чехословакии события в соседней Германии вызвали рост националистических настроений не только среди национальных меньшинств (немцев, венгров, поляков, русинов-украинцев), но и среди словаков, то есть одной из титульных наций ЧСР.

Экономический кризис снова поставил вопрос о репарационных платежах. На Гаагской конференции по репарациям 1929–1930 гг., в которой участвовали Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Италия, Польша, Португалия, Румыния, Франция, Чехословакия, Югославия и Япония, был принят так называемый план Юнга², заменивший план Дауэса. Новый план предусматривал некоторое снижение Германией годовых репарационных платежей и ряд других мер, облегчавших положение ее экономики. Были ликвидированы австрийские, снижены венгерские и болгарские репарации. Чехословакия же, как страна-наследница Австро-Венгрии и одновременно страна-победительница в Первой мировой войне, должна была, как говорилось ранее, платить «налог за освобождение». Вместе с другими странами Малой Антанты ЧСР поставила свою подпись под решениями Гаагской конференции по репарациям, хотя они противоречили ее интересам. Дальнейшее снижение репарационных платежей Германии на основании плана Юнга, и, как его следствие, уход

французской оккупационной армии из Рурской области Германии Бенеш никоим образом не приветствовал. Он развернул активные действия за снижение внешнего чехословацкого долга и с помощью Франции добился некоторых успехов: «налог за освобождение» был снижен, и Чехословакия получила символическую долю в болгарских и венгерских репарациях. Бенеш оценивал это как новую дипломатическую победу и публично заявил, что сберег для государства 25,6 млрд крон из первоначальных обязательств, составлявших 30 млрд крон³. Хотя Бенешу, бесспорно, удалось снизить долг до 4,4 млрд крон, однако в условиях нарастающего экономического кризиса он все еще был достаточно велик.

Полагая, что совместными усилиями они смогут легче справиться с экономическим кризисом, Германия и Австрия 21 марта 1931 г. объявили о создании таможенной унии. Реакция Праги была нервной: Бенеш заявил, что Берлин сделал важный шаг на пути присоединения Австрии к Германии. Франция также была обеспокоена договором, в то время как Англия ожидала от него улучшения экономической ситуации в Центральной Европе. Подобную точку зрения разделяли также Румыния и Югославия. Партнеры Чехословакии по Малой Антанте именно в Германии и Австрии видели крупнейших потребителей их зерновой продукции, экспорт которой падал. Однако германо-австрийский план не был реализован: Международная судебная палата в Гааге вынесла решение, что таможенная уния противоречит условиям мирных договоров. Германская и австрийская экономика рухнула вместе с крупными банками в Берлине и Вене. Летом 1931 г. стало ясно, что Германия не сможет заплатить даже сниженные репарационные платежи. План Юнга фактически прекратил существование. В Вашингтоне президент Гувер 20 июня объявил о моратории на международные финансовые обязательства. Союзники по Антанте согласились на отсрочку выплаты всех репараций и долгов, по меньшей мере, на год. Франция приняла предложение сдержанно, и возражала против него каждый раз, когда мораторий возобновлялся. Многочисленные варианты планов решения экономического кризиса в Центральной Европе появлялись столь же быстро, как и забывались. Дипломатия оказалась бессильной перед решением экономических проблем в период кризиса. Инициатива перешла в руки диктаторов.

В марте 1933 г. Б. Муссолини предложил британскому премьеру проект «пакта четырех», пакт «согласия и сотрудничества» между Англией, Францией, Германией и Италией. Проект предусматривал возможность пересмотра мирных договоров, признание равенства

прав Германии в области вооружений, принятие аналогичных решений в отношении Австрии, Венгрии и Болгарии, проведение политики сотрудничества четырех держав во всех европейских и внеевропейских вопросах. Предложение, сделанное западным державам, должно было, с одной стороны, обойти Лигу Наций, как организацию, следившую за сохранением версальского статус-кво, с другой, и это главное, превратить две европейские диктатуры – Германию и Италию – в равноценных партнеров Великобритании и Франции. Малая Антанта и Польша протестовали против предложенного проекта, считая, что он является больше шагом к войне, чем к сохранению мира. В своем коммюнике от 25 марта 1933 г. Постоянный совет Малой Антанты высказался против ревизии мирных договоров. Министерство иностранных дел в Праге заявило, что пакт направлен против существования и территориальной целостности государств Центральной Европы, которые без колебания возьмутся за оружие, чтобы защитить себя. Убежденный противник тоталитаризма Бенеш, выступая 25 апреля 1933 г. в Палате депутатов НС, резко осудил предложение «пакта четырех» и заявил: «Сегодня я хотел бы предупредить всех тех плохих математиков, которые наивно верят, что через пару лет Европа окажется во власти разных экстремистских движений, именуемых фашизмом, гитлеризмом или коммунизмом... все эти разные -измы стали бы для нас тяжелой социальной болезнью, последствия которой оказались бы катастрофическими для нашего государства»⁴.

Неоднозначно предложения Муссолини были встречены в Англии и Франции. Франция внесла свои поправки к проекту, ряд формулировок которого, касающийся пересмотра мирных договоров, перевооружения Германии, нарушения территориальной целостности государств-членов Лиги Наций, был пересмотрен. 30 мая Постоянный совет Малой Антанты под давлением Англии и Франции одобрил «пакт четырех» с внесенными в него поправками. 7 июня 1933 г. пакт, в основу которого лег французский вариант, был парафирован в Риме Муссолини и послами Англии, Франции и Германии. Хотя пакт, вызвавший бурю эмоций и активно обсуждавшийся европейской общественностью, и был подписан, но он никогда не вступил в силу, а Франция его даже не ратифицировала.

Как видно из вышеизложенного, в первой половине 30-х гг. Малая Антанта еще успешно функционировала, и с ее мнением должны были считаться западные державы. В 1932 г. союз трех стран стал даже еще более тесным. Намечалась унификация внешней политики (ни одно важное политическое решение не должно было прини-

маться без ведома партнеров), тесная экономическая интеграция (шла подготовка таможенного союза), созыв общего парламента (из представителей национальных законодательных органов)⁵. Бенеш прилагал массу усилий к укреплению Малой Антанты, особенно в ситуации, когда Германия начала порывать с международным сообществом. Он попытался укрепить структуру Малой Антанты: эти усилия завершились 16 февраля 1933 г. подписанием ее устава (договора об организационном устройстве). Бенеш стремился создать условия не только для выработки общей внешней политики и улучшения экономического сотрудничества трех государств Малой Антанты, но и для стандартизации их вооружения. Согласно представлениям Бенеша, Малая Антанта с ее 47-миллионным населением и неослабным вниманием к вопросам вооружения могла играть ключевую роль в Центрально-Восточной Европе. По словам чешского историка Р. Квачека, Бенеш хотел видеть в Малой Антанте межгосударственное образование, подобное «великой державе»⁶.

Однако в новой международной ситуации его намерения наталкивались на значительные препятствия. Прага была не в силах перевесить экономическую привлекательность Германии для стран юго-восточной Европы. К тому же аграрная партия Чехословакии сумела добиться высоких таможенных тарифов на сельскохозяйственную продукцию. ЧСР не могла привлечь своих партнеров ни необходимыми им займами, ни как рынок сбыта. В то же время Ялмар Шахт, один из главных организаторов экономики нацистской Германии, министр экономики и президент Рейхсбанка, разработал систему расчетов, которая оказалась привлекательной для заинтересованных в этом аграрных группировок Румынии и Югославии и дала возможность обмена сельхозпродуктов с Балкан на немецкую промышленную продукцию. На Балканском полуострове появилось сильное политическое течение, которое склонялось к фашизму и считало жизненно важной дружбу с Германией.

Приход Гитлера к власти в Германии (30 января 1933 г.) был настоятельно встречен в ЧСР, но чехословацкая дипломатия пока заняла по отношению к новому режиму позицию «wait and see» («подожждать и посмотреть». – В. М.). Бенеш еще в марте в своем выступлении в Национальном собрании заявил о необходимости корректных и дружественных отношений с Германией, поскольку у Чехословакии «нет никаких пограничных споров» с ней. Однако в экспансивных намерениях нового германского режима сомнений не было. В частности, югославскому королю Александру через чехословацкого полпреда в Белграде Бенеш передавал: «Единственная возможная поли-

тика для нас троих (то есть государств-членов малой Антанты) состоит в том..., чтобы не поддаваться провокациям, действовать и далее, как до сих пор, и готовиться, прежде всего, к экономической борьбе с Германией и Италией и выдержать в этой борьбе». По мнению чехословацкого МИД, нацистский режим в Германии продержится достаточно долго, поскольку, согласно К. Крофте, «его поддерживает больше населения, чем Ленина и Муссолини»⁷.

Осенью 1933 г. немецкая делегация покинула конференцию по разоружению, а 19 октября Германия вышла из Лиги Наций. Бенеш, являвшийся в 1934 г. председателем Совета Лиги Наций, активно поддерживал прием в нее Советского Союза. Год спустя, 18 сентября 1934 г., СССР, выступавший за создание системы коллективной безопасности в Европе, стал членом этой международной организации. Центрально-европейские государства реагировали на новую ситуацию по-разному. Польша на склоне правления маршала Пилсудского не разделяла концепцию коллективной безопасности: в январе 1934 г. она заключила с Германией договор о ненападении. Австрия и Венгрия 17 марта подписали с Италией так называемые Римские протоколы, которые упрочили влияние Италии в Центральной Европе. Политика Бенеша в новой международной ситуации оставалась в общих чертах прежней: поддержка Версальских мирных договоров, существующих границ и Лиги Наций, преимущественная ориентация на Францию, которая, как становилось все более явственным, теряла свои лидирующие позиции в Европе. Он активно участвовал в работе Международной конференции по разоружению в 1932–1935 гг. в Женеве. Советский Союз внес на ее обсуждение два проекта: о всеобщем разоружении и проект Конвенции об определении агрессии, которая, в конце концов, была принята конференцией⁸. Но первый ее этап в обстановке растущих противоречий и обструкции Германии закончился неудачей.

В течение 1934 г. СССР и Франция⁹ вели переговоры о заключении Восточноевропейского регионального пакта о взаимопомощи («Восточного Локарно» или Восточного пакта). Поддержанный Чехословакией, он преследовал цель создания эффективного механизма гарантий безопасности в Европе. В июне 1934 г. франко-советский проект пакта был представлен его предполагаемым участникам. Проект предусматривал заключение двух связанных между собой соглашений: 1. Пакта взаимопомощи между СССР, Германией, Польшей, Чехословакией, Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой. 2. Франко-советского пакта. Это позволило бы организовать систему коллективной защиты мира в Европе.

1934 год стал весьма значимым в деятельности Бенеша. Приход к власти Гитлера, его открыто экспансионистские устремления на восток в условиях отсутствия гарантий безопасности центральноевропейских стран, тяга партнеров Чехословакии по Малой Антанте к сближению с нацистской Германией, заключение 25 июля 1932 г. советско-польского договора о ненападении и нейтралитете, направленного против реваншистских устремлений «третьего рейха», подписание 29 ноября 1932 г. советско-французского договора о ненападении, настоятельные выступления Москвы после установления нацистского режима в Германии в поддержку принципа коллективной безопасности в Европе – все это побуждало Бенеша к активизации усилий по установлению нормальных дипломатических отношений с Советским Союзом. Его позиция полностью отвечала политике Ж.Л. Барту, который стремился привлечь СССР к сотрудничеству с Европой, чтобы таким образом уравновесить растущее честолюбие гитлеровской Германии. Признания Советского Союза добивался Бенеш и от партнеров ЧСР по Малой Антанте. На заседании ее Постоянного совета в Загребе 23 января 1934 г. обсуждался вопрос об одновременной нормализации всеми странами Малой Антанты отношений с СССР, что было признано целесообразным. Однако впоследствии это предложение не смогло быть полностью реализовано.

9 июля 1934 г. между СССР и Чехословакией¹⁰ были установлены официальные дипломатические отношения на основе суверенитета обоих государств, невмешательства во внутренние дела и отказа от прежних финансовых претензий друг к другу¹¹. Вслед за этим на основе принципа наибольшего благоприятствования был подписан ряд договоров, создававших предпосылки для расширения экономических связей между СССР и ЧСР. В телеграмме, направленной Э. Бенешем чехословацким миссиям в Японии и США 17 июня 1934 г., говорилось: «Обстановка в Европе, несомненно, абсолютно изменится, если Россия окончательно включится в европейскую политику и особенно после ее вступления в Лигу Наций... Нашу нормализацию отношений с Россией следует рассматривать не только с точки зрения урегулирования наших отношений, а прежде всего как политический акт, имеющий важное значение в условиях перегруппировки сил в Европе, в результате которой мы хотим подготовить обстановку и для сотрудничества с Россией»¹². Те же мысли развивал Бенеш и в выступлении в Национальном собрании ЧСР 2 июля 1934 г.: без решения вопроса о сотрудничестве Советской России с Европой «нельзя вообще и думать о нормальной европейской политике и о

создании действительного равновесия между великими европейскими державами... Разумеется, что и в этой политике мы не будем делать перегибы. Мы будем относиться к Советской России лояльно и дружески, но также по-деловому будем стремиться свое отношение к ней строить постепенно, шаг за шагом, солидно и разумно... мы уверены в успешном будущем этих отношений»¹³. После приема СССР в Лигу Наций советский нарком иностранных дел М.М. Литвинов пригласил Бенеша посетить Москву, предварительно обдумав вопрос о дальнейшем развитии советско-чехословацких отношений и заключении политического договора, своего рода договора о дружбе¹⁴. Принимая это приглашение, Бенеш все же считал, что с поездкой в Москву не следует торопиться и следует выждать, как он выразился в беседе с советским полпредом в Праге С.С. Александровским 23 октября 1934 г., «более подходящего психологического момента»¹⁵. Конфигурация политико-дипломатических группировок в Европе постоянно менялась, и Бенеш, ведя корабль внешней политики ЧСР среди европейских рифов, вынужден был непрестанно маневрировать и лавировать между великими державами.

Вместе с тем Бенеш подчеркивал необходимость продолжения переговоров по заключению Восточного пакта, чему благоприятствовало сближение между Францией и Россией. Одновременно он усматривал и препятствия на пути к его заключению: «Нужно быть готовым к большим трудностям при переговорах, особенно с Берлином и Варшавой; впрочем и Рим будет против... В случае сопротивления и конечной неудачи я считаю правильным, чтобы Париж и далее сближался с Россией... надо считаться и с неудачей попытки создания Восточного пакта, так как препятствия будут большие. Однако в любом случае должно остаться сближение с Россией и ее участие в европейской политике, которое будет полезным и для нас, и для отношений в Центральной Европе»¹⁶, – писал Бенеш в указанной телеграмме от 17 июня 1934 г. Однако ни Германия, ни Польша не поддержали идею пакта. Отрицательно к нему, по сути, относились Англия и США¹⁷. В декабре 1934 г. Литвинов и Бенеш обменялись письмами, подтверждавшими приверженность обоих государств принципам Восточного пакта¹⁸. По всей видимости, обмен письмами был связан с тем, что 9 октября 1934 г. в Марселе в результате террористического акта¹⁹ был убит югославский король Александр Карагеоргиевич и вследствие ранений скончался активный сторонник Восточного пакта Ж.Л. Барту. В декабре 1934 г. в Москву прибыла делегация чехословацких журналистов. Принявший ее представителей М.М. Литвинов дал высокую оценку усилиям чехословац-

ких руководителей в деле сохранения мира: «Ваша страна обладает большими государственными умами в лице вашего президента г-на Масарика, вашего министра иностранных дел г. Бенеша и других, которые слишком хорошо понимают, что нарушение мира в каком-нибудь уголке мира неизбежно повлечет всеобщую войну. Все пограничные столбы во всех границах Европы являются опорами мира, и удаление хотя бы одного такого столба неизбежно повлечет за собой падение всего здания мира...»²⁰.

В декабре 1934 г. между СССР и Францией в Женеве был подписан протокол, по которому обе стороны обязались не заключать двустороннего или многостороннего соглашения, противоречащего идее Восточного пакта или затруднявшего его заключение. Во время январской 1935 г. сессии Совета Лиги Наций в Женеве возобновились переговоры о Восточном пакте. Но ситуация после смерти Барту изменилась. Его преемник на посту министра иностранных дел Франции П. Лаваль вообще не склонен был к активной защите пакта, хотя пока и не отвергал переговоры о нем. Постоянный совет Малой Антанты на заседании в Любляне 11 января 1935 г. подтвердил свою приверженность Восточному пакту. Но начавшееся франко-английское сближение показало, что Франция стала отходить от линии создания системы коллективной безопасности в Европе, в которой важная роль отводилась этому пакту. В Москве делали пессимистические выводы относительно заинтересованности Франции и Англии в его заключении.

Конфигурация военно-политических группировок в Европе быстро менялась, и Бенеш, как опытный лоцман, должен был искусно маневрировать, чтобы ведомый им чехословацкий корабль не наскочил на рифы сложной европейской ситуации. В своей практической деятельности Бенеш был скорее приверженцем широко известного тезиса «железного канцлера» Пруссии (позже Германии) Отто фон Бисмарка: политика – это искусство возможного. Смысл этого выражения состоял в следующем: политика (эффективная политика) имеет дело только с реальностью, с достижимыми целями, все то, что лежит за гранью возможного (реального) – это не политика, а благие пожелания, пустые декларации. Чтобы вписать чехословацкую внешнюю политику в реалии европейской ситуации и добиться положительных результатов, Бенеш вынужден был непрестанно маневрировать, лавировать, идти в случае необходимости на компромиссы, стремясь не обострять отношения ни с великими державами, ни с соседями Чехословакии.

Посланник ЧСР в СССР Б. Павлу в марте 1935 г. характеризовал положение Чехословакии и Бенеша в связи угрозой германской

агрессии как крайне сложное и утверждал: «он, как представитель маленького государства, вынужден играть роль человека, пытающегося убедить в опасности великие державы, в особенности Англию. Английские мозги медленно переваривают новые факты. В этом заключается трагизм положения Бенеша. В Англии считают, что то, что Бенеш говорит, продиктовано только страхом Чехословакии за свое будущее. Это, конечно, верно, но Чехословакия, даже если осуждена погибнуть, будет до конца бороться за свое существование. Вопрос, однако, идет не только о Чехословакии, но и о судьбах мира в целом»²¹. Как раз на следующий день, 16 марта 1935 г., послы Англии, Франции и Италии в Берлине получили текст «Закона о восстановлении сил национальной обороны [Германии]», т.е. введении всеобщей воинской повинности, чем в очередной раз были нарушены статьи Версальского мирного договора. Одновременно печать «третьего рейха» начала кампанию за присоединение Австрии к Германии. На вопрос Александровского во время встречи с Бенешем 19 марта 1935 г. о том, как тот оценивает случившееся, Бенеш по существу ушел от ответа, отделившись фразой, что Малая Антанта и в этом вопросе «идет целиком и полностью за Францией, которая будет протестовать против поведения Германии». Далее, рассуждая о том, следует ли поставить этот вопрос на обсуждение Совета Лиги Наций, он заявил, что он как председательствующий в Совете поставил бы его «лишь при наличии полного единодушия по поводу такого шага между Францией, Англией и Италией. Иначе в Совете произойдет опасный разноречивый». Далее Бенеш заявил, что в случае достижения такого единодушия, он поставил бы вопрос в Совете исключительно с целью фиксации факта нарушения Германией Версальского договора. Затем он заявил, что не стал бы заговаривать о каких-либо санкциях в отношении Германии, поскольку тут уж «ни какого единодушия не будет, и из-за этого лишь пострадает авторитет Лиги Наций». На слова Александровского о том, что английская нота Германии – «это прямая и полная капитуляция Англии перед Гитлером и торжество гитлеровской системы беззащитного игнорирования всей Европы при преследовании целей гитлеровской экспансии, что неминуемо сводится к основному вопросу, к вопросу о близкой войне в Европе», Бенеш, согласно записи беседы Александровским, «поддакивал без особой охоты, а затем сказал, что положение исключительное, но он думает, что все обойдется, и Лаваль договорится о необходимых шагах с кем нужно»²².

Бенеш явно опасался «неаккуратных» оценок сложившейся ситуации, что следует и из его телеграммы чехословацким представитель-

ствам от 21 марта 1935 г.: «ЧСР не относится к действиям Германии трагически, однако считает это событие весьма серьезным». Он полагал, что в будущем Англия и Италии должны «выступать вместе с Францией, а блок великих держав по отношению к Германии должен создать единый фронт». Что касается Чехословакии, то она пойдет вместе с этим блоком и будет последовательно проводить прежнюю политику: «Мы подождем переговоров великих держав, так как объединение великих держав автоматически освобождает нас от необходимости проявлять инициативу. Мы считаем свою прежнюю дружественную линию по отношению к Малой Антанте и Франции, к России и Балканской Антанте²³, точно так же, как и наши корректные действия по отношению к Германии, и на будущее единственно правильными и возможными...»²⁴.

Англо-советские отношения середины 1930-х гг. отличались крайней неустойчивостью, обусловленной острой борьбой в правящих кругах Великобритании за определение курса английской политики в отношении СССР и нацистской Германии. К 1935 г. перевес оказался на стороне группировки, выступавшей за нормализацию англо-советских отношений и развитие торгово-экономических связей между обеими странами. Об этом свидетельствовал визит в Москву лорда-хранителя печати А. Идена в конце марта 1935 г., который был принят И.В. Сталиным и председателем Совнаркома СССР В.М. Молотовым. В ходе бесед Иден признал важность советских предложений о создании системы коллективной безопасности в Европе и, в частности, необходимость заключения Восточного пакта вследствие усиления агрессивного характера внешней политики Германии и наращивания ее вооружений. В коммюнике об итогах визита Идена в Москву говорилось, что СССР и Англия будут проводить политику мира и коллективной безопасности. Подчеркивалось, что организация безопасности в Восточной Европе и пакт взаимопомощи имеют целью «не изоляцию и окружение какого-либо из государств, а создание гарантии равной безопасности для всех участников пакта». Приветствовалось участие Германии и Польши в нем²⁵. Из Москвы Иден отправился в Варшаву, где получил решительный отказ Пилсудского от присоединения Польши к Восточному пакту. Затем Иден посетил Прагу и вел переговоры с Бенешем, которые касались главным образом заключения этого пакта. Информировав Александровского о встрече с Иденом, Бенеш подчеркнул, что он заявил тому, «что для него существует первоначальная идея Восточного пакта, и он не может говорить о его модификациях – это было бы капитуляцией»²⁶. Но негативное отношение Польши и Германии к пакту сделало невозможным его подписание.

СССР, Франция и Чехословакия пошли иным путем. В.П. Потемкин, советский посол в Париже, заявил Ш. Осускому, чехословацкому посланнику во Франции, что Литвинов высказывается за тройственный франко-русско-чехословацкий пакт, о чем и было сообщено в Прагу 10 апреля²⁷. Этот тройственный союз в конце концов и образовался, но в весьма своеобразной форме: в виде двух билатеральных договоров, советско-французского и советско-чехословацкого, но с оговоркой, высказанной в протоколе ко второму из них. 2 мая 1935 г. в Париже был подписан советско-французский договор о взаимопомощи. Вслед за этим²⁸ встал вопрос и о подписании подобного советско-чехословацкого договора. 4 мая Политбюро ЦК ВКП(б), рассмотревшее этот вопрос, приняло постановление дать согласие на текст пакта, аналогичный в основе советско-французскому. В постановлении подчеркивалось, что «в пакте должно быть ясно сказано, что помощь против нападения на территорию СССР и Чехословакии оказывается лишь в тех случаях, когда на помощь жертве нападения выступает и Франция»²⁹. Такое условие предложила включить в договор чехословацкая сторона. Бенеш в соответствии с Уставом Малой Антанты обратился к правительствам Югославии и Румынии с просьбой дать согласие на подписание советско-чехословацкого договора и в начале мая получил от них согласие на это. Однако это вовсе не означало, что партнеры ЧСР по Малой Антанте полностью одобряли сотрудничество с Советским Союзом. Смерть югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Барту 9 октября 1934 г. повлекли за собой ускорение разложения Малой Антанты. Дело в том, что после смерти Александра принц-регент Павел и премьер-министр М. Стоядинович активизировали политику нейтралитета и дружбы в отношении Германии и Италии, что, естественно, пришлось не по вкусу Бенешу. У Румынии были свои претензии к Советскому Союзу из-за Бессарабии, и курс ЧСР и Бенеша на сближение с СССР воспринимался румынами, мягко говоря, без восторга.

3 мая, после того как Бенешу стало известно о намеченной процедуре подписания советско-французского договора, он пригласил к себе Александровского, чтобы «договориться о процедуре оформления аналогичного договора между СССР и Чехословакией». В последующие дни такая договоренность была достигнута, детали уточнены, о чем Бенеш 9 мая сообщил Миссии Чехословакии в СССР и чехословацкому посланнику в Варшаве. В телеграмме последнему отмечалось: «При переговорах мы умышленно действовали так, чтобы не затронуть Польши. Пражский акт не будет обращен про-

тив Польши»³⁰. Литвинов в телеграмме Александровскому от 11 мая подчеркивал: «Мы приняли предложение Бенеша о том, что помощь жертве нападения по договору будет оказываться при условии, если помощь жертве нападения также оказывает и Франция...».³¹ 16 мая 1935 г. в Праге Э. Бенешем и С.С. Александровским был подписан советско-чехословацкий договор о взаимной помощи. Он предусматривал (статья 2) в случае, если СССР или ЧСР явились бы «предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства», Чехословакия и Советский Союз «окажут друг другу немедленную помощь и поддержку». Срок действия договора (статья 6) определялся пятью годами. Предусматривалось, что если он не будет денонсирован одной из сторон по крайней мере за один год до истечения этого периода, то останется в силе без ограничения срока. Однако каждая из сторон имела возможность прекратить его действие, предупредив об этом за один год. В протоколе подписания договора (статья 2) содержалась оговорка, которую чехословацкая сторона считала его важной частью: «...оба правительства признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку... помощь стороне-жертве нападения будет оказана со стороны Франции». Чем объяснить настойчивое желание чехословацкой стороны, Бенеша зафиксировать это условие в данном документе? Автору не известны какие-либо официальные разъяснения по этому поводу, хотя, возможно, они и существуют. Однако некоторые предположения сделать можно. По всей видимости, дело было во внутривосточной ситуации в ЧСР, где имелись не только сторонники сближения Чехословакии с Советским Союзом, но достаточно много противников такого шага. Вот что пишет по этому поводу З. Земан: «Руководство Аграрной партии и некоторые правые политики были обеспокоены изоляцией Чехословакии в Центральной Европе и зондажами Бенеша в Москве... Аграрии, напротив, рекомендовали более тесное сотрудничество с Польшей, т.е. со страной, крайне несимпатичной Бенешу». И далее: «Текст договора с Советами по крайней мере отчасти успокоил опасения правых партий. Красная Армия не могла по своей воле вступить на чехословацкую территорию, а чехословацкое правительство не обязывалось выступить прямо на стороне Советского Союза в случае конфликта. Франция таким образом стала решающей силой в необычайном дипломатическом треугольнике. Париж должен был бы сначала прийти на помощь Москве, и уж потом обязана была бы вмешаться в конфликт и Чехословакия, но в случае нападения на Чехословакию первый ход должна была бы сделать Франция. Договор с Советами внешне помог Бенешу улучшить дипломатическое положение».

ние Чехословакии. Однако она не имела общих границ ни с Францией, ни с Советским Союзом, а гитлеровская Германия буквально начала точить зубы»³². Однако не следует забывать, что и сам Бенеш не питал никаких симпатий ни к большевизму, ни к коммунизму, втайне опасаясь непредсказуемых действий Москвы. Указанной оговоркой, как, предположительно, он думал, суверенная демократическая Чехословакия сможет уберечься от возможных опасностей, грозящих ей со стороны тоталитарного советского государства с его идеей мировой революции. Заключив договор с Москвой, в котором Бенеш видел важное препятствие на пути агрессивной политики гитлеровской Германии, он продолжал возлагать основные надежды на возможную помощь в случае угрозы с ее стороны, на западные державы, и, прежде всего, на Францию.

В Чехословакии договор был ратифицирован 3 июня 1935 г. президентом, в СССР – 7 июня 1935 г. ЦИК СССР. 8 июня в Москве состоялся обмен ратификационными грамотами. Бенеш рассматривал договор как содействие созданию в Восточной Европе региональной системы безопасности, начало которой положено франко-советским договором от 2 мая 1935 г.³³. В день подписания советско-чехословацкого договора был подписан и другой важный, обсуждавшийся Бенешем и Литвиновым еще с сентября 1934 г. документ: Соглашение между СССР и ЧСР об установлении регулярного воздушного сообщения между Москвой и Прагой по маршруту Москва – Киев – Клуз (Румыния) – Ужгород – Прага и обратно. Чехословацкая сторона при этом брала на себя обязательство согласовать с Румынией вопросы, касающиеся регулярных полетов самолетов над румынской территорией. Но урегулирование этого вопроса затянулось, и авиалиния Москва – Прага действовала, в сущности, без договорной основы с Румынией³⁴.

После подписания советско-чехословацкого договора о взаимопомощи Бенеш считал ситуацию подходящей для посещения Советского Союза. Визит состоялся 7–16 июня 1935 г. Во время пребывания в Москве состоялись встречи и беседы Бенеша с генеральным секретарем ЦК ВКП(б) И.В. Сталиным, председателем ЦИК СССР М.И. Калининым, председателем Совнаркома СССР В.М. Молотовым, наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым, наркомом обороны СССР К.Е. Ворошиловым и другими советскими руководителями. 8 и 9 июня Бенеш и Литвинов обсудили вопросы, касавшиеся положения в Центральной и Юго-Восточной Европе. Согласно записи беседы Бенешем от 9 июня, они констатировали, что СССР и ЧСР останутся на позиции коллективной безопасности. В отношении Германии и Польши решено было проводить прежнюю политику и стремиться к заключе-

нию с ними Восточного пакта «пусть в ограниченном, но приемлемом для них объеме». Обсуждался и вопрос о политике Румынии, ее отношениях с СССР и возможности заключения советско-румынского договора о взаимопомощи, к чему был склонен румынский премьер Н. Титулеску. Бенеш обещал свое содействие в этом³⁵. В беседах со Сталиным и Молотовым помимо чехословацко-советских отношений, согласно сообщению «Известий» от 11 июня 1935 г., тщательно обсуждалось «международное положение в Европе с точки зрения интересов мира». При этом констатировалось, что «чувство тревоги за судьбу всеобщего мира, которое овладело за последние два года государствами Европы, не только не улеглось, а, наоборот, стало интенсивнее». Советское и чехословацкое правительства подтвердили решимость стремиться к организации коллективной безопасности в Европе. Итоги своего визита в Москву Бенеш изложил в циркулярной телеграмме, направленной чехословацким дипломатическим представительствам 19 июня 1935 г. Указав, что никаких новых соглашений в Москве подписано не было, а были лишь подтверждены ранее достигнутые договоренности, Бенеш писал: «Москва понимает нашу политику и наше положение в Центральной Европе, понимает значение нашего географического положения и силы, понимает также свою заинтересованность в нашей силе. С точки зрения европейской политики она признает необходимость искреннего и последовательного сотрудничества. Отношения будут развиваться и дальше и достигнут такого же состояния, как наши отношения с Францией». Бенеш подчеркнул прочность советского режима, крепость и хорошее состояние российской армии и ее вооружений. Он расценил укрепление отношений с Москвой как «определенное усиление наших позиций и дальнейший вклад в дело сохранения мира». «Подлинный интерес и политическое участие России в Центральной Европе, – считал Бенеш, – имеют огромное значение для поддержания равновесия в Европе». Но в то же время он писал: «В остальном не буду слишком ускорять развитие, особенно излишне подчеркивать славянскую взаимность, чтобы мы никого зря не пугали»³⁶.

Поездка Бенеша в Россию вызвала неоднозначную реакцию в ЧСР. Коммунисты, поддержав курс на сближение с СССР, одновременно предупреждали, что проведение Бенешем «его нынешней политики не всегда будет для него легким делом ни в коалиционных партиях, ни при многих его контактах с границей». Социалистическая печать в Чехословакии положительно оценила договор и поездку Бенеша в СССР. Она приветствовала усиливавшиеся представления Бенеша, что Советское государство гуманнее Германии,

и что Сталин превращается в умеренного революционера, который свою империю через национализм приведет к большей демократии. Промышленные круги в лице президента управленческого совета заводов «Шкода» Карела Ловенштейна считали, что «Альянс с Россией в данных обстоятельствах был единственно правильным шагом, который могла сделать наша внешняя политика»³⁷. Правые обрушились на Бенеша с критикой договора. Они не доверяли Москве, и подпись Бенеша под договором в их глазах его имиджу не содействовала. Правые не переставали обвинять его в том, что он открывает большевизму двери в Европу. К. Крамарж, также заявлявший, что для Чехословакии жизненно важно, чтобы Россия (но не большевистская) заняла ключевые позиции в мировых деяниях, с горечью комментировал происшедшее: «Предательство славянства довершено... С каким народом думает пан министр дружить: с тем несчастным народом, который умирает с голоду, который мучается в Соловках и концентрационных лагерях или наподобие рабов фараона копает канал между Белым и Балтийским морями, либо с “народом”, который живет в роскоши и избытке в Кремле...»³⁸. Словацкая народная партия А. Глинки также заняла негативную позицию по отношению к договору.

29 сентября 1935 г. Бенеш обсудил ситуацию в Европе с П. Лавалем, подробно изложив позицию ЧСР в центральноевропейских делах и, в частности, ее политику в отношении Германии. «Мы являемся препятствием для политики Германии в Центральной Европе, которая неприемлема для стран Запада, – заявил он. – Если Германия пойдет против Западной Европы, то она, прежде всего, пойдет против нас, чтобы затем иметь возможность выступить против Франции и Западной Европы». Бенеш считал, что, если Франция, Англия, СССР, страны Малой Антанты и Балканской Антанты будут «действовать заодно», то «с Европой ничего не случится. Это наша наилучшая возможная гарантия сохранения мира на континенте». Перейдя к «русскому вопросу», Бенеш подчеркнул, что «в этой концепции Россия является необходимым членом». Он связал советско-чехословацкий договор с советско-французским договором и с Локарно, посчитав, что в эту систему должна быть включена и Англия: «Франция нуждается во всей этой взаимосвязи. На Польшу она не может рассчитывать», с чем, как значится в записи беседы, Лаваль выразил живое согласие. Бенеш убеждал его, что «для совместной политики Англии и Франции Россия как партнер необходима, ибо если Россия не будет с нами, то она окажется в одном лагере с Германией. Этому нужно воспрепятствовать... Для нас, для Чехословакии русская карта является чрезвычайно

важной. Мы смотрим и на Восток, и на Запад. В качестве дополнения к нашей политике по отношению к Франции нам нужна своя политика по отношению к России... С одним Востоком мы не можем идти и не пойдем. Всегда только с Востоком и Западом»³⁹. Этой, намеченной им еще в 1935 г., то есть за несколько лет до Мюнхена, линии, Бенеш продолжал следовать до конца своей жизни. Убеждать Лавала вследствие его личных резко антикоммунистических и антисоветских позиций было трудно, но в конце концов он заявил, что договор с Россией он подписал и будет защищать его⁴⁰.

Выступая 5 ноября 1935 г. в палате депутатов Национального собрания ЧСР с оценкой международной обстановки, Бенеш особо остановился на чехословацко-советских отношениях, еще раз напомнив обстоятельства подписания договора и подчеркнув, что он «контролируется всей международной общественностью». «Нет никакого сомнения в том, – заявил Бенеш, – что с момента вступления Советского Союза в Лигу Наций Чехословакия действительно была заинтересована в соглашении с этим великим государством, представляющим одну шестую часть мира, жизненно заинтересованным в сохранении мира в Европе... Мы уважаем государственное устройство Советского Союза и хотим, чтобы с уважением относились и к нашему внутриполитическому строю». Он выразил уверенность в дальнейшем развитии дружественных чехословацко-советских отношений, которые послужат «не только безопасности нашего государства, но и делу прочного европейского равновесия и поддержке той мирной миссии, которую осуществляет наше государство в Центральной Европе». Речь Бенеша неоднократно прерывалась аплодисментами и возгласами поддержки⁴¹. Но не все обстояло так гладко с отношением к личности Бенеша как претендента на занятие высшего государственного поста в государстве. Осенью 1935 г. в стране развернулась острая политическая борьба, связанная с подготовкой к президентским выборам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 88.

² О. Юнг – американский банкир, возглавлявший группу экспертов по разработке плана.

³ Zeman Z. Edvard Beneš. S. 89.

⁴ Ibid. S. 109.

⁵ Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 1. М., 2005. С. 167.

⁶ Edvard Beneš československý a evropský politik. Praha, 1994. S. 66.

⁷ *Dejmeš J. Nacistická třetí říše a československá diplomacie 1933–1938 // Moderní dějiny. 5. Sborník k dějinám 19. a 20. století. Praha, 1997. S. 126–127.*

⁸ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее – ДМИСЧО). Т. 2. М., 1977. С. 550–552. Чехословацким посланником в Москве был назначен Б. Павлу, советским в Праге – С.С. Александровский. 18 июля 1934 г. он вручил свои верительные грамоты Т.Г. Масарику. Процедура ввиду болезни президента состоялась в его имени в Ланах, в 40 км от Праги (ДМИСЧО, 3. М., 1978. С. 24, 36).

⁹ Активным сторонником франко-советского сближения был министр иностранных дел Франции Ж.Л. Барту, который стремился воспрепятствовать попыткам милитаризации Германии и росту германского реваншизма. Заявляя, что Восточный пакт не является исключительно франко-русской комбинацией, он не исключал в случае его провала двустороннего франко-советского пакта.

¹⁰ В тот же день СССР признала и Румыния. Югославия это сделала лишь в 1940 г.

¹¹ ДМИСЧО, 2. С. 593–594.

¹² ДМИСЧО, 3. С. 16–17.

¹³ Там же. С. 28, 30.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 53.

¹⁶ Там же. С. 16–18.

¹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М., 1971. С. 741–742, 617–618; ДМИСЧО, 3. С. 18 (примеч. 3).

¹⁸ ДМИСЧО, 3. С. 64–65.

¹⁹ Террористический акт, именованный «Тевтонский меч», был подготовлен при активном участии Г. Геринга.

²⁰ ДМИСЧО, 3. С. 69.

²¹ Там же. С. 78.

²² Там же. С. 79–81.

²³ Балканская Антанта (Балканский пакт) – военно-политический союз между Грецией, Румынией, Турцией и Югославией, заключенный в Афинах 9 февраля 1934 г. с целью сохранения на Балканах постверсальского статус-кво. Был разработан французской дипломатией, нашел поддержку англичан. Во второй половине 30-х гг. правительства стран-участниц союза выступили против сотрудничества с СССР и организации коллективной безопасности. После начала Второй мировой войны союз прекратил существование.

²⁴ ДМИСЧО, 3. С. 82 (примеч. 6 к док. 47).

²⁵ Известия. 1935. 1 апреля.

²⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М., 1973. С. 631.

²⁷ ДМИСЧО, 3. С. 94.

²⁸ К. Крофта в выступлении перед ведущими сотрудниками чехословацкого МИД 25 апреля 1934 г. говорил: «...Чехословакия не может начать переговоры о заключении договора с Россией раньше, чем будет достигнуто соглашение с Францией, потому что мы не можем идти впереди Франции и мы не можем заключить договор раньше, чем она. Италия боится нашего сближения с Россией из-за опасения нового панславизма в Европе. Польша также отрицательно смотрит на наш союз с Россией. Министр Бенеш прямо сказал Литвинову, что мы не хотим, чтобы русско-чехословацкий договор был направлен против Польши» (ДМИСЧО, 3. С. 97).

²⁹ Цит. по: Чехия и Словакия в XX веке. С. 168.

³⁰ ДМИСЧО, 3. С. 111 (примеч. 1 к док. 62).

³¹ Там же. С. 112.

³² *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 91–92.*

³³ ДМИСЧО, 3. С. 113–117.

³⁴ Там же. 117–122 (и примеч. 3 к док. 66).

³⁵ Там же. С. 137. Однако усилия Бенеша ни к чему не привели: Румыния отказалась подписать договор с СССР, чему способствовали негативная позиция румынских правых сил и короля Кароля, а также угроза Польши расторгнуть в этом случае польско-румынский договор.

³⁶ ДМИСЧО, 3. С. 148–149.

³⁷ *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 113.*

³⁸ *Odkaz a pravda dr Karla Kramáře. Praha, 1939. S. 71–72* (цит. по: *Zeman Z. Edvard Beneš. S. 113*).

³⁹ ДМИСЧО, 3. С. 185–187.

⁴⁰ После долгих проволочек в феврале–марте 1936 г. договор был ратифицирован палатой депутатов и сенатом Национального собрания Франции.

⁴¹ ДМИСЧО, 3. С. 191–192.

НА ПУТИ К ПРЕЗИДЕНТСКОМУ КРЕСЛУ

24 мая 1934 г. Томаш Гарриг Масарик, которому исполнилось уже 84 года, был в четвертый раз избран президентом Чехословакии. В Национальном собрании, впервые собравшемся для избрания главы государства во Владиславском зале Пражского Града, он получил 372 голоса депутатов и сенаторов, рекордное число. 53 бюллетеня оказались пустыми. Единственный его соперник, руководитель Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) Клемент Готвальд – коммунисты выступали под лозунгом «Не Масарик, а Ленин!» – получил 38 голосов. Когда вновь избранный президент приносил присягу, которая транслировалась по радио, от радиослушателей не ушло, что текст присяги ему подсказывали. Лишь самый близкий круг посвященных знал, что президент почти слеп. Согласно его личному врачу д-ру Мекснеру (Maixner), «правый глаз Масарика уже в течение нескольких лет был серьезно поражен катарактой», а за месяц до выборов, после инсульта, и левый глаз, хотя и временно, перестал видеть. Однако Масарик считал, что он должен участвовать в выборах, так как, по его мнению, тогда не существовало ни одного кандидата, имевшего надежду на успех, и могла возникнуть угроза государственного кризиса. Партийные лидеры продолжали возражать против избрания на пост президента человека, которого предлагал и жестко отстаивал Масарик: против Бенеша, которому в мае 1934 г. исполнилось 50 лет. Среди политического истеблишмента у него имелось много недругов и оппонентов, которые считали, что он не имеет достаточного опыта руководства внутренней политикой, что ему свойственны закулисные методы работы и склонность к авторитаризму, что он не способен находить общий язык и достигать соглашения с лидерами политических партий. Правые политики выдвигали и другие важные обвинения: Бенеш – убежденный социалист, а во внешней политике склонен к установлению «дружбы» с большевика-

ми (СССР). С возрастом, как пишет З. Земан, острые грани характера Бенеша не сгладились¹, и, по всей видимости, он и не собирался «изменять себя». В беседе с С.С. Александровским 8 января 1936 г., т.е. несколько дней спустя после того, как он стал президентом, Бенеш со свойственной ему самоуверенностью заявил, что «все время был абсолютно уверен» в результатах выборов. Они, отметил он, могли пройти еще два года назад, но, якобы по его договоренности с Масариком, это должно было произойти только после установления дружеских взаимоотношений Чехословакии с СССР: «Лишь после этого Масарик считал правильным уйти и передать свое место Бенешу. Бенеш раньше, дескать, не мог сказать этого открыто, но теперь может и предлагает сделать из этого вывод, как серьезны были намерения его и Масарика по отношению к СССР»². Возможно, это и являлось одной из причин отсрочки выборов, но были другие, связанные с внутривластным положением в стране и оценкой личности Бенеша как претендента на пост президента. Много наблюдений в этом плане сделано в книге З. Земана, тщательно отслежившего при опоре на широкий круг источников все перипетии политической борьбы в ЧСР в ходе предвыборной кампании³. Данная глава базируется главным образом на собранных им по этому вопросу материалах.

Как уже говорилось ранее, Масарик поднял вопрос о кандидатуре Бенеша на пост президента сразу после своего возвращения на родину, затем снова ставил его не раз. При этом Масарик вел переговоры главным образом с поддерживающими группировку «Града» политическими лидерами, но даже и их позиция не была однозначна. Когда в начале 1930 г. – тогда отпраздновали восьмидесятилетие Масарика – в печать просочились инспирированные президентом слухи, что он подумывает об отставке и рассчитывает на избрание Бенеша, возникли неожиданные проблемы. Социал-демократическая партия заявила, что в этом случае, по всей видимости, выставила бы своего кандидата, а также оказалось, что Бенеш не пользуется безоговорочной поддержкой всех видных деятелей своей собственной национально-социалистической партии, не говоря уже о лидере национально-демократической партии Крамарже. Бенеш, который не оставлял надежды при поддержке Масарика стать президентом, не выпустив при этом из своих рук «вожжи дипломатии», грозил в случае, если его не выберут, уйти из политической жизни и эмигрировать. Следует отметить, что во всех партиях и крупных общественных движениях (например, в Обществе легионеров, Союзе учителей) у него было много приверженцев. Бенеш и группировка «Града» пользовались серьезной поддержкой прессы и любовью

деятелей культуры и писателей. Кроме того, как пишет Земан, Бенеш не гнушался использовать секретные фонды подвластного ему министерства иностранных дел, чтобы сделать обязанными себе видных общественных деятелей. Различные поддержки и личные кредиты, концессии в предпринимательстве и сведения о транзакциях, осуществляемых высшими должностными лицами зачастую на грани законности, давали ему в руки мощное оружие. Он поддержал, например, одного из лидеров словацких аграриев, Вавро Шробара, которому требовались деньги для санатория в Тренчианских Теплицах. Сравнительно дешево Бенеш снискал «бесконечную благодарность» пани Белы Сыровой и ее мужа, начальника Генерального штаба, который не смог рассчитаться со своими долгами⁴. Методом подкупа Бенеш привлекал на свою сторону и людей из числа национальных демократов, чтобы умерить остроту нападок их печати на проводимую им внешнюю политику.

В 1932 г. появилась серьезная пробоина в антибенешевском фронте. В августе к Масарику обратился лидер словацких аграриев Милан Годжа, который наряду с Андреем Глинкой считался одним из самых способных словацких политиков. По некоторым сведениям, Годжа дал понять, что «готов разбить аграрную партию и проводить желаемую Градом политику, если будет поддержан в финансовом отношении, на что потребовалось бы 3-4 миллиона крон». Тем самым Годжа предложил содействие своей партии в поддержке Бенеша на президентских выборах. Сначала Бенеш сомневался в этом предложении: с Годжей у него по ряду причин не сложились отношения. С лидером словацких аграриев вел переговоры адвокат Вацлав Боучек, довоенный соратник Масарики по партии и серый кардинал президента. Годжа вел накладный образ жизни, подозревался в коррупции и имел огромные долги. В разговоре с Боучеком он в обмен на свою и аграрной партии лояльность к «Граду» и Бенешу требовал снятия с него подозрений в коррупции, финансовой поддержки и высоких государственных постов: «Да, я хочу стать министром иностранных дел или иным министром, хочу стать и председателем правительства..., если отношение пана президента ко мне будет ясным»⁵.

Непосвященных поэтому удивило, когда Масарик 29 октября 1932 г. при смене правительства добился введения в кабинет Я. Малипетра на ключевой пост министра сельского хозяйства консервативного Годжу. Он только немного проиграл борьбу за пост председателя правительства. Поражению способствовали и слухи о согласии Годжи поддержать кандидатуру Бенеша на пост президента, которые обеспокоили настроенную против «Града» часть аграриев.

Кроме того, с острой критикой Бенеша и его политики опять выступил А. Швегла, здоровье которого в 1933 г. несколько улучшилось. Предполагалось даже, что он может выставить свою кандидатуру на пост президента. Если бы Швегла выиграл выборы, шансы Бенеша попасть на это кресло изрядно уменьшились бы. Даже после смерти Швеглы в декабре 1933 г. Масарик считал, что шансы Бенеша невелики, а рисковать он не хотел. Противники Бенеша сплотились под лозунгом: «Масарик – пожизненный президент». Да и сам Масарик, как пишет Земан, с возрастом утратил решимость уйти с поста, ему казалось, что он еще многого не сделал. Так, в мае 1934 г. Масарик снова стал кандидатом в президенты.

Сторонник Бенеша Ф. Пероутка советовал ему для упрочения своих политических позиций в преддверии выборов заручиться помощью социалистических партий, но оказалось, что и это осуществить очень трудно. Социал-демократы во главе с их лидером Антонином Гамплом колебались в поддержке кандидатуры Бенеша. В национально-социалистической партии власть в своих руках стремился держать ее вице-председатель Эмил Франке, который не симпатизировал Бенешу. Осенью 1933 г. «Град» получил тревожное сообщение: Франке и социал-демократы готовятся к акции, организованной Швеглой, с целью изолировать Бенеша, не допустить его участия во всех государственных и внутривластных делах и ограничить его деятельность только вопросами внешней политики. Кандидатура Бенеша на пост президента должна была быть отвергнута, после чего последовало бы его устранение с поста министра иностранных дел⁶. Но «заговор» так и остался на уровне политической интриги, поскольку Бенеш свою кандидатуру на выборах главы государства в 1934 г. не выдвигал.

Все это происходило на первом году правления Гитлера и во время великого экономического кризиса, который нанес жестокий удар по зависящей от экспорта Чехословакии. При этом особенно пострадало немецкое население пограничных областей Чешских земель, где концентрировалась большая часть легкой, работавшей на экспорт промышленности. Экономический кризис способствовал эскалации национальных споров; дело дошло до принятия законов, предоставлявших президенту и узкой группе министров лишь от чешских и словацких партий чрезвычайные полномочия в проведении одобренных законом мер преимущественно экономического характера. Одновременно вступил в силу закон «об охране республики», который давал возможность преследования немецких националистов. Некоторые лидеры правящих партий, особенно аграрной и

национально-социалистической, требовали установления «сильной демократии».

По словам Вацлава Клофача, основателя и председателя национально-социалистической партии, в которой он являлся самой крепкой опорой Бенеша, «мы переживаем очень интересное время, когда кончается старая эпоха со всеми ее такими же старыми богами и рождается новая, в которой мы делаем первые шаги, находимся в поиске, когда вся старая цивилизация переживает кризис. И тот же парламентаризм и все, что с ним связано, требуют глубокой ревизии, поскольку все это остаток старых капиталистическо-либералистических тенденций»⁷. Бенеш и сам начал размышлять о конце классической демократии и либерализма. Его убеждение, что основу современной демократии составляют равенство и братство, в то время как третий принцип, свобода, может быть в интересах достижения первых двух ограничен, позволило Бенешу подумывать о правительстве сильной руки. По крайней мере, полагает Земан, в одном случае Бенеш зашел дальше, чем это подобало политику демократического формата. Он разработал проект проведения съезда национально-социалистической партии, который должен был напоминать массовые съезды нацистов в Нюрнберге. В проекте Бенеш уделял минимальное внимание тому, что будет обсуждаться, и полагал, что нельзя допускать критическую дискуссию. Основной докладчик, согласно нему, должен был бы овладеть актерским мастерством, ведь «никому не удастся своей речью зажечь слушателей больше, чем Гитлеру, к тому же известно, что Гитлер разучивает свои речи, как по нотам... Следует каждое действие на съезде буквально в подробностях режиссировать». Высшей точкой обсуждения должно стать «горячее признание веры, силы и воли, выраженное в последние минуты съезда так, что невозможно будет даже формально закрыть съезд из-за воодушевления делегатов»⁸.

После избрания Масарика в мае 1934 г. президентом в состоянии его здоровья наблюдалось постоянное ухудшение. Ему даже трудно было ставить свою подпись, и на его столе грудились кипы неотработанных документов: в июле 1934 г. начали пользоваться факсимильной печатью, которую президент лишь брал в руку. Посетители Лан поговаривали об отставке президента и избрании Бенеша. В середине августа, согласно сообщению врача президента Бенешу, у Масарика случилось «два приступа головокружения», после которых «стали плохо слушаться нога и язык, ухудшилась речь»; признаки указывали на паралич, который прогрессировал, однако острой опасности смерти не было. 27 августа Масарик почувствовал себя очень плохо

и даже подумал, что умирает. Дочери Алисе он попытался продиктовать последние указания, при этом на английском языке, поскольку уже в течение нескольких дней не мог хорошо выражать свои мысли на другом языке: «Я могу умереть, и вообще не боюсь этого. Можете абсолютно доверять Янде (сыну Масарика Яну. – В. М.) и Бенешу. Я хотел бы высказать пару мыслей. Очень коротких и совершенно откровенных, но не для опубликования. Я устал. Я очень болен, Элишко, ты это знаешь, может наступить смерть. Я хочу иметь восприимчивом Бенеша. Настоящая демократия. У меня пара... Далее отец не мог говорить»⁹. Хотя организм Масарика преодолел кризис начала осени, нельзя было не заметить, что состояние его здоровья не позволяет ему нести бремя президентского поста. В январе 1935 г. без его ведома было решено, что он может иногда и накоротке принимать референтов президентской канцелярии, время от времени кого-нибудь из министров, но совершенно исключались визиты дипломатов. С визитерами, которых президент не знал, он не разговаривал.

19 мая 1935 г. в Чехословакии состоялись очередные выборы в парламент, которые показали рост серьезного влияния созданной в 1933 г. Судето-немецкой партии во главе с К. Генлейном. Она установила тайные контакты с Германией, получала оттуда финансовую поддержку, но официально заявляла о лояльности к Чехословацкой республике. В Словакии одержал победу автономистский блок, объединившийся вокруг партии А. Глинки. Эти две партии заняли в парламенте сильные позиции. Аграрная партия во главе с новым председателем Р. Бераном осталась сильнейшей среди чешских и словацких политических партий в правящей коалиции, но утратила свое первенство в общегосударственном масштабе. Во внешней политике она взяла курс на постепенное сближение Чехословакии с нацистской Германией. Во вновь избранной Палате депутатов усилился, таким образом, перевес правых партий над социалистическими. Поляризация политических сил в ЧСР углубилась, стабильность государства оказалась нарушенной. Однако после выборов было обновлено правительство «широкой коалиции» во главе с аграрием Я. Малипетром, о чем Масарик объявил в июне 1935 г.

Масарик и Бенеш полагали, что укрепление позиций праворадикальных политических сил в стране является временным, и что в Чехословакии нет почвы для тоталитарной партии нацистского типа. Не отступил Бенеш и от курса на поддержание нормальных отношений с Германией, несмотря на усиление в ее верхушке агрессивных настроений. 6 ноября 1935 г., т.е. два года спустя после прихода Гитлера к власти, Бенеш заявил в Палате депутатов НС: «Наши

политические отношения с Германией, поддержанные нормальным развитием экономических отношений, остаются хорошими. Не имея с Германией никаких прямых споров, мы сближаемся с ней автоматически с каждым ее сближением с нашими друзьями»¹⁰. Под «друзьями», очевидно, имелись в виду западные демократии.

В это время Бенеш получил неожиданную поддержку со стороны компартии. Под влиянием развития событий в Германии чехословацкие коммунисты, следуя решениям VII конгресса Коммунистического Интернационала (июль–август 1935 г.), начали оставлять политику принципиальной враждебности к «Граду» и социал-демократии. В обстановке усиления фашистской опасности они выступили с идеей создания единого рабочего и широкого народного фронта для защиты буржуазной демократии. Поэтому коммунисты решили поддержать социалистические партии в борьбе против всего «реакционного» и антидемократического. Естественно, они одобрили заключение советско-чехословацкого договора и курс Бенеша на сближение ЧСР с Советским Союзом. Примирение коммунистов с Бенешем и «Градом» сохранялось вплоть до президентских выборов. Происходили и другие неожиданные вещи. Бенеша начал поддерживать Ватикан, который оценил его миролюбивую политику в отношении Святого престола. Ввиду этого за Бенеша стали выступать и католические партии, за исключением пока партии Глинки (словацких людаков).

9 сентября 1935 г. Бенеш был избран, как единственный кандидат, председателем 16 пленарного заседания Лиги Наций. Его краткое пребывание на этом посту пришлось на беспокойное время: в октябре 1935 г. Италия Б. Муссолини напала на Эфиопию (Абиссинию). Западные державы реагировали на агрессию неуверенно и нерешительно. Немедленным созывом пленарного заседания Лиги Наций для обсуждения вопроса о санкциях против Италии Бенеш усилил неприязнь Муссолини к себе и своей стране. Но для Бенеша речь шла об одном из принципиальных вопросов европейской безопасности: о способности Лиги Наций выступить против агрессора, поскольку и Чехословакии вскоре могла бы потребоваться ее помощь. Но ни одна из ведущих западных держав не осудила агрессию Италии против Эфиопии. Более того, Англия и Франция развернули активную деятельность, чтобы не допустить применения против Италии экономических санкций. В этих условиях Бенеш как председатель пленарного заседания Лиги Наций тоже занял осторожную позицию и вынужден был маневрировать. Заседание, по сути, не принесло ожидаемых результатов и не послужило укреплению авторитета Лиги

Наций. Безнаказанность агрессии привела к росту международной напряженности.

К осени 1935 г. Масарик стал осознавать неизбежность своей отставки. Он был молчалив, нетерпелив, и, казалось, пребывал в ожидании какого-то решительного поворота в ситуации. Президент иногда выезжал на автомобиле в направлении Праги, но перед ней приказывал повернуть обратно¹¹. В конце августа Масарик снова начал говорить о своей отставке. Архивариус Масарика А. Гашпарикова, которая находилась в приятельских отношениях с Алисой Масариковой, полагала, что к мысли об отставке Масарика подводят Бенеш, Ян Масарик и особенно лечащий врач президента. Этот последний 28 октября 1935 г., в день годовщины основания государства, рекомендовал Масарику подать в отставку, «и даже якобы информировал некоторых политиков, что состояние здоровья президента внушает опасения», сетовала Гашпарикова¹². Масарику это предложение сначала не понравилось. Председатель Чехословацкого национального совета профессор Богумил Немец рассказывал, что во время аудиенции по случаю торжества в тот же день Масарик, отвернувшись, тихо сказал об этом, добавив, что этого от него требуют и что вообще «много неблагодарности»¹³. Это был, по словам Земана, один из немногих моментов, когда Масарик открыто говорил о своем огорчении и обнаружил признаки сопротивления.

Вопрос об избрании президента снова выступил на первый план после внутривластных перемен осени 1935 г. Годжа по решению аграрной партии и с согласия президента сменил Малипетра на посту председателя правительства, а освобожденное им кресло министра сельского хозяйства занял один из правых аграриев Йозеф Задина. Малипетр, имевший президентские амбиции, был перемещен на кресло спикера парламента. 31 октября 1935 г. Годжу в Ланах принял Масарик, который, выразив согласие с его назначением на пост премьер-министра, сообщил ему, что задачей его правительства станет обеспечение выборов нового президента, рекомендовав на это кресло опять Бенеша. Бенеш рассчитывал на поддержку Годжи, который был на 6 лет старше него. Лидер аграриев Беран далеко не симпатизировал Бенешу, но готов был поддержать его кандидатуру, если не встретит принципиального сопротивления руководства партии.

И Бенеш решил действовать. 18 ноября 1935 г. после обеда в Ланах он сообщил Масарику следующее: на основании разговора с лечащим врачом и детьми Масарика, а также взвесив внутреннюю и заграничную ситуацию, он пришел к выводу, что настало подходящее время для подачи прошения об отставке, «если бы господин

президент пожелал» этого. Сегодня, «очевидно, президентские выборы и мое избрание могли бы состояться», добавил он. Как полагал Бенеш, с «партиями все ясно, кроме аграриев, среди которых часть за, часть против», и эти последние стремятся продлить состояние неуверенности, которое им подходит. Бенеш при этом подчеркнул, как «важно, чтобы господин президент абсолютно самостоятельно и свободно высказал свою точку зрения, поскольку идут разговоры о том, что на него оказывается давление». Он уверял Масарика, что в дальнейшем они стали бы работать, как и прежде, что «всё бы осталось по-старому», и Масарик мог бы помогать ему. На это президент ответил, что, если все подготовлено, то, он, конечно, подаст в отставку. И немедленно, еще на этой неделе. Но Бенеш на новом посту не может рассчитывать на его помощь, он не хочет быть связанным (*ex obligo*). Бенеш полагал, что в немедленной отставке нет необходимости, что нужно подождать, когда примет решение руководство аграрной партии. Наконец, они решили, что Масарик сообщит о намерении уйти с президентского поста не путем прямого прошения об отставке, а за три дня до нее председателю правительства Годже, а затем лидерам партий. Избрание нового президента в этом случае могло бы состояться еще до конца ноября¹⁴.

На другой день Масарик принял председателя Палаты депутатов парламента Малипетра. Он уговаривал Масарика не подавать в отставку, поскольку успех избрания Бенеша в ближайшее время еще далеко не гарантирован. И ему действительно удалось поколебать решимость Масарика. Бенеш, которого Масарик 20 ноября пригласил к себе, положил конец нерешительности президента утверждением, что «если дело начато, нельзя оставлять его на милость одной партии». И особенно тогда, когда «все остальные партии уже об этом знают», подчеркнул Бенеш. Однако он рекомендовал опять, чтобы президент не уходил в отставку немедленно, а только сообщил об этом близком и окончательном намерении Годже, дал тому «определенное время и поручил ему провести все дело». Годжа был официально приглашен в торжественно иллюминированные Ланы на пять часов вечера 21 ноября. Масарик ожидал его в спальне вместе с несколькими людьми из своего окружения. Годжа заявил, что «был поставлен перед дилеммой, должен ли он просить, чтобы господин президент и далее сохранил свой пост» или же «допустить его отставку по состоянию здоровья». На вопрос Годжи, считает ли Масарик свою отставку действительно необходимой, премьер получил утвердительный ответ и мнение президента: «Это должно было случиться уже давно... Я, собственно, не знаю, почему это так долго тянулось, на этот раз это уже должно про-

изойти...», но когда, он не сказал. Годжа констатировал, что в создавшейся ситуации он должен собрать совещание основных министров и посоветоваться с руководителями коалиционных партий, которые не входят в правительство; для соответствующих переговоров потребуется 10-14 дней. Масарик попросил его «провести это быстро». Начальник канцелярии президента П. Шамал спросил Масарика, есть ли у него какие-нибудь пожелания относительно его преемника. Президент полагал, что «им станет Бенеш. Всё говорит за это. Я бы хотел, чтобы все прошло спокойно». Годжа заверил, что все дело будет решено достойным способом, соответствующим масариковскому духу и традициям. Обещал рекомендацию Масарика относительно Бенеша передать «решающим деятелям». После этого Масарик задал вопрос: «А что будет со мной?». Годжа и Шамал уверили его, что он и далее останется в Ланах и что в распорядке его жизни ничего не изменится. Годжа попросил дать ему возможность и далее с ним советоваться, естественно, с согласия будущего президента. Масарик показал жестом, что считает разговор оконченным¹⁵.

Сразу на другой день, 22 ноября, Бенеш и Годжа договорились о выдвижении единого кандидата коалиции. Они ожидали, что руководство аграриев одобрит план, хотя Годжа допускал, что в верхах партии могут прозвучать и голоса против Бенеша. 26 ноября переговоры с Бенешем провел Беран, уполномоченный на это руководством своей партии. На основании разговора у Бенеша осталось впечатление, что его кандидатура пройдет без больших трудностей. Но они возникли: председатель аграрной партии выступил против предложения Бенеша о занятии поста министра иностранных дел после его ухода безапелляционным сторонником «Града» Камилом Крофтой. Бенеш знал, что Беран предлагал кресло в Чернинском дворце посланнику в Германии Войтеху Мастному, тот однако отверг предложение под предлогом, что он чересчур стар и предпочитает работу за границей.

Заседание президиума аграрной партии 28 ноября показало, что ни Беран, ни Годжа пока не держат в своих руках руководство партии так крепко, как Швегла. В верхушке партии наблюдались колебание и отсутствие единства, хотя долго ожидаемая кандидатура Бенеша многим и казалась очевидной. Необходимость избрания нового президента ошеломила руководство аграриев, снова раздалось голоса о пожизненности президентства Масарика или о возвращении к старому плану Швеглы об избрании после Масарика формального главы государства без широких полномочий. В конце концов, принципиальное указание, принятое на заседании, свелось к следующему: «оттягивать и далее решение вопроса»¹⁶.

Противники Бенеша быстро сплотились для наступления. Особо активно были правые аграрии, которые рассчитывали получить поддержку и части социалистов¹⁷. Первое совещание руководителей правительственной коалиции по вопросу о выборах президента, состоявшееся 28 ноября, отвергло предложение попробовать снискать согласие Масарика на пожизненное президентство. Совещание пришло также к заключению, что кандидат коалиции будет назван после того, как каждая партия внесет свое предложение. Обстановку накалила и кампания в зарубежной прессе (прежде всего, в швейцарской) о грядущей отставке Масарика и якобы бесспорном избрании Бенеша на пост президента. Агитация в поддержку Бенеша, развернувшаяся сначала в заграничной прессе, была подхвачена потом чехословацкой печатью, поддерживавшей «Град». Безмерное восхваление Бенеша вызвало в стране неблагоприятный отзвук. Газеты правых буржуазных партий критиковали недемократические методы «Града» и социалистических партий, стремящихся диктовать народу свою волю. Разгорелась яростная журналистская битва, которая лишь затрудняла возможность спокойного достижения договоренности внутри коалиции¹⁸.

30 ноября оппозиционное Национальное содружество, в котором под лозунгом «Ничего, кроме народа!» объединились национальные демократы с другими крайне националистическими группами, выдвинуло своего собственного кандидата на пост президента, семидесятипятилетнего Крамаржа. Но это было скорее демонстративным жестом. На следующий день, 1 декабря 1935 г., Бенеш имел конфиденциальный разговор с Годжей. Тот, несмотря на obstruction части руководства аграриев, сохранял оптимизм относительно избрания Бенеша. Однако он был обеспокоен вопросом о том, кто займет кресло в Чернинском дворце, и отверг предложенную Бенешем кандидатуру Крофты. Годжа был заинтересован в объединении этой функции со своим премьерством и напрямую предложил Бенешу разделить власть в государстве между представляемыми ими течениями. Согласно записи разговора Бенешем, Годжа заявил, «что рабочие и крестьяне должны быть вместе, только в форме коалиции, что он думает, что им вместе было бы хорошо, что у него были бы правые, а у меня левые, и что так дело могло бы пойти...». «Я сказал, – значит дальше в записи Бенеша, – что я хотел бы такого сотрудничества и приглашения, и уходя еще добавил: И *навсегда*. Он крепко пожал мне руку»¹⁹. Однако между Бенешем и Годжей, как считает Земан, тогда едва ли установилось действительное доверие. Бенеш своих врагов прощал с трудом, а Годжа ему в прошлом доставил, несомненно,

много неприятностей. Согласно Бенешу, Годжа вел себя коварно, поскольку заверил его только в том, что аграрии не выставят собственного кандидата, но не обратил его внимания на то, что они могли бы против него поддержать другое лицо.

Годжа попросил Бенеша организовать немедленный прием Берана президентом, который бы ему лично подтвердил окончательное намерение подать в отставку. Некоторые аграрии тоже считали, что президента вынудили просить о ней. Во время аудиенции, состоявшейся в тот же день, Беран передал Масарику просьбу руководства аграриев остаться пожизненным президентом, пусть и с заместителем. Он обратил внимание на то, что в руководстве партии нет единства, и обострились противоречия. Масарик, хотя и сказал, что «усиление борьбы было бы не к добру», настаивал на отставке, поскольку не справляется с обязанностями: «Я прошу вас освободить меня от этой функции. Я не могу быть фигурантом». Уходя от Масарика, Беран якобы сказал, что он спокоен, поскольку может заверить руководство партии, что Масарик настаивает на своей отставке по доброй воле. Согласно его мнению, в вопросе избрания Бенеша президентом дальнейших трудностей не будет²⁰.

Однако в тот же день на узком заседании президиума аграрной партии против кандидатуры Бенеша выступил сенатор Враны. Его поддержали и другие руководители партии. Они полагали, что необходимо добиться единения правых сил и «выдвинуть буржуазного (гражданского) кандидата, поскольку группировка на левом фланге грозит превратиться в крупный блок, с которым пойдут и коммунисты». Но Годжа заявил, что, по его информации, уже половина людаков (партии А. Глинки) согласна проголосовать за Бенеша, и известно, что горячим сторонником его президентства является лидер лидовцев (народной партии) монсьеор Я. Шрабек. Беран во время споров предпочитал молчать, но во время перерывов в заседании сетовал, что «он за Бенеша и что от всего этого... чувствует себя несчастным»²¹.

Аграрии, выступавшие против Бенеша, осознавая шаткость своей позиции, утверждали, что, по крайней мере, следует воспрепятствовать демонстрационному характеру выборов. В конце концов, на заседании более узкого президиума партии победила точка зрения, что следовало бы прозондировать мнение других партий о возможности выдвижения гражданского (буржуазного) кандидата против Бенеша. Также следовало бы взвесить возможность отложить выборы на начало будущего года и назначить новые парламентские выборы, которые бы решили, какого президента хочет население. К тому же не было ясно, должна ли сохраниться после отставки Масарика коалиция буржуазных и социалистических

партий. Было принято предложение сторонников «Града» в партии Ф. Удржала и Ю. Славика из-за имеющихся разногласий «не выступать преждевременно по этому вопросу перед общественностью» и отложить принятие окончательного решения до следующего заседания президиума, назначенного через три дня. Представители крыла, не поддерживавшего «Град», однако не намеревались сидеть сложа руки и начали поиски подходящего кандидата. Не только политики, но и общественность, обеспокоенная слухами о закулисной борьбе, напряженно ожидала, какую позицию займут две сильные оппозиционные партии, генлейновцы и людаки. Прибывший 4 декабря в Прагу глава людаков монсьеор А. Глинка высказался против социалистического президента и рекомендовал избрать или Годжу, или же зятя Швеглы, министра внутренних дел, агрария Йозефа Черного. 5 декабря с Глинкой встретился Бенеш. Он объяснил Глинке, что не хочет быть кандидатом ни левых, ни правых и что желал бы видеть единый католический блок, чтобы у немцев не было на выборах решающего слова. Кроме того, он заверил Глинку, что поддержит децентрализацию государства и что никогда ничего не сделает «против Словакии, и наоборот». Переговоры с Глинкой, по всей видимости, были не так успешны, как Бенеш предполагал. В людовой партии существовало направленное против Бенеша крыло во главе с Каролом Сидором, и Глинка первоначально склонялся скорее к нему.

В создавшейся ситуации выступавшие против Бенеша аграрии намеревались сделать ставку на неполитического кандидата. Когда историк Йозеф Пекарж и банкир Ярослав Прайсс осторожно сделанные им предложения отвергли, выбор пал на профессора университета ботаника Богумила Немеца. Шестидесятидвухлетний Немец прежде был депутатом и сенатором от национальной демократии, но затем вышел из партии. Он занимал пост председателя непартийного престижного Чехословацкого национального совета, в который входили представители партий и общественных организаций. 6 декабря Немец выразил желание стать кандидатом в президенты. Его кандидатура, предложенная то ли Годжей, то ли Бераном, свидетельствовала, что преднамеренно был выбран человек, так сказать, неизбираемый. Б. Немец был неприемлем прежде всего для двух до сих пор не определившихся в своем решении партий – генлейновцев и людаков. Для первых – как крайний националист и «немцеед», для вторых – как антикатолический вольнодумец и масон. Руководство аграриев, в котором преобладали правые, 7 декабря заявило о поддержке кандидатуры Немеца на пост президента, с предложением согласилась и другая правящая партия – живнотников (ремесленников). Социалистические партии отказались от выдвижения двух

кандидатур и настаивали на одной, Бенеша. Немец, однако, не хотел снимать свою кандидатуру и заявил, что подчинится лишь решению партий, которые его поддерживают.

Избирательный кризис достиг своей глубины 10 декабря: решающие лица правительственной коалиции после многочасовых переговоров опять не пришли к соглашению. Ни один из кандидатов пока не мог рассчитывать не только на 3/5 голосов, необходимых для избрания президента в первом или во втором туре, но даже и на простое большинство. Но тут шансы Бенеша начали опять расти. Коммунисты выразили желание поддержать Бенеша, если против него будет выставлен кандидат правых. Кроме того, Бенеш обещал амнистию, в том числе и для коммунистических деятелей, осужденных еще тогда, когда Коминтерн официально держал курс на подготовку пролетарской революции. Чтобы избежать ареста, Готвальд и другие руководители КПЧ эмигрировали в СССР. Амнистию для коммунистов, заранее оповещенных о ней, подписал уходящий в отставку президент Масарик 14 декабря, за четыре дня до президентских выборов. Выборщики из рядов КПЧ, относительно которых пока действовали ордера на арест, теперь могли без опасения прибыть для голосования за Бенеша²². Он без колебаний вел также личные переговоры с Альфредом Роше и Густавом Петерсом, которые слыли умеренными представителями генлейновской партии. Хотя ему не удалось заручиться голосами генлейновцев, но их голоса, в конце концов, не получил и Немец. Избрания Бенеша добивался и Ватикан. На стороне Бенеша была большая часть прессы, значительная часть элитарных деятелей искусства, за него вели агитацию многие крупные союзы и общества; социалистические профсоюзы организовали акцию в поддержку Бенеша.

Поскольку переговоры в коалиции относительно избрания президента опять зашли в тупик, правительство Годжи 11 декабря подало в отставку. В этой хаотической ситуации возросли авторитет и значимость личности Эдварда Бенеша как наиболее признанного защитника демократии и государства. Хотя симпатии Бенеша были на стороне левых, но в нем одержал победу здравый расчет. «Общий [левый] фронт – не для нашего государства, для этого нет условий», – заявил он на заседании исполкома национально-социалистической партии еще 13 ноября. «Создать левый блок в этом государстве означает создать и правый блок, что приведет к неперемому столкновению. В сложной международной обстановке это означает серьезную угрозу для государства»²³.

Масарик решил не принимать отставку правительства Годжи. В крыле аграриев, выступавшем против Бенеша, росла

неуверенность. Пост президента был предложен председателю социал-демократической партии Гамплу, но тот отказался. В Прагу начали приходить известия, что некоторые словацкие, прежде всего евангелического вероисповедания, аграрии выступают за Бенеша. Словацкие фракции всех коалиционных партий, включая аграриев, потребовали выдвинуть кандидатуру Бенеша на пост президента. Декабрьский антибенешевский блок начал рассыпаться.

Отказ президента принять отставку правительства расстроил как лидеров социалистических партий, так и предполагаемого премьера нового кабинета лидовца Шрамека. 12 декабря на встрече Бенеша с ним и с лидерами социалистических партий Бенеш, который выступал за отставку, извинился за то, что не мог добиться назначения правительства Шрамека, поскольку Масарик «уже не в той кондиции и ему приходится обсуждать с ним дела опосредованно через нескольких людей».

Группировка «Града», включая Бенеша, начала наращивать давление на аграриев и близкие им партии, используя все доступные средства, в том числе и государственный аппарат. Например, 13 декабря был конфискован номер газеты аграриев «Венков». Масарик был уже подготовлен к отставке: в полдень 14 декабря в Ланах состоялась короткая церемония. Масарик попросил Шамала зачитать текст письма об отставке. «Пост президента труден и ответственен, и поэтому требует отдачи всех сил. Я знаю, что уже не способен на это». Так начиналась речь, которая содержала и фразу: «...в качестве своего восприемника я рекомендую д-ра Бенеша. Я работал с ним за границей и дома и знаю его»²⁴. Сдержанная рекомендация поддерживалась авторитетом Масарика. Годжа зачитал речь об отставке по радио; общественность была убеждена, что Бенеш получил решающую политическую поддержку.

Но против кандидатуры Бенеша продолжала выступать правая печать, считавшая, что он является кандидатом антинациональных организаций, включая коммунистов, католиков и масонов. На сторону Бенеша встали церковные иерархи, свой голос обещали также немецкие христианские социалисты и их венгерские коллеги во главе с Яношем Эстергази, партия которого составляла основу венгерского блока. Благоприятный исход голосования был обеспечен за день до голосования, когда Бенеш обещал Эстергази уступки в пользу венгерского меньшинства. В конце концов на сторону Бенеша встал и Глинка. 17 декабря, когда он приехал в Прагу, состоялась его встреча с Бенешем. Тот обещал Глинке, что попытается добиться децентрализации государства и что в случае вступления его партии в правительство все ее финансовые проблемы будут разрешены. Бенеш знал, что если по-

лучит поддержку Глинки, то сможет обойтись без голосов аграриев, и все преграды на пути его избрания президентом будут преодолены.

Политическая обстановка складывалась в пользу Бенеша, и в руководстве аграрной партии возобладало, наконец, умеренное пробенешевское крыло. Во второй половине дня 17 декабря после встречи с Глинкой Бенеш навестил Годжу, который ему сообщил, что вскоре может быть принято решение аграриев. Бенеш возразил против предложения Годжи, чтобы Немец стал вице-президентом, хотя добавил, что этот вопрос мог бы быть решен после выборов президента. Он заверил Годжу, что аграриям «нечего опасаться, он будет и их президентом, внепартийным, конституционным, ничего не изменится»²⁵. Вечером Бенеша навестили Беран и министр внутренних дел аграрий Йозеф Черны. Они сообщили, что аграрии поддержат кандидатуру Бенеша, который опять предложил на пост министра иностранных дел Камилу Крофту. Беран и Черны упомянули о словаке Штефане Осуском, но потом согласились с предложением, чтобы министерство иностранных дел временно курировал Годжа. В ночь с 17 на 18 декабря стало известно заявление Немца о снятии своей кандидатуры: Бенеш оказался единственным кандидатом коалиции.

Утро 18 декабря выдалось пасмурным, неприятным. Температура колебалась около нуля, и снег, который выпал ночью, начал таять. 292 депутата и 144 сенатора заполнили Владиславский зал Пражского Града, чтобы избрать нового президента. Карел Крамарж в выборах не участвовал. Председатель палаты депутатов Малипетр открыл заседание в 10.30, а в 11.20 огласил результаты голосования: Бенеш получил 340 голосов, 76 бюллетеней оказались пустыми. Они принадлежали депутатам Судето-немецкой партии. Бенеш выиграл первый тур с большим числом голосов, чем когда-то получил Масарик, и достиг своей цели²⁶. Он стал главой государства и оказался на вершине политической власти.

Как считает Земан, неприятности, сопровождавшие избрание Бенеша, по крайней мере частично являлись следствием его и Масарика понимания роли главы государства. Президент, по их мнению, не мог оставаться только репрезентативным лицом и символом ЧСР, поскольку ни Масарик, ни Бенеш не верили, что заботу о благе страны можно доверить исключительно политическим партиям. Длительная, подчас яростная кампания за президентский пост временно отвлекла внимание чехословацкой общественности от грозной внешнеполитической ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. Paha, 2002. S. 104.
- ² ДМИСЧО, 3. М., 1978. С. 211.
- ³ Подробно освещен вопрос о борьбе за президентское кресло в книге: *Klímek A.* Воj о Hrad. Díl 1–2. Praha, 1996.
- ⁴ *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 106–107.
- ⁵ *Ibid.* S. 107–108.
- ⁶ *Ibid.* S. 109.
- ⁷ *Ibid.* S. 110.
- ⁸ *Ibid.* S. 111.
- ⁹ *Gašparíková-Horáková A.* U Masarykovcov. Spomienky osobnej archivárky T.G. Masryka. Bratislava, 1995. S. 232 (цит. по: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 112).
- ¹⁰ *Ibid.* S. 112.
- ¹¹ *Ibid.* S. 115.
- ¹² *Gašparíková-Horáková A.* U Masarykovcov. S. 257 (цит. по: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 115).
- ¹³ *Kahánek F.* Zákulisi prezidentské volby 1935. Praha, 1939. S. 19 (См.: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 115).
- ¹⁴ *Ibid.* S. 116.
- ¹⁵ *Ibid.* S. 117.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 118.
- ¹⁷ *Klímek A.* Воj о Hrad. 2. S. 426. Партийная принадлежность 450 избирателей (депутатов и сенаторов) была следующей: чехословацкая социал-демократия – 58 голосов, чехословацкие аграрии – 68, национальные социалисты – 42, лидовцы (народная партия) – 33, живностники (партия ремесленников) – 25, немецкая социал-демократия – 17, Национальное объединение – 26, КПЧ – 46, Национальная фашистская община – 6, немецкие аграрии – 5, немецкие христианские социалисты – 9, СНП Генлейна – 67, людаки (словацкая народная партия) – 33, венгерский блок – 15 (см.: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 118).
- ¹⁸ *Ibid.* S. 119.
- ¹⁹ *Ibid.* S. 119.
- ²⁰ *Ibid.* S. 120.
- ²¹ *Klímek A.* Воj о Hrad. II. S. 440 (см.: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 120).
- ²² *Ibid.* S. 124.
- ²³ Archiv národně socialistické strany. Protokoly schůzí výkonného výboru. 13.11.1935 (см.: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 126.)
- ²⁴ *Klímek A.* Воj о Hrad. 2. S. 463 (см.: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 127).
- ²⁵ *Ibid.* S. 128.
- ²⁶ *Ibid.* S. 129.

ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕЗИДЕНТСТВА

Борьба за президентское кресло несколько ослабила внимание Бенеша к вопросам внешней политики. Но усиление международной напряженности снова заставило его активизировать свою деятельность в этом направлении. В начале января 1936 г. Бенеш встретился с полпредами Франции, Англии и СССР и заверил их в неизменности внешнеполитической линии ЧСР, состоящей в упрочении сотрудничества с этими странами и стремлении к укреплению коллективной безопасности в Европе. Но вопросами внешней политики ЧСР в это время официально ведал премьер-министр М. Годжа, который позволял себе высказывания и действия, не всегда совпадавшие с позицией Бенеша, а отражавшие скорее настроения правой части возглавляемой им аграрной партии. Так, еще в ноябре 1935 г. в интервью корреспонденту французской газеты «Тан» Годжа подчеркнул необходимость экономического сотрудничества государств Центральной Европы с Германией и Италией, игнорируя, в частности, вопрос о чехословацко-советских отношениях, что вызвало явное недовольство Москвы. Бенеш пытался ослабить это впечатление, заявив на встрече с Александровским 8 января 1936 г., что «с его избранием президентом защищаемая им концепция европейской политики коллективной безопасности и опоры ЧСР на СССР упрочилась»¹. В этом же уверял Александровского и Годжа в беседе 14 января 1936 г., который говорил о «независимости внешней политики Чехословакии от вопросов ее внутренней политики и еще меньше от вопросов чьих бы то ни было партийных интересов». Вместе с тем он усиленно подчеркивал необходимость франко-английского сотрудничества в сохранении мира в Европе и особенно роль Англии в европейских делах. Определяя внешнеполитическую линию Годжи, Александровский писал: «ударение переносится с Франции на Англию, но англо-французское сотрудничество считается главной предпосылкой сохранения мира в Европе, причем СССР отводится крупная, но

второстепенная роль в рамках Женевской политики. Женевская же политика формулируется как политика коллективной безопасности и региональных договоров»².

В январе 1936 г. Годжа выступил с планом экономического сотрудничества центральноевропейских стран, исходным пунктом которого должно было стать экономическое и политическое соглашение Австрии и Чехословакии. План предусматривал торговое и экономическое сближение стран Малой Антанты с Италией, Австрией и Венгрией. По представлениям Годжи, объединение государств Дунайского бассейна должно было стать важным фактором международной политики, обеспечивавшим Чехословакии возможность сотрудничества с Германией на равноправной основе. СССР оставался «за бортом» этого плана. Бенеш скептически относился к нему. «Вопрос о Средней Европе, по Бенешу, – писал Александровский в письме М.М. Литвинову 14 февраля 1936 г., – не имеет самостоятельного значения. Этот вопрос – производный от вопроса о европейском соотношении сил в целом. А с этой точки зрения решающим является характер взаимоотношений между Францией, Англией и СССР и вопрос поведения Германии... “Просто легкомыслие воображать, что на данном этапе вопрос о Средней Европе можно отделить от вопроса об остальной Европе и решить самостоятельно”. Эти буквальные слова Бенеша несомненно относятся к планам Годжи, потому что Бенеш после этого, не называя Годжи, говорил о беспокойстве, вызванном в Европе “широтой новых среднеевропейских планов”»³. Бенеш был недоволен инициативами Годжи, который, оставаясь главой правительства, в связи с этим должен был оставить пост министра иностранных дел. 29 февраля 1936 г. МИД ЧСР возглавил К. Крофта, которого еще Масарик видел в этом кресле в случае избрания Бенеша президентом.

Что касается оценки политики Англии и ее участия в европейских делах, то Бенеш в отличие от англофила Годжи был, по словам Александровского, «склонен к умеренному дозированию оптимистических настроений по этому поводу». Президент по его словам, писал Александровский, «никогда не утверждал, что Англия прямо пойдет на серьезные обязательства в Европе, особенно же в Средней Европе. Единственное, что Бенеш утверждал и утверждает это и сейчас, – это то, что Англия втягивается и втянется в европейские дела через Францию и сотрудничество с ней». Бенеш всегда являлся сторонником франко-английского сотрудничества на международной арене и прилагал много усилий для его налаживания. Теперь же он возлагал большие надежды на то, что сближение позиций этих двух стран будет проходить «с учетом и даже известным участием СССР»⁴.

Захват Эфиопии фашистской Италией активизировал действия противников коллективной безопасности. В Лиге Наций они добивались отмены статьи ее устава, обязывавшей эту организацию применять коллективные военные и экономические санкции к нарушителям мира. И Англия, и Франция высказались против таких санкций в отношении Италии. Стоит в этой связи обратиться к характеристике английской политики чехословацким посланником в Лондоне Яном Масариком 6 января 1936 г.: «Англичане знали и знают очень хорошо, что только тесное сотрудничество Англии и Франции может сохранить европейский мир. Однако при всем при том Германия им значительно ближе, чем Франция, хотя с методами Гитлера они и не согласны. Хотя все на камеру говорят о Муссолини либо как о сумасшедшем, либо как о гангстере, но все же хотят найти формулу, чтобы и волк оказался сыт, и на козе осталось хотя бы столько, чтобы для негуса⁵ это оказалось приемлемым. На одном дыхании говорится о необходимости всеобщего сотрудничества под эгидой Женевы и о возможности печального конца Лиги Наций и возврате к довоенным методам союза и согласия». Вместе с тем Масарик считал, что большинство англичан относится к Лиге Наций «очень серьезно»⁶.

Гитлер, учитывая соглашательскую позицию западных держав в итало-эфиопском конфликте, предпринял новый шаг в нарушении Версальского и Локарнского договоров: 7 марта 1936 г. Германия ввела свои войска в демилитаризованную Рейнскую область и отказалась от Локарнских соглашений, что фактически положило начало кризису Версальской системы⁷. Западные державы, как и Лига Наций, «проглотили» и этот выпад «третьего рейха», уверенность которого в своей безнаказанности все более возрастала. К. Крофта, официально занявший пост министра иностранных дел, направил 9 марта под грифом «секретно» циркулярную депешу чехословацким представительствам, касавшуюся отношения ЧСР к вводу немецких войск в Рейнскую область. Бенеш, курировавший вопросы внешней политики⁸, предпочел занять осторожно осуждающую позицию и координировать ее с позицией западных держав, прежде всего Франции. В депеше говорилось: «ЧСР в принципе против всякого одностороннего нарушения договора, в том числе и этого (Локарнского. – В. М.)», «это тем более важно, что нарушен договор, Германией предложенный и добровольно подписанный, а вовсе не так называемый версальский диктат», «ЧСР пока сохраняет сдержанность. Наше поведение будет единым со всей Малой Антантой. Подождем решения подписавших Рейнский пакт, особенно Франции, и будем добиваться единодействия Англии и Франции», «передать все дело Совету Лиги

Наций юридически необходимо и политически правильно. Решение Совета... мы примем», «инициативных акций против Германии мы предпринимать не будем. Мы не станем ни нападать на Германию, ни раздражать ее... во всех публичных заявлениях мы сохраняем абсолютную сдержанность», «для нас сейчас, как и ранее, важно заявление Гитлера, что Германия согласна с нашим договором с Францией и не имеет в отношении нас территориальных претензий»⁹. Следует отметить, что незадолго до этого в Праге появился новый немецкий посланник Е. Айзенлор, приветливо встреченный всеми официальными лицами, в том числе и Бенешем. Принимая от него верительные грамоты, президент опроверг измышления о том, что на территории Чехословакии с участием «русских офицеров» строятся аэродромы для «русской авиации»¹⁰, якобы угрожающие безопасности Германии. Чехословацкий посланник в Берлине В. Мастны в беседе с министром иностранных дел Германии К. фон Нейратом заверил того, что в Праге сообщение о событиях 7 марта принято «совершенно спокойно»¹¹. Спокойствие, конечно, было наигранным, поскольку занятие Рейнской области силами вермахта прямо сказалось на безопасности Чехословакии. Французский министр иностранных дел П.Э. Фланден, обращаясь к своим коллегам по Совету Лиги Наций, говорил: «Если вы не остановите Германию сейчас, то все будет кончено. Франция не сможет гарантировать Чехословакии поддержку, так как это будет географически невозможно. Если вы не сохраните Локарнское соглашение, остается лишь ждать перевооружения Германии, против которого Франция ничего не может сделать. Если не остановить Германию силой сейчас, то война неизбежна, даже если вы добьетесь временной дружбы с ней»¹². Но большинство европейских государств не поддержало предложение о введении санкций против Германии. Гитлер публично заявил, что «дух Версальского договора уничтожен». «Третий рейх» встал на путь насильственного изменения европейского порядка. К концу марта 1936 г. рейнский вопрос был снят с международной повестки дня. Локарнский договор, гарантировавший неизменность западных границ Германии, перестал существовать. Позиции Франции в Европе сильно ослабли. Как считает российский исследователь А.О. Наумов, «ремилитаризация Рейнской зоны опустила своеобразный “железный занавес” между Францией и ее союзниками в Центральной Европе – странами Малой и Балканской Антанты, а также Австрией... Германия смогла кардинально изменить геополитическую ситуацию в Центральной и Восточной Европе, сделав серьезную заявку на гегемонию в регионе. Доверие к Франции как гаранту Версальского статус-кво со стороны

ее союзников было подорвано... Крепло убеждение, что быть союзником Франции опасно. Если Франция не в состоянии обеспечить собственную безопасность, то ждать от нее помощи в случае конфликта с Германией тем более не следует. С весны 1936 г. начался развал французской системы европейской безопасности... В Малой и Балканской Антантах усилилась тенденция к отходу от союза с Францией, сближения с Германией и переориентации на британскую политику умиротворения»¹³. Сомнения части чехословацкой политической элиты в преимущественной ориентации внешней политики страны на Францию усилились.

Зато в Венгрии ремилитаризация Рейнской области подняла волну эйфории, нескрываемых симпатий к Германии, надежд на отказ от Трианонского договора и возврат потерянных после Первой мировой войны территорий. С новой силой зазвучали голоса об угрозе большевизма для Центральной Европы вследствие «договоров с Советами» и «присутствия советских военных на чехословацкой территории». Чехословацкий посланник в Будапеште М. Кобр характеризовал Венгрию как государство, «интересы и политические умыслы которого полностью тождественны интересам Гитлера»¹⁴. Двойственную позицию в рейнском вопросе заняла официальная Варшава, более склоняясь при этом к поддержке политики Германии¹⁵. Воодушевленные действиями рейха австрийские власти в нарушение Сен-Жерменского мирного договора 1919 г. приняли закон об ограниченном призыве на военную службу. Несмотря на неприятное известие, МИД Чехословакии решил не драматизировать случившееся, дожидаться реакции Запада и согласовать действия членов Малой Антанты в этом вопросе¹⁶. К тому же в некоторых политических кругах частичное вооружение Австрии трактовалось как попытка противодействия грядущему аншлюсу¹⁷. Возможность этого, а также последующего нападения Германии на ЧСР предполагали, по словам Б. Павлу, не только советские политические деятели, но и американский посол в Москве У. Буллит¹⁸.

Усилия СССР понудить членов Лиги Наций принять коллективные меры против нарушения международных обязательств ни к чему не приводили. Центральное место в советских предложениях занимала идея региональных, а если понадобится, то и двусторонних пактов о взаимной помощи, которые не заменяли бы устава Лиги Наций, а дополняли бы его. Угрозу, исходившую от нацистской Германии для ЧСР, ощущал и Бенеш. Он готов был сотрудничать со всеми государствами и политическими силами как на международной арене, так и внутри страны, чтобы ликвидировать или хотя

бы ослабить эту угрозу. Попытки понудить страны Малой Антанты выработать общую позицию в отношении действий Германии ни к чему не привели¹⁹. Взаимодействие в этом плане с СССР было не таким простым делом: правые политические силы в ЧСР приветствовали действия Гитлера в Рейнской области и его «миротворческие» речи. Бенешу приходилось постоянно лавировать, делать один шаг вперед и два назад, или наоборот, чтобы наладить практически сотрудничество с Москвой. Представитель КПЧ Б. Шмераль, выступая в Комиссии по иностранным делам депутатов Национального собрания ЧСР 23 апреля 1936 г., говорил: «Мы знаем, что для буржуазных партий отношение к государству такого типа, как Советский Союз, в целом дело непростое, что в решающие моменты сталкиваются, с одной стороны, классовые интересы, а с другой стороны, национальные интересы, и это вызывает сильные колебания»²⁰. Так оно и было. Например, это отчетливо проявилось в вопросах военного сотрудничества Чехословакии и СССР. С 1935 г. укрепились практические связи Генеральных штабов армий и разведок обеих стран, но МИД ЧСР выступил против заключения каких-либо формальных соглашений на этот счет²¹.

Бенеш стремился повысить эффективность Малой Антанты, чтобы ее можно было использовать в случае конфликта Чехословакии с Германией. Определенным камнем преткновения в деле сближения государств-членов союза являлось, помимо прочего, их различное отношение к СССР. Посланник ЧСР в Бухаресте Ян Шеба сообщал в Прагу 13 января 1936 г. о своих впечатлениях от беседы с румынским королем Каролом II: «король настроен против Советов и политику сближения проводит по необходимости. Он ясно высказался за то, чтобы Югославия [их] не признавала и чтобы таким образом была сохранена политика двух полюсов Малой Антанты в отношении СССР. ЧСР – полюс положительный, Югославия – отрицательный, а Румыния – посередине»²². Принц-регент Павел в конце марта 1936 г. был настроен «против Советов» и признания советской России Югославией²³.

Для Бенеша важно было отношение западных держав к политике Малой Антанты и их оценка положения дел в центрально-европейском регионе. Поэтому с большим вниманием отслеживался вояж бывшего министра иностранных дел Великобритании в подунайские государства в конце апреля 1936 г. А. Чемберлен посетил Будапешт, Вену, а также Прагу, где состоялась его встреча с Бенешем, во время которой обсуждались политические вопросы. В телеграфном циркуляре К. Крофты по этому поводу говорилось: «Гостю была всесторонне объяснена наша и Малой Антанты точка зрения

по вопросам аншлюса и реставрации Габсбургов [на австрийском престоле], значения независимости не только австрийской, но и чехословацкой для мира и баланса сил в Европе, нашего отношения к Германии, Польше и Советам, нашей политики по отношению к [национальным] меньшинствам и нашего взгляда на генлейновское движение. Живой интерес Чемберлена ко всем этим вопросам можно считать доказательством возрастающего понимания Англией центральноевропейских вопросов и особенно международного значения Чехословакии»²⁴.

6–9 июня 1936 г. в Бухаресте состоялась встреча глав Чехословакии (Э. Бенеш), Румынии (Кароль II) и Югославии (принц-регент Павел). Румынские власти организовали Бенешу торжественную встречу. На перроне вокзала его приветствовали Кароль, наследный принц Михай, принц Николае, председатель правительства и другие официальные лица. По дороге в королевский дворец по обеим сторонам улицы стояли жители столицы, которые приветствовали Кароля и Бенеша, следовавших в открытой автомашине. Президент ЧСР и приехавший несколько позже принц-регент Павел были размещены в королевском дворце. На площади перед дворцом состоялся военный парад. После торжественного обеда началась деловая часть встречи. В первый день обсуждались общеполитические вопросы и международная обстановка, которую румынский министр иностранных дел Н. Титулеску определил термином «нерадостная». Центральная Европа, по его словам, «предоставлена самой себе, из чего следует необходимость единодействия Малой Антанты». На вопрос Кароля, может ли Германия напасть на соседей, Титулеску заявил, что это может произойти тремя способами: путем аншлюса, а также нападения либо на Чехословакию, либо на Россию. Бенеш заметил, что аншлюс определенно может стать причиной «всеобщего конфликта», а немецкая экспансия может иметь два направления: против Австрии и против Польши. На вопрос принца-регента Павла, можно ли предотвратить мировую войну, Бенеш ответил: для этого, прежде всего, нужно, чтобы миролюбивые державы «не говорили постоянно или не давали понять другим способом, что боятся войны». Руководители трех союзных государств согласились, что в случае, если бы великие державы не протестовали против аншлюса, следует искать *modus vivendi* с Германией, а также, что нужно решительным образом выступить против всякой попытки реставрации Габсбургов. По вопросу непризнания аннексии Италией Эфиопии решили: «будем заодно с Англией и Францией»²⁵. Хотя Бенеш остался доволен результатами совещания, свидетельствовавшего якобы о единстве

Малой Антанты, но практических результатов этого достичь не удалось²⁶. Что касается политики в отношении СССР, то тут интересна беседа Бенеша с принцем-регентом Павлом, который заявил, что как только позволят внутренние условия, Югославия признает Советский Союз. Зная прозападную позицию принца, говорится в записи беседы, «господин президент заверил его, что наша политика, если бы оказалась перед выбором, всегда решила бы вопрос в пользу Запада, против Востока». Удивило Павла и замечание Бенеша, что «постоянно следует считаться с возможностью соглашения Германии с Россией, хотя и позднее»²⁷. В краткой беседе с советским полпредом в Бухаресте М.С. Островским Бенеш подчеркнул свою удовлетворенность ходом совещания, отметив, что «происки Варшавы против Малой Антанты не увенчались успехом, что Чехословакия ведет свою политическую линию, невзирая и не страшась ни польского шантажа, ни немецких угроз..., что политика Чехословакии по отношению к СССР не является политикой на один день, а рассчитана на долгий исторически предвидимый отрезок времени. На последнем он особенно настаивал...»²⁸.

Ход встречи лидеров Малой Антанты был омрачен трагедией: во время «Праздника румынской молодежи» 8 июня: обрушилась одна из трибун стадиона с находившимися на ней зрителями, четверо из них погибли, 400 пострадали. Бенеш передал мэру Бухареста 50 тыс. лей на лечение раненых и 100 тыс. лей на поддержку бухарестской бедноты²⁹.

Укрепление Малой Антанты вовсе не входило в интересы Берлина, который стремился усилить свое влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе. Совсем не случайно в день, когда Бенеш покинул Бухарест и возвратился в Чехословакию, 11 июня, министр экономики Германии Я. Шахт начал вояж по странам этого региона с намерением укрепить их торговые и политические связи с рейхом. С 11 по 19 июня 1936 г. он побывал в Югославии, Греции, Болгарии и Венгрии. Поездка преподносилась как частные визиты Шахта, не имеющие ничего общего с политикой. В действительности же речь шла о проникновении немецкого капитала в эти страны и политическом овладении ими. При этом использовалось их тяжелое экономическое положение и трудности с экспортом сельскохозяйственной продукции³⁰.

Чтобы ослабить угрозу Чехословакии и «потрафить» правым в стране, Бенеш изъявил готовность и к переговорам с Германией³¹, в которой имелись политические силы, не возражавшие против этого. Первоначальная реакция «третьего рейха» на избрание Бенеша

президентом была сдержанной. Здесь внимательно следили за предвыборной кампанией и утвердились во мнении, что победа Бенеша неизбежна. Положительно оценивалась и позиция судето-немецкой партии на выборах (голосование пустыми бюллетенями). Выражалась надежда, что Бенешу удастся «практически осуществить мирное сосуществование национальностей, проживающих в чехословацком государстве». Посланник ЧСР в Берлине В. Мاستны сообщил в Прагу 2 января 1936 г.: «К выборам отнеслись, как реалисты, которые принимают свершившееся без излишних эмоций». Вместе с тем негативно оценивалось заключение Бенешем чехословацко-советского договора о взаимопомощи 1935 г., а сам президент характеризовался как «вернейший оруженосец французской внешней политики, независимо от направления ее развития»³². Тем не менее Гитлер уверял Чехословакию в своей миролюбии и даже в одной из своих речей предложил заключить с ней пакт о ненападении, упрекая пражские власти лишь в притеснении немецкого меньшинства и в излишней «дружбе» с Москвой. Эти же мысли развивал перед англичанами и К. Генлейн, посетивший Лондон в конце июля 1936 г. Раскручиваемый гитлеровской пропагандой миф о бедственном положении немцев в Чехословакии все более привлекал внимание английской и французской общественности. Действительно ли их положение было так невыносимо, как представляли это руководитель германской пропаганды Й. Геббельс и его подручные? Конечно, нет. Сошлемся тут на мнение американского историка и публициста У. Ширера, хорошо знакомого с немецкими трофейными документами. «Тот факт, - пишет он, - что страну населяло несколько национальностей, создавал определенную проблему внутреннего характера, которую Чехословакия на протяжении двадцати лет так и не смогла решить полностью. Это был вопрос о национальных меньшинствах. В стране проживал миллион венгров, полмиллиона русинов и 3,25 миллиона судетских немцев. Эти люди тянулись к своей "родине" - соответственно к Венгрии, России и Германии, хотя судетские немцы никогда не входили в состав рейха, разве что во времена Священной Римской империи». Судетские немцы, по мнению Ширера, «жили в Чехословакии совсем неплохо - лучше, чем любое другое меньшинство в стране и немецкое меньшинство в Польше или в фашистской Италии. Их раздражала мелкая тирания местных властей и дискриминационные меры, принимаемые иногда против них в Праге. Им трудно было примириться с потерей такого господства в Богемии и Моравии, как во времена правления Габсбургов. Населяя компактными группами северо-западные и юго-западные районы страны,

где сосредотачивалась большая часть промышленности, судетские немцы процветали и, в конце концов, достигли относительной гармонии в отношениях с чехами, продолжая при этом требовать большей автономии и уважения к своему языку и культуре. До прихода к власти Гитлера там не было политических течений, борющихся за что-то большее». В 1933 г., когда Гитлер пришел к власти «судетских немцев поразила вирус национал-социализма... К моменту аншлюса партия Генлейна, три года исполнявшая приказы из Берлина, была готова выполнить любой приказ Гитлера»³³. А приказ этот, полученный Генлейном во время трехчасовой беседы с фюрером в Берлине 28 марта 1938 г., гласил, что «судето-немецкая партия должна выдвигать требования, неприемлемые для правительства Чехословакии». Так она и начала действовать, вопрос о достижении компромисса, согласия не стоял.

Осознав, что гитлеровская пропаганда все более оказывает воздействие на умы европейской общественности, Э. Бенеш решил защищаться и довести до ее сведения свои позиции, касающиеся как внутренней, так и внешней политики Чехословакии. 19 сентября он предпринял поездку в северо-западные районы страны, где посетил либерецкую ярмарку, города Яблонец над Тисой и Железны Брод. Везде он выступал с разъяснением внутривнутриполитических проблем и, в частности, упомянул о возможности соглашения с Германией. Тут Бенеш сослался на предложения Гитлера от мая 1935 г. и марта 1936 г., но отметил, что диалог возможен лишь при условии переговоров между Германией и Западом о «новом» Локарно. Эти выступления должны были создать атмосферу, благоприятную для эвентуальных германо-чехословацких переговоров, о возможности которых некоторое время назад сообщил президенту В. Мاستны.

Во Франции выступления Бенеша получили в целом позитивную оценку в печати, о чем чехословацкий посланник в Париже Ш. Осуски сообщил в Прагу 22 сентября 1936 г. Естественно, что разные с политической точки зрения газеты и журналы акцентировали выгодные им места из выступлений Бенеша, давая, впрочем, высокую оценку ему как опытному и знающему политику. Так, правая печать делала упор на заявлениях президента о желании Праги вести переговоры с Германией «в широких рамках европейского сотрудничества» в целях предотвращения «общеевропейской катастрофы», одновременно подчеркивая, что «необходимо избегать чересчур интимного сближения с Советским Союзом, целью которого, как представляется, является лишь посеять бурю в Европе». «Президент Бенеш, – писал «Journal des Débats», – энергично выступил против лживых утверж-

дений о том, что он является инструментом коммунизма в Европе». Газета «Le Matin» утверждала: «Люди, для которых речь идет только о войне, видели в Чехословакии лишь государство, которое находится под полным влиянием Москвы и которое дало бы себя вовлечь в ужасную авантюру. Однако заявление президента свидетельствует, что чехословацкое правительство готово использовать любую возможность, чтобы договориться с Германией». Левая печать подчеркивала, что Бенеш ищет договоренности, как с Германией, так с Францией и Россией. Радикально социалистическая «l'Ère Nouvell», называя Бенеша «выдающимся последователем Масарика», подчеркивала: «Заявление президента Бенеша приобретает в современных условиях чрезвычайное значение. Это – последний звонок»³⁴. Это был, конечно, не последний звонок, но предупреждение: Бенеш заявил, что Чехословакия будет сопротивляться, если кто-либо нападет на нее, а это означало развязывание европейской войны.

Москва тоже не оставила без внимания выступление Бенеша, тем более что в чехословацкой печати в это время участились выпады против Советского Союза и усилилось распространение антисоветской литературы, поступавшей главным образом из Германии³⁵. 14 октября 1936 г. С.С. Александровский сообщил в Москву о встрече с Бенешем, во время которой тот заявил, что ни о каких переменах во взаимоотношениях между СССР и ЧСР «не может быть и речи». Но в то же время президент заметил, что Чехословакия могла бы заключить соглашение с Германией, «если бы это было возможно», поставив об этом в известность Францию, Малую Антанту и СССР. Относительно партии Генлейна Бенеш «в решительной форме заявил», что всякая провокация с ее стороны «будет беспощадно подавлена» и что он не верит в готовность Германии напасть на Чехословакию в настоящее время³⁶.

В германских верхах, во всяком случае, в министерстве иностранных дел, тогда тоже рассматривалась идея заключения соглашения с Чехословакией. Во второй половине октября 1936 г. Матсны сообщил в Прагу о своих встречах с одним из сотрудников Риббентропа Гаусгофером. Была достигнута договоренность о проведении переговоров с Э. Бенешем. Президент считал необходимым начать такие переговоры, поскольку Чехословакия в это время чувствовала угрозу и со стороны Венгрии, которая вслед за Германией активно будировала вопрос о бедственном положении теперь уже венгерского меньшинства в ЧСР и надеялась с помощью Гитлера снова вернуть себе ранее принадлежавшие ей территории. В сентябре венгерский регент М. Хорти побывал в Берлине и в разговоре с Гитлером выразил желание видеть

Венгрию в системе государств, которые «должны стать преградой против большевизма, угрожающего европейскому миру и порядку»³⁷. 13–14 сентября в Братиславе состоялось совещание стран-членов Малой Антанты, которые обсудили вопрос о собственной безопасности и выступили против «попыток создания как антибольшевистских, так и антифашистских блоков». Не было высказано и соображений против подписания прямого соглашения Чехословакии с Германией³⁸. Об опасности, исходящей от этой страны, свидетельствовал и съезд национал-социалистской партии в Нюрнберге, проходивший с 8 по 14 сентября³⁹. Чрезвычайно острые выпады прозвучали здесь против большевизма, Москвы и советских государственных деятелей в связи с их национальной принадлежностью. В своем выступлении Гитлер заявил, что большевизм в Германии уничтожен и что «душевной предпосылкой каждой анархии является демократия». В речах А. Розенберга и Й. Геббельса осуждалась и Чехословакия, которая якобы предоставила свою территорию для размещения советских аэродромов⁴⁰, предназначенных для нападения на Европу⁴¹. Вся эта пропаганда не осталась без влияния на западноевропейские державы. Я. Масарик, например, сообщал из Лондона в Прагу 10 октября: «Я чрезвычайно удивлен ростом антисоветских настроений в течение двух месяцев [моего] отпуска. На русский коммунизм и его опасность указывается здесь со всех сторон, хотя нападки на Москву не так грубы, как в Берлине и Риме». А 21 октября, несколько осмотревшись, он писал, что в Англии нарастают изоляционистские настроения, подобные тем, что имеют место в США. «Что касается нас, – продолжал Масарик, – то мы должны были бы еще раз осознать, что чем меньше мы будем ожидать от Англии, тем меньше будем обманываться... Нападки на советскую Россию, а, следовательно, на Францию и на нас, со дня на день усиливаются»⁴².

Между тем Мастны сообщал в Прагу 13 октября, что тон в отношении Чехословакии в Берлине стал «куда более приветливый, чем прежде», хотя она по-прежнему обвиняется в пособничестве СССР и является инструментом Москвы⁴³. Гитлер заигрывал с Чехословакией, скорее всего стремясь убедить европейскую общественность в своем миролюбии, а вовсе не потому, что действительно хотел наладить отношения с этим ненавистным ему демократическим государством и его президентом Бенешем. План уничтожения ЧСР все более четко прорисовывался в голове фюрера, хотя конкретное оформление это намерение получило несколько позднее. Как опытный политик Бенеш не мог не понимать, что нацистская Германия готовится к броску на Чехословакию, но пока не готова к нему по причинам вну-

три- и внешнеполитического порядка. Для президента важно было не усиливать напряженность в чехословацко-германских отношениях и не форсировать события. Вероятнее всего поэтому, а также учитывая рост неприязни к СССР на Западе, Бенеш не пошел на подписание с Советским Союзом официального соглашения об углублении военного сотрудничества. После заключения в 1935 г. советско-чехословацкого договора о взаимопомощи оно, к удовольствию обеих сторон, развивалось весьма успешно, и советский Генштаб летом 1936 г. высказал пожелание, чтобы «представители обоих штабов обсудили основные линии стратегических действий». Чехословацкий военный атташе в Москве по указанию начальника чехословацкого Генерального штаба генерала Л. Крейчи дал согласие на начало таких переговоров. Как телеграфировал Б. Павлу в Прагу 9 ноября в ответ на согласие приступить к переговорам «было сказано, что существующее сотрудничество очень ценно, взаимными связями здесь довольны и хотят продолжать их в существующих рамках. Если же речь пойдет о расширении рамок, то нужно будет предварительно провести переговоры политических деятелей»⁴⁴. Следует заметить, что и Париж тогда отказался от ведения переговоров с Москвой о военном соглашении. В своей директиве относительно чехословацкой позиции к советской инициативе Бенеш подчеркнул: «Не нужно договоров. Вести с ними только ни к чему не обязывающий разговор. Ни о чем окончательно не договариваться»⁴⁵. Дело застопорилось: политического решения об углублении военного сотрудничества ни та, ни другая сторона не приняли, но фактически по профессиональной линии оно развивалось успешно.

Выше уже говорилось, что и Гитлер, и Бенеш высказались за улучшение чехословацко-германских отношений. Со стороны первого, по всей видимости, это был очередной «миролюбивый» жест, направленный на внешнеполитический эффект и одурачивание европейской общественности, со стороны второго – искреннее желание отвести военную угрозу от Чехословакии. Во второй половине октября В. Мастны встретился с профессором А. Гаусгофером, фактическим руководителем так называемого Бюро национал-социалистской партии по вопросам внешней политики, формально возглавляемого Риббентропом. Гаусгофер тогда заявил Мастному, что в «прямом соглашении» с ЧСР заинтересован сам Гитлер, но переговоры с его представителем должны проходить тайно. Обо всем этом в приватном разговоре Мастны сообщил Бенешу. Согласно записи президента о начале переговоров⁴⁶, он немедленно ответил, что готов вести переговоры с доверенным лицом Гитлера. К. Кроф-

та, который был поставлен в известность о поступившем предложении, выразил свое полное согласие с мнением Бенеша. Отметим, что, как писал Александровский в Москву 23 октября 1936 г., в Праге упорно распространялись слухи о советско-германском сближении, «как политическом, так и экономическом». Литвинов тут же в ответе Александровскому заявил, что никаких изменений во взаимоотношениях СССР с Германией не намечается: «Можете опровергать, как германский шантаж»⁴⁷. Возможно, источник распространения слухов действительно находился в Германии, и делалось это, чтобы подтолкнуть Прагу на тайные контакты с Берлином. Бенеш, по-видимому, опасался, как бы в Москве не истолковали превратно его намерение вступить в переговоры с Германией. Поэтому на приеме у румынского посланника Эманди 30 октября президент счел необходимым побеседовать с Александровским, настойчиво подчеркивая, что «никаких изменений во взаимоотношениях Чехословакии с СССР не может произойти»⁴⁸.

13 ноября в Праге, на Градчанах, появились граф М.К. фон Траутманнсдорф, доверенное лицо Гитлера, и Гаусгофер. Первый сразу же начал беседу с Бенешем с постановки «деликатного вопроса» о немецком национальном меньшинстве в Чехословакии. Ответ президента гласил: «а) это наш внутренний вопрос, так что [какое-либо давление тут] и его обсуждение невозможны; б) если же мы договоримся по вопросам внешней политики и о взаимоотношениях обоих наших государств, то нет никаких препятствий к тому, чтобы и по этому вопросу мы говорили, как друзья, искренне и открыто». Этой позиции Бенеш придерживался в течение всех переговоров. Далее переговорщики перешли к вопросам межгосударственных отношений и европейской политики. Бенеш заявил, что он, как президент республики, намерен говорить «искренне, открыто и правдиво», что в чехословацкой политике «не играет и не будет играть никакой роли вопрос о режиме» и что во внутренние дела Германии ЧСР не хочет вмешиваться. Далее он заметил, что никакой неприязни к немцам и Германии у чехов нет, что целые столетия оба народа сосуществовали мирно и далее обречены жить по соседству. Упомянув об Австрии, Бенеш сказал, что понимает политику Германии, нацеленную на аншлюс⁴⁹, но откровенно высказался против нее: «Для нас выгоднее, если Австрия останется самостоятельной», поскольку это «облегчило бы наши позиции в центральной Европе». Обе стороны выразили негативное отношение к восстановлению власти Габсбургов в Австрии, Венгрии и Чехословакии. Говоря о договоре с советской Россией, Бенеш подчеркнул его оборонительную направленность:

«Мы должны были защитить себя, и будем защищаться, если это потребуется. Мы большевизма не боимся, мы крепки и сильны. Но мы государство и народ западные, мы не хотим никакой агрессивной политики, в том числе и против Германии, мы хотим мира». Вместе с тем он отметил, что договор с Германией должен быть заключен лишь по договоренности с «нашими друзьями и с их согласия... Мы не станем это делать против кого бы то ни было и за спиной кого-либо». Бенеш обратил внимание на стремление укрепить Малую Антанту, но одновременно указал и на желание, чтобы все ее члены вместе или по отдельности тоже укрепили отношения с Германией.

Но германские представители не расстались с мыслью обсудить вопрос о положении немецкого меньшинства в Чехословакии. Бенеш заявил (время было позднее), что к этому вопросу можно будет вернуться в ходе дальнейших переговоров, но добавил, что все существенное в данной связи он уже сказал в Либереце: «Мы признаем право Лиги Наций. Мы готовы принять ее полный контроль. Международная общественность подпадает под влияние агитации и травли, но даже в Германии не знают о том, что здесь происходит в действительности. Мы этот вопрос разрешим и дадим немцам и национальным меньшинствам то, что им положено». Один день переговоров закончился, и Бенеш предложил, чтобы немецкие представители отправились в Берлин и там доложили об их результатах, чтобы затем продолжить обсуждение всех интересующих обе стороны вопросов. Так и произошло. Мастны сообщил в Прагу о положительной реакции руководства рейха («канцлер Гитлер был доволен») на итоги встречи.

Президент понимал, что избежать разговора о положении немецкого меньшинства в Чехословакии не удастся. В Англии и Франции все большее число людей, в том числе в верхах, верило германской пропаганде и опасалось возможного военного конфликта между Германией и Чехословакией, могущего привести к европейской войне. Так, чехословацкому МИДу, например, стало известно мнение английского посла в Париже Дж. Клерка о том, что «в Лондоне опасаются, как бы жалобы судетских немцев на Прагу не были использованы Берлином в качестве предлога для начала спора с Чехословакией, тем более что в Англии есть много людей, в том числе и довольно известных, которые убеждены, что чехословацкое правительство не обращалось с судетскими немцами совершенно справедливо... Чехословакия обязана, как в собственных интересах, так и в интересах других народов, не дать Германии такого предлога»⁵⁰.

18 декабря 1936 г. состоялась вторая встреча Бенеша с вышеуказанными представителями Берлина⁵¹. Оба делегата сообщили, что

Гитлер высказал в целом удовлетворение ходом переговоров и что теперь необходимо обсудить все оставшиеся невыясненными вопросы. Прежде всего, они касались судетских немцев. Бенеш снова повторил, что политика в отношении этой группы населения – чисто внутреннее дело Чехословакии, что она не может быть темой переговоров, но что он согласен проинформировать германских представителей о положении дел. Однако сначала президент решил поставить вопрос о расширении чехословацко-германских экономических связей, чтобы тем самым подчеркнуть, что вопрос о судетских немцах он считает последним, который может быть затронут в ходе «дружеской беседы». Но прежде Бенеш, упрекнув Германию в проведении «бессмысленной кампании» против Чехословакии, которая якобы «большевизирована», заявил, что «основная борьба против большевизма должна вестись на экономическом фронте» и что ЧСР никоим образом не заинтересована в «большевизации Германии, а совсем наоборот». Далее он проинформировал берлинских представителей о том, как пражское правительство смотрит на вопрос о судетских немцах, подчеркнув, что он решается и будет решен на основе чехословацкой конституции, «одной из самых справедливых в Европе, которую «признают и сами немцы». В ней зафиксирован принцип «Gleichberechtigung (равноправие) всех национальностей», «и я, как президент, требую от своих министров, чтобы они в своей политике этот принцип осуществляли. Речь идет о том, чтобы наши немцы, имея равноправие, пользуясь свободами парламентского режима, парламентским путем и в печати указывали на свои обиды, чтобы мы шаг за шагом устраняли эти несправедливости». Траутманнсдорф и Гаусгофер обвинили чехословацкую национальную политику в том, что она направлена на чехизацию областей с немецким населением. Бенеш, не отрицая того факта, что за время существования республики была осуществлена «так называемая чехизация» и что этот процесс продолжается, заявил, что «это процесс социологический, политический, экономический, процесс, который невозможно удержать, поскольку он имеет глубокие основания во всем развитии и условиях нашего государства, и должен таким образом приниматься как таковой». Немцы не хотят понять, что это результат внутренней миграции населения, что подтверждается, в частности, на примере изменений, происшедших в численном и национальном составе жителей Брно, Братиславы, Годонина и других городов. «Я констатировал, что немцы преувеличивают, когда во всем видят политику. Это – естественные вещи, неудержимые... это происходит всюду, где индустриализируется некая территория и где

существуют рядом находящиеся менее развитые сельскохозяйственные районы. Другими словами: чем больше немецкая пограничная территория будет экономически процветать, тем туда будет больше проникать чешский элемент».

Далее Бенеш указал на то, что в случае подписания договора о ненападении с Германией, он не должен содержать требование, чтобы Чехословакия вышла из Лиги Наций и отказалась от своих союзнических обязательств. Он выразил мнение, что такой договор должен основываться на прочной основе, а не носить сиюминутный характер, отвечающий лишь «моментальной ситуации», что он должен исходить из договора, подписанного между Германией и Чехословакией 16 октября 1925 г. в Локарно и до сих пор не потерявшего силу. «После некоторого колебания, – значитесь в записи Бенеша, – оба заявили, что эта идея для них приемлема, что на этой базе договор мог бы быть построен». Президент заявил, что, по его мнению, соглашение «должно иметь форму юридического договора, а не декларации». Ответ гласил, что окончательное решение на этот счет может принять только Гитлер. Но немецкие переговорщики знали, что фюрер еще до их повторного появления в Праге отверг идею подписания договора о ненападении с Чехословакией⁵². Бенеш же этого не знал и поэтому предложил им перечень пунктов, который мог бы содержать эвентуальный договор, который вскоре был оформлен президентом в виде проекта, содержавшего 6 статей. В первой из них говорилось о необходимости исходить из положений договора от 16 октября 1925 г. Во второй подчеркивалась необходимость соблюдать суверенитет другой стороны и не вмешиваться в ее внутренние дела. Таковыми значились все вопросы, «которые международное право считает исключительно прерогативами государства, включая форму их политического и социального устройства». В статьях третьей и четвертой говорилось о постоянном развитии, углублении и укреплении добрососедских отношений между обоими государствами, о расширении и упрочении их экономических и торговых связей. Стороны обязывались (статья пятая) все текущие вопросы, касающиеся их политических, экономических, культурных и иных связей, решать «в дружественном духе дипломатическим путем»⁵³. По одним сведениям, подготовленный Бенешем проект никем никогда не обсуждался, по другим – он был сразу отправлен в Берлин и французскому правительству; СССР же не был поставлен об этом в известность⁵⁴.

Так завершился первый год президентства Эдварда Бенеша. Международная обстановка в Европе и мире все более накалялась. Гитлер вплотную подступил к реализации идей, заложенных им в «Майн

Кампф». Началось оформление блоков агрессивных государств: 25 октября 1936 г. между Германией и Италией было заключено соглашение, получившее наименование «оси Берлин-Рим»; месяц спустя Германия и Япония заключили так называемый «антикоминтерновский пакт», к которому в январе 1937 г. присоединилась Италия. Эти новые политические объединения, официальной целью которых была борьба против большевизма, коммунизма, в действительности стремились к окончательному слому Версальской системы и новому переделу мира. В Европе ближайшими подручными «третьего рейха», кроме Италии, являлись Польша и Венгрия, тоже имевшие свои территориальные претензии к соседям, в частности к Чехословакии. Тайно вынашивались планы передела европейских границ. Так, в письме Литвинова Александровскому от 26 ноября 1936 г. говорилось об имеющейся у него информации, за достоверность которой он, правда, не ручался, о предполагаемом разделе ЧСР: «Чехословакия делится между Венгрией, Польшей и Германией, взамен чего Германия отказывается от дальнейшей экспансии на восток, поворачивается фронтом к Франции и Великобритании, добываясь колоний»⁵⁵. В ответном письме Александровского от 1 декабря 1936 г. сообщалось, что Крофта в разговоре с ним упоминал «о польском проекте раздела Чехословакии», что в журналистских кругах Праги «ходит слух» о плане раздела Чехословакии, который выглядит следующим образом: «Судето-немецкие части в Чехословакии отходят к Германии. Словакия присоединяется к Венгрии. Польша получает Моравскую Силезию и ряд исправлений к своей границе в Татрах и на Карпатах. Закарпатская Русь отходит к Венгрии лишь в незначительной части. Карпатские же горы переходят к Румынии с тем, чтобы румынская граница приняла в стратегическом отношении “естественный характер”. Жалкий остаток от такого раздела – почти Прага и ее окрестности – остается в качестве “самостоятельной Богемии”, заключающей союзный договор с окружающими ее государствами»⁵⁶. Хотя полученные сведения, по мнению советских дипломатов, в то время не являлись достоверными, история показала, что вскоре с некоторыми изменениями эти планы были реализованы.

Достаточно правильную характеристику итогов правления Гитлера и направленности его политики дал руководитель КПЧ К. Готвальд, выступая в палате депутатов Национального собрания Чехословакии 1 декабря 1936 г. Он заявил, что Гитлер «порвал военные статьи Версальского договора, который подписаны не Советским Союзом, а Францией, Англией, Чехословакией и другими, самовольно расторг Локарнский договор, который Германия подписала

не с Советским Союзом, а с Францией и Англией. Он оккупировал военными силами Рейнскую область и придвинул свою армию не к границам Советского Союза, а Франции и Бельгии. Он укрепляет Рейн и угрожает своими дальнобойными орудиями Страсбургу и Парижу, а не Москве. Он строит густую сеть аэродромов и больших автострад, которые направлены не к Москве, а к Брюсселю, Амстердаму, Праге и Варшаве». Конфискованные парламентской цензурой слова Готвальда гласили: «Мир должен быть безумен, если он после всего этого поверит хотя бы одному слову Гитлера»⁵⁷. Но западный «мир», не готовый к новой войне, делал вид, что верит в миролюбие фюрера, а, может, старался отдалить от себя неизбежное столкновение с нацистской Германией. А «третий рейх» при непротивлении западных держав продолжал вооружаться и, неустанно вещая о миролюбии, взял тайно курс на захват Европы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ДМИСЧО, 3. С. 211. В конце декабря 1935 г. Годжа попытался исправить это впечатление в интервью корреспонденту газеты «Известия», где он уделил большое внимание вопросам коллективной безопасности в Европе, высоко оценил чехословацко-советские культурные и экономические связи и высказал надежду на их дальнейшее развитие (с. 214, примеч. 2 и 4 к док. 124).

² Там же. С. 217–218.

³ Там же. С. 231.

⁴ Там же. 231.

⁵ Негус – буквально «царь царей», титул императора Эфиопии вплоть до свержения монархии в 1975 г.

⁶ Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1 (1. leden – 31. srpen 1936). Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2003. S. 55.

⁷ См. подробнее: *Наумов А.О.* «Рейнский блеф» Гитлера. Ремилитаризация Рейнской области в 1936 году // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 43–59.

⁸ Все важные документы, поступавшие от чехословацких дипломатических представительств, направлялись и в канцелярию президента.

⁹ Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1. S. 226.

¹⁰ Английское посольство в Москве также получило информацию, что «Советы хотят послать несколько сот бомбардировщиков во Францию через Чехословакию», которая-де получила просьбу о содействии. Чехословацкий военный атташе в Москве О. Фарский заявил английскому диплома-

ту, обратившемуся к нему за разъяснениями на этот счет, что «информация имеет все признаки панического блефа» и что «Советы чрезвычайно избегают всяческих военных провокаций». Английский дипломат признался, что в «советском штабе он получил такой же отрицательный ответ». Тем не менее эти слухи усиленно распространялись нацистской печатью и поддерживались официальными представителями рейха, в частности Г. Герингом (Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1. S. 253, 280–281).

¹¹ Ibid. S. 242–243.

¹² См.: *Наумов А.О.* «Рейнский блеф» Гитлера. С. 54.

¹³ Там же. С. 56–57.

¹⁴ Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1. S. 243–246.

¹⁵ Ibid. S. 250–251.

¹⁶ В начале апреля 1935 г. Чехословакия, Румыния и Югославия изложили свое отношение к действиям австрийского правительства в вербальных нотах (Ibid. S. 325, 327–329).

¹⁷ Ibid. S. 304, 310.

¹⁸ Ibid. S. 322–323.

¹⁹ Ibid. S. 227–228.

²⁰ ДМИСЧО, 3. С. 254–255.

²¹ Там же. С. 241 (примеч. 2 к док. 142).

²² Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1. S. 63.

²³ Ibid. S. 279.

²⁴ Ibid. S. 389

²⁵ Ibid. S. 457–459

²⁶ ДМИСЧО, 3. С. 262, 263 (примеч. 1 к док. 160)

²⁷ Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1. S. 469

²⁸ ДМИСЧО, 3. С. 262.

²⁹ Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1. S. 509–516.

³⁰ Ibid. S. 481–484, 500–503, 506–508.

³¹ Хотя еще в апреле 1936 г. в циркулярной депеше К. Крофты говорилось: «Сами без союзников вести переговоры с Германией мы не будем, но от совместных переговоров отказываться не станем» (Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1. S. 333).

³² Ibid. S. 46–49.

³³ *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха (пер. с англ). М., 1991. С. 45 электронной книги. (<http://bookz.ru/authors/shirer-uil-am/shirer1/page-45-shirer1.html>).

³⁴ Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 1. S. 604–607.

³⁵ ДМИСЧО, 3. С. 277–278.

³⁶ Там же. С. 278–279.

³⁷ Československá zahraniční politika v roce 1936. Sv. 2. S. 13–15.

³⁸ Ibid. S. 22–23.

³⁹ В отличие от предыдущих съездов на него были приглашены и главы дипломатических миссий, аккредитованные в Берлине. Большинство европейских государств приняло это приглашение: всего 41 из 53, в том числе и Чехословакия. Отказались прибыть на съезд представители Ватикана, Франции, Великобритании, США, СССР, Испании, Норвегии, Голландии.

⁴⁰ Эти утверждения прежде уже не раз официально опровергались Чехословакией.

⁴¹ Подробную информацию о съезде см.: *Československá zahraniční politika v roce 1936*. Sv. 2. S. 28–37.

⁴² Ibid. S. 82, 110–111.

⁴³ Ibid. S. 87.

⁴⁴ ДМИСЧО, 3. С. 285; *Československá zahraniční politika v roce 1936*. Sv. 2. S. 157.

⁴⁵ ДМИСЧО, 3. С. 274 (примеч. 1 к док. 171).

⁴⁶ Ход переговоров воспроизводится по этой записи, см.: *Československá zahraniční politika v roce 1936*. Sv. 2. S. 198–204.

⁴⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М., 1974. Док. 328. С. 514; Док. 331. С. 517.

⁴⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М., 1974. Док. 338. С. 528.

⁴⁹ 11 июля 1936 г. был заключен австро-германский договор, по которому австрийское правительство признавало себя германским государством. В секретных приложениях к договору оно брало на себя обязательства, превращавшие страну в придаток «третьего рейха». По сути был расчищен путь к последующему аншлюсу (Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999. С. 18).

⁵⁰ *Československá zahraniční politika v roce 1936*. Sv. 2. S. 215.

⁵¹ Ход переговоров описывается по заметкам, сделанным Бенешем: *Československá zahraniční politika v roce 1936*. Sv. 2. S. 284–291.

⁵² См.: *Československá zahraniční politika v roce 1936*. Sv. 2. S. 291 (примеч. 1 к док. 486.)

⁵³ Ibid. S. 312–313.

⁵⁴ См., например: ДМИСЧО, 3. С. 323 (примеч. 8 к док. 201).

⁵⁵ Документы внешней политики СССР. Т. XIX. С. 781 (примеч. 229 к док. 392).

⁵⁶ ДМИСЧО, 3. С. 291.

⁵⁷ Там же. С. 294–295.

1937 ГОД: НА ПОДСТУПАХ К МЮНХЕНУ

Сохранить чехословацко-германские переговоры в тайне не удалось. О них, естественно, не мог не знать лидер аграриев премьер М. Годжа, который тотчас воспользовался этим, чтобы реализовать свою идею создания союза государств Срединной Европы, включая Чехословакию, ориентирующихся, прежде всего, в экономическом плане на Германию. Это, по его мнению, должно было ослабить напряженность в чехословацко-германских отношениях и воспрепятствовать росту агрессивных намерений «третьего рейха» в отношении ЧСР. Возглавляемая Годжей аграрная партия и ее центральный орган газета «Венков» продолжали начатую в 1936 г. кампанию за смену внешнеполитической ориентации Чехословакии, особенно нападая на ее союзнические отношения с СССР¹. В Москве были явно обеспокоены этим. М.М. Литвинов в телеграмме от 14 февраля 1937 г. дал указание С.С. Александровскому довести до сведения Годжи, что «установка некоторых аграрных органов печати производит у нас самое тяжелое впечатление» и что она «несомненно влияет на политику Югославии и Румынии и в немалой мере ответственна за происходящий развал Малой Антанты. Она же поощряет агрессивность Германии и Польши»². Очевидно, о встревоженности и недовольстве Москвы ситуацией в Чехословакии получил информацию и Бенеш. 10 февраля, как сообщал Литвинову Александровский, «я был в опере на “Евгении Онегине”, дававшемся по случаю 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина. В театре был Бенеш. Я ходил к нему в ложу, и здесь он мне между прочим сообщил, что Годжа на днях позовет меня для разговора, который рассеет мои сомнения». 15 февраля премьер действительно принял Александровского и разъяснил ему свою позицию: «Если Чехословакия при своем географическом положении окажется изолированной, то не пройдет и года, как она не формально, а по существу превратится в провинцию великой Германии... Отсюда вытекает основная внешнеполитическая задача, которую ставит

себе Годжа: бороться против изоляции и связать Чехословакию как можно тесней с рядом стран, но в первую очередь с придунайскими странами. Ядром должна являться Малая Антанта, но поскольку пропагандирует здесь много разъединяющих моментов, постольку Годжа пропагандирует экономическую Малую Антанту, родившуюся по его инициативе»³. Премьер рассчитывал получить поддержку своим планам в Англии, которая, по его мнению, «начинает ближе присматриваться к среднеевропейским делам». В действительности это было ошибочное умозаключение: Великобритания не собиралась «утруждать себя» вмешательством в решение центральноевропейских проблем; для нее важнее было не осложнить отношений с «третьим рейхом», претендовавшим, как, впрочем, и СССР, на укрепление своих позиций в указанном регионе.

Хотя прямых свидетельств этого нет, но представляется, что прагматик в политике Бенеш в контексте ведущихся с Германией зондажных переговоров, а также осознавая ослабление роли Франции в европейских делах, не оказывал уже решительного сопротивления планам своего премьера. Сохранить в тайне переговоры, имевшие место на Градчанах, конечно, не удалось: слухи о них активно распространялись как в дипломатическом корпусе, так и в журналистских кругах. В начале 1937 г. Бенеш еще тешил себя иллюзиями, что идея заключить договор о ненападении с Германией может дать реальный результат, и напряженность в отношениях Праги и Берлина будет снята.

Президент и его «продленная рука» в Министерстве иностранных дел К. Крофта пока продолжали верить в возможность тайных – на самом деле ставших уже секретом Полишинеля – переговоров с Берлином в формате «обмен мнениями» относительно возможности договориться с рейхом. Вероятно, содействовали этому и слухи о переговорах подобного рода, ведущихся между Берлином и Москвой. В 1935–1937 гг. СССР действительно вел переговоры о развитии экономических связей с Германией и поддерживал их. На этой основе некоторые ее руководители, в частности Г. Геринг, пытались начать диалог о политическом сближении обеих стран⁴. Однако Кремль тогда не принял «протянутую руку». В. Магны несомненно отслеживал взаимоотношения Берлина с Москвой и информировал об этом Прагу. Также несомненно, что в Кремле если не знали точно, то догадывались (по намекам Александровского) о переговорах между Прагой и Берлином. Видимо, совершенно не случайно, посланник ЧСР в СССР Б. Павлу информировал 20 января 1937 г. пражский МИД о публикациях в советской печати статей относительно угрозы, грозящей Чехословакии со стороны Германии. «Советская печать, – сообщал Павлу, – в

последнее месяцы уделяет повышенное внимание событиям в Чехословацкой республике и в соседних с нею странах». Из публикаций о ситуации в Средней Европе складывается впечатление, «как будто бы Германия в ближайшее время может напасть на Чехословакию». Посланник переслал в переводе на чешский язык две статьи на этот счет, опубликованные в газетах «Известия» и «Правда» 17 января 1937 г.⁵

То, что тучи над его любим детищем, Чехословакией, сгущаются, все яснее осознавал и Бенеш и стремился отодвинуть от нее грозящую опасность. 12 января 1937 г. он ознакомил с выработанным им проектом договора с Германией переговорщиков из Берлина К. Гаусгофера и К. Траутманнсдорфа. В ожидании очередного их визита президент несколько раз возвращался к проекту, дорабатывая его не по сути, а стилистически. С текстом были ознакомлены и сотрудники МИД, которых Бенеш просил сделать замечания и предложения, объясняя внесенные им поправки. В частности, он писал, что в новом проекте нет ничего, позволяющего думать, что «мы касаемся наших обязательств в отношении союзников или уменьшаем их». Указывалось на почти полную схожесть содержания проекта договора с соответствующими договорами Германии с Польшей и Австрией⁶.

Подробно обсуждался вопрос о договоре и с Мастным. Из его записи от 24 января известно, как разворачивались связанные с этим события в Берлине. Гаусгофер представил свой отчет наверх. 23 января состоялась его беседа с Мастным, длившаяся три часа. Гаусгофер сообщил, что его устный доклад заместителю Гитлера Гессу и Риббентропу был встречен «с большой симпатией», а 14 января его принял Гитлер, который, ознакомившись с письменным рефератом, пространно комментировал его. Согласно записи Мастного, фюрер «не имел пока никаких принципиальных возражений и принял доклад к сведению “как важный дальнейший шаг” для подготовленных переговоров». Гитлер просил уведомить о идущих переговорах Шахта, что и было сделано, а тот отдал соответствующее указание немецкой торговой делегации для ведения переговоров в Праге относительно налаживания германо-чехословацких экономических связей. У Гаусгофера, по словам Мастного, сложилось впечатление, что дело идет успешно и проблем с заключением договора в ближайшем будущем не возникнет, в чем он уверен на 80%. Выяснилось, что пока о ведущихся с Прагой переговорах не информированы ни Геринг, ни Геббельс, ни даже министр иностранных дел К. фон Нейрат. По мнению Мастного, об отношении Геринга к Чехословакии можно судить на основании его слов: «С дружественной по отношению к Германии Чехословакией мы будем жить в дружбе, Чехословакию

же нам не дружественную мы уничтожим». Против заключения договора с ЧСР, как полагал Мастны, не возражала бы и армия, которая опасалась «какой-либо авантюры». Геббельса и Розенберга чехословацкий дипломат относил к числу противников договора («Эти люди из лагеря радикализма и ирреденты ухватятся за каждую возможность, чтобы свести на нет любую тенденцию к замирению не только между обоими государствами, но и внутри нашей страны с немцами»)⁷. Поэтому, делал вывод Мастны, чехословацкой печати необходимо избегать личных выпадов против Гитлера и такой терминологии, как «гитлеризм», «гитлеровская кампания», которой «полнится наша печать и наше радио». Необходимость сохранения секретности предварительных переговоров, по мнению посланника, обусловлена и тем, чтобы элементам, враждебным договору, не дать возможность оказать влияние на фюрера и восстановить его против договора. Хотя совершенно ясно, считал Мастны, что «ценность договора с беспокойной Германией вообще проблематична, поскольку нет уверенности, что он не будет нарушен, тем не менее его ценность в контексте общеевропейской ситуации была бы моральным вкладом большого значения и особенно в связи с тем, что вопрос внешней политики Чехословакии рассматривается как вопрос европейского мира». Мастны дал возможность Гаусгоферу ознакомиться с проектом договора, против которого тот не имел «никаких возражений», считая, что текст полностью отвечает достигнутым в Праге договоренностям⁸.

30 января Гитлер выступил в рейхстаге с большой речью, значительную часть которой посвятил положению Германии в Европе и внешней политике «третьего рейха». В частности, фюрер отметил, что с рядом государств – Италией, Венгрией, Австрией, Югославией, Польшей – Германия имеет дружественные отношения. Среди условий умиротворения Европы Гитлер назвал «внимание к оправданному чувству национальной гордости» национальных меньшинств. Здесь явно имелась в виду Чехословакия, хотя прямо о ней ничего не было сказано. 31 января Бенеш дал через МИД указания (документ имел гриф «секретно») чехословацкой печати в связи с комментированием речи Гитлера: «1) В целом: еще большая сдержанность, чем до сих пор. Ни в коем случае не дать спровоцировать себя, даже если бы Гитлер прибег к сильным выражениям. 2) Осторожно о личности Гитлера. Избегать терминологии: hitlerovství, гитлеризм и др. Критически, спокойно, аргументировано». Одновременно Бенеш дал указание о принципиальной поддержке заявлений английского министра иностранных дел А. Идена и французского премьера Л. Блюма⁹. Коммен-

тируя их, президент писал: «Мы считаем, что европейский договор возможен и необходим. Иден и Блюм правильно обозначили основу этого договора: экономическое сотрудничество, но политическая уверенность, обеспечение мира, никаких идеологических войн, сотрудничество всех европейских великих держав и вступление в Лигу Наций». Указывая на то, как надо реагировать на возможное упоминание Гитлером о ЧСР, Бенеш ссылался на его выступления от 7 марта и 21 мая 1936 г. и свое в Либерце и Яблонице от 19 августа 1936 г. (см. главу 8). «Мы, – писал он, – за сохранение существующих отношений с друзьями и за разумное урегулирование и улучшение наших отношений с соседями». Особо подчеркнул президент необходимость опровержения лживых слухов (конечно, имелась в виду, прежде всего, кампания в германской печати) «о нашем большевизме», «о советских аэродромах» на чехословацкой территории. «Германия хорошо знает, – значилось в документе, – что 16-миллионное государство не может стать инструментом ничьей политики, ни Франции, ни России, ни самой Германии. Мы являемся лишь инструментом мира, хотим остаться и останемся таковым. Если, следовательно, на указанной основе... будет возможен договор в соответствии со словами и предложениями канцлера Гитлера, то ясно, что у нас все будут с этим согласны». Что касается вопроса о национальных меньшинствах, то Бенеш повторил свою прежнюю позицию: «о наших внутренних делах никто не имеет права говорить. И если постоянно повторяется, что Германия симпатизирует нашему (немецкому. – В. М.) национальному меньшинству, то это стремление говорить о наших делах и оказывать влияние на нашу политику. Мы отвергаем это. Свои дела мы решим сами, как надо и по справедливости».

На речи Гитлера остановился и К. Крофта, выступая перед ведущими сотрудниками МИД 4 февраля 1937 г. Он отметил, что речь произвела разное впечатление в мире: во Франции и Англии – неблагоприятное, в Чехословакии – «скорее наоборот». Министр объяснил это тем, что Франция и Англия ждали от Гитлера каких-то мирных предложений, а «мы, напротив, больше ожидали каких-то нападок». Крофта также отметил, что о Лиге Наций фюрер говорил иронично, а о большевизме весьма отрицательно, делая однако различие между большевизмом (как идеологией. – В. М.) и Советским Союзом (как государством. – В. М.), а также категорически заявил, что Германия не заключала с Советским Союзом никакого договора, который обязывал бы ее оказывать помощь России или принимать от нее какую-либо помощь¹⁰. Оценив 12 февраля чехословацко-германские отношения как неплохие, Крофта заметил, что в Герма-

нии существует повышенный интерес к событиям в России, где в то время шли процессы по делу троцкистов. Министр подчеркнул, что Берлин понимает происходящее в Москве по своему¹¹, считая, что в СССР могла бы произойти смена режима и тогда «могла бы сразу измениться немецкая политика в отношении России»¹². Заметим, что эта констатация, видимо, была неслучайной: чехословацкие руководители опасались, как бы укрепление германо-советских отношений не нанесло ущерб чехословацко-советским дружественным связям и не лишило ЧСР одного из ее союзников в возможном конфликте с «третьим рейхом». Уверенность в том, что будет подписан договор о ненападении с Германией, хотя и существовала, не была твердой и постепенно сходилась на нет. Хотя еще в конце февраля Мастны информировал Прагу, что через неделю Траутмансдорф и Гаусгофер будут приняты Гитлером, чтобы «обсудить подготовку текста основы договора»¹³, из известных автору документов не ясно, состоялась ли такая беседа. Скорее всего, нет, иначе Мастны знал бы об этом. Возможна и другая версия: беседа состоялась, но Гитлер уже принял решение прекратить «заигрывание» с Чехословакией и взял курс на ее ликвидацию. Как сообщал Мастны в Прагу, 20 марта состоялась его беседа с министром иностранных дел Германии фон Нейратом, который, не отрицая возможности продолжения германо-чехословацких переговоров о заключении договора о ненападении, считал, что пока следует сделать в них перерыв и выждать, как будет развиваться ситуация¹⁴. Но переговоры так и не были возобновлены.

Достаточно точно оценивал развитие германо-чехословацких отношений в это время советский полпред в Германии Я. Суриц. 4 марта 1937 г он сообщал: «За последнее время особенно часто упоминается Чехословакия. Если еще до недавнего времени существовали сомнения насчет того, в каком направлении разовьется германская агрессивность, то сейчас почти все сходятся на том, что первая очередь в наступательном плане Германии крепко уготована за Чехословакией... В газетной кампании, которая ведется против Чехословакии, на первый план явно начинают выпячивать тезис о зараженности Чехословакии коммунизмом... Существуют поэтому законные опасения, что, опираясь на немецкие меньшинства, Германия вызовет внутренний путч в Чехословакии и по испанскому образцу организует защиту этого “центра Европы” от коммунистической угрозы. Этот план предоставляет то удобство, что не облакает германское вмешательство в форму открытого военного нападения на Чехословакию». Правда, полпред оговаривался, что считать этот план уже подготовленным и намеченным для реализации в ближайшие дни

пока нельзя¹⁵. Впрочем, история показала, что события развивалась именно в этом направлении.

Слухи о ведущихся чехословацко-германских переговорах достигли и Александровского, который в беседе с Крофтой 8 марта попытался выяснить, насколько они верны. Остановившись на истории вопроса и чехословацких условиях подписания договора, министр заверил советского полпреда, что «опора на СССР является для Чехословакии единственной реальной гарантией ее безопасности». Позиция Александровского и, следовательно, Москвы сводилась к следующему: «Принятие и соблюдение всего, что Крофта считает безоговорочным условием, было бы для Гитлера равносильно поражению его внешнеполитических устремлений». В ответ на это министр, согласно словам Александровского, «кроме неубедительных общих рассуждений», утверждал, что Германия очень сильно опасается нападения со стороны СССР, который «пользуется Чехословакией как плацдармом для подготовки такого флангового удара». Советский полпред опроверг эти лживые измышления¹⁶. Несомненно, он был прав, утверждая, что заключение договора с Чехословакией на предложенных ею условиях означало бы отказ от реализации внешнеполитических планов Гитлера. Переговоры и слухи о них укладывались в рамки декларируемых им миролюбивых стремлений, и фюрер, видимо, когда посчитал это нужным, решил положить конец «налаживанию дружбы» с Чехословакией. С ней, как важным препятствием на пути осуществления грандиозных замыслов фюрера по овладению Европой, надлежало покончить любым путем. Переговоры прекратились. Усилилась обработка мирового общественного мнения в направлении, подводящем к мысли, что Чехословакия своим поведением толкает мир к началу войны. Из заявлений ведущих германских политиков и дипломатов явствовало, что подписанию договора с ЧСР препятствуют два обстоятельства: первое – ее союзнические отношения с СССР, рост влияния большевизма в стране и, следовательно, угроза его распространения в Европе, второе – угнетенное, неравноправное положение немецкого национального меньшинства. На том же делала упор и геббельсовская пропаганда. Следует заметить, что в связи этим, а также активностью партии Генлейна, в том числе и на международной арене, вопрос о «бедственном» положении судетских немцев все больше привлекал внимание мировой общественности, особенно английской, опасавшейся, что его нерешенность может привести к европейской войне. И чем дальше, тем больше английское правительство оказывало давление на Прагу, склоняя ее к уступкам Генлейну во имя примирения Чехословакии с Германией. Посланник ЧСР в Лондоне

Я. Масарик, как сообщал в Москву советский полпред в Англии И.М. Майский 10 августа 1937 г., охарактеризовал английскую политику следующим образом: «Англия не совсем равнодушна к судьбам Чехословакии, она питает к ней даже известную симпатию как к форпосту демократии в Центральной Европе, но симпатия эта не горячая, а теплая, и рассчитывать на какие-либо энергичные акции со стороны Лондона в случае опасности для Чехословакии едва ли приходится». Масарик подтвердил, сообщалось далее в телеграмме, что «Форин офис в последние месяцы как в Лондоне, так и через своего посланника в Праге неоднократно давал чехословацкому правительству советы как-нибудь смягчить напряжение, существующее в чехословацко-германских отношениях, в частности, пойти на необходимые уступки судетским немцам»¹⁷.

Бенеша долго еще не покидала мысль о возможности договориться с Германией, что явствует из его беседы с Александровским в конце апреля 1937 г. Президент заявил советскому полпреду, в частности, что он приветствовал бы сближение СССР с Германией, поскольку тогда соседские взаимоотношения Чехословакии с этой страной «приняли бы более благоприятные формы». На вопрос, видит ли Бенеш какие-либо изменения в поведении Германии, на основе которых можно было бы рассчитывать на улучшение взаимоотношений СССР или Чехословакии или Франции с Германией, президент ответил, что, хотя дальше зондажа в Чехословакии дело не пошло, но «если бы Германия сделала какие-либо предложения, то Чехословакия не смогла бы отвергнуть без переговоров те германские предложения, которые открывали бы перспективу на улучшение взаимоотношений. Однако нерешенным условием было бы тогда полное сохранение, а по возможности и укрепление уже существующих гарантий мира. К таким гарантиям Бенеш прежде всего относит систему договоров о взаимной помощи, объединяющих СССР с Францией и Чехословакией»¹⁸.

Но, несмотря на эти уверения, Москва была, видимо, встревожена возможностью сближения Чехословакии с Германией, поворота в чехословацкой внешней политике, что следует из письма заместителя наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкина Александровскому от 11 мая 1937 г. «Получаемая нами информация, – говорилось в письме, – подтверждает Ваше наблюдение, что правительство Чехословакии, констатируя международную изоляцию своей страны, не чувствуя за собой поддержки Франции и видя все дальше идущий распад Малой Антанты, все более склоняется к мысли о необходимости договориться с Германией, чтобы, хотя бы на время,

застраховать себя от конфликта с этим опаснейшим своим соседом». «По-видимому, – говорилось в письме, – тактическая цель Германии и Италии в отношении Чехословакии уже достигнута... чехословаки готовы пойти на капитуляцию перед Берлином»¹⁹. В действительности, по свидетельству ныне известных документов, если и можно было говорить вообще о «капитуляции», то только на определенных условиях, на которые, как следует из вышеизложенного, Германия никогда бы не пошла. Опасения Москвы нашли отражения и в статье «Известий» от 16 мая 1937 г., посвященной второй годовщине подписания договора о взаимной помощи между СССР и Чехословакией. В ней, в частности, утверждалось, и не без основания, что в Чехословакии существуют течения, стремящиеся изменить ее внешнеполитический курс, направив его на сближение с фашистской Германией. Выразителем этого течения назывался центральный орган аграрной партии – газета «Венков». Напомним, что главой аграриев являлся премьер-министр М. Годжа, пресса которых не прекращала нападки на Советский Союз. «Чехословакия, имеющая общую границу с фашистской Германией, – говорилось в статье «Известий», – вряд ли сможет отстоять свою безопасность и независимость, опираясь на свои собственные силы. Только в рамках коллективной безопасности и опираясь на свои соглашения о взаимной помощи с Францией и Советским Союзом, Чехословакия может отстоять свою безопасность»²⁰. Несомненно, понимал это и Бенеш.

Одновременно с попыткой улучшить отношения с Германией Чехословакия нащупывала возможность укрепить добрососедские отношения с Венгрией и Польшей. Но и здесь положительных результатов достичь не удалось: и та, и другая страна имели территориальные претензии к ЧСР, а также вслед за Германией усилили критику положения венгерского и польского меньшинств в Чехословакии. Однако еще в мае 1937 г. Бенеш не терял надежды на возможность улучшить отношения с соседями ЧСР. Во время поездки по южной и юго-западной Чехии он выступил в Чешских Будейовицах с заявлением по внешнеполитическим вопросам. Чехословакия, по словам президента, не отказываясь от имеющихся у нее дружественных связей, поддержки политики Лиги Наций и обязательств по линии Малой Антанты, в то же время не видит препятствий к достижению договоренности «со своими соседями, Германией, Польшей и Венгрией, или с другими государствами»²¹.

Однако, ощущая нарастание изолированности страны, Бенеш стремился укрепить Малую Антанту, усилить ее роль в европейской политике и руководящие позиции ЧСР в ней. Но этот союз, несмотря

на публичные уверения ведущих политиков Чехословакии, Румынии и Югославии в его прочности, близился к своему распаду: слишком много противоречий появилось между этими странами, особенно в области внешнеполитической ориентации. Румынию, у которой не складывались отношения с Советским Союзом из-за его претензий на Бессарабию, не устраивали слишком тесные, по ее мнению, дружественные связи Чехословакии с ним. Югославия тяготела к союзу с Италией. Укреплению Малой Антанты препятствовали ее открытые противники – Германия, Италия, Венгрия, а также в менее явной форме Польша и Великобритания. У реалиста в политике Бенеша не было особых иллюзий относительно Малой Антанты, но он считал ее «все еще жизнеспособной» организацией. Полагая, что «после занятия немцами Рейнской области малые государства руководствуются в своем поведении страхом перед Германией и неверием в защиту со стороны Франции»²², президент все же не оставлял мысль об укреплении этого тройственного союза.

С этой целью и был задуман договор о взаимопомощи между Францией и Малой Антантой как целого. Эта идея возникла еще в 1936 г., но конкретная ее реализация натолкнулась на многие трудности как с одной, так и с другой стороны. Францию не устроил предложенный ей проект договора, и она разработала свой проект, учитывавший и интересы Великобритании. Согласно нему, Франция, беря на себя обязательство оказать помощь любому члену Малой Антанты в случае неспровоцированной агрессии, предполагала при этом взаимную помощь между государствами-членами союза и эвентуальную помощь Малой Антанты как целого Франции в случае нападения на нее. Чехословакия готова была принять это предложение. Но Румыния и Югославия заняли колеблющуюся позицию. Переговоры о подписании пакта затягивались. Под разными предлогами откладывался визит Бенеша в Югославию, несмотря на желание президента совершить поездку как можно скорее. Официальный Белград с опасениями относился к развитию советско-чехословацких связей, не противился пропагандистской кампании, характеризующей Чехословакию как «полубольшевистское государство». «Страх перед большевизмом здесь прямо панический, – сообщал в Прагу в конце февраля 1937 г. чехословацкий посланник В. Гирса, – ...многие здешние головы ищут выход в так называемой твердой руке и авторитарном режиме»²³. 25 марта 1937 г. был подписан и сразу же ратифицирован югославо-итальянский договор. Подписан без предварительного оповещения об этом и согласования действий с другими членами Малой Антанты, как того требовал ее организационный статут. Правительство

М. Стоядиновича пыталось представить договор как малозначимый документ о текущих отношениях между обоими государствами. Но дело обстояло не так. Гирса, передавая в Прагу текст договора, писал: «Это – договор о дружбе, договор о ненападении, договор о нейтралитете, о территориальных гарантиях, договор о развитии политического сотрудничества... Естественно, что как здешняя общественность, так в значительной мере и зарубежная общественность усматривают в подписании этого договора нарушение существующих союзнических обязательств»²⁴. В личном письме на имя Бенеша Гирса сообщал на основании сведений, полученных им от оппозиционных Стоядиновичу лиц, о грядущем резком изменении при поддержке Италии югославского внешнеполитического курса²⁵. 1–2 апреля 1937 г., за несколько дней до начавшегося визита Бенеша в Югославию, состоялось очередное заседание Постоянного совета Малой Антанты²⁶. Крофта, информируя ведущих функционеров МИД о заседании и влиянии югославо-итальянского договора на положение дел в союзе, не склонен был видеть в происшедшем катастрофу и подчеркивал, что ухудшения отношений между членами Малой Антанты не произошло. Визит Бенеша в Югославию 5–7 апреля министр расценивал, как весьма успешный и содействующий сохранению союза и решимости его членов согласованно выступать по всем важным вопросам международной политики. «Ход визита, – значилось в циркулярной телеграмме Крофты чехословацким дипломатическим представительствам от 12 апреля, – подтвердил, что идея Малой Антанты и особенно дружественное отношение Югославии к Чехословакии укоренены в югославском народе, правительстве и оппозиции, что отклонение от политики Малой Антанты невозможно»²⁷. Однако представляется, что тут выдавалось желаемое за действительное: на самом деле союз быстрыми шагами шел к своему развалу.

Не сомневался в этом и Гитлер, направивший в Рим и Белград поздравительные телеграммы по случаю заключения договора между Италией и Югославией. Германский посол в Риме в беседе с Чиано заявил, что фюрер искренне рад тому, что «именно в это время был заключен договор между двумя симпатизирующими Германии народами». Относительно пакта о ненападении между Прагой и Берлином посол заявил, что пока его подписание невозможно и что препятствием к этому являются вопрос о немецком меньшинстве и пакт Прага–Москва²⁸.

Советско-чехословацкий договор был как бельмо на глазу Гитлера, он раздражал фюрера, как красная тряпка быка, и являлся осязательным препятствием на пути упрочения германо-итальянских

позиций в придунайском регионе. Бенеш, наоборот, был заинтересован в сохранении этого договора как противовеса агрессивным устремлениям Германии и гаранта безопасности ЧСР. Более того, президент, думается, был заинтересован и в сохранении у власти сталинского руководства, намеренного поддерживать дружественные отношения СССР с Чехословакией. Поэтому, по всей вероятности, его страшила возможная перспектива изменения режима в Советском Союзе, установления там военной диктатуры, способной договориться с германской военщиной в ущерб интересам ЧСР. А слухи о возможности такого переворота не обошли стороной и Прагу. В этой связи представляется интересным вернуться к вопросу о роли Бенеша в судьбе маршала М.Н. Тухачевского и других представителей советского генералитета. Как известно, они были обвинены в государственной измене, тайных сношениях с германскими фашистами и расстреляны, после чего началась «глубокая чистка» всего командного состава Красной Армии, приведшая по существу к его ликвидации и чрезвычайному ослаблению советских вооруженных сил. После XX съезда КПСС Тухачевский и его соратники были реабилитированы. Вопрос о роли Бенеша в их судьбе активно обсуждался историками и публицистами, в том числе и российскими, в конце 80–90-х гг. прошлого века. Что было выявлено? Во-первых, то, что Бенеш переслал (передал) Сталину документальную информацию, касающуюся «предательской деятельности» Тухачевского и его соратников. Во-вторых, что эти документы были сфабрикованы германскими секретными службами и подброшены Бенешу. Некоторые исследователи, в частности, западногерманский историк И. Пфафф, считали, что именно эти документы сыграли роковую роль в судьбе маршала Тухачевского²⁹. Представляется, что в конце прошлого века эта точка зрения была преобладающей. Сегодня оценки более сдержанны. Чешский историк Й. Деймек, автор двухтомной биографии Э. Бенеша и публикатор документов внешней политике Чехословакии в 1937 г., считает, что, если эти направленные Бенешем Сталину материалы и сыграли свою неблагоприятную роль, то никак не основную, а лишь в ряду других факторов, повлиявших на трагическую судьбу маршала³⁰. Известно, например, что информация о тайном сотрудничестве некоторых представителей верховного командования Красной Армии с немецким генералитетом поступила в Москву, в частности, от французского военного министра Э. Даладье, а также, по некоторым сведениям, от И.М. Майского из Лондона³¹.

Из ныне опубликованных документов ясно, что чехословацкий МИД внимательно отслеживал события, происходившие в СССР.

Б. Павлу³², информируя Прагу о процессах по делу «троцкистов», ограничивался преимущественно пересказом официальной версии вменяемой им вины, которая излагалась в советской печати. После казни Тухачевского и его соратников временный поверенный в делах Чехословакии в СССР Й. Шуст, сообщая об этом телеграммой в МИД, писал: «Трудно поверить, чтобы восемь способных генералов, занимавших ответственные посты, находились прямо в сношениях с немецким разведывательным центром... Приговор принят общественностью спокойно, в дипломатических кругах опасаются, как бы сила советской армии не была серьезно подорвана»³³. Сообщая 12 июня о казни Тухачевского и других советских генералов, Шуст высказал ряд недоуменных вопросов, касавшихся как оценки деятельности казненных, так и суровости приговора. Изложил он и версию, вероятно имеющую тогда широкое хождение: «Утверждается, например, что речь шла о подготовке грядущей дворцовой революции, направленной на устранение Сталина, Ворошилова, Кагановича, Ежова и некоторых других руководителей коммунистической партии, которые сегодня решают все вопросы более или менее самостоятельно и являются неограниченными диктаторами. В случае удачной попытки их устранения, их места были бы заняты осужденными и казненными офицерами». Вместе с тем Шуст утверждал, что ни в обвинительном заключении, ни в мотивации приговора о готовившихся покушениях на руководителей партии ничего не говорится³⁴.

О позиции чехословацких официальных властей по «делу Тухачевского» можно судить на основании выступления Крофты перед руководящими сотрудниками МИД и избранными журналистами 17 и 18 июня 1937 г. Надо думать, что эти оценки и формулировки были согласованы министром с президентом, поскольку события в СССР не могли не сказаться на международном положении в целом, на внешней политике Советского Союза и его политическом статусе на европейской арене, на советско-чехословацких отношениях. Поэтому остановимся на обоих выступлениях подробнее. Сообщения о событиях в СССР, согласно заявлению Крофты, весьма различны и даже «хорошим знатокам» трудно составить представление о сложившейся там ситуации. «С моральной точки зрения каждый, естественно, осуждает последние “русские события”, но государства, враждебные России, пытаются использовать их в политических целях». Нельзя забывать, по мнению Крофты, что и в других странах с диктаторскими режимами (Италия, Германия) происходили подобные события, но через это перешагнули, и «никто эти страны не исключал из европейского сообщества». «Судить о политическом

значении процессов весьма нелегко, поскольку мы не знаем, в чем провинились обвиняемые» и действительно ли они виноваты в том, в чем их обвиняют. В первую очередь тут имел место страх Сталина перед оппозицией, но, с другой стороны, нет никаких сомнений, что какие-то связи обвиняемых с Германией действительно существовали. Об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что в начале этого года Гитлер ожидал, согласно надежному сообщению (подчеркнуто. – В. М.), политических изменений и даже переворота в России. Встает вопрос, что нынешние события означают с точки зрения стабильности и крепости существующего там режима. Было бы преждевременно судить, по мнению Крофты, что дело дойдет до исключения СССР из международного сотрудничества, в целом оценки специалистов сходятся в том, что, наоборот, режим крепок и пользуется любовью и что устранение Тухачевского и других вероятно даже усилило эту любовь широких слоев, поскольку никто из казненных не был особенно любим». «На вопрос, означают ли последние события ослабление русского влияния на европейскую политику, можно дать положительный ответ, по крайней мере если речь идет о ближайшем времени; однако речь пойдет лишь об ослаблении и только о временном ослаблении, а не о длительном его (влияния. – В. М.) исключении», – так виделась ситуация Крофте. Что касается военного ослабления, то министр считал: «Те, кто желал бы этого ослабления, переоценивают Тухачевского, поскольку он являлся не единственным и не лучшим строителем советской армии. К тому же существует вопрос, имело ли его движение, если таковое вообще существовало, каких-либо последователей среди офицеров. Если да, и если их было много, тогда реорганизация армии означала бы значительные трудности для СССР»³⁵. Таким образом, в этом выступлении руководителя внешней политики Чехословакии сквозят явные неуверенность и колебания в оценках происходившего в Советском Союзе, а с другой – надежда на то, что случившееся не снизит веса СССР в европейской политике и не ослабит его военную мощь.

На следующий день, 18 июня, на встречу с Крофтой были приглашены и журналисты. Министр, по сути, повторил все, что говорил накануне о событиях в СССР. Однако, в этом выступлении, как представляется, более четко прозвучала мысль о заинтересованности Праги в том, чтобы сведения о готовящемся в СССР перевороте достигли «ушей» Москвы: «...Очень важно, что уже несколько месяцев назад с большой определенностью утверждалось, что в окружении Гитлера считаются с возможностью переворота в Советском Союзе, что там произойдет падение Сталина, будет устранен режим

и установлен военный бонапартистский режим. Сообщения об этом проникли и в общественную среду. И мы из совершенно надежных источников имели сообщения о том, что такие мысли развивались и в окружении Гитлера и, возможно, самим Гитлером. Гитлер, дескать, ожидал дальнейшего развития [событий] в Советском Союзе. Он полагал, что там будет установлено бонапартистское правительство, с которым можно будет сотрудничать. Это как будто свидетельствовало о том, что какие-то контакты между гитлеровским правительством и окружением Тухачевского существовали. И если те генералы, которые думали о таком сотрудничестве, исчезли, то понятно, что отношения между Германией и Советским Союзом не улучшатся, а скорее обострятся. Это проявляется и в тоне немецкой печати. И в России, где негативные настроения в отношении Германии были достаточно сильны, но подавлялись некоторыми деятелями, думается, еще усилятся. Теперь между ними действительно развернется пропасть, по крайней мере на некоторое время. Определенно, это повлияет на международные отношения в Европе и, возможно, и нас в какой-то мере коснется»³⁶.

Й. Шуст, продолжавший отслеживать внутреннюю ситуацию в СССР после расправы над Тухачевским и другими генералами, сообщил 20 июня в Прагу, что их обвинение не выглядит достаточно убедительным, что процесс был тайным и общественность не получила подробных разъяснений о происшедшем. Далее он излагал собственную и другие известные ему версии конфликта между Сталиным и Тухачевским, считая, что тут «стоял вопрос о войне или мире», за который якобы ратовал Сталин. Шуст сообщал также, что поскольку некоторые из казненных генералов по роду службы имели связи с чехословацкой армией, он просил НКВД информировать его о том, не были ли в ходе процесса по делу Тухачевского получены данные о нарушении военных интересов Чехословакии. Ответа на свой запрос он не получил. Шуст информировал Прагу и о том, что в дипломатическом корпусе нет единства относительно оценок «дела Тухачевского», но имеется согласие в том, что «не существовало непосредственной опасности военного переворота», «фактически, дескать, могла идти речь о неофициальных переговорах между Тухачевским и немецким генеральным штабом»³⁷.

Интересна и секретная информация Ш. Осуского о том, как оценивались в Англии и Франции события в СССР. По его мнению, между Парижем и Лондоном нет единства во взглядах на этот вопрос: «Лондон убежден, что между Тухачевским и рейхсвером в действительности существует некая связь. Поэтому в глазах Лондона

русско-немецкий договор является не только гипотезой или вопросом маневра, но возможности, которая в глазах англичан не стала действительностью в результате расстрела маршала Тухачевского. Форин офис делает из этого вывод, что следует внимательно следить за Россией и Германией, чтобы они не договорились». Французский посол в Москве Кулондр полагает, что «Тухачевский хотел установить в России новый, военный режим...»³⁸. Все эти материалы, несомненно, ложились и на стол Бенеша.

Из известных ныне документов можно сделать вывод, что Прагу волновали советско-германские отношения и слухи о возможной смене сталинского режима, с которым у чехословацкого руководства сложились неплохие отношения. Но прямого ответа на вопрос, была ли переправлена в Москву оказавшаяся в руках Бенеша информация, нет. Этот факт стал известен из мемуаров самого Бенеша и из воспоминаний Черчилля, которому президент поведал об этом. Однако следов документов, их отправки и получения в Москве пока обнаружить не удалось ни в чешских, ни в российских архивах.

О том, как сам Бенеш оценивал «дело» Тухачевского и его влияние на взаимоотношения ЧСР и СССР стало известно, правда узкому кругу лиц в Москве, в начале 60-х гг. XX в. Тогда по заданию Н.С. Хрущева была подготовлена объемная Справка комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям в измене Родине, терроре и военном заговоре»³⁹. В разделе VI Справки рассматривались «Основные направления провокационной деятельности международных империалистических сил в “деле” Тухачевского»; приводился материал об активной роли германских спецслужб в этом вопросе, о «“Доносе” на советских военачальников со стороны правящих кругов Франции и французской разведки»; а также о «Действиях правящих кругов и разведки Чехословакии и их реальной роли в “деле” Тухачевского». В первом из указанных подразделов, в частности, подробно рассматривалась деятельность сотрудничавшего с гестапо германского журналиста К. Виттиха, который по заданию германских секретных служб установил связь с пресс-атташе чехословацкого представительства в Берлине К. Хоффманом и через него передавал сведения о контактах советских военных деятелей с рейхсвером (вермахтом) и о планах Германии в отношении Чехословакии⁴⁰. Во втором подразделе в числе других материалов упоминалась беседа французского военного министра Э. Даладье с советским полпредом В.П. Потемкиным, в которой Даладье поведал о готовящемся в Москве заго-

воре против режима⁴¹. В третьем подразделе прямо утверждалось: «Есть достаточно оснований считать, что Бенешу принадлежит немалая роль в формировании и распространении слухов о заговоре Тухачевского и других, об их связях с германским рейхсвером». Это утверждалось не на основании изучения пересланных Бенешем документов – они не были обнаружены – а на основании записи беседы Александровского с Бенешем 4 июля 1937 г.⁴² (то есть спустя примерно три недели после казни Тухачевского и его соратников) и письма Александровского на имя Литвинова от 15 июля 1937 г.

Ввиду важности документов остановимся на них подробнее. Возможно, определенное значение для оценок Бенеша имела полученная в Праге 1 июля информация о беседе Мастного с немецким послом в СССР В. фон Шуленбургом. Посол утверждал, что сталинскому режиму ничто не угрожает, а советская армия ослаблена не настолько, как это утверждается на Западе. Кроме того, Мастны сообщил мнение советника советского посла в Берлине Астахова, что «проведение чистки в армии означает ее существенное усиление»⁴³. Далее приводим несколько сокращенную запись беседы советского полпреда с президентом: «Бенеш продержал меня с разговором 2 1/2 часа, причем все время говорил сам почти исключительно на тему внутренних процессов, происходящих в СССР. Он начал разговор вопросом, что я думаю о значении процесса над Тухачевским и компанией, но после нескольких довольно общих фраз с моей стороны прервал заявлением, что он хочет обстоятельно изложить мне свое понимание для того, чтобы мне было ясно, какими мотивами он руководствуется в своей политике по отношению к СССР». Бенеш утверждал, «что так называемые события в СССР ничуть его не удивили и совершенно не испугали, ибо он давно их ожидал. Он почти не сомневался и в том, что победителем окажется “режим Сталина”... Он приветствует эту победу и расценивает ее как укрепление мощи СССР, как победу сторонников защиты мира и сотрудничества советского государства с Европой...

Бенеш заявил, что последние годы он расценивает советскую внешнюю политику как ставку СССР на западноевропейскую демократию французского, английского и чехословацкого типа, как на союзника в борьбе с фашизмом за мир... Бенеш особо подчеркнул, что, по его убеждению, в московских процессах, особенно в процессе Тухачевского, дело шло вовсе не о шпионах и диверсиях, а о прямой и ясной заговорщицкой деятельности с целью ниспровержения существующего строя... Бенеш под большим секретом заявил мне следующее: во время пребывания Тухачевского во Франции в прошлом году Тухачевский вел разговоры совершенно частного характера со

своими личными друзьями французами. Эти разговоры точно известны французскому правительству, а от последнего и Бенешу. В этих разговорах Тухачевский весьма серьезно развивал тему возможности советско-германского сотрудничества и при Гитлере, так сказать, тему “нового Рапалло”. Бенеш утверждает, что эти разговоры несколько обеспокоили Францию... Бенеш был уверен в победе “сталинского режима” именно потому, что этот режим не потерял морали, в то время как крикуны о перманентной революции явно не были на моральной высоте. В Москве расстреливают изменников, и т.н. европейский свет приходит в ужас. Это лицемерие. Бенеш не только отлично понимает, но и прямо одобряет московский образ действий. Москва продолжает жить в эпоху революции.

...Бенеш напомнил, что в разговоре со мной (кажется 22.IV. с.г.) он говорил, что почему бы СССР и не договориться с Германией? Я ответил, что помню, и признался, что меня тогда очень удивила эта часть разговора, как совершенно выпадающая из рамок обычного рода мыслей Бенеша. Лукаво смеясь, Бенеш ответил, что теперь может объяснить мне скрытый смысл своего тогдашнего разговора. Свои объяснения Бенеш просил считать строго секретными и затем рассказал следующее: начиная с января месяца текущего года Бенеш получал косвенные сигналы о большой близости между рейхсвером и Красной Армией. С января он ждал, чем это закончится.

Чехословацкий посланник Мастный в Берлине является исключительно точным информатором... У Мастного в Берлине было два разговора с выдающимися представителями рейхсвера... для Бенеша из этих разговоров стало ясно, что между рейхсвером и Красной Армией существует тесный контакт. Бенеш не мог знать о том, что этот контакт с изменниками. Для него возникла проблема, что делать, если Советское правительство действительно вернется к какой-нибудь политике “нового Рапалло”. В этой связи Бенеш задал риторический вопрос, где средство для защиты Чехословакии, и без обиняков отвечал на этот вопрос, что тогда Чехословакия тоже должна была бы заключить соглашение с Германией. Это было бы началом чехословацкой зависимости, но другого выхода не было. Гитлер вовсе не стремится к тому, чтобы физически немедленно уничтожить Чехословакию, но он хочет “союза” с ней. На чехословацком языке это означало бы зависимость, вассальное состояние, а Бенеш не для того потратил столько лет на освобождение от австрийского ига, чтобы принять германское ярмо.

Бенеш говорил, что Москва должна самым серьезным образом оценить эти его заявления и раз и навсегда понять, что Чехословакия хочет

быть свободной в полном смысле слова. Она не примет никогда никакого диктата, но она будет драться за свою свободу, за демократию, за европейский мир. Поскольку это является и задачей СССР, постольку Чехословакия безоговорочно является союзником Москвы, постольку бенешевская политика как аксиому принимает неизменность советско-чехословацких дружественных взаимоотношений. Никакие расстрелы, никакие внутренние изменения не могут потрясти эту дружбу». Трудно и даже невозможно сказать, какие мысли действительно посещали Бенеша на счет происходивших в СССР репрессий, насколько искренен он был, например, говоря о «высокой морали» сталинского режима, но президент как политический прагматик прибегал в разговоре с советским дипломатом к тем словам и выражениям, которые, по его мнению, могли бы убедить Александровского в желании Чехословакии сохранить союзнические отношения с СССР.

Письмо Александровского Литвинову было составлено на основании записи этой беседы и беседы с сотрудником Бенеша Лауриным. Полпред писал, что после расстрела Тухачевского он иначе стал оценивать свои беседы с Бенешем в феврале–апреле 1937 г. и вопросы президента касательно возможности договора между СССР и Германией, а также слухи о чехословацко-германском сближении. Поскольку письмо мало известно научной общественности, публикуем его основные части, как это представлено в Справке. Беседы с Бенешем и Лауриным, по мнению Александровского, не оставляют «сомнений в том, что чехи действительно имели косвенную сигнализацию из Берлина о том, что между рейхсвером и Красной Армией существует какая-то интимная связь и тесное сотрудничество. Конечно, ни Бенеш, ни кто бы то ни было другой не могли догадаться о том, что эта сигнализация говорит об измене таких крупных руководителей Красной Армии, каким были предатели Гамарник, Тухачевский и другие. Поэтому я легко могу себе представить, что Бенеш делал из этой сигнализации тот вывод, что советское правительство в целом ведет двойную игру и готовит миру сюрприз путем соглашения с Германией. В положении Бенеша было тогда вполне естественно задаваться вопросом, что же делать Чехословакии перед лицом такой возможности... Я не сомневаюсь в том, что Бенеш и Крофта действительно зондировали почву у немцев, встречались с Траутмансдорфом и пользовались своим посланником Мастны в Берлине для того, чтобы расчистить дорогу для чехословацко-германского соглашения, и Бенеш имел в виду забежать, таким образом, вперед и договориться с Германией раньше, чем ожидаемый им “сюрприз” советско-германского сближения стал бы общеизвестным фактом. Одновременно он пору-

чил Лаурина сигнализировать через меня, что он может договориться с Германией раньше, чем это сделает СССР, и тем самым понудить нас если не заговорить с ним откровенно, то учесть заблаговременно такую возможность в пактировании с Германией. Если бы советское правительство действительно подготовляло соглашение с Германией, то такой бы план Бенеша был бы вполне понятен и достиг бы своего результата. Я считаю весьма характерным то, что сказал мне Бенеш теперь, а именно, что Чехословакия была бы вынуждена «опираться и на Россию Тухачевского», а также договориться с Германией, хотя это и было бы началом зависимости Чехословакии от Германии.

Никто из нас не понял и не мог понять смысла поведения Бенеша и его клеветы Лаурина, не зная о том, что против нас работает банда изменников и предателей. Зная же теперь это, мне становится понятным очень многое из тех намеков и полупризнаний, которыми изобиловали разговоры со мной не только Лаурина, Бенеша, Крофты, но и других второстепенных политических деятелей Чехословакии».

Если Александровский пытался объяснить поведение Бенеша, то составители Справки в духе своего времени и стоявшей перед ними задачи (реабилитировать Тухачевского и его соратников) обвиняли Бенеша в пособничестве французским и английским империалистам, провокационной деятельности, опровергали, что Бенеш мог прислать уличающие Тухачевского материалы через Александровского и утверждали, что «информация» могла быть «подкинута» по каким-то другим каналам. «Германские разведывательные органы, – говорилось в Справке, – не только сами плели интриги вокруг Тухачевского и других, но всячески провоцировали на это французов, англичан, поляков, чехов, нагоняя на них страх угрозой заключения союза между СССР и Германией».

И Москва, и Прага, по всей видимости, действительно подозревали друг друга в готовности сблизиться с Берлином и опасались этого: СССР боялся лишиться своих позиций в Центральной Европе, которые ему давал союз с ЧСР, и потерять ее как союзника в борьбе за коллективную безопасность в Европе, Чехословакия – необходимости идти на невыгодный ей договор с Германией в случае сближения рейха с Советским Союзом, угрожавшего Чехословацкой республике потерей суверенитета, а также дальнейшего ухудшения международного положения в Европе и усиления «третьего рейха».

Во второй половине 1937 г. внешнеполитическая ситуация Чехословакии по-прежнему оставалась сложной. В силу своего географического положения она являлась одной из стран, наиболее заинтересованных в укреплении системы коллективной безопасности и Лиги Наций, в эф-

фективном противодействии агрессору. Всё свидетельствовало о том, что ЧСР должна стать первой жертвой амбициозных планов Гитлера, нацеленных на захват Европы. Их осуществление он намеревался начать с ее центральной части, и конкретно с Чехословакии. В своих расчетах фюрер исходил из того, что ни Англия, ни Франция, опасаясь начала войны, к которой они не были готовы ни психологически, ни материально, не станут защищать ЧСР. И в этом он, как показали дальнейшие события, оказался прав. 19 ноября 1937 г. высокопоставленный английский чиновник и политик лорд Э. Галифакс во время частной поездки в Германию для «охоты» встретился в Оберзальцбурге с Гитлером. Беседуя с фюрером, он дал понять, что при условии сохранения целостности Британской империи английские правящие круги готовы предоставить ему свободу рук в Австрии, Чехословакии и Данциге. Условием являлось лишь то, чтобы эти «изменения европейского порядка были произведены путем мирной эволюции». Одновременно Галифакс подчеркнул, что Германия по праву может считаться «бастионом Запада против большевизма»⁴⁴. Усилился англо-французский нажим на Чехословакию в плане необходимости достижения договоренностей с Германией, то есть уступок ей, прежде всего, что касается принятия требований партии Генлейна в отношении автономии Судетской области. Особую настойчивость в этом проявляла Англия и ее полпред в Праге Б. Ньютон. В конце ноября 1937 г. в Лондоне состоялось совещание английских руководящих деятелей с французским премьером К. Шотаном и министром иностранных дел И. Дельбосом. В частности обсуждался и вопрос о позиции обеих стран в случае агрессии Германии против Чехословакии. Английский премьер А. Чемберлен заявил, что его страна «не должна быть втянута в войну из-за Чехословакии», что в случае агрессии против нее Англия должна «сохранить за собой свободу действий». Шотан от имени Франции подчеркнул, что ее союзный договор с ЧСР не вступит в силу, если Германия присоединит Судетскую область, не прибегая к открытой агрессии⁴⁵. На горизонте маячил «призрак Мюнхена», который чем дальше, тем явственнее приобретал все более реальные очертания.

В декабре 1937 г. Дельбос совершил поездку по странам Центральной Европы, с которыми Франция имела союзные договоры. В Праге он вел речь не о политике коллективной безопасности и выполнении его страной союзнического долга, а о необходимости договориться с Германией и удовлетворить требование генлейновцев. На вопрос Бенеша, какую позицию займет Франция, если Германия нападет на Чехословакию, Дельбос ответил: «Вы должны лишить Гитлера всякого предлога для выступления». Бенеш и Крофта обещали, что при помощи Англии и Франции они постараются разрешить судетскую проблему⁴⁶.

Чехословакия, уже оставив мысль о подписании с Германией договора о ненападении, продолжила (как бы под эгидой Англии и Франции) с ней переговоры о снятии напряженности в отношениях между обеими странами. Они касались двух, хотя и не первостепенной важности, тем: о прессе и эмигрантах. Судето-немецкий вопрос, как «в очень твердой форме» заявил Бенеш в беседе с Александровским 23 декабря 1937 г., «был и остается чисто внутренним чехословацким вопросом, и он не позволит вмешиваться в него ни Англии, ни Франции». Смысл переговоров с Германией Бенеш объяснил следующим образом: «Необходимо выигрывать время и использовать все возможное для успокоения европейской атмосферы. Чехословакия будет переговариваться с Германией как бы о перемирии в прессе. Если бы это удалось, то было бы только хорошо для всех. Европейская атмосфера слишком отравлена газетными полемиками... Другой вопрос переговоров – деятельность эмиграции... Речь идет о взаимном ограничении и прекращении антиправительственной деятельности эмигрантов». На замечание Александровского о том, что для упрочения мира в Европе правильнее было бы не вести малоэффективные переговоры с Германией, а противопоставить блоку агрессоров блок стран защитников мира, Бенеш, в принципе согласившись с идеей, ответил, «осторожно выбирая слова»: основой такого блока должен быть «франко-английский альянс. При малейшем расхождении между Англией и Францией блок не будет достаточно силен». Поэтому Бенеш «предпочел бы выждать, пока в Лондоне окончательно выкристаллизуется настроение». Хотя Бенеш и оптимист, но «все же сегодня не может поручиться за завтрашний день в английской внешней политике»⁴⁷. В вопросе решения общеевропейских проблем президент, как и прежде, делал ставку на согласованные действия между Англией и Францией. И, как вскоре оказалось, они договорились обеспечить мир в Европе, придя к соглашению с агрессором и пожертвовав Чехословакией.

А Гитлер готовился к войне. В протоколе его совещания с высшими военными чинами Германии 10 ноября 1937 г. значится: «Вообще-то фюрер полагает весьма вероятным, что Англия, а также предположительно и Франция втихомолку уже списали со счетов Чехию и согласились с тем, что когда-нибудь этот вопрос будет решен Германией. Трудности, переживаемые империей (Великобританией. – В. М.), а также перспектива вновь быть втянутой в длительную европейскую войну являются решающими для неучастия Англии в войне против Германии. Английская позиция наверняка не останется без влияния на позицию Франции»⁴⁸. 7 декабря 1937 г. появился план стратегического сосредоточения и развертывания германских вооруженных сил под

кодовым наименованием «Грюн». 21 декабря 1937 г. военный министр Германии генерал-фельдмаршал фон Бломберг подписал директиву о единой подготовке вооруженных сил к войне. «Цель войны по варианту «Грюн» – значилось в ней, – будет всегда состоять в быстром занятии Богемии и Моравии с одновременным решением австрийского вопроса в смысле включения Австрии в германскую империю». «Наступательная война» против Чехословакии считалась возможной, даже если какая-либо великая держава выступит против Германии⁴⁹. Этот «авианосец» большевизма в Европе, по мысли Гитлера, должен быть уничтожен, и он не сомневался в том, что Англия и Франция скорее пожертвуют Чехословакией, чем начнут из-за нее войну.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ДМИСЧО, 3. М., 1978. Док. 193. С. 304–306. В интервью лондонской газете «Морнинг пост» Годжа говорил о Германии как о стране, с которой может быть достигнуто «гармоническое сочетание» среднеевропейских интересов с интересами Западной Европы. Александровский сообщал в Москву, что «интервью вызвало неудовольствие в довольно широких чешских кругах. Ему приписывают значение сигнала к переговорам с Германией, если не прямо – результат ведущихся сейчас зондажных переговоров» (Документы внешней политики СССР. Т. XX. М., 1976. С. 62–65, 702–703).

² ДМИСЧО, 3. Док. 192. С. 303.

³ Там же. Док. 195. С. 308–311.

⁴ См. запись беседы посла СССР в Германии Я. Сурица с Г. Герингом 14 декабря 1936 г. и Записку М.М. Литвинова на имя И.В. Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 февраля 1937 г.: СССР – Германия 1933–1941 // Вестник Президента Российской Федерации. М., 2009. Док. № 87, 88. С. 149–152.

⁵ Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2007. Dok. 17. S. 62–66.

⁶ Ibid. Dok. 20. S. 70–71.

⁷ Выступая в Гамбурге, например, Геббельс обрушился на советско-чехословацкий союзный договор, заявив: «Если чехословацкие государственные деятели утверждают, что при строительстве их аэродромов речь идет не о красных, а о чехословацких аэродромах, то это ничего не значит. Важно лишь то, в чье распоряжение будут, в конце концов, предоставлены эти аэродромы. Сегодня практически Чехословакия является авианосцем Москвы» (см.: Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. Dok. 55. S. 136, примеч. 2).

⁸ Ibid. Dok. 21. S. 72–75.

⁹ А. Иден, выступая в нижней палате парламента 19 января, высказался за урегулирование европейских проблем посредством усиления роли Лиги Наций, «отмел» любую диктатуру как справа, так и слева, осудил мнение, что демократия является благоприятной почвой для пропаганды коммунизма, подчеркнув, что этот режим, наоборот, является противовесом коммунизма. Л. Блюм, выступая 24 января в Лионе по вопросам внешней политики Франции, коснулся, прежде всего, франко-германских отношений, подчеркнув необходимость решения проблемы путем включения ее в комплекс вопросов европейской безопасности (см.: *Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. Dok. 30. S. 91–92*, примеч. 1, 2, 3).

¹⁰ Ibid. Dok. 41. S. 110.

¹¹ 9 февраля Траутмансдорф «по секрету» сообщил Мастному, что согласно информации из Советского Союза, там «обозначилась вероятность близкого резкого поворота, падения Сталина и Литвинова и установление военной диктатуры» (*Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. S. 8*).

¹² Ibid. Dok. 62. S. 146–147.

¹³ Ibid. Dok. 76. S. 179–180.

¹⁴ Ibid. Dok. 112. S. 240–247.

¹⁵ ДМИСЧО, 3. Док. 200. С. 316–317.

¹⁶ Там же. Док. 201. С. 318–323.

¹⁷ Там же. Док. 219. С. 342–343 (примеч. 2).

¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. XX. С. 717.

¹⁹ ДМИСЧО, 3. Док. 208. С. 329.

²⁰ Там же. Док. 209. С. 330–332.

²¹ *Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. Dok. 173. S. 365* (примеч. 10).

²² ДМИСЧО, 3. Док. 204. С. 325.

²³ *Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. Dok. 81. S. 185–187*.

²⁴ Ibid. Dok. 124. S. 265–269. Италия нарушила договор, когда в мае 1941 г. вместе с Германией приняла участи в нападении на Югославию.

²⁵ Ibid. Dok. 127. S. 270.

²⁶ Протокол заседания на французском языке, подписанный К. Крофтой, В. Антонеску и М. Стоядиновичем см.: Ibid. Dok. 129. S. 271–277.

²⁷ Ibid. Dok. 134, 135. S. 286–295.

²⁸ Ibid. Dok. 139. S. 300.

²⁹ *Пфафф И.* Прага и дело о военном заговоре // Военно-исторический журнал. 1988. № 10–12.

³⁰ *Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. S. 9*.

³¹ Ibid. Dok. 84. S. 190; Dok. 93. S. 208 (примеч. 13); Dok. 180. S. 373 (примеч. 1).

³² Б. Павлу был отозван со своего поста в Москве и с октября 1937 г. возглавил политический отдел МИД ЧСР, прежний его руководитель близкий к Бенешу социалист З. Фирлингер стал 10 октября 1937 г. чехословацким полпредом в СССР. Он возглавлял представительство с перерывом от января 1940 г. до июля 1941 г. до конца Второй мировой войны, когда стал премьером нового правительства восстановленной Чехословакии.

³³ Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. Dok. 237. S. 485.

³⁴ Ibid. Dok. 242. S. 495–496.

³⁵ Ibid. Dok. 243. S. 497.

³⁶ Ibid. Dok. 245. S. 501–502.

³⁷ Ibid. Dok. 251, 265. S. 508–509, 538–539.

³⁸ Ibid. Dok. 271. S. 552–553.

³⁹ См.: Военные архивы России. 1993. Вып. 1. С. 4–113; Военно-исторический архив. 1998. Вып. 2. С. 3–81. Справка, подготовленная в соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 5 января 1961 г. и составленная на основании материалов партийных, советских и военных архивов (архива Партийной комиссии при ЦК КПСС, оперативных материалов органов НКВД-КГБ, министерства обороны, министерства иностранных дел и др.), подписана председателем комиссии Н. Шверником, членами комиссии А. Шелепиным, З. Сердюком, Н. Мироновым, Р. Руденко, В. Семичастным.

⁴⁰ Как стало ясно на основании допросов Виттиха в 1962 г., в разговорах с Хоффманом он многое выдумывал и, в частности, «раздул информацию о связях Бандлерштрассе (улица, где помещался германский рейхсвер) с Москвой, так что эта связь стала походить на конспиративную деятельность. Виттих высказал Хоффману также подозрения о заговоре этой группы против Сталина».

⁴¹ 17 марта 1937 г. Потемкин направил на имя членов Политбюро и руководства НКВД СССР шифротелеграмму, в которой говорилось, что Даладье «из якобы серьезного французского источника» узнал «о расчетах германских кругов подготовить в СССР государственный переворот при содействии враждебных нынешнему советскому строю элементов из командного состава Красной Армии. После смены режима в СССР Германия заключит с Россией военный союз против Франции». Потемкин выразил сомнение в серьезности этого сообщения. Как полагал советский постпред «во-первых, Даладье явно заинтересован в том, чтобы своими “дружественными” сообщениями внушить нам большее доверие к нему самому. Во-вторых, он невольно выдает привычный страх французов, как бы мы не сговорились против них с немцами». По всей вероятности, сведения об этой беседе, а, может, просто о имеющихся на этот счет у французской разведки материалах, достигли и Праги. Бенеш, выстраивая линию взаимоотношений ЧСР и СССР, всегда делал это с оглядкой на Францию. Возможно и в данном случае он, как и французы, решил предупредить своего союзника о грозящей опасности.

⁴² *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 16. М., 1997. С. 312–315. Документ с купюрами опубликован в газете «Красная звезда» 30 ноября 2002.

⁴³ Československá zahraniční politika v roce 1937. Sv. 1. Dok. 274. S. 555.

⁴⁴ ДМИСЧО, 3. Док. 244. С. 373–374 (примечание 2).

⁴⁵ Там же. Док. 242. С. 369 (примеч. 1).

⁴⁶ Там же. Док. 244. С. 373 (примеч. 1).

⁴⁷ Там же. С. 372–373.

⁴⁸ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документальные материалы. Т. 1. Подготовка к разворачиванию нацистской агрессии в Европе. 1933–1941. М., 1973. Док. 31. С. 128.

⁴⁹ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. С. 264.

В ПРЕДДВЕРИИ МЮНХЕНА

Однако в начале 1938 г. аншлюс Австрии был отделен от захвата Чехословакии и в планах Гитлера оказался на первом месте. При этом фюрер особо не опасался какого-либо серьезного противодействия со стороны западных держав, и особенно Англии, в руководстве которой усилились позиции политиков, готовых идти на соглашения с ним. После аншлюса Австрии, не встретившего особого осуждения со стороны западных держав, Гитлер осмелел. О намерении взять «под свое крыло» 10 миллионов немцев, проживающих в Австрии и Чехословакии, фюрер во всеуслышание заявил с трибуны рейхстага еще 20 февраля 1938 г. В марте первый шаг к этому он сделал. На очереди была Чехословакия. Но, усыпляя и успокаивая общественное мнение, германские руководители утверждали, что агрессивных намерений в отношении этой страны у них нет. В действительности же аншлюс стал репетицией к ликвидации Чехословацкой республики и важным шагом на пути к европейской войне. Англия и Франция меж тем продолжали политику непротивления гитлеровской агрессии в Европе. Не сработал и механизм Лиги Наций, которая как бы не заметила происшедшее, что подвигло Гитлера к наращиванию усилий по захвату Европы. Аншлюс Австрии менял соотношение сил и геополитическую ситуацию на Европейском континенте в пользу нацистской Германии. Захватив развитую австрийскую промышленность, она усилила свой экономический потенциал. Улучшилось и стратегическое положение Германии, которая теперь охватывала Чехословакию с трех сторон. Настало время, по мнению Гитлера, готовить политический и военный плацдарм для ее ликвидации. Делалось это и явно, и тайно. Открытым предлогом стало утверждение немецкой пропаганды о бесправном положении и угнетении немецкого меньшинства в ЧСР, за права которого фюрер намерен был вступить. Его орудием тут выступала Судето-немецкая партия во главе с К. Генлейном, который

получил указание Гитлера непрестанно наращивать свои требования к чехословацкому правительству, не идя ни на какие компромиссы. И в осуществлении этого плана Гитлер преуспел.

Отставка 20 февраля 1938 г. с поста министра иностранных дел Великобритании сорокалетнего А. Идена укрепила позиции премьер-министра правительства семидесятилетнего Н. Чемберлена, последовательного сторонника политики умиротворения агрессора. Как сообщал Я. Масарик в Прагу 24 февраля: «мы не должны отрицать, что наша ситуация в Англии с отставкой Идена ухудшилась... Представляется, что особенно неблагоприятную роль в последние месяцы играл английский посол в Берлине, сэр Невилл Гендерсон, который, как мне известно из надежных источников, одобрял и поддерживал антиавстрийский и античехословацкий курс в Берлине»¹. С уходом из английского правительства противников умиротворения агрессора позиции Чемберлена и нового министра иностранных дел Э. Галифакса значительно упрочились; желание сговориться с нацистской Германией, развязывая ей руки в Центральной и Восточной Европе, обозначилось весьма четко. Франция, имевшая с Чехословакией союзный договор, все более склонялась к поддержке внешнеполитического курса Англии из-за боязни остаться один на один с агрессором и малой веры в возможность, несмотря на неоднократные заявления Москвы оказать помощь Чехословакии при условии такой помощи с французской стороны, советского вмешательства в конфликт. Немалую роль при этом играли опасения распространения «бацилл большевизма» и укрепления влияния СССР на европейские дела.

Как следует из донесений чехословацких послов в Лондоне и Париже, существовали и объективные причины нежелания Англии и Франции вступать тогда в схватку с гитлеровской Германией. Во-первых, возможность конфронтации с общественным мнением: и в той, и в другой стране были сильны антивоенные настроения, в памяти их народов, особенно французов, еще не стерлись ужасы Первой мировой войны, и не были забыты миллионы потерянных человеческих жизней, положенных на алтарь победы. Если для правящей верхушки Англии и Франции главным было, соглашаясь с гегемонией Гитлера в Центральной и Восточной Европе, предотвратить потерю своих колониальных владений, то у простых людей превалировало человеческое желание сохранить мир любой ценой, отодвигая на второй план мысль о возможных последствиях политики умиротворения агрессора и предательства по отношению к Чехословакии. Во-вторых, ни Англия, ни Франция в военном отношении не готовы были тогда вступить в схватку с Германией. Французская армия, численно пре-

восходившая немецкую и рассчитывавшая на неприступность линии Мажино, с 1936 г. находилась в состоянии радикальной модернизации, которая еще не была завершена, что объяснялось недостаточной мощностью французской промышленности. Кроме того, разработанная во второй половине 30-х гг. французская военная доктрина имела оборонительный характер, и война с Германией из-за Чехословакии, несмотря на существование союзного договора между государствами, не укладывалась в планы французских военных. Даладье, который до того, как стать премьер-министром, несколько лет являлся министром обороны Франции, прекрасно был осведомлен об этом.

Если Англия и Франция в отношении Чехословакии с конца 1937 г. проявляли определенную непоследовательность, публично и в общении с чехословацкими политиками заявляя о желании поддержать эту страну в ее противостоянии с гитлеровской Германией, правда, на все более жестких условиях этой поддержки, а закулисно сговариваясь с нацистским агрессором за счет ЧСР, то политика Берлина в отношении Праги в этот же период была более чем последовательной и характеризовалась непрерывным и все более усиливавшимся нажимом на нее. 20 февраля 1938 г., выступая в рейхстаге, Гитлер заявил об особых правах Германии на охрану немецкого меньшинства, проживавшего в других странах. При этом назывались следующие цифры численности немецкого населения в европейских странах: в Австрии 6,5 млн, в Чехословакии 3,5 млн, в Польше 1150 тыс., во Франции (Эльзас-Лотарингии) 1 500 тыс., в Швейцарии 2 900 тыс., в Гданьске (Данциге) 350 тыс., в Венгрии 350 тыс., в Южном Тироле 240 тыс., в Румынии 800 тыс., в Югославии 700 тыс., в Бельгии 100 тыс., в Клайпеде 140 тыс., в России 200 тыс. Всего в европейских странах вне пределов Германии согласно ее статистике проживало 20 069 тыс. немцев². Все они, по Гитлеру, должны были раньше или позже воссоединиться с «материнской» нацией «третьего рейха». Пока же на повестку дня ставилась задача присоединить к Германии близлежащие территории с наибольшим по численности немецким населением – Австрию и Судетскую область Чехословакии. 12 марта немецкие войска вступили в пределы Австрии, а еще через день она была включена в состав германского рейха.

В беседе с В. Мастным Г. Геринг от имени Гитлера заверил полпреда, что «у Чехословакии нет ни малейшего довода для беспокойства», что «вопрос Австрии – дело чисто семейное», что «Германия не имеет в отношении Чехословакии никаких враждебных намерений и что, наоборот, хочет идти по пути дальнейшего сближения»³. О том же говорил с Мастным и К. фон Нейрат, подчеркнувший од-

нако, что предпосылкой улучшения чехословацко-германских отношений является улучшение в Чехословакии отношения к судетским немцам, «по крайней мере некоторые уступки» их требованиям, касающимся культурной автономии⁴. Германским войскам, вступившим в Австрию, было дано указание не приближаться к чехословацким границам ближе, чем на 15 км К. Крофта в беседе с временным поверенным в делах СССР в ЧСР М.С. Шапровым утверждал, что в настоящий момент опасности вторжения германских войск на территорию Чехословакии не существует, но, «когда Австрия будет полностью освоена», такая опасность станет «весьма реальной». Крофта подчеркнул, что «положение Чехословакии после аншлюса значительно ухудшилось и что, хотя чехословацкое правительство сохраняет полное спокойствие и по-прежнему готово к мирному урегулированию своих отношений с Германией, опасность насильственного разрешения спорных вопросов со стороны Германии безусловно возросла»⁵. Аншлюс Австрии, по заявлению М.М. Литвинова представителям печати 17 марта 1938 г., создал опасность «для всех европейских государств», и в первую очередь для Чехословакии. Москва неоднократно и на разных уровнях выступала с заявлениями о готовности оказать ей помощь как союзному государству. Англия и Франция тоже понимали, что следующим объектом германской агрессии будет Чехословакия, однако полагали, что путем к ее предотвращению является улучшение отношений Праги с «чешскими немцами». 23 марта английское правительство направило меморандум чехословацкому правительству, в котором говорилось, что «Англия не в состоянии взять на себя какие-либо дальнейшие прямые определенные обязательства в отношении Чехословакии»⁶.

Включение самостоятельного австрийского государства в состав рейха стало первым агрессивным актом фашистской Германии по насильственному присвоению чужих территорий, хотя внешне это было представлено как добровольное желание австрийских властей и народа «воссоединиться» с «немецкой матерью-родиной». Тут для достижения своей цели германский фашизм прибег главным образом к средствам политического шантажа и блефа. Европа была шокирована этим актом, но, немного поволновавшись и повозмущавшись, смирилась с ним. Бенеш в своих мемуарах так характеризовал европейские настроения после аншлюса: «Аншлюс вызвал в Европе несколько чувств. Прежде всего, стыда за то, что нечто подобное и в такой форме, без явного сопротивления остальных, стало возможно. Затем начались поиски оправдания: в конце концов, дескать, это было неизбежно, ведь австрийцы – это те же немцы, и кто может

выступать против их объединения? И, наконец, чувство слабого облегчения: Гитлеру, дескать, в Австрии не будет так легко, и Европа некоторое время будет иметь покой, по крайней мере, определенно на шесть месяцев»⁷.

Отношение чешских немцев к чехам после речи Гитлера и особенно после аншлюса катастрофически ухудшилось, активизировались генлейновцы. Судето-немецкая партия стала самой популярной и самой влиятельной среди чешских немцев. «Это, – по словам Бенеша, – была массовая истерия. Она охватила все немецкое население в чешских землях»⁸. 19 марта президент встретился с английским полпредом Б. Ньютоном и заявил ему: «1) В течение всего австрийского кризиса ЧСР держалась стойко, но спокойно, осторожно и не вызываясь, чтобы не дать Германии никакого предлога и не вызвать европейский конфликт. Однако мы были готовы к решительной обороне. 2) На время, вероятно, между нами и Германией наступит успокоение, и нет опасности германского нападения. Можно ожидать попыток переговоров между ЧСР и Германией или хотя бы зондажа о том, что следует делать. Однако в будущем экспансивная политика не исключается»⁹. Э. Бенеш тогда твердо стоял на позиции: политика в отношении немецкого меньшинства – внутреннее дело Чехословакии¹⁰. После аншлюса Лондон, по словам Я. Масарика, настойчиво рекомендовал Праге поспешить с выработкой конструктивных предложений, касающихся улучшения положения немецкого меньшинства в ЧСР¹¹. Бенеш смягчил свою позицию и в упомянутой беседе с Б. Ньютоном заявил, что президент и правительство подготавливают проект «достаточно широкой акции, чтобы во всех спорных вопросах, касающихся меньшинств, можно было идти так далеко, как это позволяет единство государства»¹².

Гитлер продолжал настаивать на ревизии политики в отношении немецкого меньшинства в ЧСР. «Сегодня тактика Германии состоит в том, чтобы использовать Судето-немецкую партию для политического ослабления Чехословакии»¹³, – писал В. Мастны в МИД ЧСР 7 апреля. 12 апреля. К. Крофта сообщил послам ЧСР в Лондоне, Париже и Берлине принципы проекта о положении национальных меньшинств, который разрабатывается правительством¹⁴. При этом чехословацкое правительство продолжало настаивать на том, что их статус является внутренним делом Чехословакии¹⁵. 24–26 апреля в Карловых Варах состоялся съезд Судето-немецкой партии. Он заявил, что чешские немцы не признают Чехословакию в ее нынешнем политическом и конституционном виде и больше никогда не будут проводить так называемую политику активизма (сотрудничества с

правительством. – В. М.), как в прошедшие двадцать лет; они полны решимости вести борьбу за свою новую концепцию всеми средствами и со всей последовательностью. Требования съезда фактически означали отторжение пограничных областей от ЧСР, аннулирование договоров Чехословакии с Францией и СССР и переориентацию чехословацкой внешней политики на Германию. Восемь пунктов карлловарской программы, по заявлению Генлейна, являются не максимальной, а минимальной программой партии. «Это означало: *сегодня пока мы требуем территориальной автономии как минимум. Максимумом будет последующее присоединение к нацистской империи*», – писал Бенеш в своих воспоминаниях¹⁶.

Германская пресса, отталкиваясь от заявлений карлсбадского съезда возобновила интенсивный огонь по Чехословакии. Дело изобразилось как развернутая борьба против пражского правительства всех наций (кроме чехов), населяющих ЧСР. Временный поверенный в делах СССР в Германии Г.А. Астахов писал в НКВД 28 апреля: «Создается как бы фон для грядущей “освободительной” роли Гитлера против “чешской тирании”, угнетающей все народы и действующей заодно с Коминтерном». Астахов сообщал также о впечатлениях от своего посещения Судетской области: «Немецкое население... почти целиком распропагандировано и готово встретить Гитлера, как освободителя... (Почти все встречные немцы при виде нашей машины, имеющей немецкий опознавательный знак, поднимали руки с гитлеровским салютом, а порой мальчишески вспрыгивали на подножку, крича “Хайль Гитлер!”)... после событий в Австрии у населения появилась уверенность, что присоединение Судет может произойти столь же безнаказанно... Легальные возможности демократического режима используются генлейновцами в полной мере, и немецкое население... в сущности уже организовано по германскому образцу... Чехи (сужу по разговорам в Берлине) всецело уповают на силу своей армии и поддержку Франции и нашу. Немцы же считают, что Франция, будучи застигнута врасплох и оказавшись перед совершившимся фактом, не выступит, а, следовательно, не выступим и мы. С чехами же при поддержке немецкого и венгерского населения они рассчитывают расправиться без войны... Если положение будет развертываться в таком же направлении, то можно не сомневаться, что Судеты (если не всю Чехию) в недалеком будущем ждет участь Австрии»¹⁷.

Вопрос о нацменьшинствах в Чехословакии все более и более приобретал международное звучание. О необходимости улучшения положения польского и венгерского национальных меньшинств

в ЧСР и о территориальных претензиях к ней открыто заговорили в Варшаве и Будапеште¹⁸. Чехословацкий посол в Венгрии М. Кобр сообщил в Прагу 8 апреля о том, что венгерский Генеральный штаб готовит планы оккупации Словакии¹⁹. Широкая античехословацкая кампания, ведущаяся в Германии, в мае была подхвачена польскими средствами массовой информации²⁰. Англичане и французы продолжали настаивать на как можно больших уступках генлейновцам. Чехословацкий меморандум Англии и Франции, содержащий перечисление намеченных мероприятий по расширению в рамках существующей конституции прав судетских немцев, кончался категорическим заявлением, что никакой автономии Судет Чехословакия допустить не может. Ньютон, встретившись с Крофтой, обратил внимание министра на близкую опасность войны и на то, что стратегическое положение Чехословакии после аншлюса безнадежно. Посланник буквально заявил, что ЧСР не сможет сопротивляться даже в течение того короткого срока, который был бы необходим для оказания ей помощи со стороны Франции, а, возможно, и Англии, что страна будет оккупирована раньше, чем будет оказана эта помощь или чем разгорится общая европейская война. Ньютон заявил, что Англия в данное время не может вести европейскую войну, и поэтому необходимо сделать максимальные уступки судетским немцам. Это же рекомендовал пражскому правительству и французский посланник Л.В. Делакура²¹.

«Сейчас в Праге исключительно сильно чувствуется давление англичан в вопросе о чешско-немецких взаимоотношениях, – сообщал в Москву Александровский 16 мая, – Некоторые из собеседников откровенно говорят, что у них (не исключая и Бенеша) “захватило дух” от демарша английского посланника Ньютона. В подавляющем большинстве этот демарш истолковывается как завуалированное требование переустройства Чехословакии на федеративных началах. При этом каждому ясно, что федерация или автономия обозначают решительный шаг в направлении упразднения самостоятельного существования Чехословакии и переход Судетской области в состав германской империи. В качестве сил, стоящих против подобного “решения” судето-немецкого вопроса, называют только Бенеша... и чехословацкую армию». Александровский сообщал, что все политические партии стараются переложить ответственность за принятие решения исключительно на Бенеша: «Растерянность и страх пред ответственностью так велики, что Бенеш постепенно попадает в состояние уж действительно сплендид изолейшн (блестящей изоляции. – В. М.) и скоро увидит себя вынужденным решать и править

страной почти что самодержавным способом». Далее полпред писал о ставшем ему известном факте: Бенеш якобы пригласил к себе В. Боучека, «фактического сочинителя нынешней чехословацкой конституции», и просил его «проштудировать смысл и букву» конституции «с точки зрения возможной легализации прямой диктатуры президента республики». Бенеш якобы «нуждается в диктаторских правах именно для того, чтобы предотвратить капитуляцию Чехословакии перед Германией, каковая может последовать в результате английского нажима при попустительстве Франции... В Чехословакии, дескать, много таких, которые “хотят”, но один только Бенеш “может” организовать и возглавить драку за чехословацкую независимость. Поэтому характер взаимоотношений между армией и Бенешем становится все более интимным и тесным»²². Действительно ли президента посещали такие мысли? Возможно, да. Во всяком случае, он, похоже, намекает на это в своих мемуарах: «Наша коалиционная система, хотя и твердо придерживалась принципов демократии, но функционировала медленно и, учитывая потребность с весны 1938 г. решать вопросы быстро и проводить мероприятия точно и лояльно, казалась часто просто недееспособной, нефункционирующей. На этот счет следует отнести определенную нашу внутреннюю слабость в период кризиса 1938 г., которую мы не можем отрицать и в которой нас упрекали в Англии и Франции, то есть, что мы свои внутриполитические решения в вопросе о меньшинствах *готовили медленно*». И далее: по этим причинам «я в последних фазах борьбы с Берлином и нашими нацистами был вынужден и при том чересчур часто действовать сам и брать ответственность на себя в принятии очень важных политических решений»²³ (подчеркнуто. – В. М.).

В середине мая Бенеш был полон решимости оказать военное сопротивление Германии в случае ее нападения на Чехословакию. По словам Александровского, беседовавшего с президентом по его инициативе 18 мая в течение трех часов, тот «в очень твердом тоне заявил, что он и весь чехословацкий народ поставят все на карту и будут драться за каждую пядь земли». Бенеш ознакомил советского полпреда со стратегическими планами Чехословакии и подчеркнул, что даже если ей не будет оказана помощь, «она в состоянии драться, отступая на восток, три или четыре месяца». Заметив, что Чехословакия не защищена укреплениями против Польши и Венгрии, президент выразил уверенность в том, что ни та, ни другая страна не осмелятся напасть на Чехословакию: первая потому, что у нее слишком большая граница с СССР, для которого тогда не будет проблемой, каким образом оказать помощь Чехословакии; вторая в силу

существования Малой Антанты, готовой оказать помощь каждому из своих членов в случае нападения на него. (Здесь Бенеш, по всей видимости, выдавал желаемое за действительное. – В. М.) Президент развил свои мысли и по поводу возможного поражения чехословацкой армии под натиском сил вермахта: «Тогда, – говорил Бенеш, – можете быть уверены, что мы все-таки будем драться, пробиваясь на восток, для соединения с Красной Армией. Вся моя забота будет направлена на сохранение армии или хотя бы ее частей, которые унесут с собой чехословацкую независимость, будут драться в рядах чужих армий и снова вернутся победителями на свою родину. Если понадобится, чехи не посчитаются для спасения своей армии ни с какими чужими границами и территориями»²⁴. После расчленения Чехословакии мысли о создании чехословацких воинских частей на территории государств, сражающихся против фашистской Германии, были воплощены в жизнь. Относительно возможного соглашения ЧСР с Германией Бенеш заявил, что он не отказывается от него, «если нечто подобное окажется приемлемым для Гитлера». Однако, по словам Александровского, «он сделает это только “при наличии гарантов и свидетелей”. Это обозначает, что он готов заключить договор с Германией при условии своего союза с Францией и СССР, которые и будут гарантами, и с ведома и одобрения Англии, которой он отводит роль “свидетеля” перед Европой и историей на случай, если договор окажется для Германии потом “клочком бумаги”»²⁵. В дополнительной телеграмме в НКВД от 18 мая Александровский писал о беседе с Бенешем: «Кончил Бенеш просьбой передать советскому правительству, а также лично Сталину, Молотову, Ворошилову, Литвинову, что он ни при каких условиях не отступит от нынешней демократической основы своей республики и будет защищать режим государства и его границы всеми доступными ему средствами. Бенеш просит верить ему в этом непоколебимо даже и тогда, когда с первого взгляда его шаги могут показаться непонятными»²⁶.

Вместе с тем Бенеш не желал казаться в глазах Запада ориентирующимся в своей политике твердо на Восток. В беседе с Ньютоном 17 мая, т.е. накануне встречи с Александровским, президент утверждал: «Отношения Чехословакии с Россией всегда были и всегда останутся второстепенным вопросом, зависящим от позиции Франции и Великобритании. Нынешние связи Чехословакии с Россией целиком вытекают из франко-русского договора, и если Западная Европа потеряет интерес к России, то и Чехословакия его тоже потеряет. Чехословакия всегда будет следовать за Западной Европой и будет всегда связана с ней и никогда не будет связана с Восточной Евро-

пой. Всякая связь с Россией будет поддерживаться через Западную Европу...»²⁷. И тут «западник по духу и воспитанию» Бенеш, не желая отказываться от поддержки ни Запада, ни Востока, действовал как опытный дипломат и политик-прагматик: думал одно, говорил другое, а делал третье.

Между тем напряженность в чехословацко-германских отношениях усиливалась; военные круги «третьего рейха» начали подготовку к нападению на Чехословакию и демонстрировали это свое намерение; было зафиксировано передвижение немецких военных частей на границе с ЧСР; партия Генлейна по указаниям из Берлина активизировала свою деятельность и прибегла к провокациям; произошли столкновения между нарушителями порядка и правительственными войсками. Выборы в местные органы власти, прошедшие в ЧСР 22 мая 1938 г., показали, что партия Генлейна получила в немецких районах примерно 88–91% голосов избирателей²⁸. Однако Гитлер, тогда еще неуверенный в том, как поведет себя в случае военного конфликта Англия, временно вынужден был отступить. По словам В. Мастнего, глава СС Г. Гиммлер заявил в разговоре с французским послом, что «считает чехов “невозможным” народом, а Чехословацкую республику образованием, которое должно раньше или позже исчезнуть с карты Европы»²⁹. 30 мая Гитлер подписал распоряжение, в котором говорилось: «моим неизменным решением остается ликвидация Чехословакии посредством военной акции в ближайшем будущем»³⁰. Своих генералов, опасавшихся общеевропейского военного конфликта, в котором Германия не смогла бы противостоять общему фронту, фюрер успокоил, сказав, что акцию начнет лишь тогда, когда будет убежден, что в конфликте не примут участие ни Франция, ни Британия. По его мнению, такая ситуация может возникнуть очень скоро.

Оценивая влияние майского кризиса на поведение Франции и Англии в отношении Чехословакии, Бенеш писал в воспоминаниях: «Великобритания начала серьезно опасаться, что из-за Чехословакии она может быть действительно втянута в серьезный европейский военный конфликт»; «французская политика в чехословацком вопросе оказалась в подчинении, как представляется, окончательно, британской политики, толкуя автоматически чехословацко-французский договор уже, чем до сих пор он толковался, и обуславливая выполнение своих обязательств в отношении Чехословакии предварительным британским согласием». «Необходимо при этом подчеркнуть, что подчинение французской политики политике британской после майского кризиса принималось в Париже быстро и охотно и

явно отвечало желанию руководящих французских кругов». «Для Чехословакии, – по словам Бенеша, – эта новая дипломатия была поистине опасна», в том числе и потому, что «малейшее нежелание Великобритании решительно вмешаться в средневропейские проблемы могло стать хорошим предлогом для Франции не выполнить свои союзнические обязательства. Практически это и произошло в действительности осенью того же года во время сентябрьского кризиса и привело к Мюнхену»³¹.

По мнению Бенеша, майский кризис давал основание сделать следующие выводы: «1. Великобритания и Франция пришли после 21 мая к заключению, что если бы кризис повторился в подобной форме, то это привело бы к войне, в которую могли бы быть втянуты обе западные великие державы. Германия действительно могла бы попытаться напасть на Чехословакию, и Прага стала бы весьма решительно обороняться. Тогда их непрременной обязанностью было бы, что они в принципе искренне признавали, выступить против прямой германской агрессии. Этой агрессии следует, так или иначе, воспрепятствовать в любом случае.

2. Великобритания и Франция окончательно договорились, что Франция не предпримет военных мер без согласия Великобритании в целях выполнения своих обязательств, содержащихся в чехословацко-французском договоре. С Чехословакией это не было согласовано и не получено ее одобрения относительно сужения договорных обязательств Франции.

3. Не будучи готовы к войне с Германией и не желая ее вести из-за чехословацких немцев, обе державы считали просто необходимым, чтобы чехословацкое правительство приняло требования наших нацистских чехословацких немцев, невзирая на то, какие это имело бы последствия с точки зрения угрозы безопасности нашего государства, их эвентуального союзника в возможном конфликте с Германией, и невзирая на то, что это может автоматически подорвать наш внутренний демократический режим...

4. Сопротивление этой политике с моей стороны и с нашей стороны вообще рассматривалось как сознательное откладывание решения спора, как намеренное заигрывание с войной против Германии, в которую мы обе державы хотели бы легкомысленно ввергнуть, как неискренность и неоправданность в нашем поведении. Обе державы в основе принимали большинство подозрений, упреков, лжи и вообще утверждений пропаганды, которую против нас вел Берлин и наши нацисты; в Генлейне длительное время они наивно видели, особенно лондонские деятели, политика, который хочет с нами ис-

кренне договориться, а не настоящего гангстера, который, выглядя в их глазах как умеренный честный человек, непрестанно обсуждал с Гитлером, как соглашению с нами воспрепятствовать...

5. Как мы выяснили позднее, с 21 мая сделали для себя выводы и Гитлер, и наши нацисты. Уже 28 мая на совещании со своими политическими и военными сотрудниками он решил, что вопрос о наших немцах в соответствии со своей речью от 20 февраля 1938 г. разрешит в любом случае до осени или до конца 1938 г., невзирая на любые последствия, т.е. и ценой войны. В соответствии с этим он договорился и о действиях с нашими нацистами, в соответствии с этим он давал им инструкции, а они в соответствии с ними в переговорах с нами действовали.

Одной стороной (Германией. – *В. М.*) были явно продемонстрированы твердость, решимость и преступные замыслы, а другой стороной (Англией и Францией. – *В. М.*) – колебания, увертки, давление на слабого (Чехословакию. – *В. М.*) – одним словом: намеренное умиротворение»³².

Пока же, в июне–июле 1938 г., продолжились переговоры чехословацкого правительства с Генлейном, который выдвигал все новые и новые требования, касающиеся организации жизни немецкого меньшинства в ЧСР. Когда казалось, что компромисс может быть достигнут, генлейновцы повышали свои требования в расчете на то, что власти откажутся их принять. Всего же судето-немецкой партией было отвергнуто четыре варианта статута о национальных меньшинствах, предложенных правительством.

В своих мемуарах Бенеш подробно останавливается на требованиях Генлейновской партии, анализирует ее меморандум от 10 июня. Чехословацкое правительство, идя навстречу немецким требованиям, стремилось реализовать их таким образом, чтобы это не нарушало целостности государства и его демократической основы. Британские верхи проявляли нетерпеливость и недовольство медленным ходом обсуждения и недостаточностью чехословацких уступок. 27 июня Я. Масарик сообщал в Прагу: «Галифакс просит передать, что английское правительство обеспокоено медленным ходом переговоров. Оно снова говорит о необходимости ускорения хода переговоров и далеко идущих уступках [судетским немцам. – *В. М.*]»³³. 29 июня Чемберлен, выступая на заседании кабинета министров, согласно сообщению Масарика в МИД ЧСР, «ясно обвинил президента Бенеша и правительство, что они умышленно медлят с переговорами, и потребовал от Галифакса, чтобы он снова обратился в Париж с предложением совместного нажима на нас (Чехословакию. – *В. М.*)»³⁴.

Национальный статут, в конце, концов, был подготовлен³⁵. Циркулярная депеша, сформулированная Бенешем и направленная чехословацким дипломатическим представительствам 3 июля, касалась переговоров о нем, его сути и сроков окончательного принятия парламентом. «Необходимо будет приложить все усилия к тому, – говорилось в телеграмме, – чтобы и правительства, и общественность отдельных государств были правильно информированы о том, какие огромные уступки делаются тут национальностям и какие огромные жертвы приносит при этом ЧСР ради всеобщего мира и сотрудничества с соседями»³⁶. Окончательные тексты национального статута и всех связанных с ним законодательных предписаний были приняты на заседании правительства 26 июля 1938 г. Оценивая статут, Бенеш писал: «Чешские политические лидеры за все время своей современной политической истории никогда не шли так далеко в своих уступках немцам в Чехии и Моравии, как в 1938 г. при выработке концепции национального статута... Но никакие уступки не были достаточными там, где за призывом к равноправию мысленно скрывалась, не признаваемая открыто, политическая цель: уничтожить, подчинить опять менее ценный чехословацкий народ пангерманскому Херренвольку»³⁷. Подготовленный в спешке Национальный статут, по мнению Бенеша, был не без недостатков, но в ходе его обсуждения в сенате, если бы дело дошло до этого, а также в ходе спокойного обсуждения они были бы исправлены. «Я высказался за этот план, я был ответствен за него, но считал его как максимум и в то время придерживался того мнения, что мы не можем в уступках немцам идти ни на шаг далее». «Чешские земли национальным статутом были разделены на часть немецкую и часть чешскую ценой целостности и суверенитета государства... Наши немцы однако отвергли эту жертву чехословацкого народа; для них речь шла в первую очередь об уничтожении Чехословацкой республики и ее аннексии германской империей»³⁸.

Берлин угрожал военным вторжением. 12 июля Мастны сообщал в Прагу, что, согласно имеющимся у него сведениям, «Германия в случае, если в ближайшее время переговоры с судетскими немцами не закончатся успешно, готовит военное нападение на Чехословакию в середине сентября»³⁹. Германия активизировала кампанию по разоблачению «чешского империализма, чешского преследования бедного подвергшегося насилию немецкого народа и маккиавелистского поведения Бенеша, который хочет начать новую европейскую войну лишь для того, чтобы иметь возможность угнетать три с половиной миллиона немцев и тем самым сохранить свое гибридное

государство»⁴⁰. Берлин усилил пропаганду, направленную против Бенеша, который якобы лично препятствует достижению соглашения между чешским и немецким народами. «Представляется, – по словам Бенеша, – что с июня 1938 г. Бонне и Даладье стали видеть во мне главную опасность. В Париже меня изображали как человека, который не замечает, куда идет европейское развитие, как человека, изолированного на Граде и не учитывающего интересы Франции, не понимающего, что время Версаля прошло и что люди типа Бенеша и Титулеску⁴¹ принадлежат невозвратному прошлому, что он даже хочет стать вторым Меттернихом⁴² и терроризировать подунайские народы своей неуступчивостью, насилием и чешским империализмом. Другие считали, что существуют сильные противоречия между мной и другими нашими “более разумными”, “более уступчивыми” политиками и партиями, и что я в своих радикальных действиях оказываюсь во все большей изоляции. Это представление обо мне как о человеке, который толкает Европу к ужасной войне прежде всего из-за своих тщеславных целей, в Париже навязывалось дипломатическим кругам и особенно американскому послу Буллитту, который его охотно разделял и далее распространял». «Лондонские правительственные круги, а затем и парижские, начали верить, что я являюсь главным препятствием на пути согласия и примирения в Чехословацкой республике». В письменных обращениях правительств обеих стран к Чехословакии приводились немецкие утверждения и доказательства того, что Бенеш не хочет компромисса⁴³.

Последние остатки желания Франции и Великобритании прийти на помощь Чехословацкой республике в случае нападения на нее быстро испарялись. С момента майского кризиса Даладье и Бонне рассматривали Бенеша как угрозу миру, как человека прошлого, настаивавшего на сохранении рушившегося версальского порядка. Общественность нетрудно было убедить, что Бенеш готов пожертвовать интересами Европы ради «пустячного чешского национализма». Французы все настойчивее стали искать предлог, который дал бы им возможность уклониться от договорных обязательств в отношении Чехословакии. В этом им помогли и англичане. 20 июля правительство Великобритании направило чехословацкому правительству ноту, содержащую предложение о посредничестве в его переговорах с генлейновцами.

Чехословацкое государство являлось плодом послевоенной версальской системы, от сохранения которой оно жизненно зависело. Эта система теперь распадалась, и западные державы утратили интерес к ее сохранению.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. I. Praha, 2000. Dok. 63. S. 136–137.

² Ibid. Dok. 61. S. 130.

³ Ibid. Dok. 99. S. 185–186.

⁴ Ibid. Dok. 100. S. 187–189.

⁵ ДМИСЧО, 3. М., 1978. Док. 250. С. 278–280.

⁶ Там же. Док. 250. С. 380 (примеч. 2).

⁷ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. Paměti. Praha, 1968. S. 25.

⁸ Ibid. S. 30.

⁹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. I. Dok. 143. S. 233–234.

¹⁰ Ibid. Dok. 37. S. 99–101; Dok. 55. S. 125–126.

¹¹ Ibid. Dok. 135. S. 228.

¹² Ibid. Dok. 143. S. 234.

¹³ Ibid. Dok. 189. S. 307.

¹⁴ Ibid. Dok. 199. S. 314–315.

¹⁵ Ibid. Dok. 234. S. 367.

¹⁶ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 39.

¹⁷ ДМИСЧО, 3. Док. 274. С. 405–406.

¹⁸ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. I. Dok. 171, 202, 220, 225, 335, 343 etc. S. 285–288, 316–319, 353–355, 359–362, 493–496, 514–516 etc.

¹⁹ Ibid. Dok. 191. S. 308.

²⁰ Ibid. Dok. 264, 268. S. 406–408, 417–420.

²¹ ДМИСЧО, 3. Док. 280. С. 411–412.

²² Там же. Док. 286. С. 417–418.

²³ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 22–23.

²⁴ ДМИСЧО, 3. Док. 287. С. 422.

²⁵ Там же. С. 422–423.

²⁶ Там же. Док. 289. С. 424.

²⁷ Цит. по: Там же. Док. 287. С. 423 (примеч. 9).

²⁸ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. I. Dok. 313. S. 466 (примеч. 2).

²⁹ Ibid. Dok. 361. S. 542.

³⁰ Ibid. Dok. 362. S. 549 (примеч. 1).

³¹ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 88, 90–92.

³² Ibid. S. 101–102.

³³ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. I. Dok. 379. S. 582.

³⁴ Ibid. Dok. 382. S. 586.

³⁵ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 119–122.

³⁶ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 388. S. 11–12.

³⁷ Herrenvolk – народ господина.

³⁸ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 136–137.

³⁹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 397. S. 25.

⁴⁰ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 92.

⁴¹ Н. Титулеску – министр иностранных дел Румынии в 1932–1936 гг.

⁴² В. Меттерних – канцлер Австрии в 1821–1848 гг.

⁴³ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 95–96.

МЮНХЕНСКИЙ КРИЗИС. СЛОВО Э. БЕНЕШУ

Логическим следствием европейской политики первой половины 1938 г. стал Мюнхен. 29–30 сентября 1938 г. в этом баварском городе состоялось конференция глав правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладьё), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини), где без участия представителей Чехословакии было подписано соглашение об отторжении от ЧСР Судетской области и присоединении ее к Германии. Название Мюнхен стало нарицательным, символизирующим агрессивную сущность гитлеровской внешней политики, преступное невыполнение международных обязательств западными державами и несовместимость с основными принципами международного права. Мюнхен означал очередной шаг на пути развязывания Второй мировой войны и первый шаг к потере чехословацкой государственности, явился важнейшим свидетельством ликвидации системы коллективной безопасности и окончательного устранения Лиги Наций от решения значимых вопросов европейской и мировой политики.

Мюнхен – настолько значимое событие в мировой истории XX в., что постоянно привлекает к себе внимание исследователей и публицистов. Ему посвящены сотни, если не тысячи, исторических трудов и документальных публикаций. Что касается последних, то российский читатель может узнать о мюнхенском соглашении и его рождении из ряда вышедших в СССР сборников документов¹. В Чешской республике в 2000 г. увидела свет двухтомная публикация «Чехословацкая внешняя политика в 1938 г.», основанная на материалах чешских архивов². События, непосредственно предшествовавшие Мюнхену, нашли в указанных публикациях весьма полное освещение. Менее известно, прежде всего, российскому читателю, как сам Бенеш оценивал случившееся и свою политику в сентябре 1938 г. Мюнхен был его личной трагедией, его незаживающей раной; он был травмирован им на всю жизнь,

страда «комплексом Мюнхена», и поэтому при любой возможности старался оправдаться, объяснить свою политику и принятые им решения в эти трагические для Чехословакии дни. Многого можно понять из его мемуаров, озаглавленных «Мюнхенские дни». Бенеш начал писать их еще во время войны, в Англии, опираясь при этом на имевшиеся в его распоряжении документы и материалы, вывезенные им из Чехословакии, когда он эмигрировал. Сразу после войны из политических соображений Бенеш не считал возможным опубликовать мемуары, касавшиеся Мюнхена. Выступая на торжественном заседании Временного Национального Собрания 28 октября 1945 г., подтвердившем его президентские функции, он объяснил мотив отказа от немедленной публикации воспоминаний: «Я сделал это, прежде всего, из-за доводов международного характера; даже и сегодня я не мог бы еще сказать все, что следовало бы сказать и что могло бы полно и правильно объяснить все события. Это вещи, которые терзали и продолжают терзать все наши чувства, и определенно о них следует говорить тогда, когда у нас это будет восприниматься более как история, чем как политика. Все эти вещи – факты, взгляды и отношение к ним – у меня уже полностью готовы, и я предаю их гласности, как только наступит подходящий момент для этого или же, если этого потребуют от меня законные представители. И тогда я скажу обо всех этих волнующих событиях всю правду, как я ее видел и как пережил»³.

Над мемуарами о мюнхенских днях Бенеш начал работу еще во время войны. Он писал их на основе собственных воспоминаний и документов, хранившихся в его личном архиве, часть которого находилась при нем в эмиграции. Это были его личные заметки о беседах и разговорах с иностранными послами, с переговорщиками от судето-немецкой партии, с чехословацкими политиками; а также – корреспонденция, копии таких документов, как депеши и сообщения министерства иностранных дел чехословацким представительством, многие из которых сам Бенеш составлял, и, наоборот, сообщения зарубежных дипломатических представителей. Документов из архивов других государств у него было мало.

Президент работал над мемуарами еще и в 1947 г., но не довел эту работу до конца. Сохранившийся вариант рукописи, правленный Бенешем, был издан в Англии на ротапринте в 1955 и 1958 гг. Книга «Мюнхенские дни» вышла по инициативе Чехословацкого комитета по истории антифашистского сопротивления, активно действовавшего в Чехословакии в 60-е гг. XX в. К изданию ее подготовил, как свидетельствует Я. Соукуп, коллектив работников архива Института истории социализма в Праге, а увидела свет она летом 1968 г.⁴ В данной

главе мы будем активно использовать мемуары Бенеша, внося коррективы, если потребуется, при опоре на ныне известные документы.

* * *

В июле-августе 1938 г. Бенеш, осознав явное нежелание Англии и Франции вступить перед Гитлером за Чехословакию, не оставил еще надежду на возможность договориться с Берлином. 27 июля во время встречи с немецким послом в Праге Е. Айзенлорем он говорил: «Правда, что взаимное недоверие существует. Но такое малое государство, как наше, после всего того, что случилось, имеет все же больше доводов не доверять большому, чем большое малому. Мы ведь не представляем опасности для Германии. У нас, в Праге, не такие сумасшедшие, чтобы хотели пойти на конфликт с Германией... Мы ничего не выиграем путем конфликта». И далее: «...и сегодня я говорю официально: можете от меня как от президента сообщить правительству в Берлин, что мы хотим достичь соглашения и что полагаем, что именно сегодня как раз тот момент, когда можно было бы открыть новую главу в наших взаимоотношениях»⁵. Однако их улучшение вовсе не устраивало нацистскую верхушку, у нее были другие планы. Г. Геринг, как сообщал Мастны в Прагу 4 августа, «в узком военном кругу недавно сетовал, что Германия при аншлюсе Австрии проморгала возможность присоединить одновременно судетскую территорию. Тогда, дескать, западные страны даже не шевельнулись бы. Однако Германия, дескать, не может так долго колебаться в ожидании, пока Англия вооружится, и поэтому использует при случае ближайшую возможность “разрешить” вопрос о Чехословакии». Фюрер, продолжал Геринг, сейчас понял, «что уже недостаточно присоединить судетскую территорию, чтобы в центральной Европе наступило успокоение, и его планы сегодня идут гораздо дальше. Если Германия будет располагать 3000 самолетов, а это произойдет осенью, то она прорвется через Чехословакию и затем Венгрию к Черному морю»⁶. 6 августа Мастны сообщил о совещании у Гитлера в Оберзальцбурге (14 июля), на котором канцлер заявил, что в течение шести месяцев Чехословакия будет разделена между Германией, Польшей и Венгрией⁷. Берлин снова активизировал античехословацкую кампанию, угрожая военным конфликтом и стремясь изолировать ЧСР, лишив ее франко-английской поддержки.

Англия и Франция возлагали определенные надежды на свое посредничество в деле урегулирования отношений Праги с судетскими немцами, полагая, возможно, действительно, но, скорее всего, иллюзорно, что оно даст эффективный результат. Первая реакция Бенеша на предложение англичан была резко отрицательной⁸. Но, поразмыс-

лив, президент согласился с ним, о чем и было сообщено в Лондон 23 июля⁹. В качестве посредника англичане предложили лорда В. Ренсимена, бывшего министра торговли. Вот как характеризовал его Я. Масарик: «Ренсимен – это умный (chytgý – это слово может быть переведено и как хитрый), упрямый, не склонный к конформизму клерикал, абстинент и богач. Является искренним почитателем президента-Освободителя (Т.Г. Масарика. – В. М.), с которым имел хорошие отношения. Его (Ренсимена. – В. М.) миссия мне вообще не нравится, хотя я не придаю ей такого значения, как здешняя печать»¹⁰.

Лорд Ренсимен прибыл в Прагу 3 августа 1938 г. «О том, какова была *действительная* политическая цель миссии Ренсимена в Чехословакии, тогда мне было трудно сказать. Я не мог сказать тогда и не могу сказать и сейчас, был ли у Чемберлена в момент, когда он направлял миссию Ренсимена в Прагу, какой-либо цельный политический план», – писал Бенеш¹¹. Напряженность в отношениях Праги и Берлина достигла уже такой степени, что в мирную миссию Ренсимена вряд ли можно было верить. Бенеш просил правительство, чтобы Ренсимену во всех его действиях была предоставлена свобода.

Президент обратил внимание посредника на то, что конфликт не является внутривластным делом, что это – «*борьба между Прагой и Берлином*» и что соглашение между правительством и чешскими немцами может быть достигнуто лишь в случае, если этого пожелает Берлин. «*Наши немцы в своем большинстве являются лишь простым инструментом берлинской пангерманистской политики в отношении нас*»¹², – считал Бенеш.

Ренсимен неоднократно встречался с представителями судетских немцев и с пониманием выслушивал их жалобы. Но сам он мало надеялся на успех переговоров, о чем и сообщал Галифаксу. В беседе с Майским английский министр заявил, что «сообщения Ренсимена... малоутешительны, ибо тот считает, что достижение какого-либо компромисса между сторонами – дело чрезвычайно трудное и что он сам тоже мало надеется на возможность соглашения между чехами и судетскими немцами»¹³. Кроме того, между Бенешем и Ренсименом возникло недопонимание, и президент был раздосадован тем, что посредник неправильно информировал Лондон о его позиции. Хотя инцидент, как казалось Бенешу, вскоре был исчерпан, «от него осталось много горечи и недоверия у обеих сторон», «и, прежде всего, ясное и окончательное разочарование чехословацкой стороны, которая поняла, что на миссию Ренсимена... сильнее влияют аргументы Берлина, судето-немецкой партии и немецкой пропаганды, чем вся добрая воля чехословацкого правительства и президента»¹⁴.

Не улучшила отношений между Бенешем и Ренсименом просьба лорда о встрече Генлейна с Гитлером в целях информирования того о ходе переговоров. 1 сентября президент получил письмо Ренсимена, в котором говорилось: «Принимаю к сведению, что господин Генлейн уезжает сегодня в Германию, чтобы встретиться с господином Гитлером. Он едет по моей просьбе, поскольку я верю в действительное стремление Генлейна к миру и надеюсь, что эта позиция может повлиять на господина Гитлера. Генлейн передаст господину Гитлеру мою твердую уверенность в том, что господин Гитлер одобрит и поддержит продолжение идущих переговоров и что решение судетского вопроса может привести к решению вопросов, которые сегодня встали между Великобританией и Германией.

Господин Генлейн сам придает большую важность тому, чтобы я сообщил Вам об этом, и попросил меня, чтобы я подчеркнул, что он едет по моей просьбе с *единственной* целью передать этот наказ. Он верит, что его поездка не будет искаженно истолкована в печати или неправильно воспринята чехословацким правительством, что может иметь для него плохие последствия»¹⁵. В тот же день Ренсимен посетил Бенеша и рассказал ему о разговорах с Генлейном. Президент проявил решительное несогласие с действиями Ренсимена и протестовал против них, подчеркнув, что тот переводит вопрос в недопустимую плоскость и призывает Гитлера вмешиваться в чехословацкие внутренние дела. Ренсимен заявил, что сделал это от себя лично и на свою ответственность. Он, якобы, принял это решение, желая устроить Гитлера тем, что если дело не дойдет до соглашения между немцами и Прагой, это приведет к роковым международным последствиям и весь спор будет перенесен на поле принятия решений великими державами. «Было ясно, – пишет Бенеш, – что лорд Ренсимен, вероятно, вообще даже не осознал, что направляет предателя и слугу Генлейна к его господину, Гитлеру, чтобы они оба перед широкой общественностью “легально” согласовали окончательные планы как раз к прекращению всех переговоров в Праге»¹⁶.

Генлейн отправился к Гитлеру и провел в Берхтесгадене 1 и 2 сентября. В беседах принимали участие Риббентроп, Геринг, Геббельс, Гесс, генерал Боденшатц, адъютант Геринга. Хотя в официальном коммюнике об этом визите кроме общих фраз ничего сказано не было, дальнейшие события показали, что именно там обсуждался план дальнейших действий генлейновцев, конечно, не имевший ничего общего с одобрением ведущихся в Праге переговоров и согласием с их продолжением.

Англия и Франция по-прежнему оказывали нажим на Прагу, торопя ее в заключении соглашения с судетскими немцами. Ньютон

настаивал на том, что оно должно быть достигнуто до открытия Нюрнбергского съезда нацистов 6 сентября. Если это будет необходимо, по его словам, чехословацкое правительство должно принять и карловарские требования генлейновцев. Ньютон обратил внимание Бенеша на то, что в случае войны Чехословакия оказалась бы «в достойной сожаления ситуации»: чехословацкие земли стали бы полем боя, были бы разорены военными действиями, прошли бы, скорее всего, через гражданскую войну. И, как пишет Бенеш, он *«присоединил к этому еще и предупреждение британского правительства: дескать, более чем сомнительно, что и в случае победоносного окончания войны можно было бы восстановить Чехословацкую республику в тех границах, которые она сейчас имеет»*¹⁷.

Бенеш сам разработал так называемый четвертый план достижения соглашения с судетскими немцами. Он означал, по сути, почти полное принятие восьми пунктов карловарской программы Генлейна. Исключение составлял второй пункт, требовавший признания граждан немецкой национальности юридическим лицом. Пока неясна была суть этого требования и возможные последствия его принятия с точки зрения сохранения целостности республики. Как считал президент, «в этой борьбе против нацистского тоталитаризма и в защиту чехословацкой демократии я подчинился чрезвычайному и несправедливому нажиму британского и французского демократических правительств, которые, преследуя цель сохранить мир, принуждают нас под предлогом [осуществления принципа] национальной справедливости к уступкам, в действительности нацеленным на уничтожение нашей государственной и национальной мощи под ударами нацистского тоталитаризма»¹⁸.

В информации о своей миссии, которую Ренсимен представил Чемберлену и направил также Бенешу, лорд высоко оценил четвертый план и отмечал, что он содержал все существенное из карловарских требований Генлейна. По мнению Ренсимена, если бы немедленно были начаты переговоры на основе этого плана, можно было бы достичь взаимопонимания и договоренности. Но именно эта перспектива успешных переговоров и являлась причиной того, что он был отвергнут радикальной частью судеето-немецкой партии¹⁹.

В возможности реализации плана сомневались и западные «умиротворители». В частности, Бонне полагал, что эти далеко идущие уступки судетским немцам были сделаны поздно, когда ситуация в Европе сильно изменилась. Бенеш назвал это «типичной аргументацией Бонне и умиротворителей». По мнению президента, тут речь шла «о гангстерской технике вызвать и насильственными способами

решить конфликт, план выхода из которого был уже давно подготовлен в Берлине, невзирая на то, что делалось бы в Праге или в Париже. Бонне же нужно было найти “алиби” для себя и возложить вину на нашу сторону, поскольку решение, что Франция из-за Чехословакии не пойдет на войну, было принято им так же давно, как решение Гитлера попытаться уничтожить Чехословакию»²⁰.

Радикалы из судето-немецкой партии, возглавляемые К.Г. Франком, настояли на том, чтобы переговоры с Прагой продолжились только после речи Гитлера в Нюрнберге 12 сентября. Было принято решение о поездке Генлейна и Франка в Нюрнберг для обсуждения с Гитлером «четвертого плана» и получения указаний от него. Чехословацкая общественность негативно воспринимала далеко идущие уступки в отношении судетских немцев. В стране был собран миллион подписей под обращением к правительству не уступать немецкому нажиму и угрозам. 10 сентября Бенеш обратился по радио к населению страны. «Я обращаюсь с призывом ко всем чехословакам, ко всем нашим немцам и всему остальному населению нашей республики без различия национальности... Я обращаюсь к отдельным гражданам, ко всему народу: никогда прежде не была ответственность каждого из вас так велика, как сейчас. Будьте спокойны, будьте рассудительны, берегите свои нервы! Спокойно продолжайте свои повседневные занятия, этого требует от вас прежде всего ваша родина... Покажите миру, что ни один из вас не хочет взять на себя ответственность за то, что помог усилить нынешнюю европейскую напряженность», – говорил президент. К этому же он призвал прессу и политических деятелей. «Я верю, – заявил Бенеш, – что нынешнее правительственное большинство договорится со всеми национальностями на основе подготовленных предложений и обеспечит дальнейшее здоровое развитие республики» на основе сохранения ее единства». В завершение Бенеш сказал: «Я никогда в жизни ничего не боялся. Я всегда был оптимистом, и мой оптимизм сегодня гораздо более сильный, чем когда-либо. Я твердо верю в наше государство, в его здравость, в его силу, в его способность к сопротивлению, в его прекрасную армию, в необоримость духа и преданность всего его народа.

Итак, будьте все тверды и верьте, что мы переживем это время, сохраним спокойствие и веру в себя, в свое государство и в его здоровое развитие. Будем готовы к жертвам, но будем оптимистами и в самые трудные времена, а главное: не забудем, что вера и добрая воля горы свернут и счастливо нас выведут из всех нынешних европейских неурядиц! Желаю вам здоровья и благодарю вас»²¹. Бенеш, как он часто

это подчеркивал, по натуре был оптимистом и стремился внушить оптимизм и веру в будущее также и гражданам Чехословакии.

Однако, уверенность в том, что стране удастся избежать худшего, становилась все призрачнее. Об этом свидетельствовала и полная угроз и желчи речь Гитлера в Нюрнберге на съезде национал-социалистской партии 12 сентября. Фюрер резко критически отозвался о Чехословакии как о «недальновидной конструкции Версаля», обвинил чехословацкие власти в целенаправленной тирании в отношении судетских немцев, требовал для них права на самоопределение и заявил о готовности Германии оказать им помощь²². По словам Бенеша, «это было самое острое выступление Гитлера против Чехословакии, и никто не мог сомневаться, что оно означает»²³.

В тот же день Геббельс напал на мировую прессу, которая, дескать, отказывается признать угнетение немцев, словаков, мадьяр, поляков и украинцев в Чехословакии. Он говорил о коммунистической опасности, распространяющейся якобы из ЧСР, которую коммунистическая партия хочет превратить в ядро мировой революции в средней Европе; о большевистской пропаганде, распространяемой в Чехословакии по радио и посредством кинофильмов, о влиянии Москвы на пражскую прессу, о том, что пражское правительство поддерживает эту деятельность Москвы и что только национальный социализм выступает против объединенного фронта демократии и большевизма.

В ночь с 12 на 13 сентября во многих пограничных районах на севере и северо-западе Чехии и на севере Моравии генлейновцы организовали массовые античехословацкие выступления. Вооруженные формирования судето-немецкой партии начали занимать полицейские участки, финансовые и таможенные учреждения. В некоторых местах жители стали выворачивать пограничные столбы. Началась паника, бегство чешских семей из некоторых мест Пограничья, а также немецких семей в Германию. Демонстрации вскоре начали обретать характер восстания, появились убитые и раненые. Правительство ответило объявлением военного положения сначала в районе Хеба, а потом еще в восьми районах Пограничья. Власти призвали население соблюдать спокойствие, вернуться на рабочие места и запретили проведение во всей республике политических митингов, собраний и демонстраций. В Пограничье были приняты меры по укреплению обороноспособности страны. После направления в мятежные районы войск и жандармерии (40 тысяч) порядок был восстановлен, в секретариатах и домах членов судето-немецкой партии, которая была распущена, проведены обыски. Генлейновцы

ультимативно предложили правительству отменить военное положение и отправить войска в казармы. Генлейн и Франк 14 сентября бежали в Баварию, откуда по радио, констатируя невозможность существования судетских немцев с чехами, потребовали присоединения территорий, на которых проживало более половины немецкого населения, к Германии. «Мы хотим жить как свободные мужчины и женщины. Мы снова хотим иметь мир и работу на нашей родине. Мы хотим домой, в Рейх»²⁴, – заявил Генлейн. На немецкой стороне начались военные маневры.

Политика умиротворения агрессора в Англии и Франции набирала обороты. Даладьё, по сообщению Ш. Осуского, высказал опасение, что Германия может использовать ситуацию для военного нападения на Чехословакию. Во Франции развернулась кампания против ее помощи ЧСР в этом случае. Бонне, по сведениям Я. Масарика, заявил, что следует сохранить мир ценой Чехословакии и что «Франция не готова и не хочет за нас воевать»²⁵. Англия выступила с предложением об отказе Чехословакии от части территории в пользу Германии, обещая в этом случае ЧСР гарантии со стороны западных держав. Возник план прямых переговоров Чемберлена с Гитлером, который выразил согласие принять главу британского правительства 15 сентября. Предложение Даладьё о совместной поездке к Гитлеру Чемберлен отклонил. «Отлет Чемберлена, – сообщал Масарик в Прагу, – был абсолютно тайным... Я очень опасаясь, что старческие амбиции Чемберлена быть миротворцем Европы толкнут его к успеху любой ценой, возможно и за наш счет». В следующей телеграмме значилось: «В правительственных кругах распространено мнение, что Франция готова к любым уступкам, чтобы не воевать за нас. Готовится возможность свалить вину на нас и предлог отступить от нас»²⁶. «Поездка Чемберлена была встречена с необычными симпатиями французским народом, который видит в ней, с одной стороны, стремление сохранить мир, с другой, помочь Чехословакии избежать нападения», – говорилось в телеграмме Ш. Осуского в МИД ЧСР 15 сентября²⁷.

В этих условиях Бенеш стал склоняться к решению уступить часть районов ЧСР с немецким большинством Германии. Такие инструкции были даны министру социального обеспечения социал-демократу Я. Нечасу, направлявшемуся во Францию и Англию для переговоров соответственно с социалистами (Л. Блюмом) и лейбористами (К.Р. Эттли). Предполагалось, что Германия могла бы получить 4-6 тыс. кв. км территории «с условием взять по меньшей мере 1 500 000 – 2 000 000 немецкого населения. Это означало бы, таким

образом, перемещение населения, причем демократы, социалисты и евреи остались бы у нас»²⁸.

15 сентября Бенеш пригласил к себе на Град Делакруа и поручил ему устно передать французскому правительству следующее: *«Наступает решающий момент в борьбе между нами и Берлином. Речь идет не о нашем немецком меньшинстве. Речь идет о вековой борьбе с немецким засильем в Центральной Европе. Нам должен быть нанесен смертельный удар; тем самым будет нанесен удар и по всей Центральной Европе, всей нынешней политике Франции, а тем самым и самой Франции... Если мы будем тверды, то все остальные в Европе в конце концов пойдут вместе с нами против нацистской Германии. Это сегодня единственный путь для всех нас»*. 16 сентября Делакруа передал Бенешу тоже устно следующий ответ Бонне: *«французское правительство готово выполнить свои обязательства перед Чехословакией, но она сама должна приспособиться к новым европейским условиям и, пойдя на значительные уступки национальным меньшинствам, не давала бы повод своим соседям к упрекам»* «А если бы этого не произошло, то Франция вынуждена была бы снова рассмотреть и переосмыслить свою политику – *“reconsidérer sa politique”* – в отношении Чехословакии». По словам Бенеша, это было заявление, которым Бонне «хотел обеспечить отступление от нашего договора, если бы обстоятельства этого потребовали»²⁹.

План, предложенный Чемберленом Гитлеру с одобрения Даладье, сводился к следующему: передать без плебисцита Германии территории с более чем 50% немецким населением (Карловы Вары – Марианске Лазне – Хеб), остальным районам предоставить широкую автономию без плебисцита; новые границы ЧСР должны быть гарантированы Германией, Францией, Англией и Италией. В случае непринятия этих предложений Франция и Англия «умывали руки», отказывая ЧСР в своей поддержке. Без Англии, по заявлению Бонне, французская помощь Чехословакии была бы неэффективной³⁰.

18–19 сентября в Лондоне состоялось совещание глав правительств Англии и Франции, посвященное итогам поездки Чемберлена в Берхтесгаден. Было принято решение удовлетворить требование Гитлера о передаче Судетской области Германии. 19 сентября по поручению своих правительств Ньютон и Делакруа вручили Бенешу соответствующий меморандум. «Этим предложением я был буквально ошеломлен», – вспоминал президент. Он ожидал, «что ни Франция, которая была нашим союзником, ни Великобритания, которая миссией Ренсимена взяла на себя такую ответственность, не будут вести переговоры о нас друг с другом, и особенно с Германией, без совещания и договоренности с нами»³¹. «Наибольшим удивлени-

ем для меня, – по словам Бенеша, – был все же тот факт, что *этим документом и именно в этот критический момент Франция в одностороннем порядке расторгала и прекращала действие своего союзнического договора с Чехословакией*» (подписан в 1923 г. и продлен в 1925 г. – В. М.). В конце беседы с обоими посланниками Бенеш решительно заявил им: *«Если бы этот план в действительности осуществился, то не скрываю от вас, что это имело бы непредсказуемые последствия не только для Чехословакии, но и для ваших стран, а также для всей остальной Европы»*³².

Для рассмотрения вопроса было созвано правительство, заседание которого продолжалось до самой ночи. Кроме того, Бенеш в тот же день встретился с Александровским, сообщил ему об англо-французском плане, о своем к нему отношении и задал два вопроса: 1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь Чехословакии, если и Франция окажет ее; 2. В случае нападения президент намерен обратиться в Совет Лиги Наций за помощью и просит СССР поддержать его просьбу. Бенеш, по словам Александровского, считает англо-французское предложение неприемлемым, а борьбу неизбежной». На следующий день советское правительство дало положительный ответ на оба вопроса³³.

В ночь с 19 на 20 сентября Бенеш сформулировал ответную ноту правительствам Англии и Франции, и утром снова собралось правительство для ее обсуждения и одобрения. Содержание ответа, по Бенешу, сводилось к следующему:

а) Французско-британские предложения, касающиеся жизненных интересов Чехословакии, были сделаны без договоренности с ней. Они требуют от правительства нарушения конституции и ряда других важнейших государственных законов. Они означают уродование государства, его экономический и коммуникационный паралич, а со стратегической точки зрения выдачу его на милость Германии и в недалеком будущем его полное подданство Германии. Они означают одновременно полное нарушение баланса в Центральной Европе, угрозу безопасности всех центрально-европейских государств, а, следовательно, и Франции.

б) Чехословацкое правительство сделало все, чтобы договориться с немецким меньшинством. Трудности возникли не внутри республики, а из Берлина. Но с Берлином Чехословакия имеет арбитражный договор. И она предлагает, чтобы спор с Германией был решен на основе этого договора. Чехословакия до сих пор выполняла все свои договоры. Она останется им верна и ныне, особенно договорам и узам с Францией и Великобританией.

в) Если же Франция и Великобритания будут настаивать на своих требованиях, речь пойдет не только о судьбе Чехословакии, но и о судьбе других стран, и особенно о судьбе Франции³⁴.

Англо-французские предложения, по сути, были отклонены. Сответствующую ноту оба посланника получили 20 сентября между 8 и 9 часами вечера. Но уже в ночь с 20 на 21 сентября (после двух часов ночи) они передали Бенешу ответ своих правительств. Бенеш называет эту встречу «историческим ультимативным разговором на Пражском Граде», который был, по его мнению, «*предисловием ко всей дальнейшей катастрофе многих европейских государств и, собственно, почти всего мира*». Встреча протоколировалась. Британский посол сначала зачитал, а затем передал Бенешу письменный текст ответа своего правительства, которое а) настоятельно требует, чтобы правительство Чехословакии отозвало свой отрицательный ответ от 20 сентября и изменило свою точку зрения, приняв францужско-британские предложения; б) обращает внимание чехословацкого правительства, что доведение до сведения общественности его отрицательного ответа привело бы к немедленному вторжению немецкой армии в Чехословакию; в) отказывается передать германскому правительству предложение об арбитраже, на который, согласно чехословацко-немецкому договору, Чехословакия имела право; г) заявляет, что не может взять на себя ответственность за ситуацию, которая была бы создана чехословацким правительством в случае, если бы оно не действовало в соответствии с британскими советами и предложениями. Во всяком случае, это будет означать совершенную британскую незаинтересованность (*désintéressement*) в том, что произойдет с Чехословакией.

Французский посланник, передавший ответ своего правительства устно, был, по мнению Бенеша, более категоричен и касался францужско-чехословацких отношений: «*Если чехословацкое правительство не сможет немедленно принять францужско-британские предложения и отвергнет их, и если возникшая ситуация приведет к войне, то за нее будет ответственна Чехословакия, а Франция в этой войне участвовать не будет*». В 12 часов дня 21 сентября по требованию Бенеша эта нота была передана ему в письменном виде. «Французский посланник передал мне ответ своего правительства со слезами на глазах; по праву он оплакивал конец двадцатилетней политики, которой мы оставались верными до самой смерти. Что чувствовал в эту минуту британский посланник, я не знаю: он был холоден и смотрел упорно в пол во время объяснений французского посланника. У меня было

впечатление, что оба в душе стыдятся миссии, которую от имени своих правительств выполняли»³⁵.

В записи беседы значит: «Что бы ни произошло, они (Англия и Франция. – В. М.) снимают с себя ответственность. Президент Бенеш: Это ультиматум. Они: Нет, только советы»³⁶. В конце встречи с обоими посланниками президент сказал: «Как я вижу, вы предложили мне от имени своих правительств определенного рода ультиматум. То, что ваши страны делают в отношении моей страны – единственный случай в истории. Я созову правительство и политические партии, и мы все вместе примем решение. Вы настоятельно требуете немедленного решения. Я не могу ничего обещать, но попытаюсь, чтобы ответ на ваш ультиматум был дан, если это возможно, еще сегодня»³⁷. Затем президент поклонился обоим посланникам и удалился из кабинета приемов.

Как пишет Бенеш, он провел страшную ночь, размышляя о своей ответственности за принятие решения и о возможных альтернативах. Прежде всего, о возможности отвергнуть ультиматум и начать войну с Германией: «мы были в целом к ней в военном отношении, как и Германия, готовы. Это было самым легким, и особенно лично для меня, учитывая ответственность в ту минуту, наиболее приемлемым. Но что будет, если мы вынуждены будем вести эту войну в одиночку? Я взвесил всё...». Что касается Англии и Франции, то они уже заявили о своей «незаинтересованности» в судьбе Чехословакии в случае ее военного конфликта с Гитлером. Что касается России, то Бенешу, по его словам, «в тот момент не были достаточно ясны ее будущие практические действия (подчеркнуто. – В. М.), но то, что она будет в принципе с нами, мне было определено ясно». Относительно двух соседей Чехословакии – Венгрии и Польши – у Бенеша не было «больших сомнений»: «Венгрия уже тогда находилась в *полном сговоре* с Германией *против нас...*»; Польша также открыто выступала против Чехословакии.

«Вывод из размышлений, – как пишет Бенеш, – был печален: мы вели бы войну в изоляции, вторжение в нашу страну трех наших ближайших соседей, смерть и уничтожение сотен тысяч наших людей, разорение страны и гибель государства. *Одновременно я предполагал и определенно считался с решительным отказом всех этих государств не допустить помощи нам со стороны советской России, и, в конце концов, общее выступление против нее и попытка ее уничтожения*, если она все же решится прийти к нам на помощь. В данной европейской ситуации я не мог исключать, что реакционные западные круги в этом случае попытались бы содействовать борьбе

”не на жизнь, а на смерть нацизма против большевизма”, и даже, возможно, и помогли бы Германии [в войне] против России. *Могу ли я в этом случае рисковать? Это был постоянно встающий передо мной, приводящий в отчаяние и решающий вопрос».*

При этом, по словам Бенеша, он был уверен, что Гитлер не будет удовлетворен достигнутым «и пойдет дальше, вплоть до европейской войны». Из всех этих размышлений следовало: «Мы должны своей умеренностью доказать, что республика, поступая легкомысленно, не хочет лишь из-за части своей территории вовлечь Европу во вторую великую европейскую войну, что не хочет, чтобы только из-за нее Европа была залита кровью и разорена». Бенеш надеялся убедить в этом западные державы и привлечь их на свою сторону в предстоящей схватке с Германией. Эта надежда, как он пишет, не покидала его до самого последнего момента, когда он узнал о совещании в Мюнхене³⁸.

21 сентября утром состоялось заседание правительства, представителей политических партий и армии в лице генерального инспектора вооруженных сил генерала Я. Сырового и начальника Генерального штаба генерала Л. Крейчи. Бенеш доложил о ночной встрече с посланниками двух стран. Началась свободная дискуссия: «все участники взяли слово и изложили свое мнение о том, что нам делать. Все с большей или меньшей решимостью сначала отстаивали точку зрения о том, что нельзя отступать». Но когда началось обсуждение вопроса о возможных последствиях этого и, особенно, о последствиях изолированной войны, «мнения начали сильно расходиться и постепенно менялись». Оба приглашенных генерала, заявляя, что армия выполнит то, что ей прикажет правительство, высказали общее мнение, что в сложившихся условиях – оккупации Австрии, недружелюбного поведения Венгрии и Польши, ясной позиции Англией и Францией – с военной точки зрения «у нас есть возможность лишь короткой и трудной обороны, которая не может быть длительной». В сложившихся обстоятельствах они не могли рекомендовать начать изолированную войну с Германией. Что предпримут практически с военной точки зрения Советы, по их мнению, пока тоже неясно. «В этом плане из Москвы, насколько им известно, пока нет никаких точных сведений». «Надо сказать, – пишет Бенеш, – что точка зрения наших военных, высказанная ясно и открыто, сильно повлияла на всех участников совещания»³⁹.

Английский и французский посланники были настойчивы в требовании немедленного ответа. И вечером 21 сентября он был дан. В 20.30 Крофта сообщил циркулярной депешей чехословацким ди-

пломатическим представительствам о принятии Чехословакией англо-французских предложений. В ней говорилось: «Вынужденное обстоятельствами и чрезвычайным давлением французского и английского правительств чехословацкое правительство с душевной болью принимает французско-английские предложения, надеясь, что оба указанных правительства сделают все, чтобы при их реализации были сохранены жизненные интересы Чехословакии»⁴⁰. «Наша жертва, – говорилось в чехословацкой ноте, – мир не сохранит, и в войне, которую западные союзники, Советский Союз и другие в ближайшее время, несмотря на наши жертвы, будут в любом случае вынуждены вести, *мы встанем на сторону тех, которые сегодня от нас отреклись*». По словам Бенеша, «*ни одно из условий, включенных в текст нашей ноты от 21 сентября, в ходе дальнейших действий великих держав с момента раздела и занятия территорий Чехословакии на основании мюнхенского соглашения и до немецкого вторжения 15 марта 1939 г. выполнено великими державами не было*»⁴¹.

21 сентября по стране прошли манифестации с требованием не отступать и начать войну. Правительство Годжи ушло в отставку. Новым главой кабинета стал генерал Я. Сыровы. Чтобы внести успокоение, Бенеш 22 сентября выступил с радиообращением к народу. Указав на связанность чехословацкого вопроса со всеми европейскими делами и процессами, он подчеркнул важность «при всех обстоятельствах сохранять спокойствие и рассудительность, и особенно *единство народа*», и заявил, что у него «имеется план на все случаи» и что он не допустит «ни в чем ошибки»: «*Если необходимо будет бороться, мы будем бороться до последнего дыхания. Если же будет необходимо и можно вести переговоры, будем их вести*»⁴². Поскольку впоследствии Бенеша очень критиковали за это выступление, он счел нужным в мемуарах разъяснить, что он имел тогда в виду, указав, что его разъяснение – не следствие более поздних событий, а вытекает из всех его действий, заявлений и поступков в период мюнхенского кризиса и сразу после него.

По словам Бенеша, его выступление «точно отражало все мое понимание тогдашней ситуации и моих дальнейших умыслов. Оно означало следующее: а) Я считаюсь со всеми возможностями, и мой план таков: войны с гитлеровской Германией не избежать; либо теперь, либо позднее дело до нее дойдет. Я хотел бы, чтобы она началась сейчас, но Париж и Лондон не оценивают правильно ситуацию и принудили нас к невиданным переговорам и концессиям, которые убийственны для нас и для них самих. Но если бы мы их отвергли, то нас сразу бы совершенно определенно покинули бы обе западные де-

мократии, и Германия немедленно и полностью уничтожила бы нас. Простой отказ и изолированная немецкая война против нас *были бы в сложившейся ситуации в эту минуту наибольшим злом для нас*; б) поэтому мы пошли на переговоры, как на меньшее зло. Однако эти переговоры могут провалиться. В этом случае дело сразу же дойдет до войны, в которой на нашей стороне, учитывая сделанные нами концессии, будут в любом случае Франция, Советский Союз, а также Великобритания. Иным путем мы западные демократии на нашу сторону привести не могли...; в) *Обязанностью нашего правительства является любой ценой сохранить государство, хотя бы и в урезанном виде, вплоть до того момента, когда произойдет очередной кризис [в отношениях] с Германией. Он определенно должен произойти, и результатом этого будет всеобщая война. А она нам вернет всё, что мы потеряли бы сейчас*»⁴³.

23 сентября Бенеш направил инструкцию Осускому для информирования Даладье, в которой говорилось: «То, что нам было предложено Францией и Англией, мы посчитали ужасным, мы не могли поверить своим глазам, что Франция способна на нечто подобное... нажим был таким, что это имело характер ультиматума... Это навсегда останется позором Франции, а также Англии... Повторяю: то, что произошло, не имеет аналогов в истории»⁴⁴. 23 сентября К. Крофта передал по телефону инструкции чехословацким послам в Париже и Лондоне: попытаться внести поправки в англо-французский план решения судето-немецкого вопроса и «показать на карте, насколько бессмысленными стали бы потом границы и как глубоко врезалась бы Германия в чехословацкую территорию. Государство оказалось бы стратегически несостоятельным... Подчеркните, что принцип пятидесятипроцентных районах должен быть скорректирован так, чтобы новая граница отвечала потребностям, прежде всего коммуникационным, экономическим и географическим, и что международная комиссия получит право действовать в этом духе. Сделайте, что удастся, возможно, также путем обращения к отдельным политикам, парламентариям и даже оппозиционерам»⁴⁵.

Но было уже поздно. 23 сентября на встрече с Чемберленом в Голдесберге Гитлер ультимативно выдвинул более жесткие, чем англо-французские, условия решения судето-немецкого вопроса⁴⁶. Слабые попытки Чемберлена возразить со ссылкой на то, что Прага не примет подобные требования, не увенчались успехом. Английский премьер согласился передать их Бенешу и чехословацкому правительству, что и было сделано в тот же день послом Великобритании в Праге Б. Ньютоном⁴⁷. Осуществление этого плана, по Бенешу, означало с точки зре-

ния коммуникаций полный паралич всей чехословацкой территории и нарушение шоссежных, железнодорожных и речных коммуникаций в такой мере, что вся территория республики распалась на три части, почти вообще друг с другом не связанные. План означал ликвидацию Чехословакии как экономического целого, паралич всей оставшейся чехословацкой промышленности, изъятие большей части сырьевой базы, создание полной экономической зависимости новой Чехословакии от Германии и моментальное превращение государства, активно экспортирующего, в государство, полностью зависящее от импорта из Германии. С военной и стратегической точки зрения план означал уничтожение всей существующей обороны государства и невозможность создания какой-либо эффективной обороны в будущем⁴⁸.

Но и Лондон, и Париж, похоже, тоже были обескуражены новыми требованиями Гитлера. 24 сентября Э. Галифакс принял Я. Масарика и заявил ему, что ни он, ни премьер не могут советовать Чехословакии принять эти требования. Но он настаивал, как сообщал Масарик в МИД ЧСР, на необходимости подумать о том, не лучше ли уступить Гитлеру, чем быть разбитыми. Премьер, по заявлению Галифакса, уверен в том, что Гитлер, «получив судетские области, навсегда оставит Европу в покое». Масарик, по его словам, ужаснулся этой преступной «наивности» и выразил крайнее удивление по поводу того, что английский премьер стал «почтальоном» «убийцы и гангстера Гитлера». «Галифакс, глубоко взволнованный, повторил: к сожалению, это так». Далее он сообщил Масарику, что английский Генеральный штаб ожидает нападения на Чехословакию без объявления войны в ближайшее время, еще до первого октября. Масарик от своего имени заявил Галифаксу, что считает «ужасный документ Гитлера неприемлемым», и сказал: «скорее мы все умрем, чем переживем такое унижение»⁴⁹.

Б. Ньютон, вручивший К. Крофте меморандум Гитлера, переведенный на английский язык, подчеркнул, что имеет указание только передать документ, без каких-либо советов и давления. Вечером 23 сентября Ньютон сообщил о получении им телефонного звонка из Лондона о том, что английское и французское правительства не берут на себя ответственности советовать Чехословакии не проводить мобилизацию⁵⁰. Эта информация, по словам Бенеша, принесла «мне в ту минуту огромное облегчение. Мы не хотели войны, но морально и технически были к ней готовы». Президенту казалось, что случившееся в Годесберге должно стать поворотным пунктом во всей ситуации, подтверждением того, что он постоянно твердил западным державам относительно дальнейших планов гитлеровской Германии. 23 сентя-

бря в 8 часов вечера на Граде состоялось новое заседание правительства, с участием представителей политических партий и армии. Было сообщено о мнении английского и французского руководства: предоставить чехословацкому правительству самому решать вопрос о мобилизации, но, «по возможности, тактично провести эти меры». Кроме того, стало известно, что Даладье заявил, что если Чехословакия подвергнется нападению, то «Франция вступит в войну для оказания ей помощи»⁵¹. Бенеш просил согласия на проведение мобилизации: «я не скрывал, что считаю это действительным поворотом и что всеобщая европейская война, в которой вместе с нами будут Франция и Советский Союз, а затем и Великобритания, начнется в течение нескольких дней». «Председатель правительства, – говорится в протоколе заседания, – рекомендует провести мобилизацию в качестве единственно правильной меры». «Решение о немедленном проведении мобилизации и скорейшем осуществлении всего, что будет необходимо для ведения войны, было принято единогласно»⁵², – пишет Бенеш.

Сразу же после совещания, по словам президента, и еще в присутствии большинства его участников он подписал декрет о всеобщей мобилизации и назначил генерала Крейчи генералиссимусом на случай войны⁵³. Сорок прекрасно вооруженных дивизий должны были быть призваны к оружию и готовы к обороне на всех границах⁵⁴.

Бенеш согласовал с Масариком по телефону ответ чехословацкого правительства на Годесбергский меморандум. 25 сентября посланник передал английскому правительству следующую ноту: «Мое правительство изучило сегодня документ и карту. По сути, это – ультиматум, который предлагается побежденному народу, а не предложение суверенному государству, которое доказало всю возможную готовность к жертвам во имя европейского мира. Ни малейших следов такой готовности к жертвам не проявило до сих пор правительство господина Гитлера.

Мое правительство ужаснуло содержание меморандума. Предложенное далеко превосходит то, на что мы согласились по так называемому англо-французскому плану. Оно лишает нас какой-либо гарантии сохранения нашего национального существования... Наша национальная и экономическая независимость автоматически ликвидировалась бы принятием предложений господина Гитлера». В ноте говорилось о неприемлемости для правительства требований Гитлера: «Против этих новых жестоких требований мое правительство чувствует себя обязанным выступить самым решительным образом – и мы это сделаем с Божьей помощью. Народ святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не станет рабом. Сегодня мы надеемся, что обе

великие демократии Запада, чьи желания мы исполняли часто против собственных убеждений, будут с нами в час испытаний»⁵⁵.

26 сентября Гитлер произнес в берлинском Дворце спорта речь, полную ярости, против Чехословакии и лично Бенеша. В ней говорилось: сегодня перед нами стоит последняя проблема, которая должна быть решена и решена будет. *«Это последнее территориальное требование, которое мы должны предъявить Европе»*. Фюрер заявлял, что не хочет «бездейственно и спокойно смотреть, как этот сумасшедший Бенеш полагает, что может тиранить три с половиной миллиона человек... Здесь я могу сказать лишь одно: там – господин Бенеша, а здесь – я. И мы – два разных человека... моя терпеливость, что касается судето-немецкой проблемы, уже иссякла... Сегодня в руках Бенеша решение, быть войне или миру. Или же он это предложение примет и даст, наконец, немцам их свободу, или мы пойдем и принесем им эту свободу. Мы полны решимости. Господин Бенеш пусть сегодня выбирает!»⁵⁶.

24–26 сентября в Чехословакии была проведена мобилизация. 26 сентября Бенеш пригласил к себе начальника своей военной канцелярии генерала С. Благу и дал ему инструкции, в конце заявив: «Эта война будет ужасной... И мы будем защищаться до последнего дыхания и пойдем до конца, что бы ни случилось. Я останусь со своей военной свитой постоянно в войсках. Но и вы, и главнокомандующий, и председатель правительства должны знать: я буду отступать с войском лишь до определенного времени. Когда мы должны будем остановиться, не оставляя далее территорию и биться с врагом до самой смерти, то я, как президент республики, не должен попасть в плен. Я останусь с теми, кто по правде будет сражаться до последней минуты, и паду вместе с ними. Ясно, что это будет необходимо и с военной, и с политической точки зрения, и надо будет вовремя к этому подготовиться. Наши должны остаться с союзниками до самого конца войны: тем самым республика будет сохранена. И конец президента республики на поле боя будет этому служить... Все мы 26 сентября были уверены, что начало военных операций – это вопрос нескольких часов»⁵⁷.

По настоянию председателя правительства, который сообщил Бенешу о предполагаемой бомбардировке Праги, президент на некоторое время отбыл из столицы, но тотчас же вернулся обратно, когда стало известно, что бомбардировки не следует опасаться. Кроме того, ему стало известно о новых переговорах Чемберлена с Гитлером: шла подготовка к совещанию в Мюнхене.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., в частности: Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958; СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971; Документы внешней политики СССР. М., 1977. Т. 21; Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3. М., 1978; Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939 гг. М., 1979; Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1. М., 1981; Год кризиса 1938–1939. Т. 1. Документы и материалы. М., 1990.

² Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. I, II. Praha, 2000; Обзор публикации см.: *Марына В.В.* Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа. М., 2008. С. 19–50.

³ *Dr. Edvard Beneš.* Mnichovské dny. Paměti. Praha, 1968. S. 507–508.

⁴ *Ibid.* S. 516

⁵ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 432. S. 72–73.

⁶ *Ibid.* Dok. 451. S. 102–103.

⁷ *Ibid.* Dok. 457. S. 113.

⁸ *Dr. Edvard Beneš.* Mnichovské dny. S. 148–149.

⁹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 408, 421. S. 40–41, 58.

¹⁰ *Ibid.* Dok. 429 S. 66.

¹¹ *Dr. Edvard Beneš.* Mnichovské dny. S. 158.

¹² *Ibid.* S. 160.

¹³ ДМИСЧО, 3. Док. 319. С. 478.

¹⁴ *Dr. Edvard Beneš.* Mnichovské dny. S. 192.

¹⁵ *Ibid.* S. 461.

¹⁶ *Ibid.* S. 194–195.

¹⁷ *Ibid.* S. 201–202.

¹⁸ *Ibid.* S. 210–211.

¹⁹ *Ibid.* S. 214.

²⁰ *Ibid.* S. 216.

²¹ *Ibid.* S. 484–491.

²² Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 569. S. 264 (примеч. 1); *Dr. Edvard Beneš.* Mnichovské dny. S. 224–227.

²³ *Ibid.* S. 228.

²⁴ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 603. S. 290 (примеч. 2).

²⁵ *Ibid.* Dok. 586. S. 275.

²⁶ *Ibid.* Dok. 590, 597. S. 278, 283.

²⁷ *Ibid.* Dok. 595. S. 281.

²⁸ Ibid. Dok. 599. S. 284–285.

²⁹ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 243–244.

³⁰ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 633. S. 330–331.

³¹ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 250–252.

³² Ibid. S. 253.

³³ ДМИСЧО, 3. Док. 341, 344. С. 504–505, 507.

³⁴ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 255–258.

³⁵ Ibid. S. 259–262.

³⁶ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 653. S. 346.

³⁷ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 263.

³⁸ Ibid. S. 264–266.

³⁹ Ibid. S. 267–268.

⁴⁰ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 666. S. 361.

⁴¹ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 272.

⁴² Ibid. S. 277–278.

⁴³ Ibid. S. 279–280.

⁴⁴ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 679. S. 369.

⁴⁵ Ibid. Dok. 680. S. 370.

⁴⁶ ДМИСЧО, 3. Док. 372. С. 533–534.

⁴⁷ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 689. S. 375–376.

⁴⁸ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 290–291.

⁴⁹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 706. S. 387.

⁵⁰ Ibid. Dok. 684. S. 372.

⁵¹ ДМИСЧО, 3. Док. 367. С. 526–527.

⁵² *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 293–295.

⁵³ Сам Бенеш, согласно конституции, являлся главнокомандующим вооруженными силами ЧСР

⁵⁴ Позднее, во время Мюнхенского совещания, Англия и Франция дезавуировали свои заявления о том, что они придут на помощь Чехословакии в случае неспровоцированного нападения на нее Германии. Чемберлен якобы цинично заявил, что «все это не принималось им всерьез, а было лишь маневром для оказания давления на Гитлера, другими словами, это был контрблеф Чемберлена» (ДМИСЧО, 3. Док. 394. С. 558).

⁵⁵ *Dr. Edvard Beneš*. Mnichovské dny. S. 296–297.

⁵⁶ Ibid. S. 298–301.

⁵⁷ Ibid. S. 301–302.

МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ. ОТСТАВКА Э. БЕНЕША

Последние дни сентября оказались самыми напряженными. 28 сентября Я. Масарик направил еще одну ноту Галифаксу. Согласно инструкции, к ней были приложены две карты, показывающие, что в отличие от англо-французского плана территориальные претензии Гитлера распространяются на чисто чешские районы, а также на районы с преобладающим чешским населением. «Я рад бы был напомнить, – говорилось в ноте, – два факта. На территориях, обозначенных в англо-французском плане, Германии были бы переданы 382 000 чешских граждан, в то время как на территориях, которые должны быть переданы Германии 1 октября в соответствии с планом господина Гитлера (на карте обозначены красным цветом), Германии должны быть переданы 836 000 чехов. Далее, в области, которая окрашена на карте господина Гитлера зеленым цветом, проживают 1 116 000 чехов и только 144 000 немцев»¹. Но все эти факты не были приняты в расчет Чемберленом и Даладье. Накануне Мюнхена чехословацкое правительство, исходя из англо-французского плана, пошло на дальнейшие уступки², но это тоже не помогло.

29 сентября в 19 часов, то есть, когда уже было известно о мюнхенском совещании, состоялось заседание правительства с участием Бенеша и представителей политических партий. Крофта сообщил о позиции России: «она вмешается в конфликт в случае, если Чехословакия подвергнется нападению и будет протестовать в Лиге Наций». «Однако, – говорится в протоколе заседания, – помощь со стороны лишь одной России была бы небезопасной, поскольку привела бы к возникновению антибольшевистского фронта. Два дня назад Англия и Франция обещали помощь, но сейчас их позиция неустойчива...»³.

В Праге, безусловно, было известно о выступлении Чемберлена по радио 27 сентября, в котором он, между прочим, сказал: «как это ужасно, фантастически, невероятно, если британцы должны были

бы рыть окопы и примерять противогазы в Англии из-за спора в далекой стране и между людьми, о котором мы ничего не знаем... И даже если бы мы относились с огромной симпатией к малому народу, против которого выступает огромный и могучий сосед, мы не можем при всех обстоятельствах действовать так, чтобы ввергнуть всю британскую империю в войну лишь из-за него»⁴.

Чемберлен и Даладье без раздумий приняли приглашение Гитлера прибыть на переговоры с ним и Муссолини в Мюнхене. Об этом после экстренной встречи с Галифаксом по просьбе министра Майский сообщил в Москву 29 сентября. Английское правительство, по словам Галифакса, «не подымало при этом вопрос о приглашении в Мюнхен СССР, ибо, подходя к делу “реалистически”, понимало, что при известных всем настроениях Гитлера такое предложение сделало бы совещание вообще невозможным и похоронило бы “последние шансы” предупредить войну». Однако Чемберлен телеграфировал Бенешу, прося прислать в Мюнхен представителя Чехословакии. Премьер, по словам Галифакса, «хочет добиться включения его в состав совещания, а если это не удастся, то по крайней мере иметь возможность консультироваться с ним в ходе переговоров... О программе переговоров Галифакс выражался очень общо. Он говорил, что ничего не было установлено и что многое зависит от настроения Гитлера»⁵. Так оно и случилось.

Совещание в Мюнхене началось около полудня 29 сентября. Гитлер, кратко поприветствовав его участников, констатировал, что существование Чехословакии в ее нынешнем виде угрожает европейскому миру. Затем Муссолини ознакомил Чемберлена и Даладье со своими предложениями, выработанными в согласии с Берлином. После рассмотрения гармонограммы занятия Судетской области немецкими войсками Гитлер пошел на некоторые уступки. Он обещал занять территорию с немецким большинством не в течение недели, как это предполагалось, а в течение десяти дней, а занимать спорные территории его армия должна только по решению международной комиссии. Чемберлен и Даладье с облегчением приняли новые заверения Гитлера, что Судеты – это его последнее территориальное требование, что оккупация, естественно, ограничиться договоренной линией, и что немцы не намерены заставлять чешское население жить в рейхе. Чемберлен, согласно его заявлению, выразил уверенность в том, «что фюрер сохранит порядок и позаботится, чтобы не преследовались жители, которые против присоединения». Гитлер и Муссолини добились того, чтобы сначала было достигнуто соглашение между четырьмя державами, и лишь затем эти решения были со-

общены представителям Чехословакии. Когда во время обсуждения Даладье предложил, чтобы при определении границ были учтены, по возможности, чешские коммуникационные и экономические интересы, и чтобы соглашение о новых границах было подписано еще перед тем, как немцы вступят на оставляемую чехами территорию, то натолкнулся на отказ Гитлера. Оскорбленный француз покинул заседание, но Гитлер через час привел его обратно, заверив, что принимает его замечания в интересах европейского мира⁶.

Весть о совещании в Мюнхене быстро облетела Прагу, вызвав возбуждение в чехословацких руководящих кругах, и особенно в армии. Назначенный главнокомандующим отобилизованной чехословацкой армии генерал Крейчи, договорившись с генералами Войцеховским, Лужой и Прхалой, а также главой правительства генералом Сыровым, испросил аудиенции у Бенеша на Граде. Президент принял и выслушал их. Они, согласно воспоминаниям Бенеша, «единогласно и всячески доказывали мне следующее: “Пусть великие державы решают, что хотят, но отобилизованная и размещенная вдоль границ и в оборонительных сооружениях армия не перенесла бы, если бы мы сегодня подчинились их нажиму и пошли на какие-нибудь территориальные уступки Гитлеру. Мы должны начать войну, несмотря на любые последствия. Западные державы будут вынуждены следовать за нами. Народ сплочен, армия крепка и хочет воевать. И даже если бы мы остались в одиночестве, то не должны подчиниться; армия обязана защищать территорию республики, хочет идти и пойдет на борьбу”». Это, по словам Бенеша, был «очень взволнованный разговор. Я видел слезы на глазах некоторых генералов и слышал из их уст просьбы, предупреждения и угрозы... Я заколебался. Но, в конце концов, после новых размышлений я ответил им твердо и решительно так: “Хорошо, что вы пришли, и правильно, что говорите так, как должен говорить чехословацкий солдат. *Ваши требования вытекают из вашей обязанности так поступать, это делает честь чехословацкой армии.* Вы правы, наш народ хочет того же, что требуете и вы, и прекрасно, что в эту тяжелую минуту чувства народа и армии так едины.

Но я – в иной ситуации, чем вы. Я являюсь не только верховным главнокомандующим, но также президентом и политическим представителем народа как целого. Я не могу принимать в соображение лишь то, что чувствует народ и армия. *Я должен видеть всю нашу внутреннюю и международную ситуацию, весь спектр того, о чем сегодня идет речь, и все последствия наших эвентуальных шагов.* Прежде всего, вы ошибаетесь в том, что Англия и Франция присоединятся к нам, если мы одни начнем войну. Согласно имеющимся

у меня сведениям и тому, что сам наблюдаю в Англии и Франции, сегодня обе эти страны из-за чешских немцев не пойдут на войну, и в отношении нас будут поступать, как в отношении виновников войны, если мы начнем ет одни... Я не питаю в этом отношении никаких иллюзий. Это *факт, что в вопросе наших смешанных областей нас окончательно оставили уже до сентябрьского кризиса и что Франция сегодня уже не выполнит своего договора*. Вы ведь знаете, что и Польша нынче нам предъявила свой ультиматум (см. главу 13). *С моей стороны было бы легкомыслием, если бы я сейчас захотел вести народ на заклание, начиная изолированную войну*.

Но помните о том, что я вам сегодня говорю: Да, это ужасно, что сегодня по отношению к нам сделали обе эти страны. То, что сегодня происходит, это только начало великой европейской трагедии. Война – великая европейская война – начнется, произойдут огромная разруха и революции. Они (Англия и Франция. – В. М.) не хотят сегодня сражаться вместе с нами при более благоприятных условиях; но они *должны будут вести тяжелую войну и за нас, если мы не сможем бороться. Они все дорого заплатят за это*. Сам я должен поступать так, чтобы сохранить государство хотя бы до ближайшей войны. Готовьтесь к ней, мы еще должны сыграть в ней свою роль”.

Генералы уходили от меня недовольные, разочарованные и в безрадостном настроении⁷.

В этот день, 29 сентября 1938 г., в Мюнхене было подписано соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, которое гласило: «Германия, Соединенное королевство, Франция и Италия согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения». Эвакуацию территории намечалось провести в течение 1–10 октября. Чехословацкому правительству предписывалось не производить «никаких разрушений имеющихся сооружений». Формы эвакуации должна была установить международная комиссия, состоящая из представителей Германии, Соединенного королевства, Франции, Италии и Чехословакии. Устанавливался график занятия немецкими войсками освобождаемых территорий. Говорилось о том, что упомянутая международная комиссия должна определить районы, в которых будет проведен плебисцит, и его время (не позже конца ноября)⁸. Ей же поручалось и окончательное определение границ. На чехословацкое

правительство налагало обязательство в течение четырех недель со дня заключения соглашения освободить от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают, а также судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

В одном из приложений к соглашению говорилось о том, что английское и французское правительства по-прежнему поддерживают предложение о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии, и как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию. При этом было заявлено, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих в Мюнхене. Чехословацкому правительству предписывалось в тот же день, то есть 30 сентября, направить делегата в Берлин для участия в работе указанной международной комиссии⁹.

Гитлер получил в Мюнхене практически всё, чего хотел, и его популярность в Германии опять возросла. Впрочем, воодушевленного принятия на родине добились и западные «спасители» мира. Чемберлен, размахивая роковым документом, перед ликующей толпой на аэродроме в Лондоне заявил, что спас мир «на ближайшее время». И, возможно, верил в это.

Чехословацкая делегация (В. Мастны и Г. Масаржик), прибывшая в Мюнхен, в переговорах не участвовала. Лишь в 10 вечера им по поручению Чемберлена было сообщено содержание соглашения и передана карта, где обозначались районы, которые немецкая армия должна была немедленно оккупировать. В 1.30 уже 30 сентября они были приглашены в покои Чемберлена, где находились также Даладьё и ряд английских и французских дипломатов. Чемберлен вручил Мастному текст соглашения на немецком языке, который зачитал его вслух. На вопрос, нужен ли какой-либо ответ от чехословацкого правительства, было заявлено, что в этом нет необходимости. Следует лишь прислать уполномоченного на заседание международной комиссии в Берлине, чтобы обсудить вопрос об освобождении первой из обозначенных на карте территорий. «Ситуация для всех присутствующих становилась действительно тяжелой, нам было в достаточно грубой форме объяснено, конкретно французом, что это – приговор без обжалования и

без возможности исправления; Чемберлен открыто демонстрировал свою усталость... мы простились и ушли. Чехословацкая республика в границах 1918 года перестала существовать»¹⁰. Примерно за два часа до возвращения чехословацкой делегации в Прагу, на рассвете 30 сентября поверенный в делах Германии в Чехословакии А. Генцке¹¹ передал К. Крофте мюнхенские решения вместе с письмом, приглашавшем чехословацкого представителя принять участие в заседании международной комиссии, которое должно было начаться в тот же день в Берлине в пять вечера.

Бенеш, ознакомившийся с результатами мюнхенского совещания рано утром, отложил окончательное решение о принятии ультиматума до совещания с правительством и политическими лидерами, которые были созваны на половину одиннадцатого. Личный секретарь Бенеша Прокоп Дртина встретился с ним около семи утра. Президент был серьезен, но казался более спокойным, чем ранее. Вероятно, это понятно, если смотреть на полученное им известие через призму поговорки «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Так Бенеш, возможно, и подумал, сказав Дрине: «Это – конец... Это – вероломство, которое само себя накажет. Это невероятно. Они думают, что уберегли себя от войны или революции за наш счет. Ошибаются». После того как к ним в квартире президента присоединился глава канцелярии министра иностранных дел Я. Йина, Бенеш заявил, что немедленно подаст в отставку. Однако о своем импульсивном решении вскоре стал размышлять¹².

Еще до заседания правительства в 9.30 утра Бенеш позвонил по телефону советскому полпреду Александровскому, прося его уточнить в свете мюнхенского ультиматума отношение СССР к двум возможностям, перед выбором которых оказалась Чехословакия, то есть «к дальнейшей борьбе или капитуляции». Бенеш «должен знать это как можно скорее, – говорилось в телеграмме Александровского, – и просит ответ к 6-7 часам вечера по пражскому времени, т.е. к 8-9 по московскому». Согласно официальной советской версии, эта телеграмма по техническим причинам оказалась в Москве только в 17 часов. А через 45 минут была получена вторая телеграмма от Александровского, в которой сообщалось, что Бенеш снимает свой вопрос, так как чехословацкое правительство приняло решение о капитуляции. Так что надобность в ответе советского правительства Праге отпала¹³. Действительно ли в казусе с телеграммами имели место технические, а не политические причины, можно лишь гадать. Не ясно также, действительно ли Бенеш хотел тянуть время до 6-7 часов вечера: ведь ответ от пражского правительства английский, французский и

итальянские посланники требовали к 12 часам¹⁴, а к 5 часам вечера оно уже должно было направить своего представителя для участия в работе упомянутой международной комиссии. Можно лишь предположить, что когда Бенеш обратился с запросом к Александровскому, президенту пока не были известны все жесткие временные условия, которые были поставлены перед пражским руководством.

Еще до 12 часов несколько раз в разном составе на Граде собирались члены правительства, депутаты парламента, политические лидеры, представители армии, чтобы обсудить вопрос о мюнхенском ультиматуме. В то время как Бенеш вел переговоры с партийными верхами, Крофта ознакомил правительство с мюнхенским диктатом и со взглядами своего ведомства на ситуацию. Его рассуждения сводились к следующему: теоретически следовало бы диктат отвергнуть, но это означало бы немецкое вторжение, к тому же сопровождаемое нападением Польши на Тешин; никто бы республике не пришел на помощь; если бы, возможно, на это решились Советы, вообще неясно, оказалась бы их помощь достаточно эффективной. Другая возможность, по словам министра, – подчиниться диктату: переговоры в международной комиссии могли бы воспрепятствовать наихудшему, польские и венгерские территориальные претензии можно было бы удовлетворить путем соглашения, а Италия и Германия присоединились бы к западноевропейским державам при гарантировании новых границ Чехословакии. Таким образом, заявил Крофта членам правительства, мы должны выбирать из двух зол, то есть между практически самоубийственной войной и капитуляцией, которая сама по себе не принесет абсолютной гарантии дальнейшего спокойного развития государства в урезанных границах¹⁵.

Президент пришел из своей квартиры в зал Града, где собралась политическая элита страны. Когда он уверенной походкой вошел в зал, никто, вопреки установленным правилам, не встал. Все настроены были против Бенеша, считая его главным виновником трагедии. Премьер и одновременно министр национальной обороны Сыровы коротко информировал присутствовавших о военной ситуации Чехословакии: учитывая колоссальный перевес сил потенциального агрессора, страну нельзя было успешно защищать до возможного появления советской подмоги, особенно в условиях, когда возведение части пограничных укреплений еще не было завершено. Точку зрения премьера поддержал начальник Генерального штаба генерал Крейчи: даже если бы на помощь пришла Красная Армия, она может появиться в Моравии только примерно через шесть недель, то есть чересчур поздно. Генерал Гусарек заявил, что оперативный

план армии был разработан на основе предположения, что часть немецких сил будут связывать французы, а, возможно, и поляки, и что удастся сдержать венгерское наступление до прихода Красной Армии. Как он добавил, пока не достигнута договоренность о ее пропуске ни через Польшу, ни через Румынию. Далее Гусарек подчеркнул, что с присоединением Австрии к Германии военная ситуация республики решительным образом ухудшилась и что не было обращено внимания на строительство укреплений на австрийских и польских границах. Потому безответственным было бы заявлять, что существует реальная надежда защитить важные части чехословацкого государства до прихода Красной Армии. Только генерал Войцеховский, старый легионер, к тому же русский, высказался за то, чтобы и всеми брошенная республика оказала сопротивление¹⁶.

Хотя между политиками и военными разгорелись споры, в одном большинство присутствовавших сходилась: виновником трагедии является Бенеш. К тому же генералы, по мнению З. Земана, тогда еще не высказали в адрес президента некоторые справедливые упреки. Гусарек, например, промолчал о том, что причиной недостаточного обеспечения границ на севере государства, включая Словакию, являлась уверенность Бенеша, что Польша останется нейтральной. Точно так же военные хорошо знали, что на максимально угрожаемом участке, в пограничном секторе между реками Лаба и Одра, строительство укреплений начало планироваться только в 1935–1936 гг. с предполагаемым сроком завершения в течение десяти лет и что к масштабным строительным работам приступили лишь в 1938 г. В построенных укреплениях пока отсутствовало некоторое ключевое для них вооружение, в ряде случаев его заменяли не прошедшие испытание эталоны, иногда даже макеты. Строительство нового оружейного завода в безопасно расположенной Дубнице над Вагом задерживалось, и производство предположительно должно было начаться самое раннее в 1939 г. Но здесь играло роль и такое обстоятельство: Чехословакии, по мнению финансовых экспертов, грозило государственное банкротство, а союзническая Франция со второй половины 30-х годов отказывала ей в предоставлении кредита на вооружение. Ко всему прочему боевой задор среди военнослужащих и гражданских лиц быстро сошел на нет. 30 сентября настроение чешского народа было уже иным, чем неделю назад. Массовых демонстраций на этот раз не было, и чехи с горечью принимали катастрофу своего молодого государства, двадцатилетие которого они намеревались отметить через месяц¹⁷.

Во время второго заседания кабинета в 11.30 Бенешу был задан вопрос, не произойдут ли при капитуляции беспорядки в армии. На

это президент ответил, что «с представителями армии были обговорены все возможности ведения изолированной войны, которая оставалась бы нам в том случае, если бы мы отвергли ультиматум и вследствие этого не получили бы никакой помощи ни от Франции, ни от Англии и ни от кого-либо другого, в условиях, если бы на нас напали Польша и Венгрия. В том случае, если бы нам на помощь пришла одна Россия, началась бы война против России, а Англия бы выступила против нас»¹⁸. Перспектива ведения войны только при поддержке СССР была отвергнута. Участники обсуждения не пришли ни к какому выводу, не было никакого голосования. После подчас сумбурной дискуссии Бенеш заявил, что рекомендует принять мюнхенские условия. Незадолго до полудня присутствовавшие молча приняли его точку зрения. В половине первого К. Крофта заявил британскому, французскому и итальянскому посланникам, с нетерпением ожидавшим его: «От имени президента и правительства я заявляю, что мы подчиняемся решению, которое было принято в Мюнхене без нас и против нас». А, обращаясь к англичанину и французам, он особо подчеркнул: «Я не хочу [никого] критиковать, но для нас это – катастрофа, которую мы не заслужили. Мы подчиняемся и будем стремиться обеспечить своему народу спокойную жизнь. Я не знаю, получают ли выгоды от этого принятого в Мюнхене решения ваши страны, но определенно, не мы последние, после нас это случится и с другими»¹⁹.

Уже после этого президент встретился с депутатами Национального собрания от разных партий и ответил на их вопросы. «Президент д-р Бенеш, – значитесь в записи о встрече, – вошел бледный с искаженными чертами лица, и по его покрасневшим глазам было видно, что он ночью не спал». Снова был поставлен вопрос об альтернативах и высказано мнение, что следовало защищаться. «Д-р Бенеш взволнован, видно, что он нервничает, его речь несвязна. Он сказал: “В истории нет примера, чтобы так поступили с каким-либо самостоятельным государством и народом. Вы не знаете, что я испытал за последние дни. Этого нельзя описать. Нас покинули и предали. Это трусливые люди... Они боятся войны и считают, что Чехословакия может быть ее причиной. Это было трудное решение – принять условия и спасти народ или вступить в борьбу и дать себя истребить. История рассудит, что было правильным... Состояние западных демократий безотрадное. На них нельзя положиться... Из страха перед коммунизмом французы и англичане пойдут с немцами”».

В ответ на несогласие с капитуляцией депутата от компартии К. Готвальда Бенеш возразил: «Я не верю, что Англия и Франция по-

могли бы нам. Они радуются тому, что избежали войны. Они предпочитают принести нас в жертву». На замечание Л. Рашина о том, что «будущие поколения осудят нас за то, что мы без борьбы отдали свои земли», что «к чужеземной трусости мы присоединяем собственную трусость», что «не только другие, но и мы предаем сами себя», Бенеш снова повторил, что борьба, по его мнению, означала бы «истребление нации», а за это он не мог взять на себя ответственность. Характеризуя западную демократию, президент употребил слово «крах» и заявил, что «будущее заключается в оздоровлении демократии»: «Это должно быть идеей на будущее. Я, несмотря на то, что пережил и что переживаю, верю в идеалы демократии и гуманности. Однако во многом я разочаровался. Я ошибался. Я узнал, что большие государства, большие нации и в настоящее время не считаются с малыми государствами и малыми нациями. Они обращаются с ними так, как это им заблагорассудится». На этой встрече президент заявил о своей отставке в ближайшее время²⁰.

Вечером П. Дртина и начальник Канцелярии президента республики Я. Смутны, разочарованные решением капитулировать, встретились с Бенешем в его рабочем кабинете. Дртина заявил, что капитуляция была бы разумным шагом, если бы противником являлся кто-нибудь другой, а не Гитлер, которому нельзя верить. Бенеш не согласился. Он рассчитывал на то, что новые границы Чехословакии будут гарантированы четырьмя державами. За немецким вторжением, дескать, последовала бы резня народа. Более того, мировое общественное мнение обратилось бы против чехов как зачинщиков войны. А теперь, по его мнению, наоборот, чехи заслужили благодарность мира и получили от него кредит, из которого в будущем можно будет черпать. Дртина и Смутны возразили, что мир не поймет, почему чешский народ не защищал свою независимость, и что его решительные действия привели бы к большой войне в его же интересах. На это Бенеш ответил, что государство не готово к войне, к тому же армия имеет хороших командиров лишь дивизионного уровня, но ни одного полководца крупного масштаба²¹.

Как видно из вышеизложенного, Бенеш думал об отставке уже 30 сентября. Но он полагал, что есть еще некоторые вопросы, которые он должен решить, оставаясь на посту президента. И Бенеш тянул с отставкой. Значительные надежды, как следует из предыдущего, он возлагал на международную комиссию по окончательному завершению демаркации, особенно в так называемой пятой покидаемой зоне. Первые четыре в основном находились на территории перед укреплениями, и именно пятую зону Бенеш считал жизнен-

но важной. В своих инструкциях В. Мастнему, который стал членом международной комиссии по вопросам границ, президент требовал добиваться того, чтобы были переданы лишь территории с более чем половиной немецкого населения, причем согласно последней чехословацкой переписи. Немцы же уже в Мюнхене настаивали, чтобы учитывались гораздо более ранние данные, имевшиеся еще во времена Австро-Венгрии. С помощью Франции Бенеш стремился защитить экономические интересы урезанного государства; он все еще надеялся, что Запад не позволит превратить Чехословакию в нежизнеспособного калеку. Себя и других он утешал аргументом, что республике принесет пользу, если она действительно станет гораздо более однородным, «чехословацким» государством.

Международная комиссия собралась для переговоров о пятой зоне 4 октября. Немцы возражали против поддержанного французами чешского плана, чтобы рейху были переданы только районы с 75% немецкого населения. Они требовали снижение лимита до 51%, причем в соответствии с последней переписью, проведенной в Транслейтании (Австрии. – В. М.) в 1910 г. Французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе внес компромиссное предложение: установить в качестве лимита немецкое большинство в две трети. Чехословацкие и немецкие представители направили его своим правительствам. Кроме того, Мастны передал члену делегации К. Гусареку и ее главе А. Гейдриху, улетавшим утром 5 октября в Прагу, свое уже ранее пересланное на родину сообщение правительству, что более благоприятное решение вопроса о территориальных проблемах Берлин связывает с отказом Бенеша от президентских функций. 3 октября в 18 часов состоялась беседа посла с маршалом Г. Герингом. Встретив его с «необычайной приветливостью», Геринг сказал, что в Берлине были бы рады видеть его во главе правительства республики, и одновременно от имени Гитлера заявил: «Mit Benes werden wir nicht verhandeln» – с Бенешем мы вести переговоры не будем²². Мастны обратил внимание Гусарека и Гейдриха на то, что было бы хорошо, чтобы сообщение об отставке Бенеша – при условии, что президент и правительство согласятся на такую жертву – поступило в Берлин еще перед решающими переговорами в комиссии о пятой зоне, то есть до 17 часов 5 октября. Пораженный генерал спросил посланника, предлагают ли такой шаг также британский и французский послы, на что Мастны ответил отрицательно. Гейдрих о деле знал, поскольку вез в Прагу послание заместителя государственного секретаря министерства иностранных дел Германии Э. фон Вайцзеккера: «Если Чехословакия вообще хочет иметь какую-либо надежду на приличный

договор с Германией, президент Бенеш должен подать в отставку, поскольку Гитлер питает к нему личную неприязнь». Гейдрих информировал Бенеша по телефону об этом уже 4 октября. Кроме того, Бенеш еще между 1 и 4 октября имел достоверные сведения об этом из других источников²³.

Фюрер питал личную ненависть к Бенешу и не мог допустить, чтобы он продолжал стоять во главе чрезвычайно ослабленной, но все же демократической ЧСР. А. Гейдрих на допросе в министерстве внутренних дел ЧСР показал 1 января 1946 г.: «4 октября (1938 г. – В. М.) после окончания переговоров государственный секретарь имперского министерства иностранных дел барон Вайцзеккер сказал мне, что если Чехословакия хочет добиться приличных результатов на берлинских переговорах, то президент Бенеш, к которому Гитлер питает особую нелюбовь, должен уйти в отставку. В тот же вечер я выяснил, что аналогичный разговор Геринг имел с послом Мастным. Посол Мастны просил меня передать это президенту». 5 октября А. Гейдрих вылетел в Прагу и доложил об этом президенту²⁴. Генерал К. Гусарек, прибывший в Прагу 4 октября, встречался с генералом Сыровым и членами его кабинета, с главами партий правительственной коалиции и с генералом Л. Крейчи. Оба генерала посетили Бенеша и, по всей видимости, настаивали на его отставке, как и представители политических партий. Крейчи писал впоследствии: «...речь шла не о нашей инициативе. Это было рекомендовано английским и французским послами в Берлине²⁵, предполагавшими, что отставка господина президента поможет ослабить жесткие условия пятого этапа (немецкой оккупации. – В. М.), которые рвали нас на куски»²⁶.

Президент подал в отставку пополудни 5 октября. С сообщением об этом в Берлин отправились генерал Гусарек и министр Г. Вавречка, которые прибыли в чехословацкое представительство. Мастны долго, но безрезультатно старался связаться с министром иностранных дел Риббентропом или Герингом, чтобы передать им сообщение. Э. фон Вайцзеккер уже потом лишь информировал его о результатах обсуждения вопроса о границах в международной комиссии, заметив, что всему виной были сами, затягивая дело, и что «решение об отставке господина президента пришло слишком поздно». Международная комиссия приняла крайне неблагоприятное для Чехословакии решение.

Вечером 5 октября Бенеш заявил о своей отставке по радио. «Я не покидаю... корабль во время шторма. Верю..., что в данный момент эта моя жертва политически необходима». На следующий день, 6 октября, он отбыл из пражского Града на свою виллу Сезимово Усти.

Бенеш покидал Град, сопровождаемый женой, двумя племянницами и личной прислугой, уже как частное лицо. Не гремели президентские фанфары, не выстроился почетный караул. К воротам Града с ним пришла попрощаться горстка жителей. В центре Праги никто не помахал ему рукой, в то время как в предместье его приветствовали толпы населения. В сумеречный осенний день авто с Бенешем и его близкими прибыло в Сезимово Усти²⁷. 22 октября экс-президент улетел с пражского аэродрома Рузине вместе с женой и несколькими сопровождавшими их лицами в Женеву, а затем оттуда в Англию.

Как считает чешский историк Вера Оливова, для великих держав Бенеш стал неприятным политическим деятелем, осложняющим их жизнь. Его позиция получила негативную оценку не только в Западной Европе, но также в США и во всех государствах Центральной и Южной Америки. На неделе между 23 и 28 сентября Прага была завалена телеграммами со всего света, требующими не подрывать своими действиями мир во всем мире. И Бенеш был сломлен. «Мюнхен, – по словам Оливовай, – стал преградой, о которую разбились его многолетние усилия о поддержании мира и организации отпора агрессии». Сохранение народа стало для Бенеша решающим фактором в отношении к мюнхенскому соглашению. Он был убежден в абсолютной международной изоляции Чехословакии и понимал, что самостоятельная борьба может с неизбежностью завершиться ее поражением и последующим истреблением в первую очередь чешского народа. Гитлер, как не без основания полагал президент, ждал, что Чехословакия окажет сопротивление, и тогда можно будет расправиться с ее народом. В беседе с президентом Чехо-Словакии (так стала называться страна после Мюнхена) Э. Гахой в ночь с 14 на 15 марта 1939 г. фюрер заявил: «Если бы Чехословакия осенью прошлого года не уступила, чешский народ был бы истреблен. Никто бы мне в том не мог помешать»²⁸. Бенеш отказался поставить на карту существование чешского и словацкого народа и стремился своими действиями – согласием с мюнхенским диктатом и уходом в отставку – сохранить его.

Практически всю жизнь Бенеш задавался вопросом, правильно ли он поступил, приняв решение о капитуляции и отказавшись от борьбы. И, работая над воспоминаниями о мюнхенских днях, он не усомнился в правильности принятого им решения: «А я сам задал себе вопрос: правильное ли я принял решение в отношении этого ужасного кризиса? Не буду ли я осужден в связи с последующими событиями? Эти вопросы регулярно возвращались ко мне при каждом крупном событии развития европейского и мирового кризиса. И чем

далее развивался кризис и происходили события второй мировой войны..., тем больше я видел, что в мюнхенские дни я принимал правильные решения. С чехословацкой и европейской точки зрения, с человеческой точки зрения – честные и правильные...»²⁹.

Оценивая в беседе с Александровским 3 октября 1938 г. положение, создавшееся после Мюнхена, Крофта говорил: «Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения. Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии»³⁰.

Советский Союз, хотя и не делал официальных заявлений по поводу мюнхенского «сговора четырех» за счет Чехословакии, определенно осудил соглашение. И.М. Майский, ознакомившись с его содержанием, подчеркнул в беседе с британским дипломатом А. Кадоганом, что «оно окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны». Кадоган вынужденно согласился с тем, что результатом Мюнхена будут, по всей вероятности, новые и гораздо более серьезные европейские осложнения в ближайшем будущем»³¹. Советское правительство выступило против измышлений западной прессы о причастности Москвы к подписанию Мюнхенского соглашения, заявив, что оно «не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям». 4 октября 1938 г. газета «Известия» напечатала передовую «Политика премирования агрессора». Подвергнув резкой критике «миротворческую» политику Англии и Франции, газета писала, что «капитуляция так называемых демократических стран перед агрессором, по всей видимости, отдалив войну, в действительности ее приближает и притом в неизмеримо худших для Англии и Франции условиях»³².

Существовала ли альтернатива решения, принятого ЧСР в конце сентября 1938 г.? Чешский историк Й. Деймек пишет по этому поводу: «Решение Бенеша принять под угрозой развязывания войны мюнхенское соглашение современниками и многими историками и публицистами впоследствии подвергалось острой критике как, так сказать, единственный случай капитуляции... Если же проанализировать фактические позиции малых государств в международных отношениях XX века, станет ясно, что было лишь немного случаев, когда малая страна решилась бы на отпор агрессии со стороны великой державы, не имея по крайней мере косвенных международных гарантий со стороны другой державы. Бенеш (а с ним и часть чехословацкого генералитета) многократно предполагал, что Чехословакия в случае новой войны может стать некоей новой Сербией или Бельгией, сопротивление которых в 1914–1915 гг. могло продолжаться и

после оккупации большей части их территорий. С отказом Франции (и, следовательно, СССР) от выполнения своих союзнических обязательств такая альтернатива исчезла». Деймек проводит мысль о минимальных возможностях малых государств, соседствующих не только с тоталитарными, но и вообще великими державами. «В водвороте великодержавной политики, – считает он, – Мюнхен предстает не только как крах чехословацкой государственной идеи или же продукт личных сомнений второго президента Чехословацкой республики, а более как общая проблема существования малых государств в Европе и, конечно, в других частях света, если эти страны становятся объектом своеволия сильнейших соседей»³³. Аналогичной мысли, как это явствует из вышеизложенного, придерживался и Бенеш.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Praha, 2001. Dok. 716. S. 396 (примеч. 2).

² Ibid. Dok. 763. S. 441.

³ ДМИСЧО, 3. М., 1978. Док. 382. С. 542.

⁴ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny. Paměti.* Praha, 1968. S. 336. Опубликовано в «Манчестер Гардиен» 27.09.1938.

⁵ ДМИСЧО, 3. Док. 385. С. 548.

⁶ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis.* Praha, 2002. S. 146–147.

⁷ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny.* S. 340–342.

⁸ Плебисцит проведен не был.

⁹ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 777. S. 452–454 (опубликовано на английском языке. Документ не озаглавлен и не подписан). На русском языке см.: Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1. Ноябрь 1937 – декабрь 1938 г. М., 1981. С. 237–239; Год кризиса 1938–1939. Т. 1. 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. Документы и материалы. М., 1990. С. 27–29.

¹⁰ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 778. S. 455–456; Dodatek 1. S. 513–516.

¹¹ Чехословацкий и немецкий посланники были отозваны соответственно из Берлина и Праги в середине сентября 1938 г.

¹² *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis.* S. 147–148.

¹³ ДМИСЧО, 3. Док. 386. С. 549; Док. 389. С. 551; Док. 392. С. 536.

¹⁴ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 780. S. 459.

¹⁵ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis.* S. 148.

¹⁶ Из недатированного материала под названием «Совещания о мюнхенском диктате на пражском Граде», написанного генералом Гусарекком вскоре после окончания войны, вероятно, в качестве приложения к протоколам его допроса.

¹⁷ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 149–150.*

¹⁸ ДМИСЧО, 3. Док. 387. С. 550.

¹⁹ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 150.*

²⁰ ДМИСЧО, 3. Док. 390. С. 551–554.

²¹ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 151.*

²² *Ibid. S. 152.*

²³ *Ibidem.*

²⁴ *Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 819. S. 493 (примечание 8).*

²⁵ Тут, как видно, заявления Крейчи и Гусарека расходятся.

²⁶ *Šrámek P. Odhodlání versus lojalita. Názory a postoje velení československé armády v roce 1938 // Soudobé dějiny. 2004. N 1–2. S. 78.*

²⁷ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 153–154.*

²⁸ *Edvard Beneš – československý a evropský politik. Sborník statí k 110. výročí narození druhého československého prezidenta. Praha, 1994 S. 21–22.*

²⁹ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny. S. 342.*

³⁰ ДМИСЧО, 3. Док. 401. С. 564.

³¹ *Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990. Т. 1. Док. 4. С. 31.*

³² Там же. Док. 18. С. 47–49.

³³ *Mnichovská dohoda. Cesta k destrukci demokracie v Evropě. Praha, 2004. S. 32, 37, 39.*

МЮНХЕН: МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТЕКСТ

В мюнхенский кризис оказались втянутыми не только его непосредственные участники (Германия, Чехословакия, Англия и Франция). В той или иной степени он коснулся всего мира, опасавшегося начала новой мировой войны.

Совершенную беспомощность и бездействие в деле предотвращения агрессии проявила, как и в предыдущих аналогичных случаях (Абиссиния, Австрия, Испания), Лига Наций. В повестке дня ее Ассамблеи, проходившей 21 сентября, то есть в самый разгар мюнхенского кризиса, чехословацкий вопрос отсутствовал, что с сожалением констатировал выступивший на заседании М.М. Литвинов. Советский нарком изложил предложения правительства СССР, направленные на предотвращение вооруженного конфликта и агрессии Германии в отношении Чехословакии¹. Лига Наций так и осталась безучастной к чехословацкой трагедии.

Попытались вмешаться в разгоревшийся конфликт, чтобы разрядить напряженность, США. 26 сентября 1938 г. американский президент Ф.Д. Рузвельт обратился с личным посланием к А. Гитлеру и посредством государственного секретаря К. Хэлла к главам правительств Франции и Великобритании Э. Даладье и Н. Чемберлену. Аналогичную телеграмму получил и Э. Бенеш. В посланиях президента говорилось о возможных катастрофических последствиях войны в Европе для всего мира, и содержался призыв к преодолению «конфронтации» путем переговоров, «направленных на спокойное, честное и конструктивное решение». Бенеш ответил на послание президента в тот же день. Он писал: «Несмотря на то, что Чехословакия принесла уже большие жертвы во имя [успешного] ведения нынешних переговоров, жертвы, которые затрагивают ее жизненные интересы, она не прерывает переговоров и желает, чтобы спор был решен мирно, путем соглашения... Выражаю Вам, господин президент,

чувство благодарности за Ваше послание, которое в эти трудные минуты может содействовать справедливому решению спора. Я верю, что и сегодня спор мог бы быть решен в духе взаимности (*ekvity*) без насильственных конфликтов, и весь чехословацкий народ надеется на это. Он защищался бы, если бы подвергся нападению, но он, как и Вы, глубоко убежден, что война, в конечном счете, ничего не решит и что тут должен победить здравый смысл, чувство человечности и принцип справедливости»².

Однако Бенеш, как он позднее писал в своих мемуарах, в действительности был задет тем, что в посланиях Рузвельта не анализировалась причина напряженности и потенциального конфликта, и без внимания «оставлялся факт, что соглашение в данной ситуации и при предложенных условиях могло бы означать лишь подготовку пути к уничтожению Чехословакии». В ответе Гитлера на обращение Рузвельта вся ответственность за конфронтацию возлагалась на Чехословакию. В новом послании американского президента немецкому фюреру 27 сентября подчеркивалась и ответственность Германии за создавшуюся ситуацию. Предлагалось созвать на *нейтральной почве* международную конференцию *всех* заинтересованных государств. Такое предложение от Рузвельта получил и СССР. 29 сентября 1938 г. в газете «Известия» было опубликовано Заявление советского правительства о том, что оно готово поддержать «выдвигаемое правительством США предложение о созыве международной конференции»³ и принять в последней активное участие»⁴. Но предложение об участии в конференции *всех* заинтересованных стран принято не было, и конференция в Мюнхене прошла, как видно из предыдущей главы, без участия Чехословакии и СССР. «Вмешательство Америки, – считал Бенеш, – просто означало, что надо не допустить европейскую войну; в тот момент не учитывалось, что, если это произойдет, Чехословакия дорого заплатит за это». Бенеш полагал, что американские послы в Лондоне, Париже и Берлине по сути поддерживали политику «умиротворения» агрессора, что их «нехорошее» влияние в этом плане было значительным.

В течение 27 и 28 сентября 1938 г. 21 государство Центральной и Южной Америки присоединилось и поддержало обращение Рузвельта. Акция была организована по указанию государственного секретаря США К. Хэлла. Как вспоминал Бенеш: «Для меня это стало последним тяжелым ударом в период сентябрьского конфликта». Несмотря на благие намерения, по мнению Бенеша, «в тот момент это была решительная помощь политике и тактике Чемберлена и стремлениям Бонне и Даладь»⁵. Одна из влиятельнейших в Аме-

рике газета «The New York Times» писала 1 октября 1938 г., что результаты мюнхенского соглашения «вызывают всеобщее чувство облегчения»⁶.

Позиция США в период мюнхенского кризиса определялась их внешней политикой, получившей название «политика изоляционизма». Достаточно ясная картина настроений американского общества во время и после кризиса представлена в сообщении, подготовленном полпредством ЧСР в США в ноябре 1938 г.: «Для американского общественного мнения длительное время характерны два импульса. Один – это желание поддерживать демократии против диктатур, другой же, до сих пор преобладающий, – убеждение, что нация должна избежать губительных последствий всякой оборонительной войны. До тех пор пока немецкие интересы будут обращены к восточной Европе, а японские – к Китаю, нелегко будет убедить эту часть общества в том, что захватнические и агрессивные действия диктаторов на других континентах касаются жизненных интересов Америки. Вера этой части общества в изолированность [Америки] весьма укоренена, и уверенность в том, что Атлантический и Тихий океаны могут служить защитой, чрезвычайно глубока». «Учитывая, что в общественном мнении по большей части преобладают изоляционистские воззрения и решительное стремление не допустить втягивания Соединенных Штатов в международные интриги, – говорилось далее, – существующее направление внешней политики оставалось прежним, и органы государственного управления щепетильно хранили строгий нейтралитет, опасаясь реакции общественного мнения накануне предстоящих выборов». Эта позиция была изложена прямо и ясно чехословацкому посланнику В. Гурбану во время его беседы с заместителем госсекретаря Джоржем С. Мессершмитом 22 сентября 1938 г.

«Выступления американского правительства во время чехословацкого кризиса ограничивались поэтому лишь всеобщими и неопределенными заявлениями о необходимости сохранения мира, выполнения взятых на себя обязательств и решительной поддержки со стороны Америки этой программы. Слова, хотя и красивые, но в существующей ситуации, как это было заранее ясно, не имеющие большого значения... На последствия мюнхенских переговоров здешняя печать смотрит с недоверием. Мир, который был с их помощью достигнут, покоится на весьма ненадежных и шатких основах... Внимания заслуживают два эффекта, с которыми следует считаться, а именно, что вооружение Америки, вероятнее всего, будет ускорено и станет наращиваться, а не сокращаться, и что государственная

администрация, по всей вероятности, на ближайшем заседании конгресса будет решительно настаивать на изменении закона о нейтралитете с целью усиления своего влияния на агрессора во время будущих кризисов»⁷, – говорилось в сообщении.

Не остался в стороне от кризиса союзник Чехословакии СССР, настойчиво стремившийся к проведению политики коллективной безопасности и решительному противодействию агрессору. Как представляется, историки сегодня уже едины во мнении: Запад (Англия и Франция) предали Чехословакию. Акцент делается лишь на объяснении (не на оправдании) причин этого. Основные же споры и дискуссии ведутся вокруг того, готов ли был Советский Союз оказать помощь Чехословакии в одиночку, при условии отказа Франции от своих обязательств, и готова ли была Чехословакия принять эту помощь. Что касается первого, то исследователи, говоря о позиции Москвы, исходят из триединого посыла: одно думали, другое говорили, а третье делали. (Кстати, это характерно для позиции всех участников «мюнхенского сговора»). Относительно того, что «говорили» (дипломатические переговоры и заявления) и «делали» (военные приготовления на западной границе СССР), известно довольно хорошо из литературы и опубликованных документов. А о том, что «думали», не известно ничего, да и вряд ли когда-нибудь будет известно. На сей счет – множество догадок и более или менее убедительных гипотетических рассуждений. В этой плоскости лежат и суждения автора. Думается, что тут в первую очередь надо исходить из личности И.В. Сталина как вершителя советской внешней политики, деятеля в этом плане чрезвычайно реалистически мыслящего, жесткого прагматика, безусловно, отлично понимавшего тогдашнюю ситуацию и расстановку политических сил на международной арене. А она была решительно не в пользу Советского Союза, оказавшегося, по сути, в международной изоляции и противостоянии ко всему западному миру. Идея «разжечь пожар мировой революции» к этому времени казалась либо просто похороненной, либо имела тлеющий характер.

Другой важный вопрос – состояние советских вооруженных сил. Какова была их действительная (не на бумаге и не по численности) боеготовность. Пока, по мнению некоторых историков, не выработаны критерии для определения дееспособности Красной армии той поры. Всеобъемлющих критериев, вероятно, действительно нет. Но существует один и очень важный – чистки в Красной Армии 1937–1938 гг., фактически оставившие армию без опытного (по меркам того времени) командного состава. А армия без хорошего офицер-

ского корпуса, как известно, хотя худо-бедно и может воевать, но не может одерживать победы. Вероятно, поэтому так расписывались, а, может быть, и преувеличивались, успехи Красной Армии в боях с японцами на озере Хасан (июль–август 1938 г.) и позже на реке Халхин-Гол (август 1939 г.). А разве заключение пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939 г., советская мотивация которого состояла в том, чтобы отдалить от СССР надвигающуюся войну и дать стране время для подготовки к ней, не свидетельствует о неготовности армии к успешному выполнению ее задач? Еще и советско-финская война конца 1939 г. – начала 1940 г. показала все слабости Красной Армии, о чем, собственно, свидетельствовало и начало Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А что же говорить о сентябре 1938 г.? И дело, думается, не в численности Красной Армии и не в количестве «призванных» в нее лошадей и тракторов, а в качестве советских вооруженных сил того времени. А оно, судя по рассказам служивших тогда в ее рядах, оставляло желать лучшего. Противостоять, даже объединившись с довольно сильной чехословацкой армией, вермахту, а, возможно, и поспешившими бы ему на помощь в борьбе с большевизмом армиями западных стран, Красная Армия, конечно же, не могла. И Сталин, несомненно, понимал это. Отсюда – «бряцание оружием», попытка запугать возможного противника. Да, отдавались соответствующие распоряжения; да, шла мобилизация и откладывалась демобилизация; да, шла передислокация войск и их сосредоточение на западной советской границе; да, были приведены в боеготовность западные военные округа. Всё это было. Но значит ли это, что СССР был готов к войне? Готовился, да! Но был ли готов? Скорее всего, нет. И еще вопрос. А для чего все указанные мероприятия проводились? С целью оказания военной помощи Чехословакии? Так это объяснялось тогда и потом. А может, потому, что вся Европа тогда объявила мобилизацию? А может, потому, что Польша на своих восточных (т.е. на советских западных) границах стала сосредотачивать войска для отражения возможного советского нападения? Ясного ответа на все эти вопросы пока не существует. Скорее всего, все военные приготовления с советской стороны делались на случай, если вдруг Англия и Франция вступятся за Чехословакию, а не для того, чтобы сражаться за нее против всей Западной Европы. И еще, советские войска не могли прийти в ЧСР, минуя территорию Румынии и Польши, которые не давали своего согласия на их пропуск. Не давали, помимо прочего, еще и потому, что опасались, как бы Советы не остались там надолго, если не навсегда, т.е. попросту боялись «большевистской» экспансии. И еще: обещанные для

полетов в Чехословакию 700 советских самолетов там просто негде было принимать, не существовало достаточного числа аэродромов и соответствующего их оборудования.

И еще одно соображение, ставящее под сомнение советские заявления о готовности СССР вступить в войну из-за Чехословакии в одиночку: вопрос о международном положении и ситуации вокруг ЧСР значился, как известно, в повестке дня заседания Политбюро ЦК ВКП(б) 20 сентября 1938 г. В утвержденном проекте ответа на телеграмму советского посланника в Праге С.С. Александровского говорилось: «1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР немедленную и действенную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ»⁸. То есть вопрос о помощи в одиночку не ставился: СССР по-прежнему готов был оказать помощь ЧСР, если такая помощь будет оказана Францией. Утвердительный ответ был дан и на другой вопрос Бенеша – «поможет ли СССР, как член Лиги Наций, на основании статей 16 и 17, если в случае нападения Германии Чехословакия обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей». Принятое Политбюро решение было тотчас передано Александровскому и посланнику ЧСР в СССР З. Фирлингеру⁹. Получило уведомление о нем и правительство Франции.

М.М. Литвинов, выступая в Лиге Наций 23 сентября 1938 г., по сути, исходил в своем заявлении из указанного решения высшего партийного органа: «Советское правительство свободно от всяких обязательств перед Чехословакией в случае безучастного отношения Франции к нападению на нее. В этом смысле советское правительство может прийти на помощь Чехословакии лишь в порядке добровольного решения либо в силу постановления Лиги Наций, но никто не вправе этой помощи требовать по праву, и, действительно, чехословацкое правительство не ставило вопроса о нашей помощи независимо от французской, и не только по формальным, но и по практическим соображениям»¹⁰.

З. Фирлингер в письме К. Крофте об отношении Москвы к событиям в Чехословакии писал 29 сентября 1938 г.: «Понятно, что советское правительство колебалось и колеблется вступить в конфликт без западных держав, чего мы от него никогда и не требовали. Здесь имеются серьезные опасения, что при одностороннем вмешательстве Советов из чехословацкого вопроса возникла бы такая же проблема, как в Испании, со всеми страшными политическими последствиями для всей Европы и в особенности для Чехословакии»¹¹. Таким обра-

зом, в известных документах нет упоминаний о том, что СССР готов был в одиночку воевать за Чехословакию. Это было бы безумием и грозило Советскому Союзу пагубными последствиями. А Сталин при всех особенностях его характера все же безумцем не был.

Как известно, Бенеш не воспользовался и имеющейся у него возможностью обратиться в Совет Лиги Наций с просьбой о защите от агрессора. Почему? Тут был, видимо, ряд причин. Активно и долго работая в этой организации, Бенеш понимал, насколько неповоротлив и малоэффективен механизм принятия решений Лигой Наций: агрессор мог совершить свое «черное дело» еще до принятия такого решения, если бы оно вообще было принято. Вряд ли большинство членов Лиги, если бы Франция и Англия не захотели осудить агрессора из-за опасения начала войны – а их поведение свидетельствовало именно об этом – выступили бы против англо-французского тандема. И, наконец, самое главное, в случае изолированного выступления СССР и Чехословакии против агрессора, Бенеш был не уверен в успехе дела, а точнее, уверен в обратном.

Пока не найдено ни одного заявления Сталина по поводу Мюнхена и готовности Красной Армии прийти в одиночку на помощь Чехословакии, заявления, сделанного либо в сентябре 1938 г., либо вскоре после случившегося, либо вообще до нападения Германии на СССР. По крайней мере, у автора таких сведений нет. Может, со временем они и будут найдены. Пока автору известен лишь один документ, где Сталин говорил о Мюнхене и позиции СССР. Это – запись начальника канцелярии Э. Бенеша Я. Смутного о приеме, проходившем в Кремле 11 декабря 1943 г. по случаю визита чехословацкого президента в Москву для подписания советско-чехословацкого договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Запись (в переводе с чешского) опубликована автором целиком¹², поэтому она дается лишь в выдержках, относящихся к теме: «Настроение за столом было сначала довольно натянутое. Разговор стал оживленным, когда Сталин заговорил о Мюнхене и... атаковал Бенеша [вопросом], почему мы (Чехословакия. – В. М.) не сражались в сентябре 1938 года. Д-р Бенеш был несколько удивлен, но с улыбкой попытался объяснить, что представлял собой Мюнхен [с его точки зрения]. Без упреков в советскую сторону... Сталин использовал мюнхенское интермеццо (в беседе. – В. М.), чтобы похвалить чехословацкую армию. Ворошилов помог ему. Ваша армия, сказал он, была лучше, чем польская, была самой лучшей в Центральной Европе (что, конечно, было правдой. – В. М.). Сталин добавил: но вы нас боялись. Тем самым он хотел сказать: боялись большевиков. Бенеш парировал: если

бы мы вас боялись, так сегодня я не был бы здесь (президент, несомненно, лукавил, потому что в 1938 г. он действительно боялся, как, впрочем, и в 1943 г. и заключением договора стремился обезопасить страну. – В. М.). Он объяснил Сталину, почему мы не начали войну. Он хотел войны, но войны на двух фронтах. Война исключительно с вашей, русской, помощью, была бы войной лишь на одном фронте, остальная Европа только пассивно ассистировала бы и даже, возможно, помогала бы Германии. Сталин и Ворошилов слушали с иронической усмешкой, свидетельствующей, что у них иное мнение об этом... Было ясно, что в Москве Мюнхен является предметом постоянных размышлений». Потом, как пишет Смутный, перешли в другой зал для демонстрации кинофильмов: «Сталин с преувеличенной деликатностью распорядился давать фильм, показывающий, как русские представляли себе войну в 1938 году в случае нападения на них Германии¹³. В фильме были образцы советских танков, парашютисты и т.д., всё в большом количестве и в ходе маневров. Он должен был продемонстрировать, как якобы сильна была советская армия во время Мюнхена и как русские якобы правильно угадали тактику, примененную потом в действительной войне. Это должно было служить иллюстрацией к словам Сталина во время ужина: вы должны были воевать, смотрите, как мы были подготовлены... Эта демонстрация должна была показать Бенешу, что советская армия в 1938 г. находилась технически на пике своей вооруженности и готова к войне. После победы под Сталинградом и ликвидации опасности падения Москвы Сталин мог отважиться на доказательство того, что Красная Армия так же одержала бы победу над Германией и в 1938 г., если бы Бенеш начал войну и положился на помощь Советского Союза. Думаю, что Сталин не стал бы показывать этот фильм никому, пока немцы стояли победно у Сталинграда. Сегодня ситуация для него была более легкой».

Сталин не убедил Бенеша в своей правоте. Вернувшись в Лондон, на чрезвычайном заседании правительства, где рассматривались итоги визита в Москву, президент говорил: у русских «крайне отрицательная оценка поведения [чехословацкого] правительства во время мюнхенского кризиса. Они говорят, что мы должны были начать войну при любых обстоятельствах. Я свою точку зрения изложил им ясно и бескомпромиссно... Подчеркиваю, что эти вопросы я обсуждал со Сталиным. Я ему сказал, что в этом случае вся Европа пошла бы против нас, что началась бы война лишь на одном фронте, и, если бы она была проиграна, то где бы мы сегодня были?.. Ответ был непреклонный – они лишь твердили, что Россия ее не проиграла бы.

В этом, однако, мы [со Сталиным] расходимся, каждый остался при своем». В конце 1943 г., когда Красная Армия была совершенно иной, когда у нее появились опытные полководцы, одержавшие победы под Москвой, Сталинградом и Курском, когда техническое оснащение армии, в том числе и с помощью союзников, было несравнимо с 1938 г., конечно, можно было говорить о непобедимости советских вооруженных сил в период мюнхенского кризиса, но это определенно было лукавством, если не сказать больше.

Но вот интересный штришок, свидетельство того, что осознание реального положения дел в Кремле имело место: воевать с Германией на одном фронте и, возможно, со всей Европой, было бессмысленно. Реалист и прагматик Сталин не мог не понимать этого. Свидетельствует об этом запись Бенеша о беседе с В.М. Молотовым 9 июня 1942 г. в Лондоне. На вопрос наркома, понимал ли Бенеш советскую политику в 1939 г. и причины заключения советско-немецкого пакта, президент ответил утвердительно, но изложил сначала чехословацкую позицию и решения, принятые в период Мюнхена, а именно: «почему я не хотел, чтобы мы только вместе с ними (СССР. – В. М.) начали в 1938 г. войну, сказал, что проблема была та же, что и в 1939 г.; Запад мог бы, предав нас, в 1938 г. спровоцировать посредством конфликта между нами и Германией войну против Советского Союза. Я это должен был предотвратить любой ценой, поскольку уже в 1938 г. я был уверен, что война начнется и что это должна быть война против Германии на двух фронтах. Иначе она не могла быть выиграна. Молотов с этим живо согласился»¹⁴. В советской записи беседы этот пассаж отсутствует. Молотов мог «*живо согласиться*» с этим только в двух случаях: либо эта проблема обсуждалась тогда, в 1938 г., в советских верхах, либо учтя опыт уже идущей войны. А может быть, и то, и другое. Во всяком случае, он признал правоту Бенеша.

Теперь другой вопрос: как относились Бенеш и чехословацкие верхи к советским заявлениям и обещаниям. По всей видимости, с осторожностью и недоверчивостью. Чехословацкая разведка, тогда одна из лучших в мире, несомненно, докладывала президенту о состоянии советской армии и положении в СССР. Возможно, такие материалы существуют, но пока неизвестны исследователям. Повлияли на настроения Бенеша, как лица, имевшего последнее слово в вопросах внешней политики страны, и чехословацкого командования впечатления о переговорах чехословацкой военной делегации с представителями Генерального штаба Красной Армии, прошедшие незадолго до Мюнхена. Цель приезда делегации в Москву была в том, чтобы согласовать конкретные действия чехословацкой и советской

армий на случай войны. Об этом члены делегации говорили с чехословацким посланником в Москве З. Фирлингером, который потом довел их впечатления до В.П. Потемкина¹⁵ и С.С. Александровского. Во время беседы с последним 17 февраля 1939 г. Фирлингер отмечал: «в деле чехословацких настроений перед осенними событиями и Мюнхеном катастрофически крупную роль сыграло то, как были приняты в Москве начальник чехословацкой военной авиации генерал Файфр, и особенно начальник артиллерии ген. Нетик. Они якобы были в отчаянии, особенно Нетик, ибо ни разу не почувствовали хоть какое-нибудь желание начать подготовку, проработку вопросов, “хоть бы на теоретический случай оказания помощи Чехо-Словакии совместно с Францией”. Файфр “навязывался” с подобными разговорами, но его только слушали. Нетик был полностью разочарован, особенно после разговора с Шапошниковым, и уехал в убеждении, что СССР не имеет намерения оказать помощь ни при каких условиях. Это сыграло потом роль при обсуждении вопроса о сопротивлении Германии. ЧСР с одной Германией еще ввязалась бы в драку, но при одновременной угрозе со стороны Польши и Венгрии не могла двинуться, не будучи уверенной в помощи СССР... Файфр и Нетик приезжали в Москву именно для того, чтобы установить... практический контакт с Красной Армией, но не нашли отклика»¹⁶. Немудрено поэтому, что Бенеш, в душе «западник», почти до последнего веривший в возможность поддержки Чехословакии со стороны западных держав, с осторожностью относился к советским заявлениям о помощи ей в одиночку. Выведенная им формула чехословацкой внешней политики «50% на Запад, 50% на Восток, а не 100% на Запад» явилась следствием Мюнхена и разочарования Бенеша в политике западных держав. Но и тогда он был осторожен в своем отношении к СССР, хотя, разумеется, говорил об этом лишь в частных беседах. Это следует, например, из его разговора со Смутным 19 июля 1943 г.: «Русские никогда не высказывают свое окончательное мнение, они лишь вежливо улыбаются... Они вели себя так по отношению к нам во время Мюнхена, никогда ничего ясно не говорили, никогда ничего не хотели подписывать... Я никогда не буду говорить об этом открыто, но факт, что русские в 1938 г. нам никогда не говорили, что придут нам на помощь»¹⁷.

Веры в то, что даже с советской помощью удастся одолеть Гитлера, не было ни у чехословацкого военного руководства, ни в МИД ЧСР. Вот как об этом говорил глава этого ведомства К. Крофта 21 сентября 1938 г. на пресс-конференции в связи с принятием Чехословакией англо-французского ультиматума: «Наши военные сказали,

что если не пойдет Франция и не идет Англия, Венгрия очевидно выступит против нас, Польша может напасть на нас, Советский Союз пришел бы [нам на помощь], если бы пришла Франция, но иначе он не обязан это делать, но даже если бы на помощь пришел Советский Союз, он далеко, а вся западная Европа тем самым возбудилась бы против нас. При этих обстоятельствах было бы очень тяжело защищаться... Мы сказали себе: если мы не примем [ультиматум], и если нам не придут на помощь, начнется война, придет Гитлер, он захватит, может быть, в течение нескольких недель не только немецкую (судето-немецкую. – В. М.), но и чехословацкую территорию, уничтожит всю нашу страну, кто бы мог взять это на свою совесть. Разве можно подвергать всю страну такой грозной опасности?»¹⁸. Но оказалось, что выбор меньшего из двух зол все же, в конце концов, привел к большему: расчленению страны Гитлером в марте 1939 г.

Следует отметить, что в возможность оказания военной помощи Чехословакии со стороны СССР не верили тогда ни Англия, ни Франция, ни Германия, ни Италия. Вот что, согласно сообщению чехословацкого посла в Италии Ф. Хвалковского в МИД ЧСР 15 сентября 1938 г., думал об этом министр иностранных дел Италии Г. Чиано: «Советскую помощь Чехословакии Чиано считает, исходя из немецких, японских и собственных информаций из Москвы, проблематичной. Москва, дескать, до последней минуты будет выглядеть весьма воинственно, чтобы снискать себе в Чехословакии возможно большую популярность, и будет валить всё на английскую и французскую нерешительность и уступчивость»¹⁹.

Ответ на вопрос о том, насколько советские обещания помощи Чехословакии соответствовали действительным намерениям СССР, по-видимому, еще долгое время будет оставаться в поле зрения исследователей. Возможно, появятся новые документы, которые позволят взглянуть на вопрос более определенно и поставить точку в дискуссии. Хитрая Клио пока, видимо, предпочитает хранить некоторые известные лишь ей тайны. А может, вовсе не Клио, а архивисты?

Бенеш, хотя в частных беседах и высказывал подчас недовольство политикой Кремля, в своих воспоминаниях высоко оценивал позицию Москвы в период мюнхенского кризиса. Действия Советского Союза во время всего сентябрьского кризиса, по мнению президента, были ясными. «В действиях Советского Союза я никогда не сомневался. Я был уверен, что он выполнит свои обязательства», – писал Бенеш. «Мюнхенская конференция, которая была направлена не только против нас, а в своих последствиях еще больше против Советского Союза и вообще его влияния в европейской политике, – по

мнению Бенеша, – дальнейшую помощь нам и участие Советского Союза в сентябрьском кризисе исключили. Сам же Мюнхен способствовал своими последствиями тому важному повороту в советской политике, которая уже вообще перестала верить западным демократиям и их желанию встать на пути нацистской экспансии. Тем самым Мюнхен ускорил и обеспечил начало новой гитлеровской войны»²⁰. Бенеш в целом был прав, оценивая политику СССР в период мюнхенского кризиса. О бессилии Советского Союза предпринять в тех конкретных условиях что-либо для оказания действенной помощи Чехословакии, в частности, свидетельствуют и слова инструкции, направленной М.М. Литвиновым С.С. Александровскому в августе 1938 г.: «Конечно, мы чрезвычайно заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии, в торможении гитлеровского устремления на юго-восток, но мы без западных держав вряд ли можем что-нибудь существенное предпринять, а последние не считают нужным добиваться нашего содействия, игнорируют нас и между собой решают все, касающееся германо-чехословацкого конфликта. Нам неизвестно, чтобы сама Чехословакия когда-либо указывала своим западным “друзьям” на необходимость привлечения СССР. Выступать нам при этих обстоятельствах публично и официально с критикой действий Англии и Франции значило бы вызвать обвинение в нашем стремлении сорвать их “мирную акцию” и в поощрении чехословацкой непримиримости, не принеся этим никакой пользы самой Чехословакии... Достаточно того, что я заявил об отсутствии с нашей стороны давления на Чехословакию и о предоставлении для нее полной свободы решений»²¹.

Современный канадский исследователь Карлей М.Дж., профессор, директор департамента истории Монреальского университета, анализируя внешнюю политику СССР и судьбу Чехословакии в 1934–1938 гг., пришел к выводу: «Политические маневры продолжались, и СССР делал все, что мог, чтобы помочь Чехословакии». Карлей считает, что политику Советского Союза «во время мюнхенского кризиса нельзя рассматривать в отрыве от неудач в вопросе о советской идее коллективной безопасности. Литвинов безуспешно настаивал на взаимодействии против нацистской Германии», его попытки «создать антигитлеровский альянс не достигли результата», «вопрос о помощи в одиночку не стоял; она была обречена на провал»²².

Положение Чехословакии осложнялось еще поведением ее ближайших соседей Венгрии и Польши, решившими воспользоваться ситуацией для сведения счетов с ЧСР. Мюнхенским соглашением дело не закончилось: обе страны выступили с ультимативными

требованиями. Для внешней политики этих стран в 1938 г. в целом было характерно следование в фарватере внешней политики Германии. И та, и другая предъявляли претензии Чехословакии, критикуя ее политику в отношении польского и венгерского меньшинств, и намеревались, вслед за Германией, заполучить территории ЧСР, на которых проживали поляки и венгры. Однако на позиции этих стран, несомненно, влияла и линия поведения Англии и Франции в чехословацком вопросе. Варшава и Будапешт встали безоговорочно на сторону Берлина тогда, когда стало совершенно очевидно, что Лондон и Париж «отступились» от Чехословакии и готовы на любые уступки Гитлеру во имя иллюзорного представления о сохранении мира в Европе. Опубликованные документы дают ясное представление о колебаниях в позициях Польши и Венгрии. Античехословацкие кампании набирали силу в этих странах тогда, когда наблюдался всплеск агрессивности по отношению к ЧСР в Германии. В канун Мюнхена и Венгрия, и Польша все более склонялись к поддержке «третьего рейха».

В конце августа 1938 г. официальная венгерская делегация в составе регента М. Хорти, премьера Б. Имреди и министра иностранных дел К. Кани посетила Германию. Посол ЧСР в Будапеште М. Кобр общал в Прагу 2 сентября на основании беседы с Каней, что вопрос о внутреннем кризисе в Чехословакии являлся «главным предметом политического обмена мнениями во время визита». На вопрос Кобра о возможном поведении Венгрии в случае немецкой агрессии против Чехословакии министр дал уклончивый ответ, заявив все же, что сначала Венгрия сохранит нейтралитет и посмотрит, как будут развиваться события. По свидетельству немецких источников, венгерские деятели действительно подчеркивали в разговорах с нацистскими политиками опасения Венгрии в возникновении широкомасштабной войны и стремились убедить Гитлера отложить нападение на Чехословакию. В ином случае венгры обещали вступить в войну против ЧСР лишь при условии, что это будет локальный конфликт и только по истечении нескольких недель, т.е. после того, как большая часть чехословацких вооруженных сил будет связана на фронте против Германии. Позиция венгерской делегации не изменилась и после предложения Гитлера Венгрии аннексировать всю Словакию и Подкарпатскую Русь, что сопровождалось его известным выражением: «есть могут лишь те, кто участвует в приготовлении пищи». Будапешт после этого мог рассчитывать уже только на некоторую немецкую поддержку в вопросе ректификации чехословацко-венгерских границ, а не на получение всей территории бывшей «короны св. Стефана»²³.

2 сентября английская «Daily Telegraph» опубликовала интервью с Б. Имреди, в котором он отрицал наличие какого бы то ни было соглашения о сотрудничестве между Венгрией и Германией и, наоборот, заявил о нейтральности Венгрии в случае войны в Европе. На следующий день венгерское агентство печати опровергло это сообщение. Выступая перед дипломатами и журналистами 9 сентября и оценивая позицию Венгрии, Крофта утверждал: «Скорее всего, Имреди так говорил, но, поскольку это было неосторожно, он это опроверг. Но все выступления подтверждают, что венгры, особенно Хорти, отвергли предложение дать какие-либо обязательства о том, чтобы идти вместе с Германией. Там немцы не получили того, чего бы хотели. Я уверен, что желание сохранить нейтралитет искренне. Вовсе не из любви к нам, а из-за опасения, что подвергнутся нападению со стороны Румынии и Советов... Они знают, что Югославия и Румыния (партнеры ЧСР по Малой Антанте. – В. М.) категорически заявили, что не потерпели бы даже пассивного сотрудничества Венгрии с Германией, что расценили бы это как нападение на Чехословакию и встали бы на нашу сторону»²⁴.

Однако мысль о том, чтобы присоединить к Венгрии территории ЧСР, населенные венграми, не оставляла венгерских политиков. 20 сентября Кобр сообщал в МИД ЧСР: «Под влиянием последних событий – национальное движение на подъеме. Правительство все энергичнее проводит военные приготовления. Это свидетельствует о том, что правительство полно решимости всеми средствами содействовать тому, чтобы венгерский вопрос в Словакии был решен аналогично судетскому. Я не сомневаюсь, что тайно ведутся переговоры с Германией». В тот же день в дополнительном сообщении Кобр уведомлял, что Имреди встретился с английским послом в Будапеште и просил Лондон, чтобы вопрос о венгерском меньшинстве в Словакии был решен аналогично судетскому и что «Хорти отправился на охоту в Германию, чтобы просить Геринга о поддержке венгерской точки зрения». Встреча состоялась в тот же день в Альт-Штернберке (Восточная Пруссия) во время «охоты». 21 сентября в Германию вылетел и Имреди, которого сопровождали Каня и высокий военный чин. В тот же день в Оберзальцбурге венгров принял Гитлер. Венгерские политики сформулировали свои требования, которые Гитлер должен был изложить Чемберлену при встрече с ним в Годесберге. При этом они полностью солидаризировались, как пишут чешские историки, с гитлеровской программой полной ликвидации чехословацкого государства либо путем прямой агрессии, либо путем реализации требования о праве на самоопределение для всех «нечеш-

ских» народностей, включая словаков. Однако они снова отказались начать военную акцию против ЧСР одновременно с немецким нападением и обещали лишь позднее вступить в войну в зависимости от развития международной ситуации. Гитлер, согласно сообщению Кобра в Прагу, обещал поддержать просителей в вопросе о праве на самоопределение для венгерского меньшинства в ЧСР²⁵.

22 сентября Кобр с тревогой сообщал: «Национальные страсти, как свидетельствуют вчерашние демонстрации, накалены до крайности. Проводятся масштабные военные приготовления в направлении словацких границ, организуются добровольческие формирования. У меня впечатление, что замышляется *fait accompli* в Словакии и что на последних совещаниях в Берхтесгадене создан немецко-польско-венгерский фронт с целью отторжения польских и венгерских территорий (от Чехословакии. – В. М.)»²⁶. О создании подобного фронта сообщал в Прагу 23 сентября и чехословацкий посол в Варшаве Ю. Славик²⁷. Между тем в печати появились сообщения, правдивость которых подтверждал Крофта, что Румыния и Югославия предприняли в Будапеште демарш, информируя венгерское правительство о том, что в случае нападения на чехословацкую территорию эти страны должны были бы выполнить свои обязательства перед Чехословакией, как членом Малой Антанты. Кобр считал эти сообщения безосновательными и утверждал: «Поведение венгерского правительства в случае общего конфликта характеризуется словами: «*Wait and see*» (выждать и наблюдать. – В. М.)»²⁸.

Правительство ЧСР готово было признать за чехословацкими гражданами венгерской национальности права в рамках подготавливаемого ими статута о национальных меньшинствах²⁹. 29 сентября посланник Венгрии в Чехословакии передал ее правительству ноту, касающуюся положения венгерского меньшинства в ЧСР с пожеланием разрешить вопрос аналогично тому, как он был решен в отношении немецкого населения³⁰. В тот же день Кобр сообщил в МИД ЧСР о сделанных Имреди заявлениях: «Венгерское требование территориального решения по судетскому образцу включает кроме отказа от чисто венгерских областей проведение плебисцита не только на национально-смешанных, но и на чисто словацких и русинских территориях»³¹. Мюнхенское соглашение в части, касающейся требований Венгрии, вызвало, по словам Кобра, разочарование венгерской общественности, как и правительственных кругов, которые чувствовали себя обманутыми, тем, что вопрос относительно венгерского меньшинства в Чехословакии не был одновременно решен аналогично судетскому. 1 октября Крофта предложил венгерскому

правительству создать экспертную комиссию для решения вопроса о венгерском меньшинстве в ЧСР³². Будапешт, заявив о желании вести переговоры в «дружественном духе», вместе с тем выразил пожелание, чтобы предварительно были выполнены некоторые его условия, а именно: немедленно выпущены все политзаключенные венгерской национальности, демобилизованы солдаты и офицеры венгерской национальности, созданы в целях поддержания порядка формирования под смешанным командованием, переданы Венгрии символически два или три приграничных города, которые были бы заняты венгерскими войсками (назывались, в частности, Комарно, Паркань, Чоп, Берегово и др). Переговоры, по предложению венгерского правительства, должны были начаться 6 октября в Комарно. Видимо, для того, чтобы подкрепить свои требования, венгры устроили провокацию на чехословацко-венгерской границе: несколько частей регулярной армии перешли еена участке южнее Римасеч; дошло до перестрелки между венгерскими и чехословацкими войсками. 4 октября Италия заявила о поддержке территориальных претензий Венгрии к Чехословакии. 9 октября в Комарне начала работать смешанная комиссия, но из-за чрезмерных венгерских требований (территорий с венгерским большинством на 1910 г.) переговоры закончились безрезультатно³³. В результате Первого венского арбитража Германии и Италии 2 ноября 1938 г. Венгрии были переданы южные районы Словакии и Подкарпатской Руси общей площадью 11 927 кв. км с населением свыше 1 млн человек³⁴.

Безвыходным положением Чехословакии, отданной на растерзание гитлеровской Германии, не преминула воспользоваться и Польша, выступившая со своими претензиями к ЧСР. Напор Варшавы на Прагу возрастал по мере усиления агрессивности Берлина и сдачи позиций Лондоном и Парижем. Однако еще в начале сентября, как отмечал Крофта, Польша, решительно отказавшаяся пропустить советские войска через свою территорию в случае нападения Германии на ЧСР, колебалась в вопросе о том, идти ли ей вместе с Англией и Францией, если они поддержат Чехословакию, или с Германией. Во всяком случае, разные взгляды на этот счет в польских верхах существовали³⁵. После того как наполовину сломленная ЧСР под давлением Англии и Франции вынуждена была согласиться на ряд территориальных уступок «третьему рейху», окончательно осмелела и Польша, заявившая о претензиях на часть Тешинской области, которая в 1920 г. согласно решению великих держав вошла в состав Чехословакии. Тогда она получила 1 273 кв. км. тешинской территории с 297 000 населения (в том числе примерно 80 000 поляков), а

Польша – 1 013 кв. км со 137 000 жителей. В ноте, переданной Крофте польским посланником К. Папэ 21 сентября, Польша заявила об отказе от признания действительности чехословацко-польского договора от 23 апреля 1925 г., которым были решены вопросы границ между обоими государствами, и потребовала немедленного решения вопроса о Тешине в польских интересах³⁶. «Я все еще считался с возможностью немедленного начала войны, – писал Бенеш, – и не хотел сделать ничего, что могло бы привести Польшу на сторону Германии. После совещания с Крейчи, Сыровым, Крофтой решено было уступить польскому нажиму и попытаться обеспечить хотя бы ее нейтралитет за счет уступок территории»³⁷.

Посланник ЧСР в Варшаве Ю. Славик сообщал в Прагу о позиции Польши, изложенной представителями польского МИД на пресс-конференции 22 сентября: «а) Польша приветствует развитие ситуации. Долой эру Локарно. В будущем дела Восточной Европы не будут решаться без Польши; б) начинается эра реорганизации новой Европы. Судетская проблема разрешена. Годесберг может решить венгерские и польские претензии (во время встречи с Чемберленом в Годесберге Гитлер внес также предложение об удовлетворении требований Венгрии и Польши³⁸). Польша желает получить Тешин, скрытно угрожает *fait accompli*; в) На втором этапе будет решена проблема Словакии... Польша теперь реализовала бы претензии на польские этнографические территории Чадца, Орава, Спиш и Яворина... ж) Чехофильские статьи конфискуются. Давление на прессу усиливается. Самые невинные нападки на Германию под запретом»³⁹. По словам Славика, В. Сикорский, лидер оппозиции в Польше, заявил ему, что оппозиция «сделает всё возможное, чтобы положить конец маневрам министра Бека, который не только сконструировал польско-немецко-венгерский фронт, но всеми средствами толкает Польшу на войну вместе с Германией»⁴⁰.

На польско-чехословацкой границе началась концентрация польских войск⁴¹. В сложившихся условиях Бенеш, пытаясь улучшить взаимоотношения с Польшей, подготовил личное письмо польскому президенту И. Мосьцицкому, доставленное ему 26 сентября. В послании предлагалось обменяться взглядами по спорным вопросам, касающимся польского населения в Чехословакии, «на основе принципа исправления границ». Английский посол в Праге Б. Ньютон посоветовал К. Крофте 27 сентября прекратить всякие дипломатические маневры и немедленно начать переговоры с Польшей об уступке ей территорий с большинством польского населения⁴². В тот же день Бенеш получил ответ польского президента на свое письмо, в котором

улучшение польско-чехословацких отношений связывалось с решением вопроса о польском меньшинстве в ЧСР путем территориальных уступок Польше со стороны Чехословакии⁴³. 29 сентября К. Папэ настаивал в беседе с К. Крофтой, чтобы Чехословакия освободила от своего присутствия районы с большинством польского населения⁴⁴. 30 сентября Ю. Бек направил письмо Папэ с инструкцией передать чехословацкому правительству ноту, которую он назвал ультиматумом и которую следовало «любой ценой вручить до 23 часов 59 минут сегодняшнего дня, так как срок данного ультиматума истекает завтра, 1 октября, в 12 часов дня». «Прошу не начинать какой-либо дискуссии по вопросу содержания ноты, так как это требование является безоговорочным», – писал Бек⁴⁵. В тот же день нота была вручена Крофте. В ней выдвигалось требование в течение 24 часов эвакуировать чехословацкие войска и полицию с территории, указанной в ноте, и окончательно передать эту территорию польским военным властям; эвакуация должна была осуществляться «без нанесения ущерба, приведения в негодное состояние или вывоза предприятий и объектов общественного назначения»; сооружения и строения оборонного характера следовало разоружить, а также уволить от службы в чехословацкой армии всех жителей Тешина и Фриштата, говорящих на польском языке. Польское правительство ожидало «недвусмысленного ответа» чехословацкой стороны до 1 октября и заявляло, что в противном случае оно «будет считать чехословацкое правительство единственным ответственным за последствия»⁴⁶.

Бенеш в телефонных разговорах с Ньютоном и В. Делакура в 9.00 и 10.00 1 октября обратился к английскому и французскому правительствам с просьбой, раз уж Чехословакия приняла Мюнхенское соглашение, защитить ее от диктата Польши и угроз нападения на ЧСР. «Поляки хотят сначала оккупировать, а потом уж вести переговоры. Территории, которые они хотят занять, это преимущественно области с польским большинством, но есть и с чешским большинством... Британское правительство должно потребовать от Варшавы, чтобы поляки остановились, не нападали и вступили в переговоры... Невозможно выполнить в течение 24 часов то, что поляки требуют. Если великие державы допустят, чтобы были одобрены такие действия, то это будет означать конец Европы»⁴⁷, – заявил Бенеш. Предприняло ли что-либо английское правительство, неизвестно, французский же министр иностранных дел Ж. Бонне провел два слабых демарша перед Варшавой. Однако одновременно, согласно сообщению посланника ЧСР в Париже Ш. Осуского в Прагу в 12.50, генеральный секретарь французского МИД А. Леже полагал, что «если

требования поляков остаются в рамках того, что президент Бенеш сам хотел отдать, то следовало бы быстро с поляками договориться». Так западные державы в очередной раз предали Чехословакию. В 13.00 1 октября К. Крофта передал польскому посланнику в ЧСР ноту, в которой сообщалось о принятии требований польского ультиматума от 30 сентября⁴⁸. 2 октября чехословацкое правительство дало согласие на создание экспертной комиссии по делимитации чехословацко-польской границы. Польская армия начала занимать ультимативно потребованные территории Чехословакии.

Союзницы Чехословакии по Малой Антанте, Румыния и Югославия, в преддверии кризиса и в его ходе вели себя несколько иначе по отношению к ЧСР. 21–22 августа в Блде (Югославия) состоялось очередное заседание Постоянного совета Малой Антанты с участием премьер-министра Югославии М. Стоядиновича, министров иностранных дел Румынии и Чехословакии, соответственно Н.П. Комнена и К. Крофты. Заседание, по словам Крофты, «снова продемонстрировало решительную волю стран Малой Антанты сохранить единство действий во всех международных вопросах»⁴⁹. 8 сентября поверенный в делах представительства Чехословакии в Бухаресте М. Крупка сообщал в Прагу, что в решении судетской проблемы «вся бухарестская печать выступает весьма решительно на стороне ЧСР. Высказывания серьезных крупных газет, таких как «Universul», «Timprul» и «Le Moment», весьма остро направлены против Германии... Исключение составляет лишь правая «Surentul». Особенно обсуждаются в румынской печати, по словам Крупки, два вопроса: как поведет себя Румыния в случае возникновения военного конфликта и пропустит ли через свою территорию советские войска, спешащие на помощь Чехословакии. Официальные же круги, по мнению Крупки, напротив, «сохраняют предельную осторожность и избегают всего того, что могло бы быть истолковано как румынская официальная точка зрения», в том числе и по вопросу о пропуске советских войск. «Поэтому сообщение из Таллина и Риги, которое распространилось по Бухаресту, о предполагаемом соглашении между Советами и Румынией о пропуске советских войск, – писал Крупка, – очень энергично было опровергнуто румынским министерством иностранных дел. Это произошло по требованию германского поверенного в делах, и министр иностранных дел Комнен его якобы заверил, что «подобное разрешение не могло быть дано, поскольку тогда Советы Румынию уже не оставили бы»⁵⁰.

Румыния, не давая согласия на пропуск советских войск через свою территорию для оказания помощи Чехословакии, в то же время

не делала нелояльных к ней заявлений, хотя в румынских верхах, несомненно, были как «ястребы», германофилы, так и миротворцы, ориентировавшиеся на Запад. Это, видимо, подтверждается и время от времени появлявшимися слухами о готовности Румынии предложить коридор для пропуска советских войск. Кстати, такие утверждения появились уже и в наше время. На страницах чешского журнала «История и современность» («Dějiny a současnost» 1998, № 5) была напечатана статья германского историка И. Пфаффа, повествующая, в частности, о наличии такого документа. Речь шла о письме министра иностранных дел Румынии Н. Петреску-Комнена от 24 сентября 1938 г. М.М. Литвинову, в котором говорилось о согласии Румынии на пропуск Красной Армии через румынскую территорию и предлагался подробный план этой операции. Впервые оно было опубликовано еще в 1978 г. Живущий в Америке чешский историк М. Гаунер, обвинив автора в манипулировании документами, пришел к выводу о том, что письмо является фальсификацией, поскольку оригинал его не обнаружен, а лингвистическая экспертиза свидетельствует о подделке⁵¹.

В связи с угрозами со стороны Венгрии в случае непринятия ее требований начать военные действия против Чехословакии Румыния заявила 21–22 сентября о своей верности обязательствам, вытекающим для нее из членства в Малой Антанте, и необходимости согласовывать свои действия с Югославией. При этом просматривалось явное намерение уклониться от прямого ответа и потянуть время в ожидания развития ситуации. Стоядинович же, согласно сообщению чехословацкого посла в Югославии Я. Липы от 24 сентября в МИД ЧСР, постоянно тянул с ответом на вопрос относительно реакции на венгерские угрозы и утверждал, что «не хочет брать на себя никаких обязательств, которые он не мог бы выполнить». Он собирался встретиться с Комненом, чтобы согласовать совместную позицию. Югославский дипломат И. Андрич, по словам Липы, заявил, что Комнен в Женеве, где он тогда находился, «решительно отверг все сообщения о гарантиях румынской помощи нам (Чехословакии – В. М.) и особенно о разрешении пропуска русских (войск. – В. М.)». Вместе с тем сообщение об объявленной в Чехословакии мобилизации, как сообщал Липа, «вызвало волнения во многих местах, в стране проводятся манифестации в нашу поддержку. Заявляют о себе тысячи добровольцев, которые хотят тайно переправиться в Румынию, а потом к нам. Они требуют, чтобы румыны разрешили их пропуск»⁵². 26 сентября Крофта отправил в чехословацкие посольства в Румынии, Югославии и Венгрии инструкцию с просьбой подтвердить информацию, касающуюся румынского и югославского демарша перед венгерским правительством по вопросу о выполнении

обязательств в отношении Чехословакии как члена Малой Антанты. В тот же день Липа телеграфировал в Прагу: «Югославия неформально обратила внимание Берлина, Будапешта и Рима на то, что у нее есть определенные обязательства в отношении ЧСР, имея в виду Венгрию. Комнен и Стоядинович договорились, что в случае чего (poríradě) предпримут формальный демарш перед Будапештом. Здесь (в Югославии. – В. М.) ожидают ответа румынского правительства». М. Кобр на запрос Крофты тоже 24 сентября ответил из Будапешта: «Сообщения о демарше послов Малой Антанты перед венгерским правительством не имеют под собой оснований». 26 сентября Крупка сообщил из Бухареста о беседе с Комненом, содержание которой, по сути, свидетельствовало о желании Румынии остаться в стороне от конфликта Чехословакии с Германией⁵³. 1 октября М. Крупка после встречи с Комненом телеграфировал в Прагу, что румынское правительство обеспокоено опасным для дела мира польско-чехословацким конфликтом, что оно не может давать советы чехословацкому правительству, но просит его в интересах всей Европы и стран Центральной и Юго-Восточной Европы предотвратить конфликт. Комнен сожалеет, сообщил Крупка, что румынское правительство в истекшие недели не могло нам дать ничего кроме своей искренней дружбы⁵⁴. Мюнхенское соглашение положило конец Малой Антанте. После него правящие круги Румынии все более склонялись к тому, чтобы улучшить отношения с «третьим рейхом», о чем свидетельствовало неофициальное посещение Германии румынским королем Каролом II в конце ноября 1938 г., где он тайно встречался с Гитлером и Герингом.

Оставленная европейскими «друзьями» Чехо-Словакия – так она стала именоваться после Мюнхена – оказалась один на один со своим главным тогдашним врагом, нацистской Германией. Участь малого государства, расположенного в центре Европы, фактически была предreshена. Английские и французские гарантии новых чехословацких границ остались лишь на бумаге⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ДМИСЧО, 3. М., 1978. Док. 349. С. 512–514.

² Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Praha, 2001. Dok. 730. S. 406.

³ Еще до этого с таким предложением выступил СССР.

⁴ ДМИСЧО, 3. Док. 379. С. 540.

⁵ *Dr. Edvard Beneš. Mnichvské dny. Paměti.* Praha, 1968. S. 332–336.

- ⁶ См.: ДМИСЧО, 3. Док. 377. С. 539 (примеч. 2).
- ⁷ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dodatek IV. S. 526–527.
- ⁸ Политбюро ЦК РКП(б) и Европа. Решения «Особой папки» 1923–1939. М., 2001. Док. 271 от 20 сентября 1938 г.
- ⁹ ДМИСЧО, 3. Док. 344. С. 597; Док. 362. С. 522–523.
- ¹⁰ Там же. Док. 369. С. 529.
- ¹¹ ДМИСЧО, 3. Док. 384. С. 545.
- ¹² См.: Вопросы истории. 2001. № 1. С. 12–16.
- ¹³ По воспоминаниям современников, этот фильм демонстрировался в московских кинотеатрах еще перед войной, возможно, в 1939 г. перед началом советско-финской войны.
- ¹⁴ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Praha, 1998. S. 351.
- ¹⁵ См.: *Ржевский О.А.* Нарастание военной угрозы. 1933–1938 гг. // Коммунист. 1991. № 7. С. 98.
- ¹⁶ АВП РФ (далее – АВП РФ) Ф. 06. Оп. 1. П. 20. Д. 1. Л. 35–36.
- ¹⁷ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Praha, 1999. S. 39.
- ¹⁸ Ibid. Dok. 662. S. 356–357.
- ¹⁹ Ibid. Dok. 601. S. 287.
- ²⁰ *Dr. Edvard Beneš.* Mnichovské dny. Paměti. S. 310, 316, 323.
- ²¹ Цит. по: *Карлей М. Дж.* (Канада). «Только СССР имеет... чистые руки»: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934–1938 годы) // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 67.
- ²² *Карлей М. Дж.* (Канада). «Только СССР имеет... чистые руки»: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934–1938 годы). С. 73, 79–80.
- ²³ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 531. S. 222–225; Dok. 537. S. 230–231.
- ²⁴ Ibid. Dok. 555. S. 250–252.
- ²⁵ Ibid. Dok. 646. S. 340–341; Dok. 652. S. 345–346.
- ²⁶ Ibid. Dok. 673. S. 365.
- ²⁷ Ibid. Dok. 681. S. 370.
- ²⁸ Ibid. Dok. 719, 725. S. 399, 403.
- ²⁹ Ibid. Dok. 726, 729. S. 404, 406.
- ³⁰ Ibid. Dok. 761, 762, 766. S. 439–440, 443.
- ³¹ Ibid. Dok. 770. S. 446.
- ³² Ibid. Dok. 797, 801–803. S. 476, 479–480.
- ³³ Ibid. Dok. 825, 833. S. 500, 509–510.
- ³⁴ Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1985. С. 185. В Словакии изданы монография Л. Деака и подготовленные им три тома сборника документов

о Венском арбитраже: *Deák L. Viedenská arbitraž – 2 novembra 1938. Bratislava, 1998; Idem Viedenská arbitraž. 2.11.1938. Zv. I–III. Martin, 2002, 2003, 2005.*

³⁵ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 555. S. 250.

³⁶ *Ibid.* Dok. 655, 665. S. 348–349, 360–361.

³⁷ *Dr. Edvard Beneš. Mnichovské dny. Paměti.* S. 303–304.

³⁸ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 687. S. 374 (примеч. 2).

³⁹ *Ibid.* Dok. 687. S. 374.

⁴⁰ *Ibid.* Dok. 732. S. 409.

⁴¹ В связи с этим советское правительство 23 сентября официально заявило, что «на основе ст. 2 Договора о ненападении, заключенном между СССР и Польшей 25 июля 1932 г., правительство СССР, в случае допущения Польшей агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения объявить указанный договор недействительным» (*Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 683. S. 372*). В действительности эта угроза выполнена не была.

⁴² *Ibid.* Dok. 742. S. 423.

⁴³ *Ibid.* Dok. 744, 745. S. 424–426.

⁴⁴ *Ibid.* I. Dok. 765. S. 443.

⁴⁵ Год кризиса 1938–1939. Т. 1. М., 1990. Док. 5. С. 31–32.

⁴⁶ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 782. S. 460–462 (опубликована на французском языке). На русском языке см.: Год кризиса 1938–1939. Т. 1. Док. 6. С. 32–34.

⁴⁷ Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 789. S. 471–472.

⁴⁸ *Ibid.* Dok. 793, 794, 805. S. 474–475, 481.

⁴⁹ *Ibid.* Dok. 495, 496. S. 164–172.

⁵⁰ *Ibid.* Dok. 551. S. 241–243.

⁵¹ Документ в переводе на чешский язык опубликован Гаунером в журнале «Современная история». См.: *Hauner M. Zrada, sovětizace, nebo historický lapsus? Ke kritice dvou dokumentů k československo-sovětským vztahům z roku 1938 // Soudobé dějiny. 1999. N 4. S. 545–557.*

⁵² Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II. Dok. 698. S. 382.

⁵³ *Ibid.* Dok. 719, 723, 727. S. 399, 401–402, 404–405.

⁵⁴ *Ibid.* Dok. 797. S. 477.

⁵⁵ См. подробнее: *Smetana V. Zatracené závazky. Britové, Francouzi a problém garance pomnichovského Československa // Soudobé dějiny. 2004. N 1–2. S. 88–109.*

ЭМИГРАЦИЯ. НАЧАЛО ЗАГРАНИЧНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Приняв решение об эмиграции, 54-летний Бенеш выбрал в качестве страны своего пребывания Англию. Почему не Францию, страну, которой он в юности восхищался и перед которой в зрелые годы преклонялся, страну, которую он считал главным союзником Чехословакии на Европейском континенте? Вероятно, это объясняется рядом причин. Он не мог простить Франции и ее верхам мюнхенского предательства. Кроме того, во Франции тогда не было близких ему людей, могущих оказать поддержку в его дальнейшей политической деятельности, которую экс-президент не собирался прекращать, хотя конкретных планов на этот счет пока не существовало¹. К тому же реалист и прагматик в политике Бенеш ясно осознавал, что звезда Франции на европейском политическом небосклоне угасает, в то время как Англия стала ведущей в англо-французском тандеме и первой по влиянию западноевропейской державой. Помимо этого, в Англии существовала довольно заметная оппозиция ее нынешнему мюнхенскому руководству, а во Франции практически ее не было, что тоже для Бенеша являлось немаловажным обстоятельством. Бенеш рассчитывал на поддержку Я. Масарика², с которым его, помимо прочего, связывала личная дружба, который хорошо знал обстановку в Лондоне и был принят в его верхних кругах. Здесь же работал и племянник экс-президента Богуш Бенеш³, который сопровождал его во время перелета. Однако никакого теплого приема в Англии экс-президент не ожидал, и не ошибся в этом.

Лондон встретил Бенеша холодно, как, по мысли английских мюнхенцев, одного из архитекторов беспорядка в Европе. Вспоминая впоследствии, как он и его единомышленники были приняты в Англии, Бенеш писал: «с недоумением и решительным предупреждением со стороны Форин Офис о сдержанном поведении; с сочувствием и иногда с возмущением британской политикой со сто-

роны всех моих и наших чехословацких друзей; с действительным пониманием повсюду со стороны простых людей»⁴. Экс-президент отправился за рубеж с твердым намерением продолжить борьбу за существование Чехословакии и добиваться признания Мюнхенского соглашения недействительным. Но в Англии, где у власти по-прежнему находились его соавторы, обстановка для этого была неподходящей. Таковой она, по сути, оставалась даже после исчезновения чехословацкого государства с карты Европы в марте 1939 г. Бенеш, хотя пока не мог и не хотел выступать с открытой критикой Мюнхена и мюнхенцев, с горечью говорил одному из своих ближайших соратников, журналисту и политику Губерту Рипке 12 ноября 1938 г.: «Здесь (на Западе. – В. М.) вероятно, всё еще полагают, что Мюнхеном сохранили мир. Все скоро увидят, что, собственно, уже вступили в войну. Мюнхен подтвердил, что война неотвратима. Я не знаю, когда она начнется, может, в будущем году, может, через два-три года, но думаю, что более, чем год, это не протянется»⁵. В этом экс-президент оказался прав. И еще из его размышлений: «Первой попадет под удар Польша; Бек помогал и помогает Гитлеру против нас, но помогает ему тем самым против Польши и всех остальных. Франция дорого заплатит за предательство по отношению к нам... я наблюдаю, как идет ее внутреннее разложение... А Чемберлен еще увидит последствия своего умиротворения... Гитлер пойдет на всех, на Запад и на Россию, и, в конце концов, это коснется и Америки. Они не хотели понять, война их заставит проводить политику, которую мы старались проводить целых двадцать лет. Война... приведет всюду к огромным изменениям, политическим, социальным, к смене поколений, изменениям в экономике, наконец, к революциям: происходящее будет продолжением и во многом завершением того, что было начато Первой мировой войной»⁶.

Отправляясь в свою вторую политическую эмиграцию с надеждой и верой, что ему удастся добиться устранения несправедливости, совершенной в отношении Чехословакии, Бенеш понимал, что это может произойти только в результате войны, в которой нацистская Германия потерпит поражение. Такой войны он желал, верил в ее неизбежность и видел Чехословакию в рядах антигитлеровской коалиции. О планах Бенеша, его видении будущего свидетельствует послание экс-президента «некоторым политическим деятелям в Праге», направленное из Лондона 27 января 1939 г. Утверждая, что из политических соображений он не намерен активно вмешиваться во внутривнутриполитические дела на родине, Бенеш считал необходимым «поддерживать контакты со своими личными приятелями» и

отвечать на их корреспонденцию. В послании, написанном от третьего лица и снабженном некоторыми пояснениями Я. Масарика, говорилось: «Он отказывается от публичных выступлений, интервью, статей, лекций и от публикации чего-либо, чтобы это никем не могло быть использовано против государства. Своему пребыванию в Англии он придал совершенно частный характер; он посвятил себя научной подготовке предстоящей профессорской деятельности в Чикагском университете, который пригасил его читать лекции... В Америке он будет читать лекции о демократии и ее проблемах, начиная с конца 18 века и до сегодняшнего дня. В дальнейшем он намерен твердо и последовательно выступать за демократию, но ограничится теоретическими рамками, а актуальных событий, насколько это будет возможно, не станет касаться».

В то же время подчеркивалось, что Бенеш внимательно наблюдает за развитием международных событий и не исключает возможности возникновения острого кризиса уже в 1939 г. весной, хотя характерный для Запада «маразм⁷ может вылиться в новую отсрочку конфликта путем предоставления новых концессий тоталитарным державам». «В этом случае, – говорилось в послании, – конфликт может произойти либо в этом году позднее, либо в будущем году, но и маразм на протяжении нескольких лет Бенеш не исключает». Военный конфликт Бенеш считал неизбежным и при условии вмешательства в него Америки исключал возможность победы в нем Германии. В связи с этим Бенеш призывал к единству всех сил Соппротивления на родине, предостерегал от возможности политических распрей и споров о главенстве. Он не предполагал отказываться от своего возвращения в страну в подходящий момент⁸.

В тот же день с юристом Ярославом Драбеком из Лондона ушло еще одно послание Бенеша своим сторонникам на родину. В нем, в частности, говорилось о роли, которую мог бы играть Советский Союз вскоре после поражения гитлеризма, а тем самым в будущем развитии Европы. Бенеш считал, что «после мюнхенского опыта вообще наша внешняя послевоенная политика в большей степени будет опираться на позиции Советского Союза». Он указал на Польшу как на будущую цель германской агрессии и полагал, что после войны, в которой неизбежно поражение Германии, произойдут территориальные изменения, будет установлена общая граница Чехословакии и СССР, и, таким образом, Красная Армия получит «к нам непосредственный доступ». Говоря о будущих преобразованиях в Чехословацкой республике, Бенеш отметил необходимость проведения «обширной и глубокой реформы... экономической системы»⁹.

2 февраля 1939 г. супруги Бенеш, сопровождаемые племянником Богушем Бенешем, покинули неприветливую Англию и отплыли на корабле «Джордж Вашингтон» в США, где их ждал более теплый прием. «Я хотел и в Америке сначала вести себя очень сдержанно, – вспоминал он. – Но уже первые дни моего пребывания в Нью-Йорке значительно повлияли на эти намерения. Еще до того, как мы прибыли в нью-йоркский порт, я попал в окружение нескольких интервьюеров и журналистов из Нью-Йорка; они, так сказать, просто вынудили меня говорить прямо с корабля по американскому радио, и, к моему удивлению, меня с корабля в сопровождении эскорта городской полиции и представителей администрации доставили прямо в нью-йоркскую ратушу к мэру Лягорде. И там я был снова удивлен: нас приветствовала на улице масса людей, представители общественности в залах ратуши»¹⁰. Затем Бенеш переехал в Чикаго, где, согласно договору, должен был читать лекции в Университете. Здесь он занял место профессора социологии на кафедре общественных наук, получая по тем временам отличный оклад: 5 тысяч долларов в квартал. Местная пресса приняла Бенеша как известного европейского демократа, а президент университета Роберт Гачинс заявил, что новый профессор «лучше всех может пробудить интерес к демократии и интерпретировать ее значение для нынешнего мира»¹¹. При этом университет предоставил в распоряжение Бенеша свой отлично налаженный пропагандистский и печатный аппарат. Возрос и престиж этого учебного заведения, поскольку среди его преподавателей числился бывший президент европейской республики, упорно противящийся домогательствам Гитлера. Следует отметить, что американо-германские отношения в это время были весьма напряженными и находились на грани разрыва.

Бенеш начал читать лекции 25 февраля. В университет он ходил, как правило, в понедельник утром и во вторник вечером. Его лекции привлекали большое внимание, и в конце семестра он получил на основании голосования студентов звание «гастролирующий профессор года». Кроме Чикаго, Бенеш выступал с лекциями и в других местах США. По его словам, «это была огромная пропагандистская акция в защиту мира, демократии, Чехословакии и против того, что произошло в Мюнхене»¹². Лекции, прочитанные Бенешем в чикагском и других американских университетах с февраля по май 1939 г., а затем доработанные им, вышли в 1942 г. в Лондоне в виде книги под названием «Демократия сегодня и завтра»¹³. Бенеш тогда много размышлял о слабостях западной демократии и искал пути ее совершенствования. Именно в ту пору он проявил себя как последовательный

сторонник идеи конвергенции, сосуществования двух общественных систем, капиталистической и социалистической, их взаимовлияния и взаимопроникновения. Он же ввел в научный оборот понятия «демократизирующийся социализм» и «социализирующаяся демократия». Поэтому в советское время его относили к числу буржуазных идеологов, а на Западе упрекали в склонности к большевизму. «Мюнхен» означал крах всей прозападной внешнеполитической концепции Бенеша, проводимой им после 1918 г., сначала в качестве министра иностранных дел, а затем президента Чехословакии. Рефлексия «Мюнхена» привела его, в конце концов, к выработке формулы внешней политики, пригодной именно для ЧСР: «50% на Запад, 50% на Восток, а не 100% на Запад». Правда, не все оказалось так просто на деле, как в теории.

Сообщение о событиях 14–15 марта 1939 г. – об оккупации чешских земель Германией и создании Словацкого государства – Бенеш получил утром 15 марта. С одной стороны, оно свидетельствовало о новом крушении его концепции, сложившейся после Мюнхена, поскольку он полагал, что изувеченная Чехословакия останется самостоятельным государством до начала войны. Сам он признавался: «Для меня это было сильным ударом: вся конструкция моих дальнейших планов на случай войны уже теперь во время мира рухнула»¹⁴. Но с другой стороны, он понимал, что такое развитие событий дало ему в руки неожиданный козырь. Нарушение мюнхенских соглашений Гитлером, согласно его мнению, означало, что они потеряли силу, стали недействительными, и что обманутыми оказались их западные соавторы, которые вынуждены будут это признать. Тот факт, что президент Э. Гаха подписал документ о создании так называемого Протектората Богемия и Моравия, согласно Бенешу, означал отказ от всех обязательств, взятых на себя государством после сентября 1938 г., а также его личных обязательств, от которых теперь Бенеш считал себя свободным. В этом смысле было составлено и обращение Бенеша к соотечественникам в США, которое 16 марта 1939 г. на манифестации в Чикаго от имени заболевшего Бенеша зачитал Ян Масарик.

В заявлении декларировалась борьба за реставрацию Чехословацкой республики. Цель борьбы формулировалась так: «Свободная Чехословакия в свободной Европе». Основными принципами освободительной программы было признание непрерывности (континуитета) правового существования Чехословакии и ликвидация Мюнхенского соглашения. Бенеш высказался за объединение действий всех чехословаков, независимо от их социальной и партийной

принадлежности, а также от вероисповедания, в целях борьбы за восстановление республики¹⁵. Он ратовал за создание единственного и внутренне единого руководства для этого заграницей. Решение вопросов будущего устройства освобожденной республики, по его мнению, должно было быть оставлено за чехословацким народом¹⁶.

В тот же день 16 марта Бенеш направил телеграммы Рузвельту, Чемберлену, Даладье и Литвинову, а их копии также Джозефу Авенулу, генеральному секретарю Лиги Наций, дополненные призывом к протесту против нарушения международного права. «Было совершено огромное международное злодеяние против чешских и словацких земель. Чехословацкий народ сейчас не может поднять свой голос протеста. Событиями последних месяцев были созданы условия, при которых он не может защищаться. Поэтому с этим торжественным протестом к Вам обращаюсь я, как второй и бывший президент Чехословацкой республики, которому в сентябре прошлого года были сделаны франко-британские предложения и спустя несколько дней после этого предъявлено мюнхенское решение. Оба указанных документа содержали обещание гарантий целостности и безопасности чехословацкой территории». Протестуя против расчленения страны, Бенеш писал: «Чехи и словаки никогда не примут это нетерпимое подавление своих святых прав и не прекратят борьбу до тех пор, пока их любимой родине не будут возвращены все ее права. Я прошу Ваше правительство не признавать совершенное злодеяние и сделать выводы, к которым настоятельно обязывает нынешняя трагическая ситуация в Европе и мире»¹⁷.

Англия и Франция формально протестовали в Берлине против расчленения Чехо-Словакии и оккупации Чешских земель. Хотя нотами от 18 марта они осудили очередной агрессивный акт гитлеровской Германии, но лишь как нарушение Мюнхенского соглашения, не дистанцировавшись при этом от самого Мюнхена и не оценив критически собственные действия в тот период. Бенеш был огорчен подобной реакцией. Вашингтон осудил агрессию «третьего рейха» против Чехо-Словакии. Госсекретарь США С. Уэллс 17 марта заявил, что его страна не намерена признавать акт насилия, совершенный Германией. В таком же духе была составлена нота американского правительства от 20 марта и письмо президента США Ф.Д. Рузвельта на имя Бенеша от 27 марта¹⁸. В знак протеста США отозвали своего посла из Берлина. В Вашингтоне продолжало функционировать чехословацкое дипломатическое представительство во главе с В. Гурбаном. Решительно осудил в ноте от 18 марта германскую агрессию и Советский Союз¹⁹. По прямому указанию Бенеша З. Фирлингеру и

с согласия советского правительства в Москве продолжило деятельность чехословацкое полпредство²⁰. Чехословацкие дипломатические представительства сохранились также в Лондоне (временный поверенный в делах К. Лисицкий), Париже (Ш. Осуский), Варшаве (Ю. Славик). Именно на глав продолживших функционировать дипломатических служб Бенеш предполагал опереться, развертывая свою зарубежную акцию Сопrotивления.

Серьезной поддержкой для Бенеша стали чехословацкие земляческие организации в Америке, самая крупная из которых находилась как раз в Чикаго. Здесь 18–19 апреля состоялся экстренно созванный съезд этих объединений, создавший общий исполнительный комитет, позднее переименованный в Чехословацкий национальный совет (ЧНС). Съезд направил делегацию к Бенешу с просьбой возглавить зарубежное освободительное движение, и он дал согласие²¹. Но ЧНС пользовался преимущественно поддержкой чешских организаций, в то время как словацкие и карпато-русинские союзы заняли либо негативную, либо выжидательную позицию. Чикагский ЧНС поддерживал связи с эмигрантскими организациями чехов и словаков в Южной и Центральной Америке, в Канаде, а также в других странах и частях света²². Свой секретариат в чикагском отеле Windermere Бенеш превратил в «Центральную канцелярию Чехословацкой заграничной акции», начальником которой и одновременно представителем Бенеша в США стал питтсбургский консул Я. Папанек. В Нью-Йорке была создана так называемая комиссия по печати, которая занималась пропагандисткой деятельностью.

Осудив формально расчленение Чехословакии, ни Англия, ни Франция не отказались от своих позиций в Мюнхене. Поэтому, приступив к организации зарубежного чехословацкого Сопrotивления и борьбы за восстановление ЧСР, Бенеш пока занял осторожную, наблюдательную позицию в отношении западных держав, не без основания полагая, что от них во многом зависит успех его деятельности. Он предпочитал выжидать и наблюдать за развитием событий. 21 марта экс-президент писал Г. Рипке в Париж: «Не нападать ни на Англию, ни на Францию за “Мюнхен”. Я сам не произнес и не произнесу публично ни одного слова. Сдерживаться и далее! Достоинo хранить молчание об этом», чтобы «не оскорбить тех, кто знает и видит, что произошло, или тех, кто не согласен с режимами в этих странах, но не может снести нападки на свои страны или народы»²³. Такие же инструкции Бенеш дал, по существу, и чехословацкому посланнику в Москве З. Фирлингеру 24 апреля: «То, что должно или не должно было произойти в сентябре [1938 г.] пока не обсуждать; это

привело бы лишь к взаимным обвинениям и разногласиям. А также [не обсуждать] то, должны ли мы были или нет начать войну. Все это основывается на “если бы” и в каждое “если бы” всякий может вложить, что захочет. Никто ему не докажет обратного»²⁴.

В конце апреля 1939 г. Бенеша посетил в Чикаго редактор известного американского журнала *Foreign Affairs* Гамильтон Фиш Армстронг, который был знаком с ним со времени Первой мировой войны. Они обсуждали ситуацию в Европе, и Армстронг, который входил в круг ближайших советников Рузвельта, предложил Бенешу встретиться с президентом. Встреча состоялась через месяц, 28 мая 1939 г. Она проходила в Гайд Парке, резиденции Рузвельта к северу от Нью-Йорка, и продолжалась три с половиной часа, включая обед. Еще до встречи Бенеш направил Рузвельту обширный меморандум, содержащий оценку положения дел в Европе и видение им чехословацкой проблематики. «Разложение западных демократий, – подчеркнул экс-президент, в частности, – зашло так далеко, что без помощи Америки защитить Западную Европу от сегодняшней Германии нельзя». В документе говорилось о континуитете существования Чехословацкой республики, несмотря на то, что нормальная деятельность правительства прервана, о возможном создании временного эмигрантского правительства, которое могло бы приступить к своим обязанностям с началом войны, о формировании за рубежом на основе мобилизации чехословацких воинских частей, о сохранении обязательств Чехословакии по внешним договорам, в том числе с Францией и Советским Союзом, о недействительности для Чехословакии Мюнхенского соглашения²⁵.

В секретном циркуляре, направленном Бенешем после встречи с президентом США чехословацким дипломатическим представительствам в Вашингтоне, Париже, Лондоне, Москве и Варшаве, продолжавшим функционировать после расчленения ЧСР, утверждалось, что он устно изложил Рузвельту свое видение событий сентября 1938 г. и что тот «резко осудил политику Франции и Англии, и особенно Чемберлена, весь период умиротворения (*appeasementu*) считает фундаментальной ошибкой. Он поддерживает нас, нашу аннексию (в смысле – Чехословакии. – В. М.) не признает и... верит в быстрое восстановление нашей независимости. Он полагает, что в сентябре (1938 г. – В. М.) мы не могли и не должны были вести войну в одиночестве. Он считает нашу аннексию величайшей ошибкой Германии», за которую «она дорого заплатит». Бенеш подчеркнул также слова Рузвельта: «Я считаю вас и далее президентом, хотя не говорю об этом открыто. Поэтому при Вашем приходе я приветствовал

Вас, как президента»²⁶. Это дало Бенешу дополнительный аргумент при разработке им концепции континуитета домюнхенской Чехословакии, признания международным правом непрерывности ее существования в домюнхенских границах. Согласно воспоминаниям Бенеша, он поставил перед Рузвельтом три вопроса: верит ли американское правительство в восстановление ЧСР и готово ли этому способствовать? Будет ли следовать своему заявлению от 17 марта, осуждающему немецкие действия, приведшие к ликвидации чехословацкого государства? Признают ли в случае войны США чехословацкое эмигрантское правительство и поддержат ли, естественно, в рамках американской политики нейтралитета, движение Сопротивления? На первые два вопроса Бенеш получил положительный, а на третий сдержанный (все будет зависеть от обстоятельств) ответ²⁷.

Встречался экс-президент в Вашингтоне и с советским послом К.А. Уманским, который, по его словам, единственный из представителей великих держав в США поддерживал с ним связь и информировал о советской политике. Уманский тоже следил за деятельностью Бенеша в Америке. 14 апреля он сообщал в НКВД: «Бенеш очень активен, много выступает, сколачивает нечто вроде неофициального временного правительства, но, чтобы не дразнить американских гусей, в определенные организационные формы это не облекает. О нас и о нашей роли в сентябре (1938 г. – В. М.) он во всех речах говорит хорошо»²⁸. 1 июня 1939 г. Уманский передал советскому правительству Меморандум Э. Бенеша по чехословацкому вопросу²⁹, который содержал, по сути, то же, что и меморандум на имя Рузвельта. В послании на родину 22 июня экс-президент сообщал: «Я поддерживаю контакт с Россией через здешнего посла Уманского, и я доволен их действиями... У нас хорошая ситуация в Америке и России... Во Франции и Англии ситуация не так благоприятна. Стремление к компромиссу (с Германией. – В. М.) все еще велико, страх перед войной значителен, хотя чувствуется ее неизбежность. Я не хочу строить иллюзий в отношении **нынешних** правительств этих стран. У них запятнана совесть, что касается нас, они понимают, как навредили нам, и поэтому не любят нас. Они выискивают наши ошибки, чтобы оправдать свои непростительные действия. Но мы закрываем на это глаза и пытаемся заручиться их поддержкой. Если начнется война, то, конечно, произойдут большие изменения в правительствах, а затем и в отношении нас многое изменится». Вместе с тем Бенеш подчеркивал: «В будущем мы не забудем ничего из случившегося»³⁰. Это последнее и утвердило экс-президента в мысли «об укреплении мостов», наведенных ЧСР в отношениях с Совет-

ским Союзом после заключения советско-чехословацкого союзного договора 1935 г. Главное и принципиально важное положение, из которого исходил Бенеш, состояло в том, что Чехословакия должна иметь хорошие отношения как с Западом, так и с Востоком. Эта позиция основывалась на реалистическом и адекватном понимании им жизненно важных государственных и национальных интересов Чехословакии как малого государства в центре Европы. Хотя, как писал в своих воспоминаниях Б. Локкарт, позже английский представитель при Временном чехословацком правительстве в Лондоне, Бенеш был «всегда западником и западником остался», вся его политика основывалась «на согласии между англо-американцами и русскими»³¹. «В Лондон выезжаю 12 июля, – писал Бенеш 22 июня на родину, – там буду и далее с Россией поддерживать связь, и не исключено, что, если начнется война, должен буду поехать в Россию. Всё будет зависеть от ситуации»³².

В июле 1939 г., как и рекомендовал ему Рузвельт, Бенеш вернулся в Европу, где легче было вести борьбу за реализацию намеченных им задач и проще связываться с единомышленниками в оккупированной стране. Поселившись в Лондоне, он по мере необходимости наезжал в Париж: во Франции в то время сосредоточилась большая часть чехословацкой эмиграции. Несмотря на политическую и социальную разномастность и соперничество за лидерство в ее среде, фигура Бенеша как политического деятеля, приемлемого для большинства сторонников восстановления Чехословакии и способного возглавить движение за реализацию этой идеи, явственно выдвинулась на первый план. Но в Англии и особенно во Франции, где по-прежнему у власти находились правительства «мюнхенцев» Н. Чемберлена и Э. Даладье, возвращение Бенеша не встретило энтузиазма. Позже он с горечью писал: «Следует с болью констатировать, что западноевропейские демократии вообще не понимали, о чем идет речь не только во время мюнхенского кризиса, но и весь следующий год до начала войны»³³. В то же время среди английских политиков были и осуждавшие официальный правительственный курс, например, У. Черчилль, А. Иден и ряд их единомышленников. 27 июля Черчилль дал в честь Бенеша обед, на котором присутствовало около 40 политиков и общественных деятелей. В своей приветственной речи, как следует из записи начальника канцелярии Бенеша Я. Смутного, будущий английский премьер высоко оценил двадцатилетние заслуги Бенеша в поддержании мира и проведении достойной уважения политики. Особенно Черчилль подчеркнул «его джентльменское и самоотверженное ведение переговоров во время прошлогоднего (т.е. мюнхен-

ского. – В. М.) кризиса»³⁴. Черчилль заявил, что пока Чехословакия будет находиться под фашистским ярмом, в Европе не будет мира, и обещал, что, пока жив, будет стремиться исправить ужасную ошибку, совершенную в отношении Чехословакии. «Я не знаю, – сказал он, – как пойдут дела дальше, и не могу сказать, что Великобритания пойдет сегодня на войну из-за Чехословакии. Знаю лишь, что будущий мир не будет установлен без Чехословакии». При этом, записал Смутны, «по его лицу текли слезы». То же самое говорили Иден и другие выступавшие. По согласованию с присутствовавшими, прессе не было сообщено содержание выступлений: «Время чересчур напряженное, и д-р Бенеш полагает, что надо действовать осторожно. Следует констатировать, что этот обед надо считать чрезвычайно важным и весьма ценным для нашего будущего»³⁵, – полагал Смутны.

Бенеш не зря считал, что надо «действовать осторожно». На следующий после приема день, 28 июля в Форин Офис был вызван Лисицкий, которому надлежало передать Бенешу следующее уведомление Министерства внутренних дел: «Министерство надеется, что д-р Бенеш не станет злоупотреблять здешним гостеприимством». По мнению чиновника ФО, это означало, что «если Бенеш теперь будет вести себя так, как вел себя во время первого пятимесячного пребывания здесь, не случится никаких затруднений и неприятностей». Бенеш принял уведомление к сведению, но просил дать конкретные разъяснения относительно того, может ли он принимать приглашения на частные приемы, организованные местными политиками; может ли читать лекции в Кембридже и других пригласивших его университетах; может ли созвать совещание в Лондоне с участием бывших депутатов чехословацкого парламента, политиков и военных для обсуждения вопроса об организации зарубежного чехословацкого Сопrotивления. На первые два вопроса был получен положительный ответ, но указано, что лекции должны касаться тематики, отвечающей его функции университетского профессора социологии, но в них не будут подниматься актуальные политические вопросы, особенно о Чехословакии³⁶.

Главной задачей Бенеша на тот момент было добиться согласия Запада на создание Временного чехословацкого правительства в эмиграции и международного признания концепции континуитета Чехословакии, т.е. фактического отказа Англии и Франции от соглашения четырех в Мюнхене. Вынужденный принять мюнхенский ультиматум, он сразу и особенно после марта 1939 г., как уже говорилось, начал развивать мысль о противоречии соглашения международного праву. Четко позиция по этому вопросу была оформлена

Бенешем в письменной инструкции чехословацкому послу в Варшаве Ю. Славику 30 июля 1939 г.: «Юридически мюнхенское решение для нас не существуют. Принятое без нашего участия, оно было навязано нам, никогда не было ратифицировано, никем из подписавших его не соблюдалось и не выполнялось и, наконец, агрессией 15 марта было окончательно уничтожено»³⁷.

В Англии и особенно во Франции решение вопроса о создании Временного чехословацкого правительства натолкнулось на серьезные трудности. В конце концов, удалось добиться согласия лишь на организацию Чехословацкого национального комитета (ЧНК), который призван был заниматься в первую очередь формированием чехословацких воинских частей на территории Франции. И.М. Майский, который трижды осенью 1939 г. встречался с Бенешем, ощутил его нервозность по этому поводу и стремление заручиться советской поддержкой в организации зарубежного чехословацкого Сопротивления. Во время этих встреч Бенеш выразил понимание внешнеполитических акций СССР (советско-германского пакта о ненападении 23 августа, присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии к Советскому Союзу), говорил о желательности установления общей чехословацко-советской границы, о помощи СССР в освобождении Чехословакии от гитлеровского ярма, о возможной передаче после войны Подкарпатской Руси Советскому Союзу и т.д.³⁸. При первой же встрече с Бенешем 23 августа 1939 г. Майский заявил о роковом значении событий сентября 1938 г. не только для Чехословакии, но и для других: «Польша уже расплывается [за это] и будет платить далее»³⁹.

Первая реакция Бенеша на советско-германский пакт о ненападении была достаточно сдержанной. В послании на родину 24 августа Я. Смутны писал: «Мы смотрим на новую ситуацию весьма спокойно и полагаем, что этот договор является выражением недоверия Советского Союза к западным державам после мюнхенского опыта... наша тактика и действия останутся прежними... Будем по-прежнему готовить военное сопротивление и участвовать в войне против Германии на стороне того, кто бы ее не начал и не вел»⁴⁰.

В день объявления Англией войны Германии 3 сентября 1939 г. Бенеш направил Н. Чемберлену телеграмму, в которой выражалась решимость чехов и словаков «без колебаний сражаться бок о бок с Вашим народом за свободную Европу» и подчеркивалось: «Мы, чехословацкие граждане, также находимся в состоянии войны с немецкой военной силой и пойдем с Вашим народом до окончательной победы и освобождения своей страны». В ответной телеграмме британского

премьера в общих словах говорилось о вере «в освобождение чешского народа от чужеземного ига, как только победят принципы, во имя которых мы взялись за оружие»⁴¹.

Но Бенеш по-прежнему был весьма осторожен в выдвижении каких-либо конкретных требований в отношении будущего. Еще накануне войны, 21 августа, в послании на родину он, утверждая, что восстановление Чехословакии не подлежит сомнению, сообщал: «Однако пока мы не можем говорить, при каких конкретных обстоятельствах и в каких границах. За это нынче начинается борьба, и это будет зависеть исключительно от развития военных событий, от ситуации, в которой наступит мир, от того, что произойдет на нашей территории, кто вообще будет участвовать в войне, а кто ее избежит и т. д. Само собой разумеется, что сегодня мы начнем действовать осторожно, при выдвижении своих требований будем сдержанны, но с течением времени выступим самым решительным образом за возможный максимум»⁴². Но одно для Бенеша являлось несомненным с самого начала: Словакия должна остаться частью восстановленного чехословацкого государства. «Остаться со словаками под одной крышей – это категорическое требование для политически и экономически сильной ЧСР»⁴³, – сообщал Я. Смутны на родину 21 августа 1939 г.

В день нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. Бенеш писал в Прагу о предстоящих практических действиях за рубежом: «Как можно быстрее создать армию во Франции и, если возможно, в Польше», а также начать переговоры с Англией и Францией о создании временного правительства, в чем, по его мнению, и та, и другая «пойдут нам навстречу достаточно быстро»⁴⁴. С этими мыслями Бенеш и приступил к переговорам в Лондоне. 19 и 29 сентября его принял Галифакс. Старательно избегая оценок прошлого, собеседники говорили о состоянии и задачах чехословацкого освободительного движения. Галифакс обещал полную поддержку формированию чехословацких воинских частей, означил освобождение чехословацкого народа как одну из целей начавшейся войны и согласился подумать о возможности создания чехословацкого временного правительства. Не теряя времени, Бенеш немедленно представил Галифаксу проекты создания воинских формирований и временного правительства⁴⁵. Но это вовсе не означало, что английские «мюнхенцы» стали лучше относиться к Бенешу и готовы были признать его лидерство в организации зарубежного чехословацкого Сопротивления. Ни Лондон, ни Париж не признавали тогда Чехословакию существующим с точки зрения международного права государством и не хотели отказаться от своих подписей под Мюнхенским соглаше-

нием, хотя и признали его недействительным ввиду нарушения со стороны Германии.

Стремясь заручиться всесторонней поддержкой своих планов и намерений, Бенеш рассчитывал и на помощь СССР. Ни начало Второй мировой войны, ни вступление Красной Армии на территорию Польши не изменили его осторожных оценок советской внешней политики. Более того, в наступлении Красной Армии на Запад, в том, что новые западные границы СССР оказались в нескольких десятках километров от Словакии, Бенеш усматривал возможность благотворного влияния на решение чехословацкого вопроса. Во время встречи с Майским 22 сентября 1939 г. он выражал пожелание, «чтобы советские войска дошли до наших границ». «Бенеш заявил, что полностью понимает и одобряет наши действия в Польше, настойчиво просил урегулировать вопрос о Западной Украине таким образом, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. При этом он подчеркивал, что не имеет возражений против советской власти в Чехословакии, если она только будет свободна от германского ига»⁴⁶, – записал Майский в дневнике в этот день.

Представляется, что на позиции Бенеша в ту пору оказывали влияние и взгляды некоторой части английских политических кругов, близких к Черчиллю, который в силу обстоятельств был склонен к весьма взвешенной оценке внешней политики Советского Союза. В Гитлере и нацизме он тогда усматривал большего врага, чем в Сталине и коммунизме. Эта позиция Черчилля достаточно четко зафиксирована Майским во время ряда встреч с ним осенью 1939 г. «Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм», – заявил Черчилль в беседе 6 октября. А 13 ноября, вернувшись к оценке советско-германского пакта, он отметил: «Ваш пакт о ненападении с Германией развязал войну, но я не в претензии на вас. Я даже доволен. Я давно уже чувствовал, что нужна война с Германией, без вашего пакта мы колебались бы, тянули бы, и, может быть, дотянули бы до того момента, когда бы уже не могли выиграть войны. А теперь мы ее выиграем, хотя это и будет нам дорого стоить»⁴⁷.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Бенеш и его единомышленники однозначно положительно и с пониманием относились к советско-германскому пакту и советской внешней политике. Он считал, что пакт осложнит возможность сплочения антигитлеровских сил на международной арене и в чехословацком обществе, и, в частности, взаимодействия с коммунистами, что и произошло. Один из ближайших

соратников Бенеша Г. Рипка, высказывая непонимание шага, сделанного Советским Союзом, писал 29 августа Смутному: «Если Сталин думает, что в подходящий момент разожжет пожар социальной революции, то он ошибается. То, что он сегодня вступил в союз с Германией, лишило его всякого морального, политического престижа в европейском рабочем классе»⁴⁸. Но Бенеш предпочитал избегать резких оценок.

В сентябре и в октябре 1939 г. «прощупывание» позиций руководства Англии и Франции по вопросу создания Временного чехословацкого правительства в изгнании не привело, несмотря на обещания принять положительное решение, к конкретным результатам. Ни та, ни другая страна – а их руководство по-прежнему находилось в руках «мюнхенцев» – не желала видеть Бенеша во главе акции, направленной на восстановление Чехословацкого государства. Однако 2 октября между премьером и министром иностранных дел Франции Э. Даладье и Ш. Осуским как главой продолжавшего функционировать чехословацкого полпредства, т. е. признаваемым Францией официальным лицом, было подписано соглашение о создании чехословацких воинских частей во Франции, о чем немедленно получил уведомление и Форин Офис⁴⁹. Вопрос о том, под чьим командованием будет находиться создаваемая армия, потом еще долго обсуждался политиками и дипломатами. 7 октября Бенеш приехал в Париж для переговоров с французскими властями о временном чехословацком правительстве. Но из-за его разногласий с Осуским относительно состава правительства и вообще руководства чехословацкой освободительной акцией за рубежом, а также из-за неготовности французского правительства принять соответствующее решение, вопрос был отложен на неопределенное время. Даладье даже отказался принять Бенеша, что страшно его огорчило и разгневало. Французское правительство согласилось лишь на создание так называемого Национального комитета, который имел бы права и прерогативы правительства, касающиеся объявления мобилизации в чехословацкую армию и ее организации. При этом Париж желал видеть Бенеша не во главе названного комитета, а лишь в качестве его рядового члена. Бенеш вынужденно согласился. В Чехословацкий национальный комитет (ЧНК), созданный в Париже 17 октября 1939 г., вошли семь человек: Э. Бенеш, Я. Шпрамек, Ш. Осуский (он колебался, но французы обязательно хотели видеть его в составе комитета), Г. Рипка, генералы С. Ингр (чех) и Р. Виест (словак). Бенеш, формально не являясь главой ЧНК, фактически руководил им. Осуский так описывал мнение французского правительства касательно Бенеша, которое, кстати, он разделял: «государственный деятель, который наделал столько

ошибок, как Вы, и то обстоятельство, что Чехословацкая республика крахнула под Вашим руководством, обязывают Вас в интересах собственного народа устраниваться сегодня от дел... если бы французское правительство сегодня признало правительство во главе с Вами, то государства, которые по праву или нет видят в вас препятствие для политического сотрудничества, рассматривали бы это признание, как стремление восстановить то, что не оправдало себя»⁵⁰. В своем письме Бенешу от 23 октября Осуский называл создание ЧНК шагом назад по сравнению с собственным предложением, с которым якобы соглашалось французское правительство, о создании Временного чехословацкого правительства, состоявшего не только из старых политиков, но и из новых людей. Осуский считал, что состав комитета (в отличие от Бенеша, он называл его чехословацким) не является «отражением чехословацкой жизни ни в социальном, ни в политическом, ни в национальном отношении». Он упрекал Бенеша в недальновидном и неправильной политике по отношению к словакам в прошлом, следствием которой явилась «государственная катастрофа». «Я глубоко уверен, – писал он, – что словаки ни за границей, ни на родине в Словакии за нами не пойдут, если не будет ясно, что мы не хотим восстанавливать то, что себя не оправдало. Далее, я убежден, что Европа не станет поддерживать восстановления Чехо-Словакии, если не будет ясно, что катастрофа из-за словаков не повторится. Наконец, я убежден, что республика не будет жизнеспособной, если не будет ясно, что жизненные интересы словаков как таковых не будут уважаться. Я уверен, что, если это будет ясно, то республика станет более сильной, чем была прежде»⁵¹. После длительных колебаний и переговоров Шрамека с членами французского правительства Осуский, наконец, 9 ноября, по просьбе французского правительства согласился вступить в ЧНК на правах рядового члена. Французское руководство заявило, что создание ЧНК «не означает окончательное решение, а лишь этап на пути к решению более важному, которое станет возможным после преодоления имеющихся трудностей»⁵². Подразумевалось создание временного правительства. 13 ноября Осуский, как глава чехословацкого полпредства во Франции, т. е. официальное лицо, направил Э. Даладьё письмо о создании ЧНК и его персональном составе. Помимо ранее перечисленных в него в качестве восьмого члена вошел еще словак Ю. Славик. 14 ноября французское правительство официально признало ЧНК. В тот же день Бенеш уведомил письмом об этом Галифакса. А 17 ноября ЧНК издал приказ о всеобщей мобилизации находящихся за рубежом чехословацких граждан, подлежащих воинской повинности. Приказ

был подписан всеми восемью членами комитета в алфавитном порядке, поэтому первым значился Бенеш. Осуски держал себя по отношению к Бенешу отстраненно, в заседаниях ЧНК участвовал лишь изредка. В чехословацкой эмиграции начала формироваться оппозиция Бенешу, как руководителю зарубежного Спротивления. В ноябре 1939 г. М. Годжа создал в Париже Словацкий национальный совет, и вынашивал идею Чехо-словацкого национального совета. Ни тот, ни другой не были признаны ЧНК и не развернули широкой деятельности.

В общественном мнении Англии и Франции в это время обозначились явные подвижки в отношении чехословацкого вопроса, свидетельством чего, в частности, являлась статья «Континуитет Чехословацкого государства» во французской газете «Le Temps» от 19 ноября 1939 г. Статья, отражавшая официальное мнение французского министерства иностранных дел (по словам Ш. Осуского, она родилась в недрах ЧНК и была без изменений принята французским МИДом), содержала комплекс юридических аргументов, касавшихся непрерывности существования чехословацкого государства. Кроме того, в еженедельнике «L'Europe Centrale» (1.12.1939 и 10.1.1940) появились статьи за подписями профессоров Кассина (Kassin) и Сцелле (Scelle) по тому же вопросу. Однако вопрос о Мюнхенском соглашении из тактических соображений пока не поднимался, хотя, согласно неофициальной информации, его действительность «следовало категорически отвергнуть а) с чехословацкой точки зрения, поскольку оно никогда не было одобрено чехословацкой стороной и б) с точки зрения международного права, поскольку было грубо нарушено главным контрагентом – Германией, под давлением которой было принято»⁵³. Но даже с падением 23 марта 1940 г. кабинета Э. Даладье и приходом к власти правительства П. Рейно (он стал и министром иностранных дел) официальная позиция по вопросу о Мюнхене не изменились, хотя вопрос о восстановлении чехословацкого государства как будто не подвергался сомнению. Однако Франция до своего поражения в июне 1940 г. так и не согласилась с преобразованием ЧНК во Временное чехословацкое правительство в эмиграции⁵⁴. Незадолго до эвакуации Парижа во французском МИД были сожжены все документы, касавшиеся сентябрьского кризиса 1938 г. и Мюнхенского соглашения⁵⁵.

Официальный Лондон, несмотря на все обещания, не спешил давать согласие на создание Временного правительства и восстановление Чехословакии в домюнхенских границах, хотя 20 декабря 1939 г. Англия признала ЧНК⁵⁶. Началось налаживание чехословацко-польских отношений, тем более что в ФО родилась идея организации

после войны чехословацко-польской конфедерации, поддержанная польским правительством в изгнании. В беседе Бенеша с польским посланником в Лондоне Э. Рачиньским 2 декабря 1939 г. речь шла о ревизии постмюнхенских границ с Германией, Венгрией и Польшей⁵⁷. Но польское правительство медлило с официальным признанием ЧНК, который, в свою очередь, считал преждевременными какие-либо заявления или декларации относительно чехословацко-польских отношений, в том числе и в вопросе о границах⁵⁸.

Также осторожно Бенеш считал нужным вести себя и в отношении Советского Союза, который в конце ноября 1939 г. начал войну против Финляндии. В это время против СССР ополчилась вся Западная Европа, мир захлестнула волна антисоветских настроений. Представитель Финляндии в Лиге Наций 3 декабря потребовал созвать ее заседание для осуждения советских действий. ЧНК оказался перед нелегкой задачей: добиваться участия в заседании или отказаться от этого. Бенеш считал необходимым осмотрительно подойти к принятию решения, чтобы в будущем не оказаться в «неприятной ситуации» в отношении России. Поддержав это мнение, генерал Р. Виест на заседании комитета 7 декабря заявил: «Д-р Бенеш сказал, что заседание (Лиги Наций. – В. М.) выскажется против Советской России, нейтралы будут, скорее всего молчать, а мы окажемся в ситуации только против России»⁵⁹. Принятое единогласно и направленное в Совет Лиги Наций «дипломатическое» решение ЧНК содержало извинения за невозможность по техническим причинам принять участие в заседании. В радиোগрамме на родину 8 декабря Бенеш сообщал: «В Женевском заседании ЛН ЧСР не участвует... Обсуждение на заседании сведется к выступлению против России за ее нападение на Финляндию. По тактическим соображениям мы избираем позицию осторожную и выжидательную»⁶⁰. Таким образом, Бенеш, по сути, остался верен своей политике: осторожность и исключение каких-либо действий, которые могли бы быть истолкованы как враждебные по отношению к СССР.

Не поддался Бенеш и давлению, которое оказывалось на него в связи с развернувшейся на Западе, и особенно во Франции, антисоветской кампанией. Так, министр французского правительства Ж. Мандель в разговоре с Г. Рипкой в феврале 1940 г. заявил: «Я полагаю, что для вас будет самым полезным, если общественность узнает, что на том или ином участке фронта находятся ваши солдаты. Это важнее, чем все остальное. И поскольку сегодня какие-то части поляков участвуют в боях в Финляндии, было бы хорошо, чтобы и вы как можно раньше послали прямо на фронт некоторые свои части»⁶¹. В ЧНК этот вопрос не обсуждался, но в печати появились (и видимо,

немало) заявления с резкой критикой политики СССР и в поддержку Финляндии. Чешский публицист К.Б. Палковский, оказавшийся в это время в Лондоне, просил Бенеша повлиять на прессу в плане ее урезонивания, поскольку в Советском Союзе «мы будем опять когда-нибудь нуждаться. Приватно каждый может восхищаться Финляндией, как хочет. Я ею тоже восхищаюсь и желаю всего наилучшего... но не следует об этом постоянно оповещать мир»⁶².

В это время, казалось, канул в Лету вопрос об общей чехословацко-советской границе. В конце 1939 г. советское правительство в контексте налаживания «дружбы с Германией» прервало все официальные связи с чехословацкими зарубежными органами Сопротивления. Тогда были установлены дипломатические отношения со Словацкой республикой, и прекратило существование чехословацкое полпредство в СССР⁶³. Бенеш был страшно раздосадован случившимся, полагая, что «советско-германская дружба» недолговечна и Фирлингер должен остаться в Москве, хотя бы и на положении частного лица, как ему предлагал НКВД СССР. 10 декабря он писал В. Гурбану в США: «Россия будет еще некоторое время поддерживать Германию. Я не верю, что она, в конце концов, пойдет с Германией, ожидаю скорее обратного»⁶⁴. Именно поэтому Бенеш и ЧНК настоятельно рекомендовали Фирлингеру оставаться в Москве, чего он хотел и сам. Однако телеграмма с этим указанием пришла слишком поздно: 25 декабря экс-посланник отбыл за границу, сначала в Париж, а затем в Лондон. Никаких заявлений ни по поводу Мюнхена, ни по поводу агрессии против Чехословакии тогда Москва не делала, хотя во время неофициальных бесед и контактов давала понять, что она поддерживает идею восстановления Чехословацкой республики. Ликвидация чехословацкого представительства в СССР нанесла чувствительный удар по планам Бенеша, связанным с восстановлением ЧСР, поэтому он расценивал этот шаг советского правительства как «еще одно удручающее событие». 20 января 1940 г. И.М. Майский записал в своем дневнике: «Положение Бенеша довольно затруднительное. До сих пор политика его состояла в том, чтобы балансировать между англо-французами, с одной стороны, и сов[етским] пра[вительством], с другой. Теперь, в связи с признанием Словакии Советским Союзом и лишением Фирлингера его официального положения в Москве, эта задача сильно усложняется. Бенеш боится, что он будет “съеден” Англией и Францией... Поэтому настроение у Бенеша сейчас довольно пессимистическое»⁶⁵.

В то же время в Англии усиливалась тенденция решения чехословацкого вопроса в желательном для Бенеша направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Сезимово Усти уже после отставки Бенеш провел не одно камерное совещание со своими единомышленниками, обсуждая виды на будущее и возможности борьбы за восстановление поправной в Мюнхене справедливости.

² Я. Масарик после Мюнхена оставил пост чехословацкого посланника и проживал в Лондоне на положении частного лица.

³ Б. Бенеш являлся сотрудником разведывательного отдела МИД ЧСР. В арендованной им вилле в Лондоне и поселился Э. Бенеш по прибытии в Англию.

⁴ Цит. по: *Křen J. Do emigrace. Buržoazní zahraniční odboj. 1938–1939. Praha, 1963. S. 301.*

⁵ Цит. по: *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, Praha, 2002. S. 157.* Рипка, кстати, был одним из самых яростных критиков капитулянтской позиции Бенеша в период Мюнхена. Прихвативший с собой при выезде за рубеж «чемодан документов», Рипка в начале 1939 г. опубликовал в Англии первую серьезную, по мнению Я. Кржена, книгу о Мюнхене с очень резкими оценками политики Бенеша, от которых, правда, он позже отказался (*Křen J. Do emigrace. S. 260–261*).

⁶ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 157.*

⁷ Под «маразмом» Бенеш понимал то, что случилось в Мюнхене и вообще политику «умиротворения» агрессора.

⁸ *Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996. Dok. 1. S. 18–19.*

⁹ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 160–161.*

¹⁰ *Křen J. Do emigrace. S. 303.*

¹¹ *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 161.*

¹² *Beneš E. Paměti. Od Mnichova k nové válce a k novému vítězství. Praha, 1948. S. 95.*

¹³ О книге и идеях Бенеша см.: Э. Бенеш. Демократия сегодня и завтра // Вопросы истории. 1993. № 1, 3. (Перевод с чешского ряда глав книги, предисловие и комментарии В. Марьиной.)

¹⁴ *Beneš E. Paměti. S. 97.*

¹⁵ В письме Г. Рипке от 21 марта Бенеш писал: «Чехословацкая республика – это первое чехословацкое единство. Не спорить о том, чехо-словацкое или чехословацкое, не спорить о [терминах] чехословаки, чехо-словаки или чехи и словаки, пусть каждый говорит так, как хочет. Все это прояснится позднее, и мы не хотим предвосхищать дела, касающиеся внутренней организации. Но лишний раз этим никого не раздражать, просто продолжать дело, и, если придет успех, то вопрос должны будут окончательно

но решать сами чехи словаки на родине» (Od rozpadu Česko-Slovenská do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940. Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2002. Dok. 8. S. 62).

¹⁶ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 23. П. 36. Д. 3. Л. 21, 32.

¹⁷ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 1. S. 51.

¹⁸ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 23. П. 36. Д. 3. Л. 19.

¹⁹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 3. М., 1978. Док. 442. С. 607–608.

²⁰ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007. С. 61–64.

²¹ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 22. S. 83–84.

²² *Křen Jan.* Do emigrace. S. 444–448.

²³ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 8. S. 62.

²⁴ Ibid. Dok. 25. S. 90.

²⁵ Ibid. Dok. 23 (на английском языке). S. 84–87; *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 167–168.

²⁶ Ibid. Dok. 39. S. 116.

²⁷ См.: *Zeman Z.* Edvard Beneš. S. 163–164.

²⁸ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130. Д. 1. Л. 77.

²⁹ ČSVDJ. Dokumenty. Díl 1. Praha, 1998. Dok. 12. S. 57–60 (на английском языке).

³⁰ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. Dok. 2. S. 22.

³¹ Цит. по: *Křen J.* V emigraci. Zapadní zahraniční odboj. 1939–1940. Praha, 1969. S. 502.

³² Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. Dok. 2. S. 22.

³³ *Beneš E.* Demokracie dnes a zítra. Londýn (1942). Sv. 1. S. 64.

³⁴ Осенью 1938 г. У. Черчилль и его сторонники выдвинули «Бенеша и чехословацкий народ» на Нобелевскую премию, однако это предложение не встретило поддержки.

³⁵ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 61. S. 164–165.

³⁶ Ibid. Dok. 67. S. 173–175.

³⁷ Ibid. Dok. 63. S. 169.

³⁸ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос ... С. 136–147; *она же.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003. С. 19–22.

³⁹ ČSVDJ, 1. Dok. 20. S. 75.

⁴⁰ *Křen J.* V emigraci. S. 49.

⁴¹ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 109. S. 239.

⁴² *Edvard Beneš.* Vzkazy do vlasti. Dok. 3. S. 26–27.

⁴³ *Křen J.* Do emigrace. S. 555.

⁴⁴ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. Dok. 4. S. 29.

⁴⁵ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 103. S. 229–230 (примеч. 1); Dok. 105. S. 232–234; Dok. 107. S. 236–237.

⁴⁶ *Иван Михайлович Майский*. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. В 2 кн. Кн. 2. В 2 ч. Ч. 1. М., 2009. С. 20–21.

⁴⁷ *Иван Михайлович Майский*. Дневник дипломата. С. 29, 57.

⁴⁸ *Křen J.* V emigraci. S. 46–47.

⁴⁹ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 110. S. 241–245.

⁵⁰ Ibid. Dok. 128. S. 270.

⁵¹ Ibid. Dok. 128. S. 272. Осуский возглавил Управление иностранных дел ЧНК, а в 1940–1942 гг. являлся государственным министром эмигрантского чехословацкого правительства.

⁵² Ibid. Dok. 140, 141. S. 299–301, 301–305.

⁵³ Ibid. Dok. 151. S. 316–319.

⁵⁴ Ibid. Dok. 228. S. 466.

⁵⁵ Ibid. Dok. 255. S. 533.

⁵⁶ Ibid. Dok. 162, 163. S. 337–338.

⁵⁷ Ibid. Dok. 153. S. 324–325.

⁵⁸ Ibid. Dok. 173. S. 348–349.

⁵⁹ Цит. по: *Němeček J.* Československý zahraniční odboj a sovětsko-finská válka 1939–1940 // *Moderní dějiny. Sborník k dějinám 19. a 20. století.* 3. Praha, 1995. S. 146.

⁶⁰ Edvard Beneš. Vzkazy do vlasti. Dok. 12. S. 42.

⁶¹ *Němeček J.* Československý zahraniční odboj... S. 149.

⁶² *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Díl 1. Praha, 1947. S. 305–308.

⁶³ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 48–61, 292–328.

⁶⁴ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 155. S. 328.

⁶⁵ АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 21; *Иван Михайлович Майский*. Дневник дипломата. С. 107.

СОЗДАНИЕ И НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВРЕМЕННОГО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЭМИГРАЦИИ

В начале 1940 г. неофициальное согласие с позицией Бенеша относительно восстановления Чехословакии в домюнхенских границах высказал английский МИД (Форин Офис). Как писал Бенеш В. Гурбану 5-6 февраля, в Англии «мне уже официальные лица неофициально заявили о необходимости ревизии венгерских границ и возвращении Судет. Лондон решительно против самостоятельной Словакии...». Кроме того, ФО опять же в неофициальном порядке одобрительно отозвался о лекции Бенеша в Королевском обществе 22 января 1940 г.¹, в которой речь шла о планах на будущее и акцентировались следующие моменты: единое чехословацкое государство, ревизия границ с Венгрией («русины решат сами, что захотят»), возврат Судетской области с небольшой корректировкой границ, принципиальное согласие с идеей федерации, «однако заранее хотим знать, с кем и как»². Что касается вопроса, с кем, то ответ на него дал французский посланник при польском эмигрантском правительстве Л. Ноель 8 марта 1940 г.: с Польшей, нынешнее руководство которой готово к переговорам о федерации с новой Чехословакией³. Но Бенеш не собирался начинать никаких переговоров, пока статус ЧНК не будет равен статусу польского эмигрантского правительства.

После своей неудачной поездки в Париж Бенеш решил перенести центр зарубежного чехословацкого Сопротивления в Лондон. Здесь общественность, не без усилий правительственной оппозиции, постепенно утверждалась во мнении, что его главой является Бенеш, имя которого было хорошо известно за границей. Немаловажное значение имел тот факт, что чешское внутреннее Сопротивление тоже признавало его своим главой. Серьезную роль играла и поддержка Бенеша находившимся в Лондоне начальником чехословацкой разведывательной службы полковником Ф. Моравецем: он с группой офицеров вылетел из Праги в последнюю минуту перед ее оккупа-

цией 15 марта 1939 г., прихватив с собой значительное количество секретной разведывательной информации. Эти сведения, а также контакты чехословацкой разведки в Центральной и Восточной Европе англичане высоко ценили. Кроме того, они предпочитали вести переговоры с одной институцией или одним лицом, способным навести порядок в движении Сопrotивления. 7 марта Бенеш по случаю 90-летия со дня рождения Т.Г. Масарика был приглашен в Оксфорд для получения здесь шестнадцатого по счету почетного академического звания. Несмотря на то, что чешские студенты-коммунисты и их английские товарищи встретили экс-президента грубыми нападками, называя империалистическим агентом и поджигателем войны, официально Бенеш приветствовался как продолжатель дела Масарика и борец за восстановление Чехословацкого государства, за что и получил звание почетного доктора. Бенеш выступил с почти двухчасовой ответной речью, в которой заветы Масарика связывались с современностью⁴.

Однако чехословацкие проблемы оставались все еще за пределами внимания английского правительства. Форин Офис не был уверен ни в реальности планов Бенеша, ни в его авторитете в Чехии и Моравии, а особенно в Словакии. Более того, юридические эксперты министерства склонялись к мнению, что Чехословакия в 1939 г. распалась и таким образом исчезла с карты Европы; Мюнхенское соглашение, с их точки зрения, имело обязательный международный характер, несмотря на то, что немецкая оккупация чешских земель в марте 1939 г. нарушила не только соглашение, но и вообще международное право. Как хорошо знал Бенеш, этот взгляд имел в Британии влиятельных сторонников. Он встретился в Лондоне и с представлениями, что в случае подписания мира с Германией «с целью предотвратить русскую угрозу» будут сохранены и территориальные изменения в Центральной Европе, в том числе включение в состав Германии Протектората Богемия и Моравия и существование самостоятельного Словацкого государства⁵.

И все же лед тронулся. Годовщина расчленения Чехо-Словакии и оккупации Чешских земель гитлеровцами была отмечена в Англии кратким выступлением Э. Галифакса в чехословацкой редакции Би-Би-Си с обращением к чешскому народу. В нем говорилось о решимости вернуть свободу чешскому народу и исправить в новой Европе причиненное ему зло⁶. Последовавшая за этим речь Бенеша также содействовала укреплению его позиций как главы чехословацкого зарубежного Сопrotивления. 26 апреля 1940 г. состоялась встреча Бенеша с госсекретарем британского МИД А. Кадоганом. 5 мая

он сообщил об этой беседе своим сторонникам в Париже, прося сохранить информацию в тайне: «26 апреля у меня состоялся первый разговор с Кадоганом относительно создания и признания чехословацкого правительства... Кадоган был готов к разговору и дал мне немедленно предварительный и неофициальный ответ». Он «признал большинство моих доводов справедливыми. Далее он по моей просьбе заявил, что против признания правительства сегодня уже не существует никаких правовых доводов, что это – чисто политический вопрос и вопрос времени. В конце мы договорились, что переговоры в ближайшее время будут продолжены. Он отметил, что отсутствие единства между нами, хотя и не является принципиальным препятствием, вредит нам...»⁷.

После встречи Бенеш направил Кадогану обширный меморандум, в котором обосновывал необходимость создания и признания союзниками временного чехословацкого правительства в Лондоне, подчеркнув, что это «стало необходимым не только в интересах Чехословакии, но и союзников». Бенеш описал трагическое положение населения протектората, отметив, что народ пребывает в «состоянии латентной революции». Все чехи и большинство словаков, как он писал, безоговорочно поддерживают Чехословацкий национальный комитет и его, Бенеша, как полностью признанного в стране руководителя чехословацкого сопротивления; режим Тисо, по его мнению, поддерживает не более десятой части словаков. Среди политической эмиграции на Западе, значилось в меморандуме, также господствует полное единство в отношении главной цели, то есть восстановления Чехословацкого государства, а среди чехов – и во всех остальных вопросах, в то время как в ряды словаков, представителей народа, «политически недостаточно подготовленного и зрелого», проникают противоречивые взгляды из домашней среды. Полному единству Сопротивления способствовало бы признание «центрального авторитетного органа» союзниками.

Далее Бенеш обратил внимание британского министерства иностранных дел на то, что в эмиграции находятся около сорока чехословацких министров, депутатов, сенаторов, высших чиновников, а также других общественных и политических деятелей, число которых растет. Он подчеркнул, что постоянно функционирует примерно двадцать полпредств, консульств и различных дипломатических представительств, вокруг которых возникают новые органы, пропагандистские центры и агентства в целях сплочения соотечественников. Для руководства столь обширной администрацией уже недостаточно комитета, а необходимо правительство. Говорилось и о

финансировании заграничного Сопротивления, которое происходит пока только из частных источников, что явно недостаточно. При этом Чехословакия, отмечалось в меморандуме, имеет в Британии большие замороженные активы, которые могли бы служить гарантией займов заграничного правительства.

Далее Бенеш писал, что трагическая судьба Чехословакии дала возможность Германии овладеть Центральной Европой. Она смогла осуществлять нажим не только на Польшу, но и на Венгрию, Югославию и Румынию. Доверие этих государств к союзникам и ныне зависит от их отношения «к чехословацкому вопросу». В числе доводов международного плана значилось и неравноправное положение чехословацкой и польской эмиграции: польское эмигрантское правительство было создано уже в начале октября 1939 г. и сразу признано Англией и Францией. Поскольку уже в момент направления меморандума с подачи Англии ставился вопрос о желательности начала польско-чехословацких переговоров относительно создания после войны конфедерации, Бенеш подчеркивал, что при существующем положении дел «не только нельзя вести никаких переговоров», но чем дальше, тем больше находящиеся в эмиграции «чехословаки» и поляки отдаляются друг от друга. Всякое подчеркивание польской политической и дипломатической позиции после происшедшего в период Мюнхена, полагал Бенеш, ощущается чехословацкими гражданами и на родине, и в эмиграции как «дальнейшее унижение, как продление мучений, как усиление несправедливости». В меморандуме отмечалось, что создание временного правительства вовсе не означает немедленного обязательства (commitment) решить те или иные важные вопросы, в частности, вопрос о границах. Откладывание создания «будет лишь далее осложнять наши отношения с некоторыми народами Центральной Европы, особенно с Польшей, а в недалеком будущем, возможно, и с другими», – говорилось в документе. Бенеш привел и ряд других аргументов относительно необходимости признания заграничного правительства, хотя бы и временного. В частности, он утверждал, что неясное положение чехословацкого эмигрантского руководства в Центральной Европе открывает двери пропаганде Москвы, стремящейся к послевоенным революционным переменам⁸. Аргументы были достаточно весомы и положили начало переговорам Англии о признании Временного чехословацкого правительства в эмиграции. Одновременно с этим английский МИД получил меморандум с просьбой разрешить в Англии мобилизацию чехословацких граждан в армию, а также проект функционирования Чехословацкого национального совета, как органа, замещающего и

символизирующего парламент⁹. В упомянутом сообщении в Париж 5 мая Бенеш писал, что, по его сведениям, меморандум произвел на МИД хорошее впечатление и что ФО должен теперь вести об этом переговоры с Францией.

Однако Бенеш вовсе не надеялся на то, что теперь дело с признанием правительства пойдет быстрее. В послании на родину 1 мая он писал, что не рассчитывает «на особенно быстрое окончание начатых переговоров». Среди причин этого, в частности, называлось и «проклятие Мюнхена»: «Различные деятели, ответственные за Мюнхен и все еще находящиеся у правительственного руля, не могут забыть нанесенное нам оскорбление. И чем это становится очевиднее, тем более осложняется ситуация»¹⁰. Во Франции, в частности, Э. Даладье, ушедший с поста премьера, в правительстве П. Рейно занимал кресло министра иностранных дел. Его отношение к Бенешу и созданию чехословацкого правительства оставалось негативным.

10 мая, в день немецкого нападения на Голландию, Бельгию и Люксембург, возглавляемое Н. Чемберленом правительство «мюнхенцев» подало в отставку. Пост премьера получил У. Черчилль, Чемберлен стал его заместителем (до октября 1940 г.), а министром иностранных дел остался Э. Галифакс, которого вскоре сменил ранее занимавший кресло военного министра А. Иден. Бенеш был несказанно рад этим переменам и телеграммой от 11 мая от души поздравил Черчилля с назначением главой кабинета министров¹¹. «Новое правительство в Англии – это почти настоящая революция, – писал он 12 мая чехословацкому послу в Вашингтоне В. Гурбану. – Все значимые посты – в руках антимюнхенцев, падение Чемберлена окончательно, и возвращение к прежнему положению невозможно»¹². В посланиях на родину 13 мая Бенеш сообщал, что правительство Черчилля имеет совершенно определенный антимюнхенский характер и что в контексте происшедших событий вопрос о создании чехословацкого правительства вскоре станет актуальным¹³.

Но чехословацкая проблематика по-прежнему оставалась на периферии внимания английской политики: дела на Западном фронте шли плохо, союзники терпели одно поражение за другим, началась эвакуация Парижа (он пал 14 июня), в том числе сотрудников ЧНК, чехословацкого полпредства и консульства, а также переправка в Англию чехословацких воинских частей, сформированных и действовавших на территории Франции. 22 июня она капитулировала. Переговоры о создании и признании временного чехословацкого правительства шли вяло. В этой ситуации Бенешу очень важно было, чтобы чешская администрация протектората и президент

Э. Гаха не делали опрометчивых шагов¹⁴, могущих осложнить деятельность зарубежного чехословацкого Сопrotивления. В послании на родину 7 июня Бенеш сообщал, что влияние мюнхенцев в Англии сведено почти на нет, что переговоры о создании правительства идут успешно, и что, если это произойдет, будет признано не только правительство, но и «президент государства, как и у поляков». «До сих пор я не публично, не в частных разговорах никогда не высказывался против правительства или президента (Гахи. – В. М.), – говорилось в радиотелеграмме. – Наоборот, я постоянно их защищал». Но, предупреждал Бенеш, если ситуация изменится, он вынужден будет критиковать пражское правительство открыто, чего бы ему хотелось избежать в интересах сохранения единства народа: «Я не хочу, чтобы в глазах народа одни выглядели, как патриоты, а другие, хотя и действовавшие под нажимом и временно в интересах народа, как карьеристы и отступники или даже предатели». Бенеш советовал не уступать немцам, не поддаваться их требованиям и сдавать позиции только после упорной борьбы¹⁵.

Несмотря на сложную ситуацию, Бенеш настойчиво добивался поставленной цели. 12 июня, в день объявления Италией войны Англии и Франции, ЧНК направил премьерам этих стран, У. Черчиллю и П. Рейно, телеграмму, в которой заверял, что чехословацкий народ вместе с «великими западными демократиями всеми оставшимися у него силами будет содействовать общей победе права и справедливости»¹⁶. Участие пока еще виртуального чехословацкого государства в войне, по представлениям Бенеша, должно было облегчить реализацию намеченных им планов. 9 июля он направил Галифаксу письмо, в котором содержались сведения о структуре временного чехословацкого государственного устройства в эмиграции, а именно: президент, правительство, государственный совет, как консультационный и контролирующий орган, нечто вроде парламента. Сохранение в Лондоне чехословацкого полпредства трактовалось как поддержка английским правительством политической и правовой преемственности Чехословацкой республики. В ответном письме Галифакса от 18 июля говорилось о намерении английского правительства признать временное чехословацкое правительство, но с оговоркой, что Англия не берет на себя обязательство признавать или поддерживать установление каких-либо будущих границ в Центральной Европе. Бенеш в послании на родину 20 июля трактовал это по-своему: «буквально это означает, что мюнхенские границы не существуют»¹⁷. В письме Галифакса указывалось также, что реакция английского правительства на 15 марта 1939 г. не означает, что оно

заняло окончательную позицию в вопросе правового континуитета Чехословацкой республики. 21 июля последовало письмо Галифакса о согласии Великобритании с восстановлением Чехословацкого государства после войны и признании ею структуры временного чехословацкого государственного устройства в составе президента (Бенеш), правительства (во главе с Я. Шрамеком) и Государственного совета (во главе с П. Максой). Однако о прямом признании недействительности Мюнхенского соглашения речь не шла¹⁸. Глава английского МИД, активный «мюнхенец» лорд Галифакс абсолютно не готов был к такому шагу, как и значительная часть сотрудников его ведомства.

Надо сказать, что концепция континуитета ЧСР по мере ее развития претерпевала изменения и уточнялась. К моменту начала функционирования временного чехословацкого правительства в эмиграции она имела три составляющие: признание незаконности с точки зрения международного права Мюнхенского соглашения и, следовательно, его недействительности с самого начала; признание того факта, что Бенеш вынужденно, под давлением силы отказался от поста президента Чехословакии и, следовательно, по-прежнему является ее законным президентом; наконец, признание того, что война для ЧСР началась с расчленения страны в марте 1939 г., предтечей которой были мюнхенские договоренности. В радиообращении к чехословацкому народу 23 июля 1940 г. Бенеш выступал уже как признанный президент. Таким образом, на тот момент чешский и словацкий народы имели, по сути, трех легитимных с разных точек зрения президентов: Э. Бенеш в эмиграции, Э. Гаха в Протекторате Богемия и Моравия, Й. Тисо в Словакии. Англичане подкрепили свое признание тем, что 15 августа Бенеш был приглашен на обед к премьеру, а затем к королю. После признания Англией Временного чехословацкого правительства Бенеш подписывался под документами уже только как президент.

Но тем не менее англичане не спешили отзываться свои подписи под Мюнхенским соглашением. У Черчилль в радиообращении к чехословацкому народу по случаю второй годовщины Мюнхена 30 сентября 1940 г. говорил о трагической жертве, принесенной им (народом) в интересах европейского мира, о том, что битва за Великобританию является также битвой за Чехословакию («мы сделали восстановление чехословацкой свободы одной из своих главных военных целей»). Премьер заявил, что Мюнхенское соглашение «мертво», что оно было уничтожено немцами¹⁹. Поскольку возникли разные толкования смысла этого заявления, его суть была формально сообщена и разъяснена Бенешу английской нотой от 11 ноября 1940 г., что,

видимо, дало ему повод, выступая с речью по случаю начала работы Госсовета 11 декабря 1940 г., говорить о признании английским правительством Мюнхенского соглашения несуществующим²⁰. Однако в английском заявлении крылась тонкость: оно объявлялось несуществующим не потому, что англичане признавали ошибочность своей подписи под соглашением и отрекались от него, а потому, что оно было уничтожено Гитлером в марте 1939 г. Это было сродни английскому заявлению по поводу расчленения Чехословакии: в нем содержался протест не против самого акта агрессии, а против нарушения мюнхенских договоренностей. Все эти нюансы и тонкости английской политики не мог не понимать Бенеш, но предпочитал в той конкретной ситуации не акцентировать на них внимание. В той же речи 11 декабря он говорил: «Принцип [континуитета] является первой статьей всей нашей освободительной программы». В конце 1940 г. президент в изгнании решил, основываясь на документах личного архива, написать и издать историю сентябрьских событий 1938 г. О позиции англичан и французов тогда Бенеш, согласно записи Я. Смутного, говорил: «Когда человек во всем этом снова копается, ужасно сознавать, как нас предавали на каждом шагу. Ни одного обещания не выполнили, уже на второй день ничего не помнили о том, что подписали. Изю всей этой истории мы, весь народ, выйдем с чистым щитом... Теперь я постоянно буду указывать людям, как нас предавали и что такое Мюнхен»²¹.

В первой половине 1941 г. Бенеш еще не раз возвращался к проблемам Мюнхена, правового континуитета ЧСР и ее границ. В частности, речь об этом заходила при обсуждении с англичанами вопроса о возврате Чехословакии Судетской области и в связи с этим о выселении с этой территории судетских немцев. Поскольку в это время уже велись чехословацко-польские переговоры о создании после войны федерации, вопрос о будущих границах был поставлен Бенешем в письме польскому премьеру В. Сикорскому 25 февраля 1941 г. Поляки, как говорилось ранее, Мюнхенское соглашение не подписывали, но воспользовались ситуацией, чтобы оторвать от Чехословакии Тешинскую Силезию (Тешин). В письме Бенеша подчеркивалось, что «чехословацкое правительство просто-напросто настаивает на тех границах, которые [ЧСР] имела до сентября 1938 г.», что для него «Мюнхен со всеми его последствиями просто не существует». Однако президент полагал, что «формулировать сегодня свою окончательную и твердую точку зрения на вопрос о границах во всех подробностях преждевременно и, так сказать, невозможно. Этот вопрос зависит от результатов войны, а также от нынешних и будущих действий

отдельных народов и правительств, ведущих войну»²². В начальный период переговоров о создании после войны чехословацко-польской конфедерации вопрос о Тешине практически не поднимался.

Что касается самой идеи создания в послевоенной Европе федеративных объединений или конфедераций, то она тогда активно обсуждалась западноевропейскими политиками и публицистами. Я. Смутны сообщал об этом на родину 28 августа 1939 г.: «Ко всем этим планам мы относимся в принципе положительно, но лишь при условии, что наша независимость будет абсолютно такой же, как независимость других государств, и что в любую федерацию мы вступаем лишь по доброй воле и на условиях, аналогичных со всеми другими европейскими государствами»²³. Горячим приверженцем федеративной идеи являлся Г. Рипка. Бенеш в принципе тоже склонялся к ее поддержке. Не отвергал он и возможность создания после войны чехословацко-польской конфедерации (ЧПК), мысль о которой родилась в недрах английского МИД и активно поддерживалась поляками. В беседе с Рипкой Бенеш так изложил свою позицию по этому вопросу: «Для меня приемлем определенный вид федерализации. Из тактических соображений мы пока сами не говорим о том, что хотим и с кем хотели бы создать федерацию. Подождем, пока нам скажут французы и англичане о том, что они хотят и как далеко намерены идти. Сам я считаю, что надо начинать с экономических, а не с политических вопросов. Я – за таможенную унию, но с различными пошлинами для отдельных государств с тем, чтобы не был нанесен немедленный ущерб чехословацкому сельскому хозяйству или же промышленности другого государства. Я – за валютную унию в форме латинской унии с сохранением самостоятельных национальных банков, которые будут сотрудничать друг с другом и совместно создавать предпосылки и основу общей финансовой политики. С политической точки зрения я – за союзные военные договоры, предусматривающие самостоятельные национальные армии и общий генеральный штаб, который состоял бы из представителей национальных штабов и т. д. Это был бы определенный вид союза государств (Staatenbund), а не государственный союз (Bundesstaat)»²⁴. По сути, здесь был начертан тренд переговоров с польским правительством о будущей конфедерации, которого чехословацкая сторона придерживалась в их ходе. Польское правительство изъявляло желание начать такие переговоры. Они были начаты летом 1940 г. и активизировались с созданием Временного чехословацкого правительства.

Конфедеративное устройство территорий, непосредственно прилегавших к СССР, представлялось Форин Офис определенным шагом

к укреплению английского влияния в восточноевропейском регионе и продолжением политики «санитарного кордона» в отношении Советского Союза. Начавшиеся чехословацко-польские переговоры о форме послевоенного государственного объединения касались конкретных вопросов такого союза в политической, экономической, культурной и т.д. областях. Идея конфедерации сопрягалась и с представлениями Э. Бенеша о послевоенной организации Европы, которая должна была базироваться на равновесии более крупных государственных образований, «достаточно сильных территориально, политически и экономически»²⁵.

Поляки, тоже считавшие основой послевоенной Европы более крупные политические блоки, полагали, что польско-чехословацкая федерация (поляки употребляли именно этот термин) в будущем может расшириться за счет присоединения к ней Литвы на севере, Венгрии, Румынии и даже Греции и Турции на юге. Бенеш предпочитал более осторожное название проектируемого союза: «конфедерация *sui generis*». Разъясняя позже суть выражения, он писал: «Речь идет не о каком-то “утвердившимся понятии государственно-правового союза”, а о подготовке нового союза, формы которого могли бы быть найдены только в ходе практики, в зависимости от наших потребностей и новых послевоенных отношений»²⁶. Предполагались более свободные отношения между субъектами союза, то есть, как уже говорилось, в форме «*Staatenbund*» (Союз государств), а не «*Bundesstaat*» (Союзное государство). Сомнения президента вызывало и то, что, если он видел союзницей Польши в будущем Чехословакию (и даже – не Чехо-Словакию) как целое, то в польских правительственных кругах поговаривали и о возможности создания трипарититного польско-словацко-чешского объединения. Но возникшее сразу ключевое противоречие касалось отношения к СССР. Если Бенеш полагал невозможным создание чехословацко-польской конфедерации без положительного отношения к этому Советского Союза²⁷, а его формула внешнеполитической ориентации Чехословакии выглядела как «50% на Запад, 50% на Восток», то польское эмигрантское правительство считало до 22 июня 1941 г., что Польша находится в состоянии войны со своим восточным соседом, который должен возратить ей все территории, потерянные в 1939 г. Англия, а до своего падения и Франция, принимали это пока молча к сведению, а Бенеш уже при первых контактах с поляками на предмет конфедерации подчеркивал, что в их спор с Москвой о границах чехословацкая сторона вмешиваться не будет. Президент считал, что шансов на восстановление польско-советских границ, существовавших

на 1 сентября 1939 г., нет, что надо реально смотреть на вещи и согласиться на установление границы по этническому принципу, т.е. на так называемую «линию Керзона», как, впрочем, считали уже тогда и англичане. Кроме того, по-разному чехословацкая и польская стороны смотрели на вопрос о Тешинской области и так называемой Яворине (на севере Словакии), отторгнутых от Чехословакии и перешедших к Польше после Мюнхена²⁸. Поляки бескомпромиссно настаивали на сохранении польских границ, существовавших на 1 сентября 1939 г., а Бенеш на домюнхенских границах Чехословакии. Все это накладывало негативный отпечаток на ход переговоров о чехословацко-польской конфедерации и тормозило их. Тем не менее 1 ноября Бенеш направил Сикорскому меморандум с изложением своего плана создания конфедерации, а 11 ноября 1940 г. польское и временное чехословацкое правительства выступили с официальным торжественным заявлением по этому поводу. В нем говорилось, что Польша и Чехословакия, как независимые, суверенные государства, решили после войны создать политически и экономически более тесное объединение, которое могло бы стать основой нового порядка в Центральной Европе и гарантией ее стабильности. Оба правительства выражали надежду, что к их сотрудничеству, не дожидаясь окончания войны, присоединятся и другие страны этой части европейского континента. Характер и форма будущего объединения в заявлении никак не определялись²⁹. В сообщении о декларации, направленной Я. Масариком в чехословацкое полпредство в США 15 ноября декларация оценивалась как «основа для налаживания отношений в Центральной Европе», как «предварительный набросок, в соответствии с которым оба правительства должны изучить возможности и объем будущего сотрудничества». «Об отношении к России, – писал Масарик, – мы говорим с поляками откровенно. Вся эта акция ни в чем не должна быть антирусской. Наш общий враг – Германия, и Польша не может желать, чтобы сохранилось положение, при котором она должна обороняться против обоих своих соседей. Поэтому мы хотим подготовить для нее почву [добро]соседского сосуществования с Россией»³⁰. В справке о ЧПК, подготовленной в сентябре 1942 г. IV европейским отделом НКВД, декларация оценивалась, как имеющая «весьма общий и расплывчатый характер». Отмечалось, что на совместном заседании польского и чехословацкого правительств по вопросу о конфедерации присутствовали представители английского правительства – заместитель министра иностранных дел Батлер и министр экономической войны Дальтон. После опубликования декларации начали действовать смешанные польско-чехословацкие

комиссии: три по текущим вопросам (внешнеполитическим, информационным и военным) и пять по вопросам будущего сотрудничества (политико-правовым, финансово-экономическим, военным, социально-политическим и культурно-политическим). В январе 1941 г. был образован так называемый координационный комитет, в задачу которого входила координация работы всех смешанных комиссий. В упомянутой справке НКВД отмечалась малая активность всех комиссий, за исключением внешнеполитической, и координационного комитета³¹. Документы, касающиеся деятельности комиссий, их планов, заседаний, переписки о переговорах велись преимущественно на французском языке³².

Москва, естественно, знала о проекте конфедерации³³, но пока не выражала своего отношения к нему, хотя не могла не подозревать, что планируемому объединению может быть отведена роль антисоветского «санитарного кордона», долженствующего воспрепятствовать проникновению большевизма на Запад. Бенеш, реально мыслящий политик, понимал эти опасения, но, исходя из своего видения чехословацкого внешнеполитического курса, государственно-политической структуры послевоенной Европы и надеясь на достижение взаимопонимания между СССР и Польшей в будущем, в том числе, и при своем посредничестве, пока не разделял их.

Но и советско-чехословацкие отношения после ликвидации в Москве чехословацкого полпредства и официального признания Словакии со стороны СССР складывались не лучшим образом. На дипломатическом уровне они были прерваны, но личные каналы продолжали существовать, и именно по ним обсуждались различные конкретные вопросы взаимоотношений, касавшиеся настоящего и будущего. Например, Фирлинегер, конечно, не без ведома Бенеша, а, возможно, по его поручению, встречался неоднократно с Майским; поддерживались контакты и с другими представителями советского посольства в Лондоне. Нужно заметить, что, как следует из вышеизложенного, Бенеш предпочитал не делать «резких движений» в отношении Москвы, считая, что СССР раньше или позже начнет войну с Германией и окажется в антигитлеровском лагере. Хотя он не намеревался отступать от выработанной им после Мюнхена формулы чехословацкой внешней политики «50% – на Запад, 50% – на Восток», но конкретные шаги в отношениях с «советами» предпочитал делать, оглядываясь на Англию (ведь он являлся гостем этой страны) и ее позицию в данном вопросе. Ни Майский, ни другие советские дипломаты не делали попыток установить связи с Бенешем и чехословацким временным правительством, инициатива всегда

исходила от чехословацкой стороны и, надо сказать, не отвергалась московскими представителями.

После падения Франции в оккупированной стране росли прорусские, а у части население и просоветские, настроения³⁴, что не могло не сказаться на позиции эмигрантских кругов на Западе. Возродилась надежда на улучшение отношений с Советским Союзом. Близкий к Бенешу социал-демократ Б. Эчер, опубликовавший в 1940 г. на французском языке книгу «Чехословацкая проблема (информация, анализ, заключение)», переведенную для служебного пользования в СССР, характеризовал позицию Бенеша по отношению к Советскому Союзу как «всегда положительную» и отмечал: «В октябре 1939 г. во время свидания с ним, отвечая на мой прямой вопрос, он сказал: придет момент, когда СССР объявит свою благоприятную позицию в вопросе восстановления нашей республики. Этот тезис он повторил недавно по случаю образования чехословацкого правительства в Лондоне и его признания Британским правительством»³⁵. И все же отношение президента в это время к Москве не было ни простым, ни однозначно положительным, а наоборот – сложным и противоречивым, отмеченным постоянными колебаниями и маневрированием, что определялось многими факторами как международного, так и внутреннего порядка. Подъем русофильских настроений в стране, ожидание помощи со стороны великой славянской державы основывались тогда лишь на желании и надежде получить такую помощь: ведь Советский Союз пока не давал повода для вывода о возможности изменения своей внешнеполитической линии, по-прежнему нацеленной на союз с Германией и нейтралитет в войне.

Но все же надежды на восстановление отношений с Россией, пусть даже и неофициальных, не оставляли Бенеша. 4 апреля 1940 г. И.М. Майский принял бывшего чехословацкого военного атташе в Лондоне подполковника Я. Каллу, который, помимо прочего, пытался выяснить вопрос о возможности неофициального пребывания в Москве чехословацкого дипломатического представителя под видом журналиста, коммерсанта и пр. Калла обосновал свое предложение тем, что «отношение чехов к России не изменилось». Майский обещал передать эти предложения в Москву, а о ее политике, согласно записи беседы Каллой, заявил: «Неправда, что мы имеем договор с Германией. У нас руки не связаны, и мы не хотим их связывать в будущем. Мы не хотим быть втянутыми в войну и стали бы союзниками Германии лишь в том случае, если бы Англия и Франция напали на нас»³⁶. Рипка, по некоторым сведениям, 13 апреля 1940 г. сообщал о наказе, полученном якобы неофициально от советской стороны

для передачи Бенешу: «...советское правительство продолжает поддерживать программу восстановления Чехословакии... приблизительно в исторических границах. Мы не должны дать себя обмануть агитацией Коминтерна»³⁷. После падения Франции И.М. Майский, согласно записи в дневнике от 28 июня 1940 г., так характеризовал настроения в чехословацкой эмиграции: «Они сейчас совершенно потеряли веру в союзников. Если раньше Бенеш, как он объяснял мне, хотел балансировать между союзниками на Западе и СССР на Востоке, то теперь чехословаки все больше жмутся к СССР и видят в нем свое единственное спасение. Они теперь готовы сказать: "Пусть будет советская ЧС, но ЧС!"»³⁸.

Бенеш стал предпринимать конкретные шаги к налаживанию чехословацко-советских отношений. В начале сентября он пригласил к себе корреспондента ТАСС в Англии Александра Ротштейна и просил его выяснить ряд связанных с этим вопросов³⁹. Согласно информации, переданной Ротштейном Майскому, Бенеш просил поставить советскому послу «два вопроса: 1. Нельзя ли пролить больше света на отношение советского правительства к чехословацкому временному правительству (подчеркнуто, как и далее, в оригинале. – В. М.); 2. Нельзя ли установить какой-нибудь неофициальный контакт с советским правительством, в какой угодно форме? Майскому как будто неудобно встречаться с ним лично». Далее говорилось о причинах, побудивших Бенеша «поставить эти вопросы именно сейчас: он теперь признан главой чехословацкого государства... Он должен иметь собственную самостоятельную политику. Для этого ему необходимо знать отношение СССР к Чехословакии и к нему. Его линия остается неизменной: он не мыслит себе существование Чехословакии без дружбы с СССР. Об этом он говорил с Черчиллем и с королем, в присутствии Черчилля. Оба раза Черчилль категорически заявил, что ни в коем случае он не допустит конфликта с СССР». Затем сообщалось о нескольких предложениях, якобы полученных «людьми Бенеша» от советских лиц, об установлении неофициальных контактов и направлении чехословацкой военной миссии в СССР. «Бенеш понимает, – говорилось в информации, – причины крайней сдержанности, с которой советское правительство относится к британскому правительству, но эта сдержанность не обязательно должна быть распространена на Чехословакию. Ни Чехословакия, ни он лично этого не заслужили (тут он перечислил все свои усилия с 1917 г. установить дружбу с СССР). Он находится в постоянном контакте со своей страной, получает каждодневно 20-30 писем и знает, что народ за него и за СССР. Вместе с тем советское признание Словакии

было горьким разочарованием для многих. Величайшей катастрофой для Чехословакии, против чего он боролся бы до конца, была бы советско-британская война. Если в результате нынешней войны в Чехословакии будет советская революция, и народ этого пожелает, он это примет и уступит место коммунистам. Советская Чехословакия будет все-таки Чехословакией, а под германским игмом она не будет существовать вообще. Бенеш не менее четырех раз в течение беседы как будто случайно говорил, что он лично готов поехать в Москву, и несколько раз также заявил, что если бы чехословацкому временному правительству была бы дана возможность работать на территории СССР, оно могло бы туда переехать».

Не известно, сообщал ли Майский о полученной им информации в Москву, но официальной советской реакции не последовало. Возможно, косвенным отражением этого явилась активизация советско-чехословацких контактов по линии разведок в конце 1940 – начале 1941 г.

В октябре 1940 г. продолжались и, видимо, достаточно регулярные встречи Майского с Фирлингером, который по поручению Бенеша передавал советскому послу интересующую его информацию. 2 октября состоялась очередная беседа, о которой Фирлингер записал: «Переданные мною информации Майского заинтересовали... На вопрос, в какой степени информации надежны, я ответил, что д-р Бенеш считает источник надежным». Разговор коснулся также чехословацко-польских отношений и политики поляков в отношении СССР. Фирлингер заявил: «Черчилль хочет повлиять и на поляков. Он явно не хочет, чтобы поляки и далее выступали против Советского Союза... Одновременно, однако, англичане нажимают на д-ра Бенеша, чтобы он достиг договоренности с поляками. Речь идет даже о федерации. Д-р Бенеш отмечает все, что было бы направлено против [Советского] Союза. (Об этом мы говорили с Майским уже раньше довольно подробно)». Разговор, и не в первый раз, велся о том, что будет в Европе после войны. Фирлингер заверил посла: «... что касается Советского Союза, то д-р Бенеш намерен оставаться, как всегда, лояльным; он думает, однако, о будущем Чехословакии и поэтому считает своей обязанностью сохранять хорошее и лояльное отношение к Англии, которая включила сегодня восстановление Чехословацкого государства в свою программу»⁴⁰.

В конце 1940 г. – начале 1941 г. чехословацко-советские контакты в Лондоне по-прежнему имели место: Фирлингер неоднократно встречался с Майским⁴¹, Рипка с Ротштейном. Велись переговоры о налаживании сотрудничества в области разведки. При этом Бенеш настаивал на том, что основным условием их успешного развития

является хотя бы и негласное признание Москвой Временного чехословацкого правительства и его политической программы. Однако тогда советское руководство не пошло на это⁴². Таким образом, в последний год перед нападением гитлеровской Германии на СССР и чехословацкая, и советская стороны, несмотря на отсутствие дипломатических отношений, старались сохранить, насколько это было возможно, подобие дружественных контактов. Однако существовали и факторы, сдерживавшие эти стремления и заставлявшие в частности Бенеша быть чрезвычайно осторожным в своем отношении к СССР, а иногда и обозначать шаги к отступлению от намеченной линии. Как ясно из вышеизложенного, Бенеш очень внимательно следил за тем, чтобы его политика в отношении России не расходилась кардинально с английской политикой в этом вопросе. Отсюда – и постоянное обращение к анализу развития советско-английских отношений, которые в ту пору оставались весьма напряженными. Позиция Бенеша понятна: ведь чехословацкое правительство находилось в Лондоне, Англия являлась единственной страной, признавшей его пусть и в качестве временного, а чехословацкое государство, на континуитете которого настаивало правительство, объявило себя союзником западных держав в войне против Германии. В послании своим сторонникам на родину 19 августа 1940 г. Бенеш писал: «В настоящее время только Англия поддерживает нас в международном плане и содействует практически нашему заграничному сопротивлению... Поэтому мы не можем делать с Россией то, что поставило бы под угрозу наши отношения с Англией. Черчилль ни в коем случае не хочет идти против России, наоборот, рассчитывает на сотрудничество. Мы хотим, чтобы и наше сотрудничество с Советами шло параллельно развитию сближения Советов и Англии»⁴³. Вместе с тем, подчеркивая линию на сотрудничество с Англией, Бенеш отмечал: «Мы – не прихвостни и не рабы, мы – с каждым, кто против Гитлера. Если они (Советы. – В. М.) пойдут против Гитлера, мы будем с ними сотрудничать»⁴⁴.

И еще был фактор, который, как представляется, сдерживал Бенеша в его практических шагах по налаживанию контактов с советской стороной. Это понимание того, что, если для Чехословакии взаимоотношения с СССР в тот период являлись одним из краеугольных камней ее внешней политики, то для Советского Союза чехословацкий вопрос был одной из многих составляющих, причем далеко не самой главной, его внешнеполитической линии. Бенеш был реалистом в политике и всегда учитывал это обстоятельство при построении своих внешнеполитических концепций. 7 октября 1940 г. он сообщал

на родину: «Я не строю никаких иллюзий относительно желания и возможности [Советов] в скором времени вмешаться и помочь нам. Прошу, чтобы у Вас их также не было»⁴⁵. Более подробно Бенеш характеризовал политику Москвы в ноябре 1940 г., анализируя итоги визита В.М. Молотова в Берлин. Он отмечал, что «со стороны Советов это (визит Молотова. – В. М.) и сегодня не означает переход на сторону “оси”, не означает отказ от эгоистической русской политики, которая внешне выглядит, как нейтральная, один раз делая реверанс в сторону Берлина, другой – Лондона, причем всегда дает... понять, что они ближе Берлину». Объясняя причину такой политики, Бенеш считал что, во-первых, Россия «боится сегодняшней огромной военной силы Германии, хочет, по крайней мере в ближайшее время, избежать конфликта с ней и делает вследствие этого ей тут и там уступки», во-вторых, «не верит, что Англия проиграет войну и будет совершенно обессилена. Но относится к ней с прежним недоверием, характерным для последних 20 лет, и особенно времени Чемберлена. Кроме того, полагая, что в Германии в любом случае произойдет революция, которую Россия, вероятно, поддержала бы, «она боится, что буржуазная Англия выступит против этой революции». Поэтому Бенеш считал, что Советский Союз будет постоянно и долго лавировать, желая затяжной войны, истощения ее участников и наступления континентальной революции, «в которую имеет силы и желание вмешаться».

Характеристика внешней политики СССР того периода и ее побудительных мотивов была в целом достаточно точной, и, исходя из нее, Бенеш реалистически оценивал отношение Москвы к чехословацкому вопросу: «На нас она (Россия. – В. М.) не будет обращать особого внимания, мы для России – фактор, хотя и не незначительный, но второстепенный, так же, как это было во время последней войны (т. е. Первой мировой. – В. М.) для царизма. Для царизма мы были чересчур левы и демократичны, для Советов будем эвентуально чересчур правы, буржуазно отстали и лишь национально-революционны... В общеевропейском плане их политика по отношению к нам определяется географией». Поэтому Бенеш рекомендовал своим сторонникам в стране «не ломать голову» над действиями России. «Если выиграют Англия и Америка (в это время обозначилась возможность вступления США в войну против Германии. – В. М.) и мы с ними, – небезосновательно считал он, – то Россия опять будет поддерживать нас, поскольку Советы не отважатся идти против них, как сегодня не отваживаются идти против Германии». Исходя из этого, Бенеш не оценивал тогдашнюю политику СССР в чехосло-

вачком вопросе «ни как благоприятную, ни как катастрофическую» и, понимая ее умом, естественно, не одобрял сердцем. С горечью он отмечал, что «даже наши рабочие» не могут забыть компромиссов Советов с Гитлером, поездки Молотова (в Берлин. – В. М.), признания Тисо и Туки (идеолог фашистского крыла Словацкой народной партии. – В. М.), «отказа от советского мартовского заявления относительно ЧСР (советская нота от 18 марта 1939 г. – В. М.) без нашей к тому вины», «высылку нашего посланника из Москвы, в то время как Англия и особенно США наших посланников сохранили». Бенеш также сетовал на крайне сдержанное, если не негативное отношение «к нам» советских учреждений в Лондоне. Говоря, что «всё это нельзя забывать», он в то же время подчеркивал, что «мы ни в коем случае ни в чем не пойдем против России»⁴⁶.

Оценка советской внешней политики того периода как эгоистической и расчетливой, неискренней и конъюнктурной по отношению к малым государствам содержалась и в неоконченном аналитическом исследовании начальника канцелярии Бенеша Я. Смутного (конец апреля 1941 г.)⁴⁷. Представление о советской внешней политике как особо незаинтересованной тогда в решении чехословацкого вопроса, несомненно, являлось одной из причин колебаний и непоследовательности самого Бенеша в реализации курса на сотрудничество и с западными демократиями, и с Советским Союзом, позднее (в 1943 г.) выраженного указанной формулой: «опираться на 50% на Восток и на 50% на Запад, а не на 100% на Запад»⁴⁸. Но существовал и еще один фактор, порождавший сдержанность Бенеша в его «русской» политике: он, несомненно, опасался агрессивной коммунистической идеологии с ее экспроприаторскими и уравнилельно-распределительными тенденциями, грозящими смести всё нарабатанное до сих пор цивилизацией. Он боялся вытекавших из этой идеологии экспансионистских устремлений Москвы, нацеленных сначала на разжигание и поддержку мировой революции, а затем установление социалистического строя советского образца. Бенеш не без основания полагал, что ядовитые семена «большевизма», упав на подготовленную войной и пауперизацией широких народных масс социальную почву, особенно в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, могут дать буйные всходы. Ему было хорошо известно, что именно в этом направлении работали коммунисты в оккупированной стране. Являясь активной антифашистской силой, они в то же время в соответствии с тогдашней линией Коминтерна держали курс на социалистическую революцию. Подпольная «Руде право» писала в передовой статье «Уроки первого года нынешней импе-

риалистической войны»: «Сегодня существует лишь единственный действительный выход для чешского народа: национальная и социальная свобода, социалистическая система по примеру единственной свободной страны, страны Советов! Единственным законным и способным руководителем чешского народа на пути к свободному и счастливому будущему является чешский рабочий класс со своей бесстрашной коммунистической партией... Наша свобода будет либо социалистической, либо никакой!»⁴⁹ Широко распространенные русофильские настроения подпитывали и коммунистические лозунги о присоединении «социалистической Чехословацкой республики» и «советской Словакии» к СССР. Бенеш, невзирая на все нападки на него со стороны коммунистов, не отвергал возможности сотрудничества с ними. Но вряд ли он действительно являлся, несмотря на некоторые конъюнктурные заявления, например, в беседах с Майским осенью 1939 г., сторонником установления в возрожденной Чехословакии социалистического строя советского образца, а тем более присоединения своей страны к СССР. Вместе с тем, будучи уверен в возможности социальных взрывов, революционных потрясений в послевоенной Европе, в том числе и в Чехословакии, Бенеш считал неизбежным и необходимым глубокое радикальное преобразование общества и строя, существовавших до войны. Об этом он неоднократно заявлял и в своих выступлениях, и в посланиях на родину, а несколько позднее изложил свои взгляды в книге «Демократия сегодня и завтра»⁵⁰. В обобщенном виде его представления о направлении и результатах предстоящих преобразований сводились к следующему: «Я полагаю, – писал он своим сторонникам в Праге 7 октября 1940 г., – что наша республика выйдет из всего этого в социальном плане весьма радикализированной, политически глубоко изменившейся, но все же лишь как логическое, ясное и сознательное продолжение первой республики»⁵¹.

Все отмеченные выше обстоятельства и факторы, а также колебания международной конъюнктуры, взаимно переплетаясь и накладываясь друг на друга, создавали сложный фон отношений Москвы и чехословацкой политической эмиграции на Западе в последний год перед нападением гитлеровской Германии на СССР.

Положение Бенеша в чехословацкой эмиграции было исключительным. Позднее, после войны, он, по словам З. Земана, определял его выражением «демократический диктатор»⁵². Учитывая сложную ситуацию, напряженность и соперничество в чехословацкой эмиграции, необходимость быстрого принятия решений и реагирования на возникшие обстоятельства, он действовал подчас жестко и нередко

в свое оправдание оперировал термином «национальная дисциплина». По настоянию Бенеша правительство одобрило документ «о временном исполнении законодательной власти», согласно которому принятые им декреты вступали в силу сразу после подписания их президентом, то есть без обсуждения в Государственном совете, который являлся лишь совещательным органом при президенте и правительстве. Правда, после войны принятые декреты должны были быть ратифицированы Законодательным Национальным собранием. Позиции Бенеша в Великобритании к осени 1940 г. окрепли, несмотря на то, что английское правительство не оказывало ему поддержки в его борьбе с конкурентами. В середине ноября Бенеш переехал из ставшего опасным из-за бомбардировок Лондона в сельскую местность Астон Абботс. Там его охраняло специальное чехословацкое армейское подразделение из 90-100 солдат под командованием 4-5 офицеров⁵³.

Весной 1941 г. Бенеш решил продолжить политическое наступление в целях укрепления международных позиций чехословацкого правительства. С англичанами были начаты переговоры об изменении его статуса и признании в качестве полноправного, наподобие польского, норвежского, греческого, югославского, правительства. Черчилль и министр иностранных дел А. Иден обещали свою поддержку в этом плане. «Мюнхен с каждым днем искупается все более. И искупится полностью», – писал Бенеш в послании на родину 26 апреля, а 1 июня сообщал: «Наша договоренность о полном признании [правительства] Англией достигнута»⁵⁴. Однако в МИДе, кадры которого после Мюнхена почти не изменились, дело застопорилось. О своем недовольстве этим Бенеш 14 июня говорил Смутному, однако оказывать давление на Идена президент не считал нужным⁵⁵.

Напряженная работа, необходимость решать сразу множество дел, вникая при этом во все мелочи, не могли не сказаться на состоянии здоровья Бенеша, которому исполнилось 57 лет. Хотя с виду он выглядел здоровым, но налицо были признаки явного нервного истощения. Этого не мог не заметить часто общавшийся с президентом Я. Смутны, обративший внимание личного секретаря Бенеша Э. Таборского на состояние президента. По мнению Смутного, президент стал реагировать на события более эмоционально и не со свойственным ему прежде оптимизмом, а усматривая, прежде всего, их «худшую сторону», что повлекло за собой «дуновение пессимизма». Об ухудшении здоровья Бенеша свидетельствовала и запись Смутного о разговоре с личным врачом президента О. Клиндером 8 июня 1941 г. Заявив, что Бенеш должен пройти медицинское обследование

(кардиограмма, рентген, консультации), врач заметил: «Он нервно чересчур перенапряжен. Вследствие этого он очень внимательно следит за состоянием своего здоровья. Далее, он сам признает, что реагирует весьма эмоционально, дескать, есть вещи, которые вызывают у него слезы, с чем он не может справиться». Собеседники пришли к выводу, что следует оберегать Бенеша от излишних волнений, но практически сделать это очень трудно⁵⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Содержание лекции было заранее согласовано с Форин Офис.

² ДНČР. Díl 1. Praha, 1966. Dok. 39. S. 67; Od rozpadu Česko-Slovenská do uznání československé prozatímní vlády 1939–1940. Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2002. Dok. 190. S. 372–373.

³ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 205. S. 406–407.

⁴ *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 184.

⁵ Ibid. S. 187.

⁶ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 211. S. 417.

⁷ Ibid. Dok. 230. S. 478 (примеч. 1).

⁸ ДНČР. Díl 1. Dok. 93. S. 111–116; Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 230. S. 465–479.

⁹ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 229, 231. S. 468–470, 479–483.

¹⁰ *Beneš E.* Vzkazy do vlasti. Smernice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996. Dok. 22. S. 56.

¹¹ В ответе британского премьера от 23 мая говорилось: «Вы можете быть уверены, что я сделаю всё, что в моих силах, чтобы преодолеть немецкий натиск и достичь освобождения тех европейских народов, которые ныне являются его жертвами» (Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 235. S. 491. Примеч. 1).

¹² Ibid. Dok. 235. S. 489.

¹³ *Beneš E.* Vzkazy do vlasti. Dok. 26. S. 58–59.

¹⁴ Э. Гаха направил поздравительную телеграмму Гитлеру в связи с победами вермахта на западном фронте.

¹⁵ *Beneš E.* Vzkazy do vlasti. Dok. 35, 36 S. 67, 68.

¹⁶ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 260. S. 545.

¹⁷ *Beneš E.* Vzkazy do vlasti. Dok. 41. S. 71.

¹⁸ *Beneš E.* Šest let exilu a druhé světové války. Řeči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946. S. 438–443.

¹⁹ *Beneš E.* Šest let exilu... S. 444.

²⁰ Ibid. S. 280.

²¹ ДНČР. Díl 1. Dok. 124. S. 172–173.

²² Ibid. Dok. 130. S. 182–183.

²³ *Křen J.* Do emigrace. Buržoazní zahraniční odboj 1938–1939. Praha, 1963. S. 560.

²⁴ Od rozpadu Česko-Slovenská... Dok. 173. S. 349 (примеч. 2).

²⁵ *Beneš E.* Demokracie dnes a zítra. Sv. II. Londýn, 1942. S. 166–168.

²⁶ ČSVDJ. Díl 1. Praha, 1998. Dok. 137. S. 292.

²⁷ В беседе с председателем польского правительства в изгнании генералом В. Сикорским 5 сентября 1940 г. Э. Бенеш говорил: «Мы русофилы, это факт, с этим должно считаться, это сентиментальность, мистицизм, как хотите, но это факт. Таким образом, необходимо, чтобы наша и польская политика в вопросе о России гармонировали» (ČРЈVK. Кн. I–IV. Praha, 1994. Кн. 1. Dok. 23. S. 70).

²⁸ Ibid. S. 9–14.

²⁹ Ibid. Dok. 28 (на французском языке), 29 (на английском языке). S. 78–85, 85–87; *Beneš E.* Šest let exilu... S. 455.

³⁰ ČРЈVK. Кн. 1. Dok. 30. S. 88.

³¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 16.

³² ČРЈVK. Кн. 1. Dok. 40, 41, 44, 45. S. 108–113, 113–119, 126–127, 127–129.

³³ З. Фирлингер в беседе с И.М. Майским 17 октября 1940 г., 31 марта 1941 г. информировал его о введущихся с поляками переговорах, особенно, что касается вопроса о границах (ČРЈVK. Кн. 1. Dok. 27, 48. S. 76–77, 144).

³⁴ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007. С. 156–160.

³⁵ АВП РФ. Ф. 138в. Оп. 1. П. 1. Д. 4. Л. 82.

³⁶ ČSVDJ. D. 1. Dok. 49. S. 121–122.

³⁷ Цит. по: *Křen J.* V emigraci. S. 495.

³⁸ АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 1. Д. 7. Л. 198; *Иван Михайлович Майский.* Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. В 2 кн. Кн. 2. В 2 ч. Ч. 1. М., 2009. С. 207.

³⁹ Написанный от руки и изученный Майским отчет об этой встрече был ввиду его важности вклеен в дневник советского посла: *Иван Михайлович Майский.* Дневник дипломата. С. 260–261.

⁴⁰ ČSVDJ. D. 1. Dok. 60. S. 152. В дневнике Майского запись о событиях этого дня отсутствует.

⁴¹ Ibid. Dok. 64, 71, 74, 78. S. 159–162, 172–173, 181, 185–186.

⁴² См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 262–291.

⁴³ *Beneš E.* Vzkazy do vlasti. Dok. 45. S. 75.

⁴⁴ ДНČР. Díl I. Dok. 110. S. 139.

⁴⁵ Ibid. Dok. 102. S. 131.

⁴⁶ Ibid. Dok. 114. S. 141–142.

⁴⁷ Ibid. Dok. 166. S. 208–212.

⁴⁸ Ibid. Dok. 297. S. 360–361; Dok. 298. S. 362.

⁴⁹ Rudé právo 1939–1945. Praha, 1971. S. 114–116.

⁵⁰ *Beneš E. Demokracie dnes a zítra.* Londýn, 1942. См также перевод части книги В. Марьиной с ее предисловием: Э. Бенеш. Демократия сегодня и завтра // Вопросы истории. 1993. № 1, 3.

⁵¹ DHČP. Díl I. Dok. 102. S. 132.

⁵² *Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis.* S. 192.

⁵³ Ibid. S. 194.

⁵⁴ *Beneš E. Vzkazy do vlasti.* Dok. 58, 60, 61. S. 101, 104, 108.

⁵⁵ DHČP. Díl I. Dok. 186, 188. S. 228, 229.

⁵⁶ Ibid. Dok. 182. S. 226 (примеч. 1).

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ

Как говорилось ранее, Э. Бенеш не сомневался в том, что рано или поздно советская Россия будет втянута в войну с «третьим рейхом». Информированный своей разведывательной службой, он внимательно следил за подготовкой нацистской Германии к нападению на СССР. Однако сначала президент пришел к мысли, как и многие на Западе¹, что сосредоточение немецких войск у советской границы имеет лишь цель «устрашить Россию, оказать на нее давление и принудить к поддержке Оси», на что, по всей видимости, Москва пойдет². Еще 21 июня 1941 г. в разговоре с начальником своей канцелярии Я. Смутным президент выразил сомнение в возможности начала войны между Германией и Советским Союзом. «Я думаю, что они договорятся, что войны не будет, – сказал он. – Я бы хотел, чтобы она началась весной будущего года, когда русские будут лучше подготовлены. Я опасюсь, что теперь они быстро потерпят поражение. Германия вновь будет иметь успех, и, в конце концов, Россия заключит с ней сепаратный мир». При этом весьма критически Бенеш отозвался о позиции английских руководящих кругов в отношении Москвы: «Если бы эти люди здесь имели хотя бы немного разума и сказали русским: “Мы поможем вам, если на вас нападут”. Однако решающим для них остается прежнее постоянное сопротивление русским, усиленное сейчас еще тем, что они делают здесь и всюду против англичан с помощью коммунистов»³.

Утро 22 июня положило конец всем сомнениям и гаданиям относительно ближайших намерений гитлеровской Германии: она напала на СССР. Британский премьер У. Черчилль был рад случившемуся. Вечером 22 июня в своем выступлении по лондонскому радио он заявил о поддержке Советской России в войне против гитлеровской Германии, хотя и подтвердил свою неприязнь к коммунизму, который ему, однако, в ту пору казался меньшим злом, чем фашизм⁴.

В конкретных условиях того времени антикоммунист Черчилль готов был «дружить» с «первым коммунистом Сталиным» во имя победы над «первым наци» Гитлером. И.М. Майский высоко оценил речь британского премьера: «Сильное выступление! Прекрасное выступление! Конечно, премьеру пришлось кое-где заняться “перестраховкой” по части коммунизма – как для Америки, так и для собственных консерваторов. Но это уже детали. В основном речь Черчилля – боевая, решительная речь: никаких компромиссов и соглашений! Война до конца! Это как раз то, что сейчас больше всего нужно». И еще: «Радио-речь премьера вечером 22 июня была не только замечательна по форме и внутренней силе, – она с предельной четкостью и непримиримостью ставила вопрос о продолжении войны до конца и о максимальной помощи СССР... Чрезвычайно важно было, что премьер ударил своей дубинкой немедленно, не давши никому опомниться. Это сразу дало тон – и здесь, и в Америке»⁵.

С напряженным вниманием слушал речь Черчилля и Бенеш. Прислушав ее, он вздохнул с облегчением, что следует из записи Я. Смутного 23 июня: «Бенеш: я вчера целый день нервничал, не то чтобы я волновался из-за России, но все же я не был уверен, как будет реагировать Черчилль в своей вечерней речи. Однако эта речь была гораздо лучше, чем я ожидал. Он весьма ясно сформулировал точку зрения Англии и заткнул рот всем, кто хотел бы говорить о сепаратном мире или же о предоставлении России ее судьбе. Он сказал об этом очень хорошо». Положительно отозвался Бенеш и о речи В.М. Молотова по радио 22 июня: «Вчера Молотов говорил уже лучше. Уже говорил о демократиях. Это – прогресс». Далее Смутны записал: «Для д-ра Бенеша вчерашний день действительно очень значим. Он постоянно рассчитывал и возлагал надежды на русский фактор, который является неизбежным корректором нашей политики по отношению к Западу и Польше»⁶. Внимательно изучил Бенеш и речь И.В. Сталина по радио 3 июля, оценив ее в первую очередь с точки зрения объяснения и оправдания своей политики в период Мюнхена: «Сталин в своей речи дал мне последнюю сатисфакцию, заявив, что подписанием договора с Германией в 1939 году Россия выиграла время для подготовки к войне, что до этого она к ней не была готова. Это являлось и одним из моих доводов, почему в сентябре 1938 г. мы не могли начать войну. Ни Запад, ни Россия готовы [к ней] не были. Я это знал. Если бы тогда Германия добилась войны, а Россия каким-либо образом пришла нам на помощь, то произошло бы то, чего я опасался, а именно – Даладье и Чемберлен предоставили бы Гитлеру свободу рук, чтобы расправиться с большевиками... Я тем самым собственно защитил Россию. До сих

пор я об этом говорить не мог, поскольку меня упрекали бы, что я защитил коммунизм. Русским, однако, я сказал об этом уже год назад, в Америке. После Мюнхена меня обвиняли, прежде всего, как капитулянта, но когда я в Америке объяснил Уманскому, какова собственно была ситуация и какова была моя политика, наступило изменение. Тогда доклад Уманского обсуждался Верховным Советом, причем в присутствии чешских коммунистов. После этого кампания против меня была запрещена, и в печати обо мне как о капитулянте больше не писалось. Я об этом теперь русским еще напомним»⁷, – записал Смутны о беседе с Бенешем 5 июля 1941 г. Вряд ли все выглядело так, как представлял себе Бенеш, но правда то, что массовых кампаний в советской печати против него не велось.

Оценивая 22 июня через призму национально-государственных интересов, лидер чехословацкой эмиграции полагал, что втягивание СССР в войну ускорит ее конец, приведет к поражению нацизма и, следовательно, восстановлению ЧСР. Взгляд Бенеша на войну и ее значение для решения вопроса об освобождении Чехословакии Смутны изложил так: «Я сознательно и всюду добивался того, чтобы война началась. Я с радостью признаюсь в этом, иначе мы свободу не получили бы. Если бы Европа не воевала, республика осталась бы навеки оккупированной Германией»⁸.

Но надежды соседствовали с сомнениями и осторожными оценками относительно возможного хода событий на советско-германском фронте. Такие настроения были характерны и для английского общества: «Во всех кругах наблюдается большой скептицизм в отношении эффективности Красной Армии. В военном министерстве считают, что наше сопротивление продлится не более 4-6 недель. В кулуарах парламента у всех на устах один и тот же вопрос: сможет ли Красная Армия противостоять рейхсверу?», – записал Майский в дневнике 27 июня⁹. 1 июля «Чехословацкий центр в Лондоне» разослал всем чехословацким миссиям за границей директивы, излагавшие отношение чехословацкого правительства к войне Германии с СССР. «Тот факт, – говорилось в документе, – что Советская Россия немецким нападением вовлечена в войну на стороне союзников, является событием чрезвычайной важности. Было бы большой ошибкой питать заранее слишком большие надежды. Силы русской армии точно не известны ни в отношении их вооружения, ни в отношении их морального состояния и способностей их начальников... Так как немецкое военное руководство доказало, что оно овладело техникой современной войны, Россия стоит перед очень трудными задачами. Нужно быть готовым к немецким успехам, возможно даже очень

большим и многочисленным... Но это не должно нас толкать к пессимистическим выводам. Кажется, что русский народ понимает, что речь идет о подлинно национальной войне, и поэтому можно ожидать упорного сопротивления». Отмечалось, что Великобритания и США «поддерживают Россию всеми своими средствами, несмотря на предубеждение подавляющего большинства в этих двух странах против коммунизма». Чехословацкое правительство, говорилось в инструкции, «хотя и приняло с удовлетворением вступление в войну России на стороне союзников..., не имеет основания менять свою политику каким бы то ни было образом. Оно остается верным своим демократическим принципам, и все наши симпатии к России не меняют ни в чем нашу точку зрения, которая противоположна ее (России) теперешнему недемократическому режиму»¹⁰.

Ясно было, что грядут перемены в отношении Москвы к чехословацкому вопросу, тем более что Словакия вступила в войну на стороне Германии. Полковник Г. Пика, который с весны 1941 г. находился в СССР с секретной миссией, обсуждая возможности взаимодействия чешской и советской разведок, уже 24 июня предложил советскому руководству план чехословацко-советского сотрудничества в условиях войны¹¹. Сообщив в Лондон о направленном им обращении, Пика писал «У меня впечатление, что здесь с признанием спешить не будут, у них другие заботы. Необходимо будет начать переговоры по (этому. – В. М.) вопросу с послом Майским. Здесь Главный штаб настаивает, чтобы вы отдали на родину и в Словакию распоряжение о начале более широкого саботажа и террора (устранения ведущих немецких лиц)»¹². Бенеша весьма занимала реакция советских властей на предложения Пики и, главным образом, их позиция по принципиальному с точки зрения президента вопросу, «намерен ли СССР в отношениях с нами возвратиться к положению перед Мюнхеном» и в соответствии с этим решать, «хотя бы не сразу, а постепенно», все возникающие вопросы¹³.

Москва в изменившихся условиях тоже была заинтересована в налаживании советско-чехословацких отношений, и Пика ошибался, утверждая, что советское руководство не будет тут спешить. Наоборот, оно очень торопилось наверстать упущенное. Политика Советского Союза в отношении малых европейских государств, захваченных гитлеровской Германией, была четко сформулирована 3 июля 1941 г. в телеграмме И.М. Майскому, в которой говорилось: «По вопросу о восстановлении национальных государств Польши, Чехословакии и Югославии Вам следует придерживаться следующей позиции: а) мы стоим за создание независимого Польского го-

сударства в границах национальной Польши... вопрос о характере государственного режима Польши советское правительство считает внутренним делом самих поляков; б) мы стоим также за восстановление Чехословацкого и Югославского государств с тем, что и в этих государствах вопрос о характере государственного режима является их внутренним делом»¹⁴. 4 июля (в пятницу) советский посол пригласил Бенеша на обед, который, по желанию последнего (он находился тогда в своей загородной резиденции), состоялся 8 июля. Почему столь желанная для Бенеша встреча состоялась лишь спустя четыре дня? Можно лишь предположить, что ее отсрочка понадобилась президенту для того, чтобы «проветилировать» вопрос с английскими властями. 8 июля Майский передал Бенешу следующее: «а) политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством; б) само собой разумеется, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам; в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, советское правительство с радостью его примет; г) советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России»¹⁵. Бенеш с искренней радостью принял это предложение. Он был рад и потому, несомненно, знал о готовившемся в ближайшие дни заключении советско-английского соглашения о сотрудничестве в войне против гитлеровской Германии. Оно было подписано 12 июля. Именно в этот день Бенеш изложил Смутному свои взгляды на роль Советского Союза в послевоенный период. Для нас, подчеркнул президент, имеет решающее значение, победит или потерпит поражение Россия в этой войне. Германия, по его мнению, будет разрушена, Англия и Франция не будут играть в Европе ведущую роль, а в Восточной и Центральной Европе решающую роль станет играть Россия. «Для нас такое положение чрезвычайно важно, поскольку от него будет зависеть все будущее, безопасность республики», – заметил президент. При этом, как он полагал, русские «сблизятся с Европой, а после войны никто даже и не вспомнит о большевизме»¹⁶. Но тут, несмотря на всю свою политическую прозорливость, которой он очень гордился, Бенеш ошибался.

10 июля Я. Масарик сообщал в Вашингтон В. Гурбану о встрече президента с Майским: «обе стороны пришли к взаимному соглашению. Бенеш констатировал, что понимает это как восстановление положения, существовавшего на 1938 год до Мюнхена... О границах

и других вопросах мы пока не говорим»¹⁷. Последнее было не совсем точным, поскольку Бенеш поставил перед Майским и вопрос о границах, и вопрос о континуитете ЧСР¹⁸. О встрече с Майским Бенеш в тот же день сообщил английскому представителю при чехословацком правительстве Б. Локкарту. «Я не хотел, – говорил президент Смутному, – чтобы англичане узнали об этом от другой стороны, я должен постоянно следить за тем, чтобы они не видели во мне человека, который хотел бы разыграть против них русскую карту. Им должно быть также ясно, что к первому контакту и разговору дошло по русской инициативе и что мы ни о чем не просили, наоборот, предложение исходило от русских. Это важно, поскольку я видел по реакции Локкарта, что англичане не пришли от этого в восторг. Я ему сказал также: разве это наша вина, что мы так долго ждем вашего признания? Разве я должен из-за того, что вы не даете мне неделями ответ, что не назначаете посланника, что мы продолжаем здесь функционировать как временное правительство, разве я должен из-за всего этого отвергнуть русское предложение? Этого от меня никто не может требовать». Иден, по словам Бенеша, признал справедливость такой постановки вопроса и обещал в течение недели назначить посланника¹⁹. 16 июля советское правительство представило президенту проект советско-чехословацкого соглашения и высказалось за его немедленное подписание. В этот же день Военный кабинет Великобритании принял решение об урегулировании отношений с чехословацким эмигрантским правительством, о признании республики де-юре и назначении посланника. Об этом на приеме у короля сообщил Бенешу Черчилль²⁰. «Бенеш был достаточно зол на англичан за то, что они постоянно медлят с признанием республики, – значит в записи Смутного от 16 июля. – Они признали нас как временное правительство, а речь идет о превращении его в постоянное. Признание русскими, о чем известно англичанам, оказывает давление и на них, и правдоподобно, что о нем будет опубликовано раньше, нежели об английском»²¹. Так и произошло. С вручением соответствующей ноты англичане опоздали. На несколько часов их опередил СССР. Подписание Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Чехословацкой Республики состоялось утром 18 июля 1941 г. в советском посольстве в Лондоне. Свои подписи под документом поставили И.М. Майский и министр иностранных дел Чехословацкой республики Я. Масарик. Соглашением предусматривались немедленный обмен посланниками; взаимопомощь и поддержка всякого рода в войне против гитлеровской Германии; согласие советского правительства на образова-

ние на территории СССР чехословацких воинских частей во главе с командованием, назначаемым чехословацким правительством по согласованию с советским правительством, но в оперативном отношении подчиненных Верховному командованию СССР²².

В соглашении ничего не говорилось ни о континуитете Чехословацкой республики, ни о ее будущих границах. При этом как бы само собой разумелось, что Советский Союз, признав **правительство Чехословацкой республики**, тем самым де-факто заявил (во всяком случае, чехословацкая сторона трактовала это именно так) о своем положительном отношении к правовой и политической преемственности республики. Как следует из записи Смутного от 16 июля, Майский ясно подчеркнул, что при подписании соглашения «речь идет не об установлении дипломатических отношений, которые были лишь временно прерваны из-за отсутствия посланников, а о том, что признание республики всегда продолжалось. Это подтверждает наш принцип преемственности»²³. Действительно, речь шла не об установлении, а о восстановлении дипломатических отношений. Однако в заявлении Майского крылось и некое лукавство, поскольку невозможно было одновременно иметь дипломатические отношения со Словацкой республикой и признавать существование Чехословакии. Но, видимо, Бенеш и его окружение тогда просто «закрывали глаза» на такие «мелочи». Ведь заключение соглашения имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословакии. По словам Смутного, «Бенеш снова стал президентом республики», в то время как до этого «он был им в наших мыслях и желаниях», президентом, признаваемым в общественном и личном плане, но не в международно-правовом отношении. «Вчера республика снова стала полноправным международным субъектом, а Бенеш – ее президентом»²⁴.

Несколько часов спустя после подписания советско-чехословацкого соглашения Я. Масарик получил ноту А. Идена об окончательном признании чехословацкого правительства. Однако рассмотрение вопроса о континуитете Чехословакии откладывалось на будущее, «на более подходящий для этого момент». Подчеркивалось также, что правительство Великобритании не берет обязательств признавать или поддерживать установление каких-либо будущих границ в Центральной Европе²⁵. Впрочем, по вопросу о границах пока не делало никаких заявлений и советское правительство, что констатировал и Бенеш в послании своим сторонникам на родину 14 августа 1941 г.: в Москве «восстановление республики понимают как само собой разумеющееся, но о своих планах в Центральной Европе и о других

вопросах, касающихся границ, точно и детально ничего не говорят»²⁶. По смыслу и духу советско-чехословацкое соглашение было аналогично советско-британскому соглашению от 12 июля, и поэтому не вызвало в Англии особых возражений. 30 июля о своем признании **временного** чехословацкого правительства во главе с президентом Бенешем заявили США. В приложенной к ноте Памятной записке говорилось: «Отношения между обоими правительствами не означают каких-либо обязательств американского правительства относительно границ чехословацкой территории или правового континуитета чехословацкого правительства во главе с др. Бенешем»²⁷. И лишь 26 октября 1942 г. решением президента США Ф.Д. Рузвельта временное признание было заменено полным и окончательным²⁸.

Бенеш не стал медлить с направлением своего официального представителя в Советский Союз. И уже 19 июля чехословацким посланником в СССР был снова назначен З. Фирлингер, покинувший Москву в декабре 1939 г. с надеждой опять вернуться сюда. Перед его отъездом Бенеш достаточно оптимистично, несмотря на неудачи первых дней войны СССР против гитлеровской Германии, оценивал положение на советско-германском фронте. 20 июля, например, лондонское радио сообщило об интервью Бенеша, в котором он утверждал: «Восточный фронт будет существовать так же долго, как долго будет длиться война. Успехи Германии напоминают то, что однажды сказал один охотник: “Я поймал медведя, но теперь он меня не отпускает”. Так и Германия осталась в объятиях русского медведя»²⁹. В послании на родину 24 июля президент писал, что «русский фронт выдержит», и даже предполагал, что война «может закончиться завтра или в начале 1942 г.»³⁰. Это же говорил Бенеш и Фирлингеру при прощании с ним на аэродроме в Лондоне, высказав при этом убеждение, что совместная борьба «сблизит нас и Советский Союз», и допустив даже возможность «некоего более близкого государственно-правового союза между нами и СССР»³¹. В дальнейшем Бенеш неоднократно прогнозировал более или менее скорое окончание войны, но эти прогнозы, к сожалению, не сбывались. 12 августа Фирлингер, отправившийся через Шотландию на гидросамолете, прибыл в Архангельск, а оттуда в Москву. Возложенную на него миссию предстояло осуществлять в очень сложных для СССР условиях, когда Красная Армия откатывалась назад, неся большие потери, а Москва уже подвергалась налетам фашистской авиации. Некоторое время Фирлингер жил в гостинице «Метрополь», а затем переехал в прежнее здание чехословацкого постпредства (Малый Харитоньевский переулок), которое тогда занимали англичане, долго не желавшие освободить его. В характеристике, составленной

в НКВД СССР на посланника, говорилось: «Во время пребывания Бенеша на постах министра иностранных дел и президента республики Фирлингер пользовался его покровительством и считался одним из ближайших сотрудников Бенеша... Фирлингер всегда выступал как сторонник сближения Чехословакии с Советским Союзом. Тов. Майский хорошо характеризует Фирлингера в период его пребывания в Лондоне»³².

14 августа чехословацкий посланник передал представителю протокольного отдела НКВД Ф. Молочкову письмо Бенеша на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина. В нем говорилось о преемственности политической линии по отношению к Советскому Союзу, о необходимости «вернуться к тому же самому положению и к той же самой политической линии» (подчеркнуто красным карандашом в переводе письма, сделанном в НКВД. – В. М.), которой мы придерживались в течение 1935–1938 гг. после заключения нашего договора о взаимопомощи (1935 г. – В. М.). После победы, – писал Бенеш, – «наши взаимные отношения будут базироваться на прочных узах постоянной дружбы и созидательного сотрудничества обоих наших государств»³³. 15 августа Фирлингера принял глава НКВД В.М. Молотов. Беседа касалась развития советско-чехословацких отношений в будущем, создания чехословацкой воинской части в Советском Союзе, внутреннего положения в Чехословакии (так в записи беседы. – В. М.), позиций и политики Чехословакии, СССР, Англии и Франции в период Мюнхена. Посланник передал Молотову адресованное ему письмо Бенеша от 6 августа 1941 г. и сообщил о личном письме президента Сталину. Далее в дневнике наркома значится: «Однако, зная лично нашего великого товарища Сталина, говорит Фирлингер, Бенеш хотел, чтобы письмо было передано мною». Молотов обещал сообщить Сталину о наличии такого письма³⁴. Поскольку, по словам Фирлингера, в письме Сталину было написано приблизительно то же самое, что и в письме Молотову, остановимся на нем подробнее. Бенеш обращался к наркому с «несколькими своими личными и политическими замечаниями». Он особо подчеркивал, что с 1935 г. «ни в чем и никогда, несмотря на все происходившие мировые события, не изменил своей политической линии к Советскому Союзу», что ожидал его втягивания в войну «в той или иной форме» и «систематически подготавливал себя к времени, когда оба наши государства смогут возобновить политику, которую я считаю для них естественной и очевидной, для их интересов как в настоящем, так и в будущем необходимой и, прежде всего, соответствующей чувствам и нуждам обоих государств».

«Я убежден, – писал Бенеш, – что и после победы в интересах наших стран противоречий не будет встречаться, и что при организации будущей Европы основания (видимо, принципы. – В. М.) наших взаимоотношений, заложенные в 1935 году и возобновленные 18 июля 1941 г., могут быть одним из важнейших факторов для сохранения мира в Восточной и Центральной Европе». В заключении говорилось: «...я позволю себе время от времени давать Вам посредством посланника Фирлингера или посла Майского сообщения о нашей дальнейшей политической деятельности и о наших пожеланиях и взглядах, которые могли бы Вас в данное время интересовать. Конечно, также о делах, касающихся будущего Чехословакии и ее реконструкции в послевоенной Европе». На письме резолюция Молотова: т. Сталину, членам коллегии НКВД³⁵.

18 августа Молочков по поручению Молотова сообщил Фирлингеру, что «ввиду занятости т. Сталин лишен возможности лично принять» адресованное ему письмо, «и поэтому просит передать его через Наркоминдел». 19 августа посланник передал Молочкову это письмо и его перевод на русский. При этом Фирлингер подчеркнул, что, если советское правительство пожелает опубликовать письма, адресованные советским руководителям, то со стороны Бенеша возражений не будет. Президент выражал восхищение («нас всех здесь на Западе и всего чехословацкого народа») борьбой Советского Союза против гитлеровского фашизма. Констатировалось, что подписанием советско-чехословацкого соглашения 18 июля возобновлены прежние отношения, заложенные договором о взаимопомощи 1935 г. Далее повторялись пассажи из письма Бенеша на имя Молотова, касающиеся существующего и будущего отношения к Советскому Союзу. Выражалась надежда на скорое победоносное завершение войны, чтобы затем все могли заняться конструктивным созиданием «новой лучшей Европы» и «нового лучшего социального и экономического режима». «Я счастлив, что обе наши страны сегодня опять идут по пути дружбы и сотрудничества», – писал Бенеш. Подпись гласила: искренне преданный Э. Б.³⁶

В тот же день, 19 августа, посланник нанес протокольный визит вежливости заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому, заявив, согласно записи в дневнике последнего, что «просит считать его своим человеком, у которого от нас нет никаких секретов. В своей работе он будет стремиться быть нам полезным»³⁷. Вручение верительных грамот состоялось 20 августа³⁸. А на следующий день Фирлингер снова был у Вышинского для более подробной беседы. Он проинформировал заместителя наркома о чехословацко-польских отношениях, поскольку это, по его словам, принципиаль-

ный вопрос, подчеркнул, что в основе этих отношений «лежит идея объединения в борьбе против Гитлера», что принцип ориентации на Советский Союз является основным для Бенеша. Президент считает, заявил Фирлингер, «что Чехословакия должна иметь общую границу с Советским Союзом. Более того, должна существовать тесная государственная связь между Чехословакией и СССР, а также, может быть, между Польшей и СССР»³⁹. «В настоящее время, – говорил Фирлингер, – в Советском Союзе высоко поднята идея общеславянского объединения. Чехословаки приветствуют эту идею, которую они не смешивают с прежней идеей панславизма царской России». При этом он добавил, что «считает неизбежным в будущем придать этому объединению какую-то государственную форму. Ведь не обязательно же... всем государствам, стремящимся к государственному объединению с Советским Союзом, вступать в Союз в качестве союзной республики. Он считает, что возможны и другие формы государственного сближения». Вышинский подтвердил, что советская пропаганда объединения всех славянских народов действительно не имеет ничего общего с прежним панславизмом и стремлением подчинить себе все другие славянские народы, что их объединение необходимо «для успешной совместной борьбы против Гитлера». Относительно государственного оформления общеславянского объединения Вышинский сказал, что это «вопрос чрезвычайно большой и сложный» и что имеются «различные государственные формы такого объединения». При этом он сослался на пример Монгольской и Тувинской народных республик, которые не входят в СССР, но имеют с ним «весьма близкие» отношения. Обсуждались также вопросы формирования чехословацкой воинской части в СССР⁴⁰.

Помимо упомянутых выше писем Бенеша на имя Сталина, Молотова, Калинина Фирлингер привез с собой еще и письмо на имя М.М. Литвинова, которое тоже через Молочкова было передано адресату и начиналось обращением «Мой дорогой Максим Максимович!». В нем осуждалась политика Западной Европы в 1934–1939 гг., говорилось о подтвердившемся предположении Бенеша, что Германия нападет на СССР, что он «никогда не оставлял мысли о новом советско-чехословацком сотрудничестве», которое не будет прервано после победы над Германией, как тогда предполагал Бенеш, в 1942 г. Бенеш выражал надежду увидеться с Литвиновым «во время другого (второго после 1935 г. – В. М.) визита в Москву при первом возможном случае»⁴¹. Так впервые в дипломатической переписке прозвучала мысль о возможности визита президента в СССР после нападения на него гитлеровской Германии. Заметим, что это был август 1941 г.,

когда Красная Армия откатывалась на восток под натиском сил вермахта, а исход войны многим представлялся неясным.

Вступление Советского Союза в войну не только обрадовало, но и насторожило англичан и американцев. 14 августа У. Черчилль и Ф. Рузвельт подписали так называемую Атлантическую хартию, декларацию о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, о послевоенном устройстве мира. Главные итоги конференции относились к политической области. Среди основных принципов послевоенной организации мира значился отказ от территориальных приобретений и территориальных изменений без согласия «со свободно выраженным желанием заинтересованных народов». Подтверждалось право всех народов самим избирать форму правления. Декларировалось стремление к «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем». В поддержку декларации сразу высказались все эмигрантские правительства, а 24 сентября на межсоюзнической конференции в Лондоне СССР, который по праву был недоволен тем, что декларация принималась без его участия, также заявил о своей согласии с основными принципами Атлантической хартии и сформулировал советские цели войны и послевоенного мира⁴². Чехословакия тоже значилась среди участников конференции.

Бенеш был, несомненно, знаком с хартией и с успешным ходом советско-польских переговоров о сотрудничестве⁴³. Возможно, это подвигло его на обсуждение вопроса о чехословацко-советских отношениях с Майским. Встреча состоялась по инициативе президента 28 августа. Как следует из сделанной им записи беседы, ее целью являлось информировать советского посла «о наших планах», о том, «чего мы хотим и что делаем». Бенеш подчеркнул, что для него важно знать в общих чертах о том, чего «хочет Москва», чтобы позиции сторон не пришли в противоречие. Майский с этим живо согласился и обещал передать пожелание в Москву. Далее речь шла о конкретных вещах, важных, с точки зрения Бенеша, для достижения взаимопонимания: о чехословацко-польских отношениях, будущем Подкарпатской Руси (Закарпатья) и Судетской области, о трансфере (переселении) немецкого населения из Чехословакии после войны. Что касается Закарпатья, то Майский согласился с мнением, что эта область не может принадлежать Венгрии, которая оккупировала ее в 1939 г., а должна либо остаться в Чехословакии, либо отойти к СССР. К вопросу о переселении немецкого меньшинства посол обещал вернуться позже. Бенеш попытался выяснить вопрос о том, имеются ли в Москве планы послевоенного мирного урегулирования, поскольку, дескать, в последнее время

Форин Офис усиленно занимается определением таких целей, несколько побаиваясь того, что у СССР они уже имеются. Майский ответил иронично, что «напрасно бояться», что «они (СССР. – В. М.) еще так далеко не заглядывают». Но посол обозначил три «большие трудности», которые возникнут после войны и которые нужно будет урегулировать: Германия, Польша и Балканы. «В ваших (чехословацких. – В. М.) вопросах, – добавил Майский, – больших трудностей определенно не предвидится»⁴⁴. В дальнейшем вопросы чехословацко-советских отношений обсуждались с советским посланником при эмигрантских правительствах в Лондоне А.Е. Богомоловым, аудиенция которого у Бенеша состоялась 18 сентября 1941 г.

Находясь в Лондоне, Бенеш, естественно, следил за всеми перипетиями и нюансами советско-британских отношений, соотнося с ними свою внешнеполитическую активность. Президенту, как можно предположить, стали известны и слова Сталина на Московской конференции представителей СССР, Великобритании и США в сентябре 1941 г., о том, что соглашение с Англией о сотрудничестве в войне против Германии «следовало бы превратить в союзный договор, который охватывал бы не только военный, но и послевоенный период. Наше правительство целиком стоит за это»⁴⁵. Возможно, тогда и родилась у Бенеша мысль о желательности подобного договора между Чехословакией и СССР. Однако говорить об этом было пока рано: не позволяло отчаянно тяжелое положение на советско-германском фронте. Основная тяжесть противоборства с гитлеровской Германией в это время легла на плечи Советского Союза, потери которого в людском, территориальном и материальном отношениях в начальный период военных действий были огромны. Хотя частям вермахта и не удалась молниеносная война, но подойти вплотную к советской столице они смогли. 20 октября 1941 г. в Москве было объявлено осадное положение. Началась эвакуация государственных и общественных учреждений, а также дипломатического корпуса. Вместе с ним уехали из Москвы сотрудники чехословацкого полпредства во главе с З. Фирлингером и чехословацкой военной миссии во главе с Г. Пикой. Второй советской столицей в это время стал г. Куйбышев (прежде и ныне Самара).

Здесь принимали и некоторых высоких иностранных гостей. 30 ноября 1941 г. сюда прибыл глава польского эмигрантского правительства В. Сикорский, который интересовался формированием польских военных частей на территории СССР. На аэродроме среди встречавших был и Фирлингер. В беседе с заведующим IV европейским отделом НКВД Н.В. Новиковым он как бы невзначай и в шуточной форме бросил фразу:

«А когда же мы будем встречать Бенеша?». На вопрос Новикова, «разве Бенеш собирается приехать к нам, Фирлингер все в том же шутовском тоне ответил, что он сделал бы это с большим удовольствием, если бы советское правительство этого пожелало»⁴⁶. Так вторично после 22 июня (первый раз, как сказано выше, об этом вскользь говорилось в письме Бенеша на имя Литвинова от 6 августа) зашла речь о приезде президента в СССР, хотя положение на советско-германском фронте пока оставалось чрезвычайно тяжелым, и еще ничего не было известно о разгроме гитлеровских войск под Москвой. 3–4 декабря 1941 г. Сикорский вел переговоры в Москве со Сталиным, в результате которых была подписана Декларация правительства СССР и правительства Польской республики о дружбе и взаимопомощи. Бенеш по этому поводу прислал поздравительную телеграмму советскому правительству⁴⁷, вероятно укрепившись в мысли о необходимости аналогичного чехословацко-советского документа. Осенью 1941 г., несмотря на сложное положение на советско-германском фронте, к президенту вернулся характерный для него оптимизм. В беседе с А. Иденом 13 ноября он высказал мнение, что «Россия уже вышла из тяжелейшего кризиса» и что «война окончится следующей осенью»⁴⁸. И, может быть, совсем не случайно, выступая 25 ноября в Госсовете, Бенеш говорил: «С 22 июня 1941 г. центр тяжести войны переместился на Восток, и самое большое бремя со стороны союзников несет Советский Союз. Он борется не только за себя, но и за всех нас остальных. Его армия, его экономическая организация и его политическое устройство оправдали себя»⁴⁹.

7 декабря 1941 г. после нападения японцев на главную военноморскую базу США на Тихом океане началась война между США и Японией, изменившая в целом расстановку сил во Второй мировой войне. Именно в это время в Москву с визитом направился А. Иден. Целью предстоявших переговоров являлось укрепление советско-английского сотрудничества в войне против нацистской Германии и прояснение вопроса о послевоенном устройстве Европы⁵⁰. Уже в первой беседе с Иденом 16 декабря Сталин выразил пожелание наметить общую схему реорганизации европейских границ после войны и изложил свое видение проблемы. Что касается Советского Союза, то, по мнению советского лидера, необходимо восстановление его границ, существовавших в 1941 г. до нападения Германии на СССР. Что касается Чехословакии, то она «должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судеты. Этот последний район, ввиду его стратегической важности, ни в коем случае не может быть передан в руки Германии. Сверх того, территория Чехословакии должна быть увели-

чена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны»⁵¹. Это заявление, по сути, включало все основные на тот период пожелания чехословацкого эмигрантского правительства, касающиеся границ восстановленной Чехословакии. В одном из предложенных Москвой советских дополнительных протоколов к советско-английскому соглашению значилось: «При решении всех возможных планов организации европейских государств, и, в первую очередь, в Восточной части Европы, будет учтена роль СССР как державы, ведущей великую освободительную войну в интересах всех европейских государств, подвергшихся агрессии и оккупированных ныне войсками гитлеровской Германии, и являющейся крупнейшим фактором в деле обеспечения прочного мира в Европе и недопущения новых актов агрессии со стороны Германии»⁵². Позиция Идена во всех этих вопросах сводилась к следующему: британское правительство пока всерьез не занималось проблемами послевоенной Европы, оно «не считает возможным признавать новые границы немедленно, до конца войны», эти вопросы следует отложить до мирной конференции. Взаимопонимания на переговорах достичь не удалось. Англо-советское коммюнике о беседах И.В. Сталина и В.М. Молотова с А. Иденом в Москве включало лишь общую фразу: «Обмен мнений по вопросам послевоенной организации мира и безопасности дал много важного и полезного материала, который в дальнейшем облегчит возможность разработки конкретных предложений в этой области»⁵³. И позже, как будет показано ниже, Англия и США упорно не хотели говорить о послевоенных границах, всякий раз сталкиваясь в этом с позицией СССР, настаивавшего на признании, в первую очередь, своих западных границ.

Москва уже не в первый раз определенно заявляла о желании видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах. Лондон пока не торопился осудить Мюнхенское соглашение. И это было очень важно для выстраивания продуманной и взвешенной внешнеполитической концепции Бенеша: ориентации во внешней политике как на Запад, так и на Восток. Президент продолжал упорно и настойчиво добиваться ясности в вопросе признания союзниками правового и политического континуитета Чехословакии. 16 декабря 1941 г. Э. Бенеш и Я. Шрабек, председатель эмигрантского чехословацкого правительства, подписали заявление о состоянии войны со всеми государствами, воюющими на стороне Германии против Великобритании, США и Советского Союза. Одновременно правительство ЧСР направило ноту союзническим правительствам, касавшуюся отношения к Словакии, которая в декабре 1941 г. объявила войну Великобритании

и США. В ноте констатировалось, что Советский Союз не заявлял о войне со Словакией и что английское правительство, объявляя войну Финляндии, Венгрии и Румынии, «вообще не упомянуло о так называемом братиславском правительстве». Подчеркивалось, что чехословацкое правительство «принимает это решение с искренним удовлетворением и делает из этого вывод, что британское правительство, как и правительство Советского Союза, признав правительство Чехословацкой Республики соответственно нотами от 21 июля 1940 г. и 18 июля 1941 г., просто не принимают во внимание (neberou prostě na vědomí) существование так называемого словацкого государства и видят в нем по праву то, чем оно является в действительности: искусственную и временную конструкцию германской политики»⁵⁴.

Восстановленная в домюнхенских границах Чехословакия виделась тогда Бенешу как составная часть чехословацко-польской конфедерации, о которой велись переговоры с польским эмигрантским правительством. Эта идея сопрягалась с общим представлением Бенеша о послевоенном устройстве Европы, а именно: 1. Западноевропейский блок, т. е. Великобритания, с одной, и Франция – с другой стороны, состоявшие в договорных отношениях с Бельгией и Голландией; 2. Децентрализованная Германия «в форме свободной конфедерации»; 3. Значительно ослабленная Италия «во всяком случае, в Африке и в Средиземноморье»; 4. Реорганизованная срединная Европа, «ядром которой мог бы стать чехословацко-польский альянс, опирающийся на чехословацко-польско-советское сотрудничество (особенно с целью окончательно застопорить “Дранг нах Остен”)»; 5. Балканский блок (Югославия, Греция, Албания, возможно, Румыния). Судьба Болгарии и Венгрии оставалась для Бенеша неясной; 6. «Советский Союз, который, в отличие от различных планов (например, так называемой Паневропы), должен быть составной частью» новой европейской организации. Изоляция Советского Союза после Первой мировой войны, по мнению Бенеша, была невыгодна как России, так и Европе. «Российский европейский континент, – считал он, – и географически, и политически, ясное дело, относится к Европе так же, как к ней относятся и британские острова. Это – научный и политический факт»; 7. На севере Европы могло бы возникнуть политически более крупное скандинавское объединение, живущее в согласии с Великобританией и Россией⁵⁵. Эти и другие проекты организации послевоенной Европы, актуальные вопросы международной политики, перспективы чехословацко-советских отношений и их конкретные аспекты, особенно волновавшие его советские планы и политика в центрально-европейском регионе Бенеш намеревался обсудить непосредственно с советским руководством. Мысль о необхо-

димости поездки в Москву стала особенно настойчиво овладевать им после визитов Сикорского, а затем Идена в СССР и их встреч со Сталиным. Иден обсуждал с советским лидером, согласно полученной Бенешем информации, два вопроса: современная политическая ситуация и послевоенное устройство Европы. В частности, поднимался вопрос и о чехословацком эмигрантском правительстве, состав которого, дескать, не устраивал Москву, поскольку в него входили реакционные элементы, недоброжелательно отзывавшиеся о Сталине и советском правительстве. «Советское правительство, – говорилось в информации, – принципиально считает восточную, центральную и юго-восточную Европу областью своих интересов, тем более что кровное родство с народами этой области бесспорно. Вследствие этого советское правительство не считает нужным остановить движение своих войск после достижения советских государственных границ, части Красной Армии будут двигаться дальше в Европу вплоть до делимитационной черты, которая будет установлена по соглашению с союзниками»⁵⁶. Опубликованные О.А. Ржешевским документы о визите Идена в СССР, протоколы его бесед со Сталиным, А. Кадогана с В.М. Молотовым не содержат никаких подобных заявлений советских руководителей⁵⁷. Скорее всего, это домыслы самого информатора либо источника информации.

О поездке Идена в СССР и ее результатах по Лондону курсировали самые разные слухи, которые доходили и до Бенеша. Наконец, 21 января 1942 г. Иден сам пригласил Бенеша и Рипку на обед и поделился с ними впечатлениями о посещении Советского Союза. Из бесед со Сталиным, согласно записи Рипки о встрече, Иден вынес определенное впечатление, что советский руководитель, «по крайней мере, сегодня не рассматривает возможность большевизации Германии и что он в целом искренне говорит о независимости Польши и Чехословакии». Бенеш поддержал это впечатление, заявив: «Сталин умный и реалистичный [политик] и ясно понимает, что Россия не могла бы проглотить ни Польшу, ни Чехословакию. Наш народ чрезвычайно заинтересован в собственной национальной независимости, он – глубоко демократичен, он просто не вынес бы коммунистический режим и определенно сопротивлялся бы ему, если бы он был насильственно введен и удерживаем». Однако и Иден, и Бенеш пришли к единому мнению, что СССР намерен укрепить свое влияние в Центральной Европе, особенно в Польше и Чехословакии⁵⁸. Однако англичане на тот момент отказывались брать на себя какие-либо обязательства относительно будущих границ в этом регионе.

6 января 1942 г. Бенеш завершил работу над проектом «Меморандум по вопросу о границах ЧСР», который в подходящий момент на-

меревался передать англичанам. Президент торопился с разработкой этого документа, полагая, что война может окончиться осенью. В меморандуме содержалось требование признания домюнхенского «законного статус-кво анте» в отношении чехословацких границ, однако впервые допускалась возможность обмена некоторых территорий с Германией, при котором ЧСР получила бы «несравнимо меньшую территорию», но лишь при условии резкого ограничения численности немецкого населения в республике. Президент считал, что на предполагаемых для передачи территориях проживают 600-700 тысяч немцев, и за каждого немца «с территорией» из республики должно быть выселено два немца «без территории». Таким образом, численность немцев в послевоенной Чехословакии была бы снижена примерно на две трети. Трансфер должен был проходить при финансовой помощи выселяемым и под международным контролем. Переселение касалось бы, прежде всего, истинных нацистов. Для Словакии в меморандуме предлагалось аналогичное решение: выселение живущих там венгров в обмен на проживающих в Венгрии словаков⁵⁹.

Во время упомянутой встречи с Иденом 21 января Бенеш изложил ему свои взгляды по вопросу о будущих границах ЧСР и трансфере судетских немцев. Убеждая англичан признать домюнхенские границы Чехословакии, президент апеллировал и к позиции России, которая признала «нас без всяких опасений». Он подчеркнул при этом, что «мы коммунизма не боимся, что наш народ имеет все предпосылки для того, чтобы ему сопротивляться и его абсорбировать». Но как по этой причине, так и потому, что в утверждении «кто является хозяином Чехии, тот является хозяином Европы» кроется сущая правда, «англичане должны быть напрямую заинтересованы в том, чтобы, поддерживая нас в основных потребностях нашей государственной жизни, обеспечили бы себе соответствующее влияние в нашей стране, тем более что русское влияние после этой войны в любом случае будет во всей центральной Европе весьма сильным». Иден заявил, что во время своего визит в Вашингтон он обещал, что английское правительство в вопросе о границах в Европе не будет брать на себя каких-либо обязательств без договоренности с американским правительством. Он просил Бенеша представить ему доработанный меморандум, резюмирующий мысли президента по затронутым вопросам⁶⁰. Отказ Лондона признать незаконность мюнхенской сделки и домюнхенские границы Чехословакии чрезвычайно раздражал Бенеша, но он был по-прежнему осторожен в своих оценках, о чем и сообщал в посланиях на родину, с которой поддерживал тесные связи.

Бенеш информировал своих сторонников в оккупированной стране о положении дел в эмигрантском правительстве, его деятель-

ности, направленной на восстановление Чехословакии, укреплении его международного статуса, и в этой связи просил, чтобы Э. Гаха и правительство протектората своим поведением и заявлениями не подрывали его авторитет. Бенеш настаивал на добровольной отставке и Гахи, и пражского правительства, но те не считали нужным это делать, продолжая так называемую политику ретардации, то есть тормоза, смягчения действий оккупантов в отношении чешского народа. После вступления в войну Советского Союза в Чешских землях обозначилась тенденция к росту сопротивления оккупантам, а именно: массовый отклик на призыв «работай не спеши», увеличение брака на производстве, выведение из строя оборудования, задержка поставок на фронт и т.д. Эмигрантское правительство, ссылаясь на «подталкивание» со стороны Лондона и Москвы, настойчиво рекомендовало своим сторонникам в оккупированной стране перейти к усилению и планомерному осуществлению активного саботажа, но не прибегать к вооруженным акциям. В ответ на упреки о том, что протекторат является «самой спокойной частью Европы, оккупированной немцами», Бенеш в инструкции Фирлингеру и Пике от 29 сентября 1941 г., указывая на растущее сопротивление чешского народа, полагал: «Мы не должны требовать излишних жертв. Учитывая то, как по отношению к нам вели себя другие, никто не имеет права требовать от чехословацкого народа больше, чем он делает сегодня»⁶¹.

После назначения на должность имперского протектора в Прагу Р. Гейдриха, зарекомендовавшего себя при подавлении сопротивления оккупантам во Франции, Норвегии и Голландии, нацистский террор в чешских землях усилился. Однако, «срезая» злонамеренную, по их мнению, «верхушку» общества, гитлеровцы вынуждены были предпринять шаги по созданию сносных условий жизни для работающего населения. Гаха и сохранившие свои посты члены правительства протектората (его председатель генерал А. Элиаш был арестован и позже казнен) выступили с призывами к спокойствию, порядку и дисциплине, грозили суровыми и беспощадными карами их нарушителям, убеждали не слушать «подстрекателей» из Лондона и Москвы, советовали каждому заниматься своим делом и «выполнять обязательства» перед рейхом⁶². В этих условиях Бенеш, посчитав, что Гаха и правительство окончательно встали на путь коллаборационизма, отказался от их оценки как жертв обстоятельств и обрушился на них с резкой критикой. Одновременно лондонское правительство начало организовывать и направлять в протекторат группы парашютистов, которые наряду с задачами разведывательного характера должны были готовить диверсии в промышленности и на железных дорогах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, министр иностранных дел польского эмигрантского правительства А. Залеский говорил 26 апреля 1941 г., что стало известно Бенешу: «На варшавской площади нагромождено и выставлено напоказ множество дорожных указателей с надписями, подобными «Нах Москау», и т.д. И это так демонстративно, что очевидно: речь идет лишь об оповещении русских и оказании нажима. Если бы немцы готовили действительное нападение, никто не знал бы об этом» (ДНČР. Díl 1. Praha, 1965. Dok. 164. S. 207) .

² Ibid. Dok. 163. S. 206.

³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. – декабрь 1943 г. М., 1981. Док. 67. С. 105 (далее: ДМИСЧО 4-1); ДНČР. Díl 1. Dok. 191. S. 232.

⁴ См.: Выступление У. Черчилля по радио 22 июня 1941 г. (извлечение) // *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Война 1941–1945. Факты и документы. Док. 23. М. 2001. С. 343–345.

⁵ АВП РФ. Ф. 017а. Оп. 1. П. 2. Д. 8. Л. 163; *Иван Михайлович Майский.* Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. В 2 кн. Кн. 2. В 2 ч. Ч. 2. М., 2009. С. 6–7.

⁶ ДНČР. Díl 1. Dok. 193. S. 234–236; ČSVDJ. Dokumenty. Díl 1 (březen 1939 – červen 1943). Praha, 1998. Dok. 84. S. 192–195.

⁷ Ibid. Dok. 87. S. 200–201.

⁸ Ibid. Dok. 84. S. 195.

⁹ *Иван Михайлович Майский.* Дневник дипломата. С. 8.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 547. Л. 5–10. Этот документ поступил на имя Генерального секретаря ИККИ Г. Димитрова из разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии 25 сентября 1941 г.

¹¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 18–20.

¹² ČSVDJ, 1. Dok. 85. S. S. 198 (примеч. 1).

¹³ Ibid. Dok. 86. S. 198–199.

¹⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. М., 1973. С. 198.

¹⁵ ДМИСЧО, 4-1. Док. 76. С. 117.

¹⁶ Там же. Док. 77. С. 119–120.

¹⁷ ДНČР. Díl 1. Dok. 196. S. 239.

¹⁸ ДМИСЧО, 4-1. Док. 76. С. 117–118; Док. 77. С. 119–120; ДНČР. Díl 1. Dok. 198. S. 242.

¹⁹ ДНČР. Díl 1. Dok. 198. S. 241.

²⁰ ДМИСЧО, 4-1. Док. 79. С. 124.

²¹ Там же. С. 124–126.

²² Там же. Док. 82. С. 129.

²³ Там же. Док. 79. С. 124.

²⁴ ČSVDJ, 1. Dok. 93. S. 212–213.

²⁵ Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Řeči, projevy, a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946. S. 459–460. Бенеш, недовольный пассажем о судетских немцах, 23 июля возвратил ноту Идену. Форин Офис подготовил новый документ, который был передан Бенешу 30 июля (ДНČР. Díl 1. Dok. 209. S. 254–255).

²⁶ Beneš E. Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války (ed. J. Šolc). Praha, 1996. Dok. 65. S. 115.

²⁷ Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 199.

²⁸ Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. S. 463–464.

²⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 1. Л. 72.

³⁰ Beneš E. Vzkazy do vlasti. Dok. 64. S. 113.

³¹ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. Díl II. Praha, 1948. S. 19–20.

³² АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 10–11.

³³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 21. П. 34. Д. 2. Л. 1–2.

³⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 25. Д. 347. Л. 1–3.

³⁵ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 21. П. 34. Д. 2. Л. 3–4.

³⁶ ČSVDJ. Díl 1. S. 218–219.

³⁷ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 12–15.

³⁸ ДМИСЧО, 4-1. Док. 98. С. 155.

³⁹ В своих мемуарах после войны Фирлингер, вспоминая о встрече с Вышинским, утверждал, что не упоминал имени Бенеша, когда говорил о возможности «некоего более тесного» межгосударственного союза с СССР, употребив неопределенное выражение «многие у нас склонны» к такому союзу: «Я не хотел прямо ссылаться на авторитет президента, поскольку у меня сложилось впечатление, что с его стороны это было сказано совершенно без всякого значения и в порыве воодушевления, и что я не имею права упоминать об этом в разговоре с другими» (Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. S. 23). Запись в дневнике А.Я. Вышинского о приеме Фирлингера 21 августа свидетельствует, что тот все же ссылался на Бенеша.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 15–21.

⁴¹ Там же. Л. 30 (Вольный перевод с английского письма Бенеша Литвинову).

⁴² Иллюстрированная энциклопедия Великая Отечественная война 1941–1945. М., 2005. С. 40–41.

⁴³ 30 июля было подписано Соглашение о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Польшей, а в августе началось формирование частей польской армии в Советском Союзе.

⁴⁴ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 104. S. 233–235. В дневнике Майского упоминание об этой встрече отсутствует.

⁴⁵ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004. С. 22–23.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 77–78.

⁴⁷ Там же. Л. 80.

⁴⁸ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 113. S. 247–248.

⁴⁹ *Veneš E.* Šest let exilu a druhé světové války. S. 296.

⁵⁰ См. подробнее: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. С. 31–95.

⁵¹ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. С. 38–39.

⁵² Там же. С. 50.

⁵³ Там же. С. 92.

⁵⁴ *Veneš E.* Šest let exilu a druhé světové války. S. 471, 473.

⁵⁵ *Veneš E.* Demokracie dnes a zítra. Sv. II. Londýn, 1942. S. 166–168. 11 ноября 1941 г. Бенеш выступил в Эбердинском университете с лекцией «Современная война и будущий мир», в которой изложил свое видение организации послевоенной Европы. Богомолов, что следует из записи Бенеша о беседе с ним 21 ноября, «полностью согласился с моим планом и интересовался, как на это реагировали англичане». Позже его статья о реорганизации Европы была опубликована: *The Organisation of Postwar Europe // Foreign Affairs*, 20. N 2 (January 1942) (ČSVDJ. Díl 1. Dok. 115. S. 250. Примеч. 2, 4).

⁵⁶ *Ibid.* Dok. 125. S. 266.

⁵⁷ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. С. 31–95.

⁵⁸ Иден поделился с Бенешем и впечатлениями об устроенном в его честь банкете, поведении на нем советских военачальников, чертах характера самого Сталина: «Сталин вообще любит юмор, и с помощью анекдота с ним можно многое решить» (ČSVDJ. Díl 1. Dok. 132. S. 281–282).

⁵⁹ *Češi a sudetoněmecká otázka. 1939–1945. Dokumenty.* Praha, 1994. Dok. 80. S. 142–146.

⁶⁰ *Ibid.* Dok. 83. S. 149–150.

⁶¹ ДМИСЧО, 4-1. Док. 106. С. 165. Док. 112. С. 172.

⁶² Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995. С. 231–234.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА:
«50% – НА ЗАПАД, 50% – НА ВОСТОК,
А НЕ 100% – НА ЗАПАД»

После восстановления чехословацко-советских дипломатических отношений началось обсуждение вопроса о формировании чехословацких воинских частей на территории Советского Союза. Бенеш был чрезвычайно заинтересован в их создании и держал вопрос в поле своего внимания. По ряду объективных и субъективных причин, несмотря на подписанное 27 сентября 1941 г. советско-чехословацкое военное соглашение, его практическая реализация затягивалась. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда военное положение под Москвой несколько улучшилось. В конце ноября 1941 г. «Уполномоченным Верховного командования СССР по связи с чехословацкой военной миссией и по реализации советско-чехословацкого военного соглашения» был назначен генерал А.П. Панфилов. Начала действовать смешанная советско-чехословацкая комиссия, которая и обсуждала все конкретные вопросы организации чехословацких воинских частей: о месте формирования (им стал г. Бузулук Чкаловской области), освобождении из мест заключения чехословацких граждан, сосредоточении их в пункте сбора, обмундировании и обучении прибывших людей и пр. Отдельно обсуждались вопросы об оставшейся в СССР к моменту начала войны Суздальской группе интернированных чехословацких легионеров под командованием Л. Свободы и их переправке в Бузулук (они должны были стать ядром формирующейся воинской части), а также об освобождении бывших жителей Подкарпатской Руси из советских лагерей, оказавшихся там в 1939 г. в связи с нелегальным переходом советской границы. 22 января 1942 г. было подписано соглашение о беспроцентном займе в сумме 5 млн. рублей, предоставляемом советским правительством правительству ЧСР в первом полугодии 1942 г. на содержание чехословацких воинских частей на территории СССР¹.

Другим вопросом, постоянно приковывавшим внимание Бенеша в конце 1941 – начале 1942 г., являлись переговоры о создании после

войны чехословацко-польской конфедерации (ЧПК). Москва относилась к этой идее весьма настороженно, несмотря на многократные заявления президента и других чешских политиков о том, что реализация проекта возможна только при согласии на это Советского Союза. Мысль о конфедеративном (федеративном) объединении Польши и Чехословакии, как уже говорилось, всячески поддерживалась англичанами. Конфедеративное устройство территорий, непосредственно прилегавших к СССР, представлялось Лондону определенным шагом для укрепления английского влияния в восточноевропейском регионе и продолжением политики «санитарного кордона» в отношении Советского Союза. Бенеш и чехословацкое правительство согласились с проектом, усматривая в нем прежде всего преграду против возможной германской агрессии в будущем. Свою точку зрения в вопросе о ЧПК Бенеш довел до сведения Москвы сразу после восстановления советско-чехословацких дипломатических отношений. Желая улучшения советско-польских отношений, Бенеш в то же время решил не вмешиваться в спор о советско-польских границах, по которому стороны не могли договориться: поляки настаивали на границах, существовавших на 1 сентября 1939 г., Москва – на 22 июня 1941 г. Из этого, помимо прочего, следовал и разный взгляд чехословацкой и польской стороны на вопрос о Тешинской области и о так называемой Яворине (на севере Словакии), отторгнутых от Чехословакии и перешедших к Польше после Мюнхена. Все это накладывало негативный отпечаток на ход переговоров о ЧПК и тормозило их. К лету 1942 г. вопрос о конфедерации повис в воздухе, хотя ни чехословацкая, ни польская стороны не собирались от нее отказываться. Москва пока придерживала свое мнение, не говоря ни да, ни нет. Но по мере ухудшения советско-польских отношений советское руководство все более склонялось к отрицательному взгляду на проект ЧПК, оказывая в этом направлении давление на чехословацкое правительство².

К тому времени уже всю «обкатывался» вопрос о поездке Бенеша в СССР для согласования дальнейшей политической линии, обсуждения положения в Центральной Европе, а также внутренней и внешней политики будущей ЧСР. НКВД высказался в пользу такого визита. 28 января заведующий IV европейским отделом НКВД Н.В. Новиков представил заместителю наркома иностранных дел А.Я. Вышинскому свои соображения на этот счет. Он сообщал, что статс-секретарь чехословацкого МИД Г. Рипка в беседе с А.Е. Богомоловым «без обиняков» и не впервые говорил о необходимости поездки в СССР чехословацкой правительственной делегации для

обсуждения вопросов о будущем положении Чехословакии и о европейских проблемах в целом. Новиков предполагал, что в основе этих предложений лежит следующее: «чехословаки, рассматривающие трезво нашумевшую проблему чехо-словако-польской конфедерации, по всем данным считают ее прожектерством, если она не будет поддержана Советским Союзом. Прежняя ориентация чехословаков на западные державы, прежде всего на Францию, исторически абсолютно не оправдала себя, в силу чего построить здание конфедерации на аналогичной узкой базе (ориентация на Англию) могла бы снова оказаться политически несостоятельной. Вот почему чехословаки в Лондоне (Бенеш, Рипка) в разговорах с гг. Богомоловым и Майским и Фирлингер здесь упорно проводят ту мысль, что конфедерация не может существовать без одобрения СССР и что вообще чехословаки должны ориентироваться в первую очередь на СССР». Новиков полагал, что «чехословаки, учитывая наличие многих неразрешенных польско-советских проблем (в частности, вопрос о границах) и широко распространенные еще и сейчас антисоветские настроения в нынешнем руководящих кругах Польши... совершенно не уверены в том, что мы действительно одобрим идею конфедерации (подчеркнуто в оригинале. – В. М.). Допуская возможность возникновения у нас с Польшей серьезных споров и конфликтов, чехословаки хотят застраховать себя от участия в них, решительно заявляя о необходимости для Польши договориться с нами, без чего, по их концепции, никакая конфедерация невозможна. Таким образом, чехословаки хотят всегда держать открытой дверь для добрососедских отношений с нами – будь то дверь из конфедеративного польско-чехословацкого дома, будь то дверь из Чехословакии, существующей независимо от Польши. Сама Чехословакия имеет меньше оснований опасаться конфликтов с нами, ибо в советско-чехословацких отношениях до сих пор никогда не было каких-либо острых или трудно разрешимых проблем».

«Отсюда, – делал вывод Новиков, – желание Чехословакии установить непосредственные контакты с нашим правительством, причем имеются в виду, разумеется, не столько текущие вопросы советско-чехословацких отношений, сколько проблемы будущего существования Чехословакии, ее гарантий против Германии, ее отношений с Польшей (в свете высказанных соображений) и с Англией... Не исключено, однако, что чехословаки руководствуются, кроме этого, еще и другими мотивами, стремясь в своих заигрываниях с Польшей к тому, чтобы последняя сблизилась с нами, без чего союз с ней был бы подобен опасному контакту с заразным больным».

Советский дипломат полагал, что «нам не следует отказываться от предложения чехословацкого правительства. Личный контакт руководителей Советского Союза с представителями чехословацкого правительства, не чувствующего под собой в Лондоне твердой почвы именно из-за отсутствия договоренности с нами по ряду важных вопросов, мог бы привести к полезным политическим результатам (вся фраза слева по тексту отчеркнута в оригинале. – В. М.). Переговоры с чехословаками в Москве происходили бы в обстановке, в которой они не испытывали бы нажима со стороны Англии (следует ценное признание Бенеша о том, что на протяжении всего периода войны Форейн-Офис усиленно нажимал на него, добиваясь сближения с Польшей – телегр. № 93/88), что, безусловно, облегчило бы достижение взаимопонимания. В частности, мы могли бы, пользуясь целой системой рычагов, вытекающей из нашего географического положения и будущего военно-политического влияния СССР на разрешение европейских дел (от слов «в частности» до слова «дел» слева по тексту отчеркнуто в оригинале. – В. М.), добиться желательного для нас решения чехословаков по вопросу о конфедерации. Я имею в данном случае в виду, что наши бесспорные государственные интересы... заставляют нас стремиться к тому, чтобы не допустить создания польско-чехословацкой конфедерации, которая является **в первую очередь не только английской или англо-польской попыткой воздвигнуть средостение между СССР и внешней Европой, но в значительной мере и чехословацкой** (выделенная автором данной книги часть фразы отмечена по левому краю текста овалом. – В. М.). Вывод Новикова гласил: «Необходимо, не открывая заранее наших карт, дать согласие на приезд чехословацкой правительственной делегации во главе с Бенешем для ведения политических переговоров, используя в качестве формального повода необходимость договориться по ряду вопросов о военном сотрудничестве в связи с формированием чехо-словацкой бригады»³. Этот анализ, видимо, и лег в основу оценки советским руководством ЧПК. Однако пока советское правительство не готово было решить вопрос о приглашении Бенеша в СССР.

Бенеш, хотя и считал необходимым продолжить переговоры с поляками о создании конфедерации, все же, почувствовав недовольство Москвы, посчитал нужным настаивать на улучшении советско-польских отношений. Об этом ясно свидетельствует его встреча с Сикорским 2 февраля 1942 г. Польский премьер, инициатор встречи, решил проинформировать президента о дискуссии, которую он вел накануне за ланчем с югославами, греками и бельгийцами. Речь шла

о том, чтобы представители оккупированных стран уже сейчас выработали совместную политическую линию в отношении Германии и сформулировали конкретные претензии к ней. Поляки мыслили себя во главе этого процесса, полагая, что можно действовать независимо от великих держав – Великобритании, США и Советского Союза. Бенеш же считал, что эти вопросы надо решать совместно с великими державами, либо, по меньшей мере, информировать союзников о подготовке таких решений, и особенно Россию, которая, по его мнению, «очень чувствительна» к подобным вещам. Иллюзорно предполагая, что война может закончиться в октябре-ноябре 1942 г. и что советская армия вот-вот придет в Европу, Бенеш не хотел конфронтации с Москвой. В записи его беседы с Сикорским значится: «Ведь ясно, что в разгроме Германии русская армия сыграет большую роль, нравится это кому-либо или нет; фактически все мы заинтересованы в том, чтобы в Берлине оказались не только русские или не только англичане, и мы должны стремиться к такому соглашению, чтобы там были, с одной стороны, русские с нами и поляками, с другой стороны, англичане и американцы с бельгийцами, голландцами и норвежцами, короче, все». Бенеш убеждал Сикорского скорее «договориться с русскими», с чем генерал был согласен, но заявил, что его позиция встречает много противников в кругах польской эмиграции⁴.

Бенеш был недоволен не только упорством и несговорчивостью поляков, но и той «игрой», которую вела Англия в вопросах чехословацко-польско-советских отношений. Согласно записи беседы Рипки с президентом от 12 марта 1942 г., тот заявил: «Ситуация сегодня уже не такая, чтобы я стоял с шапкой в руке на ступенях Форин Офис. Англичане все еще настороженно относятся к нашим требованиям и тем самым прямо толкают нас в сторону русских. Мы не хотим этого делать, но все же, если русские согласятся с нашими требованиями и предложат нам свою поддержку, естественно, мы не сможем ее отвергнуть и не отвергнем. Англичане все время хотят играть с поляками и все время хотят соглашения между поляками и нами, но своей игрой с поляками против русских прямо осложняют, если не делают невозможным наше соглашение с поляками. Наконец, может случиться, что русские захотят играть с нами, с одной стороны, против поляков, с другой, против англичан»⁵. В конце концов, так и произошло.

Бенеш засобирался в Москву, желая выяснить ее отношение к волновавшим его вопросам о континуитете ЧСР, ее границах, проекте ЧПК и т.д. 28 апреля 1942 г. на стол Молотова легла секретная

справка (без подписи) о поездке Э. Бенеша в Москву и вопросах, которые он хочет поставить. «Бенеш за последние три месяца, – говорилось в справке, – неоднократно поднимал перед Богомоловым вопрос о своей поездке в Москву для переговоров с т. Сталиным». Далее излагалась суть вопросов, которые он хотел бы обсудить: а) о послевоенных границах Чехословакии. Бенеш утверждал, что «англичане якобы отстаивают мюнхенский раздел Чехословакии и английское правительство не хочет дать ему точный ответ о восстановлении Чехословакии» (это и далее подчеркнуто черным карандашом в тексте. – В. М.). «Бенеш, не получив от англичан признания домюнхенских границ Чехословакии, явно рассчитывает получить это признание от нас и тем самым заставить англичан аннулировать мюнхенское соглашение»; б) об общей границе между СССР и Чехословакией. По мнению Бенеша, если Советский Союз не будет соседом ЧСР, то ее положение будет равно довоенному – тогда нужно соглашение с Польшей и совместное урегулирование вопросов с Венгрией; если же СССР твердо намеревается стать соседом Чехословакии, то «обстановка круто изменится», «можно будет по другому развивать и отношения с Польшей», которая «тогда не сможет играть большой роли». «Таким образом, общая граница с СССР, по Бенешу, является предпосылкой будущей безопасности Чехословакии»; в) Бенеш заявил Богомолу, что, «желая, чтобы украинский вопрос исчез окончательно, он хотел бы передать СССР Карпатскую Украину, чтобы быть уверенным в том, что никакие происки чужих держав не могли бы использовать украинцев в своих целях»; г) признание границ СССР. Естественно, что ставить вопрос об общей границе между СССР и Чехословакией и тем более о передаче СССР Карпатской Украины Бенеш может, лишь признавая необходимым восстановление границ СССР 1941 г. Бенеш «стоит целиком на советской точке зрения самоопределения наций, и поэтому считает, что присоединение Литвы, Латвии и Эстонии к СССР, а также Западной Белоруссии и Западной Украины, было желанием этих народов, и он целиком признает эти территории советскими»; д) об отношении СССР к польско-чехословацкой конфедерации. Бенеш заявил Богомолу, что «все это существует только в сослагательном наклонении и зависит от отношений между СССР и Польшей. Только при условии полной демократизации Польши и полного урегулирования всех ее спорных вопросов с СССР было бы возможно реализовать это соглашение с Польшей. Вообще он против всех соглашений, которые могли бы оказаться подозрительными СССР». Далее речь шла о переселении в Германию судетских немцев, о «наказании предателей

славянства» («Словакию надо почистить от тех элементов, которые втянули ее в войну с Советским Союзом»), о мероприятиях по «подготовке взрыва германского тыла», особенно на территории Чехословакии, «когда советские войска пойдут южным путем в Европу».

Авторы справки считали приезд Бенеша в СССР «целесообразным и своевременным» (последнее слово обведено черным карандашом. – В. М.) и обосновывали это так: а) «Бенеш под английским влиянием договорился в принципе с поляками о польско-чехословацкой конфедерации, являющейся для нас неприемлемой. Однако имеются основания полагать, что Бенеш ныне готов отойти от этой комбинации при условии гарантии безопасности будущей Чехословакии со стороны Советского Союза. Ликвидировать через Бенеша в самом зародыше эту конфедерацию и польские интриги вокруг нее было бы весьма желательно»; б) Бенеш «признает наши границы 1941 г.». «Об этом он заявлял неоднократно нашим представителям, и вполне вероятно, что он будет готов заявить об этом публично в итоге переговоров в Москве, получив взамен от нас признание необходимости восстановления домюнхенских границ Чехословакии»; в) «из числа всех эмигрантских правительственных деятелей Бенеш, считающийся с популярностью СССР в чехословацких народных массах, является относительно наиболее приемлемой для нас фигурой и должен быть нами использован для выявления и нейтрализации антисоветских интриг, ведущихся в Лондоне враждебными нам английскими, польскими и прочими кругами».

С другой стороны, по мнению составителей справки, поездка Бенеша в СССР в данный момент имела бы и свои отрицательные (слово обведено черным карандашом. – В. М.) стороны. «Публичное признание границ СССР 1941 г. такой малой страной, как Чехословакия, прежде чем будет достигнута договоренность о признании этих границ великими державами – Англией и США – может быть истолковано как признак противоречий между нами и союзниками в этом вопросе». «Поездка Бенеша, безусловно, заставит насторожиться английское правительство, а предлагаемые ниже соглашения вряд ли получат безусловное одобрение со стороны англичан и вызовут с их стороны известное недовольство (которое можно будет до некоторой степени сгладить тем, что в зрелой стадии переговоров с Бенешем мы можем проинформировать англичан о намечающемся соглашении с Чехословакией)». «Разумеется, что польское правительство отнесется к поездке Бенеша и к нашему соглашению с ним отрицательно и что это может стать новым источником трений между нами и поляками».

И все же составители справки, «учитывая вышеуказанные бесспорные положительные моменты», считали целесообразным пригласить Бенеша в СССР. Указывались и возможные итоги переговоров, которые могли бы завершиться подписанием а) совместной советско-чехословацкой декларации; б) соглашения о займе; в) секретного соглашения по некоторым из перечисленных выше вопросов. Высказывались соображения относительно возможного содержания этих документов. Декларация могла бы включать в себя: взаимное признание незыблемости границ, нарушенных гитлеровской агрессией (в отношении Чехословакии – домюнхенских границ, а в отношении СССР – границ 1941 г.); заявления о решимости обеих стран бороться до полного изгнания врага со своих территорий; заявление о решимости обеих стран содействовать обеспечению свободы и независимости всех славянских народов, угнетаемых гитлеровцами и их ставленниками; заявление о готовности обеих стран сотрудничать в деле такого послевоенного устройства Европы, которое исключало бы повторение гитлеровской агрессии. Соглашение о займе (последнее слово обведено черным карандашом. – В. М.) должно было бы содержать заявление о согласии советского правительства предоставить на льготных условиях заем на содержание чехословацкой военной части на территории СССР, военных и дипломатических миссий Чехословакии в СССР, а также условий, на которых этот заем предоставляется. Секретное соглашение могло бы содержать обязательство Чехословакии не участвовать без согласия СССР ни в каких блоках, конфедерациях, союзах, таможенных или валютных униях; готовность СССР заключить с восстановленной Чехословакией договор о военном союзе; согласие СССР поддержать требование Чехословакии о выселении немцев из Судетской области; одностороннее заявление Чехословакии о ее желании присоединения Карпатской Украины к Советскому Союзу⁶. На первой странице документа в верхнем левом углу помета чернилами: За т. Деканозовым, Соболевым, Уманским. Скорее всего, все пометы были сделаны Молотовым и свидетельствовали о его внимательном ознакомлении с документом. В справке, по сути, намечалась перспектива советско-чехословацких отношений на ближайшее время. Речи о договоре в ней пока не было. Вопрос о приглашении Бенеша в Москву оставался открытым, хотя и содержались рекомендации решить его положительно.

О своем желании посетить Москву Бенеш сообщил английскому посланнику при чехословацком правительстве Ф.Б. Николсу 1 мая 1942 г. Как предполагал президент, поездка должна была состояться летом 1942 г. По словам Бенеша, он намеревался обсудить с со-

ветским руководством два вопроса: о переговорах с поляками относительно создания конфедерации и о том, чтобы «при внутренней реконструкции республики после войны Советы не вмешивались в наши дела... Мы хотим проводить сбалансированную политику между Востоком и Западом»⁷. Бенеш полагал, что после подписания готовившегося англо-советского договора «актуальными станут другие вопросы Центральной Европы», включая чехословацкий и польский, а также вопрос о конфедерации. Президент считал необходимым «информировать Советы» о том, как он представлял себе переход к послевоенным условиям в освобожденной стране⁸. 8 мая Бенеш говорил с Майским о желании посетить Москву, когда условия созреют для этого⁹. 14 мая Вышинский напомнил Молотову о неоднократных предложениях Бенеша относительно поездки в СССР. «Поскольку чехословаки на протяжении столь длительного времени ставят этот вопрос, я считал бы необходимым дать им тот или иной ответ», – писал Вышинский. Слева от текста записки помета чернилами: Копию телеграммы Молотова т. Богомолу т. Вышинский получит сегодня-завтра. Дата: 14 мая. Подпись: С[ергей] К[озырев]¹⁰. Указание Богомолу было дано, и 15 мая он сообщил Бенешу о принципиальном согласии советского правительства на его приезд в СССР в любое время¹¹. Хотя до этого Бенеш активно зондировал возможность своей поездки в СССР, но 21 мая президент сообщил Фирлингеру, что считает ее преждевременной. Он не хотел выглядеть вымалывающим этот визит: «Я поеду лишь в том случае, когда это желание проявим не только мы, но когда и они (Советы. – В. М.) тоже проявят к этому интерес и пригласят меня». Сообщение Богомолу о согласии советского правительства принять его в любое время он характеризовал как «в целом ни то ни се», «ни рыба ни мясо»¹². Возможно, это и являлось одной из причин, понудивших Бенеша «притормозить» решение вопроса о его поездке в СССР, но главное, по-видимому, состояло в том, что в Лондоне начались советско-английские переговоры, и президент ждал их результатов.

Подписать договор намечалось в ходе визита В.М. Молотова в Англию, который начался 20 мая. Именно в это время Бенеш и Сикорский (20 мая), а затем Рипка и Рачиньский (21 мая) обсудили вопрос о положении дел с чехословацко-польской конфедерацией. Общая запись об итогах встреч, сделанная Рипкой, свидетельствовала о большой их напряженности и наличии претензий друг к другу. Сикорский упрекал Бенеша в том, что тот (точнее Фирлингер) слушается «приказов Москвы», говорил, что, если Чехословакия не хочет конфедерации, то Польша, несмотря на свое стесненное гео-

графическое положение, может существовать и самостоятельно. На что Рипка ответил репликой: «И Чехословакия тоже может». Разгневанный Бенеш заявил, что он ужасно удивлен словами Сикорского, и главное их тоном, и не понимает причины этого. Он выразил сомнения в том, что такое можно снести, и добавил: «Я сам Вам следовать не буду». Сикорский несколько сбавил тон, но продолжал уговаривать Бенеша в том, что уже сейчас, за границей, надо готовиться к отпору коммунизму, поскольку Сталин, дескать, после войны «снова будет работать с Коминтерном». Польский премьер добавил, что считает Сталина весьма реалистично мыслящим государственным деятелем, но удивлен тем, насколько убежденным коммунистом тот является. Сикорский выражал недовольство ясно выраженным нейтралитетом Чехословакии в решении спорных советско-польских вопросов. Считая, что Россия будет чрезвычайно истощена войной, он утверждал, что решающее слово после нее будет принадлежать Америке и Англии и что следует договориться о том, чтобы опираться в политике именно на них. Бенеш ответил, что, исходя из имеющегося у Чехословакии опыта, он не может ориентироваться исключительно на англосаксонские страны, поэтому «мы будем вести себя осторожно и ждать конкретных результатов войны»¹³. 26 мая советско-английский договор был подписан. В его пятой статье значилось, что договаривающиеся стороны будут «действовать в соответствии с двумя принципами – не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств»¹⁴.

27 мая Молотов вылетел в США, где пробыл до 5 июня, а затем вернулся в Англию. Здесь он снова встречался с Черчиллем и Иденом, а также с главами эмигрантских правительств ряда малых стран. Среди прочих во время встречи Идена с Молотовым 9 июня обсуждался и вопрос о заключении договоров с ними, в частности, советско-югославского договора. Молотов заявил о желательности этого. Иден считал, что спешить с этим не надо, что следует «избежать соревнования между Великобританией и СССР в деле заключения различных договоров с малыми странами», особенно, что касается их послевоенных границ. Он заявил, что английское правительство хочет «избежать заключения подобных договоров и просит об этом советское правительство». Молотов обещал доложить Москве о высказанном Иденом мнении. 4 июля нарком сообщил Майскому: «Можете сообщить Идену, что в принципе мы с его предложением согласны и хотели бы иметь со стороны англичан конкретные предложения по этому вопросу»¹⁵. Но англичане сочли достаточным по-

лучение принципиального согласия советского правительства и не удосужились представить просимые конкретные предложения, что впоследствии, при решении вопроса о советско-чехословацком договоре, сыграло немаловажную роль.

Бенеш полагал, что подписание советско-британского договора о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны на период 20 лет имеет большое значение с точки зрения развития советско-чехословацких отношений. Он гордился тем, что принимал участие в подготовке договора и получил от Идена благодарность за то, что «оказал влияние на английскую общественность и представил все необходимые доводы в пользу соглашения с Советским Союзом»¹⁶. Президент высоко оценил договор, считая его «документом серьезным, на сто процентов отвечающим нашей сегодняшней и послевоенной политике», «фундаментальным для послевоенного урегулирования, определяющим на длительный период общую политику России и Англии в Европе»¹⁷.

В начале июня Богомоллов довел до сведения Рипки, что «советское правительство выступает за восстановление независимой, сильной Чехословакии... в тех границах, которые существовали до Мюнхена»¹⁸. Готовилась почва для встречи Бенеша с Молотовым¹⁹, которая состоялась 9 июня 1942 г. Сегодня известны две записи беседы: одна, сделанная Богомолловым²⁰, и вторая, сделанная несколько дней спустя Бенешем²¹. Записи в принципе (по перечню обсужденных проблем, описанию позиций) мало чем отличаются друг от друга, некоторая разница есть в акцентах, более или менее подробном изложении интересующих обе стороны вопросов. «Молотов принял Бенеша по его инициативе в помещении посольства. Бенеш начал беседу с выражения благодарности советскому правительству за дружественную линию по отношению к Чехословакии за несколько лет до ликвидации и в период ликвидации Чехословакии», «за выражение пожелания видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах», – так начинается советская запись беседы. Бенеш в самом начале своей записи констатировал: «Разговор с Молотовым был прямым, ясным, очень конкретным и вполне дружественным. Были обсуждены все касающиеся нас основные вопросы и констатированы взаимное доверие и дружественные отношения, которые будут постоянными. Майский сказал об этом Рипке 11 июня (говоря о результатах беседы): «Молотов был очень доволен беседой». Можно полагать, что все вопросы между нами выяснены и что можно приступить к конкретному обсуждению всего, что касается наших

взаимоотношений». В оценке Мюнхена мнения собеседников совпали, но замечание Молотова о том, что «особенно вредной была позиция Франции в период Мюнхена», с чем Бенеш согласился, и его ответ: «Чехословакия была столько лет верна Франции и, в конце концов, была предана ею» есть только в советской записи.

«Характеризуя свою политическую линию, Бенеш сказал, что Чехословакия географически находится в тяжелом положении, окруженная Австрией, Германией, Польшей и Венгрией. В этой обстановке она вынуждена искать себе опору... В течение 20 лет Чехословакия ориентировалась на Запад и прежде всего на Францию. Теперь положение резко меняется, и если СССР станет соседом Чехословакии, то ориентировка на СССР будет соответствовать более всего интересам Чехословакии и симпатиям чехословацкого народа. Надо построить такую Европу, чтобы повторение Мюнхена стало невозможным. Для этого Чехословакия шла и идет на сближение с Польшей и СССР. Молотов подтвердил необходимость предотвращения второго Мюнхена и необходимость сближения Чехословакии и Польши, но спросил Бенеша, как он понимает польско-чехословацкую конфедерацию, так как вопрос об этой конфедерации не совсем ясен для советского правительства». Бенеш сказал, что «ни при каких условиях эта конфедерация не будет использована против СССР, что это только стремление Чехословакии использовать соседство с Польшей для укрепления своего положения в Центральной Европе (подчеркнуто. – В. М.)». Это утверждение в записи Бенеша отсутствует. Молотов заявил, что «рад это слышать», что СССР надеется иметь с Польшей хорошие отношения и преодолеть все имеющиеся во взаимоотношениях трудности путем «некоторых взаимных уступок», но «не за счет Украины и Белоруссии, а за счет Германии». При этом нарком заметил, что «в польских кругах имеются лица, у которых еще сильны антирусские настроения и проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой конфедерации против СССР». Бенеш согласился, что «такие люди среди поляков есть, но Чехословакия не пойдет на создание конфедерации без выполнения двух условий: 1) демократизация Польши и 2) урегулирование всех спорных вопросов между Польшей и СССР. В любом случае конфедерация будет реальностью только после освобождения обеих стран и в условиях демократического обсуждения этой конфедерации». Молотов обратил внимание Бенеша на то, что Рачинский толковал «конфедерацию весьма широко, как объединение многих государств от Балтийского моря до Эгейского и вдобавок включил в это объединение Литву». «Бенеш замаялся и сказал, что Чехословакия не может и не

хочет вмешиваться в польско-советские пограничные споры, но что он считает вопрос о Литве как о советской республике бесспорным, а большие союзы государств бесполезными... Еще раз повторил, что он не пойдет на такую польско-чехословацкую конфедерацию, которая будет враждебна интересам СССР, и что, если ему придется выбирать между Польшей и СССР, то он, безусловно, выберет СССР (подчеркнуто. – В. М.)». Этого заявления в записи Бенеша также нет.

Далее разговор перешел на более общие темы: о поездке Молотова в Англию и США, об открытии второго фронта, об ответственности Германии за войну, об оценке Бенешем политики советского правительства в 1939 г. Бенеш заявил, что он приложит все усилия, чтобы убедить англичан и американцев открыть второй фронт, отметил, что он понимал линию советского правительства в 1939 г. и добавил, что понимал необходимость для СССР советско-финской войны, считая ее «справедливой мерой самообороны СССР». В записи Бенеша о его позиции в 1939 г. говорится более пространно, а об отношении к советско-финской войне так: «в период финской войны я молчал». Бенеш отметил также, что Молотов задал вопрос «о наших (судетских. – В. М.) немцах», а президент ответил: «мы хотели бы избавиться от значительного их числа либо от всех тех, которые провинились как нацисты». Молотов, значится в записи Бенеша, согласился, заметив, что это внутренняя проблема Чехословакии, в которую СССР не будет вмешиваться, но, когда будет можно, поможет. Речь шла также о будущем экономическом сотрудничестве обеих стран. «Расставаясь, мы договорились, что встретимся, очевидно, в этом году в Москве», – так завершается запись Бенеша. В советской записи беседы об этом ничего не говорится.

Начальник канцелярии президента Я. Смутны, 9 июня сделавший со слов Бенеша запись о его встрече с Молотовым, тоже говорит о том, что речь шла и о поездке президента в СССР и что за ним был оставлен выбор времени визита. Президент с большой симпатией отзывался о советском наркоме: «Молотов говорил ясно, точно формулировал вопросы, гораздо точнее, чем, например, Майский, не говоря уж о Богомолове», «Молотов на прямой вопрос дает всегда, если возможно, такой же прямой ответ, не уваливая». По мнению Бенеша, записал Смутны, «тон всех советских людей по отношению к нам в последнее время очень изменился к лучшему», «с Россией у нас сейчас все в порядке»²². Однако, это впечатление оказалось обманчивым.

В первой половине 1942 г. чехословацкое правительство не прекращало своих усилий, направленных на получение от британских властей заявления о признании Мюнхенского соглашения недей-

ствительным с самого начала. Англичанам, как уже говорилось, в неофициальном порядке был передан меморандум «К вопросу о границах ЧСР», в котором явно обозначалась связь между признанием недействительности Мюнхена и восстановлением домюнхенских границ. Английский МИД и его глава Иден считали, что эти вопросы надо рассматривать вкуче с вопросами о переселении после войны судетских немцев и о конфедеративном устройстве Центральной Европы. Естественно, что на англичан не мог не влиять взгляд Москвы на конфигурацию послевоенной ЧСР. А он был неофициально обозначен: Чехословакия должна быть восстановлена в домюнхенских границах. 25 июня Бенеш и Рипка были приглашены на обед к Идену, который интересовался беседой президента с Молотовым и, в частности, тем, было ли письменное советское заявление о восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах. Бенеш ответил, что это заявление было устным, но Молотов подтвердил его во время встречи, а Рипка добавил, что, очевидно, последует и письменное уведомление. Но еще ранее, 7 июня, Иден сообщил Бенешу следующее: английское правительство, учитывая, что Германия умышленно нарушила соглашение 1938 г., касающееся Чехословакии, «не чувствует себя связанным никакими обязательствами в этом отношении»²³. Таким образом, снова подтвердив свои прежние заявления, англичане тем не менее не осудили сам факт подписания Мюнхенского соглашения.

Летом-осенью 1942 г. в связи с оттяжкой открытия второго фронта в Европе усилилась напряженность в советско-английских отношениях, свидетельством чего стал визит У. Черчилля в Москву 12–16 августа 1942 г. Но незадолго до этого англичане решили еще раз продемонстрировать свое доброе отношение к Чехословакии. 5 августа Иден сообщил Масарику **письменно**, что правительство Великобритании не считает себя далее связанным Мюнхенским соглашением и что «при окончательном определении чехословацких границ в конце войны на его точку зрения не будут влиять никакие изменения, происшедшие в этом вопросе как в 1938 г., так и позднее»²⁴. 29 августа Фирлингер довел этот факт до сведения заведующего IV Европейским отделом НКВД Н.В. Новикова и добавил, что, «по его мнению, успешное завершение переговоров зависело, по-видимому, от того, что Бенеш воспользовался заявлением т. Молотова по этому же вопросу и тактически использовал его в разговоре с Иденом»²⁵. 2 сентября 1942 г., уже после поездки в СССР, Черчилль в письме на имя Бенеша подтвердил решение британского правительства²⁶. Англичане готовы были дистанцироваться от «Мюнхена», но лишь при

сохранении их правовой оценки его изначальной действительности, т.е. фактически они не отозвали свои подписи под Мюнхенским соглашением и не осудили его. Концепция континуитета Чехословакии столкнулась тут с представлениями английского МИД о преемственности внешнеполитической линии Великобритании.

Однако Бенеша в то время устраивал компромиссный характер ноты Идена от 5 августа. Не последовало возражений и со стороны СССР. Еще 13 июля в беседе с Богомоловым президент информировал его о ходе переговоров с англичанами по вопросу о «Мюнхене» и согласованной с ними формулировке. По словам советского посла, заявление Молотова о признании домюнхенских границ Чехословакии «имеет обязательный характер» и что «английская формулировка означает примерно то же самое». На вопрос Бенеша, намерен ли СССР подтвердить свою позицию письменно, Богомолов ответил, что в этих вещах необходимо учитывать позицию Англии, и что в случае ее письменного заявления проще это будет сделать и Москве²⁷. То же самое Богомолов заявил и Рипке 27 июля: «Я уже дал Вам заверение, что советское правительство [высказывается] за восстановление Чехословакии в домюнхенских границах. Это – официальная точка зрения, и ничего не меняется оттого, что из тактических соображений, особенно учитывая позиции Англии, мы Вам не говорим об этом публично или посредством особой письменной ноты»²⁸. 29 сентября Фирлингер передал В.А. Зорину (IV Европейский отдел НКВД) ноту Идена от 5 августа и выразил пожелание, чтобы «советское правительство, подтверждая получение данной ноты, выразило бы еще раз отношение Советского Союза к мюнхенским решениям в отношении Чехословакии, чтобы, как он выразился, “зафиксировать для истории уже известную чехословацкому народу позицию СССР”»²⁹. Однако прошел почти месяц, прежде чем Молотов направил Фирлингеру соответствующее письмо, предварительно согласовав его текст со Сталиным. «Прошу утвердить этот ответ чехам о Мюнхене. Молотов. 22.X», – написано жирным синим карандашом по тексту послания. Здесь же – красным карандашом помета: Ст[алин]. В письме говорилось, что «советское правительство с удовлетворением приняло к сведению факт заключения чехословацким и британским правительствами соглашения по вопросу прекращения действия Мюнхенского соглашения 4-х держав от 29 сентября 1938 г. и всех его юридических, политических, дипломатических и территориальных последствий, происшедших в 1938–1939 гг. ... Советское правительство, как не принимавшее участия в Мюнхенском соглашении, никогда не считало и не считает себя

связанным в какой-либо степени постановлениями данного соглашения». Письмо, датированное 24 октября, было вручено Фирлингеру заместителем наркома С.А. Лозовским 28 октября³⁰. В тот же день Масарик и Богомоллов обменялись нотами, касавшимися чехословацкого полпредства в Москве, которое обрело статус посольства, Фирлингер получил ранг посла³¹. Следует отметить, что в Справке о советско-чехословацких отношениях в 1941–1943 гг., подготовленной Новиковым 1 июля 1943 г., отмечалось, что заявление советского правительства от 24 октября фактически распространялось «и на вопрос о Тешинской Силезии, захваченной Польшей у Чехословакии вслед за принятием Мюнхенских решений»³².

В июне–июле 1942 г., когда в советско-польских отношениях наступило резкое ухудшение в связи с выводом из СССР армии В. Андерса и усилением антисоветских настроений среди польской эмиграции, позиция Москвы по вопросу создания чехословацко-польской конфедерации утратила расплывчатость и приобрела негативный характер. По словам Бенеша, Богомоллов в категоричной форме заявил чехословацкому министру иностранных дел Я. Масарику, что «Москва против чехословацко-польского сближения», и рекомендовал довести это до сведения англичан, американцев и поляков. Президент был страшно раздосадован этим, считая, что русские «уже раскрывают свои карты» и что они сами должны открыто и официально изложить свои взгляды союзникам по антигитлеровской коалиции³³. Однако не учитывать создавшуюся ситуацию он не мог. Чехословацко-польские переговоры застопорились, и Бенеш посчитал нужным обсудить возникшие трудности с поляками и англичанами. Однако прежде ему нужно было знать официальную позицию Москвы, а не просто мнение Богомоллова на этот счет.

31 июля Бенеш в беседе с советским полпредом попросил дать ясный ответ относительно советской позиции в вопросе чехословацко-польской конфедерации. Прервав его многословные и не раз повторенные доводы, президент сказал: «Для меня достаточно одного довода, который Вы прямо не высказали и который из всего этого вытекает, как само собой разумеющийся. Этот довод следующий: Советский Союз против создания польско-чехословацкой конфедерации или против нынешних переговоров о ней, он не желает ее. Так это или нет? Если да, то сам по себе это достаточный довод и все остальные отпадают. Я – реалист в политике и знаю, что, если Вы будете против конфедерации, то создать ее будет невозможно... Мы также признаем, что поляки в своей пропаганде используют переговоры с нами в собственных интересах. Это довод и для меня. И,

если советский полпред скажет мне ясно и откровенно, что они (русские. – В. М.) против осуществления этого плана, я должен это понять и определить свою дальнейшую политику»³⁴. Таким образом, Бенеш был готов во имя добрых отношений с Советским Союзом свернуть переговоры о конфедерации с Польшей, не раздражая при этом особенно Англию, лелеявшую мысль о ЧПК. Однако, как полагал Бенеш, было бы ошибкой думать, что «русские» сначала не имели ничего против чехословацко-польских переговоров, «они об этом никогда ясно ничего не говорили, и, наоборот, всегда с осторожностью, уклончиво принимали наши уверения, что переговоры не направлены против них, что могут им помочь, что мы не берем на себя никаких обязательств и т. д., но никогда не выражали одобрения»³⁵.

Затягивалось и решение вопроса о поездке президента в СССР. Это осложнялось еще и тем, что летом–осенью 1942 г. в связи с затягиванием открытия второго фронта в Европе, как уже говорилось, усилилась напряженность в советско-английских отношениях, свидетельством чего стал визит У. Черчилля в Москву 12–16 августа 1942 г.³⁶ Выстраивая свою внешнеполитическую линию, Бенеш вынужден был лавировать между англичанами, поляками и «русскими». Убеждая первых и вторых в необходимости укрепления чехословацко-советского сотрудничества, он в то же время не желал ни теоретически, ни принципиально отказываться от идеи чехословацко-польской конфедерации. Однако в беседах с поляками все чаще стали подниматься вопросы, по которым между обеими сторонами имелись расхождения во взглядах, например, о Тешинской области. Ранее этот вопрос откладывался на неопределенное время. Москва же все более настойчиво давала понять, что в будущем не желает иметь своим соседом государственно-политическую конструкцию в виде ЧПК.

Однако советское правительство по-прежнему не желало давать официально однозначно негативный ответ о своем отношении к указанному проекту. Об этом Богомолов прямо заявил Бенешу 30 октября, а позицию советского правительства сформулировал так: «1) советские круги в Москве против политики вашей конфедерации с Польшей и полагают, что это осложнило бы ситуацию... 2) советское правительство наблюдает за вашими переговорами с Польшей и изучает то, что вы до сих пор сделали и делаете». Бенеш в ответ заявил: «Я рад, что у меня сегодня имеется ясная формулировка [советского] правительства. Она в целом хороша и разумна. Советское правительство ни за, ни против, оно лишь наблюдает за нашими переговорами и изучает их... это означает, что вопрос конфедерации в ваших руках. Если Вы согласитесь, она будет, не согласитесь – не будет»³⁷.

Но было уже ясно, что Москва против. Об этом Масарик 20 ноября говорил с Иденом. Подчеркнув желание договориться с поляками, чехословацкий министр иностранных дел заявил: «Но никто, в том числе и поляки, не может от нас требовать, чтобы мы сделали это против [желания] России». Иден обещал поговорить с Сикорским о том, как «неразумно было бы в данный момент делать что-либо против или назло России». Масарик высказал мысль о возможности заключения чехословацко-польского союзного договора и просил Идена о поддержки этой идеи. Тот обещал. Англичане советовали начать быстрее переговоры о заключении договора. Они и были начаты, но натолкнулись на неуспех: препятствием стал Тешинский вопрос, без обсуждения которого, по мнению чехословацкой стороны, «переговоры едва ли могли быть успешными». Поляки же считали эту область своей и не шли ни на какие уступки. По всей вероятности, заявил Рипка в беседе с поверенным в делах СССР при союзных правительствах в Лондоне В.А. Вальковым 13 декабря 1942 г., Чехословакия не сможет договориться с поляками и по вопросу об альянсе (союзном договоре. – В. М.), поскольку предпосылкой для его заключения «является разрешение вопроса о Тешинской Силезии». В представлении Бенеша, согласно Рипке, «альянс должен быть военным союзом, направленным против Германии». Полякам, заметил Рипка, «идея альянса не вполне нравится в связи с тем, что он направлен исключительно против Германии, тогда как в намерения поляков входило направить польско-чехословацкую конфедерацию также и против СССР»³⁸.

Через Валькова, с которым президент беседовал 26 декабря 1942 г., он направил свои соображения об условиях чехословацко-польского договора советскому руководству: «1. Предварительное разрешение вопроса о Тешинской Силезии; 2. Альянс должен быть направлен исключительно против Германии; 3. Альянс ни в коем случае не должен затрагивать интересы СССР, с которым Чехословакия намерена после войны заключить военный союз». Бенеш просил сообщить его точку зрения советскому правительству, и особенно о чехословацко-польском альянсе, «ибо он не хочет делать ничего такого, что бы шло в разрез с интересами Советского Союза, с которым Чехословакия имела и хочет иметь хорошие отношения»³⁹.

14 декабря 1942 г. Рипка в беседе с Вальковым намекнул на желание чехословацкого правительства заключить с СССР прочный договор, подобный англо-советскому договору⁴⁰. А 29 декабря 1942 г. Рипка в конфиденциальном порядке сообщил Валькову, что «чехословацкое правительство *уже сейчас* (курсив. – В. М.) хотело бы за-

ключить общий договор о взаимопомощи с Советским Союзом. Этот вопрос сейчас рассматривается Бенешем, который является сторонником такого шага»⁴¹.

16 января Фирлингер передал Новикову секретную информацию (на русском языке) о принципах чехословацко-польского альянса. Одновременно предлагалось заключить аналогичный договор с СССР, оставляя за советским правительством право самому представить соответствующий текст договора или же предложенный ему текст изменить и дополнить⁴². Таким образом, проект ЧПК, если пока и не был похоронен окончательно, то на неопределенное время «положен под сукно». Налицо был «дрейф» чехословацкого правительства от проекта конфедерации через чехословацко-польский альянс к чехословацко-советскому договору. Однако мысль о сближении в какой-либо форме Чехословакии и Польши не оставляла Бенеша.

Наступал 1943 год, год решительного перелома в ходе Великой Отечественной войны да и Второй мировой войны в целом. Освободительная миссия советских вооруженных сил просматривалась все более четко, как и важная роль Советского Союза в послевоенном мирном урегулировании. Идея чехословацко-советского договора приобретала все более четкие контуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 51–100.

² См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 101–148.

³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 2–5.

⁴ ČPJVK. Кн. 2Dok. 93. S. 262–264.

⁵ ČSVDJ. Díl 1 (březen 1939 – červen 1943). Praha, 1998. Dok. 145. S. 307.

⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 274. Л. 2–6.

⁷ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 157. S. 322.

⁸ ДМИСЧО, 4-1 М., 1981. С. 211. (далее: ДМИСЧО 4-1).

⁹ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 160. S. 328.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 10.

¹¹ Там же. Оп. 6. П. 70. Д. 838. Л. 16–17.

¹² ČSVDJ. Díl 1. Dok. 165. S. 337–338.

¹³ ČPJVK. Кн. 2. Dok. 108. S. 288–295.

¹⁴ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии 1941–1945 М., 2004. С. 190–193.

- ¹⁵ *Ржешевский* О.А. Сталин и Черчилль. С. 316–317, 346.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 70. Д. 838. Л. 16–17.
- ¹⁷ Там же. Л. 27–28.
- ¹⁸ Там же. П. 14. Д. 145. Л. 5–6.
- ¹⁹ Там же. Д. 142. Л. 108.
- ²⁰ Там же. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 13–16. Начало записи опубликовано в ДМИСЧО 4-1. Док. 159. С. 228–229, полная запись см.: *Ржешевский* О.А. Сталин и Черчилль. С. 323–325.
- ²¹ ČSVDJ. Díl 1. 1. Dok. 171. S. 348–351.
- ²² Dokumenty z historie československé politiky. Díl 1. Praha, 1966. Dok. 222. S. 272, 274 (далее: ДНČР).
- ²³ ČSVDJ. Díl 1. S. 345, сноска 4 к док. 168.
- ²⁴ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. С. 55 (примеч. к док. 28).
- ²⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 277. Л. 84.
- ²⁶ ДНČР. Díl 1. Dok. 236. S. 286.
- ²⁷ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 177. S. 363.
- ²⁸ Ibid. Dok. 182. S. 372.
- ²⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 277. Л. 100.
- ³⁰ Там же. Д. 273. Л. 19–20; Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны... Док. 28. С. 55.
- ³¹ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 192. S. 396.
- ³² АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 5–6.
- ³³ ДНČР. Díl 1. Dok. 228. S. 278.
- ³⁴ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 183. S. 377.
- ³⁵ Ibid. S. 384 (примеч. 3 к док. 184).
- ³⁶ См. подробнее: *Ржешевский* О.А. Сталин и Черчилль. С. 348–383.
- ³⁷ ČРЈVK. Кн. 3. Dok. 143. S. 394–395.
- ³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 11–12.
- ³⁹ Там же. Л. 4–6.
- ⁴⁰ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 207. S. 419.
- ⁴¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 19.
- ⁴² АВП РФ. Ф. 013. Оп. 5. П. 16. Д. 296. Л. 3.

ВИЗИТ В МОСКВУ. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОН И ИТОГИ (ДЕКАБРЬ 1943 г.)

В Лондоне рождалась идея трипартитного чехословацко-польско-советского договора. 4 февраля во время встречи Э. Бенеша с А.Е. Богомолловым посол выразил мнение, что советско-польско-чехословацкое соглашение вряд ли возможно с нынешним польским правительством и в существующей атмосфере. А. Иден, обещавший поддержку в осуществлении этой идеи, однако не считал нужным оказывать давление ни на Москву, ни на поляков. «В этой ситуации, – сообщали Бенеш и Масарик Фирлингеру, – мы займем выжидательную позицию». При этом Бенеш делал вывод, что «Советы до окончания войны» не захотят и в отношении Чехословакии принимать каких-либо окончательных решений. Он намеревался в скором времени поехать в Вашингтон, а затем в Москву, где хотел бы обсудить вопросы, касающиеся сотрудничества с СССР и положения дел в центральноевропейском регионе¹.

Москва не без основания полагала, что трипартитный договор тогда едва ли был возможен из-за откровенно антисоветской позиции польского эмигрантского правительства. Кризис в чехословацко-польско-советских отношениях был налицо. И тут на первый план стала выступать и, в конце концов, зажила самостоятельно идея сепаратного советско-чехословацкого договора. Начался зондаж позиций обеих сторон. 19 марта Богомоллов пригласил Бенеша на завтрак, чтобы прояснить, в частности, и вопрос о советско-чехословацком договоре. Принципиальные соображения президента сводились к следующему: а) это восстановление в новых условиях советско-чехословацкого договора 1935 г.; б) это приближение к трипартитному чехословацко-польско-советскому договору, как подготовка к общей славянской политике в будущем; в) это соответствие договору СССР с Англией, «чтобы остальная Европа могла спокойно его (советско-чехословацкий договор. – В. М.) принять и не расценивать как про-

явление вашего империализма». Заявив, что ему неясны некоторые вопросы советской политики, Бенеш прямо спросил у Богомолова, намерено ли советское правительство *до окончания войны* (курсив. – В. М.) заключить с Чехословакией договор о сотрудничестве и взаимопомощи в духе договора 1935 г. и советско-английского договора 1942 г. Его интересовал также вопрос об отношении СССР к проекту трипартитного договора, к Германии и немцам вообще и, в частности, к проекту переселения немецкого меньшинства из Чехословакии². На следующий день Богомолов сообщил в Москву о встрече с Бенешем и поставленных им вопросах, в том числе и о подписании договора еще до окончания войны. Но советское правительство, по всей видимости, не торопилось с ответом, как не торопил его и Бенеш.

Президент собирался в начале мая с визитом в США и 4 апреля встретился с У. Черчиллем, чтобы обсудить с ним ряд вопросов. Британский премьер поинтересовался, в частности, как обстоит дело с чехословацко-польским сотрудничеством. Бенеш ответил, что оно находится «почти на мертвой точке», но он надеется все же на достижение договоренности. Черчилль высказал свою заинтересованность в этом, но заметил, что Польша должна была бы пойти на территориально компенсированные уступки в отношении России на востоке: «Если нам удастся их (поляков. – В. М.) в этом убедить, то это будет большим шагом вперед. Вы ведь определенно люди разумные, а поляки неразумные». Премьер говорил и о России, подчеркнув, что «вопреки всем потерям она выйдет из войны сильной, мощной, и ее сила возрастет... Балтийские государства окончательно будут принадлежать России. Как и в 1914 г., Россия идет вместе с нами против общего врага, и мы будем последними, кто захочет отнять у нее территории, которые принадлежат ей исторически и стратегически. Это относится также и к восточным границам Польши... Но именно потому, что Россия будет так сильна, было бы ошибкой существование на западе от нее ряда маломощных, неорганизованных государств и государствочек... С Россией должны договориться и мы, и американцы, это будет нелегко, но иначе не будет прочного мира». Бенеш согласился с этим и заявил, что его желание видеть сильную Польшу не означает возможность участвовать в создании конструкции, которая могла бы превратиться в антироссийский альянс или в то, что реакционеры именуют «санитарным кордоном»³. Интересно отметить, что сразу после встречи с Черчиллем Бенеш продиктовал Ф. Моравцу текст секретной информации для Москвы об этой встрече: «В советских вопросах Черчилль был весьма позитивным, в польских – весьма разумным, а в немецких – крайне радикальным. Он просил президента, чтобы

во время своего визита в Америку поддержал английский тезис о необходимости сотрудничества с советской Россией», подчеркнул, что «советская Россия выйдет из войны сильной и что было бы политическим безумием рассчитывать на что-то иное»⁴.

Обращение к советско-польской проблематике в беседе с Черчиллем явилось вовсе не случайным и объяснялось, по всей видимости, дальнейшим ухудшением отношений СССР с польским правительством, которые в конце концов были вовсе прерваны в связи с «катынским делом». 21 апреля Москва, наконец, ясно высказалась за подписание советско-чехословацкого договора. В телеграмме Молотова Богомолу советскому послу поручалось передать Бенешу, что советское правительство в принципе согласно с заключением советско-чехословацкого договора о взаимопомощи по типу англо-советского и готово обсудить конкретные предложения чехословацкого правительства. О сроках подписания договора и о времени его действия ничего не говорилось. Однако, поскольку речь шла о договоре по типу советско-английского, то можно предположить, что имелось в виду не только послевоенное сотрудничество, но и взаимопомощь во время войны, а это требовало подписания его еще до ее окончания. Что касается трипартитного соглашения, то советское правительство считало его в принципе приемлемым, но обсуждение этого вопроса ввиду «теперешних натянутых отношений между советским и польским правительствами» несвоевременным⁵.

23 апреля Богомоллов встретился с Бенешем, чтобы передать ему ответ советского правительства. Интерпретация содержания этой беседы советской (плюс Фирлингер) и чехословацкой сторонами несколько отлична, что важно для понимания последующего развития событий, связанных с подписанием договора. Запись Бенеша свидетельствует, что он в первую очередь хотел выяснить принципиальную позицию советского правительства относительно возможности заключения советско-чехословацкого договора, чтобы затем уже решать вопрос о его конкретном содержании, времени действия и моменте подписания⁶. То же самое, по сути, Бенеш сообщил Фирлингеру в Москву 4 мая 1943 г.⁷ Таким образом, речь не шла о подписании договора в ближайшее время, т.е. во время визита Бенеша в СССР, который планировался на июнь, сразу после его возвращения из Америки и Канады.

Официальное приглашение посетить США Бенеш получил от Рузвельта еще в конце 1942 г. Однако согласие Вашингтона на приезд президента затягивалось по независящим от него обстоятельствам. 23 марта, например, В. Гурбан телеграфировал: «Консервативные

круги стремились не допустить поездку Бенеша и стараются всячески его дискредитировать, главным образом указывая на его точку зрения в отношении к России». Выказывались и другие формальные причины откладывания его визита⁸. Наконец, разрешение было получено. Накануне отъезда в США 5 мая Бенеш написал завещание. Свое светское имущество он оставил жене. К завещанию добавил политический testament, адресованный председателю правительства и министру иностранных дел. В качестве своего возможного приемника он называл Яна Масарика, советовал до конца войны не менять состав правительства и просил всех «сохранить мою нынешнюю политическую линию». Заканчивал так: «Я доволен, что мне удалось поправить 1938 год, и верю в будущее народа и государства. Хранить верность линии Масарика и моей! Всё будет хорошо». К этим клаузулам Бенеш приписал 6 ноября 1943 г. перед поездкой в СССР еще два пункта. Рекомендовал, чтобы назначение нового президента еще во время войны сопровождалось заявлением, что речь идет о временном мероприятии, а во-вторых, требовал дополнить кабинет двумя коммунистами после заключения договора с СССР. Последнее дополнение Бенеш сделал в марте 1945 г. перед второй поездкой в Москву. Он советовал, чтобы «после освобождения Праги народ поступал демократически и в соответствии с обстановкой в стране. Для этого он достаточно зрел»⁹.

Бенеш вылетел в Америку 6 мая через Шотландию, Исландию и Гренландию; в пути он находился два дня. В поездке его сопровождали Я. Смутны, личный секретарь Э. Таборский и личный врач О. Клиnger. Май и часть июня Бенеш провел в Вашингтоне. Его принимали Ф. Рузвельт в Белом доме, К. Хэлл и С. Уэллс в министерстве иностранных дел, Г. Моргентау в министерстве финансов и многие другие представители власти и общественности. Советский посол А.А. Громыко пригласил его «на обед или на чай», но Бенеш из тактических соображений не принял это предложение, предпочтя видеть посла «у себя».

Он выступил с обращением к Конгрессу и Сенату США. По приглашению председателя канадского правительства Бенеш посетил в течение трех дней Канаду. Бенешу были оказаны такие же почести, как главам других государств. Он хотел, чтобы в результате этих визитов был подтвержден тезис о континуитете Чехословакии с точки зрения международного права и недействительности границ, установленных Мюнхенским соглашением¹⁰. После ужина в Белом доме Бенеш в присутствии чехословацкого посланника В. Гурбана и Смутного до двух часов утра беседовал в президентском кабинете

те с Рузвельтом. В частности, обсуждались проблемы, связанные с Россией и Польшей. Рузвельт, как сообщал Бенеш Масарику 13 мая, поддерживает точку зрения, что «России следует доверять и продолжать это лояльное сотрудничество и после войны». Он строго секретно информировал Масарику о намерениях Рузвельта встретиться со Сталиным и открыто обсудить с ним все вопросы. Что касается возможного чехословацко-советского договора, то, по словам Бенеша, Рузвельт принял это к сведению «с явным удовлетворением и признал», что «мы правильно поступаем в отношении России»¹¹. С. Уэллс, по словам Бенеша, также подтвердил важность чехословацко-советских переговоров и полное согласие с ними. «Сообщи это от моего имени Идену», – телеграфировал президент Масарику 17 мая. Обсуждались чехословацко-польские и советско-польские отношения, и Бенеш выразил сомнение относительно возможности достижения договоренности между поляками и Москвой в настоящий момент. По мнению Бенеша, США «в польско-русском споре рассматривают линию Керзона как окончательное решение украинского вопроса»¹². Бенеш заявил, что Чехословакия будет иметь общую границу с СССР, и это соседство повлияет на будущую политику и экономику страны. Он полагал, что после войны появится совершенно новый Советский Союз, который возглавит славян, и что его взгляды американцам понравятся. Затрагивался и вопрос о трансфере немецкого населения после войны из ЧСР¹³. Во время встречи с Громыко 19 мая президент изложил ему суть позиции американских государственных деятелей по вопросам, касавшимся СССР (о поляках, линии Керзона, балтийских государствах, Бессарабии, своей поездке в Москву)¹⁴.

7 июня состоялась вторая встреча Бенеша с Рузвельтом, как бы подводившая итог визита президента в США и его переговоров там. Телеграфируя об этом Масарику в Лондон, Бенеш выделил, в частности, следующее: «Рузвельт просит, чтобы я при переговорах в Москве со Сталиным сообщил ему его позиции по вопросу балтийских государств. США не имеют возможности и не думают препятствовать их конечному присоединению к СССР, но должны учитывать мировое общественное мнение, и речь, таким образом, пойдет о форме и действиях, направленных на успокоение общественного мнения». Что касается поляков, то Рузвельт «ожидает, что окончательным решением для поляков станет несколько улучшенная линия Керзона и присоединение к Польше Восточной Пруссии. Он считает это справедливой и правильной компенсацией, которую поляки могут и должны принять»¹⁵. Рузвельт подтвердил свое согласие с трансфером после войны немецкого населения. Снова велась речь о поездке

Бенеша в Москву, и президент обещал информировать Рузвельта о ходе переговоров¹⁶. Возвратившись в Лондон, Бенеш 16 июня информировал Идена об итогах своего визита в США и позициях американцев по различным затронутым им вопросам¹⁷.

Еще в Вашингтоне (10 мая) президента настигла телеграмма Фирлингера от 7 мая о том, что советское правительство «ждет Вашего проекта договора и считает, что договор мог бы быть подписан во время Вашего визита». Это существенное отличие от прежней советской позиции Фирлингер отметил в своих мемуарах. Он просил как можно скорее прислать ему указанный проект и не рекомендовал «откладывать это дело»¹⁸. Бенеш не спешил. В телеграмме Масарику 31 мая он сообщил, что не считает нужным передавать Богомолу проект договора до своего возвращения в Лондон: «Каждое слово будет иметь значение... Необходимо будет придерживаться как можно ближе текста англо-советского пакта... Я хочу также подождать еще последнего разговора с Рузвельтом». Кроме того, Бенеша не оставляла мысль о возможности присоединения к договору поляков, и он хотел, чтобы это отразилось и в его проекте¹⁹. Не совсем ясна была президенту и позиция Лондона в отношении договора. Масарик просил его 2 июня дать указание Фирлингеру не форсировать решение дела. К характеристике общей обстановки следует еще добавить, что в мае с Рузвельтом встречался и Черчилль для обсуждения вопроса об открытии (точнее об оттягивании открытия) второго фронта в Европе. Очередной перенос этой акции на май 1944 г. не мог не сказаться на отношениях внутри антигитлеровской коалиции, усилив их напряженность. Отрицательно это сказалось и на ходе советско-чехословацких переговоров.

Англичане, узнав о готовившемся подписании во время визита Бенеша в Москву двустороннего советско-чехословацкого договора, выразили открытое недовольство. Иден 16 июня заявил Бенешу об устном соглашении с Молотовым относительно того, что до окончания войны великие державы не будут заключать никаких договоров с малыми союзными государствами²⁰. 18 июня президент встретился с Богомоловым, чтобы информировать его об итогах своего визита в США и о возражениях Идена против немедленного подписания советско-чехословацкого договора. Обсуждалось и его содержание. Бенеш показал послу подготовленный им проект, в котором идея договора с СССР увязывалась с трипартийным договором²¹. Богомол возразил, заявив, что, по его мнению, лучше эти два вопроса разделить. Бенеш согласился и обещал переделать проект, положив в его основу факт существования советско-чехословацкого договора 1935

г., который формально не был отменен. Президент предполагал выехать в СССР после 4 июля и пробыть там три недели²². 22 июня Бенеш направил Фирлингеру телеграмму, в которой говорилось о целях его поездки в Москву: поблагодарить советское правительство за действительную помощь Чехословакии, обсудить с советским руководством вопросы, касающиеся советско-чехословацких отношений, в том числе и договора, а также различных проблем европейской политики и будущего мира²³. О подписании договора не было и речи. Богомолов, по словам Бенеша (телеграмма Фирлингеру от 28 июня), считая, что дело подписания договора касается лишь СССР и Чехословакии, рекомендовал не уступать англичанам даже ценой конфликта с ними. Таким образом, Бенеш оказался между двух «великодержавных жерновов», ведущих свою политическую игру. Не желая стать «яблоком раздора» между Англией и СССР и содействовать усилению напряженности в антигитлеровской коалиции, а также опасаясь того, что вина за это впоследствии может быть возложена на него, Бенеш решил повременить с подписанием договора и добиться, чтобы Лондон и Москва урегулировали этот вопрос между собой. Его позиция четко отражена в указанной телеграмме Фирлингеру от 28 июня: «Наша политика – сближать англичан и русских, а не разделять их... кроме того, последствия всего спора англичане возложили бы на нас, а мы не настолько сильны, чтобы позволить себе это, и, наконец, мы все еще существенно зависим от Англии в вопросах наших границ, в продовольствии, сырье и финансах... спор должен быть решен согласием... если бы выяснилось, что англичане вообще хотят помешать заключению договора, мы категорически это отклоним»²⁴.

Представляется, что такая позиция главы небольшого государства, будущее которого зависело от степени согласованности действий великих держав, была адекватна сложившейся ситуации, вытекала из общей внешнеполитической концепции Бенеша («50% на Запад, 50% на Восток»), характеризовала его как реально мыслящего политика, не желавшего углубления разногласий между ведущими членами антигитлеровской коалиции. «Ситуация деликатная и требует чрезвычайно осторожных действий с нашей стороны»²⁵, – писал Бенеш Фирлингеру. В Москве, выслушав «мотивы и опасения» президента, посчитали, что в случае, если не будет принято решение о подписании договора, лучше было бы не предпринимать поездку вообще или отложить ее²⁶. Таково было и мнение Богомолова, чрезвычайно раздосадованного сложившейся ситуацией²⁷.

Заключение советско-чехословацкого договора являлось серьезной заявкой СССР на укрепление его влияния в центральноевро-

пейском регионе. Скорее всего, именно эта сторона дела волновала англичан, опасавшихся усиления влияния «русских» в Европе после войны. Решение вопроса замедлилось. Между тем, судьба договора занимала не только дипломатов, но и чехословацкую эмигрантскую общественность в Лондоне. Чаша весов в ее настроениях резко склонилась в пользу подписания договора, что в немалой степени объяснялось и успехами Красной Армии на советско-германском фронте летом 1943 г., окончательно переломившими ход Второй мировой войны. «Эта война будет выиграна на Востоке»²⁸, – констатировал Бенеш в сентябре 1943 г. Ясно обозначилась перспектива освобождения Чехословакии советскими войсками. 16 июля чехословацкое правительство приняло решение о скорейшем заключении договора с СССР, которое затем было поддержано и чехословацким Государственным советом²⁹. Бенеш не одобрял этих акций, считая, что они будут истолкованы англичанами как попытка давления на них и лишь затруднят решение вопроса³⁰.

Англичане, несмотря на все дипломатические усилия советской и чехословацкой сторон, продолжали упорствовать в своем отрицательном отношении к подписанию договора. Бенеш не скрывал раздражения, заявив Николсу, что «своей негативной позицией» англичане «сами толкают нас на Восток, и нам ничего не останется, как повернуться исключительно к России»³¹. Однако он считал, что следует набраться терпения и продолжать переговоры. Бенеш полагал, что «как только будет достигнута договоренность между англичанами и русскими, все уладится само собой»³². 23 августа президент, по словам Богомолова, заявил ему следующее: «Если великая держава делает глупости, то 20 лет его опыта подсказывают ему, что надо подождать, и когда эта держава начнет исправлять свою глупость, то лучше сделать вид, что не замечаешь этого». Он также спросил посла, не считает ли советское правительство возможным начать предварительные переговоры по существу договора, который он хочет подписать в сентябре. Одновременно президент представил и его проект. Богомолов согласился взять текст «только для личного ознакомления»³³.

Но 24 августа посол передал в Москву «перевод проекта договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией». Одобренный советским правительством, он с некоторыми поправками был вручен Фирлингеру для передачи Бенешу 30 сентября. Он согласился с предложением Москвы заключить договор сроком на 20 лет, но настоял на сохранении его антигерманской направленности. В протокол при подписании договора

советская сторона предлагала (по словам Фирлингера, по инициативе Сталина) внести пункт о возможности присоединения в будущем к договору третьей стороны (имелась в виду Польша. – В. М.) и его превращении, таким образом, в трипартитное соглашение³⁴. Бенеш был доволен этим дополнением, поскольку хотя бы отчасти реализовывалась его идея трехстороннего пакта.

Хотя англичане заверяли, что они в принципе не возражают против поездки Бенеша в Советский Союз, советовали отложить ее до совещания министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, которое планировалось в Москве во второй половине октября 1943 г. 24 сентября чехословацкое правительство подтвердило свою позицию в вопросе быстрее заключения советско-чехословацкого союзного договора³⁵. Об этом были информированы правительства Великобритании, США и СССР. Иден раздраженно отреагировал на полученное сообщение, заявив Масарику: «Ваше правительство с ума сошло и думает лишь о договоре с Россией. У меня не только эта забота, но немало и других дел! В России мы будем говорить и по этому вопросу»³⁶.

Позиции Англии казались непреклонными. Она считала, что «договор не может быть подписан до конца войны», о чем Бенеш сообщил Фирлингеру 18 октября, после отъезда Идена в Москву: «Я не хочу, чтобы ныне Чехословакия стала яблоком раздора между Англией и Россией... Невозможно, чтобы мы пошли на риск прямого и острого конфликта между Чехословакией и Англией, последствия которого были бы опасными. Мы не в таком положении, чтобы могли это сделать»³⁷.

Однако президент был далеко не уверен, что Москва и Лондон придут к взаимопониманию относительно договора и страшно досадовал как на Англию, так и на СССР, считая, что обе страны вели против него «нечестную игру»³⁸. На конференции министров иностранных дел Великобритании, СССР и США, проходившей в Москве с 19 по 30 октября 1943 г., обсуждались мероприятия, которые следует предпринять для сокращения сроков войны против Германии и ее союзников в Европе. На своем шестом заседании 24 октября³⁹ конференция по просьбе Великобритании рассмотрела вопрос о соглашении между главными и малыми союзниками по послевоенным вопросам. За два дня до заседания, по словам Молотова, проект советско-чехословацкого договора был направлен Идену и Хэллу. После непродолжительных дебатов между Молотовым и Иденом, не содержащих никаких новых мотиваций и объяснений позиций сторон, Иден заявил, что, ознакомившись с проектом, считает договор

хорошим и не имеет возражений против него, а также против поездки Бенеша в Москву для его подписания. Это и было зафиксировано в секретном протоколе Московской конференции от 1 ноября 1943 г.⁴⁰. 26 октября временный поверенный СССР при союзных правительствах в Лондоне П.Д. Орлов официально уведомил об этом Бенеша и передал ему пожелание советского правительства «как можно скорее посетить Москву и подписать договор»⁴¹. Бенеш сказал, что это и его желание. «Так будем паковать чемоданы, – сказал он с веселой усмешкой своему секретарю Э. Таборскому. – Я был уверен, что англичане, в конце концов, образумятся»⁴².

В конце ноября 1943 г. Бенеш вылетел из Лондона в Москву, избрав по согласованию с советским правительством южный маршрут через Багдад, Тегеран, Баку. Как известно, с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. проходила Тегеранская встреча руководителей СССР, США и Англии. Бенешу, которого сопровождали генерал А. Нижборский (криптоним А. Гасала), Я. Краузе, Я. Смутны и Э. Таборский, пришлось более чем на неделю из-за непогоды задержаться на английской военной базе Хабанья (под Багдадом), где его ожидали заместитель наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчук, З. Фирлингер, полковник Г. Пика, Б. Врбенский и начальник протокольного отдела НКВД СССР Г.И. Фомин. Томительное ожидание продолжения пути не пропало даром: с Корнейчуком (в присутствии Фирлингера) были обсуждены все вопросы, которые Бенеш намеревался выяснить в Москве⁴³. Президент был доволен итогами предварительных бесед. Из них, по словам Таборского, Бенеш вынес ясное впечатление, «что по большинству вопросов между нами и русскими – абсолютное согласие, и что совместный договор в Москве будет подписан быстро и гладко»⁴⁴.

4 декабря Бенеш вылетел в Тегеран, затем – в Баку, откуда поездом, следуя через разрушенный Сталинград, отправился в Москву, куда прибыл утром 11 декабря. На вокзале его ожидала пышная встреча: президенту Чехословакии были оказаны все почести, которые полагались первым лицам государства в подобных случаях⁴⁵. В 10 часов утра на Курском вокзале Бенеша встречали 16 человек (государственные, партийные, военные деятели) во главе с Молотовым. Чехословацкую эмиграцию в Москве представлял лишь профессор З. Неedly. Президента и сопровождавших его лиц разместили в особняке в Островском переулке, д. 8. Уже в 14 часов того же дня Бенеша и сопровождавшего его Фирлингера принял председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин. Позднее, на чрезвычайном заседании чехословацкого правительства в Лондоне, президент так излагал свои

впечатления от речи главы советского государства: «[Идея], согласно которой они (СССР. – В. М.) хотели бы подорвать мир или насадить коммунизм в других государствах исчерпала себя. Они – советские патриоты, одна из решающих мировых держав; они имеют право на то, чтобы решать в мире, намерены и будут решать. Это впечатление сложилось у меня с самого начала, [возникало] постоянно и всюду»⁴⁶. После официального приема Калинин в тот же вечер устроил в Кремле банкет в честь Бенеша, на котором присутствовал и Сталин. Подробные и эмоционально окрашенные заметки о вечере, сделанные Смутным, опубликованы в переводе на русский язык⁴⁷.

После ужина Бенеш и Фирлингер примерно час обсуждали с советскими руководителями (Сталин, Калинин, Молотов, Ворошилов, Жданов, Корнейчук) вопросы, которые затем стали предметом официальных переговоров. Потом все перешли в зал для показа кинофильмов, который продолжался до утра. Перед уходом Сталин спросил у Молотова, какова программа Бенеша на воскресенье 12 декабря. Молотов, согласно Смутному, ответил, что никакой и что в понедельник или во вторник будет подписан совместный договор. Сталин сказал: «А почему не завтра?» (утром 12 декабря точнее было бы спросить, «а почему не сегодня?» – В. М.). «Вопрос Сталина, – по словам Смутного, – выглядел, как приказ, и так была определена дата подписания договора 12 декабря».

Подписание состоялось вечером в рабочем кабинете Молотова в Кремле. Свои подписи под документом поставили В.М. Молотов (по уполномочию Президиума Верховного Совета СССР) и З. Фирлингер (по уполномочию Президента Чехословацкой республики). Договор о взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве опирался на советско-чехословацкий договор от 16 мая 1935 г. и межправительственное Соглашение от 18 июля 1941 г. Стороны обязывались: оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против Германии и связанных с ней государств; без взаимного согласия не вступать в переговоры, не заключать перемирия или мирного договора с Германией и ее союзниками; в случае возобновления после войны Германией политики «Дранг нах Остен» оказывать друг другу военную и другую помощь; осуществлять тесное и дружественное сотрудничество после восстановления мира, действуя «в соответствии с принципами взаимного уважения к их независимости и суверенитету, равно как и невмешательства во внутренние дела другого государства»; развивать «в возможно более широких масштабах свои экономические отношения и оказывать друг другу всяческую возможную экономическую помощь после войны»; «не заключать

какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции», направленной против одной из сторон. Договор, заключенный на 20 лет, вступал в силу немедленно и подлежал ратификации в возможно короткий срок. В Протоколе к Договору значилось, что в случае, если к нему «пожелает присоединиться какая либо третья страна, граничащая с Союзом ССР или Чехословацкой республикой и представляющая в этой войне объект германской агрессии», – последней будет дана возможность по обоюдному согласию сторон «подписать этот договор, который, таким образом, приобретает качество трипартитного договора»⁴⁸. Бенеш был доволен: договор отвечал всем его изначальным намерениям, т. е. имел антигерманскую направленность и при благоприятных условиях мог быть превращен в трехсторонний.

После подписания договора чехословацкая делегация посетила Большой театр, где в этот вечер давали «Снегурочку». На спектакль приехал и Сталин, который пригласил Бенеша в свою ложу. В антрактах обсуждались и политические вопросы, главным из которых был польский. Обстановку во время просмотра спектакля подробно описал Смутны. Он же по просьбе Бенеша записал по возвращении из театра и беседу президента со Сталиным⁴⁹. Президент, отметив, что отношения с поляками прохладные, что существуют спорные вопросы, что поляки, как прежде, так и теперь видят себя в роли санитарного кордона между СССР и Германией, выразил, однако, уверенность, что «после войны поляки могут образумиться и что с ними возможно сотрудничество». При этом он положительно характеризовал С. Миколайчика.

В понедельник 13 декабря Бенеш побывал на выставке военных трофеев и в кинотеатре. Дважды, 14 и 16 декабря, Бенеш встречался с Молотовым для обсуждения конкретных вопросов сотрудничества, как в сфере двусторонних, так и международных отношений. Сегодня известны и советские, и чехословацкие записи этих бесед. Первые, более короткие и четче оформленные, сделаны новым советским послом при чехословацком правительстве В.З. Лебедевым⁵⁰, вторые, более пространные и схожие со стенограммой – начальником канцелярии президента Я. Смутным⁵¹. Сравнение записей показывает, что, по сути, в них нет принципиальных расхождений, хотя в некоторых деталях есть нюансы. 14 декабря было обсуждено множество вопросов, причем в порядке, предложенном Бенешем. Прежде всего, он предложил «наметить общую линию политики в вопросе о наказании Германии и Венгрии после войны»⁵². «Прага должна иметь ту же политику, что и Москва», – заявил Бенеш. Венгрия, по мнению

президента, нуждается «во внутренней революции», в уничтожении феодализма, в тотальном изменении всей внутренней жизни, а в ее оккупации должны участвовать не только американские и английские, но «обязательно и прежде всего» советские войска. Молотов, не вдаваясь в детали, согласился, что Венгрия должна быть наказана. Подчеркнув желание Чехословакии иметь домюнхенские границы, чего ни англичане, ни американцы ей пока не гарантируют, президент выразил удовлетворение советской точкой зрения на этот счет.

Затем он повел речь о выселении немцев и венгров после войны за пределы ЧСР и изложил свой план решения проблемы. Бенеш вручил Молотову записку о принципах переселения нацменьшинств⁵³, оговорив ее конфиденциальность, и просил отнестись к ней как к первому наброску, подлежащему обсуждению. Какого-либо ответа или реакции Молотова на эту часть речи Бенеша не последовало. Помимо этого, президент затронул вопросы о репарациях и об отношениях с поляками.

Вторая беседа Бенеша с Молотовым состоялась 16 декабря и длилась два с половиной часа. Обсуждение началось с вопроса о военном советско-чехословацком сотрудничестве во время и после войны. Бенеш передал Молотову записку по вопросу о вооруженных силах Чехословакии и сопроводил ее некоторыми комментариями. Он выразил пожелание, чтобы все чехословацкие солдаты, попавшие в плен на советско-германском фронте, освобождались для зачисления в чехословацкую часть, сформированную в СССР: «Чехословацкое правительство стремится иметь побольше вооруженных сил к тому времени, когда Красная Армия подойдет к границам Чехословакии⁵⁴. Чехословацкое правительство... хочет, чтобы чехословацкий народ сам воевал против немцев». Молотов осведомился, каковы установки правительства о борьбе внутри страны и идет ли там партизанская борьба. Бенеш ответил, что правительство подготавливает народ к восстанию против немцев, что партизанской борьбы пока нет, но ведется диверсионная работа. Разъяснения президента о том, почему в Чехословакии нельзя проводить ни партизанских акций, ни саботажа в крупных размерах, в советской записи не отражены. Однако более пространно, чем в чешской записи, говорится о том, что, несмотря на договоренность с англичанами, те до сих пор не смогли бомбить «очаги военной промышленности в Чехословакии», поэтому Бенеш «выразил уверенность, что эту задачу выполнит авиация Красной Армии, когда фронт будет поближе к Чехословакии». Президент «выразил пожелание создать тесный контакт чехословацкой армии с Красной Армией и после войны. Он хотел бы иметь

на вооружении своей армии советские образцы оружия, готов согласовать работу военной промышленности и выработать одинаковые образцы вооружения, желает тесного контакта между офицерами обеих армий, контакта в области военно-воздушных сил. Чехословацкая армия должна принять доктрину Красной Армии». Молотов, приняв записку, обещал передать ее для ознакомления советским военным специалистам. Президент просил дать принципиальный ответ на записку до его отъезда из СССР, и нарком обещал довести это до сведения Сталина⁵⁵.

Далее речь шла об экономическом сотрудничестве СССР и Чехословакии после войны, о чем Бенеш также представил специальный меморандум⁵⁶. Отметив, что до войны 75–80% экономического оборота Чехословакии шло за счет ее западных соседей, президент заявил о намерении «не меньше 50% внешней торговли вести за счет сношений с Востоком, особенно с СССР», что работа чехословацкой промышленности должна быть согласована с работой советской промышленности и базироваться на советском сырье. Молотов, принимая документ, заявил, что «намерения чехословацкого правительства он приветствует». Меморандумы по военным и экономическим вопросам, врученные президентом Молотову, свидетельствуют, насколько тесным, по представлению Бенеша и его окружения, должно было стать сотрудничество СССР и Чехословакии после ее освобождения.

Затем обсуждался вопрос о наказании виновников войны, и Бенеш высказал опасение, что «как только война окончится, англичане и американцы очень скоро забудут о преступниках войны, покарвав десяток-полтора людей». Молотов отметил, что, прежде всего, должны быть наказаны главные виновники – Германия, затем Венгрия, Финляндия, а также «те словаки, которые были заодно с немцами». Он заявил, что позиция Бенеша понятна, и «она может получить поддержку СССР». В чешской записи тема наказания словацких военных преступников в изложении Бенеша представлена более широко. Завершающая часть беседы была посвящена выяснению отношения сторон к Австрии, Румынии, Югославии, Франции, Италии, а также вопросу о будущем государственном устройстве Чехословакии и ее границах.

Меморандумы (записки), переданные Молотовым Сталину, стали основой его беседы с Бенешем 18 декабря⁵⁷. Она была записана, по всей видимости, присутствовавшим на встрече Фирлингером, а ее оригинальный текст правлен Бенешем. На встрече, продолжавшейся почти три часа, речь шла по всему кругу вопросов, обсуждавшихся ранее с Молотовым. Фирлингер в своих мемуарах, упоминая о беседе,

писал: «Комиссар Молотов и маршал Сталин... тщательно избегали всего, что могло касаться нашего правительства, что могло выглядеть, как навязывание или как стремление оказать на нас какое-либо влияние. При каждой возможности они подчеркивали свое отношение к Чехословакии как к полностью суверенному и независимому государству, которое должно само решать свои проблемы демократическим способом и которому СССР не намерен ничего навязывать и ничего предписывать»⁵⁸. «Сталин соглашается также с нашими предложениями относительно перемирия», – значит в записи Фирлингера. Очевидно, речь идет о меморандуме чехословацкого правительства, содержавшем некоторые принципиальные пожелания относительно будущего статуса Чехословакии и решения вопроса о ее национальных меньшинствах после подписания мира⁵⁹.

Находясь в Москве, Бенеш посетил Всеславянский комитет, где выступил с речью, которая затем передавалась по радио. Президент подчеркнул значение советско-чехословацкого договора для всех славянских народов: «Мой путь в Москву представляется мне символическим. Такой же путь в будущем совершат и все славянские народы. Мой путь сюда – это манифестация славянской солидарности»⁶⁰.

Президент, который намеревался сотрудничать с коммунистами в освобожденной стране и привлечь их к работе в правительстве, шесть раз (13–18 декабря) встречался с представителями Загранбюро КПЧ в Москве. Во встречах со стороны КПЧ участвовали К. Готвальд, Я. Шверма, В. Копецкий, Р. Сланский. Коммунистами была выработана политическая платформа, с которой заранее (20 ноября 1943 г.) был ознакомлен и Г. Димитров⁶¹, фактически возглавлявший тогда Отдел международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б). Отдел, по сути, осуществлял руководство международным коммунистическим движением после роспуска в мае-июне 1943 г. Коминтерна. Эта, выработанная коммунистами платформа, и была предложена ими Бенешу для переговоров. Президент изложил свои взгляды на будущее освобожденной страны, на характер и суть переходного периода в ее развитии («Это будет национальная революция, связанная с социальной революцией»), на состав временного правительства, опирающегося на блок левых партий, который поведут коммунисты, как самая сильная рабочая партия, охарактеризовал положение дел в чехословацкой эмиграции и видных ее деятелей. По некоторым вопросам между Бенешем и коммунистами была достигнута согласованность, по другим нет. В частности, президент предложил КПЧ как самой сильной, по его мнению, партии возглавить правительство переходного периода: «Соседство Советского Союза будет играть

большую роль в деле усиления вашего влияния. Но вы должны быть осторожными и не перегибать в ваших действиях, чтобы не говорили, что все сразу “большевизируется”». «Вы будете самым сильным элементом нового режима, и я всегда буду его поддерживать», – сказал президент. По словам Бенеша, «концепция коммунистов произвела на него впечатление наиболее продуманной и ясной» по сравнению с представлениями других партий и политических группировок о будущем страны. Готвальд констатировал, что результаты переговоров можно выразить одной фразой, а именно: «Дело находится на правильном пути». За ходом переговоров внимательно следил Димитров: переводы бесед на русский язык немедленно ложились ему на стол. После ознакомления с материалами он переправлял записи в НКВД, Корнейчуку⁶².

Результаты переговоров Бенеша в Москве превзошли все его ожидания. «Можно сказать, что я сам не ожидал, что мы все продвинемся так далеко, что вопросы будут поставлены так ясно, так решительно, на основе такой сердечности и гармоничного сотрудничества в отношении будущего», – сообщал он 18 декабря в Лондон. Бенеш был очарован оказанным ему приемом и почестями, любезностью и вниманием первых лиц советского государства. Их заявления о послевоенном мирном урегулировании в основном совпадали с его собственными взглядами. Будущее страны Советов представлялось Бенешу в «розовых тонах»: «прогресс в идейном развитии по сравнению с 1935 годом огромный, подлинный и необратимый, – телеграфировал он в Лондон 18 декабря. – Рассматривать вопросы об интернационале (ропуске Коминтерна. – В. М.), о религии, о сотрудничестве с Западом, о славянской политике и т. д. как тактику было бы фундаментальной ошибкой. Развитие в направлении к новой русской империи, децентрализованной, с прочным местом для остальных советских народов, в духе новой народной демократии – неопровержимый и необратимый процесс. Из войны выйдет новый Советский Союз, экономически и социально полностью сохранивший советскую систему, политически же совершенно обновленный; он возглавит славян и добьется для себя и для них совершенно нового положения в мире... К нам – симпатии, всеобщее расположение... Договор понимается как начало новой, очень важной политической фазы для славян»⁶³. Эти представления Бенеша, как показала история, были иллюзорными, но тогда он искренне верил своим впечатлениям и старался убедить Запад в том, что опасаться советской угрозы нет оснований, что Советская Россия начала движение по пути демократии.

21 декабря Бенеш обратился по московскому радио к своим согражданам в оккупированной стране с разъяснениями, касавшимися сути договора и политики после освобождения. Он подчеркнул, что новый союзный договор, исходящий из договора 1935 г., рассматривается в контексте и духе «всей нашей национальной истории последних столетий», опирается на мысли великих национальных «будителей» Добровского, Коллара, Палацкого, Шафарика, Гурбан-Ваянского, Гавличека, Ригера о значении взаимоотношений с русским народом для будущего развития. «Советский Союз, – сказал Бенеш, – искренне желает сильной Чехословацкой республики, консолидированной, как можно более гомогенной в национальном смысле, которая была бы действительно хорошим и сильным другом и сотрудником советских народов в будущей защите длительного европейского мира». Президент отметил дружественный и братский прием, оказанный ему в Москве, и заявил: «Для меня лично – это один из прекраснейших моментов моей политической деятельности и моей политической жизни»⁶⁴.

Советско-чехословацкий договор, немедленно одобренный Президиумом Верховного Совета СССР и президентом ЧСР, был ратифицирован, и 22 декабря в 20 часов в Кремле состоялся обмен ратификационными грамотами. Затем последовал банкет, на котором «хозяином» был Сталин. Об этом эпизоде визита Бенеша известно пока лишь на основании записи в дневнике Таборского и выступлении президента на заседании чехословацкого правительства в Лондоне. «Президент тут же в заключение ужина произнес короткую благодарственную речь, – записал Таборский, – на что Сталин ответил заявлением о необходимости славянского сотрудничества после войны. Он сказал, что до сих пор немцам удавалось разделять славян, сотрудничая с одной частью славян против других, а затем – наоборот. Ныне же все славяне должны объединиться. И произнес тост за всех славян, и, как он буквально подчеркнул, за тех, которые пока воюют на другой стороне, вместе с немцами»⁶⁵.

Выступая на чрезвычайном заседании чехословацкого правительства 11 января 1944 г. с информацией о результатах своего визита в Москву, Бенеш так обобщил слова Сталина, сказанные на банкете: необходимость согласия между славянскими народами. «Я – никакой не панславист, – по словам президента, заявил Сталин, – я – ленинец и им останусь. Но не будет спокойствия в мире, если не будут проведены необходимые меры против Германии и за сотрудничество славянских народов; мы должны окончательно сломить немецкий империализм, и его нельзя сломить иным способом,

чем это сделано в нашем договоре. Если договоримся мы и чехословаки, с нами должны договориться и поляки, и все остальные славянские народы»⁶⁶. По приезде в Лондон Бенеш опубликовал большую статью «Новая славянская политика», которая была переведена на русский и напечатана в «Правде»⁶⁷.

23 декабря в 10 часов утра поездом на Баку Бенеш отбыл из Москвы. Его сопровождали Корнейчук, Фирлингер и Лебедев. На вокзале – те же, кто встречал его, во главе с Молотовым: гимны, обход почетного караула, короткая речь президента. Он уезжал из Москвы в прекрасном настроении и с убежденностью в правильности своих политических расчетов, а также в том, что, как он писал Молотову еще в августе 1941 г., дружественные отношения СССР и Чехословакии не только во время войны, но и после победы «могут быть одним из важнейших факторов сохранения мира в восточной и центральной Европе»⁶⁸. Для Бенеша заключение договора с СССР означало не только начало реализации его концепции роли Чехословакии как «моста между Западом и Востоком», но гарантию от повторения Мюнхена. Кроме того, он полагал, что закрепленный в договоре принцип невмешательства во внутренние дела друг друга снимет реально обозначившуюся в условиях быстрого приближения Красной Армии к довоенным западным границам СССР угрозу «советизации» и «большевизации» возрожденной ЧСР, поможет с помощью намечаемых им в союзе с коммунистами глубоких социально-экономических преобразований предотвратить социальную революцию в освобожденной стране. Бенешу, в целом достаточно трезво мыслящему политику, был в то же время свойствен определенный налет романтизма и идеализации, вера в возможность «честной политики» и исполнение данного (и особенно закрепленного в договоре) слова, обещания. Он верил, как и многие тогда на Западе, в перспективу демократизации общественного строя СССР после войны в результате развития контактов и сотрудничества между Востоком и Западом. Личный опыт общения Бенеша с кремлевскими лидерами, и прежде всего со Сталиным и Молотовым (май 1935 г., июнь 1942 г., декабрь 1943 г.), демонстрация понимания ими чехословацких проблем и симпатий к президенту ЧСР, почести, оказанные ему в Москве (что, безусловно, очень льстило ему) давали Бенешу основание видеть в советских руководителях мудрых и честных политиков, которым можно доверять, отодвигало на задний план сомнения в искренности их намерений. В своем обращении к Государственному совету 4 февраля 1944 г. он так оценивал советских лидеров: «Сталин – политический и государственный деятель крупного масшта-

ба, отличающийся глубокой образованностью, железной энергией и политической дальновидностью. Сталин и Молотов являются особенно горячими советскими патриотами и поэтому они могут оценить патриотизм других... Советский режим прочен, советская революция победоносна, советский Союз сознает свою победу в войне, гордится ею и своим участием в борьбе за свободу Европы и всего мира, за сохранение демократии против фашизма»⁶⁹. В одном из своих интервью 21 февраля, отвечая на вопрос, в чем заключается наибольшая опасность, угрожающая миру после войны? Бенеш заявил: «Несомненно, ничто не может быть более опасным для мира после общей победы, чем возможность того, что великие державы и другие демократические нации, сражающиеся сейчас вместе против Германии, не смогут сохранить своего союза»⁷⁰.

Мировая, и особенно английская, общественность с вниманием и интересом следила за визитом Бенеша в Москву, осозная важность его результатов для послевоенного развития, прежде всего в Европе. Мнения были разные, как и оценки договора⁷¹. Именно поэтому на обратном пути из Москвы в Лондон, пролежавшем через Алжир, Бенеш поспешил встретиться с находившимся там Черчиллем, чтобы проинформировать его о результатах визита в СССР. «Итоги поездки превзошли мои ожидания, – сообщал он в МИД 22 декабря, – несмотря на это следует сохранять в комментариях и в беседах спокойствие и деловитость. Англичан я буду информировать подробно после возвращения. Нужно успокоить их»⁷². 4 января 1944 г. президент имел три продолжительные беседы с британским премьером, о которых сделал собственные короткие заметки: «Он (Черчилль. – В. М.) был за договор с Советским Союзом, Форин Офис на это смотрит неправильно», «нужно к этому подключить поляков – я должен помочь», «мы – домюнхенские границы», «немцы – все на родину (в Германию. – В. М.), как [договорились] и с русскими»⁷³. 11 января Бенеш сообщил Фирлингеру о беседах с Черчиллем: «Я информировал его о своих московских разговорах и передал поздравления от Сталина. Он был этим весьма искренне обрадован и повторял не только мне, но позднее также и Лебедеву, как дорожит дружбой Сталина, и так же, как Сталин, Черчилль желает, чтобы сотрудничество между Великобританией, СССР и Соединенными Штатами пережило войну и обеспечило миру мир. Черчилль полностью согласен во всем со взглядами Сталина относительно польского вопроса, вопроса о границах между Германией, Польшей и СССР и наших дел. Подчеркивал мне, что полностью понимал и признает необходимость общей чехословацко-советской границы, полного трансфера немцев

из Республики и высоко оценивал значение чехословацко-русского договора». Выступая 11 января на чрезвычайном заседании чехословацкого правительства, Бенеш так описывал свою встречу с Черчиллем: «Я передал ему весьма лестные приветы от Сталина. Черчилль был к этому необычайно чувствителен. Сталин говорил мне о Черчилле чрезвычайно хорошо. Черчилль – точно так же о Сталине. Сталин, когда я покидал Кремль, еще через стол обратился ко мне: “Поцелуйте от меня Черчилля”. Интересно, что эти личные отношения, которые установились на конференции в Тегеране, играют на всех сторонах (в отношениях между союзниками. – В. М.) большую роль. Сталин говорит о Черчилле очень тепло; о Рузвельте говорил как о весьма разумном и гибком человеке»⁷⁴.

И Сталин, и Черчилль, и Бенеш были опытными дипломатами, прекрасно владевшими искусством ведения политической игры и знавшими, что, где, когда и кому следует говорить, чтобы слова, нередко камуфлирующие истинные чувства и взгляды, дошли до адресата и помогли в достижении поставленных целей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ČPJVK. Praha, 1994. Kn. 3. Dok. 162. S. 444; DHČP. Díl 1. Praha, 1966. Dok. 261. S. 311–312.

² ČSVDJ. Díl 1 (březen 1939 – červen 1943). Praha, 1998. Dok. 220. S. 444–450.

³ Ibid. Dok. 223. S. 453–456.

⁴ DHČP. Díl 1. Dok. 270. S. 324–325

⁵ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. Док. 38, 39. С. 71–72.

⁶ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 226. S. 462.

⁷ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. Praha, 1948. S. 120–121.

⁸ Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. С. 208.

⁹ Ibid. S. 209.

¹⁰ С. Хэлл, по словам Бенеша, заявил ему, что США считают Мюнхенское соглашение «Null and void», т.е. «аннулированным и недействительным» (ČSVDJ. Díl 1. Dok. 240. S. 482).

¹¹ Ibid. Dok. 231. S. 469–470.

¹² Ibid. Dok. 236. S. 473–474.

¹³ Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. S. 210.

¹⁴ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 239. S. 481–482.

¹⁵ Докладывая 17 июня на чрезвычайном заседании чехословацкого правительства о своей поездке в США, Бенеш так излагал точку зрения Руз-

вельта по этому вопросу: «Относительно Польши мне Рузвельт сказал, по сути, следующее: Мы не станем из-за Польши воевать с Россией, мы не можем сами решать, когда Россия захочет взять спорную территорию, как и в отношении балтийских государств, Бессарабии и т.д. Не может быть никаких сомнений в том, что, в конце концов, решающее слово будет за русскими. Мы полагаем, что между Польшей и Россией вопрос может быть решен лишь на основе линии Керзона... никакое иное решение и никакая другая граница в принципе невозможны» (ČSVDJ. Díl 1. Dok. 249, 253. S. 493, 502).

¹⁶ Ibid. S. 492–493.

¹⁷ Ibid. Dok. 251. S. 498–500.

¹⁸ ДМИСЧО., 4-1. М., 1981. С. 304; ČSVDJ. Díl 1. Dok. 228. S. 466.

¹⁹ ДМИСЧО, 4-1. Док. 246. С. 315–316; ČSVDJ. Díl 1. Dok. 244. S. 488.

²⁰ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 251. S. 499.

²¹ Проект договора см: ČSVDJ. Díl 1. Dok. 250. S. 494–498.

²² ДМИСЧО, 4-1. Док. 249. С. 317–318; ČSVDJ. Díl 1. Dok. 254. S. 504–506.

²³ ДМИСЧО, 4-1. Док. 250. С. 318–319.

²⁴ ДМИСЧО, 4-1. Док. 251. С. 320.

²⁵ *Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl II. S. 128.*

²⁶ Советско-чехословацкие отношения... Док. 51. С. 93–94.

²⁷ ČSVDJ. Díl 1. Dok. 263. S. 523–525.

²⁸ ДНČР. Díl 1. Dok. 309. S. 378.

²⁹ ČSVDJ. Díl 2 (červenec 1943 – březen 1945). Praha, 1999. Dok. 11, 15. S. 36–37, 43.

³⁰ ДМИСЧО, 4-1. Док. 277. С. 346–349.

³¹ ДНČР. Díl 1. Dok. 301. S. 365 (примеч. 2).

³² Ibid. Dok. 306. S. 374.

³³ Советско-чехословацкие отношения... Док. 54. С. 101–102.

³⁴ Там же. Док. 57. С. 107–109.

³⁵ ДМИСЧО, 4-1. Док. 277. С. 346–349.

³⁶ ДНČР. Dok. 317. S. 387.

³⁷ ДМИСЧО, 4-1. Док. 294. С. 363–364.

³⁸ ДНČР. Dok. 324. S. 394–395.

³⁹ Возможно, это было простым совпадением, но накануне, 23 октября 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР чрезвычайным и полномочным послом при правительстве Чехословакии вместо Богомолова был назначен В.З. Лебедев (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 198. Л. 186). Бенеш был рад этой замене, поскольку с Богомоловым у него сложились не лучшие отношения. Президент считал (в неопубликованных беседах), что информация и оценки, передаваемые послом в Москву, в искаженном виде изображали чехословацкие позиции и не содействовали взаимопониманию сторон. Верительные грамоты Лебедев вручил

Бенешу в Лондоне 18 января 1944 г. (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. 31 С. 46–47).

⁴⁰ Советско-чехословацкие отношения... Док. 69. С. 128.

⁴¹ ДМИСЧО, 4–1. Док. 305. С. 377–378.

⁴² ČSVDJ. Díl 2. Dok. 48. S. 99 (примеч. b).

⁴³ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский вопрос и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 148.

⁴⁴ ČSVDJ. Díl 2. Dok. 57. S. 121 (примеч. 8).

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 34. Д. 405. Л. 1.

⁴⁶ ČSVDJ. Díl 2. Dok. 75. S. 201.

⁴⁷ См.: Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.), вступительная статья В.В. Марьиной // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 12–15

⁴⁸ ДМИСЧО, 4-1. Док. 324. С. 394–396.

⁴⁹ Переговоры Э. Бенеша в Москве... № 1. С. 16–20.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 1–7, 11– 19.

⁵¹ Записи бесед Смутного в переводе на русский язык см.: Переговоры Э. Бенеша в Москве... Вопросы истории. 2001. № 1. С. 20–28; № 3. С. 3–14.

⁵² Здесь и далее цитируется советская запись беседы, отмечаются отличия от чешской записи.

⁵³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 8–10; ČSVDJ. Díl 2. Dok. 61. S. 145–147. Записка на русском языке называлась «Выселение части населения Чехословакии», на чешском – «Трансфер населения в ЧСР». О содержании и сравнении обоих документов см. подробнее: *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи. 1939–1943 годы // Славяноведение. 2003. № 1. С. 39–41.

⁵⁴ В чешской записи: «Нам необходимо, чтобы во время переворота в нашем распоряжении находилось как можно больше вооруженных сил» (Переговоры Э. Бенеша в Москве... № 3. С. 3).

⁵⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 20–27; ČSVDJ. Díl 2. Dok. 64. S. 163–169.

⁵⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 28–30; ČSVDJ. Díl 2. Dok. 65. S. 169–171.

⁵⁷ Переговоры Э. Бенеша в Москве... № 3. С. 14–19.

⁵⁸ *Fierlinger Z.* Ve službách ČSR. Díl II. S. 190.

⁵⁹ ČSVDJ. Díl 2. Dok. 66. S. 171–172. В АВП РФ автор не обнаружил мемурандума.

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 6646. Оп. 2. Д. 19. Л. 23–24об.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 74. Д. 549. Л. 64–69.

⁶² Переводы бесед на русский язык см.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 23–63; на чешском языке: *Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie*

v Československu. Dokumenty. Sv. I-1 / Ed. M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá, V. Prečan. Praha, 1965. Dok. 2. S. 40–59.

⁶³ ČSVDJ. Díl 2. Dok. 67. S. 173.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 24. П. 37. Д. 5. Л. 31а–35.

⁶⁵ ČSVDJ. Díl 2. Dok. 71. S. 190–191 (примечю 2).

⁶⁶ Ibid. Dok. 75. S. 204–205.

⁶⁷ Правда. 24 апреля 1944 г. С. 3–4.

⁶⁸ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 24. П. 37. Д. 5. Л. 31а, 35.

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 24. Д. 107. Л. 25–27.

⁷⁰ Там же. Оп. 27/1. Д. 3312. Л. 24.

⁷¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 167–168.

⁷² Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. Декабрь 1943 г. – май 1945 г. М., 1983. Док. 9. С. 23.

⁷³ ČРЈVK. Кн. 4. Dok. 205. S. 552–553.

⁷⁴ ČSVDJ. Díl 2. Dok. 74, 75. S. 196–197, 214.

В ПРАГУ ЧЕРЕЗ МОСКВУ И КОШИЦЕ

Советская и чехословацкая стороны искренне, а английское политическое руководство по крайней мере на словах, выражали удовлетворение подписанием советско-чехословацкого договора и результатами поездки Бенеша в Москву. Весной 1944 г. Красная Армия стремительно приближалась к довоенным границам Чехословакии, и уже не оставалось сомнений, что ее освобождение придет с Востока. В советско-чехословацких отношениях наступал новый этап – этап претворения в жизнь достигнутых договоренностей. И здесь Бенеша ждали не только радости дружбы с Москвой, но и первые разочарования.

Для чехословацкой эмиграции как в Москве, так и в Лондоне все более очевидной становилась необходимость активизации движения Сопротивления в протекторате и Словакии. Принципиальное единство позиции по этому вопросу, однако, не означало схожесть взглядов на его формы и методы развития. Загранбюро КПЧ в Москве при поддержке ИККИ, а затем ОМИ ЦК ВКП(б) приоритет отдавало партизанским способам борьбы с участием местного населения, «чехословацкий» Лондон, не отрицая необходимости ее развития, делал ставку на вооруженный переворот или восстание, организованное армейскими кругами (конкретно имелась в виду словацкая армия) при поддержке как изнутри, так, главным образом, и извне. Причины различия во взглядах на выбор тех или иных форм движения Сопротивления крылись в понимании их значения для последующего внутривнутриполитического развития страны. Было очевидным, что в руководстве партизанским движением «основную скрипку» будут играть Москва и коммунисты, которые не преминут использовать это для укрепления своих позиций и влияния в освобожденной стране. Бенеш и эмигрантское правительство рассчитывали на получение поддержки со стороны армейских частей, находившихся под командованием сторонников «лондонцев», и других вооружен-

ных формирований (жандармерии, полиции и пр.) внутри страны. Хотя эти «тайные помыслы» относительно будущего являлись секретом Полишинеля, никто, разумеется, не говорил о них открыто. Они обсуждались лишь в «тесном кругу друзей» или политических единомышленников. На период борьбы против гитлеровского засилья предполагалось объединение усилий всех антифашистских национальных сил, к чему непрестанно призывали, как коммунисты, так и Бенеш.

В проектах чехословацкого правительства, касавшихся освобождения страны, большая роль наряду с использованием сил внутреннего Сопротивления отводилась десантным операциям союзников, в том числе и с Запада. В течение 1943 г. эти планы обсуждались с британскими военными ведомствами. Просьба перебросить на территорию ЧСР чехословацкие парашютно-десантные части и вооружение для 10-50 тысяч человек, а также помочь английской авиацией и десантами в случае восстания была, по сути, отклонена. Ее выполнение оговаривалось рядом неприемлемых и в тот момент невыполнимых для чехословацкой стороны условий: предоставление данных о численности и расположении сил, которым будет поставляться оружие, восстание должно произойти по указанию из Лондона и в назначенные им сроки¹. Тогда-то и началось зондирование вопроса о возможной помощи Советского Союза пока еще виртуальному восстанию.

СССР, не без основания в силу военных успехов Красной Армии претендовавший на укрепление своих позиций в Центральной и Юго-Восточной Европе, не делал из этого особого секрета, хотя публичных заявлений не допускал. Особая роль при этом отводилась Чехословакии. И.М. Майский, в конце 1943 г. занявший пост заместителя наркома иностранных дел, в записке на имя Молотова от 11 января 1944 г. утверждал: СССР «выгодно стремиться к созданию сильной Чехословакии», которая способна стать важным проводником советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе ввиду настроений ее населения и наличия советско-чехословацкого договора. Майский считал, что Чехословакию «следует рассматривать, как форпост нашего влияния» в указанном регионе². «Запад», понимая неизбежность в сложившихся условиях такого поворота событий, вынужденно соглашался с указанной перспективой, хотя не собирался пассивно наблюдать за происходившим.

В планах Москвы, касавшихся укрепления ее влияния в восставленной Чехословакии, немалая роль отводилась созданным в СССР чехословацким воинским частям, которые сражались вместе с Красной Армией на советско-германском фронте. Положение дел

в этом вопросе Бенеш постоянно держал в поле своего внимания³. Но для него особенно важно было внести ясность в вопрос о том, как будут взаимодействовать на освобожденной территории советские военные и чехословацкие государственные органы. 22 февраля 1944 г. Бенеш в беседе с Лебедевым выдвинул идею заключения между советским и чехословацким правительствами соглашения о взаимоотношениях в период вступления советских войск на территорию Чехословакии. Советское руководство не возражало и предложило чехословацкому правительству подготовить текст такого соглашения. Он был составлен и передан в Москву для согласования. Одновременно аутентичные тексты получили англичане и американцы, с которыми чехословацкое правительство тоже намеревалось заключить подобные соглашения.

8 апреля советские войска вышли к домюнхенским границам Чехословакии на участке Подкарпатской Руси, а 14 апреля Молотов в беседе с Фирлингером дал согласие советского правительства на подписание предложенного чехословацкой стороной текста указанного соглашения, заявив при этом, что должен информировать о нем в порядке консультаций англичан и американцев. Ни те, ни другие не возражали и сочли возможным появление подобного соглашения, тем более что в главном оно совпадало с аналогичными соглашениями, подготовленными западными союзниками для подписания с бельгийским, голландским и норвежским правительствами. 8 мая Лебедев и Рипка поставили свои подписи под Соглашением об отношениях между советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии⁴. Ни англичане, ни американцы не намерены были тогда подписывать аналогичные соглашения с чехословацким правительством, полагая, что конкретная военная ситуация пока не требует этого. Не подписано оно было и позже, когда в апреле 1945 г. американская армия вступила на территорию западной Чехии. Следует сказать, что текст советско-чехословацкого соглашения был весьма несовершенен с точки зрения его практической реализации и позволял каждой из сторон толковать отдельные его положения в свою пользу. Особенно это стало очевидным после вступления Красной Армии на территорию Закарпатья (Подкарпатской Руси) и привело к множеству недоразумений и конфликтов. Москва, принявшая негласное решение о присоединении Закарпатья к СССР (УССР), стремилась развернуть там под руководством коммунистов, как присланных из Советского Союза, так и местных, и при содействии советских военных органов «народное движение» за разрыв ПР с Че-

хословакией и «воссоединение» с братской Украиной. Деятельность чехословацкой правительственной делегации во главе с Ф. Немецем, прибывшей на освобожденную территорию ПР в конце октября 1944 г., была фактически заблокирована. Бенеш, в принципе не возражавший против передачи Закарпатья Советскому Союзу, решительно настаивал на том, что это должно произойти после восстановления Чехословакии в домюнхенских границах, т. е. после войны, и на законных основаниях. Ситуация в ПР и ее разные оценки Москвой и «чехословацким» Лондоном означали первую серьезную трещину в советско-чехословацких отношениях, основанных на договоре 1943 г. и майском соглашении 1944 г. Последние месяцы 1944 г. и начало 1945 г. были отмечены усилиями сторон сгладить на дипломатическом уровне возникшую напряженность в отношениях обоих государств. Обмен письмами между Сталиным и Бенешем в конце января 1945 г., касавшимся судьбы Закарпатья, казалось, внес ясность в этот вопрос⁵. Но Бенеш уже начал освобождаться от иллюзий, которые он питал в отношении Сталина и коммунистов некоторое время назад. Несовпадение, а точнее, противоположность слова и дела Москвы на освобожденной территории Чехословакии, в Подкарпатской Руси, вели к утере Бенешем веры в твердость обещаний Сталина, делали все более иллюзорными представления президента о возможности эволюции советского строя в демократическом направлении. Но вносить какие-либо коррективы во внешнюю политику было уже поздно: освобождение шло с востока, и, если Бенеш хотел в ближайшее время попасть на родину, а он этого хотел, то ехать надо было через Советский Союз. Обмен письмами между Бенешем и Сталиным внес определенную ясность в позиции СССР относительно времени формального решения вопроса (фактически он был решен) о государственно-правовой принадлежности Подкарпатской Руси. Тем не менее точки над «i» не были поставлены⁶.

Еще одним важным вопросом, к которому было приковано внимание Бенеша, являлась подготовка восстания в Словакии. Его предполагалось осуществить внутренними силами (распропагандированные части словацкой армии) при поддержке извне, как с Запада, так и с Востока (сброс оружия и десантов, бомбардировка военных объектов, помощь Красной Армии и сражавшегося вместе с ней Чехословацкого армейского корпуса). На Западе отнеслись к поддержке восстания сдержанно и скорее отрицательно, чем положительно. Это объяснялось как военной, так и политической стороной дела: отсутствием данных о возможных повстанческих силах, трудностями и дальностью переброски по воздуху просимого воору-

жения и людей; к тому же все очевиднее становилась возможность освобождения Чехословакии с Востока и, следовательно, включения ее в сферу советских интересов и влияния.

Чехословацкое правительство, располагавшее уже с конца 1943 г. сведениями о готовящемся в Словакии восстании, все более настойчиво, особенно после заключения советско-чехословацкого договора в декабре 1943 г., добивалось от Москвы согласия оказать ему конкретную помощь. Принципиальное согласие на оказание такой помощи Г. Пика получил еще в ноябре 1943 г., о чем и сообщал в Лондон: «Принципиально нет никаких возражений. Нам будет оказана полная поддержка. Количество и вид оружия будут подготовлены в соответствии с нашим планом. Доставка будет обеспечена советскими самолетами как перед началом восстания, так и в ходе самой операции. Поддержка со стороны советской авиации будет обеспечена»⁷.

Бенеш, который на словах в общем соглашался с необходимостью развития партизанского движения на всей территории расчлененной Чехословакии (об этом он говорил и с советскими руководителями, и с чехословацкими коммунистами во время своего пребывания в Москве, а также публично заявил, выступая в Государственном совете 3 февраля 1944 г.), тем не менее и далее в своих планах освобождения страны отдавал предпочтение восстанию (перевороту) при опоре на вооруженные силы. Он продолжал считать, что в отличие, например, от Польши, Югославии, Греции, в «его» стране нет необходимых условий для развития широкого вооруженного сопротивления снизу, включая партизанское движение. Генерал А. Гасал (Нижборский), оставленный им в Москве для ведения переговоров по военным вопросам, имел поручение обсуждать с советскими властями, прежде всего, вопросы помощи вооруженному восстанию при опоре на армию.

В марте 1944 г. в целом была достигнута договоренность об оказании советской помощи вооруженному восстанию словацкого народа, который не мог рассчитывать в его осуществлении только на собственные силы. Первым шагом такой помощи в подготовке восстания должна была стать выброска организаторских групп на территорию Словакии с целью создания баз для доставки вооружения и людей, а также формирования мобильных партизанских отрядов из местного населения. Именно решением этих задач и занялись как советские, так и чехословацкие военные органы весной 1944 г. Особую заинтересованность в развитии партизанского движения на территории бывшей Чехословакии проявляли не только советские власти,

но и Заграничное бюро КПЧ в Москве. До августа 1944 г. в Москве не имели конкретных и точных данных ни о положении в стране, ни о настроениях ее населения, ни о готовности двух словацких дивизий, дислоцированных на Востоке страны, участвовать в свержении режима. А словесных заверений из Лондона о подготовленности восстания было явно недостаточно. Поэтому Москва испытывала определенные неуверенность и колебания относительно поставок в Словакию обещанного оружия, хотя принципиально готова была оказать помощь назревающему там вооруженному восстанию. Когда оно в конце августа 1944 г. началось, СССР оказал ему моральную, материальную и военную поддержку⁸.

Бенеш внимательно следил за событиями в Словакии и ходом восстания, инструктируя по мере необходимости своих военных и политических сторонников в его руководстве. Он был благодарен советскому правительству и командованию Красной Армии за «быструю организацию помощи чехословацким патриотам, поднявшимся в Словакии против немцев»⁹. Вместе с тем Бенеш весьма негативно и с возмущением воспринял сведения о меморандуме словацкого военного министра Ф. Чатлоша, предложившего Москве свой план вывода Словакии из войны¹⁰, и слухи о возможных переговорах с ним советского руководства¹¹. Советский посол В.З. Лебедев, который 5 сентября 1944 г. был приглашен Бенешем на обед, решительно опроверг эти измышления и предложил президенту подумать о возможности возвращения на родину через Москву одновременно с освобождением чехословацкой территории Красной Армией и чехословацкими частями¹². Еще 3 августа президент подписал конституционный декрет о временном управлении освобожденной территорией Чехословацкой республики. В конце августа чехословацкая правительственная делегация во главе с Ф. Немецем прибыла в Москву, ожидая подходящего момента для переезда на освобожденную повстанцами территорию, куда прибыла 7 октября. Хотя Словацкий национальный совет (СНС) высказался за восстановление Чехословакии, его отношение к Бенешу и правительственной делегации не было однозначно положительным. По прибытии делегации в Словакию сразу обнаружились сложности в ее отношениях с СНС, который еще в начале восстания объявил о том, что «берет на себя «всю законодательную и исполнительную власть на территории Словакии», и подозревал лондонское правительство в намерениях навязать словакам посредством делегации свою волю. Выполнить возложенные на нее задачи делегации по существу не удалось. СНС согласился видеть в правительственном делегате лишь представителя лондонского правительства, с которым намеревался

сотрудничать¹³. За годы существования самостоятельного, хотя и номинально, государства словаки окончательно ощутили себя сложившейся нацией не только в этническом, но и в политическом смысле. Возросли их самосознание и уверенность в том, что словацкий народ может сам распоряжаться своей судьбой, не ожидая указаний извне, в том числе и с чешской стороны. Для прояснения вопроса о взаимоотношениях чехов и словаков после войны в Лондон направилась делегация СНС.

Бенеш являлся последовательным сторонником государственного союза чехов и словаков. «Остаться со словаками под одной крышей, – писал он своим сторонникам на родине в августе 1939 г. – категорическое требование политически и экономически сильной Чехословакии. Невзирая на то, что произошло, нужно для этого готовить почву, это требуется и в плане международном»¹⁴. Вместе с тем президент был последовательным сторонником идеи единой чехословацкой нации и не намеревался отказываться от своих убеждений. Еще в декабре 1943 г., встречаясь с представителями Заграничного бюро КПЧ в Москве, Бенеш говорил: «Вы никогда не убедите меня в том, чтобы я признал словацкую нацию. Это – моя научная точка зрения, которую я не могу изменить... Я считаю, что словаки – это чехи и что словацкий язык является только одним из наречий чешского языка. Я никому не запрещаю называть себя словаком, но не допущу, чтобы провозглашали существование словацкого народа»¹⁵.

Члены прибывшей в Лондон делегации СНС решительно настаивали на необходимости признания самобытности словацкого народа и отказа от идеи «чехословацкого единства в смысле национально-этническом», а также на признании за Советом верховных полномочий на освобожденной территории Словакии и в будущей ЧСР. Особое недовольство делегатов вызывало нежелание Бенеша и его окружения признать самобытность словацкого народа. Президент приводил множество аргументов географического, культурно-исторического, международно-политического, социологического плана в защиту своей концепции, подчеркивал опасность, которая может возникнуть в случае отказа от нее, особенно учитывая две различные, тысячелетиями складывавшиеся ориентации: в чешских землях – на Запад, в Словакии – на Восток. Последовательное подчеркивание национальных различий, полагал Бенеш, «приведет не к сближению, а к развитию, которое будет разделять чехов и словаков, и, наконец, приведет к их отделению друг от друга, к ослаблению республики, а в момент военного конфликта – к поглощению Словакии Востоком, а чешских земель – Западом и к трагической судьбе обеих частей»¹⁶.

Во взглядах на решение национального вопроса после войны Бенеш исходил из своего критического отношения к тому, как были реализованы на практике закрепленные в решениях Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. постулаты о праве наций на самоопределение и о защите прав национальных меньшинств. Он полагал, что первый из них и теоретически, и практически может быть доведен до абсурда требованием самоопределения небольших национальных анклавов, ограниченных масштабами района, города и даже села. Выполнение второго, по его мнению, в межвоенный период не контролировалось, как это требовалось, Лигой Наций или какими-либо другими международными организациями. Это привело, с одной стороны, к игнорированию защиты прав национальных меньшинств государствами с недемократическими формами правления, такими как Германия, Италия, Венгрия, Польша, а с другой стороны, к неумеренной критике других государств, например, Чехословакии, за недостаточное следование этому принципу. Кроме того, по Бенешу, защита прав национальных меньшинств на практике зачастую входила в противоречие с правами «государственных» наций, вела к их ущемлению и наносила вред государству в целом. Он считал необходимым снова поставить национальную идею на службу демократии. В его теоретических рассуждениях и подходах к решению национального вопроса подчиненность этой сферы человеческих отношений предполагала достижение некоей высшей, главной цели, а именно – совершенствование и укрепление демократии с ее приоритетной защитой прав личности, человека-гражданина. В рамках защиты этих прав, по мнению Бенеша, могли быть обеспечены и национальные права каждого¹⁷.

Эти представления президента нашли отражение в документе, врученном словацкой делегации после завершения ее переговоров в Лондоне. В нем содержалась и личная точка зрения Бенеша по вопросу единого чехословацкого народа. «Я никогда ни от кого не скрывал и не скрываю сегодня, – говорилось в подписанном президентом документе, – что всегда отстаивал и отстаиваю точку зрения о едином чехословацком народе. Это моя научная социологическая точка зрения. Чехи и словаки являются для меня равноценными, равноправными и вполне зрелыми частями одного и того же народа. Одни говорят на чешском языке, другие – на словацком, оба языка равноправны и равноценны и должны быть одинаково признаваемы. Некоторые национальные черты и особенности у нас тождественны, другие пока отличны. Но обе эти части народа всегда имели и имеют столько общих культурных и идейных ценностей, что

нет другого народа или двух других народов, ситуация которых была бы аналогична». Однако Бенеш полагал недопустимым навязывать кому-либо эту точку зрения: «Если в Словакии существует большая часть или большинство населения, которое чувствует себя исключительно словаками, если это большинство называет себя словацким народом, то нужно этот факт просто констатировать и признать; нет смысла вести какой-то терминологический спор о народе словацком и чехословацком». Бенеш полагал недопустимым и абсурдным «предписывать, навязывать или устанавливать законами» существование чехословацкого народа: «Я отстаиваю позицию абсолютной лояльности, честной толерантности и взаимного признания: у нас должен быть полностью и честно признан словак (как народ), чех (как народ), чехословак (как народ)». (Слово *národ* переводится на русский язык и как народ, и как нация в зависимости от контекста. В данном случае, скорее всего, имелась в виду нация). Существование чехословацкого народа (нации) Бенеш связывал с более высокой ступенью культурного развития и отсылал своих оппонентов к примеру Англии, где употребляются выражения «английский народ», «шотландский народ», «уэльльский народ», но «с одинаковым основанием и толерантностью – **британский народ**». «Это просто свидетельство высшей ступени развития, – считал он. – Почему бы нам не освоить подобную толерантность? Почему бы нам не понять, не признать и не попробовать приспособиться к этой высшей ступени общественного развития?»¹⁸. Словацкая делегация не добилась от Бенеша ясной и недвусмысленной формулировки в вопросе существования словацкой нации, но «подвижки» были налицо, наметилось некоторое сближение позиций сторон, и уже это внушало надежду на то, что в будущем удастся добиться большего.

После завершения переговоров в Лондоне словацкая делегация не смогла вернуться в Словакию: восстание было подавлено, повстанцы отошли в горы, деятельность СНС предполагалось возобновить уже на территории, освобождаемой частями Красной Армии. Деятельность правительственной делегации в это время была перенесена на территорию Подкарпатской Руси, где по инициативе коммунистов и при поддержке советских военных властей развернулось движение за присоединение этой области к СССР (УССР). Взаимоотношения Ф. Немца с советским военным командованием приняли напряженный характер. Чехословацкая правительственная делегация, фактически оказавшаяся в изоляции, не могла выполнить возложенных на нее задач. Советско-чехословацкое соглашение от 8 мая 1944 г. в создавшейся ситуации практически оказалось бездейственным, так

как каждая сторона толковала его в своих интересах. Бенеш выяснял отношения с Москвой, но, несмотря на свое возмущение происходящим, считал ненужным их обострение. Ф. Немец, будучи не в силах справиться с ситуацией, рекомендовал президенту и правительству переехать на освобождаемую Красной Армией территорию ЧСР. И Бенеш склонялся к положительному решению этого вопроса, тем более что советские войска осенью 1944 г. уже вступили в пределы Словакии.

Считая, что «наши важнейшие дела решаются сегодня в Москве, а вовсе не в Лондоне», Бенеш обрадовался советскому предложению перенести деятельность чехословацкого правительства поближе к освобождаемой территории Словакии или даже на эту территорию. Он надеялся, что это поможет более быстрому улаживанию возможных конфликтов с советскими властями. 30 декабря 1944 г. президент просил Фирлингера передать советскому правительству, что переезд чехословацкого правительства на освобожденную территорию является «единственным решением, которое поможет окончательно разрешить наши теперешние политические и военные трудности». Далее Бенеш просил Ф. Немца подготовить условия на освобожденной территории для переезда туда правительства¹⁹. По всей видимости, Бенеш ясно осознавал, что в сложившейся ситуации «дружественное» по отношению к СССР правительство Чехословакии, скорее всего, наподобие «люблинского комитета» в Польше, может возникнуть при всех обстоятельствах, независимо от желания или нежелания кого бы то ни было на Западе. И он, как опытный политик, предпочел, опираясь на советско-чехословацкий договор 1943 г., взять инициативу в свои руки. В конце войны Бенеш, вероятно, еще более утвердился в мысли, высказанной им в беседе с генералом В. Сикорским в начале 1942 г., о том, что «надо договориться с Советами, чтобы прийти в Прагу и Берлин вместе с Красной Армией» и что «надо пойти на уступки СССР, так как они все равно возьмут то, что им нужно, силой. И тогда будет хуже»²⁰. Поэтому Бенеш был решительно настроен войти в Прагу вместе с Красной Армией.

Напряженность в советско-чехословацких отношениях в это время возникала не только в связи с вопросом о судьбе Подкарпатской Руси. Москва была заинтересована в том, чтобы дружественное ей чехословацкое правительство как можно быстрее официально признало Польский комитет национального освобождения (ПКНО), так называемое «люблинское правительство», созданное при советском содействии в июле 1944 г. на освобожденной польской территории, в качестве единственной законной власти в Польше²¹. Такие

пожелания высказал заведующий IV Европейским отделом НКВД СССР В.А. Зорин в беседе с З. Фирлингером 29 декабря, о чем посол сообщил в Лондон: «в советских правительственных кругах вызывает удивление, что наше правительство не посчитало нужным установить связь с польским комитетом... мы должны понять, что лондонское правительство в Польше править не будет и что, скорее всего, это будут люди нового демократического польского режима... Зорин выразил надежду, что его соображения будут приняты во внимание чехословацким правительством»²².

Однако Бенеш не торопился с признанием «люблинского комитета», а затем и Временного польского правительства (ВПП), созданного на его основе 31 декабря 1944 г. 4 января 1945 г. оно было признано Советским Союзом, а Англия и США в тот же день заявили о его непризнании. Бенеш тянул время, выдвинув условием признания заявление ВПП об осуждении польской политики в отношении Чехословакии в 1938 и 1939 гг. и согласии с ее домюнхенскими границами. Кроме того, ему не хотелось входить в конфронтацию с английским правительством, которое настаивало на том, чтобы решение данного вопроса консультировалось с ним. Зорин, по словам Фирлингера, выразил свое неудовольствие позицией чехословацкого правительства и высказался в том смысле, что это может неблагоприятно сказаться на отношениях ЧСР и СССР. Давление было нешуточное, но Бенеш всё еще колебался. Зорин же полагал невозможным выдвижение каких-либо предварительных условий признания и считал, что в случае положительного решения вопроса Москва поможет ЧСР решению ее пограничных споров с Польшей. Западные союзники советовали в вопросе признания ВПП действовать осмотрительно и тянуть время. Бенеш, с одной стороны, не желал вступать в новый конфликт с советским правительством, с другой, осложнять отношения с Англией и США. В инструкции, направленной Фирлингеру 10 января 1945 г., говорилось: «У нас нет в этом деле никаких задних мыслей, и мы не хотим намеренно откладывать или оттягивать решение вопроса. Но мы не хотим опять стать объектом неких дипломатических маневров кого-либо... Мы здесь связаны обещанием предварительно информировать англичан о наших действиях. Иначе мы выглядели бы нелояльными. Это должен понимать всякий»²³.

Однако Кремль настаивал на немедленном признании ВПП без всяких предварительных условий. В преддверии Ялтинской конференции, на которой одним из важнейших был вопрос о Польше, для Москвы это было важно. 24 января Фирлингер встретился с Моло-

товым, который, отбросив всякий дипломатический такт, в резкой форме заявил послу, что единственно возможным путем для чехословацкого правительства является немедленное признание Варшавского правительства, после чего могут быть начаты переговоры по вопросу о чехословацко-польских границах. «Впрочем, чехословацкое правительство очень долго медлило и теперь может признание откладывать и далее. Для советского правительства это совсем не важно. Польское правительство существует, будет существовать и далее консолидироваться»²⁴, – заявил советский нарком. 26 января Фирлингер телеграфировал Бенешу: «Мы можем сохранить Тешин лишь с помощью Москвы. Поэтому советую действовать в любом случае решительно и быстро еще до конференции трех, которая состоится в ближайшие дни. Всякое опоздание может нанести вред». И Бенеш сдался. 27 января Г. Рипка, встретившись с советским дипломатом И.А. Чичаевым, просил его передать в Москву, что чехословацкое правительство решило официально признать варшавское правительство, не ожидая каких-либо заявлений с его стороны о спорных пограничных вопросах²⁵.

Одновременно в Лондоне шла подготовка к переезду чехословацкого правительства на родину. В Москве тоже готовились к приезду Бенеша. Договоренность, хотя и негласная, между союзниками по антигитлеровской коалиции о разделе сфер влияния в послевоенной Европе фактически была достигнута²⁶. Чехословакии при этом отводилась особая роль: она рассматривалась Москвой как форпост советского влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе». В закрепленной (фактически) за СССР сфере его интересов (влияния, безопасности – тогда это называлось по-разному) можно было применить достаточно гибкую тактику в проведении советской политики. Эта тактика была рассчитана не на сиюминутный, а на постепенный результат при опоре на внутренние силы, коммунистов, в ряде стран уже занявших или поставивших цель занять прочные позиции в органах новой власти. По мнению кремлевских лидеров, еще не пришло время для открытой, прямолинейной проповеди идей социализма, воплощенных в советском образце. Речь пока шла лишь об установлении демократических режимов, поддерживаемых всеми антифашистскими силами и дружественных по отношению к Советскому Союзу.

Незадолго до поездки Бенеша в Москву, 24 февраля У. Черчилль пригласил его и Я. Масарика на обед в свою загородную резиденцию Чекерс. В разговоре с глазу на глаз премьер обратил внимание Бенеша на укрепление позиций Советского Союза в Европе и спросил,

нет ли у него опасений, связанных с поведением Советов и их армии в Чехословакии. Бенеш подтвердил свою «озабоченность», но не «опасения» относительно того, что «будут делать Советы и Красная Армия» на территории Чехословакии. Однако президент выразил надежду, что «ситуацией можно будет овладеть». Черчилль подчеркнул свою веру в то, что «русские останутся в границах своих сил и возможностей, а если их перейдут, то наткнутся на англичан и американцев», но за будущее Европы не ручался. Он подчеркнул также, что система послевоенной безопасности должна остаться в руках великих держав, и что мир будет сохранен, пока будет согласие между СССР, Англией и США; если же оно будет нарушено, то «снова дело дойдет до войны в какой-либо форме»²⁷. О Чехословакии, по словам Бенеша, Черчилль сказал, что «всегда верил, что мы разумны, что и в будущем останемся разумными и что я (Бенеш. – В. М.) всегда был одним из самых уравновешенных европейских политиков»²⁸. Что касается вопроса о том, как можно сохранить мир в послевоенной Европе, то Бенеш был полностью согласен с британским премьером. Президент надеялся, что после кровавой войны союзникам удастся избежать конфронтации. На вопрос обозревателя газеты «Рейнольдс ньюс» (интервью 20 февраля 1944 г.), в чем заключается наибольшая опасность, угрожающая миру после войны, Бенеш ответил: «Несомненно, ничего не может быть более опасным для мира после общей победы, чем возможность того, что великие державы и другие демократические нации, сражающиеся сейчас вместе против Германии, не смогут сохранить своего союза»²⁹.

Каких-либо сведений о том, что англичане выражали недовольство по поводу поездки Бенеша на освобожденную территорию Чехословакии через Москву, у автора нет. Наоборот, думается, они приветствовали это, рассчитывая, что при чехословацком правительстве сразу появятся западные дипломаты, которые смогут наблюдать за событиями на освобожденной территории. Но этого не произошло. Сначала отлет Бенеша из Лондона был назначен на 9 марта. Но накануне у него случился обморок, что врачи определили как легкий апоплексический удар, повлиявший на внятность речи и искажение лица. На совет отложить поездку в связи с состоянием здоровья Бенеш ответил: «Я должен ехать в Москву и хочу быть там как можно скорее, чтобы следить за ходом переговоров»³⁰. 11 марта 1945 г. Бенеш вылетел из Лондона с сопровождавшей его группой лиц. По воспоминаниям П. Дртины, во время прощания в аэропорту президент не смог продолжить свою речь, микрофоны на минуту были отключены, чтобы дать ему собраться с силами и поблагодарить

англичан за гостеприимство. Бенеш летел в Москву тем же маршрутом, что и в 1943 году: через Каир, Тегеран и Баку. 17 марта он благополучно прибыл в советскую столицу. Самочувствие его несколько улучшилось. Вместе с супругой и обслуживающим его персоналом президент был размещен в особняке на улице Островского, а прочие члены делегации – в гостинице «Националь». Вместо одной, как ранее предполагалось, Бенеш пробыл в Москве две недели. Они были наполнены обсуждением вопросов о составе нового чехословацкого правительства и его программы, а также переговорами в Кремле и встречами с советскими общественными деятелями. 19 марта НКВД получил перечень вопросов, которые Бенеш хотел бы обсудить с советскими руководителями. Он включал следующие 10 позиций: 1. Границы с Германией, Венгрией, Польшей. 2. Трансфер из Чехословакии немецкого и венгерского населения. 3. Карпатская Украина. 4. Хозяйственное положение на освобожденной территории, в том числе: а) установление правил, касающихся «трофейного имущества», б) вопросы чехословацкой валюты, в) помощь со стороны СССР населению освобожденных территорий. 5. Вопрос репараций Венгрии: определение чехословацкой квоты. 6. Транспорт: а) железнодорожный, б) Дунайское пароходство, в) использование румынских портов для импорта Чехословакии и др. 7. Дальнейшая организация чехословацкой армии. 8. Взаимоотношения между СССР, Польшей и Чехословакией. 9. Политика СССР и ЧСР в отношении Германии. 10. Дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР³¹.

Все эти вопросы и были затронуты во время первой беседы Бенеша с Молотовым 21 марта 1945 г., на которой присутствовали с советской стороны А.Я. Вышинский и В.А. Зорин, а с чехословацкой – Я. Масарик и З. Фирлингер³². По первому из поставленных заранее вопросов (о границах) Бенеш напомнил, что он и все чехословацкое правительство всегда определяли свои взгляды формулой «домюнхенские границы», и изложил позицию Англии по этому вопросу. Президент заявил о колебаниях англичан и ожидании ими мнения советского правительства по вопросу о трансфере немцев и венгров из Чехословакии. Молотов, заметив, что отношение Москвы к выселению немцев в принципе положительное, предложил перевести этот вопрос в практическую плоскость («сколько и как надо выселять»). Бенеш полагал, что переселить нужно 2 млн. из 2 800 тыс. немцев и 400 тыс. из 600 тыс. венгров, проживавших в ЧСР³³.

Достаточно пространно Бенеш говорил о Карпатской Украине и договоренности со Сталиным о ее передаче СССР после войны. Мо-

лотов выразил свое согласие. Казалось, вопрос о времени определения государственно-правового статуса этой области на официальном уровне был улажен. Однако вскоре стало ясно, что это не совсем так. 24 марта по инициативе Молотова после его беседы со Сталиным и другими советскими руководителями состоялась вторая встреча советского наркома и Бенеша, где Молотов под предлогом, что это необходимо Президиуму Верховного Совета СССР для уяснения ситуации с Закарпатьем, потребовал у президента письменно подтвердить его согласие на присоединение этой области к СССР (УССР). Бенеш вынужден был составить и подписать такое письменное обязательство, которое носило секретный характер³⁴. На этом же заседании президент передал пожелание Словацкого национального совета «поставить перед советским правительством вопрос о том, чтобы помочь быстрее очистить Словакию от венгров, которые пришли на словацкую территорию после ее оккупации венгерскими войсками». На вопрос Молотова, о каком количестве идет речь, Бенеш ответил, что «примерно о 10-15 тыс. человек, особенно в Кошице». Молотов обещал выяснить этот вопрос³⁵.

21 марта достаточно подробно обсуждалась проблема военных трофеев, поскольку на освобожденной территории Чехословакии нередко возникали конфликты с советскими военными властями по вопросу о том, какая недвижимость и материальные ценности могут считаться трофеями. Бенеш был настойчив в выяснении позиции Москвы, и Молотов посчитал нужным четко изложить ее: «Мы рассматриваем Чехословакию союзником и на добро Чехословакии мы не покушаемся, однако законы войны требуют, чтобы то, что захвачено в результате боя, то, что завоевано кровью солдат, считалось военными трофеями, и те, кто изгоняет противника с захваченной территории, имеют право распоряжаться имуществом, захваченным в бою. Естественно, что союзнические армии могут и обязаны делиться захваченным, но право распоряжаться захваченным все же принадлежит тем, кто изгнал противника»³⁶. 31 марта правительства СССР и ЧСР подписали соглашение о порядке использования военных трофеев на территории Чехословакии. Оборудование германских предприятий и другое трофейное имущество, имеющее «существенно важное военное значение», может быть по согласованию с чехословацким правительством «вывезено на территорию СССР для использования на нужды войны», – значилось в первой статье соглашения. Часть трофейного оборудования германских предприятий предполагалось уступить чехословацкому правительству на правах собственности. Германскими считались все предприятия или их ча-

сти, которые «были построены немцами или завезены ими во время оккупации, но не с чехословацких заводов»³⁷. Реализация этого соглашения, как оказалось впоследствии, была страшно затруднена ввиду того, что оно, во-первых, не было опубликовано, и о его содержании мало кто знал, а во-вторых, формулировки были настолько общими, что их экстраполяция на конкретные случаи оказалась практически невозможной.

На встречах 21 и 24 марта речь шла о расширении чехословацкой армии. В сообщении Г. Пики в Лондон 26 марта утверждалось, что обсуждение вопроса о реорганизации армии «началось по инициативе Сталина и на основе предложения чехословацкого корпуса о его превращении в армию. При этом Сталин предложил вооружение для 10 дивизий»³⁸. 27 марта Верховному главнокомандующему Вооруженными силами СССР был передан меморандум Бенеша, касавшийся строительства чехословацких вооруженных сил. В нем говорилось, что после освобождения Словакии и части чешских земель можно будет сформировать до 10 дивизий и «развернуть теперешний чехословацкий армейский корпус в СССР в армию». Обозначался ее состав, и указывалось, что при организации армии «будет использован организационный устав Красной Армии». В связи со значительным увеличением количества высших соединений отмечалась необходимость переправки на освобожденную территорию из Лондона части старших офицеров, а также организации при советской помощи школ для младшего комсостава; содержалась просьба о направлении в них «опытных советских инструкторов из военных училищ Красной Армии», а также о прикомандировании к чехословацкой армии офицеров технической службы КА. Вооружение и снаряжение ЧА предполагалось провести из средств Советского Союза. В ответном письме Сталина Бенешу 29 марта сообщалось о немедленной и безвозмездной выдаче вооружения для 4-х дивизий, а через 3-4 месяца – для остальных 6-и дивизий³⁹.

Из прочих визитов Бенеша в Москве интерес представляет его посещение 28 марта Всеславянского комитета, где он беседовал с его председателем генерал-лейтенантов А.С. Гундоровым, и членами Президиума Комитета. Разговор шел преимущественно о проблемах славянского движения, и Бенеш изложил свое их видение. Он подчеркнул, что в течение столетия, с 1848 г., «проблемы славянства идут именно по линии консолидации усилий славян вокруг России», что Москва «должна быть руководящим центром этого движения»⁴⁰.

Во время встреч в Москве были рассмотрены все намеченные Бенешем для обсуждения с советскими руководителями вопросы. Но здесь

решалась и еще одна важная задача – формирование нового чехословацкого правительства и принятие его программы, проект которой подготовило Загранбюро КПЧ. Его обсуждение продолжалось несколько дней, но раздел о внешней политике ЧСР не вызвал серьезных дискуссий, хотя сомнения в правильности преимущественной ориентации на СССР и были высказаны⁴¹. «Выражая бесконечную благодарность чешского и словацкого народов Советскому Союзу, правительство будет считать неколебимой основной линией чехословацкой внешней политики самый тесный союз с победоносной славянской державой на востоке», – значилось в окончательном тексте правительственной программы. Говорилось о союзнических отношениях со славянскими странами – Польшей, Югославией и Болгарией, – о налаживании связей с «новой и действительно демократической» Венгрией и «независимой и демократической» Австрией, о дружественных взаимоотношениях с демократическими западными державами – Англией, США, Францией⁴².

Были приняты также предложенные коммунистами структура и персональный состав временного чехословацкого правительства Национального фронта. Из 25 членов нового правительства семь представляли коммунистов, три – социал-демократов, три – чешских социалистов, четыре – словацких демократов, три – народную (католическую) партию, пять были формально беспартийными. Возглавил кабинет близкий к коммунистам левый социал-демократ З. Фирлингер, который, думается, устраивал и Кремль. Представители КПЧ и КПС заняли важнейшие посты двух вице-премьеров (К. Готвальд и В. Широкий), министров внутренних дел, информации, сельского хозяйства, социального обеспечения и пост государственного секретаря в министерстве иностранных дел (В. Клементис). 12 членов созданного кабинета во время войны находились в Англии, шесть – в СССР, семь – в стране. По национальности 16 были чехами и 9 словаками⁴³. Бенеш не участвовал в обсуждении программы, но был в курсе как дискуссий о ее содержании, так и переговоров о составе правительства. Нельзя сказать, что он самоустранился от решения всех этих важных для страны вопросов, но предпочитал, как «надпартийный» лидер, внешне «незаинтересованную» позицию, хотя получал информацию о позициях участников заседаний и негласно доводил до своих сторонников собственное мнение по тому или иному вопросу. Особенно волновали его переговоры со словаками, представленными делегацией СНС и претендовавшими на статус самостоятельного народа. Именно по словацкому вопросу дискуссия была особенно острой. Бенеш не собирался отказываться от своей теории о «едином чехословацком народе», но в сложившейся ситуа-

ции не считал нужным акцентировать на этом внимание и полагал, что каждый тут может иметь свой взгляд.

28 марта делегация Национального фронта чехов и словаков представила президенту состав нового правительства. Убедившись, что он был поддержан всеми партиями, Бенеш согласился с проектом и обещал сохранять в отношении кабинета полную лояльность. Далее он констатировал, что новое правительство имеет свои хорошие и плохие стороны: хорошо, что словаки получили ключевые посты, но плохо, что, воспользовавшись ситуацией, они заняли слишком много кресел; коммунисты, по праву вошедшие в правительство, также воспользовались благоприятной ситуацией, чтобы захватить «себе кусок больший, чем им полагается»; в отсутствие аграрной партии в правительстве не представлены сельские слои населения, за которые предстоит борьба⁴⁴.

Все намеченные в Москве дела были выполнены. Бенеш и новое правительство готовились к отъезду на родину. За день до него Сталин дал обед в честь Президента ЧСР, который состоялся в Екатерининском зале Большого кремлевского дворца. С тостами и краткими речами выступали В.М. Молотов, Э. Бенеш, Л. Свобода, Я. Масарик, В. Шробар. Советский лидер дважды произносил тосты. Взяв слово в первый раз, Сталин заявил, что он «слышал много славословий по адресу Красной Армии», но, несмотря на то, что это «действительно доблестная, храбрая и славная армия», «она имеет еще много недостатков» и что среди насчитывающихся в ее рядах 12 млн человек не все – ангелы. «Тов. Сталин сказал, – значит в сделанной по памяти записи Б.Ф. Подцероба, секретаря Молотова, – что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии». Затем Сталин поднял бокал за то, чтобы «чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии».

Второй тост был за «новых славянофилов», к которым Сталин причислил и себя. В отличие от старых славянофилов, которых советский лидер назвал реакционерами за то, что они «выступали за объединение всех славянских народов в одном государстве под эгидой русского народа», новые славянофилы, по его мнению, стоят за «союз независимых славянских государств». Сталин отметил, что и первая, и вторая мировые войны развернулись и шли «на спинах славянских народов» – Чехословакии, Польши, Югославии и Советского Союза («Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь»; «Франция не воевала, она впустила немцев в свои пределы»; «Бельгия и Голландия не воевали – они покорно легли перед немцами

и подняли лапки кверху»; «Англия на островах – и ее положение особое»). Подчеркнув, что он «ненавидит немцев», Сталин признал, что «это сильный и способный народ», который попытается «возродиться в течение ближайших 15 лет» и «взять реванш». Советский лидер заметил: «чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов». Мы, новые славянофилы, – продолжал Сталин, – являемся коммунистами, если хотите – большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так... Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй». Обращаясь к Бенешу, Сталин, не отрицая за ним права иметь сомнения на этот счет, пожелал, «чтобы чехословаки поняли, что он говорит искренне и что он говорит то, что думает». (Надо заметить, что тогда ни Сталин, ни кто-либо другой из советских руководителей не собирались **немедленно** «вводить» советский строй на территориях, оказавшихся в сфере влияния СССР, поэтому **в тот момент** Сталин был искренним). Хозяин застолья поднял бокал «за союз и дружбу независимых славянских народов, больших и малых». После обеда собравшимся были показаны два хроникальных фильма: «Будапешт» и «От Вислы до Одера», которые, по свидетельству Подцероба, «произвели на чехов большое впечатление» и сопровождались аплодисментами⁴⁵.

31 марта Бенеш, сформированное в Москве правительство и советский посол Зорин выехали на освобожденную территорию Словакии в г. Кошице. Здесь 4 апреля было объявлено о составе нового чехословацкого правительства, и принята его программа, получившая наименование «Кошицкая». Представляется, что в первый месяц своей деятельности президент и правительство оказались в определенной изоляции от внешнего мира. Регулярные контакты через Зорина они имели лишь с Москвой. Советский посол в этот период встречался и беседовал со многими чехословацкими политическими и общественными деятелями, передавая их просьбы и свои впечатления советскому руководству⁴⁶. Против налаживания прямой радиосвязи президента и правительства с Лондоном возражали советские военные власти. Настойчивые попытки Великобритании и США направить свои количественно ограниченные дипломатические миссии в Чехословакию по-прежнему наталкивались на сопротивление Москвы⁴⁷. Президент и правительство были ограничены в своей деятельности и внутри страны, поскольку всей организацией жизни на освобожденной территории Словакии занимался Словацкий национальный совет, очень щепетильно относившийся к любым поползновениям практического усекновения своей власти.

Тем временем Красная Армия продвигалась все дальше на Запад. 4 апреля Москва салютовала войскам, освободившим Братиславу, 5 апреля – Ружомберок. 26 апреля – Брно, 30 апреля – Моравску Остраву. Чехи, как представляется, особенно не рассчитывали на собственные силы в деле освобождения своей страны от оккупации, уповая на помощь извне, только одни при этом смотрели на Запад, а другие – на Восток. И в конце войны среди всех слоев чешского населения было много сторонников пассивного выжидания, полагающих, что малому чешскому народу не стоит зря рисковать и проливать напрасно свою кровь⁴⁸. Сообщая в марте 1945 г. в Лондон о настроениях в протекторате, представители чешского военного подполья писали: «Со времени убийства Гейдриха и казней, которые явились следствием его смерти, чешский народ занял твердую выжидательную позицию»⁴⁹. Вместе с тем это не означало доброго отношения к немецким оккупантам. Жажда освобождения и ненависть к немцам определяли поведение массы чешского населения, когда стало окончательно ясно, что основными освободителями станут русские. И большинство населения, думается, не имело ничего против этого. В упомянутом сообщении в Лондон в марте 1945 г. говорилось, что не только «коммунисты восхищены подчеркнутой искренней дружбой с Советским Союзом», что «лица, ранее принадлежавшие к правому лагерю», сейчас довольны «удовлетворительными отношениями с Россией, которая, по их мнению, отказалась от своей тактики политического интернационализма, и склонны рассматривать Россию, как славянскую державу». Русофильские настроения получили в конце войны довольно широкое распространение. Советских солдат в Чехии встречали как освободителей от нацистского ярма. Политорганы Красной Армии доносили о дружелюбном, как правило, отношении населения: «На улицы выходили толпы людей, много домов было украшено советскими и чехословацкими флагами. Все чешское население осталось на своих местах. Количество чехов, бежавших с немцами, исчисляется единицами»⁵⁰.

Близился час освобождения Праги. С Востока к ней приближались части Красной Армии, с Запада – американские войска под командованием генерала Дж. Паттона, которые вступили на территорию Чехословакии 18 апреля. 5 мая в Праге началось восстание. Участвовала в нем по политическим и алибиетским соображениям и Первая дивизия Русской освободительной армии (власовцы). Рано утром 9 мая в Прагу вступили части Красной Армии, окончательно освободившие город от гитлеровцев⁵¹. 11 мая в Прагу прибыло чехословацкое правительство во главе с Фирлингером, а 16 мая – Бенеш.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ SNPД (zost. V. Prečan). Bratislava, 1965. Dok. 27. S. 115.
- ² СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг.: Документы. В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 342, 353.
- ³ См. подробнее: *Марьина В.В.* Чехословацкие воинские части в СССР. 1941–1945 годы // Новая и новейшая история. 2010. № 3. С. 83–105.
- ⁴ ДМИСЧО, 4-2. Док. 58. С. 75–80.
- ⁵ ДМИСЧО, 4-2. Док. 241, 250. С. 277, 287–288.
- ⁶ Подробнее о реализации соглашения на этой территории см.: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003. С. 40 и далее.
- ⁷ *Venčík A., Richter K.* Vražda jménem republiky. Tragický osud generála Heliodora Píky. Praha, 2006. S. 278.
- ⁸ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 186–245.
- ⁹ ДМИСЧО, 4-2. Док. 117, 125, 128, 135. С. 142, 149, 150, 158.
- ¹⁰ См. подробнее: *Марьина В.В.* Словакия в войне против СССР 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2011. № 4. С. 35–53.
- ¹¹ ČSVDJ. Díl 2. Praha, 1999. Dok. 105. S. 277 (примеч. 3).
- ¹² Ibid. Dok. 116. S. 292–293.
- ¹³ Delegace Slovenské národní rady v Londýně (říjen–listopad 1944): Nové dokumenty (ed. V. Prečan) // Česko-Slovenská historická ročenka. 1999. Brno, 1999. S. 211.
- ¹⁴ Češi a sudetoněmecká otázka. 1939–1945. Dokumenty. Praha, 1994. Dok. 5. S. 20.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 549. Л. 51.
- ¹⁶ Delegace Slovenské národní rady v Londýně. S. 208.
- ¹⁷ *Veneš E.* Demokracie dnes a zítra. Díl 1 a 2. Londýn, [1942]. S. 31–32, 49, 69, 172–177, 245–248.
- ¹⁸ Delegace Slovenské národní rady v Londýně. S. 265–267.
- ¹⁹ ČSVDJ. Díl 2. Dok. 204. S. 421–422.
- ²⁰ SNPД. Dok. 27. S. 115.
- ²¹ См. подробнее: *Němeček J.* Od spojení k roztržce. Vztahy československé a polské exilové reprezentace 1939–1945. Praha, 2003. S. 260–294.
- ²² ČSVDJ. Díl 2. Dok. 201. S. 415–416.
- ²³ Ibid. Dok. 217. S. 446–447.
- ²⁴ Ibid. Dok. 230. S. 473.
- ²⁵ Ibid. Dok. 231, 233, 234. S. 475, 477, 478.
- ²⁶ См. подробнее: *Ржешевский О.А.* Операция «Толстой». Визит У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. // Новая и новейшая история. 2003. № 5.

С. 104–122; № 6. С. 121–153; *Он же*. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 412–487.

²⁷ ČSVDJ. Díl 2. Dok. 244 S. 492–493.

²⁸ *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 252.

²⁹ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3701. Л. 39.

³⁰ *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. S. 253.

³¹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 43.

³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1–9; ČSVDJ. Díl 2. Dok. 248. S. 505–511.

³³ См. подробнее: Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 гг. М., 2004. С. 182–183.

³⁴ См. подробнее: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь)... С. 136–145.

³⁵ См. подробнее: Национальная политика... С. 211–309.

³⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 6.

³⁷ ДМИСЧО 4-2. Док. 295. С. 332–333.

³⁸ ČSVDJ. Díl 2. Dok. 259. S. 527.

³⁹ ДМИСЧО 4-2. Док. 292. С. 327–330; ČSVDJ. Díl 2. Dok. 260. S. 528–531.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 52–57.

⁴¹ *Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu.* Sv. I-1. Praha, 1965. Dok. 131. S. 400–404.

⁴² *Cestou Května. Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce.* Duben 1945 – květen 1946. Praha, 1975. Dok. 1. S. 32–34.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 79–83, 98–104, 183; *Cesta ke Květnu* Sv. I–2. S. 727.

⁴⁴ *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. S. 260–261.

⁴⁵ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59. Опубликовано полностью: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... Док. 28. С. 411–412.

⁴⁶ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 8–10, 11–12, 25–27; Д. 8. Л. 66–68, 71–74.

⁴⁷ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 322–324.

⁴⁸ *Odboj a revoluce. 1938–1945.* Praha, 1965. S. 405.

⁴⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 134. Д. 25. Л. 77.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 53; Оп. 25. Д. 320. Л. 129, 144–145.

⁵¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 331–362.

«СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И РЕАЛИИ

Воссозданная после разгрома фашизма Чехословацкая республика (ЧСР) появилась на картах в измененных границах: Подкарпатская Русь (Закарпатская Украина) в соответствии с договором между СССР и ЧСР от 29 июня 1945 г. была присоединена к Советскому Союзу (Советской Украине)¹. Территория Чехословакии составила теперь 127 827 кв. км. Впервые СССР и ЧСР стали непосредственными соседями с границей протяженностью около 100 километров. Все территории, которых Чехословакия (Чехия и Словакия) лишилась после Мюнхена, а также Первого Венского арбитража, были ей возвращены². После войны не только сократилась территория Чехословакии, но уменьшилась и численность ее населения: с 15,3 млн в 1938 г. до 12,1 млн в 1946 г. Это было связано с утратой Подкарпатья (725 тыс. человек), выселением на основе решений Потсдамской конференции около 3-х млн немцев³, некоторой части венгров, а также с потерями военного времени. Репатриация чехов и словаков из СССР (около 30 тысяч «волынских чехов»), Германии, Польши, Австрии и Венгрии не возместила всех этих потерь.

С национальной точки зрения Чехословакия превратилась в государство чехов и словаков, которые составляли теперь 95% ее населения. В 1947 г. в Чешских землях проживало 8,7 млн., а в Словакии – 3,4 млн человек. Обе части страны по-прежнему отличались друг от друга по уровню социально-экономического развития, хотя Словакия в годы войны несколько увеличила свой промышленный потенциал. Чешские земли характеризовались весьма развитой индустрией, в структуре которой в 1948 г. преобладали тяжелые отрасли, и сравнительно интенсивным сельским хозяйством. Словакия была в основном аграрной областью с невысокой концентрацией промышленного производства. Эти различия наложили отпечаток и на социальную структуру обеих частей ЧСР.

Как в чешском, так и в словацком обществах после войны были сильны антифашистские, патриотические и национальные настроения, хотя в Словакии оставалось немало скрытых приверженцев режима Тисо. Важным с точки зрения дальнейшего развития страны был колоссальный рост авторитета Советского Союза, необходимость дружбы и сотрудничества с которым признавали все чешские и словацкие политические силы и большинство населения ЧСР. Широкое распространение получили чувства славянской взаимности, оказывавшие немалое влияние на политическую ориентацию значительной части чехов и словаков. Большое значение для последующего развития страны имело то, что преобладающая ее часть была освобождена Красной Армией, и она оказалась в сфере влияния Советского Союза, став его западным «форпостом».

В правительство Национального фронта чехов и словаков входило, как уже говорилось, пять политических партий⁴, в том числе Чехословацкая национально-социалистическая партия (ЧНСП), неформальным лидером и идеологом которой являлся Бенеш. Это была типичная партия парламентской демократии, признававшая в основном парламентские методы и способы политической активности и менее рассчитывавшая на поддержку «улицы». Из этого проистекала и недостаточность внимания ее руководства к организационному строительству, созданию низовых партийных ячеек на местах в начальный после освобождения период. Бенеш был сторонником модной тогда на Западе идеи конвергенции капиталистической и социалистической систем, создания некоей третьей системы, вобравшей в себя всё лучшее из первых двух. «Социализирующаяся демократия и демократизирующийся социализм» – так представлялась суть процесса рождения нового общественного строя. Наиболее полное отражение взгляды Бенеша, как уже говорилось, нашли в его очень популярной на Западе книге «Демократия сегодня и завтра», изданной в 1942 г. в Лондоне и переведенной еще во время войны на многие языки, в том числе английский, французский, немецкий, итальянский, испанский, шведский, португальский и даже китайский⁵. В ней автор изложил свои представления о «совершенствовании парламентской демократии» и наметил круг глубоких преобразований («социализации») политической, социальной и экономической сфер жизни. Усматривая некоторые положительные черты в советском строе, Бенеш в то же время был его идейным противником и стремился всеми доступными ему «мирными» средствами не допустить идейного влияния СССР на внутривнутриполитическую жизнь Чехословакии. Коммунистическая идея диктатуры пролетариата, по его мнению, непригодна

для большинства стран, поскольку по своей сути она противоречит принципам демократии, которая сама может, совершенствуя свое общественное устройство, свести на нет шансы сил, ориентирующихся на диктатуру пролетариата. «[...] Я открыто заявляю, – писал Бенеш в журнале «Форейн Афферс» 28 сентября 1944 г., – что путь, на который вступила после прошлой войны Советская Россия, не будет путем Чехословакии. Наши условия полностью отличаются со всех точек зрения, и мы не откажемся от нашего старого метода эволюционного приспособления и старой политики равновесия между Востоком и Западом. Наше географическое положение не позволяет нам менять насильственным путем эту вековую политику»⁶.

В «Программе действий» ЧНСП, опубликованной в конце мая 1945 г., значилось, что только социалистический строй может принести Чехословакии окончательную и полную гарантию в политическом, экономическом и государственном отношении. Однако это вовсе не означало, что представления национальных социалистов об этом строе совпадали с его видением как коммунистами, так и социал-демократами. Председатель партии П.Зенкл на заседании ее президиума в декабре 1945 г. говорил: «Необходимо, прежде всего, ясно сказать, что мы отвергаем лозунг классового социализма. Соединяя национальную идею с идеей социализма, мы тем самым подтверждаем свое стремление быть партией, которая находится на службе всей нации, а не только одного общественного класса... Поэтому мы не верим в так называемую классовую борьбу, которая привела бы лишь к хаосу в нашей экономике и падению жизненного уровня. Мы же хотим добиться осуществления идеи социального мира»⁷.

Свое видение конкретных направлений преобразования послевоенной ЧСР президент изложил сразу после возвращения в Прагу в выступлении на Староместской площади 16 мая 1945 г.⁸. Он подчеркнул, что жизнь в возрожденной стране будет строиться на новых идеалах, новых ценностях, что грядущие преобразования будут направлены на создание нового, более совершенного общества, но в духе национальных традиций и принципов, провозглашенных Т.Г. Масариком. Непосредственными задачами, по мнению президента, являлись укрепление государственной дисциплины и возвращение к нормальной демократической жизни политических партий на основе свободных дискуссий, конституции и внутренних законов страны. Бенеш считал нужным реформировать партийную структуру, сократив число партий по сравнению с довоенным временем, пересмотреть чешско-словацкие отношения, а также выселить немцев и венгров из ЧСР в целях создания национального государства чехов и словаков. Он

указал на необходимость избавиться от последствий германизации в культурной, экономической и политической областях, осуществить социально-экономические преобразования. Большая роль при этом отводилась планированию. Намечались реорганизация государственного управления, создание новой армии, структура которой отвечала изменившейся обстановке. Все это, как предполагал Бенеш, должно быть зафиксировано в новой конституции государства.

В том же ключе была построена и речь Бенеша на юридическом факультете Карлова университета 15 декабря 1945 г. по случаю присвоения ему почетного звания доктора права *honoris causa*⁹. Говоря о революционных преобразованиях общества, он выделил четыре области их проведения. Во-первых, перестройка национальных основ государства. Он формулировал это, как переход от концепции «государства национальностей» к концепции «национального» государства чехов и словаков. Вторую задачу он видел в «реконструкции» конституции страны, действовавшей с 1920 г., в направлении «широкой децентрализации». Третья область перемен состояла в «ликвидации политики протектората». Здесь он имел в виду, с одной стороны, наказание лиц, провинившихся в период оккупации, с другой, конструирование новой партийно-политической структуры в освобожденной ЧСР. Четвертой задачей, которую Бенеш считал одной из важнейших, являлось «открытие дверей для изменения социальной и экономической структуры [нашего] национального общества в смысле социализации». В конце 1945 г. процесс реализации намеченных задач шел полным ходом, и Бенеш его оценивал как великую и настоящую революцию по отношению к довоенным условиям. В интересах народа и государства, по мнению президента, все изменения должны проводиться демократически, без насилия, а политика «социализирующей демократии», проводимая при определенных исторических обстоятельствах, способна доказать всем возможность осуществления глубоких общественных реформ при поддержке большинства народа. Для послевоенного мира и особенно Европы было характерно увлечение идеями социализма, с помощью которого, как представлялось, можно будет исправить недостатки межвоенной демократии, оказавшейся неспособной противостоять фашизму. Огромный вклад Советского Союза в его разгром как бы свидетельствовал о преимуществах социализма и необходимости более или менее глубокого реформирования экономического и политического строя западных демократий.

Коммунисты, согласившись сотрудничать с Бенешем, в то же время видели в нем «классового врага», «реакционера», которого следует

держат под постоянным «прицелом». И главным авторитетом для них был не Бенеш, а ученик и почитатель Сталина К. Готвальд. Перспективы строя, установленного после войны в Чехословакии и других странах Центральной и Юго-Восточной Европы под названием «народная демократия», виделись находившимися у власти силами по-разному. Если Бенеш и его сторонники предполагали постоянное совершенствование демократии на основе ее социализации, то коммунисты считали возникший строй более или менее широкой ступенью на пути к социализму советского образца, другого тогда просто не было. Партнеры коммунистов по национально-освободительной борьбе если и говорили о будущем социалистическом устройстве страны, то видели его каждый по-своему. Их взгляды на «социалистическое завтра» были чрезвычайно пестры и противоречивы, но совпадали в одном – в отрицании установления строя советского типа. 1945–1948 гг. в Чехословакии проходили под знаком борьбы политических сил, представлявших два указанных тренда¹⁰.

Государственно-политическая система воссозданной ЧСР включала как традиционно национальные (парламент, президент, местные органы управления), так и возникшие на завершающем этапе войны институты. Политической основой новой власти стал Национальный фронт чехов и словаков (НФ). Отдельно существовали чешский и словацкий национальные фронты. НФ был объединением социальных сил, участвовавших в национально-освободительной борьбе, ратовавших за воссоздание Чехословацкой республики и готовых включиться в ее восстановление и строительство на новых демократических принципах. По словам Готвальда, на завершающем этапе войны НФ означал блок рабочего класса, крестьянства, мелкой городской буржуазии, интеллигенции и части *демократической буржуазии* (курсив. – В. М.), готовой выполнять Кошицкую правительственную программу¹¹. Партнеры коммунистов с самого начала рассматривали НФ как коалицию политических партий, как организацию, необходимую для обсуждения спорных вопросов и выработки согласованных решений в целях совершенствования демократического устройства республики. С формальной точки зрения, Национальный фронт остался по существу верхушечной организацией коалиционного характера, представленной на паритетных началах только политическими партиями. К тому же это была закрытая система: в НФ принимались вновь только партии, поддерживавшие его программу, и с согласия всех его членов. Роль руководящего органа НФ фактически выполнял президиум правительства, который состоял из председателя и пяти его заместителей. Внефронтская оп-

позиция не допускалась. Более того, не разрешалось даже существование каких-либо других партий за рамками НФ. Исключенные из него партии подлежали роспуску. Таким образом, фактически были сведены на нет принципы буржуазной парламентской демократии, основанной на противоборстве правящих и оппозиционных партий.

На паритетных началах партиями НФ было создано и Временное национальное собрание (ВНС), которое начало свою работу в октябре 1945 г. Оно состояло из 300 депутатов, 200 из которых представляли Чешские земли, а 100 – Словакию. В отличие от довоенного времени высший законодательный орган Чехословакии имел одну палату: сенат восстановлен не был. ВНС должно было подтвердить функции президента страны Э. Бенеша, узаконить подписанные им декреты, а также подготовить выборы в Законодательное национальное собрание (ЗНС) Чехословакии. Спор о месте и роли национального собрания в системе «народной демократии», который велся на протяжении 1945–1948 гг. между коммунистами и их политическими партнерами, так и не был решен: первые выступали за то, чтобы оно рассматривалось как составная часть НФ, вторые – как независимый высший законодательный орган государства. Парламент в «народно-демократической» Чехословакии хотя и играл довольно серьезную роль, перестал быть основным полем битвы политических партий в борьбе за власть, что характерно для традиционной системы «парламентской демократии».

Чрезвычайно важную роль в решении как экономических, так и политических вопросов играло правительство, которое, хотя формально и было ответственно перед национальным собранием, но фактически – перед Национальным фронтом, органом которого и являлось, т.е. перед самим собой. Решения, принятые НФ, были обязательны для выполнения как правительством, так и партийными фракциями парламента, что сильно ограничивало его контрольные функции.

В Словакии в первое время после освобождения всей полнотой власти обладал Словацкий национальный совет (СНС), сопредседателями которого являлись представители двух существовавших здесь политических партий: демократической (ДП) и коммунистической (КПС). Исполнительным органом Совета был созданный на принципе паритета Корпус уполномоченных (КУ), словацкое правительство.

Власть на местах в освобожденной Чехословакии практически находилась в руках национальных комитетов (НК), которые возникали преимущественно по инициативе коммунистов с участием представителей других политических группировок. В составе этих

органов в первое время преобладали коммунисты, но затем НК по решению НФ должны были быть реорганизованы на основе паритетного представительства всех партий фронта. Однако, по словам чешского историка К. Каплана, только в трети комитетов этот принцип был реализован. В 40% НК преобладали коммунисты, они же составляли 46,6% председателей комитетов¹². Особенно большое сопротивление реорганизации комитетов оказали коммунисты в Словакии, которые не желали уступать свои прочные позиции в этих органах власти.

Кошицкая правительственная программа, являвшаяся несомненным успехом коммунистов, в то же время несла на себе печать компромисса между политическими силами, участвовавшими в создании НФ. Коммунисты не могли не считаться с тем, что их партнеры по Фронту пользовались в стране весьма значительным влиянием, особенно среди мелкобуржуазных слоев населения. Отражением этого факта являлась относительная умеренность программы, прежде всего в вопросах, касавшихся социально-экономических преобразований: отказ от немедленного проведения всеобщей земельной реформы, отсутствие четкого положения о национализации банков и ключевых отраслей промышленности. В общем виде, на принципе «равный с равным», определялись и взаимоотношения чехов и словаков в ЧСР. Компромиссный характер программы давал возможность различным пришедшим к власти политическим силам толковать ее в своих интересах¹³.

Первоочередного внимания требовал вопрос об урегулировании чешско-словацких отношений. И тут на одной стороне оказались все чешские политические партии, включая коммунистов, на другой – словацкие. Взаимоотношения между чехами и словаками сразу после восстановления Чехословакии и позже складывались сложно и трудно: Братислава добивалась как можно большей самостоятельности во всех областях государственной жизни, Прага старалась ее ограничить и укрепить власть центра. Являясь сторонником теории существования «единого чехословацкого народа», Бенеш высказывался за широкую административную децентрализацию возрожденного государства, но не на национальной основе. В Чешских землях взгляды президента разделяло много людей. В Словакии же те политические силы, которые ориентировались на воссоздание ЧСР, последовательно отстаивали идею самобытности словацкого народа, а в государственно-правовом отношении – идею федеративного устройства республики. 31 мая – 1 июня 1945 г. состоялось совещание представителей правительства и президиума СНС по вопросу

урегулирования чешско-словацких отношений. Бенеш, принявший словацких делегатов 1 июня, заявил, что возврата к централизму не будет, и посоветовал словакам не выдвигать завышенных требований¹⁴. Чехи опасались роста словацкого сепаратизма и возможности повторения 1939 года. Руководство КПЧ считало Словакию тормозом революционного процесса в стране. Словацкие коммунисты во имя классового подхода к решению национального вопроса вынуждены были отказаться от требования федерации. На основе так называемых трех пражских соглашений 1945–1946 гг. компетенции словацких национальных органов были значительно урезаны. От формального равенства чехов и словаков, провозглашенного в Кошицкой программе, дело шло к фактическому неравенству, приведшему, в конце концов, к ликвидации чехословацкого государства¹⁵.

Другим важным вопросом, который будоражил как чешское, так и словацкое общество после освобождения, был вопрос о выселении из страны немцев и венгров, содействовавших в 1938–1939 гг. распаду Чехословакии. Среди партий НФ существовало единство мнений на этот счет: выселение следует провести, чтобы в будущем не возникла угроза существованию ЧСР. Бенеш и эмигрантское правительство поддержали идею выселения из ЧСР немецкого и венгерского населения. Было ясно, что без поддержки союзников по антигитлеровской коалиции такую акцию реализовать не удастся. Так вопрос приобрел международный характер. Англичане и американцы сначала в принципе не возражали против выселения, но в конце войны, ознакомившись поближе с конкретными чехословацкими предложениями, стали проявлять известную осторожность, ссылаясь на неготовность западного общественного мнения к такому решению вопроса и опасаясь чрезмерного укрепления советского влияния в Чехословакии. Советский Союз с самого начала поддержал выселение немцев и в принципе, и в его конкретных способах. В конце концов, Запад согласился на выселение немцев из Польши, Чехословакии и Венгрии, что было зафиксировано в решениях Берлинской (Потсдамской) конференции в июле–августе 1945 г.

В Кошицкой программе говорилось о немедленном выселении из Чехословакии немцев и венгров, которые обосновались в стране после 1938 г., и о лишении гражданства тех из них, которые активно содействовали распаду ЧСР и не боролись за ее восстановление. И хотя пока никаких законодательных актов принято не было, это оказалось достаточным, чтобы запустить «механизм выселения» немцев и венгров. На местах программа была воспринята как «руководство к действию»: началась «расправа» над немецким и венгерским

населением. Местные власти, используя антинемецкие и антивенгерские настроения чешского и словацкого населения, стремились «под шумок», пока вопрос не решен окончательно союзниками, избавиться от как можно большей части немецкого и венгерского населения. Осознав возможность англо-американского отказа от идеи выселения, центральные органы власти, думается, не препятствовали (а может, не имели для этого сил и средств) «дикому» выселению. Во всяком случае, Бенеш во время встречи с делегацией СНС 1 июня 1945 г. на вопрос о том, как он смотрит на выселение венгров, ответил: «Вам в Словакии надо было бы решить венгерскую проблему побыстрее. Возможно, это приведет к осложнениям, но и в случае их возникновения, делайте это, делайте осторожно, но сделайте это. Мы здесь это как-нибудь защитим (то есть оправдаем, объясним. – В. М.)»¹⁶. Политические партии Чехословакии использовали вопрос о выселении немцев и венгров в борьбе за влияние на массы и за укрепление своего положения в освобожденной стране.

Жестокое обращение с немцами не вызывало осуждения со стороны чешского и словацкого населения и даже наоборот – встречало одобрение. Психологически это вполне объяснимо. Только что окончились война, шестилетняя оккупация Чешских земель и оккупация Словакии после подавления Словацкого национального восстания, коренным образом изменившие условия жизни людей и шкалу исповедуемых ими ценностей, наложившие серьезный отпечаток на их поведение и принимаемые решения. Безграничная ненависть распространялась на всех без исключения немцев и венгров. Такой была и позиция, озвучиваемая представителями различных политических сил. Изгнание, экспроприация немецкого и венгерского населения воспринималась в этой обстановке как справедливое и заслуженное возмездие. В первые недели после освобождения оно приобрело форму беспощадного массового интернирования и депортаций.

Весной–летом 1945 г. Бенеш подписал ряд декретов, которые создавали уже законную базу для проведения акций против немцев и венгров. 19 мая 1945 г. был обнародован декрет о передаче под национальное управление имущества государственно-неблагонадежных лиц, под который подпадали, наряду с другими, все лица немецкой и венгерской национальности. 21 июня последовал декрет о конфискации и ускоренном разделении сельскохозяйственного имущества немцев, венгров, невзирая на гражданство, а также предателей и врагов чешского и словацкого народа. 20 июля – декрет о заселении земель немцев, венгров и врагов государства чешскими, словацкими и

другими лицами славянской национальности. Декретом от 2 августа 1945 г. все немцы и венгры, которые в годы войны получили немецкое и венгерское гражданство, лишались чехословацкого гражданства¹⁷. До 1948 г. преобладающая часть немцев, как и хотел Бенеш, была выселена из ЧСР. С венграми дело обстояло по-другому. Вопрос передавался на решение двух стран, Чехословакии и Венгрии. Предстоял обмен населением. Однако по многим объективным и субъективным причинам процесс шел медленно и трудно и фактически не был завершен¹⁸.

Наказанию, согласно Кошицкой программе, подлежали не только немцы и венгры, но также нацистские преступники, предатели народа чешской и словацкой национальности и их пособники. В этих целях в соответствии с декретом Бенеша от 19 июня 1945 г. создавались чрезвычайные народные суды, состоявшие из председателя (юриста по профессии) и четырех представителей народа. Приговор должен был оглашаться на открытом судебном заседании, подача апелляций не допускалась, смертный приговор, как правило, должен был приводиться в исполнении в течение двух часов после его принятия и, по решению суда, казнь могла быть публичной. Чрезвычайные народные суды прекратили свою деятельность лишь в конце 1948 г. Для наказания преступников государственного масштаба в Праге и Братиславе, согласно декрету президента от 21 июня 1945 г., были созданы Национальные суды¹⁹. Проведенные среди населения «чистки», кроме антифашистского и национального аспектов, имели еще и социальную направленность, поскольку касались в основном имущих слоев населения. Национальный суд в Праге прекратил свою деятельность 4 мая 1947 г.

Большое значение в плане решения вопроса «кто кого?» в борьбе за власть имели декларированные Кошицкой программой весьма умеренные, по мнению коммунистов, социально-экономические преобразования, которые должны были затронуть интересы широких слоев населения страны. Все партии НФ выступали за демократизацию экономики, разница состояла в определении глубины вторжения в право частной собственности и, следовательно, степени ослабления позиций национального капитала. Коммунисты и левые социал-демократы стояли не только за последовательное и быстрое осуществление соответствующих пунктов программы, но и за углубление намеченных в ней преобразований. Важнейшими из них было установление национального управления на промышленных, финансовых, сельскохозяйственных предприятиях, принадлежавших немецким и венгерским собственникам, а также чехам и словакам,

активно содействовавшим расчленению Чехословакии. Всю финансовую и кредитную системы, предприятия ключевых отраслей промышленности, природные богатства и энергетические источники намечалось передать в управление государства²⁰.

Вышеуказанный декрет президента о введении национального управления на предприятиях немцев, венгров и предателей народа, поддержанный всеми партиями НФ, был реализован достаточно быстро. Вопрос о том, что станет в будущем с этими предприятиями, оставался пока открытым. Реализация декрета привела к демократизации экономики и устранению влияния не только германского и венгерского, но также части чешского и словацкого капитала. Опираясь на активность профсоюзов и заводских советов, которые стали устанавливать свой контроль на предприятиях, коммунисты и левые социал-демократы уже летом 1945 г. поставили вопрос о национализации не только ключевых отраслей промышленности, но и всех крупных заводов и фабрик. КПЧ разработала проект передачи государству банков, ключевых отраслей промышленности и всех предприятий, насчитывавших более 500, а в некоторых, особенно важных отраслях, – более 150 работающих. После длительных и жарких дискуссий о формах обобществления и его темпах, сочетая давление «сверху» с нажимом «снизу», КПЧ добилась того, что 24 октября 1945 г. Бенеш подписал декреты²¹ о национализации промышленности в том объеме, который предлагали левые силы. В принципе не сомневаясь в необходимости национализации, президент предпочитал более медленное ее осуществление, но вынужденно под давлением снизу согласился с темпами, навязанными ему коммунистами.

В Словакии, где предприятия были более мелкими по сравнению с Чешскими землями, национализация затронула гораздо меньшую часть промышленности. В результате этого словацкому капиталу, хотя и более слабому по сравнению с чешским, удалось сохранить относительно прочные позиции в экономике этой части страны. На основании декретов о национализации из рук частного капитала изымались вся финансово-кредитная система и страхование. Торговли национализация не коснулась. Образовавшийся в экономике ЧСР национализированный сектор, не являясь социалистическим, имел, как и весь «народно-демократический» строй, переходный характер, давая в то же время возможность осуществления планирования на государственной основе. Проведенная под национально-демократическими лозунгами национализация укрепила позиции левых сил и содействовала углублению революционного процесса в стране, движущей силой которого являлись коммунисты.

Началось осуществление земельной реформы, одного из основных пунктов Кошицкой программы. Реформа проводилась поэтапно, что было выгодно для Чешских земель и невыгодно для Словакии с точки зрения немедленного удовлетворения нужд в основном бедняцкой словацкой деревни. Отвергнув по настоянию Праги требование всеобщей аграрной реформы, словацкие коммунисты потеряли доверие крестьянства.

В октябре 1945 г., по договоренности с США и СССР, Чехословакию покинули как находившиеся на ее территории части американской армии, так и остававшиеся там части Красной Армии. В целом отношения между СССР и ЧСР, несмотря на существование ряда сложных и спорных вопросов, после освобождения имели тенденцию к укреплению. Тесные контакты были установлены между ВКП(б) и КПЧ. Отдел международных отношений (затем – Отдел внешней политики – ОВП) ЦК ВКП(б) получал от руководителей компартии Чехословакии достаточно подробную информацию о положении в стране²². ЧСР обещала стать прочным звеном формирующегося советского блока.

К концу 1945 г. Кошицкая правительственная программа, благодаря настойчивости левых сил во главе с коммунистами, была в основном выполнена и даже перевыполнена, что касалось, например, масштабов национализации. Тактика КПЧ – через национально-демократические преобразования к социализму – оправдывала себя. Межпартийная борьба, хотя и приобретала все более острые формы, оставляла поле для политических компромиссов и сотрудничества в рамках Национального фронта. Бенеш, оставаясь на позициях «надпартийности», старался не вмешиваться напрямую в политическую борьбу и сохранить статус арбитра.

На 26 мая 1946 г. были назначены парламентские выборы. Все партии НФ начали активную подготовку к ним. Зимой 1945–1946 гг. страна оказалась в сложном положении: экономические трудности – нехватка сырья и топлива, бездействие многих промышленных предприятий, разруха на транспорте, острота продовольственной проблемы – рождали и политическую напряженность. Особенно это касалось Словакии, где нанесенные войной опустошения были достаточно велики, восстановление экономики шло медленно, а проведенные демократические преобразования не дали ощутимых социальных результатов. Усилились разногласия в НФ: некоммунистические партии все чаще стали выступать в роли политической оппозиции, обвиняя коммунистов в возникших трудностях. Особенно острая борьба за овладение голосами избирателей велась между КПЧ

и ЧНСП. Последняя стремилась вытеснить коммунистов с занимаемых ими позиций и стать первой партией в государстве. Программа национальных социалистов, как, впрочем, и других некоммунистических партий, была недостаточно конкретной и состояла преимущественно из общих политических лозунгов о защите демократии, частной собственности и правопорядка, обвинений коммунистов в приверженности марксизму и отсутствии патриотизма. КПЧ же шла на выборы с очень конкретной программой, содержавшей перечень того, чего она собиралась добиваться в ближайшие два года: принятия новой конституции, двухлетнего плана восстановления и развития экономики, установления нового налога на сельских хозяев и мелких предпринимателей, учитывавшего их интересы, осуществления второго этапа аграрной реформы, введения национального страхования служащих и т. д. В конце марта 1946 г. в Праге состоялся VIII съезд КПЧ, на котором была разработана дальнейшая стратегия и тактика партии, направленные на углубление, по тогдашней коммунистической терминологии, национальной и демократической революции и ее перерастание в социалистическую. В Словакии предвыборная борьба носила более острый характер, чем в Чешских землях. Как стало ясно уже летом 1945 г., КПС постепенно утрачивала свое влияние в массах, а ДП по мере своего организационного оформления набирала силу. Система двух политических партий, на которую сначала сделали ставку коммунисты, не оправдывала себя. Словацкие «демократы», стремясь усилить свои позиции, накануне выборов пошли на соглашение с политическим католицизмом, прежде представленным запрещенной глинковской словацкой народной партией, и таким образом дали ему возможность выйти на политическую арену.

На выборах в Законодательное национальное собрание (ЗНС) 26 мая в Чешских землях внушительную победу одержали коммунисты, а в Словакии две трети голосов избирателей получила ДП, опиравшаяся на поддержку католической церкви и крестьянства. Чешские некоммунистические партии были шокированы своей неудачей: в Чехии коммунисты получили 43,26% голосов, национальные социалисты – 25,21%, народная (католическая) партия (лидовцы) – 16,27%, социал-демократы – 14,95%. В ЗНС мандаты распределились следующим образом: КПЧ и КПС – соответственно 93 и 21, национальные социалисты – 55, лидовцы – 46, словацкие демократы – 43, социал-демократы – 37, небольшие словацкие партии – 5²³. Таким образом, коммунисты вместе с социал-демократами заняли в парламенте 151 из 300 кресел. Однако выборы не обеспе-

чили ни одной из партий монопольного положения. КПЧ как самая сильная партия получила право сформировать новое правительство НФ, которое возглавил К. Готвальд. Руководство КПЧ пришло к выводу, что хотя результаты выборов можно оценить как успех партии, но, как заявил Готвальд, «мы еще не выиграли, борьба будет продолжена. Мы имеем в этой борьбе только более выгодные позиции, но не можем на этом успокоиться»²⁴. Получить большинство голосов на будущих выборах – так ставилась задача.

Обманутые ожидания некоммунистических партий привели к усилению разногласий в их рядах и стремлению пересмотреть тактико-стратегические установки в борьбе с коммунистами за власть, хотя ни одна из партий не отказалась от политики НФ. Национальные социалисты объясняли победу КПЧ прежде всего революционной ситуацией в Европе и Чехословакии и считали, что влияние коммунистов скоро пойдет на убыль. Свою задачу они видели в том, чтобы быть главной силой НФ, защищающей демократию и противостоящей стремлению коммунистов к монопольному овладению властью; они отрицали революционные методы строительства социалистического общества и представляли путь к нему в виде эволюционного развития. К этому времени явно стало ощущаться изменение международной обстановки, усиление ее напряженности. Не оправдались расчеты Бенеша на то, что воплощение его идеи «социализации демократии» будет проходить в условиях продолжающегося сотрудничества стран антигитлеровской коалиции. На его сохранение в послевоенное время рассчитывал не только Бенеш, но и многие на Западе. Так что вряд ли можно изображать это как личный просчет президента, просчет его как политика. Вопреки надеждам, Запад и Восток снова приближались к положению конфронтации, после поражения гитлеровской Германии и милитаристской Японии старые подозрения и недоверие снова взяли верх. Мир становился на рельсы «холодной войны».

И все же Бенеш, единодушно избранный президентом, пытался сохранить спокойствие в стране, сдерживать накал политических страстей. Он не мог не понимать, что укрепление позиций коммунистов после выборов в парламент повлечет за собой их стремление при опоре на Москву воплотить собственные идеи в жизнь. Выступая на съезде чешских писателей в июне 1946 г., Бенеш высказался против сращивания коммунистической идеологии с национальной культурой. «Предметом наших стремлений и усилий, материальных и духовных, – заявил он, – будет не одна партия, один класс, один народ, одно государство, а общество как целое». Президент считал недопу-

стимым посягательство на свободу творчества со стороны партий, политических движений и даже государства. Никакое искусство, по его мнению, немислимо без свободы. Литература и искусство должны исходить из основ национальной жизни, служить всему обществу, стоять на страже прав человека, выступать против нарушения законов и демократии. Бенеш подчеркнул, что ни общество, ни государство не могут быть абсолютными властителями индивида и неким фетишем. Он считал, что демократическое государство должно обеспечивать развитие человека без какого-либо духовного или физического насилия, на основе соблюдения конституционных прав, демократически установленного и действующего режима²⁵.

В это время в чехословацком обществе, как, впрочем, и в мире, шла активная дискуссия о социализме и его перспективах, широко обсуждалась возможность специфического национального пути к социализму. Свою точку зрения на этот счет изложил и Бенеш в беседе с директором пражского отделения агентства Франс Пресс. Он полагал, что к социализму надо идти постепенно, избегая резкого перехода от одного строя к другому и насильственных методов. Высказывавшись против диктатуры пролетариата и теории марксизма-ленинизма, Бенеш отметил, что начался переход от буржуазной демократии к народной, что этот естественный процесс потребует десятилетий и в каждой стране будет осуществляться своим путем²⁶. Тезис о национальном пути к социализму тогда поддерживали и коммунисты, но вкладывали в него свой смысл.

Победа ДП на выборах в Словакии напугала коммунистов, а в чешском обществе вызвала волну антисловацких настроений и усилила подозрения в словацком сепаратизме. Коммунисты обсуждали возможность ограничения полномочий словацких национальных органов²⁷. Четыре заседания посвятил этому вопросу Национальный фронт чехов и словаков, который и принял соответствующее решение. СНС впредь должен был проекты своих постановлений согласовывать с центральным правительством, ему же подчинялся и КУ, председатель которого становился министром. ДП не имела достаточного простора для маневрирования, поскольку находилась под постоянной угрозой оказаться вне правительства, вне НФ и вообще быть запрещенной²⁸. 28 июня 1946 г. правительство приняло документ, известный под названием «третье пражское соглашение»²⁹. Председателем Совета стал Й. Леттрих (ДП), а КУ возглавил коммунист Г. Гусак. Местные национальные комитеты в Словакии оказались полностью в руках демократов. В Чешских землях третье пражское соглашение было интерпретировано как возврат к центра-

лизованной модели государства. Преобладающая часть чешского общества поддерживала такое решение.

Укрепив позиции в правительстве и парламенте, КПЧ получила возможность содействовать углублению общественных преобразований «сверху», проводя их по-прежнему под национально-демократическими лозунгами и завоевывая позиции в широких слоях народа. Новая правительственная программа, получившая название Созидательной, внешне получила поддержку всех партий НФ. Она развивала Кошицкую программу, была нацелена на дальнейшее упрочение «народно-демократического» строя и создание условий для перехода к социализму в понимании коммунистов, хотя открыто об этом не говорилось. Дальнейшей их задачей было «развитие и углубление революционного процесса мирными средствами» путем упрочения завоеванных ими позиций и постепенного оттеснения от власти вчерашних союзников. Эта цель и ставилась КПЧ при выдвижении задачи завоевания большинства народа на будущих парламентских выборах. Вместе с тем с конца 1946 г. в Москве стало усиливаться недоверие и подозрительность по отношению к КПЧ и ее политике компромиссов и «излишних» уступок своим партнерам по НФ, что являлось следствием усиления международной напряженности и ускорением втягивания мира в «холодную войну»³⁰.

Началась реализация Созидательной программы правительства Готвальда. Центральным ее пунктом был двухлетний план восстановления экономики страны (1947–1948), введенный в действие законом от 28 октября 1946 г. План был нацелен на укрепление национализированного сектора в промышленности и его расширение, хотя оппонентам КПЧ удалось внести в закон положение о равноправии всех видов предпринимательства. Коммунисты также взяли курс на углубление аграрных преобразований в стране. Несмотря на то, что программа правительства была единогласно принята всеми партиями НФ, в ходе ее реализации возникло много трудностей и споров, поскольку цели у партнеров были разные.

Противоречивым было отношение партий НФ к процессу ретрибуции: коммунисты критиковали ее ход и мягкие приговоры по делам членов правительства протектората. Особое политическое значение придавали все партии процессу по делу Й. Тисо, который начался в декабре 1946 г. Чешская общественность в своем подавляющем большинстве была настроена против Тисо и за вынесение ему самого строгого приговора. Бенеш оценивал деятельность бывшего президента Словацкого государства «через призму 14 марта 1939 г.». В Словакии отношение к процессу было более дифференцированным.

Для одних Тисо являлся изменником и военным преступником, для других – вдохновителем словацкой государственности и защитником словацкого народа, для третьих – почти святым. ДП, прежде всего ее католическое крыло, добивались, особенно после мягких приговоров по делам членов правительства протектората, помилования Тисо. На такой же позиции стоял и католический клир. Суд продолжался со 2 декабря 1946 г. по 19 марта 1947 г. 15 апреля 1947 г. Тисо был вынесен смертный приговор. Бенеш полагал, что Тисо заслуживает высшей меры наказания, но как президент готов был из «соображений гуманности» помиловать его при условии, что на это согласится правительство³¹. Ходатайство о помиловании Тисо, рассмотренное на чрезвычайном заседании правительства 16 апреля, было отклонено. Сославшись на это, отказался подписать прошение и Бенеш. Рано утром 18 апреля Тисо был казнен через повешение. Коммунисты в Праге расценивали казнь Тисо как «удар по словацкой реакции». В то же время, например, Гусак считал, что «процесс над Тисо непопулярен в народе и что казнь Тисо вряд ли укрепит позиции компартии в массах»³². Казнь недавно популярного в Словакии политического деятеля не содействовала улучшению чешско-словацких отношений: в кругах некоммунистических политиков она трактовалась как расправа над приверженцем идеи независимости словаков. Курс на изоляцию словацких демократов, по мнению коммунистов и всех чешских партий, следовало продолжить, используя для этого более действенные методы³³.

Бенеш, который в силу своих убеждений пытался держаться «над схваткой», однако, не мог не замечать «ползучей советизации», то есть курса КПЧ на изоляцию и вытеснение с властных позиций своих «партнеров-соперников» и используемых коммунистами для этого методов: угроза массовых демонстраций и забастовок, дискредитация политических оппонентов, в том числе путем клеветы и демагогии, раскол некоммунистических партий путем внедрения в них конфиденгов и т.д. Вмешиваться напрямую в борьбу «кто-кого?» он не мог и не хотел, но в частных разговорах высказывал свой взгляд на ситуацию, понимая, что за коммунистами стоит Москва. В июне 1947 г. он якобы говорил своему секретарю Э. Таборскому: «Воюю за время. Мы можем сохраниться только в том случае, если советское продвижение будет остановлено демонстрацией огромной силы Запада. Русские будут делать всё возможное для расширения и усиления своей гегемонии в Германии и во всей Центральной Европе до тех пор, пока не будут окончательно остановлены. Если нам удастся выдержать до следующего лета или осени, основная опасность будет позади»³⁴.

Президент, вопреки позиции коммунистов, не собирался отказываться от связей Чехословакии с Западом, особенно что касается экономических отношений. После войны из года в год росла торговля с западными странами: если в 1945 г. их доля в чехословацком внешнеторговом обороте составляла 57%, то в 1947 увеличилась до 86%³⁵. В июне 1947 г. госсекретарь США Д. Маршалл выступил с планом экономической помощи разрушенной после войны Европе. Основные его цели сводились к следующему: стабилизация социально-политической ситуации в Западной Европе, включение Западной Германии в западный блок и уменьшение советского влияния в Восточной Европе. Страны этого региона могли принять участие в программе восстановления Европы только в случае отказа от ориентации их экономики почти исключительно на Советский Союз в пользу широкой европейской интеграции. Фактически, по мнению российского исследователя М.М. Наринского, план был составлен таким образом, что участие в нем СССР и стран, входивших в сферу его влияния, «выглядело весьма проблематичным». Москва сначала восприняла план Маршалла с интересом, но затем, когда выяснилась принципиальная разница в позициях СССР и западных держав, отказалась участвовать в его реализации. Противоречивость рекомендаций, поступавших в Прагу из Москвы, повлекла за собой сначала решение Бенеша и чехословацкого правительства послать делегацию на конференцию 12 июля 1947 г. в Париже, где должно было состояться обсуждение плана Маршалла. Но затем поступили новые указания Москвы: отказаться от участия в парижском совещании. Правительственная делегация ЧСР во главе с Готвальдом была приглашена в Москву. Сталин, принявший сначала премьера, а потом всю делегацию, в решительной форме потребовал отказа от участия Чехословакии в конференции и отменил все аргументы в пользу принятого решения³⁶. Под давлением Кремля Бенеш и чехословацкое правительство вынуждены были отказаться от участия в парижском совещании по плану Маршалла³⁷.

Напряженность в мире нарастала. В сентябре 1947 г. на совещании в Польше по инициативе Москвы было создано Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ), членом-учредителем которого являлась и КПЧ. В условиях отчетливо просматривающегося разделения мира на два конфронтационных лагеря достаточно рыхлая «сфера советского влияния», по представлениям Москвы, должна была превратиться в гомогенный блок с монополией коммунистической власти в каждой стране, и особенно в чехословацком «форпосте», чтобы легче было управлять

таким блоком из одного центра. Этим целям должно было служить Информбюро, констатировавшее распад мира на два лагеря – «империалистический» и «антиимпериалистический». В выступлении представителя КПЧ Р. Сланского на совещании, по существу, был заложен алгоритм ее стратегии и тактики на ближайшее время. Бенеш и Масарик рассматривались им, чего раньше не было, как агенты англо-американского империализма; долг партии виделся в усилении и дальнейшем развертывании наступления против реакции, ее разоблачении и вытеснении с занятых ею позиций, и, наконец, разгроме реакции при опоре на широкие массы³⁸.

В Чехословакии, как и в других странах Восточной Европы, противоборствующие силы стали готовиться к решительной схватке. В ЧСР по одну сторону баррикады стояли коммунисты и левые фракции в некоммунистических партиях (они возникли к осени 1947 г. не без усилий со стороны КПЧ), по другую – все, кроме социал-демократов (они резервировали свою позицию), «союзники-соперники» коммунистов по НФ. Бенеш, занимавший, согласно опросу общественного мнения, первое место среди политических деятелей, которым доверяло население, официально позиционировал себя как незаинтересованное лицо. Начало наступления коммунистов на реакцию было положено «раскрытием» так называемого антигосударственного заговора в Словакии, сконструированного органами госбезопасности. Главным объектом удара стала имевшая сильные позиции в Словакии ДП. Ряду ее видных деятелей предъявили обвинение в связях с реакционным подпольем, стремлении расчленить ЧСР и восстановить Словацкое государство. Бенеш и чешские некоммунистические партии не оказали словацким демократам никакой существенной поддержки, поскольку опасения словацкого сепаратизма перевешивали их страх перед коммунистами. В итоге «заговорщики» были «разоблачены», позиции ДП в органах власти ослабли, а КПС – укрепились. Однако победа оказалась неполной, и словацкие коммунисты были явно недовольны достигнутыми результатами, о чем свидетельствовал пленум ЦК КПС 4–5 декабря 1947 г., решивший, что «борьбу с реакцией» следует продолжать³⁹.

Политический кризис в Словакии и начало коммунистического наступления в Чешских землях заставили правоцентристскую часть чешского НФ пересмотреть свое отношение к ДП и попытаться заручиться союзом с ней в предстоявшей схватке с коммунистами за власть. Особую активность в создании оппозиции коммунистам внутри НФ проявляли национальные социалисты. Отношения между КПЧ и ЧНСП все более обострялись. Еще весной 1947 г. состоялся

очередной съезд партии, который проходил под лозунгами «Нет социализму без демократии», «Сохраним духовное единство народа». Выдвигалось требование охраны частного сектора⁴⁰. К середине 1947 г. антикоммунистическая оппозиция пришла к выводу о необходимости объединиться. И такие попытки предпринимались. Слабость ее состояла в том, что она действовала традиционными парламентскими методами. Единого блока антикоммунистических сил создать не удалось. Этому препятствовали внутренние противоречия в самих партиях, межпартийные споры, различие взглядов по вопросам государственно-правового устройства и чешско-словацких отношений. Многих сторонников оппозиции разочаровала позиция Запада, не проявлявшего охоту вмешиваться во внутричехословацкие дела, пугали недемократические способы борьбы, используемые коммунистами. Эти люди предпочитали отойти в сторону. Процесс сближения и координации деятельности некоммунистических партий протекал медленно и непоследовательно. Ни одна из них не хотела поступиться своими особыми интересами. Организационного оформления этой тайной и одновременно широко известной оппозиции не произошло еще и из-за отсутствия общепризнанного лидера. Бенеш, на которого антикоммунистические партии возлагали большие надежды, не считал возможным принять на себя открыто эту роль и официально оставался на «надпартийных» позициях, хотя в частном порядке и давал рекомендации своим сторонникам.

Приближались парламентские выборы, и в связи с возникшими в стране экономическими трудностями появились опасения, что КПЧ может их проиграть.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003.

² О территориальных изменениях послевоенной ЧСР см. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2 кн. Кн. 2. М., 2005. С. 6–8.

³ См. подробнее: *Марьина В.В.* Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи. 1944–1946 гг. // *Славяноведение*. 2003. № 3.

⁴ Характеристику партий см. подробнее: Чехия и Словакия в XX веке. С. 9–27.

⁵ На русский язык книга полностью не переводилась, но последняя ее глава «Перерождение и будущее послевоенной демократии» переведена и

опубликована В.В. Марьиной: См. *Бенеш Э.* Демократия сегодня и завтра (Вступительная статья В.В. Марьиной) // Вопросы истории. 1993. № 1, 3.

⁶ ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3312. Л. 182–188.

⁷ Цит. по: *Шмераль Я.Б.* Расстановка политических сил в Чехословакии после освобождения страны и стратегическая линия КПЧ // Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977. С. 286.

⁸ *Серпионова Е.П.* Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. М., 2002. С. 119–120.

⁹ *Beneš E.* Světová krize, kontinuita práva a nové právo revoluční. Praha, 1946 (см.: *Opat J.* Edvard Beneš: tragedie státníka a demokrata // Edvard Beneš – československý a evropský politik. Praha, 1994. S. 102–104).

¹⁰ См. подробнее: *Марьина В.В.* Чехословацкий «февраль» 1948-го начинался в 1945 году // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. С. 88–112.

¹¹ *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. Praha, 1955. S. 21.

¹² *Kaplan K.* Něktrvá revoluce. Praha, 1993. S. 400.

¹³ См. подробнее: Чехи и словаки в XX веке. С. 27–44.

¹⁴ *Rychkík J.* Češi a slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1945–1992. Bratislava, 1998. S. 29.

¹⁵ См. подробнее: Национальная политика в странах формирующегося советского блока 1944–1948. М., 2004. С. 113–152; *Rychkík J.* Češi a slováci ve 20. století. S. 27–112.

¹⁶ *Rychkík J.* Češi a slováci ve 20. století. S. 29.

¹⁷ *Cestou Května.* Dokumenty k počátkům naší národní a demokratické revoluce. Duben 1945–květen 1946. Praha, 1975. Dok. 31, 39, 41, 49, 51 S. 162–170, 205–219, 226–233, 253–258, 260–262.

¹⁸ См. подробнее: Национальная политика... С. 153–309.

¹⁹ *Cestou Května.* Dok. 39, 40. S. 205–219, 220–225.

²⁰ Фактический материал см: *Мурашко Г.П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. Из опыта революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979; *Она же.* Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986; *Марьина В.В.* Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984.

²¹ *Cestou Května.* Dok. 55, 56, 57. S. 282–301, 302–318, 319–322.

²² См. подробнее: *Марьина В.В.* ВКП(б) и КПЧ: от доверия к подозрительности. 1945–1948 гг. // Февраль 1948 г. Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998. С. 17–42.

- ²³ *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1968. S. 72–73; *Kaplan K.* Některé revoluce. S. 60.
- ²⁴ *Gottwald K.* Spisy. D. XIII. Praha, 1957. S. 83.
- ²⁵ См.: *Серпионова Е.П.* Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность. С. 124.
- ²⁶ Там же. С. 125.
- ²⁷ *Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén 1944–1948.* (Ed. M. Vartíková). Bratislava, 1971. S. 421–425.
- ²⁸ *Rychlík J.* Češi a Slováci ve XX století. S. 39–51.
- ²⁹ *Cestou Května.* Dok. 63. Примечание 4. S. 475–479.
- ³⁰ *Марьина В.В.* ВКП(б) и КПЧ. С. 33–35.
- ³¹ *Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.* Т. 1. 1944–1948 гг. М.; Новосибирск, 1997. Док. 201. С. 595.
- ³² *Восточная Европа...* Док. 201. С. 595.
- ³³ См. подробнее: *Barnovský M.* K niektorým otázkam súdneho procesu s Jozefom Tisom // *Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu.* Bratislava, 1992. S. 308–320; *Rychlík J.* Češi a Slováci ve XX století. S. 88–97.
- ³⁴ *Taborský E.* President Beneš mezi Západem a Východem. Praha, 1993. S. 252 (цит. по: *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 282).
- ³⁵ *Zeman Z.* Edvard Beneš. Politický životopis. S. 283.
- ³⁶ *Восточная Европа...* Док. 227. С. 672–675.
- ³⁷ См. подробнее: *Наринский М.М.* Советский Союз, Чехословакия и план Маршалла // *Февраль 1948 г.* С. 67–83; *Кратки И.* Кремлевский запрет: Чехословакия и план Маршалла // *У истоков «социалистического сотрудничества». СССР и восточноевропейские страны в 1944–1949 гг. М., 1995.*
- ³⁸ *The Cominform. Minutes of the Three Conferences. 1947/ 1948/ 1949.* Annali. Milano. 1994. S. 146, 282.
- ³⁹ *Komunistická strana Slovenska. Dok. 83.* S. 609–616.
- ⁴⁰ *Серпионова Е.П.* Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность. С. 127.

ФЕВРАЛЬ 1948 г.

Февраль 1948 г. стал важной вехой в истории Чехословакии¹. События этого месяца по-разному оцениваются в историографии: в конце XX в. формулировки «победоносный Февраль», «победа коммунистов над реакцией», «революция» сменились на «коммунистический переворот», «коммунистический путч». В последней декаде февраля произошло столкновение коммунистов с их партнерами по НФ. Каждая из участвовавших в столкновении сторон преследовала собственные цели, рассчитывая укрепить свои властные позиции. Коммунисты намеревались изолировать, по их терминологии, «реакцию», отстранить ее от участия во власти. Их партнеры по коалиции рассчитывали, вызвав правительственный кризис, ослабить соперника и сформировать новый кабинет, в котором коммунисты уже не имели бы такого влияния. 20 февраля К. Готвальд назначил чрезвычайное заседание правительства, на котором с сообщениями должны были выступить министры внутренних дел и национальной обороны В. Носек и Л. Свобода. Однако министры некоммунистических партий на него не явились. В этот же день министры трех партий – национально-социалистической, народной и демократической – подали президенту прошение об отставке, надеясь, что это повлечет за собой падение правительства Готвальда, образование чиновничьего кабинета и назначение досрочных выборов в парламент. Этот шаг лидеров трех указанных партий не был безоговорочно поддержан даже всеми их сторонниками. Кроме того, инициаторы подачи прошения об отставке не обсудили и не согласовали свои действия ни с руководством социал-демократов, которое заняло выжидательную позицию, ни с беспартийными министрами. В результате несогласованных действий в отставку ушло меньшинство (12 из 26) членов правительства, и оно, согласно конституции, было дееспособно.

В тот же день состоялось заседание президиума ЦК КПЧ, на котором был выработан следующий план действий: не допустить

падения всего кабинета, воспрепятствовать возвращению в него «министров-реакционеров» и сохранить Национальный фронт, пополнив его и правительство новыми людьми, готовыми сотрудничать с коммунистами, мобилизовать массы на поддержку этого плана. Решено было организовать 21 февраля массовый митинг на Староместской площади в Праге, на котором Готвальд должен был сообщить о создавшейся в правительстве ситуации. Намеченный митинг состоялся, по некоторым данным, в нем участвовало более 100 тыс. человек. Такие же митинги КПЧ организовала во всех краевых и многих районных центрах. Речь Готвальда, в которой он призвал создавать комитеты действия НФ, транслировалась по радио. В резолюции, принятой на пражском митинге и переданной Бенешу, говорилось: «Хотим правительство Клемента Готвальда без реакционных министров». В Словакии председатель КУ Густав Гусак призвал представителей ДП также подать в отставку, как это сделали ее члены в пражском правительстве. Президент, который не намерен был принимать прошение об отставке, испытывал раздражение оттого, что решение нужно принимать под давлением «улицы», и взял «тайм-аут». Знал ли Бенеш о готовящейся отставке, ожидал ли ее, одобрял ли действия некоммунистических партий? Свидетельства современников на этот счет разнятся². Одни утверждали, что президент знал об отставке и даже как будто подталкивал ее инициаторов к этому акту, другие, наоборот, считали, что он не знал о ней и был ошеломлен случившимся. Сам Бенеш настаивал на том, что ему ничего не было известно. Он неоднократно повторял впоследствии, что прошение об отставке удивило его. Это подтверждало и ближайшее окружение президента, его сотрудники: начальник канцелярии Я. Смутны, начальник военной канцелярии генерал А. Гасал, личный секретарь В. Сикора. Позже посетивший Бенеша в Сезимовом Усти генеральный директор Центрального банка Л. Хмела записал слова президента о том, что «до этого я несколько раз указывал политическим партиям, которые тогда подали в отставку, чтобы они этого не делали, поскольку легко из правительства сбежать, но трудно в него вернуться»³.

К. Каплан, изучив все обстоятельства дела и опираясь на факты, пришел к следующему выводу: президента удивила не сама отставка, а скорость и внезапность, с которой она была сделана. По всей видимости, Бенеш не то чтобы не знал об отставке, он предполагал ее возможность, но был шокирован внезапностью, поспешностью и формой ее подачи, непродуманностью этого шага: например, министр народной партии Ф. Гала просил об отставке не только своей, но и

всех своих коллег, что противоречило конституции. Отсюда, по воспоминаниям социал-демократа Б. Лаушмана, и слова Бенеша: «они даже не умеют ее подать»⁴. Готвальд же уже 20 февраля представил президенту предложение своей партии о решении правительственного кризиса: дополнить кабинет членами некоммунистических партий, которых предложит только председатель правительства, а не руководство этих партий. Однако такой ход действий означал ликвидацию существующей коалиции, что не отвечало представлениям президента о ее сохранении и вызвало его несогласие с принятием отставки.

5 дней Бенеш обдумывал вопрос о разрешении правительственного кризиса, прежде чем 25 февраля принять окончательное решение. В представлениях президента ключевым и исходным пунктом являлось стремление сохранить Национальный фронт, существующую коалицию и на их основе разрешить кризис принятым в парламентской демократии способом, т.е. переговорами и соглашением председателя правительства с руководством коалиционных партий о дополнении кабинета, но Готвальд отказался вести переговоры с руководством подавших в отставку партий. Это свидетельствовало, что существование НФ находится под угрозой, поскольку в имеющемся виде он был уже неприемлем для коммунистов. В создавшейся ситуации президент посчитал за лучшее не принимать и не отвергать отставку, а продолжить состояние кризиса и попытаться найти компромисс.

Между тем КПЧ продолжала наступление: ее призыв к созданию комитетов действия (КД) Национального фронта получил немедленный и широкий отклик. Основной задачей комитетов являлась «чистка» НФ от «реакционеров и саботажников», содействие преодолению правительственного кризиса на условиях коммунистов. По их воле, таким образом, начал действовать новый очень важный фактор: «улица». Его влияние на решение политического кризиса и стало ключевым. Бенеш оказался под чрезвычайным давлением: на Град являлись делегации и доставлялись резолюции с массовых митингов, призывавшие принять предложение Готвальда. По его указанию и призыву коммунистического руководства на местах быстро создавались органы нового, так называемого возрожденного Национального фронта. Простор для применения обычных парламентских способов решения кризиса сужался. И, главным образом, чистка общественной жизни, быстро проведенная коммунистами посредством находившихся полностью под их влиянием КД НФ, перевела политический конфликт совсем в другую плоскость: коммунистическая партия устанавливала монополию своей власти.

Противодействовать этому могли лишь активные действия некоммунистических партий. Но этого не случилось, что и предопределило исход правительственного кризиса. Инициаторы отставки, не предполагавшие обращение к «улице» и намеревавшиеся решить кризис в верхних эшелонах власти, были шокированы массовыми акциями, организованными коммунистами. Им не удалось провести сколько-нибудь серьезных манифестаций в свою поддержку, как и склонить к ней Бенеша. Президент призывал партии к примирению и договоренности. 23 февраля он должен был выступить по радио с подобным обращением, но, по некоторым данным, от выступления его отговорил Готвальд.

Представления президента о решении правительственного кризиса методами парламентской демократии потерпели крах. Противники коммунистов показали свою несостоятельность в борьбе с ними: с одной стороны, наличествовали совершенно ясная цель и план коммунистов и их возраставшая активность, с другой, неясность намерений и планов руководителей трех коалиционных партий, неготовность их к конфликту и особенно их непродуманная тактика и непонятная пассивность. Кроме того, учитывалась и возможность советской интервенции в поддержку коммунистов. Все это вызывало опасение разделения общества на два лагеря, возникновения конфликта, который мог перерасти в открытое столкновение между ними, и даже в гражданскую войну. Президент, который по-прежнему стоял над партиями, считал своей обязанностью предотвратить раскол общества, сохранить сотрудничество политических сил и выполнить конституционную обязанность, то есть дать государству правительство.

23 февраля напор коммунистов не ослабевал. По всей стране создавались комитеты действия разных ступеней, формировались отряды народной милиции, которые начали вооружаться. Активизировались организации борцов Сопротивления. Передовица «Руде право» предупреждала: «Терпение трудящихся не безгранично». Готвальд и Носек, посетившие президента 23 февраля, убеждали его принять отставку двенадцати министров. Бенеш настаивал, чтобы глава правительства снова начал переговоры с инициаторами отставки. Готвальд отверг это предложение, заявив, что готов представить список кандидатов нового правительства, созданного на основе возрожденного, очищенного от «реакции» Национального фронта. Президент все еще не был готов согласиться с этим. Позднее он принял руководителей национально-социалистической и народной партий и заверил их, что не допустит создания правительства, в котором не были

бы представлены все политические партии, что для него приемлем лишь парламентско-демократический способ решения правительственного кризиса и что в случае, если ему договориться не удастся, он заявит об уходе с поста президента. Обсуждался также вопрос о возможности советской интервенции. Все сходились во мнении, что она неправдоподобна. Бенеш же такую возможность полностью не исключал в случае, если бы началось открытое сопротивление коммунистам. Спорным стал вопрос о формах противодействия попытке государственного переворота, о вооруженном противоборстве речи не было. Министры повторили свои обещания организовать 24 и 26 февраля публичные выступления, митинги, но к тому времени их проведение было уже запрещено министерством внутренних дел⁵. В приказе по армии, который Бенеш как главнокомандующий обсудил с представителями генералитета, министром Л. Свободой, Б. Бочком, К. Клапалеком, А. Гасалом, посетившими Град 23 февраля, подчеркивался принцип нейтралитета, невмешательства армии во внутрипартийные споры. 21–23 февраля президент вел переговоры и с руководителями социал-демократической партии, которая не отозвала своих министров из правительства и позиция которой могла способствовать сохранению НФ. СДП готова была вести переговоры со всеми политическими партиями для решения правительственного кризиса конституционным и парламентским способом на основе сохранения НФ. Однако к этому времени ни социал-демократы, ни подавшие прошение об отставке партии не представляли собой единого целого, разброд в них не только не был ликвидирован, но и усилился. В то же время КПЧ, выдвигавшая многообещающие социальные лозунги, привлекала на свою сторону все более широкие массы. Вечером 23 февраля в Праге состоялось инициированное коммунистами собрание общественности столицы, на котором был создан Центральный комитет действия Национального фронта во главе с А. Запотоцким.

В 12 часов пополудни 24 февраля заводские гудки возвестили о начале одночасовой всеобщей забастовки в поддержку требований, выдвинутых состоявшимся несколько дней назад съездом заводских советов. Работу прекратили 2,5 млн. трудящихся, потребовавших отставки «министров-реакционеров» и создания правительства возрожденного НФ. Массовое участие в ней свидетельствовало о высокой боеготовности компартии и профсоюзов, намеренных, в случае необходимости, прибегнуть к генеральной забастовке. Активно начали действовать находившиеся в руках коммунистов органы национальной безопасности, арестовавшие некоторых из организаторов якобы

готовившегося вооруженного мятежа. В социал-демократической партии верх взяли левые, согласившиеся на участие партии в новом правительстве Готвальда.

По мере того как возрастал организованный КПЧ напор, уменьшались шансы инициаторов отставки выиграть политическое сражение. Все их надежды по-прежнему возлагались на Бенеша, на то, что он не примет отставку, что кризис затянется на длительное время, что наступательный дух коммунистов ослабнет, и можно будет, собравшись с силами, перейти в контрнаступление. А руководство КПЧ подготовило между тем список членов нового кабинета министров, в который наряду с коммунистами, социал-демократами и беспартийными Л. Свободой и Я. Масариком, согласившимся, как и ранее, возглавить министерство иностранных дел, вошли 12 новых министров от партий «возрожденного» Национального фронта. Было решено в случае отказа президента принять предложение Готвальда прибегнуть к новой всеобщей 24-часовой забастовке, которая рассматривалась как крайняя мера мирного решения кризиса. Члены народной милиции должны были получить оружие.

24 февраля Бенеш ответил руководству КПЧ на письмо от 21 февраля. Он снова настаивал на выходе из кризиса парламентским конституционным способом при сохранении Национального фронта, глава сильнейшей партии которого, К. Готвальд, опять возглавит кабинет. Подчеркивалось положительное отношение президента к социализму, т.е. к способу жизни, «которого желает большая часть нашего народа». К проекту письма, который по его указанию подготовила Канцелярия, Бенеш приписал собственноручно заключительные фразы: «Начнем все вместе снова договариваться о дальнейшем постоянном сотрудничестве и не допустим дальнейшего раскола народа на две части. Я верю, что разумное соглашение необходимо»⁶. Во время встречи с Готвальдом с глазу на глаз 24 февраля, которая длилась необычайно долго с 16 до 18 часов, Бенеш, по словам Смутного, не дал окончательного согласия на коммунистический вариант выхода из кризиса.

Однако к этому времени стало уже ясно, что коммунисты выигрывают битву за власть. На местах ее фактически осуществляли комитеты действия «возрожденного» НФ. Перестали выходить газеты партий, противостоявших КПЧ. «Министры-реакционеры», отставка которых еще не состоялась, не были допущены в свои кабинеты. Руководства национальных социалистов, лидовцев и словацких демократов потеряли контроль над членскими массами своих партий, часть которых пошла за левыми лидерами, а часть стала переходить

в КПЧ. По инициативе левых в этих партиях были созданы комитеты действия, которые занялись их «чисткой» от «реакции» и завладели печатными органами. 25 февраля коммунисты организовали мощную манифестацию в Праге с участием более 200 тыс. человек и пригрозили начать генеральную забастовку. По улицам столицы продефилировали вооруженные отряды народной милиции. Бенеш с горечью вынужден был признать, что альтернативы принятию отставки не существует. Он был удручен организационным бессилием и малой дееспособностью некоммунистических партий. В одном из писем своим сторонникам, эмигрировавшим на Запад после февральских событий, Бенеш писал: «Они (руководство некоммунистических партий. – В. М.) обвиняют меня в том, что я обманул их доверие, а я обвиняю их в том, что они в решающую минуту не оправдали моих надежд. Я даже не мог себе представить, что им до такой степени не хватает организованности и решимости, когда надо было перейти к активным действиям»⁷.

К 25 февраля стало ясно, что стремление возобновить деятельность прежнего НФ уже нереально. В течение четырех дней коммунисты настолько изменили ситуацию, что возвращение за стол переговоров и к дофевральскому состоянию решительно отвергали. Они сосредоточили в своих руках уже столько власти и так хорошо контролировали положение, что были уверены в своей победе. Таким образом, прежний НФ был мертв; одни не хотели, а другие не имели сил его гальванизировать.

25 февраля в 11 часов Бенеш принял Готвальда, Запотоцкого и Носека, которые предложили ему проект нового, дополненного по их желанию правительства, настаивали на принятии отставки 12 министров и быстром решении вопроса. Прозвучали угрозы с обеих сторон: Бенеш – своей отставкой, коммунисты – всеобщей забастовкой. И президент сдался. Во второй половине дня 25 февраля он, наконец, дал согласие на отставку 12 министров, подписал декреты о назначении новых министров и создании правительства «возрожденного» Национального фронта. Как полагал Бенеш, так можно будет хотя бы отчасти сохранить позиции проигравших партий и предотвратить политические репрессии. Сразу после встречи с представителями КПЧ, обосновывая в своем ближайшем окружении принятое им решение, он выдвинул два основных аргумента: опасение, что отсутствие правительства приведет к хаосу и столкновениям, к расколу общества и началу гражданской войны, и убеждение, что сложилась ситуация, при которой любое сопротивление коммунистическому натиску после пяти дней кризиса бесполезно, если оно не началось ранее, 20 фев-

раля⁸. В беседе с секретарем Сикорой на эту тему Бенеш заявил: «Причина того, почему я подписал и принял всё, что мне предложил Готвальд, вытекала из простого рассуждения о том, перед чем мы оказались. Мы находились в двух шагах от ужасной пропасти гражданской войны, в результатах окончания которой не могло быть сомнения, и моей обязанностью как президента было воспрепятствовать тому, чтобы нечто подобное произошло». О возможности своего ухода в отставку после назначения нового правительства, по словам Сикоры, Бенеш впоследствии говорил: «Если кто-либо из наших людей сегодня думает и говорит, что я должен был уйти в отставку, то я отвечаю на это коротко. Вы хорошо знаете, что сначала я действительно хотел так поступить. Потом же я об этом здесь (в Сезимовом Усти. – В. М.) долго размышлял. Что это означало бы? Поражение – уход с позиций. И то, и другое вело бы к неправильным выводам и догадкам. Возможно, это был бы жест. Но для кого? Ничего более и ничего другого, чем жест. Это означало бы размахнуться, бросить камень в воду, пошли бы небольшие волны, говорили бы об этом день-два а потом бы обо всем этом прекрасно забыли. И даже не знали бы, что был какой-то президент Бенеш. В той круговерти, которую мы сейчас переживаем, это определено выглядело бы так»⁹.

Отступление президента от его первоначального умысла уйти в отставку являлось, таким образом, следствием представления, что тем самым он облегчил бы коммунистам ситуацию, оставил позиции и отказался от возможности вмешиваться, влиять на будущую политику. Но вскоре, по мнению К. Каплана, Бенеш убедился не только в нереальности своих представлений, но и о политической вредности такого решения. Его принятию, по-видимому, способствовала и болезнь Бенеша, который еще летом 1947 г. перенес инсульт и в момент февральских событий находился в плохой физической форме: общавшиеся с ним в это время люди отмечали его слабость, потребность в частом отдыхе и даже нарушения речи. Нельзя сбрасывать со счета и опасения президента за ухудшение чехословацко-советских отношений в случае непринятия требований коммунистов: угроза для Чехословакии со стороны Германии, по его мнению, не исчезла, и Советский Союз был гарантом существования ЧСР как самостоятельного государства.

Москва довела свой взгляд на ситуацию в Чехословакии через заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина, прибывшего в Прагу с официальным визитом 19 февраля. Он должен был принять участие в съезде советско-чехословацкой дружбы и проинспектировать поставки зерна в ЧСР из Советского Союза. Судя по известным

ныне документам, бывший советский посол в Праге Зорин счел возможным давать рекомендации руководителям КПЧ. Информировав Москву о ситуации в стране, он сообщал, что дал Готвальду совет быть твердым, не колебаться и не идти на уступки правым. Зорин обращал внимание Готвальда и Сланского на необходимость быть готовыми к решительным действиям и к возможности нарушения некоторых формальных положений существующей конституции и законов, чего, как почувствовал Зорин, они ужасно боялись. По мнению Зорина, было бы полезно по партийной линии дать из Москвы Готвальду указание действовать решительнее и не быть в плену парламентских иллюзий. Молотов ответил Зорину, что 22 февраля «Правда» выступит с оценкой событий в Чехословакии, что и было сделано. Встречу Зорина с Бенешем в Москве не сочли нужной¹⁰.

Непосредственная реакция Запада на февральские события в Чехословакии оказалась не столь бурной, как можно было ожидать. 25 февраля правительствами США, Англии и Франции был принят текст совместной декларации, в которой в общей форме осуждались эти события. Вместе с тем США и западные державы вскоре сделали весьма жесткий вывод из случившегося в Чехословакии. Это касалось уточнения их военной программы и укрепления всестороннего сотрудничества с целью воспрепятствовать упрочению позиций коммунизма и советского влияния в Европе. Фактически полное овладение коммунистами властью в Чехословакии подогрело военный психоз на Западе, усилило антикоммунистические и антисоветские настроения, и, как следствие, инициировало подписание Брюссельского (март 1948 г.), а затем и Североатлантического пактов, т.е. создание НАТО (апрель 1949 г.)¹¹.

Если на Западе февральские события в ЧСР с самого начала характеризовались как коммунистический переворот, коммунистический путч, то Готвальд, возлагавший всю ответственность за происшедшее на «реакционных политиков», оценивал случившееся как «победу народной демократии» и утверждал, что «в течение всего хода кризиса нигде и ни в чем не были нарушены конституционные принципы или чехословацкие парламентские обычаи»¹². Это было, конечно, мягко говоря, лукавством, поскольку главным образом коммунисты прибегали к непарламентским методам в ходе ведения политической борьбы (обращение за поддержкой к «улице», провокации, конструирование «заговоров», противозаконные аресты и обыски, использование своего влияния в министерстве внутренних дел и органах безопасности, создание комитетов действия, вооружение народной милиции и т. д.). Их политические противники, ис-

кушенные в парламентских баталиях и не снисходившие до работы в массах, не смогли оказать коммунистам достаточно серьезного сопротивления. «Низы» в решающий момент либо поддержали КПЧ, либо сохранили нейтралитет. Февральские события 1948 г. в Чехословакии можно расценивать в целом как коммунистический переворот при опоре на поддержку либо лояльное поведение весьма широких слоев населения. Политический алгоритм, выработанный КПЧ еще на завершающем этапе войны, – через «народную демократию» к социализму – оказался верным: начав движение в 1945 г. и ускорив его под влиянием международной ситуации с лета 1947 г., коммунисты, в конце концов, полностью овладели властью в Чехословакии, декорированной «возрожденным» Национальным фронтом.

Новое правительство во главе с Готвальдом, назначенное 25 февраля, отличалось от первого его кабинета как по своему составу, так и по характеру. Большинство кресел заняли коммунисты, остальные – представители «очищенных от реакции» партий НФ и беспартийные. В Братиславе, где вечером 25 февраля был создан Центральный комитет действия словацкого Национального фронта, Г. Гусак сформировал новый Корпус уполномоченных, почти полностью состоявший из коммунистов. Председатель СНС Й. Леттрих подал в отставку и вскоре эмигрировал. Совет возглавил коммунист К. Шмидке¹³.

27 февраля новое пражское правительство было приведено к присяге. Вечером в тот же день Бенеш, физически, морально и психологически надломленный, тяжело переживавший случившееся, покинул Прагу и обосновался в своей загородной вилле Сезимово Усти. Это явилось выражением его несогласия с формой решения февральского кризиса. В Прагу президент выезжал только дважды: на похороны Яна Масарика, покончившего жизнь самоубийством 10 марта¹⁴, и на торжества по случаю основания Карлова университета 6 апреля, где выступил с речью. В Сезимово Усти Бенеш подписывал необходимые бумаги, принимал немногочисленные официальные делегации и политических деятелей. Ежедневную связь он поддерживал с чиновниками президентской Канцелярии. Президент отказывался принимать многочисленных журналистов и политиков, искавших встречи с ним, но расширил посещения ученых, деятелей культуры.

Слухи об эмиграции президента оказались, в конце концов, несостоятельными, но ее возможность после февраля постоянно «висела в воздухе», нервируя коммунистов. Слухи эти появились сразу после отъезда Бенеша в Сезимово Усти. В начале марта руководство КПЧ

дало указание ограничить эмиграцию бывших министров, однако не предпринимало особо активных действий, чтобы воспрепятствовать их отъезду за границу. При этом однозначно негативную позицию оно занимало в отношении возможной эмиграции Бенеша и всеми средствами стремилось воспрепятствовать этому. Ведь президент все еще пользовался большим авторитетом в стране и за рубежом, подавляющее большинство его сторонников расценивало действия и решения Бенеша в период кризиса как неизбежные, вынужденные коммунистическим давлением. По-прежнему он являлся символом демократии. И даже немалая часть коммунистов считала президента опытным политиком и относилась к нему с уважением. Положительно оценивал его роль во время кризиса и Готвальд, который на заседании ЦК КПЧ 9 апреля заявил: «Объективно говоря, президент, хотя и под давлением реалий и учитывая их, все же сыграл положительную роль». Бенеша по-прежнему признавали за границей, и его эмиграция еще более утвердила бы Запад в негативном отношении к послефевральской Чехословакии. Коммунистическое руководство было обеспокоено этими слухами особенно и потому, что не знало о действительных намерениях президента. В непосредственном его окружении найти надежных информаторов ранее не удавалось, но после февраля политической «чистки» не избежал и Град. В Канцелярии президента был создан комитет действия НФ, о чем Бенеш был поставлен в известность. Но первоначальный размах «чистки» комитету не удался, скорее всего, из-за несогласия президента. Тем не менее изменения, согласованные с Я. Смутным, все же произошли. Важнейшим стала отставка личного секретаря президента В. Сикоры, которого сменил Й. Прохазка, и удаление нескольких ведущих референтов, места которых заняли коммунисты. Из пятнадцати новых служащих канцелярии пять высших чиновников и камердинер являлись коммунистами. Вместе с тем среди ее персонала обозначилось и «встречное» движение – подлаживание под новую власть. Но информаторов, которым президент доверял бы и которые ежедневно находились бы в контакте с ним, найти не удавалось¹⁵.

Хотя Бенеш сразу после февраля и не исключал возможность эмиграции, слухи об этом оказались, в конце концов, преувеличенными, а опасение «нелегального» отъезда за границу – необоснованным. 4 марта в разговоре с министром иностранных дел В. Клементисом на замечание о том, что слухи об эмиграции будоражат общество, президент сказал: «Во-первых, я никогда не пойду против коммунистов. Во-вторых, я не покину республику, не посоветовавшись об этом с правительством. В-третьих, я никогда не думал, никогда не готовил

и никогда бы не принял участие в так называемом третьем сопротивлении, поскольку это означало бы, прежде всего, идти против Советского Союза, а я никогда против Советского Союза не шел и не пойду. Тогда бы это означало автоматический союз со всеми неприятелями нашего народа»¹⁶. 7 марта Бенеш, согласно его записи, заявил Готвальду: «Я не пойду против вас. Не пойду против Советов. Не отправлюсь в эмиграцию для участия в какой-либо акции, то есть не пойду против государства», «ожидаю, что будет дальше», «буду добиваться согласия, того, чтобы не произошло окончательного раздвоения народа. Или же уйду»¹⁷.

И хотя состояние здоровья Бенеша, а также мнение его окружения, особенно жены, являлись одним из доводов негативного отношения к мысли об эмиграции, решающую роль здесь играл политический мотив. О нем президент неоднократно упоминал в беседах с разными людьми: остаться с народом, не покинуть его и не сделать ничего, что нанесло бы вред интересам Чехословакии в мире. Эта позиция определяла сначала и отношение Бенеша к политической деятельности эмиграции. Хотя открыто он никогда ее не критиковал, но в частных разговорах высказывал несогласие с ней. Свое негативное отношение к так называемому третьему сопротивлению Бенеш мотивировал так: первое и второе сопротивление имели целью создание, а затем восстановление самостоятельного чехословацкого государства; поскольку после февраля 1948 г. чехословацкое государство сохранилось, за что, против кого и с кем третье сопротивление должно было бы бороться? Его деятельность нанесла бы вред Чехословакии в мире, оно никогда не будет признано и не получит международную поддержку, как два предшествующих сопротивления. Оно выступило бы против республики и против СССР – защиты против немецкой угрозы – и в союзе с политическими силами, склонными к поддержке Германии¹⁸.

Как полагал Бенеш, и в конце 40-х гг. главной внешнеполитической угрозой для Чехословакии являлась Германия, а защитницей – Россия. Возможно, в этом его взгляды совпадали с позицией Я. Масарика, с которым президента связывали дружеские отношения и с которым он часто общался. В ныне малоизвестном (впрочем, есть немало сомнений вообще в его существовании) предсмертном письме Масарика Сталину от 9 марта¹⁹ говорилось: «Еще в ранней моей молодости отец²⁰ мне внушал, что без прямой и действенной поддержки России Чехословакия никогда не сможет выстоять в борьбе против германского наплыва. Эта идея укоренилась во мне так же глубоко, как и у большинства чешских политиков. Мы всегда

полагали, что в защите от германизма не можем положиться ни на какую иную страну, кроме России. Мюнхен протрезвил тех из нас, кто еще надеялся на активную солидарность Англии. Мои личные контакты с американскими государственными деятелями убедили меня в том, что Соединенные Штаты, как и Англия, не способны понять, что защита Чехословакии от германизма служит одной из важнейших гарантий мира в мировом масштабе»²¹. Эти опасения усилились в связи с тем, что германский вопрос тогда снова стал одним из центральных в международной политике. По плану Маршалла предполагалось сделать Германию основным звеном в процессе восстановления Европы, что вызвало, помимо прочего, негативную реакцию СССР и славянских стран складывавшегося советского блока – Польши, Чехословакии, Югославии. В исторической памяти их народов по-прежнему сохранялся образ враждебной Германии. В.А. Зорин, тогда советский посол в ЧСР, утверждал, что в отношении к восстановлению Германии «чехословацкое правительство и в конце 1947 г. продолжало исходить из того, что это – вопрос существования Чехословакии. В этом вопросе продолжает существовать наибольшее единство точек зрения всех партий Национального фронта»²². Поэтому, когда западные державы объявили о созыве 19 февраля 1948 г. в Лондоне сепаратного совещания по германскому вопросу, это серьезно обеспокоило как советских, так и восточно-европейских лидеров. По инициативе польского правительства и с согласия СССР в Праге 17–18 февраля состоялось совещание министров иностранных дел Чехословакии, Польши и Югославии. В принятой им декларации констатировалось, что развитие событий в Германии приняло нежелательное направление, что не выполняются договоренности, направленные на искоренение германского милитаризма и нацизма, что не принимаются меры по предотвращению угрозы со стороны Германии ее соседям и сохранению мира. В ноте на имя Я. Масарика Москва солидаризировалась с основными положениями декларации²³. Трудно представить, что Бенеш не был в курсе обсуждаемого вопроса. И опасность со стороны возрождаемого с помощью Запада германского милитаризма представлялась ему по-прежнему более грозной, чем опасность со стороны СССР и его «продленной руки» КПЧ.

22 февраля 1948 г. состоялся учредительный съезд Союза чехословацко-советской дружбы. В приветственном письме Бенеша съезду говорилось о чувстве глубокой дружбы всего чешского и словацкого народа к народам Советского Союза. «Все народы, честно стремящиеся к установлению новой социалистической демократии,

путь развития которой указал всему миру Советский Союз, пойдут в этом стремлении каждый своим собственным путем, наиболее отвечающим их политическим, экономическим и социальным условиям, – считал президент. – Чехи и словаки, все без различия, сверх того при всех обстоятельствах имеют в виду, что их великий сосед Советский Союз является сегодня самой прочной гарантией их безопасности и заслуживает их глубокой благодарности и нерушимой дружбы уже просто за огромные жертвы, которые его народ принес также и за чехословацкую свободу»²⁴.

«Призрак» советизации, явственно обнаружившийся во всех действиях компартии после февраля, и, как следствие, фиаско идеи «социализации демократии», по представлениям Бенеша, отступали на второй план перед угрозой со стороны возрождавшегося при поддержке Запада германского милитаризма.

Положение осложнялось тем, что чехословацкое общество оказалось перед расколом и опасностью гражданской войны. При этом президент ясно осознавал, что силы «соперников» не равны: с одной стороны, организованные и готовые к активным действиям коммунисты, пользовавшиеся широкой поддержкой в массах, с другой – неорганизованные и пассивно ведущие себя члены и функционеры прочих разлагавшихся на глазах политических партий. Бенеш считал своей конституционной обязанностью воспрепятствовать конфликту или хотя бы попытаться сделать это. Пять дней президент противостоял натиску коммунистов и уступил лишь тогда, когда понял, что в стране не сформировалась и уже не сформируется политическая сила, способная противодействовать компартии. Но, может быть, Бенеш мог возглавить эту силу и сплотить ее своим авторитетом? Вот что по этому поводу говорил 25 мая 1948 г. в разговоре с супругой президента Ганой Бенешевой тесно общавшийся с Бенешем в февральские дни начальник его канцелярии Я. Смутный: «Как бы он мог это сделать? Стал бы во главе оппозиции, оппозиции, которая ничего не подготовила, чтобы оказать сопротивление коммунистам. Возглавил бы фронт против коммунистов и социал-демократов, против чего всегда решительно выступал. У него не было другого выбора, кроме того, чтобы попытаться устранить угрозу гражданской войны, умерить эвентуальные репрессии, поскольку не было сомнений, что коммунисты могут победить... Президент не хотел развязывания борьбы в стране, и ему удалось предотвратить ее. При этом он не давал понять..., что одновременно одобряет методы, которыми был совершен переворот. Он был уверен, что на своем посту останется лишь ненадолго. По возвращении в Сезимово Усти он хотел

подать в отставку сразу после установления нового правительства... Потом сказал, еще подожду, посмотрю, что они будут делать, смогут ли принести пользу людям и народу. Однако он постоянно чувствовал и давал понять, что долго это делать не сможет, потому что произойдет нечто, с чем уже абсолютно не сможет согласиться. Это произошло, когда встал вопрос о конституции и выборах»²⁵.

Как уже говорилось, Бенеш стал раздумывать об отставке сразу после февраля. О решении покинуть президентский пост Бенеш говорил со своими политическими единомышленниками Я. Масариком, Й. Давидом, В. Шробаром и с делегацией чехословацкой армии, которую он принял 27 февраля. Ведущие чиновники его канцелярии также знали об этом. Мотив отставки имел, прежде всего, политический характер – несогласие с решением и результатами правительственного кризиса и с послефевральской ситуацией: «Я не могу не замечать и не могу нести ответственность за то, что люди из-за своих политических убеждений увольняются с предприятий, из учреждений, лишаются работы, арестовываются. Никто не может гарантировать, что у нас не будут созданы лагеря для интернированных и концлагеря. В этой ситуации я не могу остаться [на посту президента] и твердо решил уйти»²⁶. Покидая Град 27 февраля, президент поручил Смутному подготовить проект отставки, адресованный председателю парламента. Концепция документа была выработана 29 февраля и на следующий день передана президенту. Однако он пересмотрел свое решение о немедленной отставке. Авторам проекта письма, с содержанием которого согласился, он сообщил, что еще будет обдумывать вопрос. О предполагаемой отставке были немедленно информированы Готвальд и Носек.

Почти все, с кем президент обсуждал свое намерение, отговаривали его от этого шага. Смутны, в частности, говорил ему, что он остался единственным человеком в стране, на которого ложится ответственность за сохранение демократии. Особенно подействовала на него просьба представителей армии – министра обороны Л. Свободы, начальника Генерального штаба Б. Бочека и начальника военной канцелярии президента А. Гасала, – принятых им 27 февраля. «Нам стало известно, господин президент, что вы намерены уйти с президентского поста, – сказал Л. Свобода. – Если эта информация верна, то мы просим Вас, господин президент, от своего имени и от имени армии, чтобы Вы не уходили с поста и остались. Мы считаем не только своей обязанностью, но и правом, господин президент, как старые борцы, которые стояли у колыбели этого государства и сражались за него во время первого и второго сопротивления, эту

просьбу от своего имени и от имени армии передать. Мы убеждены, господин президент, что с этим согласен весь народ, поскольку кроме Вас в этом народе нет большей объединяющей силы, которая нам так необходима в это время, и поэтому еще раз, господин президент, мы просим Вас остаться со своим народом и не покидать его»²⁷. Профессор А. Пражак, которого Бенеш принял 1 марта, увещевал его не покидать пост президента, говоря, что «подходящий момент для отставки, связанный с назначением нового правительства, уже упущен, и если уходить в отставку, то через некоторое время»²⁸. Однако решающее значение при изменении президентом решения о немедленной отставке стали его размышления и анализ политической ситуации в первую неделю пребывания в Сезимове Усти. Находясь на президентском посту, Бенеш рассчитывал предотвратить продолжающийся раскол общества и использовать свою функцию как препятствие развязыванию коммунистами дальнейших репрессий. К тому же общая ситуация еще не была окончательно прояснена. Согласно Смутному, президент рассматривал и такой вариант: сохранить за собой пост, но не функционировать. Однако вскоре стала очевидна нереальность и неэффективность такого намерения.

В конце концов, Бенеш решил пока не подавать в отставку, посмотреть, как будут развиваться события, но от мысли об оставлении своего поста не отказался. Эта выжидательная позиция явно проявилась во время его встречи с Готвальдом 7 марта. Обе записи беседы и оценка позиции президента совпадают по сути: останусь и подожду, что будет дальше, хочу содействовать достижению соглашения и преодолению раскола общества – или же уйду. Президент еще повторил: «Я хочу заранее знать, что вы будете делать дальше, для меня огорчительно, что вы выбрасываете столько людей, как с этим будет дальше; для меня это имеет решающее значение, в соответствии с этим я буду поступать». Готвальд заверил, что ни репрессий, ни политических монстрпроцессов не будет, что перегибы будут исправлены, а виновные в противозаконных действиях понесут наказание²⁹. Действительность не подтвердила эти слова. О том, что президент «уже не думает об отставке», хотя не вполне согласен с проводимой политикой, подтвердил и Л. Хмела, встретившийся с президентом 9 апреля³⁰.

Бенеш подписывал законы и, несмотря на то, что не помышлял о возвращении на Град, начал хотя бы отчасти осуществлять свои функции. Коммунистов это положение устраивало, и они хотели сохранить его как можно дольше. Они рассчитывали использовать авторитет Бенеша на внутренней и международной политической сцене в качестве демократического фасада своего режима. В. Копецкий на

заседании ЦК КПЧ 9 июня 1948 г. говорил об этом открыто: «Первоначально наше мнение сводилось к тому, что никаких изменений на кресле президента республики не произойдет, по крайней мере, не по нашей инициативе, и что нашим намерением будет как можно дольше сохранять сотрудничество товарища Готвальда и Бенеша, т.е. сохранить такое положение, чтобы д-р. Бенеш сохранял свои функции, ставил свою подпись под демократически принятыми законами, и чтобы как публично положительно оценивал, так и посредством своих конституционных обязанностей санкционировал деятельность нашего правительства. Товарищ Готвальд всегда стремился по мере возможности предотвратить расход с президентом Бенешем и отдалить его намерение уйти в отставку»³¹.

После Февраля ускоренными темпами шла подготовка новой Конституции ЧСР, работа над которой с осени 1947 г. чрезвычайно замедлилась. 14 апреля 1948 г. Центральный комитет действия НФ одобрил ее проект, который был вынесен на всенародное обсуждение. Прохазка передал Бенешу проект конституции 13 апреля, и тот его внимательно изучил. Но еще до этого несогласие президента вызвал проект избирательного закона, включавший принцип единого списка кандидатов, который не допускал существование других, кроме правительственного, списков и фактически ликвидировал основные признаки демократических выборов. Бенеш направил протест главе МВД Носеку, поручил ему информировать об этом Готвальда и внести соответствующие коррективы в проект. Поскольку возникли опасения, что президент закон не подпишет, коммунистическое руководство дополнило проект пунктом о возможности выставления списка независимых кандидатов. После этого Бенеш подписал закон. Однако вскоре толкование закона членами правительства убедили его, что свободных выборов не будет, и, прежде всего, они не будут тайными, а, следовательно, демократическими.

В это время Бенеш был уже серьезно болен, и это, несомненно, накладывало отпечаток на всю его деятельность. О здоровье президента с 1939 г. заботился его личный врач О. Клингер. Регулярно, и в период эмиграции, Бенеш подвергался осмотру специалистов. В 1943 г. Клингер заметил первые признаки серьезного заболевания – атеросклероза. Его проявления с 1945 г. становились все более частыми, особенно, что касается скачков в кровяном давлении, и являлись следствием нервного напряжения. Клингер посещал президента ежедневно, каждую неделю его осматривал и ежегодно созывал консилиум. Резкое ухудшение здоровья Бенеша наступило в июле 1947 г., когда случился серьезный апоплексический удар. Вскоре президент оправился от него. Но развитие политических событий в стране осенью 1947 г. сно-

ва сказались на его здоровье. Руководство КПЧ сообщало в Москву в это время: «По всем признакам президент весьма серьезно болен. Однако он вмешивается во все последние политические события»³². Об ухудшении здоровья президента свидетельствовало то, что за последние три месяца он похудел почти на 6 кг., усилилась невнятность речи, снизилась физическая подвижность, ухудшился сон. В общем медицинском заключении конца 1947 г. констатировалось, что за последние несколько лет президент постарел на двадцать лет, он, как сообщалось в Москву, «старый дряхлый человек». 29 января 1948 г. медицинский консилиум (профессора Гынек, Геннер и д-р Клингер) подтвердили необходимость ограничения деятельности президента и отдыха. Согласно свидетельству Сикоры, во время февральского кризиса особого ухудшения здоровья не наблюдалось «кроме возросшей усталости и изнурения, когда после каждой встречи с политиками он должен был отдыхать, прилечь». При этом все политики и чиновники, которые встречались с президентом в период февральского кризиса, констатировали, что он сохранил ясность мышления и способность обдумывать политические решения. Однако ослабла его воля к борьбе, к сопротивлению. Клингер в середине марта сообщал, что он «день ото дня дряхлеет, как духовно, так и физически», и уверял, что в связи с состоянием здоровья исключено, что Бенеш может выполнять свои функции более, чем два-три месяца. Во время выступления в Карловом Университете по случаю его 600-летия 6 апреля многие присутствующие думали, что президент не сможет закончить свою речь. Однако ясность ума Бенеш сохранил, что констатировали и медики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробнее: *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1968. S. 207–311; *Kaplan K.* Některé aspekty revoluce. Praha, 1993. S. 133–168; *Kaplan K.* Pět kapitol o Únoru. Brno, 1997. S. 359–518; *České křižovatky evropských dějin.* Ivan Šedivý, Jan Němeček, Jiří Kocián, Oldřich Tůma. 1948. únor 1948 v Československu: Nastup komunistické totality a promeny společnosti. Praha, 2011; Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. М., 2005. С. 66–89.

² *Kaplan K.* Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. S. 9–13.

³ *Ibid.* S. 10.

⁴ *Ibid.* S. 12 (примеч. 11).

⁵ *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. S. 300, 302.

⁶ *Kaplan K.* Poslední rok prezidenta. S. 26.

⁷ Цит. по: *Belda J., Bouček M., Deyl Z., Klimeš M.* Na rozhraní dvou epoch. S. 259.

⁸ *Kaplan K. Poslední rok prezidenta. S. 29–30.*

⁹ *Ibid. S. 35 (примеч. 44).*

¹⁰ См. подробнее: *Мурашко Г.П. Февральский кризис 1948 г. в Чехословакии и советское руководство: по новым материалам российских архивов // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 50–63; Чехия и Словакия в XX веке. С. 73–74; Soudobé dějiny. 1998. N 2–3. S. 312–320; 1999. N 1. S. 103–110; 1999. N 4. S. 534–544.*

¹¹ *Mastný V. Pražský puč v únoru 1948 a počátky Severoatlantického paktu // Soudobé dějiny. 1998. N 2–3. S. 247–256.*

¹² Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 5. М., 1988. С. 448–450.

¹³ История Словакии (пер. со словацкого и английского). М., 2003. С. 341.

¹⁴ После смерти Масарика КПЧ предлагала на пост министра иностранных дел З. Фирлингера, но Бенеш предпочел, чтобы это кресло занял коммунист В. Клементис. С Фирлингером, виλλα которого находилась по соседству, президент прервал отношения.

¹⁵ *Kaplan K. Poslední rok prezidenta. S. 46–49.*

¹⁶ *Ibid. Příloha č. 6. S. 125–127.*

¹⁷ *Ibid. Příloha č. 7. S. 128.*

¹⁸ *Ibid. S. 51–53.*

¹⁹ Письмо в российских архивах пока не обнаружено, поэтому многие исследователи подвергают сомнению его подлинность. Основной пафос письма – протест против советизации страны, развернувшейся после февраля 1948 г. (*Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т.А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., 2002. С. 45*).

²⁰ *Томаш Г. Масарик – первый президент Чехословацкой республики в 1918–1935 гг.*

²¹ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. С. 45.*

²² Там же. С. 44.

²³ Там же. С. 48–51.

²⁴ *Kaplan K. Pět kapitol o Únoru. Brno, 1997. S. 533.*

²⁵ *Ibid. S. 534–535.*

²⁶ *Kaplan K. Poslední rok prezidenta. S. 53–54.*

²⁷ *Ibid. Příloha č. 5. S. 123.*

²⁸ *Ibid. S. 54.*

²⁹ *Ibid. Příloha č. 7. S. 128–129.*

³⁰ *Ibid. Příloha č. 8. S. 130–133.*

³¹ *Ibid. S. 56 (примеч. 78).*

³² *Ibid. S. 86 (примеч. 144).*

ОТСТАВКА. КОНЧИНА. ПРОЩАНИЕ

Мысль об отставке не оставляла Бенеша и дозрела во второй половине апреля 1948 г. Главным мотивом стало несогласие с проектом новой чехословацкой конституции. Президент, внимательно изучивший проект, не согласился с рядом его положений, касавшихся, прежде всего, политической системы. Он принципиально возражал против формулировки «о воле народа», которая ставила эту волю над законом, давая возможность «улице» осуществлять свое давление, в том числе и на президента. Далее, он возражал против того, что в проекте недостаточно гарантированы гражданские свободы, которые ограничивались готовившимся законом о защите народно-демократической республики, и, следовательно, должны были определяться министерством внутренних дел. Бенеш, по его словам, не желал прикрывать своим авторитетом недемократическую новую конституцию и недемократические выборы в чехословацкий парламент¹. Против положений о дальнейшей социализации, имеющих в конституции, у него не было возражений, что отмечалось и в первоначальном проекте заявления об отставке: «Я всегда был и остаюсь демократом и социалистом. Я согласен со статьями конституции, которые должны вновь стать основой экономического развития государства и социалистического развития жизни нашего национального общества в будущем»². Об этом свидетельствовало и согласие Бенеша с законами о второй ступени национализации, которые он подписал в мае 1948 г.

Окончательное решение об отставке Бенеш принял 1 мая утром, когда спешно пригласил Смутного и поручил ему составить соответствующее письмо на имя председателя правительства Готвальда и пригласить его для разговора. Президент хотел ускорить отставку с тем, чтобы это произошло еще до принятия конституции. 3 мая Смутный передал премьеру проект этого письма. Готвальд был удивлен

решением Бенеша и просил, чтобы президент ему сначала сообщил свои возражения против конституции. На другой день, утром 4 мая Смутны устно изложил их Готвальду. Руководство КПЧ обеспокоило, во-первых, то, что президент хочет уйти в отставку примерно за месяц до парламентских выборов, что расценивалось как объявление политической борьбы. Во-вторых, однозначно политические доводы отставки, и, прежде всего, несогласие с некоторыми статьями проекта конституции. Готвальд посчитал концепцию прошения об отставке «чрезвычайно острой и воинственной». Содержание и формулировка политических мотивов выглядели как форма сопротивления коммунистической власти. Публикация письма фактически стала бы первым публичным высказыванием Бенеша по поводу февральских событий и установленного после преодоления правительственного кризиса режима. Реакция Готвальда на письмо была очень острой. Он не скрывал, что это письмо «следует расценивать как объявление войны», что в этом случае коммунисты должны ответить на письмо и опровергнуть сказанное в нем, что если расставаться, то расставаться по-доброму». В. Копецкий описывал первую реакцию Готвальда на письмо так: «Президент республики сообщил т. Готвальду о своем решении окончательно подать в отставку, причем послал уже и текст своего выступления об отставке, политически тенденциозно заостренного против нашего режима. Т. Готвальд после этого просил сообщить президенту республики, что такой способ отставки означал бы расставание по-плохому и что это привело бы к дальнейшим политическим последствиям»³. На другой день 4 мая состоялись двухчасовые переговоры (с 16.00 до 18.10) премьера с президентом в Сезимовом Усти в присутствии Смутного и частично Ганы Бенешовой.

Во время встречи Бенеш изложил свою принципиальную позицию по тем пунктам проекта конституции, которые вызывали у него возражения. Существуют две записи содержания этой беседы. Первая, сделанная Я. Смутным и завизированная Бенешем⁴, вторая – запись от руки, сделанная главным редактором «Руде право», секретарем ЦК КПЧ Г. Барешем, во время заседания президиума ЦК КПЧ 4 мая 1948 г., на котором Готвальд доложил о результатах двухчасовой встречи с президентом. Первая – более пространная, с множеством повторов и возвратов к обсуждавшимся вопросам. Вторая – более краткая, с изложением позиции Бенеша по этим вопросам. Обе записи не расходятся по сути. Ввиду важности позиций, выявившихся во время беседы, приведем запись о ней Бареша:

«Сообщение тов. Готвальда о посещении президента Бенеша в Сезимове Усти.

Тов. Готвальд только что вернулся от президента. Разговор продолжался более двух часов. Присутствовал канцлер Смутны, а в конце во время чаепития – и пани Бенешова. Если опустить постоянные повторы и возвраты, разговор можно свести к следующему:

Прежде всего, он (Бенеш. – *В. М.*) заявил, что его решение об уходе в отставку окончательное. Инициатива исходит с его стороны, а не с нашей. Решение было принято в субботу (01.05). Он ни с кем об этом не советовался, он длительное время уже никого не принимает. Влияние заграницы исключено. Поступает так по собственному побуждению.

Мотивы следующие:

1. Конституция.

Наши позиции расходятся, это тяжело, но договориться невозможно. Главное, речь идет о том, каково значение выражения “воля народа”, как его следует толковать, формулировать, кто ее может выражать и чем руководствоваться при этом. Не согласен в целом с формулировками о воле народа. Не согласен также с текстом президентской присяги, где воля народа поставлена над законом и не говорится, как эта воля может проявиться, посредством чего. Президент сказал: “Я вижу опасность в том, что это может быть улица, под давлением которой я уже однажды находился. Однажды я уже стоял перед улицей и не хочу, чтобы эта ситуация повторилась”. В феврале это, дескать, стало для него унижением, о котором он не может забыть и не забудет.

Т. Готвальд возразил, что улица не принудила его к чему-либо противозаконному и антиконституционному. Президент ответил: это факт, что он вынужден был действовать [именно] так, а не иначе, в чем усматривает унижение и оскорбление, которые снова не перенес бы. Конституция (проект. – *В. М.*) такие вещи не только допускает, но и предписывает, что проявляется в формулировке присяги. Это – главный вопрос, с конституцией он не согласен и подписать ее не может.

2. Второй, более подчиненный вопрос – раздел о гражданских правах. Он признает, что конституция гражданские права расширяет, но они не гарантированы. В ней не говорится ни об административном, ни об избирательном, ни о конституционном суде. Готовится закон об охране народно-демократической республики, который передает возможность толкования положений конституции в руки министра внутренних дел. Но это все же не главный мотив, главным мотивом принятия им решения об отставке является опасение улицы, перед которой он не хочет оказаться.

3. Выборы.

Президент, прежде всего, критиковал избирательный порядок, который, якобы, нарушает тайну выборов. Основным же возражением против [способа] выборов является единый список кандидатов. По его мнению, это противоречит демократическому принципу, это – не демократические выборы, и он с ними не согласен. Хотя он и подписал положение о выборах, но видит, что его опасения оправданы.

Конституцию он подписать не может.

После продолжительных дебатов о народе, свободе и демократичности выборов согласился с формулировкой т. Готвальда:

Принял решение уйти в отставку потому, что для него это далее невыносимо. Физически и политически.

Подтвердил также формулировку, что хочет уйти до выборов, потому что не хочет выборы и конституцию прикрывать [своим именем].

Перед этим сообщением т. Готвальд [разъяснил]: в полдень того же дня перед разговором с президентом у него был канцлер Смутны, который принес с собой черновик (конспект) письма об отставке. Текст был весьма острый и воинственный. В нем говорится о конституции, с которой, как истинный демократ, [президент] согласиться не может. Обе [конфликтующие] стороны он осуждает за 25 февраля, но тогда принял свое решение, чтобы предотвратить бойню.

Т. Готвальд заявил Смутному, что это письмо следует расценивать как объявление войны. Мы должны были бы на него ответить, отвергнуть его, что означало бы борьбу. Т. Готвальд указал на бюст (президента. – В. М.) и сказал, что мы не хотели бы низвергать памятники, хотим разойтись по-хорошему.

В этом отношении тон состоявшегося в полдень разговора был иным. Было ясно, что президент хочет избежать открытой борьбы и готов согласиться с такой формулировкой, которая избавила бы его от ответственности (за принятие конституции, результаты выборов. – В. М.), но без открытого столкновения.

Мы (Бенеш и Готвальд. – В. М.) согласились в том, что он хочет уйти в отставку. Т. Готвальд предложил, чтобы он ушел после выборов, [но] до срока, когда он должен подписать конституцию, т. е. между 1 и 7 июня [1948 г.], и чтобы отставку мотивировал состоянием своего здоровья.

Президент заявил, что он не хочет выполнять свои функции вплоть до выборов.

Т. Готвальд тогда предложил ему, чтобы теперь же в соответствии с конституцией заявил, что в связи с состоянием здоровья не может выполнять свои функции, и чтобы поверил этим правительство или

председателя правительства. Правительство приняло бы это к сведению и возложило их на своего председателя. После же выборов президент мог бы принять решение о времени своей отставки, или же вернуться к своим обязанностям в течение определенного срока в шесть месяцев.

Эта возможность казалась приемлемой пани Бенешовой и Смутному.

Президент заявил, что все эти возможности обдумает, не хочет расстаться по-плохому, хочет сохранить дружественные контакты, и, хотя знает, что у Готвальда достаточно своего ума, будет в его распоряжении. Эмигрировать не хочет, бороться против коммунистов не будет. Хочет вести честную игру (*fair play*), знает, что мы (коммунисты. – *В. М.*) по отношению к нему вели себя также лояльно. Однако выборами он был поставлен перед новым решением.

Он все обдумает и передаст через Смутного.

Дополнительно т. Готвальд сообщил, что до сих пор президент никогда не говорил об унижении и оскорблении в феврале. Сказал, что упрекает себя в том, что допустил ошибку и так долго колебался относительно отставки. В свое время он пошел навстречу Готвальду и разрешил поднять президентский штандарт (над виллой в Сезимове Усти. – *В. М.*), а ныне рассматривает это как ошибку.

После дискуссии (на заседании президиума ЦК КПЧ. – *В. М.*) принято решение:

1. Вне зависимости от решения президента конституцию внести 09.05 в Национальное собрание.

2. Отложить посещение (правительственной делегацией. – *В. М.*) Румынии на время после выборов.

3. Полная готовность депутатов во время обсуждения вопроса о конституции в З[аконодательном] Н[ациональном] С[обрании]»⁵.

Президент, который испытывал к руководителю КПЧ личное уважение и не желал обострения конфликта, чтобы не осложнять положение ЧСР на международной арене, снова пошел на уступки. Был достигнут компромисс: Бенеш, окончательно решивший уйти в отставку, отказался от ее политической мотивировки и согласился обратиться с заявлением о ней к правительству после парламентских выборов. «В реализации своих начальных намерений, – пишет К. Каплан, – президент остановился на полпути, опасаясь конфликта, для ведения которого у него уже не было сил и который нанес бы вред международному положению Чехословацкого государства»⁶.

В конце апреля и особенно после встречи с Готвальдом 4 мая самочувствие Бенеша резко ухудшилось. Прибывшие на другой день про-

фессора констатировали изменение в состоянии его здоровья, которое проявилось в «сильном унынии, нарушении координации движений и новом затруднении речи». Врачи пришли к выводу, что 4 мая президент перенес еще один апоплексический удар, последствием которого стал легкий паралич правой руки. В течение трех следующих дней усилилось «нарушение подвижности правой руки и продолжалось нарушение стабильности речи». 20 мая Готвальд принял трех профессоров, которые вручили ему медицинское заключение и «описали состояние здоровья президента в еще более пессимистических тонах, чем было в заключении». Они высказали мнение, что президент нуждается в полном покое и поддержали решение Бенеша уйти в отставку. Готвальд выразил мнение, что быстрый уход от дел может так же отрицательно сказаться на состоянии здоровья президента, как и напряженное исполнение функций. Врачи не исключали такой возможности⁷.

Итак, невзирая на принципиальные замечания Бенеша и его решение об отставке, президиум ЦК КПЧ 4 мая постановил предложить конституцию парламенту для одобрения. 28 мая состоялись официальные торжества по случаю 64-ой годовщины со дня рождения Бенеша. Вся печать освещала это событие, акцентируя заслуги президента перед республикой. В Сезимове Усти прибыли с поздравлениями К. Готвальд, Й. Давид, а также американский посол Л. Штейнгард; около пяти тысяч граждан в течение пяти дней побывало у виллы Бенеша, чтобы поздравить его и преподнести подарки и цветы.

30 мая 1948 г. состоялись выборы в Национальное собрание. «Возрожденный» Национальный фронт при поддержке профсоюзов выступил на них с единым списком кандидатов в депутаты от всех партий и массовых организаций. 80,3% избирателей поддержали «возрожденный» НФ, а из участвовавших в голосовании – 89,2%. Из 300 избранных депутатов КПЧ и КПС вместе с социал-демократами получили в парламенте 236 мандатов (79%). Председателем Национального собрания был избран в прошлом левый социал-демократ, а ныне коммунист О. Йон. Из восьми его заместителей пятеро были коммунистами⁸. «С февраля по май 1948 г., т. е. в течение трех месяцев, в Чехословакии прошли серьезные политические преобразования (своеобразная бескровная революция), когда вопрос о власти, вопрос “кто кого?” в пользу новой народной демократии, был окончательно решен в пользу новой народной демократии», – говорилось в одной из аналитических справок, составленных советским посольством в Праге в июле 1948 г.⁹

Сразу после выборов, 2 июня Бенеш сформулировал окончательный текст заявления о своей отставке, мотивируя это состоянием

здоровья. 7 июня заявление было получено Готвальдом и сообщено правительству, которое собралось на чрезвычайное заседание. Готвальд зачитал письмо Бенеша и сделал заявление для печати, опубликованное на следующий день. Премьер подчеркнул свое стремление отговорить Бенеша от ухода с президентского поста и его «огромные заслуги перед народом и республикой». Готвальд пообещал содействовать выполнению завета, о котором говорилось в последнем письме Бенеша: «чтобы все жили и трудились в ладу, любви и взаимопрощении, добивались свободы и свободой сознательно пользовались»¹⁰. В этот же день правительство одобрило проект закона о выборах президента, который был принят 12 июня. Одновременно в знак признания заслуг Бенеша «перед народом и государством» ему была назначена почетная пенсия в размере жалования президента республики, а также оставлен в пожизненное пользование замок Ланы со всеми пристройками и обслуживающим персоналом. По словам Готвальда: «Мы чтим его (Бенеша. – В. М.) как достойного продолжателя дела Президента-Освободителя, как главу нашей освободительной борьбы и как одного из создателей нашего нового строя»¹¹. 10 июня Национальное собрание единогласно одобрило благодарственный адрес Бенешу, а 14 июня тоже единогласно избрало новым президентом Готвальда. Чтобы не ссориться с католической церковью и Ватиканом, коммунисты даже пошли на то, чтобы архиепископ И. Беран в честь этого события отслужил в соборе св. Вита торжественный молебен, что ранее происходило только при коронации чешских королей. 15 июня Готвальд назначил новое правительство во главе с А. Запотоцким. Следует отметить, что многие словацкие коммунисты, и прежде всего Гусак, Новомеский, отчасти Клементис, считали справедливым, чтобы премьером был назначен словак В. Широкий, поскольку президентом является чех¹².

После отставки Бенеш, ставший частным лицом, жил в Сезимове Усти под пристальным наблюдением органов государственной безопасности и информаторов. Уход от дел, из политики, которой он посвятил всю свою жизнь, не улучшили, а скорее ухудшили состояние здоровья Бенеша. Он впал в уныние и день ото дня слабел физически и духовно. Ежедневная забота о состоянии здоровья президента (экспрезидента) была возложена на главного врача больницы в Таборе д-ра Йелинека. Он заменил Клингера, который, обещав вернуться, отправился для лечения в Лондон и остался там. Единственным развлечением Бенеша являлись частые автомобильные прогулки вместе с женой по окрестностям; посетителей он принимал редко. В случае необходимости это делала пани Гана. С дипломатами и жур-

налистами, если они появлялись, общались бывшие служащие президентской канцелярии. Бенеш встречался со Смутным, Йиной, Гасалом, с некоторыми политически близкими ему лицами, например, с бывшим послом в Москве Й. Гораком. Коммунистов среди посетителей не было. Исключением являлся Готвальд, который приезжал к Бенешу 8 июня (премьер сообщил ему о решении правительства от 7 июня и выдвижении своей кандидатуры на пост президента, поблагодарил за службу государству) и 16 июня¹³.

Общественность по-разному восприняла отставку Бенеша, популярность и авторитет которого, прежде всего в Чешских землях, были по-прежнему высоки. Некоторые верили официальным сообщениям о причине ухода президента со своего поста (по состоянию здоровья), другие видели ее в несогласии с событиями 25 февраля и установленным вслед за этим режимом, третьи усматривали в случившемся давление коммунистов. Согласно ежедневным сообщениям органов государственной безопасности, Сезимово Усти в июне–июле 1948 г. посетили тысячи граждан со всех концов страны. Делегации от учебных заведений, общественных организаций, городов, районов появлялись у виллы экс-президента каждый день. В устной и письменной форме высказывались симпатии и уважение, передавались приветствия, пожелания здоровья, цветы. С автокурьерами 21 и 22 июня прислали письма посольства США и Великобритании в ЧСР. О реакции советского посольства на отставку президента сведений нет.

Власти, по всей видимости, напуганные стихийным выражением симпатий к экс-президенту, в июле усилили меры, направленные на ограничение демонстраций, массовых посещений виллы и импровизированных митингов. Распоряжение предписывало выявлять всех руководителей массовых делегаций и список этих лиц еженедельно направлять в Главное управление Государственной безопасности¹⁴. Но многолюдные собрания у ограды виллы не прекращались. Подготовка к XI слету спортивного общества «Сокол» и сам слет прошли под знаком уважения и поддержки ушедшего в отставку Бенеша, верности ему и его идеалам. Политически важнейшими были шествия «соколов» через Прагу: 27 июня в нем приняли участие 80 000 подростков, а 6 июля 83-100 000 мужчин и женщин, которых приветствовало около полумиллиона зрителей. Провозглашались лозунги «Да здравствует президент Бенеш!», «Останемся верными Бенешу!», «Да здравствует республика Бенеша и Масарика!», «Мы любим Бенеша, никто нам его не заменит!», «Бенеш – наше завтра», «Не позволим большевикам разбить республику», «Выметем коммуны из республики вместе с Готвальдом», «Бенеш, Бенеш, Бенеш...Да здрав-

стует!» и др.¹⁵. Во время слета органы безопасности задержали 237 человек, на 31 из них было заведено уголовное дело. Последовала радикальная политическая чистка «Сокола», которая охватила около 15 тысяч функционеров; некоторые из них были арестованы и стали жертвами репрессий¹⁶.

Знал ли обо всем этом Бенеш? Неизвестно. Во всяком случае, жена и близкие всемерно старались оберегать экс-президента от собраний и посещений, которые могли взволновать его и ухудшить состояние здоровья. Но не всегда эту «стерильность» можно было соблюсти и оградить Бенеша от волновавших его разговоров. Так, думается, случилось и с визитом в Сезимове Усти шведской журналистки Амелии Поссе-Браздовой, ровесницы Бенеша и давнишней его знакомой. В «Тайных письмах из Праги 1948 г.», опубликованных в 1994 г., она описала и суть своей беседы с Бенешем¹⁷. В частности, он якобы жаловался на Готвальда, которому, мол, верил и полагал, что тот ему не лжет. Однако, он, дескать, ошибался, потому что все коммунисты – лгуны, как и Советы. Он признался, что не хотел долго верить тому, что Сталин постоянно и систематически лжет. Бенеша раздражали обвинения в его адрес, распространяемые теми политиками, которые эмигрировали на Запад. Важной составной беседы была тема новой чехословацкой политической эмиграции и отношение к ней Бенеша, возможность его сотрудничества с ней. Близким приятелем журналистки был чехословацкий посол в Стокгольме Э. Таборский, личный секретарь Бенеша в военные годы и одна из фигур «нового» чехословацкого сопротивления. Упомянув о раздорах в рядах третьей эмиграции, Поссе-Браздова сказала, что верх одержит та группировка, которая получит «благословение» Бенеша. Журналистка передала ему пожелание эмигрантов, чтобы он выступил с обращением, которое придало бы им «отвагу и силу» для «продолжения в это темное время сопротивления». Сами же они «не способны выдвинуть цель этого движения и даже определить ее». Бенеш, по словам журналистки, совершенно серьезно ответил, чтобы она передала эмиграции, что он посылает ей свое «благословение», что необходимо выработать общие для всех цели и убедить в их правильности государственных деятелей тех стран, где живут эмигранты. Эти деятели должны понять, что Чехословакия опять стала делом европейской значимости и что нет надежды на мир, пока она не будет свободна. Но, как писала журналистка, эмигранты не должны поддаваться соблазнам, исходящим от «капиталистических реакционеров», и становиться их инструментом. Говорил ли всё это Бенеш и, если да, то так ли говорил, остается на совести журналистки.

Поссе-Браздова уговаривала Бенеша поехать в Швейцарию хотя бы для того, чтобы получить там надлежащую медицинскую помощь. Бенеш как будто не возражал, но сказал, что для этого надо получить разрешение властей, и добавил, что наблюдающий за его здоровьем чешский врач обещал написать заключение о необходимости лечения за границей для сохранения жизни. Разговор, как пишет З. Земан, становился все более напряженным по мере того, как стали затрагиваться события в стране, и когда посетительница стала настаивать на необходимости отъезда Бенеша за границу, чтобы использовать оставшееся еще время для оказания влияния на «окончательный суд истории о деле его жизни». Журналистка напомнила Бенешу, что в ноябре прошлого года он неоднократно повторял ей, что большевизм может прийти в Чехословакию только через его труп. Она уверяла, что для эмиграции жизненно необходимо присутствие Бенеша, поскольку все остальные политические эмигранты – это нули, и только в случае, если Бенеш возглавит их, они будут что-то значить. По словам журналистки, он обещал кое-что предпринять для отъезда за границу, поскольку для него нет ничего худшего, чем сидеть и ничего не делать. Однако относительно своего участия в сопротивлении он выражал сомнения и заявил, что в случае улучшения его здоровья в швейцарских лечебницах, он поведет себя примерно так же, как Т.Г. Масарик после ухода в отставку, будет помогать «домашним» политикам своими советами. Свою отставку Бенеш назвал важным политическим жестом. Журналистка упрекнула его в том, что он не сделал этого четыремя годами раньше. Весь разговор был, по всей видимости, очень волнителен для Бенеша, но он был рад ему, поскольку сведений из «внешнего мира», находящегося за оградой виллы, он почти не получал, оберегаемый окружавшими его людьми от всего, что могло бы повлиять отрицательно на его здоровье. Когда журналистка вместе с пани Ганой покинула кабинет, где происходила беседа, супруга экс-президента сказала ей, что никогда не видела мужа таким сияющим¹⁸.

И все же, по всей видимости, это посещение оказало сильное воздействие на Бенеша. В тот же день, 19 августа в течении болезни экс-президента наступил явный перелом в худшую сторону: он почти потерял способность говорить. Профессор Геннер считал, что Бенеш перенес еще один апоплексический удар. Два дня спустя он полностью потерял способность говорить и принимать пищу. 26 августа состояние Бенеша ухудшилось настолько, что проф. Геннер писал уже о пятом по счету инсульте. 29 августа произошел уже последний, собственно приведший к смерти удар. В этот день экс-президент про-

изнес свои последние слова и впал в беспамятство. На другой день он на короткое время пришел в себя, но говорить не мог и только выслушивал рекомендации врачей, которым старался следовать. Во вторник 31 августа был опубликован бюллетень о состоянии здоровья Бенеша, который впал в глубокое беспамятство. Медицинское свидетельство зафиксировало наступление смерти в пятницу 3 сентября в 18 час. 20 мин.: «Президент Эдвард Бенеш не пришел до полудня в сознание. Около 15 часов началась агония, а в 18.10 наступила смерть. Господин президент умирал спокойно, без смертельной борьбы, почти как в глубоком сне, в кругу своей семьи»¹⁹. Бенеш не оставил никакого политического завещания, написанного после 1945 г. Напомним, что в своем 3-ем завещании от 6 марта 1945 г. он, обращаясь к народу, призывал его действовать «демократически и в соответствии с ситуацией в стране», для чего, по мнению президента, «он достаточно зрел». Бенеш любил свое имение в Сезимове Усти и выражал желание быть погребенным здесь. Похороны взяло на себя государство. Вдове Бенеша было назначено содержание в размере, которое в 1949–1952 гг. составляло 520–545 тыс. крон в год. Мужа она пережила на 26 лет и скончалась в 1974 г.

В день смерти Бенеша Сланский и Запотоцкий получили указание Готвальда «выдвигать на передний план всё позитивное», что сделано президентом для республики. Хотя лидер коммунистов считал весьма правдоподобным будущий конфликт с ним, который был предотвращен его уходом из жизни, но полагал, что положительной оценки заслуживает молчание Бенеша после отставки и отказ от публичных высказываний против установившегося режима. Выступление Запотоцкого по радио 4 сентября правительство, собравшееся на чрезвычайное заседание, заслушало стоя. Страна погрузилась в траур. Похороны Бенеша приобрели явную политическую окраску. Демонстрации, проходившие в течение пяти дней до похорон, прежде всего в чешских землях, и имевшие антикоммунистическую направленность, были еще более массовыми и острыми, чем во время «сокольского» слета. Преобладающая часть шествий носила мирный и стихийный характер. Но значительно возросло количество листовок и надписей (на стенах, заборах) против коммунистической партии, в некоторых звучал призыв к акциям против режима. 4 сентября тело Бенеша было забальзамировано. 5 сентября гроб перевезли в Прагу и установили в здании Памятника сопротивления на Жижкове. 6 сентября началось прощание, шествие продолжалось всю ночь. 7 сентября утром очередь желавших попрощаться достигла 2–2,5 км и становилась все длиннее. Гроб был перевезен в Национальный

музей и установлен в Пантеоне. Со всех концов республики люди ехали в Прагу для участия в похоронах, кто специальными поездами и автобусами, а кто на личных автомашинах. Коммунистическое руководство, опасаясь провокаций и политических выступлений, приняло решение ограничить заезды в столицу.

Особой активностью отличались «соколы», предложившие свое участие в погребении и поддержании порядка в его ходе. В связи с этим возник конфликт с органами госбезопасности. Правительство запретило «сокольскую» акцию. 8 сентября был арестован секретарь «сокольской» организации А. Машталко, а также несколько функционеров, включая членов руководства. Краевые и районные секретариаты КПЧ получили приказ: «привести в боеготовность весь партийный актив, наши организации и личный состав заводов», а также членов народной милиции, снабдив их оружием. Указания были выполнены: вооруженные отряды народной милиции прошли по улицам городов и местечек, улицы патрулировались двумя милиционерами. На заводах состоялись собрания, направленные против «провокаций реакции».

Несмотря на все запреты, в Прагу съехалось много народа. Кроме того, в столице было сосредоточено 15 тыс. членов народных милиций и органов безопасности. Приблизительное число участников траурной процессии в Праге составляло 120 тысяч. Тризна, которая началась в 15 часов в пантеоне Национального музея и на которой выступил А. Запотоцкий, прошла спокойно. Вацлавская площадь и Национальный проспект были буквально переполнены народом, как и ближайшие к центру улицы. Многие плакали. Около полуночи гроб, сопровождаемый министром национальной обороны и министром внутренних дел, был перевезен в Сезимово Усти.

С 4 сентября начались аресты. Согласно сообщению органов госбезопасности, до 9 сентября были задержаны или арестованы в Праге и других городах 249 человек. В Пльзени, в частности, арестовали группу студентов, которые попытались положить красные и белые цветы к памятнику Т.Г. Масарика с надписью на ленте: «Президенту Бенешу и нашей демократии останемся верными». В Праге с 5 по 9 сентября предварительному заключению были подвергнуты 79 человек. Уголовное разбирательство (судебное следствие) по делам 166 задержанных проходило 9–15 сентября, и еще 83 – тремя днями позднее. Среди 166 судимых было 30 человек до 18 лет, 70 рабочих и служащих, 38 чиновников, 23 студента. Массовое участие граждан в похоронах экс-президента коммунистическое руководство, собравшееся на заседание ЦК КПЧ 9 сентября 1948 г., расценило как «анти-

февраль», как подготовку попытки путча, как «последнюю надежду нашей реакции» (Сланский, Копецкий) На этом заседании Готвальд рекомендовал «использовать эту ситуацию, чтобы предпринять ряд важных мер против реакции». Они получили общее название «политика острого курса», приведшая к репрессиям против многих граждан.

Погребение Бенеша в Сезимове Усти состоялось 10 сентября. В обряде, который совершили архиепископ Йозеф Беран и епископ Йозеф Глоух, участвовали лишь члены семьи покойного и его ближайшего окружения, а также многочисленная правительственная делегация во главе с новым председателем правительства Запотоцким и председателем парламента Олдржихом Йонем Готвальда на погребении не было. По всей видимости, он или собирался, или уже находился на отдыхе в Крыму²⁰. Хор исполнил две любимые песни Бенеша «Там тихо над Лужницей» и «Ах, сынок, сынок, дома ли ты».

Могила президента Бенеша стала, особенно на следующий год, местом паломничества. Многочисленные посещения состоялись по случаю его 65-летия 28 мая 1949 г., когда прибыло более 5 тыс. человек, принесших свечи, цветы с лентами и надписями «Мы вспоминаем – правда победит». На Троицын день прибыло уже 14 тыс. посетителей. Обеспокоенные функционеры государственного управления и государственной безопасности в Ческих Будейовицах сообщали в августе, что посещения продолжаются, что заезды, организованные заводскими советами и другими организациями, прибывают со всей республики. Распоряжение министерства внутренних дел от 24 августа 1949 г. предписывало краевым и районным отделениям оформлять разрешения на массовые заезды 3–11 сентября 1949 г. Но заезды продолжались. С 28 мая до декабря 1949 г. могилу Бенеша посетило почти 150 000 человек²¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953. Т. 1. 1944–1948. М.; Новосибирск, 1997. С. 86–870.

² Kaplan K. Pět kapitol o Únoru. Brno, 1997. S. 535.

³ Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. S. 60 (примеч. 85).

⁴ Ibid. Příloha č. 10. S. 135–143.

⁵ Ibid. Příloha č. 11. S. 144–146.

⁶ Ibid. S. 62.

⁷ Ibid. S. 88–89.

⁸ Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. В 2 кн. Кн. 2. М., 2005. С. 81.

⁹ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 5. Л. 61–63, 76–79.

¹⁰ Kaplan K. Poslední rok prezidenta. S. 63–64.

¹¹ Ibid. S. 64 (примеч. 92).

¹² АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 5. Л. 80–81.

¹³ Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Příloha č. 16. S. 160–166.

¹⁴ Ibid. S. 69 (примечание 100).

¹⁵ Ibid. Příloha č. 15. S. 151–152.

¹⁶ Ibid. S. 69–72.

¹⁷ Amelie Posse-Brázdová. Tajné dopisy z Prahy 1948. Praha, 1994 (см.: Zeman Z. Edvard Beneš. Politický životopis. Praha, 2002. S. 303–306).

¹⁸ Ibid. S. 305–306.

¹⁹ Kaplan K. Poslední rok prezidenta. S. 91–92.

²⁰ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 146. Д. 7. Л. 83.

²¹ Kaplan K. Poslední rok prezidenta. S. 83.

ПОСЛЕСЛОВИЕ-РЕЗЮМЕ

В середине прошлого века имя Бенеш было широко известно в мире. Крупный государственный деятель, политик и ученый Эдвард Бенеш являлся наряду с Т.Г. Масариком и М.Р. Штефаником одним из основателей Чехословакии, представлял в течение 30 лет ее интересы сначала в качестве министра иностранных дел, а затем президента республики. Бенеш получил прекрасное образование, обучаясь в Праге (философский факультет Карлова Университета), Париже (Сорбонна и Свободная школа политических наук), Дижоне (университет), Лондоне и Берлине. Во время пребывания в Западной Европе Бенеш познакомился с различными философскими течениями, а также с социалистическими воззрениями, что оказало влияние на формирование его взглядов и направлении научной деятельности. Его интересовали национальный и славянский вопросы, проблемы войны и культуры, революции и демократии, и особенно рабочего и социалистического движений. Являясь в годы Первой мировой войны одним из руководителей борьбы против Австро-Венгерской монархии за создание самостоятельного чехословацкого государства, Бенеш проявил недюжинные способности дипломата, организатора и пропагандиста. До 1935 г. он занимал пост министра иностранных дел Чехословацкой республики и был хорошо известен в мире. Будучи сторонником западных демократий, Бенеш содействовал прозападной внешнеполитической ориентации ЧСР. Но в то же время Чехословакия стала одним из первых государств, признавших советское правительство де-факто и в 1922 г. подписавших временные договоры с Советской Россией и Советской Украиной. Бенеш способствовал признанию Чехословакией СССР де-юре и заключению с ним в 1935 г. вслед за Францией договора о взаимопомощи. Бенеш являлся видным политиком европейского и мирового уровня. Он активно участвовал в деятельности Лиги Наций и способствовал

принятию в нее Советского Союза. В 1935 г. Бенеш возглавлял эту международную организацию, будучи единогласно избран ее председателем.

Занимая высокие государственные посты, Бенеш не прекращал научной и преподавательской деятельности. В 1921 г. он стал профессором социологии в Карловом университете, являлся действительным и почетным членом многих политических, общественных, творческих и научных обществ и институтов, как национальных, так и зарубежных, в том числе профессором «honoris causa» университетов в Оксфорде, Париже и Страсбурге. Благодаря своей разнообразной политической и научной деятельности Бенеш был популярен в чешском обществе (в Словакии его не любили из-за проповедуемой им теории «единой чехословацкой нации») и известен мировой общественности. Он являлся учеником и приверженцем идей первого президента ЧСР Т.Г. Масарика, который видел в Бенеше своего преемника.

В 1935 г. Бенеш стал вторым президентом ЧСР и вышел из чехословацкой национально-социалистической партии, членом и идеологом которой был с 1923 г. Однако и после этого он оставался ее идейным наставником. Время пребывания Бенеша на посту президента страны было наполнено драматическими и трагическими событиями: расчленение Чехословакии фашистской Германией (30 сентября 1938 г. – Мюнхен, отторжение Судетской области; 15 марта 1939 г. – оккупация Германией чешских областей и Моравии, создание протектората Богемия и Моравия, включенного в состав «третьего рейха», образование Словацкого государства, вассала гитлеровской Германии; борьба за восстановление ЧСР на демократических началах (1939–1945) и за утверждение «новой демократии» в стране (1945–1947); крах этих усилий, установление коммунистической монополии на власть (февраль 1948 г.)

Сразу после Мюнхена Бенеш ушел с поста президента и эмигрировал из страны, возглавив после марта 1939 г. борьбу за восстановление ЧСР в предмюнхенских границах и отстаивая при этом позиции континуитета (преемственности) чехословацкой государственности. После прихода к власти кабинета У. Черчилля Англия признала (в июле 1940 г.) Временное чехословацкое эмигрантское правительство, а Бенеша – президентом Чехословакии, пока еще отсутствовавшей на карте Европы. В этом качестве – президент в эмиграции – Бенеш пребывал до конца войны, а после освобождения Чехословакии стал президентом возрожденной страны.

За те три года, что оставались до его кончины, Бенеш стремился, насколько это было в его силах и возможностях, реализовать с

большим или меньшим успехом идеи «совершенствования демократии». Все это происходило в трудных условиях послевоенного времени и решения первоочередных конкретных задач: восстановление хозяйства страны, его, по возможности, безболезненный перевод на мирные рельсы и продвижение по пути экономического прогресса, урегулирование межнациональных отношений, достижение социального мира и гражданского согласия в обществе, раскаленном бедами военного времени, социальными неурядицами и политическим страстями. Намеченные Бенешем и изложенные достаточно полно в книге «Демократия сегодня и завтра» (Лондон, 1942; Прага 1946, 1947) глубокие преобразования («социализация») всех сфер жизни – политической, социальной и экономической – открывали, как представлялось, перспективы становления «чехословацкого социализма» без насилия и диктатуры пролетариата, характерных для советской страны. Просматривался альтернативный советскому путь к социализму, против чего, казалось, не возражали тогда и чехословацкие коммунисты. Сторонник идеи конвергенции демократии и социализма, т.е. взаимовлияния, взаимопроникновения демократии западного типа и социализма советского образца (в нем Бенеш усматривал и положительные черты), он полагал, что демократические традиции чехословацкого общества станут благодатной почвой для воплощения этих представлений в жизнь. Начавшаяся холодная война, события февраля 1948 г. в Чехословакии положили конец начатому «эксперименту» строительства «капитализма с человеческим лицом». Возобновление этой попытки, но уже под другими лозунгом строительства «социализма с человеческим лицом» потерпело крах в августе 1968 г.

Что касается внешней политики, то тут Бенеш, особенно в последнее десятилетие своей жизни, придерживался курса, который он сам выразил формулой «50% – на Запад, 50% – на Восток, а не 100% – на Запад». Будучи идейным противником советского строя, Бенеш, трезво мыслящий политик, ясно понимал, что судьба стран Центральной и Восточной Европы тесно связана с Советским Союзом, прежде всего ввиду их географического положения, а также потому, что, кроме емкого рынка, их восточный сосед обладает и мощными ресурсами, особенно энергетическими. Вместе с тем Бенеш опасался идейного влияния СССР и всеми доступными ему «мирными» средствами стремился не допустить этого. Однако ни его способностей, ни его возможностей оказалось недостаточно (на что, как показано в книге, имелись свои объективные и субъективные причины), чтобы сохранить в Чехословакии баланс противоборствующих политических

сил и не допустить перевеса леворадикальных группировок, представленных коммунистами и левыми социал-демократами, стремившимися к полному овладению властью. Признав, что его идеи потерпели фиаско, и, поняв, что Запад не собирается вмешиваться во внутривнутриполитические чехословацкие проблемы, не желая прямой конфронтации с Советским Союзом, Бенеш подал в отставку с поста президента. Перенесший к этому времени несколько инсультов, он был уже тяжело больным человеком. В 64 года Бенеш ушел из политики, которая являлась для него и увлекательной работой, и любимым делом. Он не смог построить в Чехословакии строй, именуемый им «социализирующейся демократией». Делать в этой жизни, как ему, вероятно, казалось, больше было нечего, и он ушел из нее спустя три месяца после отставки. Прожив сравнительно недолго, Бенеш как бы подтвердил собственный вывод о том, что политики-демократы физически исчерпывают себя быстрее и уходят из жизни раньше, чем политики-автократы. Похороны Бенеша собрали многотысячные демонстрации, которые новая власть оценила как происки реакционных сил, не желающих мириться с поражением в феврале 1948 г.

В.А. Зорин, первый советский посол в послевоенной Чехословакии, дал в 1945 г. в целом близкую к объективной характеристику Э. Бенеша, оценив его как «опытного и трезвого политика, учитывающего изменения в международной обстановке». К этому можно было бы добавить следующее: он являлся политиком-демократом, склонным к переговорам, диалогу и компромиссу во имя достижения соглашения на бескровной основе, предотвращения конфронтации и во внутренних, и в международных делах, политиком, отвергающим насильственные революционные методы преобразования общества и предпочитающим эволюционный путь его развития. Этот путь («революция посредством эволюции»), как известно, требует больше времени, но Бенеш надеялся, что после кровавой войны мир может быть длительным, и союзникам удастся избежать конфронтации. Он считал: «ничего не может быть более опасным для мира после общей победы, чем возможность того, что великие державы и другие демократические нации, сражающиеся сейчас вместе против Германии, не смогут сохранить своего союза». Не смогли! И Бенеш стал свидетелем все более нараставшей конфронтации между Западом и СССР и начала холодной войны, активно противостоять чему он уже был не в силах.

Одним из заветов Бенеша, актуальных и сегодня, являлся и его взгляд на вопрос о славянской взаимности. В конце войны он пола-

гал, «что если славяне, борясь против внутренних и внешних фашистов, извлекли достаточные уроки, чтобы создать подлинно демократические режимы, если они предпримут радикальные действия для разрешения внутренних политических, социальных и экономических проблем, они настолько сплотятся, что смогут разрешить конфликты, которые до сих пор разделяли их. Игнорируя прошлое, игнорируя национальный престиж, притязания, прежнее национальное соперничество, они автоматически придут к созданию единой международной политики после войны... Это не значит, что славянские государства должны отказаться от независимости и создать прочный блок. Наоборот, каждое из них должно вести собственную независимую национальную политическую жизнь с собственными демократически институтами... после войны славянские народы, если они действительно понимают историческое значение происходящих сегодня великих событий, смогут добиться политического и национального освобождения и смогут гарантировать закрепление его с помощью сотрудничества. Такое сотрудничество определит собой новый период их национальной эволюции. Сотрудничество будет соответствовать не только их собственным интересам, но и будет полезно для всей Европы»¹.

Жизнь показала неоправданность этих представлений Бенеша, но он был искренним в своем желании видеть славянский мир в будущем именно таким.

Не сбылись, не осуществились многие надежды, желания, идеи Бенеша. Его любимое детище – Чехословацкая республика дважды в XX в. исчезала с карты Европы: временно в 1939 г. и, по всей видимости, окончательно в 1993 г. Идеи, которые отстаивал Бенеш и которые стремился реализовать, потерпели крах, его планы строительства новой, «гуманной демократии» в Чехословакии рухнули. Как политик и государственный деятель он потерпел фиаско. Это была трагедия, трагедия человека, который сам именовал себя «идеалистический реалист». Возможно, для реализации многих его начинаний и идей еще не пришло время. Они оказались либо непонятыми, либо неосуществимыми в конкретных условиях середины XX в.

После установления коммунистического режима имя второго президента Чехословакии Эдварда Бенеша, рассматриваемое через призму классового подхода, подверглось очернительству и, по существу, на долгие годы оказалось предано забвению. Попытки объективно проанализировать его деятельность, характерные для 60-х гг. прошлого века, канули в Лету в период «нормализации» 70–80-х гг. В последние двадцать лет в Чешской республике многое сделано,

чтобы извлечь имя Бенеша из забвения и оценить его несомненные заслуги перед страной, причины неудач и политических просчетов.

В Праге функционирует «Общество Эдварда Бенеша». Оно основано в 1990 г. и является наследником «Института политических и социальных исследований д-ра Бенеша» (*Ústav Dr. Beneše pro politické a sociální studium*), который существовал в Лондоне в 1950–1964 гг. под руководством бывшего начальника канцелярии президента в эмиграции Яромира Смутного. Председателем общества с апреля 1991 г. является профессор Карлова Университета доктор наук Вера Оливова. Деятельность Общества направлена на изучение наследия Бенеша. Оно организует публичные чтения, выпускает свой информационный Бюллетень, издает документы и специальные исторические исследования, посвященные политической деятельности Бенеша и его научным взглядам.

В 2004 г. парламент Чешской республики принял закон, гласящий: «Доктор Эдвард Бенеш имеет заслуги перед государством». В 2005 г. на Лоретанской площади в Праге был установлен памятник Э. Бенешу. Вилла Сезимово Усти, где он любил бывать в свободное от государственных дел время, где он провел свои последние дни и где находится его могила, превращена в музей Бенеша². Гана Бенешова, пережившая своего мужа на 26 лет, в своем завещании распорядилась передать земельный участок и виллу со всем, что в ней находится, Гуситскому музею в Таборе, поставив условие, чтобы в доме был создан мемориал Бенеша, а его могила – открыта для посещений. Но прошло еще много лет, прежде чем завещание было реализовано. Доступ к могиле второго президента ЧСР был открыт только в 1990 году, а решение о создании музея принято лишь в 2000 г. Однако сама вилла оказалась уже непригодной для функционирования в ней музея: в 70–80-х гг. ее полностью перестроили внутри, и восстановить интерьер, существовавший при жизни Бенеша, оказалось невозможно. Кроме того, еще во время войны вилла была разграблена оккупантами, пропали 12 тысяч томов прекрасной библиотеки, о чем Бенеш особенно жалел. Поэтому для мемориала, торжественно открытого в 2005 г., было построено новое здание, в котором представлены некоторые экспонаты из старой виллы, части ее интерьера, личные вещи Бенеша, публикации о его деятельности, демонстрируются документальные фильмы о его жизни.

В день 60-летия со дня смерти Бенеша, 3 сентября 2008 г., президент Чешской республики Вацлав Клаус сказал: «Стало популярным говорить, что борьба Бенеша на протяжении всей его жизни за свободу и независимость нашего государства потерпела крах. Это

правда в том смысле, что он оказался под давлением двух страшных тоталитарных режимов XX в. Однако сегодняшний день убеждает нас в том, что он кое-чего смог достичь... он должен остаться в нашей памяти как великий государственный муж, во времена которого хотя бы два десятилетия мы оставались независимым государством»³. Но таким ли уж независимым? Речь, вероятно, можно вести лишь о формах и степени зависимости небольшого центральноевропейского государства от западноевропейских держав. Следует отметить, что, оценивая Бенеша как государственного деятеля, Клаус решительно выступил против безоглядной критики его политики на международной арене, за рассмотрение этой политики в контексте времени его жизни и работы, в контексте эмоций и атмосферы тех лет. Вместе с тем, он полагал, что Бенеш вовсе не являлся политиком, чьи дела не подлежат разбору и критике («Далеко не все Бенешу удалось, далеко не все он оценил [правильно], далеко не все происходило согласно его представлениям, далеко не всегда он был смелым и готовым на риск политиком»)⁴. Эти мысли В.Клаус развивал в своих выступлениях на многочисленных мероприятиях, посвященных памяти Бенеша и связанных с годовщинами его рождения и смерти, открытием памятников, выставок, музея. Об этом свидетельствуют статьи на сайте В. Клауса. Спор о личности Бенеша, считал он, является «спором не об истории, а спором о настоящем и будущем чешского народа»⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бенеш Э.* Новая славянская политика // Правда. 24 апреля 1944. С. 3–4.

² <http://articles/gourt.com/ru/> Бенеш Эдвард

³ Радиогазета 3 сентября 2008 г. (<http://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/vspominaya-vtorogo-prezidenta-chexoslovakii-edvarda-benешa>).

⁴ www.klaus.cz/clanky/2497

⁵ www.klaus.cz/clanky/1192

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

ИЗ КНИГИ:

Э. БЕНЕШ «ДЕМОКРАТИЯ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА»

Повторяю еще раз, что я – демократ, поскольку считаю идейную, политическую и социальную систему демократии как законченный взгляд на жизнь и мир в нравственном и философском плане самой лучшей из существовавших. Человек, человеческое существо являются для нее абсолютной ценностью и мерой жизни и всего сущего. Именно поэтому я называю развитую политически, социально и экономически демократию гуманной демократией.

Гуманная демократия – это система, которая считает улучшение общества возможным прежде всего через улучшение человека как человеческой личности. Совершенствование общества посредством улучшения и преобразования всякого рода общественных институтов в духе принципов демократии она считает также очень существенным и одинаково важным; однако она не рассматривает ни один институт, ни одно социальное устройство как имеющие абсолютную ценность. Именно человек определяет направление, характер, дух, функции и цель всех институтов. Каждое идейное движение, каждая правительственная система, каждый класс и партия, каждая наука: феодализм, монархический авторитаризм, либерализм, социализм, коммунизм, фашизм создают временные институты, которые они используют, развивают и изменяют, и все эти институты имеют лишь относительную, временную, преходящую ценность. В ходе исторического развития они превращаются в новые, лучшие институты, востребованные новым временем.

Как мы видели, демократия в качестве современной политико-социальной системы осваивает и усваивает ряд практических институтов и учреждений разных господствовавших систем, например, ли-

берализма, реформистского социализма, коммунизма. Она делает это в ходе повседневной практики, опыта, по мере необходимости эволюционным путем, закрывая дверь в прошлое и оставляя ее полностью открытой для будущего. Демократия – эволюционистична. Как нравственный и философский взгляд на жизнь и мир и как система определенных принципов общественной жизни современного человека она имеет, однако, и колоссальную истинную теоретическую ценность; по сравнению с другими политико-социальными системами – это философская и метафизическая система, которая, по моему мнению, наиболее оправданно претендует на то, чтобы считаться верной.

До основания продуманная гуманная демократия в отличие от некоторых других систем по-иному, т.е. откровенно положительно, относится к такому духовному и общественному фактору, каким является религия и понятие Бога. Демократия в силу всей своей сущности, своего спиритуализма и идеализма, своего гуманизма и принципа совершенствования человека вплоть до высшего уровня нравственного идеала, исходящего из представления о божественном совершенстве, наконец, своей полной научной и духовной толерантности должна видеть в религии высшую меру своей идейности, что было бы совместимо с ее остальными принципами. Поэтому демократическая система всегда будет уважать религию, культ и церковь. И особенно христианство как религиозная система в своей идейной и нравственной основе полностью совместимо с демократией.

Демократия, наконец, по-настоящему человечна. Ей ведомы человеческие страдания и слабости, человеческий эгоизм, страсти и эмоции. Однако она есть и должна быть строга по отношению к ним. Но она знает, что никакой общественный строй не является и не может быть совершенным и что идеальное и совершенное общество не существует и недостижимо – именно из-за слабостей людских. Однако она верит в возможность совершенствования человека и видит наивысшую задачу человека и общества в борьбе за это повседневное и постоянное совершенствование, в борьбе за нравственный идеал, в борьбе за сильного, нравственно совершенного человека.

Поэтому демократия по своей сути оптимистична и делает жизнь, несмотря на все человеческие страдания, заслуживающей того, чтобы продолжать жить.

Dr. Edvard Beneš. Demokracie dnes a zítra. Sv. II. Vydal Kruh přátel československé péčí týdeníku «Čechoslovák» v Londýně [1942]. S. 252–254.

Перевод с чешского В. Марьиной.

ЗАВЕЩАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА ОТ 5.05.43

Если со мной что-нибудь случится на пути в Соединенные Штаты, то я поручаю г[осподину] председателю правительства и господину министру иностранных дел:

1. Советую, чтобы вопрос о преемнике президента был до окончания войны решен в соответствии с нашей конституцией.

2. Если бы каким-либо образом он был решен, лично рекомендую назначить [на этот пост] Яна Масарика.

3. Советую ничего не изменять в правительстве и вплоть до конца войны сохранить правительство в существующем составе и в тех же должностях.

4. Советую и прошу, чтобы все сохраняли мою нынешнюю политическую линию вплоть до конца войны и чтобы сохраняли согласие и единство.

5. Я доволен, что мне удалось свести на нет последствия 1938 года и верю в будущее народа и государства. Хранить верность линии Масарика и моей! Тогда все будет хорошо.

Др. Эдвард Бенеш

Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. Příloha č. 1. S. 107.

Перевод с чешского В. Марьиной.

ИЗ СТАТЬИ: Э. БЕНЕШ.
НОВАЯ СЛАВЯНСКАЯ ПОЛИТИКА

[...] Если славяне, борясь против внутренних и внешних фашистов, извлекли достаточные уроки, чтобы создать подлинно демократические режимы, если они предпримут радикальные действия для разрешения внутренних политических, социальных и экономических проблем, они настолько сплотятся, что смогут разрешить конфликты, которые до сих пор разделяли их. Игнорируя прошлое, игнорируя национальный престиж, притязания, прежнее национальное соперничество, они автоматически придут к созданию единой международной политики после войны. Проблема, стоящая перед каждым славянским народом, напоминает проблему, стоящую перед средним

гражданином, который не хочет ничего другого, кроме как разрешения международных и национальных трудностей демократическим путем и мирного сотрудничества с другими славянскими народами. Это не значит, что славянские государства должны отказаться от независимости и создать прочный блок. Наоборот, каждое из них должно вести собственную независимую национальную политическую жизнь с собственными демократическими институтами...

Я думаю, что после войны славянские народы, если они действительно понимают историческое значение происходящих сегодня великих событий, смогут добиться политического и национального освобождения и смогут гарантировать закрепление его с помощью сотрудничества. Такое сотрудничество определит собой новый период их национальной эволюции. Сотрудничество будет соответствовать не только их собственным интересам, но и будет полезно для всей Европы.

Несмотря на жестокую расовую политику, проводимую Гитлером, славянские народы, возглавляемые великим Советским Союзом, должны и будут играть важную роль после войны. Этот новый славизм должен быть отражением двух глубоких идей, выраженных великими представителями славянской культуры – Пушкиным, Тургеневым, Толстым, Горьким, Мицкевичем, Красинским, Палацким и Масариком. Эти концепции заключаются в вере в способность простого человека создать широкую политическую и социальную демократию и веру в гуманную природу человечества. Эти две идеи характеризуют подлинную славянскую проблему и подлинную славянскую политику в будущем».

Статья президента Э. Бенеша. Новая славянская политика // Правда. 24 апреля 1944. С. 3–4.

4

ХАРАКТЕРИСТИКА Э. БЕНЕША,
ПОДГОТОВЛЕННАЯ В. ЗОРИНЫМ*
(IV ЕВРОПЕЙСКИЙ ОТДЕЛ НКВД СССР)

НАКАНУНЕ ПРИЕЗДА ПРЕЗИДЕНТА В СССР (ФЕВРАЛЬ 1945 г.)

Эдуард Бенеш
(Президент Чехословацкой республики)
К его приезду в СССР

Эдуард Бенеш родился 28 мая 1884 года в Козлани (Богемия)** в семье крестьянина. Окончил филологический и социологический

факультеты чешского университета в Праге. Учился в Сорбонне, а затем в Дижонском университете, где и получил степень доктора философии. В 1909 г. он был профессором в Коммерческой Академии в Праге, а в 1912 г. был назначен наставником социологии в пражском университете. В 1914–1915 гг. Бенеш был одним из руководителей антиавстрийской подпольной организации «Мафия», возглавляемой Томашем Масариком. В 1915 г. уехал за границу и вскоре был избран генеральным секретарем Чехословацкого национального совета в Париже, а в 1918 г. после того, как этот совет был признан Англией и Францией в качестве Временного правительства, Бенеш стал министром иностранных дел и оставался на этом посту до 18 декабря 1935 г., когда он был избран президентом Чехословацкой республики.

5 октября 1938 г. после Мюнхенских событий Бенеш ушел в отставку, опубликовав об этом специальное заявление, но после создания в эмиграции Временного чехословацкого правительства и признания его Великобританией 21.07.40 он снова стал президентом.

Являясь крупным буржуазным политическим деятелем и активным проводником идей покойного Масарика, Бенеш всегда выступал за буржуазно-демократический режим в Чехословакии. В своей внешней политике он ориентировался на западные державы и в первую очередь на Францию. Бенеш в течение длительного периода времени активно участвовал в работе Лиги Наций и возглавлял Малую Антанту. До 1933 г. Бенеш выступал против установления официальных дипломатических отношений с СССР, хотя фактические отношения между обеими странами существовали еще с 1921 г. Лишь после прихода Гитлера к власти, когда угроза Чехословакии со стороны фашистской Германии стала очевидной, Бенеш вслед за Францией вступил на путь тесных связей с СССР и принял активное участие в подписании договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и Чехословакией в 1935 г. Бенеш являлся также одним из инициаторов приглашения СССР в Лигу Наций.

Находясь в эмиграции, Бенеш под влиянием английского министра иностранных дел сблизился с польскими эмигрантами в Лондоне и в 1940–1941 гг. проявил инициативу в создании польско-чехословацкой конфедерации, которая по замыслу ее вдохновителей должна была явиться военно-политическим противовесом как против Германии, так и против Советского Союза. После нападения Германии на Советский Союз и восстановления советско-чехословацких отношений, Бенеш обусловил осуществление конфедерации предварительным согласием СССР и других великих держав, а после того, как весной 1943 г. дипломатические отношения между СССР и поль-

ским правительством в Лондоне были прерваны, чехословацкое правительство официально заявило о прекращении переговоров о конфедерации.

С начала 1942 г. Бенеш неоднократно ставил вопрос о своей поездке в СССР для ведения переговоров с советским правительством по основным вопросам советско-чехословацких отношений. Ориентируясь на западные державы, Бенеш прекрасно понимал всю важность установления дружественных отношений между Чехословакией и СССР и огромную роль последнего как в возрождении и обеспечении безопасности Чехословацкой республики, так и в европейских делах в целом. Наконец, 11 декабря 1943 г. Бенеш, после длительных переговоров с англичанами и американцами и некоторых препятствий со стороны последних, прибыл в Москву, а 12 декабря 1943 г. был подписан «Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве» между СССР и Чехословацкой республикой, в подготовке которого Бенеш принимал самое деятельное участие. При его непосредственном участии было заключено и соглашение о взаимоотношениях между чехословацкой администрацией и союзным (советским) Главнокомандующим на освобожденной чехословацкой территории.

За последнее время в связи с вступлением Красной Армии на территорию Карпатской Украины Бенеш встал перед фактом единодушного требования украинского народа о воссоединении с СССР. Ранее он выражал желание не препятствовать этим стремлениям карпатских украинцев. В настоящее время, после некоторых колебаний, он заявил, что этот вопрос может быть урегулирован в духе взаимного понимания между СССР и Чехословакией после возвращения его правительства в Чехословакию, еще до общей мирной конференции.

В связи с образованием Польского временного правительства перед Бенешем встал вопрос о его признании со стороны Чехословакии; однако, зная, что такое признание является желательным для СССР, он довольно продолжительное время не решался на такой шаг, ссылаясь на еще неразрешенный Тешинский вопрос и возражения со стороны англичан, и только перед Крымской конференцией Бенеш, опасаясь, по-видимому, ухудшения своих отношений с СССР, объявил о признании Польского временного правительства Чехословакией.

Бенеш неоднократно заявлял, что проведет реорганизацию существующего кабинета до его переезда в Чехословакию на основе трех политических партий: Народных Социалистов***, Коммунистической и Социал-Демократической, с привлечением некоторых политических деятелей других партий (аграрной, чешской народной

(клерикальной) и др.). В состав правительства Бенеш предполагает включить политических деятелей, находящихся как в эмиграции, так и в Чехословакии. Кроме того, Бенеш намерен привлечь в правительство и представителей Словацкого национального совета, чтобы обеспечить поддержку словаков и парализовать сепаратистские тенденции в их среде.

Следует ожидать, что Бенеш предоставит самые важные министерские посты членам возглавляемой им партии Народных социалистов и близким к нему аграрникам (Рипка, Странский, Славик, Шробар и др.) и в то же время привлечь в правительство коммунистов и социал-демократов с тем, чтобы укрепить положение своего правительства, так как коммунисты и социал-демократы имеют несравненно большее влияние в народе, чем все остальные партии Чехословакии.

Бенеш, безусловно, играл руководящую роль в нынешнем чехословацком правительстве. Он непосредственно осуществляет переговоры с иностранными правительствами в области внешней политики, отводя при этом министру иностранных дел Масарику лишь второстепенную роль. Бенеш является опытным и трезвым политиком, учитывающим изменения в международной обстановке и в соотношении сил отдельных государств. Его приезд в Москву и намеченные им переговоры с советским правительством перед переездом в страну свидетельствуют о его желании согласовать свою дальнейшую политику с Советским Союзом и обеспечить поддержку со стороны последнего для своего реорганизованного правительства.

Зав. IV Европейским отделом (В. Зорин)
(М. Сытенко)

* Валериан Александрович Зорин назначен советским послом в ЧСР перед отъездом Э. Бенеша из Москвы на освобожденную территорию Чехословакии.

** Правильно: в Кожланах (Зап. Чехия).

*** Правильно: национальных социалистов (Национально-социалистическая партия).

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 10. П. 37. Д. 497. Л. 15–19.

ТЕКСТ НЕПРОИЗНЕСЕННОГО РАДИОВЫСТУПЛЕНИЯ
ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ Э. БЕНЕША
24 ФЕВРАЛЯ 1948 г.

Дорогие сограждане!

Как и обещал, я обращаюсь к вам, чтобы изложить свою точку зрения по поводу событий нескольких [последних] дней, которые касаются нас всех.

Из бесчисленного множества обращений, которые вы мне посылаете, я понял тревогу и опасения по поводу внутреннего спокойствия, мира, гражданской терпимости и действительного единства, что так важно для счастливого развития народа и государства.

И я особенно беспокоюсь за то единство и согласие, которое было свойственно народу в период войны и тогда, когда он приступил к строительству своей республики на основе согласованной мирным путем Кошицкой программы.

Путь к социализму, по которому мы пошли, начав ее осуществление, не был насильственно навязан, и мы как раз реализацией этой программы хотели доказать не только себе, но и всему миру, как удобопроеходим может быть путь демократической социализации.

Мир весьма внимательно следил за тем, как нам удастся осуществлять это намерение, и именно мы могли по праву говорить, что пытаемся найти собственное решение, которое соответствует как нашей народной душе, так и национальной истории, и которое может обогатить находящийся в поисках мир своеобразным опытом небольшого, но не самого малого, народа.

В мире о нас говорили, что мы пытаемся на марксистской основе экономической демократии построить политическую демократию Масарика.

Это действительно хорошо отражено как в нашей созидательной программе, так и в ходе ее проведения в жизнь, и зарубежные голоса свидетельствовали, что... мы не боимся учиться у других и, присовокупляя свое, создавать такой синтез, к которому наша душа так счастливо приспособлена и выражением которого стали Кошицкая программа и Национальный фронт.

Кризис последних дней, который разразился в связи с временной отставкой министров трех политических партий Национального фронта, поставил нас перед вопросом, идет ли речь о временном кризисе или следует искать новый путь.

Мы видим, что в этом среди народа нет единства.

Существуют факты, которые показывают, что в народе создаются два конфронтационных лагеря. Моей обязанностью является содействовать тому, чтобы народ не был расколот.

Как президент я считал всегда это своей обязанностью.

Я был против исключения кого-либо из народа, если кто-то не исключил себя из него сам и стоял на почве Национального фронта, о котором мы после счастливой победы над фашизмом и нацизмом братски договорились.

Это согласие позволяет нам спокойной и мирной дорогой идти к новой жизни, едва восстав из могилы, которую оккупанты для нас вырыли и которая была почти засыпана.

Вспомните о немецком плане истребления всего нашего народа!

Мы защитились от него и, так сказать, чудом сохранили свое существование в борьбе, которую мы вели плечо к плечу со своими великими союзниками, только путем согласия и единства.

Должны ли мы сегодня отказаться от сознания жизненной необходимости этого согласия и единства?

Летом прошлого года я говорил на Вацлавской площади:

Никогда не допускайте, чтобы народ в ходе своей политической борьбы раскололся на две непримиримо борющиеся части или половины. От этого нас предостерегали величайшие умы нашей истории. Мы переживали это в труднейшие времена нашей истории после гуситских и тридцатилетней войн. И оба раза это стало тогда началом конца.

Я снова напоминаю об этом сегодня, снова обращаюсь к вашим сердцам.

Вы спрашиваете меня в ваших письмах, как я представляю решение сегодняшнего кризиса?

Вы знаете меня, знаете мое жизненное кредо и мои жизненные усилия в духе этого кредо, знаете и мои конституционные обязанности как президента.

Я вижу решение кризиса лишь на основе парламентской демократии, только путем согласия на базе Национального фронта.

Нет проблемы, которая не могла бы быть решена этим путем. Наш свободно избранный парламент, согласно нашим традициям, представляет собой выражение свободной воли народа.

И если я настаиваю на таком решении, не думайте, дорогие друзья, что за этой позицией конституционного президента кроется какая-то твердолобость бюрократа.

Я провел жизнь в политике и знаю различие между самодурством и принципиальностью. Самодурство – это упрямство. Но поскольку из-

за упрямства ни к чему не придешь, политик на практике должен знать путь компромисса. Принципиальность же компромиссов не допускает.

Принципы нашей демократии впечатаны в закон, а я присягал на законе.

Если не найдется компромиссное решение, буду ли я как конституционный деятель поставлен неуступчивостью ваших двух лагерей пред вопросом, должен ли я или не должен дать согласие на решение кризиса силовым путем, я не откажусь дать вам ответ: с болью признаю свою неудачу.

Речь идет не о лицах, а о деле. Речи нет и о моей личности.

Поэтому снова призываю вас к рассудительности и согласию. Если вы дадите положительный ответ, то я не только по обязанности конституционного президента, но и всем сердцем готов вам помогать.

Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. Příloha č. 3. S. 117–118.

Перевод с чешского В. Марьиной.

6

ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА Э. БЕНЕША С К. ГОТВАЛЬДОМ,
А. ЗАПОТОЦКИМ И В. НОСЕКОМ 25 ФЕВРАЛЯ 1948 г.

Президент республики др. Эдвард Бенеш принял в среду 25 февраля в полдень в 11 часов в присутствии канцлера Яр. Смутного председателя правительства К. Готвальда, министра внутренних дел Вацлава Носека и председателя Центрального совета профсоюзов Антонина Запотоцкого.

Председатель правительства Готвальд передал господину президенту проект реконструкции и дополнения правительства. Напоминаю, сказал он, «что проект составлен так, чтобы в правительстве были представлены все слои народа, и что он был составлен с согласия всех предложенных лиц».

Господин президент ознакомился с проектом и сказал:

Я должен над этим подумать. В любом случае я вас благодарю за то, что это было сделано быстро. Я тоже не стану препятствовать тому, чтобы кризис был разрешен как можно скорее и совершенно ясно.

Вчера я вам изложил свою точку зрения, у вас, господин председатель, были некоторые сомнения. Я это понимаю. Я снова еще раз все обдумал и понимаю, что вы оказались в нелегком положении, точно так же, как и я сам. Таким образом, как я сказал, я все это еще раз подробно рассмотрю и продумаю и поступлю так, чтобы и для вас раз-

решение кризиса стало возможно и облегчено... я хотел бы напомнить лишь то, что хочу, как уже вам говорил, чтобы было найдено парламентское решение, чтобы оно в той или иной форме было санкционировано парламентом. Это никак не означает, что я задерживаю решение вопроса или буду задерживать или что я ищу тот или иной предлог, чтобы отложить решение. Для меня само собой разумеется, что, в конце концов, вопрос должен решить парламент. Сам же я не хочу никоим образом стоять ни на вашем пути, ни на пути парламента.

Председатель правительства Готвальд заметил, что, возможно, существует несколько необычный способ, когда парламент одобряет правительство перед его назначением, и что этот путь кажется ему не очень приемлемым.

Господин президент:

Я вас никак не буду затруднять. Для меня речь идет лишь о том, чтобы я лично мог сохранить – не декорум, это не то слово, – а честную, пристойную позицию, и чтобы возникла ситуация, при которой я мог бы уйти. Но это еще ни о чем не говорит, посмотрим, как пойдет развитие. Я не угрожаю никакой отставкой, но хочу, чтобы события развивались так, чтобы создалась благоприятная для вас и для меня ситуация. И поэтому обо всем этом я хочу еще подумать и поразмышлять. Вас же снова заверяю, что не стану доставлять никаких трудностей ни вам, ни республике. Вы же знаете, что это не в моем характере.

Министр внутренних дел Носек спросил, значит ли это, что слова господина президента означают, что правительство будет представлено парламенту.

Господин президент:

Это разумеется само собой. И снова повторяю, что весь вопрос я хочу хорошо продумать, и поэтому не сообщаю вам никакого окончательного мнения, никакого окончательного решения, но снова уверяю, что вам никаких трудностей доставлять не хочу и не буду.

Председатель правительства Готвальд спросил, когда можно ожидать решение президента.

Господин президент:

Как можно скорее. Но, как я говорю, я должен вопрос продумать, и обдумать последствия принятия решения, последствия, которые могут быть хорошими и плохими.

Министр внутренних дел Носек заметил, что было бы хорошо, чтобы господин президент не затягивал принятие решения.

Господин президент:

Я тоже это понимаю, знаю, что это означает, но поймите, что вопрос я должен обдумать.

Председатель правительства Готвальд:

Мы были бы только рады, чтобы это произошло как можно быстрее. Мы убеждены, что тем самым все трудности, которые возникли не по нашей вине, как господин президент сам хорошо знает, будут преодолены.

Господин президент:

Я не буду это никоим образом затягивать, все это явствует о кризисе, кризис не может затягиваться и должен быть разрешен как можно быстрее.

На прямой вопрос председателя Готвальда, намерен ли господин президент принять решение еще сегодня, господин президент сказал:

Да, в любом случае вы получите мой ответ еще сегодня.

Далее он сказал:

Я готов к дальнейшему развитию, думаю о дальней перспективе. Я хорошо понимаю серьезность нынешнего кризиса... Мое отношение с вами, сказал далее президент, все время было совершенно безупречным, между нами не возникало никакой недоговоренности. Я благодарю вас за это, очень это ценю, но все же должен ваши предложения обдумать.

Председатель правительства Готвальд:

Мы не виноваты в кризисе, но коль кризис возник, у нас есть обязанности, мы вместе с вами ответственны за республику, за то, чтобы причины кризиса были устранены, чтобы кризис через год или полгода не мог повториться снова.

Господин президент потом снова повторил, что ни при каких обстоятельствах не станет препятствием и что до сих пор отношения между президентом и коммунистической партией были хорошими и что до самого конца эти отношения сохранились.

Председатель правительства затем добавил, что эти отношения сохранятся и в будущем.

Надеюсь, ответил президент, что это так и будет.

Я смотрю на все это без капли личного, продолжал президент республики, и независимо от кого-либо, и поэтому должен всё это хорошо продумать, чтобы не совершить ошибки ни в отношении вас, ни в отношении народа в целом. Я знаю, что произошло, и стараюсь предвидеть все возможные последствия этого, и не только те, которые уже имеются, но и те, которые могли бы наступить. И я обязан подумать об этом. Я не смею совершать ошибку, повторяю, ни по отношению к вам, ни по отношению к народу как целому. Я вижу конфликт. Не хочу вдаваться в подробности о том, что его вызвало, но это – конфликт: я совершенно открыто об этом говорю, и свое решение совершенно открыто объявляю.

Председатель депутат Запотоцкий просил господина президента, чтобы тот положительно отнесся к предложениям председателя правительства. Нам тоже неприятно, сказал он, что мы оказались в такой ситуации и что в такую ситуацию попали вы, господин президент. Неоднократно здесь мы об этих вещах говорили и сделали все, чтобы сохранить спокойствие, особенно в производстве. После каждой мировой войны возникает много недовольства, радикализма. И мы всегда опасались того, чтобы у нас этого не случилось, потому что достаточно камушка, чтобы вызвать лавину. Нам этого не нужно, нам нужен мир и порядок. А чем дальше продлится кризис, тем больше будет расти радикализм. И этой лавине человек не может противостоять, поскольку, если не уйдет, будет сметен. Далее он обратил внимание на то, что все акции, которые до сих пор имели место, прошли совершенно спокойно, но нет уверенности в том, что это спокойствие сохранится и в дальнейшем и упомянул о возможности генеральной забастовки.

Господин президент:

Создам вам возможность все касающееся кризиса решить быстро, чтобы вы вернулись к спокойным и нормальным отношениям. Некоторые шаги я уже предпринял.

Я смотрю на все спокойно, сказал президент далее, но не хочу ничего от вас утаивать, это для меня само собой разумеется. Я благодарю вас за то, что пришли, и далее всегда буду в вашем распоряжении, если бы снова пришлось говорить о деле. В этом смысле я говорю, что можете прийти когда угодно, и если бы мне когда-нибудь что-либо было нужно от вас, я попросил бы, чтобы вы пришли для разговора со мной. Что может произойти, я не знаю, не знаете этого и вы.

Председатель правительства Готвальд:

Последствия наших предложений могут быть только хорошими.

Господин президент:

Посмотрим. И вам я желал бы лишь этого.

Благодарю вас, господа, за визит, и желаю всего доброго.

Председатель депутат Запотоцкий, уходя, еще сказал, что от дальнейших трудностей господин президент будет очевидно уже избавлен.

За точность записи:
серж. Фюгелова, в.г.

Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. Příloha č. 4. S. 119–122.

Перевод с чешского В. Марьиной.

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ ПРЕЗИДЕНТА БЕНЕША
С ДЕЛЕГАЦИЕЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ АРМИИ 27 ФЕВРАЛЯ 1948 г.

27 февраля в 11 часов 20 минут господин президент республики принял представителей армии: министра национальной обороны ген. армии Л. Свободу, начальника Генерального штаба ген. арм. Б. Боcheка, начальника Военной канцелярии президента республики ген. арм. А. Гасала и командующего 1. округом ген. арм. К. Клапалека. Министр национальной обороны обратился к господину президенту и сделал взволнованным голосом заявление от армии:

«Господин президент, разрешите в этот важный момент сердечно приветствовать вас как главнокомандующего армии и заверить, что армия выступает за вас, верна вам и полностью предана. Мы узнали, господин президент, что вы намереваетесь оставить президентский пост. Если эта информация верна, то мы просим вас, господин президент, от своего имени и от имени армии не уходить в отставку и остаться. Мы считаем не только своей обязанностью, но и своим правом, господин президент, как старые солдаты, которые стояли у колыбели государства и сражались за него во время первого и второго сопротивления, передать эту просьбу от имени армии и от своего имени. Мы убеждены, господин президент, что с этим согласится весь народ, поскольку кроме вас в этом народе нет другой объединяющей силы, которая нам так необходима в это время; и поэтому еще раз просим вас, господин президент, остаться со своим народом и не покидать его».

После зачтения послания господин президент республики поблагодарил и предложил представителям армии сесть. Министр национальной обороны обратился к господину президенту с вопросом о том, как он оценивает ситуацию. Господин президент оценил ситуацию как серьезную и буквально подчеркнул, что по вопросу отставки министров трех партий никто с ним не говорил, никто с ним не советовался, и, наоборот, что отставкой он сам был удивлен. Он всегда стремился сохранить единство в народе, но то, что случилось, в действительности народ разъединяет. Он вел переговоры о поданной отставке по очереди с подавшими в отставку министрами отдельных партий, изо всех сил стремился привести их к соглашению с коммунистами, привлечь их к дальнейшему сотрудничеству, убеждал их в необходимости сохранить единство в народе. Наконец, ему удалось уговорить их начать переговоры с коммунистической партией. Однако председатель правительства и коммунистическая партия, как это, впрочем, известно и из содержания писем, которыми они обме-

нялись, заупрямились и отказались вообще вести переговоры с партиями подавших в отставку министров. Переговоры затягивались, и, наконец, господин президент, когда давление на него возросло, чтобы воспрепятствовать возможным волнениям, принял отставку ее подавших министров, и поскольку государство должно жить и в нем должен кто-то править, принял предложение председателя правительства о дополнении правительства новыми министрами.

Естественно, что с таким развитием событий, которое, собственно, противоречит всей его жизненной концепции и которое его касается весьма болезненно, когда коммунисты заупрямились и использовали для нажима на президента «пражские улицы», он согласиться не может и поэтому не может остаться на своем посту. Он не может не обращать внимания на то и нести за это ответственность, чтобы людей увольняли с предприятий, из учреждений, выгоняли с работы, арестовывали за их политические убеждения. Никто не может поручиться, что у нас не будет лагерей для интернированных и концентрационных лагерей. В этой ситуации я не могу остаться и твердо решил уйти.

На вопрос министра национальной обороны, какое влияние окажут события у нас на международную ситуацию, президент ответил примерно так:

Международная ситуация очень серьезна, о чем я с вами, впрочем, господин министр, говорил как в Сезимове Усти, так и позднее. Наши события имеют и будут иметь большое влияние на международное положение. Вам, военным, я могу сказать, и только для вас, чтобы вы знали мою точку зрения. Наши события вызовут военный конфликт, которому я хотел воспрепятствовать. Развитие ныне пойдет так, что ему трудно будет противодействовать.

Министр национальной обороны потом опять обратился к господину президенту с просьбой не подавать в отставку и не покидать народ. На это господин президент ответил, что принял решение подать в отставку. Поскольку он был избран парламентом, он подаст прошение об отставке парламенту, который и примет о ней решение. Потом господин президент попрощался со всеми уходящими, которые выглядели весьма взволнованными.

Запись сделал генерал Гасал.

Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. Příloha č. 5. S. 123–124.

Перевод с чешского В. Марьиной.

ИЗ ЗАПИСИ В. КЛЕМЕНТИСА* О РАЗГОВОРЕ
С ПРЕЗИДЕНТОМ Э. БЕНЕШЕМ 4 МАРТА 1948 г.

1. Я информировал его в общих чертах о предстоящих изменениях в дипломатических представительствах и об уже проведенных в МИД; при этом он выразил согласие с тем, чтобы эти изменения по причине срочности проводились с согласия председателя правительства и правительства без предварительного согласования с ним (Бенешем. – В. М.). Конкретно он интересовался только деятельностью комитета действия в посольстве в Москве и тамошним послом...

(Далее Клементис попросил согласия на отправку циркуляра в дипломатические представительства с разъяснением происшедшего и с указанием на то, что «президент осуждает это предательское поведение». – В. М.).

После некоторого колебания президент ответил, что не имеет ничего против того, чтобы я путем циркулярного письма сообщил дипломатическим представительствам о том, что я информировал его об отставках, но возражает, чтобы там было указано, что он осуждает их.

Я ответил, что в этом случае циркулярное письмо нанесло бы вред, поскольку из него делался бы вывод а *contrario*. Действия этих людей находятся в явном противоречии с действиями президента, который, хотя и не согласен, склоняется к поддержке решения, не наносящего вред республике. Если эти посланники были не согласны, они должны были по-тихому приехать на родину и отказаться от своих постов. Они же избрали способ, которым нам намеренно хотят навредить.

Президент согласился, но мотивировал свою точку зрения тем, что он пока не делает никаких заявлений, и что если бы осудил действия этих посланников, то от него могли бы по праву требовать, чтобы он осудил действия некоторых политиков в стране.

Потом я его информировал об откликах на наши события за границей, а также об имеющихся у нас информациях относительно замышляемых против нас западными державами шагов, а также о возможных с нашей стороны контрмерах.

2. После этого я его спросил, как он оценивает ситуацию у нас и что намерен делать.

Он ответил, что пока намерен поправить свое здоровье, поскольку события последних дней его изрядно утомили (Он уже давно не был в таком хорошем состоянии, в каком я нашел его во время нашего разговора).

Пока он следит за развитием событий, отказывается от интервью, о которых постоянно просят его иностранные журналисты, и с удовлетворением наблюдает, что ситуация успокаивается...

После моих сообщений и ответов на конкретные вопросы он несколько раз возвращался к событиям кризисных дней, и снова и снова повторял, что прошениями об отставке он был удивлен.

Я со своей стороны подчеркнул, что даже он может подтвердить, что мы (то есть коммунисты. – В. М.) не являлись инициаторами кризиса, что мы наших партнеров бесчисленное множество раз предупреждали, но когда уже кризис разразился, мы сделали всё, чтобы разрешить его окончательно, то есть без возможности рецидива. Хотя это означало скачок в нашем развитии, но скачок логический, и хорошо, что он был сделан вовремя. Мы использовали эту возможность, чтобы исправить ошибки и устранить недостатки в концепции нашей народной демократии.

Он с большим одобрением отнесся к моим заверениям, что мы не руководствуемся и не будем руководствоваться в своих действиях чувством мести, не считаем нужным никого репрессировать, хотя не можем оставить безнаказанными преступления и тех, которые окончательно связались с иностранными агентами.

Особенно он интересовался судьбой выпущенных на свободу университетских профессоров.

Когда он снова повторил свое удовлетворение успокоением ситуации, я напомнил ему, что существует еще один момент, который мешает стабилизировать обстановку, а именно тот факт, что зарубежная пропаганда настойчиво утверждает, что президент намерен уйти в отставку. В стране распространяются слухи, пересказываются многие детали и т. д.

Президент на это реагировал так:

«Я об этом буду говорить с Готвальдом. Я знаю, что теперь он занят, что предстоит первое заседание правительства и что очевидно готовится правительственное заявление для заедания парламента. Я надеюсь, что он меня потом найдет, и что, как я об этом ему уже лично говорил, я ожидаю его в любое время. Но пока я хотел бы, чтобы вы ему сказали – и формулирую это кратко и ясно, и прошу, чтобы вы это буквально передали ему – следующее:

Во-первых, я никогда не пойду против коммунистов.

Во-вторых, не покину республику без того, чтобы об этом не посоветоваться с правительством.

В-третьих, я никогда не думал, никогда не готовил и никогда бы не участвовал в так называемом третьем сопротивлении, поскольку это означало бы прежде всего идти против Советского Союза, а я

против Советского Союза никогда не шел и не пойду. Иначе это означало бы автоматический союз со всеми врагами нашего народа».

Я ответил ему, что мы от него другой позиции и не ожидали, что все те, кто за границей выступает против нас, автоматически становятся на платформу дюрчанковцев** и должны считаться с возможностью войны, в которой авангардом нападения на Советский Союз, а следовательно и на нас, являлись бы немецкие полки. Я же как раз не верю в непосредственную возможность войны, поскольку американцы еще не проводят военной организации немцев.

Президент с этим выводом согласился и просил, чтобы я доложил ему, если произойдет что-нибудь серьезное.

В.К. (Владимир Клементис. – В. М.)

* Владимир Клементис – министр иностранных дел ЧСР

** Ф. Дюрчанский – министр иностранных дел словацкого правительства в 1939-1940 гг.

Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. Příloha č. 6. S. 125–127.

Перевод с чешского В. Марьиной.

9

ПРОЕКТ ПИСЬМА ОБ ОТСТАВКЕ ПРЕЗИДЕНТА БЕНЕША ОТ 4 МАЯ 1948 г.

Господин председатель,

Законодательному Национальному собранию предстоит одобрить новую конституцию. Я внимательно изучил проект этой конституции и следил также за ходом ее обсуждения; мне ясно, что конституция будет принята Национальным собранием.

Я всегда был и остаюсь демократом и социалистом. Я согласен со статьями конституции, которые могут быть новой основой экономического строительства государства и социалистического будущего жизни нашего национального общества. Однако констатирую, что содержание некоторых статей конституции таково, что моя совесть и мои представления о демократии и мое понимание человеческих и гражданских прав не позволяют мне полностью согласиться с ними.

Не желая создать ситуацию, которая сложилась бы, если бы я как конституционный президент республики не мог подписать закон о кон-

ституции, я принял решение вернуть Законодательному Национальному собранию кресло президента, которое мне была предоставлена честь занять в результате единогласного голосования 31 мая 1946 г. (ошибка: 19 июня 1946 г. – В. М.). Данным письмом я это делаю.

Во время февральских событий я принял решение, совершенно свободно в результате собственных размышлений, остаться на своем посту, хотя я совершенно не был согласен с методами, которые тогда были использованы. В конфликте мнений, партий и лиц я хотел воспрепятствовать расколу народа и борьбе между его составными частями. Оставаясь на посту, я следил за дальнейшим развитием, нацеленным на ускоренную социализацию, и готов помогать ее осуществлению всюду, где бы это развитие в принципиальных вопросах не расходилось с моей совестью и моим мировоззрением.

Я ухожу с поста президента республики, и как ее простой гражданин буду выполнять свои обязанности. Международная ситуация все еще тяжелая, мир не залечил глубокие раны последней войны, мирное время не наступило, и горизонт затянут тучами.

Благодарю Законодательное Национальное собрание за его доверие, благодарю за доверие и любовь людей, которые всегда для меня были огромной поддержкой и которые я стремился никогда не обмануть. Я желаю всем своим дорогим согражданам, их ответственным представителям и их правительству, чтобы республика была избавлена от всех потрясений, чтобы все жили и трудились во взаимной терпимости, любви и прощении, желали свободы и свободой сознательно пользовались.

Ваш Др. Э. Б.

Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. Příloha č. 9. S. 134.

Перевод с чешского В. Марьиной.

10

ПИСЬМО ЛЮДВИКА СВОБОДЫ Э. БЕНЕШУ ПО СЛУЧАЮ
ЕГО 64-ЛЕТИЯ 28 МАЯ 1948 Г.

Господин президент,

глубоко сожалею, что мне не было позволено, как до сего времени это обычно происходило, лично поздравить Вас в день Вашего рождения от имени чехословацких вооруженных сил.

Поэтому я прибегаю к этому способу, чтобы от имени всей чехословацкой армии самым сердечным образом поздравить Вас и выразить наилучшие пожелания. Армия относится к Вам с любовью и признательностью и благодарит Вас за все, что Вы сделали для нее и для республики. Армия видит в Вас не только своего верховного главнокомандующего, но и одного из своих создателей, друзей, верного представителя духовного и государственно-политического заветования Масарика и вообще первого солдата республики. Она идет с Вами, абсолютно Вам предана и искренне Вас любит. Вы можете на нее всегда и во всем положиться.

Позвольте мне, господин президент, от себя лично особенно в этом году в день Вашего рождения выразить Вам глубокое уважение и искреннюю благодарность за поддержку и доверие, которые Вы мне в выполнении моих функций неизменно оказывали. Сердечно желаю Вам от всех наших вооруженных сил и от себя лично крепкого здоровья, сил и душевного спокойствия.

Ваш ген. Л. Свобода

Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. Příloha č. 12. S. 147.

Перевод с чешского В. Марьиной.

11

ПИСЬМО ПРЕЗИДЕНТА БЕНЕША ОБ ОТСТАВКЕ ОТ 7 ИЮНЯ 1948 г.

Господин председатель правительства,

4 мая с. г. я сообщил Вам о своем окончательном решении подать в отставку с поста президента. Тогда мы обсудили это мое решение в связи со всей политической ситуацией. Я сказал Вам также, что и врачи мне тоже рекомендуют обратить внимание на свое нынешнее состояние здоровья.

Ссылаясь на этот наш разговор, прошу Вас сообщить Национальному собранию о моем решении и попросить его, чтобы оно любезно приняло к сведению мою отставку с ответственного поста, на который я был единогласно избран 19 июня 1946 года. Благодарю его за доверие, благодарю за доверие и любовь народа, которые для меня всегда были огромной поддержкой и которые я стремился не обмануть.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Желаю всем своим дорогим согражданам, их ответственным представителям и их правительству, чтобы республика была ограждена от всех бед, чтобы все жили и трудились в терпимости, любви и взаимопрощении, чтобы добивались свободы и свободой сознательно пользовались.

Верю в добрый гений нашего народа и верю в прекрасное будущее нашей дорогой республики.

Ваш Др. Эдвард Бенеш v.r.

Kaplan K. Poslední rok prezidenta. Edvard Beneš v roce 1948. Praha, 1993. Příloha č. 13. S. 148.

Перевод с чешского В. Марьиной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВП РФ	Архив внешней политики Российской Федерации
ВКП(б)	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНС	Временное Национальное собрание
ВПП	Временное польское правительство
ДМИСЧО	Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений
ДП	Демократическая партия
ЗНС	Законодательное Национальное собрание
ИККИ	Исполнительный комитет Коминтерна
КГБ	Комитет государственной безопасности
КД	Комитет действия
КПС	Коммунистическая партия Словакии
КПСС	Коммунистическая партия Советского Союза
КПЧ	Коммунистическая партия Чехословакии
КУ	Корпус уполномоченных
ЛН	Лига Наций
МВД	Министерство внутренних дел
МИД	Министерство иностранных дел
НАТО	Североатлантический пакт
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел
НК	Национальный комитет
НКИД	Народный комиссариат иностранных дел
НС	Национальное собрание
НФ	Национальный фронт
ОВП	Отдел внешней политики
ОМИ	Отдел международной информации
ПКНО	Польский комитет национального освобождения
ПР	Подкарпатская Русь

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории
РКП(б)	Российская коммунистическая партия (большевиков)
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СДП	Социал-демократическая партия
СНС	Словацкий национальный совет
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
США	Соединенные Штаты Америки
УССР	Украинская Советская Социалистическая Республика
ФО	Форин Офис
ЦИК	Центральный исполнительный комитет
ЦК	Центральный комитет
ЧНК	Чехословацкий национальный комитет
ЧНС	Чехословацкий национальный совет
ЧНСП	Чехословацкая национально-социалистическая партия
ЧПК	Чехословацко-польская конфедерация
ЧСНС	Чехословацкий национальный совет
ЧСР	Чехословацкая республика
ČPJVK	Československo-polská jednání o vytvoření kofederace 1939–1944
ČSVDJ	Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945
DNČP	Dokumenty z historie československé politiky
SNPD	Slovenské národné povstanie. Dokumenty

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А**
Авенол Джозеф
263
Айзенлор Эрнст
138, 200
Александровский
Сергей Сергеевич
106, 108, 109, 110,
111, 116, 119, 135,
136, 145, 148, 152,
156, 157, 162, 163,
172, 174, 175, 177,
188, 189, 190, 208,
224, 225, 232, 240,
244
Андерс Владыслав
340
Андрич Иво
254
Антонеску Виктор
179
Антонов-Овсеенко
Владимир
Александрович
93, 94
Астахов Г.А.
172, 187
Б
Бареш Густав
432
Барту Луи
105, 106, 107, 110,
116
Батлер
290
Бек Юзеф
251, 252, 259
Бенеш Богуш
258, 261
Бенеш Вацлав
21, 22, 23
Бенеш Войта
21, 22, 23, 24, 25,
27
Бенеш Матей
20, 21, 22
Бенеш Эдвард
6–99, 101–168,
171–181, 185–195,
198–216, 219–233,
235–236, 240–245,
250–253, 258–389,
391–451, 453–476
Бенешова Анна
21
Бенешова Гана
28, 34, 49, 50, 67,
82, 83, 425, 433,
435, 437, 439, 450
Бензони Джулиана
53, 54
Беран Йозеф
437, 443
Беран Рудольф
123, 125, 127, 129,
133
Бернштейн Эдуард
27
Бетлен Иштван
94
Бехине Рудорльф
69
Бисмарк фон Отто
107
Блага С.
216
Блюм Леон
159, 160, 179, 206
Бломберг фон Вернер
Эдуард
177
Бобраков-Гимошкин
Александр
46, 83
Богомоллов Александр
Ефремович
315, 326, 327, 330,
333, 335, 337, 339,

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 340, 345, 346, 347,
350, 351, 352, 365
- Боденшатц
202
- Болдуин Стэнли
89
- Бонне Жорж
195, 203, 204, 206,
207, 236, 252
- Боучек Вацлав
189
- Бочек Богумил
120, 416, 426, 465
- Бриан Аристид
92, 95, 99
- Брод Томан
17
- Буллит Уильям
Христиан
139, 195
- Буркхард Якоб Христоф
83
- Вавречка Гуго**
230
- Вайцзеккер фон
Эрнст
229, 230
- Валента Ярослав
35
- Вальков В.А.
342
- Виест Рудольф
272, 275
- Вильсон Вудро
61
- Виттих (Виттиг) Карл
Рихард
171, 180
- Влчкова Анна (Гана)
28
- Войцеховский Сергей
Николаевич
221, 226
- Волокитина Татьяна
Викторовна
430
- Ворошилов Климент
Ефремович
112, 168, 190, 241,
242, 355
- Враны Йозеф
129
- Врбенский Богумил
354
- Вышинский Андрей
Януарьевич
312, 313, 323, 326,
333, 381
- Габсбурги**
30, 32, 34, 41, 63,
77, 141, 143, 148
- Гавличек
361
- Гала Франтишек
413
- Галифакс Эдуард
176, 183, 193, 201,
214, 219, 220, 270,
273, 281, 284, 285,
286
- Гамарник Яков Бори-
сович
174
- Гамильтон Фиш Арм-
стронг
265
- Гампл Антонин
121, 132
- Гарриг Шарлота
32
- Гасал (Нижборский)
Антонин
354, 372, 413,
415, 426, 438, 465,
466
- Гаунер М.
254
- Гаусгофер Альбрехт
145, 147, 148, 150,
158, 159, 161
- Гаха Эмил
231, 262, 285, 286,
300, 321
- Гачинс Роберт
261
- Гашпарикова Анна
125
- Гebbeльс Йозеф
143, 146, 158, 159,
178, 202, 204
- Гейдрих Арношт
229, 230
- Гейдрих Рихард
321, 387
- Гендерсон Невилл
183
- Геннер, проф.
429, 440
- Генлейн Конрад
123, 143, 144, 145,
162, 176, 182, 187,
191, 193, 202, 203,
205
- Генцке Андор
224
- Геринг Герман
116, 154, 157, 158,
178, 184, 200, 202,
229, 255
- Гесс Рудольф
158, 202

- Гиммлер Генрих
191
- Гинденбург фон Пауль
90, 94
- Гирса Вацлав
165, 166
- Гитлер Адольф
13, 100, 103, 105,
108, 121, 122, 123,
137, 138, 140, 143,
144, 145, 146, 147,
148, 149, 150, 151,
152, 153, 158, 159,
160, 161, 162, 166,
169, 170, 173, 176,
177, 178, 182, 183,
184, 186, 187, 190,
191, 193, 198, 200,
202, 204, 205, 206,
207, 210, 211, 213,
214, 215, 216, 219,
220, 221, 223, 228,
229, 230, 231, 235,
236, 244, 245, 247,
248, 249, 251, 255,
259, 261, 262, 271,
295, 297, 300, 304,
313, 456
- Глинка Андрей
114, 120, 123, 124,
129, 130, 132, 133
- Глоух Йозеф
443
- Гобино Йозеф Артур
83
- Годжа Милан
51, 82, 120, 125,
126, 127, 128, 129,
130, 131, 133, 135,
136, 156, 157, 164,
178, 212, 274
- Горак Йозеф
438
- Горький Максим
455
- Готвальд Клемент
118, 131, 152,
153, 227, 359,
360, 384, 394,
403, 405, 407,
412, 413, 414, 415,
417, 418, 420, 421,
422, 423, 426, 427,
428, 431, 432, 433,
434, 435, 436, 437,
438, 439, 441, 443,
461, 462, 463,
464, 468
- Громыко Андрей Ан-
дреевич
348, 349
- Гундоров Александр
Семенович
389
- Гурбан Владмир
86, 237, 263, 475,
280, 284, 307, 347,
348
- Гурбан-Ваянский
Светозар
361
- Гус Ян
215
- Гусак Густав
404, 406, 413, 421,
437
- Гусарек Карел
225, 226, 229, 230
- Гусева А.Ю.
98
- Гынек, проф.
429
- Давид Йозеф
426, 436
- Даладьё Эдуард
167, 171, 180, 184, 195,
198, 206, 207, 213,
215, 219, 220, 223, 235,
236, 263, 267, 272,
273, 274, 284, 304
- Дальтон Эдуард
290
- Дауэс Чарльз
87, 97, 100
- Дашичев В.И.
181
- Деак Ладислав
256
- Деймек Йиндржих
9, 17, 167, 232, 233
- Деканозов Владимир
Георгиевич
392
- Делакруа Виктор
Леопольд
188, 207, 252
- Дельбос Ивон
176
- Дени Эрнест
35, 37
- Деникин Антон
Иванович
57
- Димитров Георги
322, 359, 360
- Диллон, профессор
62
- Драбек Ярослав
260
- Дртина Прокоп
224, 228, 380
- Дубчек Александр
16

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Дюрих Йозеф
34, 36, 39, 40, 42
- Дюрчанский Фердинанд
469
- Ежов Николай Иванович**
168
- Жданов Александр Андреевич**
355
- Задина Йозеф**
125
- Залеский А.
321
- Запотоцкий Антонин
416, 418, 437, 441, 442, 443, 464
- Земан Збынек
7, 26, 28, 36, 44, 53, 64, 67, 70, 74, 85, 88, 99, 111, 119, 120, 121, 125, 128, 133, 226, 298, 439
- Зенкл Петр
392
- Золя Эмиль
23
- Зорин Валериан Александрович
339, 378, 381, 386, 419, 420, 424, 448, 455, 458
- Иден Антонио**
109, 159, 160, 179, 183, 267, 284, 299, 308, 309, 316, 317,
- 319, 320, 324, 334, 335, 338, 339, 342, 345, 349, 350, 353
- Имреди Бела
247, 248, 249
- Ингр Сергей
272
- Йелинек**
437
- Йина Ян
224, 438
- Йон Олдржих
436, 443
- Каганович Лазарь Моисеевич**
168
- Кадоган Александр
232, 281, 282, 319
- Калинин Михаил Иванович
112, 311, 313, 354, 355
- Калла Ян
292
- Каня Калман
247
- Каплан Карел
7, 8, 396, 413, 419, 435
- Карагеоргиевич Александр
106
- Карлей М.Дж.
246, 256
- Кароль II
117, 140, 141, 255
- Кассин, проф.
274
- Кафка Ф.
47
- Келлог Ф.
95, 98, 99
- Керзон Джордж Натаниел
89, 290, 349
- Клапалек Карел
416, 465
- Клаус Вацлав
450, 451
- Клеванский Александр Харитонович
47
- Клемансо Жорж
61, 62
- Клементис Владимир
384, 422, 430, 437, 467, 469
- Клерк Дж.
88, 94, 149
- Клецанда Владимир
88
- Климек Антонин
15, 17
- Клингер Оскар
299, 348, 428, 429, 437
- Клофач Вацлав
31, 43, 49, 122
- Кобр Милош
139, 188, 247, 248, 249, 255
- Козырев Сергей П.
333
- Коллар Ян
32, 361
- Колчак Александр Васильевич
56, 57
- Комнен Николае Петреску
253, 254, 255

- Копецкий Вацлав
359, 427, 432, 443
- Корнейчук Александр
Евдокимович
354, 355, 360, 362
- Крал Вацлав
13
- Крамарж Карел
30, 31, 33, 35, 43,
48, 49, 54, 56, 57,
58, 66, 69, 71, 72,
73, 74, 82, 93, 114,
119, 128, 139
- Красин Леонид Бори-
сович
77
- Красинский
455
- Кратки И.
411
- Краузе Ярослав
354
- Крейчи Людвик
147, 211, 215, 221,
225, 230, 251
- Кржен Ян
14
- Крофта Камил
86, 104, 116, 127,
128, 133, 136, 137,
140, 147, 152, 154,
157, 160, 162, 168,
169, 174, 175, 176,
179, 185, 186, 188,
211, 213, 214, 219,
224, 225, 227, 232,
240, 244, 248, 249,
250, 231, 252, 253,
254
- Крупка Милош
253, 255
- Куклик Ян
17
- Кулондр Роберт
- Кульков Е.Н.
322
- Лаваль Пьер**
107, 108, 114, 115
- Лаурин
174, 175
- Лаушман Богумил
414
- Лвова Мария
14
- Леже Алекс
252
- Лебедев Виктор
Захарович
356, 362, 365, 370,
373
- Ленин Владимир
Ильич
76, 104, 118
- Леттрих Йозеф
404, 421
- Липа Ян
254, 255
- Лисицкий Карел
263, 268
- Литвинов Максим
Максимович
106, 110, 111, 112,
117, 137, 148, 152,
156, 172, 174, 178,
179, 185, 190, 235,
240, 246, 254, 263,
313, 316
- Ллойд Джордж Давид
61, 78, 80
- Ловенштейн Карел
114
- Лозовский Соломон
Абрамович
340
- Локкарт Брюс
13, 267, 308
- Лужа Войтех Борис
221
- Майский Иван**
Михайлович
162, 167, 201, 220,
232, 269, 271, 275,
279, 291, 292, 293,
294, 298, 301, 304,
305, 306, 307, 308,
309, 311, 314, 315,
322, 324, 327, 333,
335, 337, 369
- Макдональд Джеймс
Рамсей
87
- Макиавелли Николо
ди Бернандо
10, 11
- Макино
61
- Макса Прокоп
285
- Малипетр Ян
120, 123, 125, 126,
133
- Мандель Жорж
275
- Маршалл Джордж
407, 424
- Марьина Валентина
Владимировна
217, 277, 278, 279,
301, 322, 343, 366,
367, 388, 389, 409,
410, 411, 453, 454,

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 461, 464, 466, 469,
470, 471, 472
- Масарик Томаш Гарриг
8, 11, 12, 22, 23, 24,
26, 28, 30, 31, 32,
33, 34, 35, 36, 37,
38, 40, 41, 42, 43,
44, 45, 46, 49, 53,
54, 55, 57, 58, 59,
61, 62, 63, 64, 66,
67, 68, 70, 71, 73,
75, 76, 77, 79, 80,
81, 83, 86, 88, 91,
93, 95, 96, 107, 118,
119, 120, 121, 122,
123, 125, 126, 127,
128, 129, 131, 132,
136, 145, 215, 281,
348, 392, 430, 439,
442, 445, 446, 455,
456, 459, 471
- Масарик Ян
67, 123, 125, 137,
146, 162, 163, 183,
186, 193, 201, 206,
214, 215, 219, 258,
260, 262, 277, 290,
307, 308, 340, 342,
345, 348, 349, 350,
353, 379, 381, 385,
408, 417, 421, 423,
426, 454, 458
- Масарикова Алиса
67, 123, 125
- Масаржик Губерт
223
- Мастны Войтех
127, 138, 143, 144,
145, 146, 147, 149,
157, 158, 159, 161,
172, 173, 174, 178,
- 179, 183, 186, 191,
194, 200, 223, 229,
230
- Машталко О.
442
- Мекснер (Мейсснер
Отто?)
118
- Мережковский Дми-
трий Сергеевич
83
- Мессершмит Джорж
С.
237
- Меттерних Клеменс
195
- Миколайчик Станислав
356
- Милюков Павел Нико-
лаевич
42
- Миронов Н.
180
- Михай, принц
141
- Мицкевич Адам
455
- Молотов Вячеслав
Михайлович
109, 112, 113, 190,
239, 243, 296, 297,
304, 311, 313, 317,
319, 329, 332, 333,
334, 335, 336, 337,
338, 339, 347, 350,
353, 354, 355, 356,
357, 358, 359, 362,
363, 369, 370, 377,
381, 382, 385, 420
- Молочков Ф.
311, 312, 313
- Моравец Франтишек
280, 346
- Моргентау Генри
348
- Мостовенко П.Н.
72
- Мосьицкий Игнаци
251
- Мурашко Галина Павловна
410, 430
- Муссолини Бенито
101, 102, 104, 124,
137, 198, 220
- Мягков М.О.
322
- Н**аринский Михаил
Матвеевич
407, 411
- Наумов А.О.
138, 153, 154
- Неедлы Зденек
354
- Нейрат фон Константин
138, 158, 161, 183
- Немечек Ян
17
- Немец Богумил
125, 130, 131, 133
- Немец Франтишек
371, 373, 376, 377
- Нетик
244
- Нечас Ян
206
- Нижборский (Гасал)
Антонин
354, 372, 413, 415,
426, 438, 465, 466
- Николае, принц
141

- Николс Филипп Б.
332, 352
- Новиков Николай Васильевич
315, 316, 326, 328, 338, 340, 343
- Новомеский Лацо
437
- Носек Вацлав
412, 415, 418, 426, 428, 461, 462
- Носкова Альбина Федоровна
430
- Ноэль Леон
280
- Ньютон Базиль
176, 186, 188, 190, 202, 207, 213, 214, 251, 252
- О**ливова Вера
231, 450
- Орландо Витторио Эмануэль
61
- Орлов П.Д.
354
- Островский М.С.
142
- Осуски Штефан
86, 110, 133, 144, 170, 206, 213, 252, 263, 272, 273, 274, 279
- П**авел, принц-регент
110, 140, 141, 142
- Павлу Богдан
107, 116, 139, 147, 157, 168, 180
- Палацкий Франтишек
361, 455
- Палковский К.Б.
275
- Панфилов А.П.
325
- Папанек Ян
264
- Папэ Казимир
252
- Паттон Джордж
387
- Пекарж Йозеф
130
- Пероутка Фердинанд
27, 62, 69, 121
- Петерс Густав
131
- Петреску-Комнен Николае
254
- Пиано Г.
Пика Гелиодор
306, 315, 321, 354, 372, 383
- Пилсудский Юзеф
93, 104, 109
- Подцероб Б.Ф.
385, 386
- Покивайлова Татьяна Андреевна
430
- Поссе-Браздова Амелие
439, 440
- Потемкин Владимир Петрович
110, 163, 171, 180, 244
- Пражак Альберт
427
- Прайсс Ярослав
130
- Прохазка Й.
422, 428
- Прхала Лев
221
- Пуанкаре Раймон
78
- Пушкин Александр Сергеевич
158, 455
- Пфафф Иван
167, 179, 254
- Р**атенау Вальтер
81
- Рачиньский Эдвард
275, 333, 336
- Рашин Алоис
33, 34, 43, 69, 91
- Рашин Ладислав
16, 228
- Рейно Поль
274, 284, 285
- Рейхман
50
- Ренсимен Вальтер
201, 202, 203, 207
- Ржешевский Олег Александрович
256, 319, 322, 324, 343, 344, 388
- Риббентроп фон Йоахим
145, 158, 202, 230, 239
- Ригер Франтишек Ладислав
361
- Рипка Губерт
259, 264, 272, 273, 275, 277, 287, 294, 319, 326, 329, 333,

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- 334, 335, 338, 339,
342, 370, 379, 458
Розенберг Альфред
146, 159
Роллан Ромен
83
Ротштейн Александр
293
Роше Альфред
131
Руденко Р.
180
Рузвельт Франклин
Делано
235, 236, 263, 265,
266, 267, 310,
314, 348, 349,
350, 364
Савинков Борис
76
Сватковский Всево-
лод Павлович
31, 39
Свобода Людвик
16, 325, 385, 412,
416, 417, 426, 465,
470, 471
Семичастный Владимир
Ефимович
180
Серапионова Елена
Павловна
46, 47, 55, 64, 65,
74, 83, 84, 410, 411
Сердюк З.
180
Сидор Карол
130
Сикора В.
413, 419, 422, 429
Сикорский Владыслав
251, 287, 290, 301,
315, 316, 319, 328,
329, 333, 334, 377
Скршиньский Алек-
сандр
92
Славик Юрай
130, 249, 251, 253,
269, 273, 458
Сланский Рудольф
359, 408, 420, 441,
443
Смутны Яромир
10, 11, 228, 241,
244, 267, 268, 269,
270, 287, 288, 297,
299, 303, 304, 305,
307, 308, 309, 337,
348, 354, 355, 356,
366, 413, 417, 422,
425, 426, 427, 431,
432, 433, 434, 435,
438, 450, 461
Соболев
332
Соукуп Франтишек
49
Соукуп Я.
199
Сталин Иосиф Висса-
рионович
109, 112, 113, 114,
167, 168, 169, 170, 172,
178, 179, 180, 181,
190, 238, 239, 241,
242, 243, 271, 304,
311, 312, 313, 316,
317, 319, 324, 330,
334, 339, 343, 344,
349, 353, 355, 356,
358, 359, 361, 362,
363, 364, 371, 381,
382, 383, 385, 386,
394, 407, 423, 438
Станков Н.Н.
84, 97, 98
Стоядинович Милан
166, 179, 253, 254,
255
Странский
458
Стршибрны Йиржи
69
Суриц Яков Захарович
161, 178
Сцелле, проф.
274
Сыровы Бела
120
Сыровы Ян
120, 211, 212, 221,
225, 251
Сытенко М.
458
Сыхрава Лев
34, 37
Таборский Эдуард
299, 348, 354, 361,
406, 438
Тейлор А.
12
Тисо Йозеф
282, 286, 297, 405,
406
Титулеску Николае
113, 141
Толстой Лев Николаевич
455
Томсон Г.
12

- Траутманнсдорф фон
Макс Карл
148, 150, 158, 161,
174
- Тука Войтех
297
- Тургенев Иван Сер-
геевич
455
- Тусар Властимил
59
- Тухачевский Михаил
Николаевич
167, 168, 169, 170,
171, 172, 173, 174,
175, 178, 179
- У**боревич Иероним
Петрович
171
- Удржал Франтишек
96, 130
- Уманский Константин
Александрович
266, 305, 332
- Уотсон Сетон
12
- Уэллс Саммер
263, 348, 349
- Уэлч Феликс
11
- Ф**айфр Ярослав
244
- Фарский О.
153
- Фирлингер Зденек
86, 180, 240, 244,
263, 264, 275, 291,
294, 301, 310, 311,
313, 315, 316, 321,
- 323, 327, 333, 338,
340, 343, 345, 347,
350, 351, 352, 353,
354, 355, 358, 359,
362, 363, 370, 377,
378, 379, 381, 384,
387, 430
- Фланден Пьер Этьен
138
- Фомин Г.И.
354
- Франк Карел Герман
204, 205
- Франке Эмил
121
- Франсуа-Понсе Андре
229
- Фрейд Зигмунд
23
- Фюгелова
464
- Х**валковский Фран-
тишек 245
- Хмела М.
413, 427
- Хорти Миклош
145, 247, 248
- Хоффман К.
171, 180
- Хрущев Никита Сер-
геевич
171
- Хэлл Карделл
235, 236, 348, 359,
364
- Ч**апек Карел
34, 35, 46, 69
- Чатлош Фердинанд
373
- Чемберлен Артур Не-
вилл
140, 141, 176, 183,
198, 201, 203, 206,
207, 213, 216, 219,
220, 223, 224, 235,
236, 248, 251, 259,
263, 265, 267, 269,
304
- Чемберлен Остин
89, 91, 92
- Черны Йозеф
130, 133
- Черчилль Уинстон
171, 267, 268, 271,
278, 284, 285, 286,
293, 294, 295, 303,
304, 308, 314, 322,
324, 334, 338, 341,
343, 344, 346, 347,
350, 353, 364, 379,
380, 446
- Чиано Галлеаццо
166, 245
- Чичаев И.А.
379
- Чичерин Георгий
Васильевич
72, 77, 79, 81
- Ш**амал Пршемысл
33, 126, 132
- Шапошников Борис
Михайлович
244
- Шапров М.С.
185
- Шафарик Павол
Йозеф
- Шахт Ялмар (Hjalmar)
103, 142, 158

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Швегла Антонин
49, 59, 69, 82, 93,
96, 121, 127
- Шверма Ян
359
- Шверник Николай
Михайлович
180
- Шеба Ян
140
- Шевченко Кирилл
Владимирович
62, 65
- Шейнер Й.
33, 34
- Шелепин Александр
Николаевич
180
- Ширер Уильям
143, 154
- Широкий Вильям
384, 437
- Ших Мирослав
34
- Шмераль Богумир
82, 140
- Шмераль Ян
Богумирович
410
- Шмидке Карол
421
- Шолле Зденек
65
- Шотан К.
176
- Шрамак Ян
69, 129, 132,
272, 273, 286,
317
- Шробар Вавро
120, 385, 426, 458
- Штейнгард Л.
436
- Штефаник Милан Ро-
стислав
35, 36, 37, 38, 39,
43, 44, 45, 48, 53,
54, 56, 445
- Штреземан Густав
91, 92
- Шуленбург фон Фридрих
172
- Шуст Йозеф
168, 170
- Щербакова Юлия**
Александровна,
рецензент
- Элиаш Алоиз**
86, 97, 321
- Эманди
148
- Эррио Эдуар
87
- Эстергази Янош
132
- Этли Клемент Ричард
206
- Эчер Богумил
292
- Юнг Рудольф**
100, 101, 115
- Юренив (Кротовский)
Константин Кон-
стантинович
87
- Якир Иона Эммануи-**
лович
177
- Amerling K.
29
- Barnovský Michal
411
- Belda J.
411, 429
- Benčík Antonín
388
- Beneš Edvard
18, 19, 29, 46, 65, 84,
195, 217, 233, 255,
256, 257, 277, 278,
300, 301, 302, 323,
324, 388, 410, 453
- Bouček Miroslav
411, 429
- Brod Toman
19
- Campbell F. Gregori
19
- Čapek Karel
19
- Čechura J.
64
- Deak Ladislav
257
- Deyl Zdenek
411, 429
- Dejmek Jindřich
18, 19, 116
- Ferenčuhová B.
97
- Feriancová A.
97, 98
- Fierlinger Zdenek
279, 323, 364, 365,
366
- Fiala Jan
19
- Foustka Břetislav
29

Gašpariková-Horaková A. 134	Lvova Marie 18	Soukup František 64
Gottwald Klement 410	Malá I. 367	Sychrava Lev 46
Hauner M. 257	Masarik Tomáš Garrig 46, 47, 98	Šedivý Ivan 429
Havlíček František 19	Mastný V. 430	Šetřilová J. 64
Kahánek Ferdinand 134	Neměček Jan 19, 279, 388, 429	Šolc Jiří 277, 300
Kaplan Karel 18, 19, 410, 411, 429, 430, 443, 454, 461, 464, 466, 469, 470, 471, 472	Opat Jaroslav 410	Šolle Zdenek 65
Klimek Antonin 19, 134	Pechaček J. 19	Šramek P. 234
Klimeš M. 19, 367, 411, 429	Peroutka Ferdinand 29	Taborský Eduard 411
Kocian Jiří 429	Posse-Brázdová Amelie 444	Tůma Oldřich 429
Král Vaclav 18	Prečan Vilem 367, 388	Valenta Jaroslav 46
Křen Jan 18, 277, 278, 279, 301	Reichmann Jan 29	Zeman Zbyněk 18, 19, 29, 46, 47, 64, 65, 83, 84, 97, 98, 115, 117, 134, 233, 277, 278, 300, 302, 323, 364, 389, 411, 444
Kuklik Jan 19	Richter Karel 388	
Lesjuk P. 367	Rychlik Jan 410, 411	
	Smetana Vít 257	
	Smutný Jaromir 19	

АННОТАЦИЯ

В. Марьина

Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш:
политик и человек. 1884–1948

Эдварда Бенеш, политик, ученый, дипломат, один из основателей Чехословацкого государства (1918). В течение 30 лет он представлял его интересы сначала в качестве бессменного министра иностранных дел (1918–1935), а затем — президента. Бенеш — политик европейского масштаба. Он активно участвовал в деятельности Лиги Наций и избирался ее председателем. Эмигрировав на Запад после Мюнхена, Бенеш возглавил борьбу за восстановление республики в границах конца 1937 г. В послевоенной Чехословакии он содействовал утверждению строя, называемого им «социализированная демократия». На политическом пути Бенеша были не только блестящие победы, но и сокрушительные поражения. Споры о его личности не утихают до сих пор. В России нет крупных работ, посвященных Бенешу. Настоящая книга — это взгляд российского историка-чехословакиста на видного европейского политика первой половины XX в. Особое внимание уделено отношению Бенеша к России, Советскому Союзу. Работа основана на материалах российских архивов, документах, опубликованных в России (СССР) и Чешской республике (Чехословакии), а также известной автору российской и чешской исторической литературе.

ANNOTATION

Second President of Czechoslovakia Edward Benesh: Politician and Person. 1884–1948

Edward Benesh, politician, scientist, diplomat, one of founders of the Czechoslovak state (1918). Within thirty years it represented its interests at first as the permanent Minister of Foreign Affairs (1918–1935), and then – the president. Benesh – the politician of the European scale. He actively participated in activity of League of the Nations and was elected it the chairman. Having emigrated to the West after Munich, Benesh headed fight for republic restoration in the borders of the end of 1937. In post-war Czechoslovakia he contributed to the statement of the system called by it «the socialized democracy». On Benesh's political way were not only brilliant victories, but also crushing defeats. Disputes on his personality don't cease still. In Russia there are no the large works devoted to Benesh. The present book is a view of the Russian historian, who is engaged in Czechoslovakia, of the prominent European politician of the first half of the XX century. The special attention is paid on Benesh's relation to Russia, the Soviet Union. There is a documentary appendix. Work is based on materials of the Russian archives, the documents published in Russia (USSR) and the Czech republic (Czechoslovakia), and also to the known author to the Russian and Czech historical literature.

Научное издание

В.В. Марьина

**ВТОРОЙ ПРЕЗИДЕНТ ЧЕХОСЛОВАКИИ
ЭДВАРД БЕНЕШ:
ПОЛИТИК И ЧЕЛОВЕК
1884–1948**

Издательство «Индрик»

Корректор
Оригинал-макет *Ю.Е. Рычаловская*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
30,5 п. л. Заказ №